

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

S/9V 3035.2.13

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
БЪЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.

281
13

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

НЫНѢ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ У СТАРОБРЯДЦЕВЪ,

ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ,

АВСТРІЙСКОЙ, ИЛИ БЪЛОКРИНИЦКОЙ

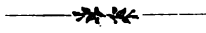
ІЕРАРХІИ.

5-го №8137

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИСЛѢДОВАНІЕ

ВЪСТРА-ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

НИКОЛАЯ СУББОТИНА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСОЪ, НА САДОВОЙ, У ЯЗВСКОЙ ЧАСТИ, ДОМЪ МЕДИЦЕВОЙ.

1874.

49

Slav 3035.2.13

Печатать позволено. Московская Духовная Академия. 13-го Ноября 1872 года.

Цензоръ, профессоръ, протоіерей Филаретъ Сергіевскій.

157/13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга, собственно говоря, есть отдѣльное изданіе одновременно съ нею напечатаннаго перваго тома предпринятой авторомъ полной «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи», — изданіе только лишь нѣсколько измѣненное применительно къ особому назначенію книги — служить сочиненіемъ на соисканіе ученой степени.

Сдѣлать такое отдѣльное изданіе книги съ сейчасъ указанною цѣлю для автора служило достаточнымъ основаніемъ — съ одной стороны цѣльность и законченность ея содержанія, посвященнаго рѣшенію одного опредѣленнаго вопроса, съ другой — значеніе и важность самаго вопроса, подвергнутаго рѣшенію, въ ряду современныхъ историко-полемическихъ вопросовъ о расколѣ. Въ какой степени обладаетъ сочиненіе двумя первыми качествами — представляется судить просвѣщеннымъ читателямъ; а важность и современное значеніе предмета, составляющаго содержаніе книги, едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Учрежденная въ 1846 году самостоятельная раскольническая іерархія въ теченіе 27 лѣтъ своего существованія успѣла широко распространиться и пріобрѣсть большое вліяніе въ старообрядчествѣ. Вопросъ объ этой іерархіи, объ ея правильности или неправильности, законности или незаконности, пріобрѣлъ поэтому первенствующее мѣсто въ современной полемикѣ съ старообрядцами поповскаго согласія. Прослѣдить же строго-исторически, во всей его постепенности, происхожденіе нынѣшней раскольнической іерархіи значитъ именно дать несомнѣнное рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ историческій ходъ, какимъ совершилось учрежденіе сей іерархіи, представляетъ ясныя для каждаго и убѣдительнѣйшія доказательства ея неправильности и незаконности по самому происхожденію, въ самомъ началѣ и первоисточникѣ.

Но могутъ замѣтить, что для ученаго историческаго труда все же было бы лучше избрать предметъ, болѣе способный для ученой обработки, и эпоху, болѣе отдаленную отъ насъ по времени, къ которой историческое изученіе можетъ быть приложено съ большимъ удобствомъ, тогда какъ явленіе столь недавнее и, какъ должно полагать, по самой непродолжительности своего существованія не успѣвшее достаточно выясниться, каково учрежденіе Бѣлокриницкой іерархіи, едва ли можетъ представить достаточно данныхъ для серьезнаго ученаго изслѣдованія.

Предупреждая такого рода возраженія, замѣтимъ прежде всего, что событіе, подвергнутое нами историческому разсмотрѣнію, при всей непродолжительности своего существованія, смѣло можетъ быть отнесено къ числу такихъ, для которыхъ настала уже исторія. Законъ правильнаго, постепеннаго, иногда вѣками совершающагося развитія, которому подлежатъ историческія явленія и учрежденія, возникшія въ силу необходимыхъ потребностей времени и зиждущіяся на твердыхъ незыблемыхъ основахъ, не можетъ быть во всей строгости приложенъ къ такому явленію или учрежденію, какъ новая раскольническая іерархія. Возникнувъ вслѣдствіе случайныхъ и превратно понятыхъ обстоятельствъ, будучи основана на началахъ призрачныхъ и фальшивыхъ, Бѣлокриницкая іерархія, какъ и всѣ подобнаго рода явленія и учрежденія, въ краткое время своего существованія не только успѣла быстротечно достигнуть своей полной зрѣлости и процвѣтанія, но и вполне обнаружить свою совершенную несостоятельность,—успѣла, такъ сказать, состариться и уже показываетъ несомнѣнные признаки внутренняго разложенія. Особенно же первый актъ исторіи этого созданнаго старообрядцами учрежденія,—самое его происхожденіе,—является предъ нами, не смотря на свою близость къ намъ по времени, вполне законченнымъ и представляющимъ всѣ данныя для историческаго изученія.

Вотъ почему вопросъ о происхожденіи Бѣлокриницкой іерархіи, при своей важности въ ряду современныхъ историко-полемическихъ вопросовъ о расколѣ, мы нашли удобнымъ и для научнаго изслѣдованія. Окончательно же убѣдилъ насъ къ тому, чтобы указанный вопросъ избрать для ученой обработки, обильный запасъ доступныхъ намъ матеріаловъ, открывшій именно возможность и средства

для подобнаго труда. Благодаря особенно счастливымъ обстоятельствамъ, о которыхъ говорить здѣсь было бы не у мѣста, въ наше распоряженіе поступили весьма многіе доселѣ совершенно неизвѣстные и большею частію подлинныя документы, относящіеся къ дѣлу объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи, — матеріалы, на основаніи которыхъ, при тщательной критической оцѣнкѣ ихъ и при пособіи другихъ уже болѣе или менѣе извѣстныхъ источниковъ, а также (что было новымъ, особенно благоприятнымъ для насъ обстоятельствомъ) при указаніяхъ и объясненіяхъ нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ непосредственными участниками событій, все это дѣло могло быть изложено съ той полнотою и отчетливостію, и съ той несомнѣнной достовѣрностію, какихъ требуетъ историческая наука; а такое изложеніе само собою приводило къ рѣшенію вопроса о законности или незаконности нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи, — рѣшенію, которое, какъ отвѣтъ правдивой исторіи, всего менѣе можетъ подлежать пререканіямъ.

Усвояя столь важное значеніе источникамъ, по которымъ составленъ настоящій трудъ, находимъ нужнымъ сообщить здѣсь болѣе подробныя и обстоятельныя объ нихъ свѣдѣнія, чтобы читатели могли удобнѣе судить объ ихъ дѣйствительномъ значеніи и о томъ, въ какой степени удовлетворительно воспользовался ими авторъ.

Источники эти можно раздѣлить на два разряда: къ *первому* относятся разнаго рода современные документы по дѣлу объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи, имѣющіе непосредственную связь съ ходомъ этого дѣла и предшествовавшими ему обстоятельствами, ко *второму* — разныя записки, воспоминанія и цѣлыя сочиненія раскольническихъ и православныхъ писателей, составленныя впоследствии, частію въ видѣ попытокъ изложить исторію учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи, частію съ полемическими цѣлями, съ одной стороны въ защиту, съ другой въ порицаніе этого учрежденія.

1. Изъ документовъ перваго разряда одни имѣютъ *официальный*, другіе — *неофициальный* характеръ.

а) Между *официальными* первое и важнѣйшее мѣсто принадлежитъ найденному въ Бѣлокриницкомъ архивѣ довольно полному собранію большею частію подлинныхъ документовъ австрійскаго правительства, начиная отъ нисшихъ инстанцій и до высшихъ, — отъ думе-

ніума до императорской придворной канцеляріи вклучительно. Документы сіи относятся къ дѣламъ: объ основаніи Бѣлой-Криницы и Бѣлокриницкаго монастыря, объ утвержденіи законнымъ порядкомъ существованія этого монастыря и вмѣстѣ о дозволеніи учредить въ немъ старообрядческую архіерейскую кафедрѣ, о признаніи митрополита Амвросія верховнымъ святителемъ липованъ и о назначеніи ему намѣстника. Затѣмъ слѣдуетъ не менѣе полное собраніе документовъ, по тѣмъ же самымъ дѣламъ, составленныхъ и представленныхъ правительству отъ имени липованскихъ обществъ въ Буковинѣ и бѣлокриницкаго монастырскаго братства, или отъ имени уполномоченныхъ ими депутатовъ, — каковы разныя прошенія, промеморіи, рекурсы, показанія слѣдственнымъ комиссіямъ, изложенія религіозныхъ вѣрованій и церковно-богослужебныхъ учреждений, и т. п. Сюда же наконецъ относятся и документы, принадлежащіе къ разряду старообрядческихъ, такъ называемыхъ, церковно-іерархическихъ дѣлъ, и притомъ первые въ этомъ родѣ, — таковы сочиненія, писанныя для митрополита Амвросія во время веденныхъ съ нимъ переговоровъ о поступленіи его въ старообрядчество, и потомъ заключенныя съ нимъ условія, таковы разныя сочиненія по вопросу о способѣ пріятія въ старообрядчество епископа отъ сущихъ въ ереси, писанныя и предлагавшіяся для обсужденія старообрядческимъ обществамъ, таковы соборныя разсужденія о чинопріятіи собственно Амвросія, и дѣло о избраніи и поставленіи ему намѣстника.

б) Къ неофициальнымъ документамъ мы относимъ разныя записки, замѣтки и всю внутреннюю корреспонденцію старообрядцевъ по дѣлу объ учрежденіи архіерейской кафедрѣ въ Бѣлой-Криницѣ. здѣсь наиболѣе важное мѣсто принадлежитъ пространнымъ, наполненнымъ весьма любопытными подробностями, письмамъ инока Павла къ Геронтію и разнымъ близкимъ ему лицамъ (благотріятелямъ и благотворителямъ) въ московскомъ и другихъ старообрядческихъ обществахъ.

Для изложенія фактической стороны дѣла официальные документы, и особенно исходившіе отъ разныхъ инстанцій австрійскаго правительства, какъ само собою понятно, служили для насъ весьма важнымъ и полезнымъ источникомъ. Но при тщательномъ изученіи

этихъ документовъ не трудно было замѣтить, что разныя правительственныя инстанціи съ самаго начала и во все продолженіе дѣла объ учрежденіи архіерейской каедрѣ у австрійскихъ липованъ стали въ неодинаковое къ этому дѣлу отношеніе, что и отражалось постоянно на издававшихся ими распоряженіяхъ. Одно только губернское (во Львовѣ) управленіе держалось постоянно, такъ сказать, на почвѣ законности, — всѣ его рѣшенія по дѣлу о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и липованской архіерейской каедрѣ основаны на точномъ исполненіи существовавшихъ въ имперіи узаконеній и были поэтому не въ пользу липованъ. Напротивъ ближайшія къ Бѣлой-Криницѣ мѣстныя начальства и самъ черновицкій крайзамтъ, вслѣдствіе разныхъ постороннихъ соображеній, въ своихъ собственныхъ видахъ нашли нужнымъ покровительствовать дѣлу объ учрежденіи архіерейской каедрѣ въ Бѣлой-Криницѣ и потому, ради пользы этого дѣла, въ относящихся къ нему официальныхъ распоряженіяхъ не только старались обходить дѣйствовавшія въ государствѣ узаконенія, но и прибѣгали къ разнымъ недобросовѣстнымъ уловкамъ, какъ наприм. истребленію неблагопріятныхъ липованамъ документовъ прежняго времени, ложнымъ справкамъ, и т. п. Наконецъ и высшее австрійское правительство, лица, стоявшія во главѣ администраціи, также по своимъ особеннымъ соображеніямъ, вопреки мнѣнію губернскаго управленія, приняли сторону нисшихъ инстанцій, взяли дѣло о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и объ учрежденіи въ ономъ старообрядческой архіерейской каедрѣ подъ свое покровительство, и, для рѣшенія его въ пользу старообрядцевъ, искусно обошли также дѣйствовавшія въ имперіи узаконенія. Слѣдуя своему всегдашнему обычаю, скоро понявъ и установивъ свои отношенія къ правительству, сами раскольническіе дѣльцы въ своихъ официальныхъ бумагахъ, писанныхъ для правительства, тѣмъ съ большею свободою прибѣгали къ всевозможнымъ не позволительнымъ уловкамъ: изучая ихъ официальные бумаги, прежде всего примѣчаемъ въ нихъ именно это крайне-дерзкое сплетеніе лжи и обмана, выставляемое предъ правительствомъ въ видѣ несомнѣнной дѣйствительности и правды. Разоблаченію этихъ лживыхъ показаній и свидѣтельствъ, равно какъ возстановленію обстоятельствъ дѣла въ ихъ истинномъ видѣ, весьма много способствуютъ неофициальныя бумаги

тѣхъ же самыхъ дѣльцевъ,—вся эта внутренняя корреспонденція старообрядцевъ, гдѣ съ рѣдкой беззащитностью излагаются употреблявшіяся въ отношеніи къ правительству недобросовѣстные уловки, при чемъ однакоже, на основаніи особыхъ, чисто раскольническихъ критеріевъ, усвоется имъ значеніе подвиговъ, достойныхъ высокой похвалы,—ложь и обманъ выставляются какъ дѣйствіе Божія промысла и воздается за нихъ благодареніе Богу.... Такимъ образомъ документы того разряда, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, давали возможность довольно подробно прослѣдить веденный официальнымъ порядкомъ ходъ дѣла объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи, выяснитъ всѣ употреблявшіяся при этомъ интриги и лукавства, имѣющія значеніе для общей характеристики дѣла, выдаваемого старообрядцами за дѣло Божіе и святое, совершенное на пользу и во славу «древлеправославной» церкви,—и поэтому въ нашемъ изслѣдованіи мы отвели значительное мѣсто изложенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла о разрѣшеніи липованамъ основать въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ самостоятельную старообрядческую архіерейскую кафедру.

Затѣмъ официальные и неофициальные документы, относящіеся къ попыткамъ отыскать потребнаго старообрядца митрополитомъ Амвросіемъ, также по вопросу о принятіи въ старообрядчество сущаго въ ереси епископа, съ сохраненіемъ принадлежащаго ему сана, и вчастности по вопросу о чинопріятіи самого Амвросія, представили достаточный матеріалъ для раскрытія съ одной стороны весьма важныхъ подробностей о томъ, какъ увлеченъ былъ Амвросій въ переходу въ расколъ съ званіемъ верховнаго святителя старообрядцевъ, съ другой не менѣе важныхъ для правильного сужденія о достоинствѣ нынѣшней старообрядческой іерархіи — мнимо догматическихъ и каноническихъ основаній, пріисканныхъ старообрядцами для своей новоизмышленной іерархіи. Понятно, что изложенію тѣхъ и другихъ, по самому существу дѣла, мы должны были посвятить значительную часть нашего изслѣдованія.

2. Вскорѣ послѣ того, какъ была устроена старообрядческая митрополія въ Бѣлой-Криницѣ, начали появляться у старообрядцевъ историческія и догматико-полемиическія сочиненія объ ихъ

повоучрежденной іерархіи. Сочиненія эти были вызваны частію желаніемъ непосредственныхъ дѣятелей и ближайшихъ участниговъ ея учрежденія дать современникамъ и оставить потомству сказанія объ этомъ великомъ для старообрядчества событіи, частію — скоро возникшими въ средѣ самихъ старообрядцевъ сомнѣніями относительно законности и правильности новоучрежденной іерархіи, особенно же сильными противъ нея. возраженіями со стороны безповскихъ учителей, а впоследствии и со стороны православныхъ. Нѣкоторые изъ православныхъ писателей въ свою очередь также составили и издали историческаго и полемическаго содержанія сочиненія о Бѣлокриницкой іерархіи. Изъ этихъ сочиненій раскольническихъ и православныхъ писателей мы обратимъ здѣсь вниманіе только на тѣ, которыми, съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ, смотря по степени ихъ правдивости, мы пользовались для нашего изслѣдованія.

а) Между старообрядческими сочиненіями первое и важнѣйшее мѣсто принадлежитъ писаннымъ ближайшими участниками дѣла объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи — Павломъ, Геронтіемъ, Онуфріемъ и Осипомъ Семеновымъ Гончаровымъ.

Инокъ Павелъ, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ и талантливыхъ старообрядческихъ писателей новѣйшаго времени, составитель всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ документовъ по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каедры въ Бѣлой-Криницѣ, и потомъ до самой смерти (+ 1854 г.) завѣдывавшій всѣми текущими письменными дѣлами по митрополіи, писалъ и особыя сочиненія о созданной имъ іерархіи. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія два: 1) «Десять посланій къ безповцамъ» (рук. библ. А. И. Хлудова, по катал. № 296), написанныя въ отвѣтъ на возраженія противъ новой старообрядческой іерархіи бывшаго знаменитаго безповскаго наставника — Павла Пруссаго (нынѣ игуменъ Никольскаго Единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ): здѣсь сочинитель разными ухищренными толкованіями тщился оправдать происхожденіе Бѣлокриницкаго священства противъ несомнѣнныхъ догматическихъ и каноническихъ доказательствъ его неправильности и незаконности; 2) «Церковная исторія», или точнѣе «III и IV части церковной исторіи» (напеч. за границей безъ означенія года): здѣсь, въ четвертой

части, послѣ краткаго изложенія «исторіи буковинскихъ старообрядцевъ», приведены въ хронологическомъ порядкѣ тринадцать «актовъ о установленіи верховнаго святителя въ Бѣлой-Криницѣ съ высочайшаго дозволенія», — акты начинаются именно декретомъ о дозволеніи лицованамъ жить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ епископа и кончаются распоряженіемъ объ удаленіи Амвросія изъ Бѣлой-Криницы. Для насъ, по цѣли нашего изслѣдованія, представляло важность преимущественно послѣднее сочиненіе Павла, и въ немъ особенно глава «о буковинскихъ старообрядцахъ»; акты же, здѣсь напечатанные (и притомъ не вездѣ исправно), всѣ нашли мы въ Бѣлокриницкомъ архивѣ.

Геронтій, бывшій настоятель и потомъ архимандритъ Бѣлокриницкаго монастыря, какъ извѣстно, въ первый же годъ по учрежденіи іерархіи, для котораго вмѣстѣ съ Павломъ трудился больше всѣхъ, взятъ былъ русскимъ правительствомъ и съ 1847 по 1868 годъ содержался сначала въ Петропавловской, потомъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Въ этой послѣдней, особенно когда ему предоставлена была свобода пользоваться книгами и письменными принадлежностями, онъ очень много занимался составленіемъ разныхъ сочиненій, посвященныхъ большею частію воспоминаніямъ о своихъ подвигахъ на пользу возстановленія «древлеправославной» іерархіи у старообрядцевъ, также ея прославленію и защитѣ. По освобожденіи изъ крѣпости, всѣ эти сочиненія свои онъ передалъ бывшему сотоварищу и сотруднику своему — иноку Онуфрію, отъ котораго они потомъ поступили въ наше распоряженіе. Въ сочиненіяхъ Геронтія вообще содержится не мало историческихъ и біографическихъ замѣтокъ о событіяхъ и лицахъ изъ первоначальной исторіи Бѣлокриницкой іерархіи; но особенно важны въ этомъ отношеніи два слѣдующія: «Жизнеописаніе инока Павла» и «Памятникъ», или сказаніе объ учрежденіи архіерейской кафедрѣ въ Бѣлой-Криницѣ. Павлова біографія писана Геронтіемъ, какъ видно, въ первые годы заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости, когда его содержали гораздо строже, чѣмъ впоследствии: видно, что у него не было ни бумаги, ни другихъ письменныхъ принадлежностей, — онъ пользовался случайно попадавшимися ему листами старыхъ архивныхъ дѣлъ изъ канцеляріи шлиссельбургскаго коменданта, даже чайными

обертками, — склеивала исписанные четвертинки, а на бѣлыхъ убросто писалъ свою повѣсть, большею частію карандашомъ. Она представляетъ, составленный въ видѣ посланія къ родственникамъ, подробнѣйшій рассказъ о всѣхъ обстоятельствахъ жизни инока Павла, хорошо извѣстной Геронтію, и писана подъ вліяніемъ того благоговѣйнаго уваженія и удивленія къ Павлу и его подвигамъ на пользу старообрядчества, которыми Геронтіій всегда былъ исполненъ; вслѣдствіе этого она имѣетъ видъ панегирика Павлу и отличается еще большимъ витіевствомъ, нежели другія сочиненія Геронтія, который вообще очень любилъ писать витіевато, часто даже въ ущербъ грамматическому смыслу. При всемъ томъ однакоже рассказъ Геронтія съ фактической стороны не внушаетъ никакого сомнѣнія относительно его достовѣрности, и нельзя не пожалѣть, что сочиненіе, представляющее такой важный и любопытный матеріалъ для ознакомленія съ жизнью и характеромъ главнаго дѣятеля, которому Бѣлокриницкая іерархія обязана своимъ существованіемъ, не доведено до конца: оно превращается на рассказъ о возвращеніи Павла и Геронтія изъ тифлисскаго тюремнаго замка послѣ неудачной попытки пробраться въ Персію. «Памятникъ» Геронтія принадлежитъ къ числу сочиненій, писанныхъ имъ въ то время, когда уже долгое заключеніе отозвалось нѣкоторыми неблагоприятными для его умственныхъ способностей послѣдствіями: *) здѣсь иногда передаетъ онъ въ видѣ историческихъ фактовъ вымыслы своей фантазіи и, сколько можно примѣчать, не съ умыс-

*) Въ заглавіи „Памятника“ говорится, что онъ представляетъ былъ въ 1848 году 28 сентября коменданту Петропавловской крѣпости — генералу Скобелеву; а между тѣмъ это сочиненіе находится въ пронумерованной тетради за подписью шлиссельбургскаго коменданта, генерала Троцкаго, выданной Геронтію 5 августа 1856 года. Надобно полагать, что въ 1856 году Геронтіій повторилъ, въ новой редакціи, свое сказаніе объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи, представленное въ 1848 г. коменданту Петропавловской крѣпости. Видно вообще, что Геронтіій очень занятъ былъ мыслию изложить исторію установленія новой старообрядческой іерархіи, и притомъ въ видахъ ея защиты предъ русскимъ правительствомъ: такъ въ шнуровой тетради, за подписью шлиссельбургскаго коменданта полковника Неймана, выданной Геронтію въ августѣ 1864 года, находимъ тотъ же памятникъ (не конченный) въ новой еще редакціи, съ разными прибавленіями, и подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Книжица, отзывъ, оправданіе рукополагаемаго священства“.

леннымъ намѣреніемъ исказать истину, а и самъ, по видимому, принимая ихъ за дѣйствительность; замѣтно также, что иногда и память измѣняла ему при изложеніи событій дѣйствительно бывшихъ. И при всемъ томъ однакоже его «Памятникъ» содержитъ не мало любопытныхъ подробностей объ исторіи учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи. Вообще въ двухъ указанныхъ нами, равно какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Геронтія — ближайшаго павлова друга и сотрудника, мы нашли для нашего труда интересный и важный матеріалъ, которымъ и воспользовались въ значительной степени, постоянно отмѣчая притомъ любопытныя въ какомъ либо отношеніи особенности въ геронтіевыхъ сказаніяхъ.

Третій ближайшій участникъ и свидѣтель учрежденія Бѣлокриницкой митрополіи — инокъ Онуфрій свои воспоминанія объ этомъ хорошо извѣстномъ ему событіи началъ писать по пріѣздѣ въ Москву въ 1861 г., вызванный къ этому явившимися тогда статьями о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ, и потомъ, по нашей личной просьбѣ, продолжалъ и дополнял свои записки нужными и весьма важными для насъ подробностями, о которыхъ, благодаря своей счастливой памяти, всегда могъ передать ясныя и точныя свѣдѣнія. Записками и устными объясненіями о. Онуфрія, составлявшими для насъ драгоценное пособіе къ изложенію событій въ надлежащей полнотѣ и вѣрности, мы пользовались съ совершеннымъ довѣріемъ, не только въ силу дознанной нами и извѣстной самимъ старообрядцамъ честности, правдивости и прямоты его характера, но и потому, что никогда въ его рассказахъ не находили мы противорѣчія, или несогласія съ фактами извѣстными изъ другихъ несомнѣнныхъ источниковъ.

Казакъ-некрасовецъ Осипъ Семеновъ Гончаровъ, оказавшій Павлу большія услуги доставленіемъ очень полезныхъ ему знакомствъ въ Константинополѣ и чрезъ это много способствовавшій самому пріобрѣтенію Амвросія, — вообще человекъ горячо преданный Бѣлокриницкому архіерейству и много для него сдѣлавшій, изложилъ также свои воспоминанія о извѣстныхъ ему событіяхъ, сопровождавшихъ учрежденіе этого архіерейства, въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Первое начатіе происшествія нашего духовнаго дѣла о устроеніи епископа.» Гончаровъ извѣстенъ въ своемъ кругу, какъ

человѣкъ одаренный необыкновенной памятью и какъ отличный разскащикъ, живо передающій мельчайшія подробности событій: эти его качества вполне отразились и на его сочиненіи. Въ сочиненіи своемъ онъ излагаетъ собственно исторію учрежденія архіерейской кафедрѣ у самихъ некрасовцевъ и исторію первыхъ лѣтъ ея существованія; но вмѣстѣ передаетъ и нѣкоторыя, весьма любопытныя подробности, относящіяся до учрежденія Бѣлокриницкой митрополіи, — такъ онъ разсказываетъ о пребываніи Павла и Алимпія въ некрасовскихъ селеніяхъ на пути въ Константинополь, объ ихъ приключеніяхъ въ Константинополѣ, о пріѣздѣ Амвросія въ Тульчу и къ некрасовцамъ, о путешествіи въ Вѣну, и проч. *).

Новая раскольническая іерархія, вскорѣ послѣ учрежденія, возбудила противъ себя много сомнѣній и возраженій, не только со стороны «внѣшнихъ», но и въ средѣ самихъ старообрядцевъ поповскаго согласія, которые всего больше соблазнялись предполагаемымъ обливанствомъ Амвросія, вслѣдствіе давно утвердившагося между раскольниками мнѣнія о повсюдномъ существованіи поливательнаго крещенія у грековъ. Для защитниковъ Бѣлокриницкой іерархіи всего чувствительнѣе были эти сомнѣнія и подозрѣнія противъ нея отъ своихъ присныхъ «христіанъ», служившія не малымъ препятствіемъ къ успѣшному распространенію ея вліянія именно среди старообрядцевъ поповскаго согласія, — и они-то главнымъ образомъ были причиною появленія, въ значительномъ количествѣ существующихъ нынѣ у старообрядцевъ, историко и догматико-полемиическихъ сочиненій въ защиту Бѣлокриницкой іерархіи. Изъ числа этихъ сочиненій представляли нѣкоторое значеніе для насъ собственно тѣ, въ которыхъ излагается съ указанною цѣлію исторія Бѣлокриницкой іерархіи, и именно исторія ея происхожденія, которой и сами старообрядцы усвоятъ, разумѣется, особенную важность. Здѣсь заслуживаютъ упоминанія два слѣдующія сочиненія: *Краткая исторія о возстановленіи въ древлеправославной церкви священной*

*) Находящійся у насъ, единственный извѣстный намъ экземпляръ этого сочиненія писанъ, какъ значится въ сдѣланной на концѣ подписи, „въ Славскомъ скиту по благословенію преосвященнаго епископа Аркадія экзарха некрасовскаго“.

іерархіи, сирѣчь хриstopредашнаго въ трехъ чинѣхъ священства)*, и Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нѣнь существующей въ нашей святой древлеправославной церкви священной іерархіи и утѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся.

Въ первомъ изъ этихъ сочиненій преднамѣренная цѣль автора — оправдать происхожденіе Бѣлокриницкой іерархіи и вчастности отклонить подозрѣніе относительно амвросіева крещенія, обнаруживаетъ себя очень ясно и всѣмъ ходомъ изложенія «Исторіи» и особенно умышленнымъ искаженіемъ фактовъ. Должно замѣтить прежде всего, что сочинитель сей «Браткой исторіи», повидимому, и не вполне знакомъ былъ съ событіями, о которыхъ повѣствуетъ, — онъ невѣрно передаетъ даже такіа извѣстія, исказить которыя не представлялось никакой надобности. Такъ, напримѣръ, рассказываетъ онъ, что будто бы «еще со временъ никонова патріаршества пришли въ австрійское владѣніе россійстии правовѣрнии христіане и поселились въ черновецкомъ уѣздѣ, на мѣстѣ называемомъ Бу-

*) Ркп. библ. А. И. Хлудова (по катал. А. Н. Попова № 328.). Рукопись состоитъ изъ четырехъ частей. Заглавіе *первой* мы выписали; *вторая*: „объ учрежденіи архіепископіи въ Славскомъ скиту и о постановленіи епископа Аркадія“ (л. 83—95; *третья*: „Доказательство отъ Божественнаго писанія и святоотеческихъ соборіи о правильномъ дѣйствіи митрополита Амвросія въ избраніи и постановленіи епископовъ“ (л. 95—136); *четвертая*: „Возраженіе со стороны древлеправославной церкви на доводы сомнящихся и не приѣмлющихъ хриstopреданное священство по причинѣ якобы всеобдержно дѣющагося у грековъ въ крещеніи обливанія, откуду принять на основаніи святоотеческихъ правилъ присоединяющійся въ нашу православную вѣру греческій митрополитъ Амвросій“ (л. 137—207.). Въ концѣ рукописи (л. 208—263), въ видѣ приложенія къ первой статьѣ, помѣщены нѣкоторые акты, относящіеся къ дѣлу объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи, большею частію изъ напечатанныхъ при павловской церковной исторіи. Всѣ четыре статьи, какъ можно было убѣдиться изъ внимательнаго ихъ слученія, принадлежать одному автору; а кто самый авторъ, въ точности намъ неизвѣстно. Говорятъ, что онъ — сочиненіе самого инока Павла и въ нихъ дѣйствительно можно усматривать нѣкоторые авторскіе приемы и качества, принадлежащія сему послѣднему; но признать ихъ сочиненіемъ Павла нельзя, частію потому, что въ нихъ встрѣчаются историческія и иныя невѣрности, какихъ инокъ Павелъ, даже съ преднамѣренною цѣлію, допустить не могъ, — главное же потому, что въ нихъ упоминаются нѣкоторыя обстоятельства, случившіяся уже послѣ смерти Павла, какъ напр. поставленіе въ епископию еарха некрасовскаго Аркадія.

ковина», и что «в скоромъ времени, по случаю жестокаго въ Рос-
сіи на христіанъ гоненія стекающіяся тамо людіе устроили мона-
стырь, именуемый Покровскій, и составиша общежительство, а при
томъ населили еще три большія селенія, а именно: Климоусы (sic),
Бѣлую-Криницу и Саголинцы». Подобныя же, конечно, неумышлен-
ныя невѣрности встрѣчаемъ еще въ указаніи чиселъ, въ названіи
лицъ, и т. п. Но когда авторъ повѣствуетъ объ Амвросіи, и осо-
бенно о принятіи его въ старообрядчество, о которомъ говоритъ
съ особенною подробностію, онъ уже очевидно искажаетъ съ на-
мѣреніемъ, для своихъ цѣлей, событія ему хорошо извѣстныя.
Въ этомъ отношеніи всего любопытнѣе его сказаніе о бѣлокри-
ницкомъ соборѣ, на которомъ происходили совѣщанія о чинопріятіи
Амвросія. Пользуясь извѣстнымъ «Соборнымъ дѣяніемъ», которое и
само уже не совсѣмъ вѣрно передаетъ происходившее на соборѣ,
онъ дополнилъ это павлово сочиненіе еще новыми собственнаго
изобрѣтенія вымыслами, соотвѣтственно обстоятельствамъ, кото-
рыми вызванъ былъ къ составленію своей исторіи и которыхъ
Павель не могъ имѣть въ виду, когда сочинялъ соборное дѣяніе.
Именно повѣствуетъ онъ, что прежде нежели рѣшать председа-
телемъ инокомъ Геронтіемъ предложенный вопросъ — какимъ чиномъ
надлежитъ принять Амвросія, «всеи суціи на соборѣ» пожелали
будто бы имѣть точныя свѣдѣнія «о самомъ крещеніи господина
митрополита Амвросія», что во исполненіе этого ихъ желанія Ге-
ронтій вызвалъ на средину совершившихъ странствіе по востоку
инокъ Павла и Алимпія, «яко да засвидѣтельствуютъ о дѣйстви-
ющемся обычаи трепогружательнаго крещенія въ греческой патрі-
архіи, гдѣ находился митрополитъ Амвросій», и что будто бы Па-
вель и Алимпій «спредъ лицемъ всего собора» держали длинную
рѣчь, въ которой изложили все извѣстныя имъ доказательства
правильности употребляемаго у грековъ крещенія. Эту рѣчь, со-
всѣмъ не произносившуюся на соборѣ, авторъ заимствовалъ одна-
коже изъ павловыхъ сочиненій, главнымъ образомъ изъ статьи
«о трепогружательномъ въ грекахъ крещеніи», содержаніе которой
мы излагаемъ въ своемъ мѣстѣ. Не довольствуясь этимъ, авторъ и
самого митрополита Амвросія заставилъ явиться на соборъ, чтобы
лично дать свидѣтельство о своемъ крещеніи. Стоитъ привести

Проник. Б. іер.

вполнѣ его разсказъ объ этомъ, замѣчательный по смѣлости и самоувѣренности, съ какими передаются въ немъ небывалыя, но очень нужныя автору обстоятельства. «Сія же слышавше (отъ монастырскихъ пословъ — Павла и Алимпія) вси иже на соборѣ присутствовавши присудиша, дабы и самъ митрополитъ Амвросій лично засвидѣтельствовалъ о дѣйствительности трехпогружательнаго крещенія, учиненнаго его высокопреосвященству. И егда сіе желаніе собора предъявлено было митрополиту Амвросію, тогда онъ тщательно пришедъ въ соборъ и предъ всѣми лично, подобно вышереченнымъ посламъ, чрезъ переводчика съ велимъ удостовѣреніемъ изъяснялся, что онъ дѣйствительно крещенъ въ три погруженія, по неизмѣнно содержащемуся обычаю во всей восточной греческой церкви. И къ тому еще для несомнѣннаго удостовѣренія представилъ на разсмотрѣніе привезенныя имъ изъ Царяграда печатныя на греческомъ языкѣ книги, а именно Кормчую, яже по гречески называется Пидаліонъ, которая напечатана 1800 года, Симеона Фессалонитскаго, яже напечатана 1791 года, и Потребникъ греческій, по которому онъ священнодѣйствовалъ. И за симъ его высокопреосвященство благочинно удалился изъ собора. Тогда немедленно приступили къ изслѣдованію вышереченныхъ греческихъ книгъ чрезъ искусныхъ переводчиковъ, которые все опасно и тщательно разсматривая находили тоже самое подтвержденіе о крещеніи, во всемъ согласно реченныхъ пословъ и самого господина митрополота Амвросія личному устному увѣренію». Исчисленныя здѣсь книги были дѣйствительно привезены въ Бѣлую-Криницу; но на соборѣ ихъ не разсматривали. И Амвросій давалъ свидѣтельство о томъ, какъ его крестили и какъ вообще крестятъ у Грекозъ; но ни для этого свидѣльствованья, ни для чего-либо другаго на соборѣ онъ не являлся, а все время, какъ происходили совѣщанія въ монастырской церкви, сидѣлъ въ своей кельѣ, недоумѣвая, что тамъ, на соборѣ, происходило, — да и самъ Павелъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ находилъ вовсе неудобнымъ представлять его старообрядческому обществу для объясненій при посредствѣ толмача. Далѣе въ «Краткой Исторіи» повѣствуется, что послѣ представленныхъ послами и самимъ Амвросіемъ удостовѣреній «вси сущии на соборѣ, бывъ увѣрены, яко митрополитъ Амвросій дѣйствительно крещенъ въ три погруженія», рѣшили приступить къ разсужденію

о томъ, какииъ чиномъ принять его въ старообрядчество, и что разсужденія эти открыты чтеніемъ Павлова «Соображенія о вѣраxъ». Содержаніе этого сочиненія однакоже не издагается въ текстѣ «Исторіи»; авторъ отсылаетъ читателя къ самому подлиннику, помѣщенному въ приложеніяхъ. Достоинно особеннаго замѣчанія, что помѣщенное здѣсь яко бы подлинное «Соображеніе о вѣраxъ» представляетъ очень много отличій отъ составленнаго Павломъ въ 1846 г. и дѣйствительно читаннаго на бѣлокриницкомъ и на славскомъ соборахъ (содержаніе его изложено въ нашей книгѣ на стр. 436—445). Не знаемъ, кто передѣлалъ его, — авторъ ли «Исторіи», или даже самъ инокъ Павелъ, примѣняясь къ измѣнившимся обстоятельствамъ, — только эта новая редакція «Соображенія о вѣраxъ» очевидно сдѣлана уже послѣ того, какъ Амвросій былъ принятъ въ старообрядчество вторымъ чиномъ. Въ первоначальной редакціи «Соображенія» Павелъ (какъ мы раскрываемъ это въ своемъ мѣстѣ) старается склонить старообрядцевъ къ принятію Амвросія третьимъ чиномъ; а въ этой новой редакціи напротивъ постоянно имѣется въ виду доказать правильность амвросіева принятія по второму чину. Всего яснѣе это видно изъ статьи: *Образецъ въ принятіи священства отъ великороссійской церкви*, совершенно отличной по содержанію отъ прежде написанной Павломъ (см. ниже стр. 439—443). Приводимъ ее вполнѣ: «Отъ великороссійской церкви, послѣ никоновыхъ нововведеній, по соборному установленію отцевъ иже на Керженцѣ и на Вѣткѣ узаконоположено: приходящихъ отъ оной великороссійской церкви, какъ священныхъ, такъ и простыхъ принимать вторымъ чиномъ, подъ мѣропомазаніе, какъ и дѣйствуется ко всѣхъ обществахъ нашей православной церкви и по настоящее нынѣ время безъ всякаго измѣненія. Послѣдовательнѣ же сему установленному чинопріятію, и присоединившійся въ нашу православную вѣру епископъ Епифаній, хиротонисанный яскскимъ митрополитомъ, былъ принятъ на Вѣткѣ въ Покровскомъ монастырѣ тоже вторымъ чиномъ, который, по надлежащемъ чинопріятіи и мѣропомазаніи, такъ какъ и прочіи принимаемые отъ великороссійскія церкви, на основаніи осьмага правила перваго вселенскаго собора, священнослужители пребывающіи въ прежнемъ званіи и дѣйствіи, оставался въ томъ же

епископскомъ санѣ»*) (л. 258 об.—259 об.). Также и другая статья: *Образецъ въ принятіи священства отъ грековъ* изложена совсѣмъ иначе, нежели въ первой редакціи, — и опять-таки примѣнительно къ новымъ обстоятельствамъ, — въ видахъ оправданія Амвросія отъ возникшихъ между старообрядцами сомнѣній относительно самой возможности принять греческаго архіерея.***) Прочитавши «Соображеніе о вѣрахъ» въ этой новой редакціи, инокъ Павелъ, по сказанію разсматриваемой нами исторіи, будто бы еще говорилъ довольно пространную рѣчь, въ которой и «соборами керженскихъ и вѣтковскихъ отцевъ» и примѣромъ Епифанія подтверждалъ ту мысль, что Амвросій можетъ быть принять по второму чину (конецъ этой рѣчи взятъ изъ Павлова посланія въ Торжокъ). Даже самого Иеронима авторъ заставилъ говорить на соборѣ, «отъ лица монастыр-

*) И здѣсь, и въ самомъ текстѣ „Исторія“, авторъ говоритъ такъ рѣшительно о чинопріятіи Епифанія, не представляя никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, вообще безъ всякаго основанія, такъ какъ примѣръ „прочихъ принимаемыхъ отъ великороссійской церкви священнослужителей“ основаніемъ служить здѣсь не можетъ: во времена Епифанія еще не было общаго „всеобдержнаго“ правила принимать бѣглыхъ поповъ по второму чину, какъ въ своемъ мѣстѣ будетъ доказано. Но для автора очень важно было въ оправданіе амвросіева принятія по второму чину сослаться на такое же будто бы чинопріятіе Епифанія, — и о томъ, что Епифаній принять былъ якобы по второму чину, говоритъ онъ рѣшительно, какъ о собитіи извѣстномъ, не подлежащемъ сомнѣнію.

**) Приводимъ здѣсь и эту статью для сравненія съ первой ея редакціей (см. ниже стр. 443—445): „отъ греческой церкви, со времени согласованія оной Никону въ нововведеніяхъ, принимаемо священство въ нашу православную церковь еще не было, не за сомнѣніе новшество, въ греческой церкви существующихъ, какіе и въ великороссійской церкви содержатся, но по причинѣ неспособности греческаго священства, сущихъ другаго языка, для нашего русскаго народа. А притомъ же ко пріятію греческихъ поповъ и нужды не предвидѣлось, поелику во всѣхъ нашихъ обществахъ существовали русскіе священники поставленія церкви великороссійской, болѣе способные для отправленія богослуженія и священнодѣйства, совершаемаго повсюду въ нашихъ обществахъ на руссійскомъ языкѣ. Но что касается до греческихъ архіереевъ, за различіе словесности между нами и греками, такъ какъ и въ разсужденіи греческихъ священниковъ, то можно видѣть ясный примѣръ въ древлеправославной руссійской церкви, яко во оной отъ глѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра и до Никона патріарха почти безпрерывно существовали греческіе епископы и митрополиты въ разныхъ руссійскихъ епархіяхъ; священниковъ же изъ Греціи и тогда весьма мало въ Россіи находилось. А потому и о приходящемъ нынѣ митрополитѣ, сущемъ грекѣ, другаго языка, не должно имѣть смущенія“ (л. 261 об. — 262 об.).

скихъ старцевъ и бѣлокриницкихъ депутатовъ», что «въ принятіи митрополита Амвросія надлежитъ согласовать примѣру епископа Епифанія, принятаго на Вѣтѣ посредствомъ втораго чина, то есть подѣ муропомазаніе». Не исчисляя другихъ подобнаго рода умысленныхъ отступленій отъ истины, замѣтимъ вообще, что изложенный въ «Краткой исторіи» рассказъ объ учрежденіи нынѣшней старообрядческой іерархіи представляетъ весьма замѣчательный по смѣлости и изобрѣтательности опытъ искаженія дѣйствительныхъ событій ради оправданія сей іерархіи, подвергшейся справедливому сомнѣнію и пререканію относительно законности ея происхожденія, такъ что въ этомъ отношеніи оставляетъ далеко за собою другія подобнаго рода раскольническія сочиненія.*) Понятно, что эта «Исторія» не могла служить для насъ источникомъ какихъ либо положительныхъ свѣдѣній о происхожденіи Бѣлокриницкой іерархіи, и только въ томъ отношеніи заслуживала вниманія, что хорошо разъясняетъ воззрѣнія раскольниковъ на этотъ предметъ и ихъ способъ обращенія съ историческими фактами, не подходящими подѣ ихъ воззрѣнія.

Сказаніе кратецъ сочинено въ 1859 году тогдашнимъ коломенскимъ епископомъ Пафнутіемъ и назначалось для напечатанія въ заграничной типографіи.**) Это дѣйствительно весьма краткое сказаніе объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи: отъ предыдущаго сочиненія оно рѣзко отличается крайнею осторожностію въ изложеніи событій, — никакихъ вымысловъ, или искаженія фактовъ въ

*) Есть еще у старообрядцевъ сокращенныя изложенія этой „Краткой исторіи“: таково наприм. сочиненіе, начинающееся статьей: „*Краткое описаніе о австрійскихъ христіаняхъ*“ (Реп. Москов. Духовн. Акад.).

**) Мы пользуемся экземпляромъ „Сказанія“, назначеннымъ для этой именно дѣли: на немъ есть замѣтки и поправки, сдѣланныя рукою покойнаго Семена Семенова, знаменитаго старообрядческаго начетчика, бывшаго сотрудникомъ Пафнутія. Указаніе времени, когда составлено это сочиненіе, находимъ въ слѣдующемъ примѣчаніи, гдѣ рѣчь идетъ о Константиѣ Огняновичѣ: „онъ и нынѣ (въ 1859 году) еще живъ, проживаетъ въ Вѣтѣ, въ учительской должности: сомнѣній сему доказательству можетъ его видѣть (въ Вѣтѣ) собственными глазами“. Замѣчаніе это, кстаи сказать, направлено противъ напечатаннаго въ „Книгѣ о промыслѣ“ извѣстія, будто Огняновичъ вскорѣ по учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи умеръ холерою въ Молдавіи, въ одной раскольнической деревнѣ (стр. 125).

нѣмъ не допущено, а только обойдены молчаніемъ всѣ неблагопріятныя дѣла обстоятельства, что весьма удобно было исполнить, при ясно выраженномъ намѣреніи изложить только главнѣйшія событія, относящіяся къ учрежденію іерархіи; за нѣкоторыми же подробностями авторъ отсылаетъ читателя къ документамъ, помѣщеннымъ въ приложеніи. *) Вообще это историческое изложеніе служило для автора только предисловіемъ къ слѣдующей за нимъ полемической статьѣ: *Увѣреніе въ дѣйствительности іерархіи сумнявающимся*, которой, очевидно, усвоилась особенная важность. «Увѣреніе» это разсматриваетъ главнымъ образомъ все тотъ же вопросъ о крещеніи Амвросія, возбудившій столько недоумѣній въ старообрядчествѣ. По самой своей краткости «Сказаніе» не могло дать намъ никакихъ новыхъ историческихъ свѣдѣній о происхожденіи Бѣлокриницкой іерархіи; но нѣкоторыя сдѣланныя въ немъ частныя замѣчанія, какъ принадлежащія лицу близко знакомому съ Бѣлой-Криницей и имѣвшему значеніе въ старообрядческомъ мірѣ, мы должны были принять во вниманіе.

б) Въ ряду составленныхъ православными писателями историческихъ и историко-полемическихъ сочиненій объ учрежденіи нынѣшней старообрядческой іерархіи первое мѣсто и по времени составленія и даже по достоинству принадлежитъ запискѣ покойнаго Н. И. Надеждина *о заграничныхъ раскольникахъ*. Она составляетъ отчетъ Надеждина о его заграничномъ путешествіи, совершенномъ въ 1843 году по порученію правительства, главнымъ образомъ для собранія свѣдѣній о живущихъ за границею русскихъ старообрядцахъ, и дѣйствительно содержитъ въ себѣ сводъ его личныхъ наблюденій надъ буковинскими, молдавскими и добруджійскими раскольниками. Въ Буковинѣ и въ самой Бѣлой-Криницѣ Надеждинъ былъ въ то самое время, какъ происходили тамъ дѣятельныя приготовленія къ отысканію епископа на Бѣлокриницкую каеэдру, учрежденіе которой было уже дозволено австрійскимъ правительствомъ, — и въ свою «записку» внесъ онъ много своихъ личныхъ наблюденій надъ ходомъ этого дѣла объ учрежденіи раскольнической архіерейской каеэдры и надъ самими дѣятелями, также не мало разными

*) Документы тѣже самыя, что въ павловой Церковной Исторіи.

путями собранныхъ свѣдѣній о томъ и другихъ. Въ его отзывахъ о разныхъ лицахъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ исторіи учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи, не все, конечно, можетъ быть названо справедливымъ и вполне безпристрастнымъ; собранныя имъ свѣдѣнія не всѣ также оказались вѣрными; но говоря вообще и эти свѣдѣнія и особенно его личныя наблюденія надъ происходившимъ у буковинскихъ липованъ отличаются полною и правдивостью; самыя предположенія его объ ожидаемомъ исходѣ бѣлокриницкихъ предпріятій, оправдавшіяся самымъ дѣломъ, свидѣтельствуютъ объ его замѣчательной наблюдательности и проницательности. Тѣ рѣзкіе, желчныя отзывы объ отношеніяхъ Надеждина къ заграничнымъ, особенно буковинскимъ старообрядцамъ и о самой его запискѣ, которыми сопровождалъ эту послѣднюю лондонскій издатель, лишены всякаго основанія *). Вотъ почему, постоянно отиѣчая волею или неволею допущенныя Надеждинымъ невѣрности, мы однакоже нерѣдко ссылались на его свидѣтельства о лицахъ и событіяхъ, и вообще его «Записку о заграничныхъ раскольникахъ» мы нашли лучшимъ, чтобы не сказать единственнымъ, изъ всѣхъ печатныхъ сочиненій о Бѣлой-Криницѣ, которымъ можно было въ извѣстной степени воспользоваться для нашего изслѣдованія.

Въ 1848 году напечатана въ Будимѣ *повѣсть краткая и досто-
вѣрная о раскольничьихъ, на соблазнъ и поворгъ православныя нашея
восточныя церкви въ сія послѣдняя времена прошибающихся*, со-
ставленная Платономъ Аѳанасковичемъ, епископомъ Будимскимъ. Она повѣствуетъ собственно объ учрежденіи раскольнической архіе-
рейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, совершившемся не задолго
предъ тѣмъ, — и повѣствуетъ съ разными мелкими подробностями,
такъ что въ этомъ отношеніи нельзя назвать ее даже и «краткою»
повѣстію; названіе же «досто-вѣрной» не можетъ принадлежать ей
ни въ какомъ случаѣ. Авторъ, изъ какихъ-то темныхъ источниковъ
получившій очевидно искаженныя свѣдѣнія о лицахъ и событіяхъ,
относящихся къ исторіи учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи, и самъ

*) Записка Надеждина напечатана въ 1-й части Сборника Кельсиева; о пре-
дсловіи издателя см. въ книгѣ: *Расколъ какъ орудіе партій* (стр. 101—103).

какъ-будто задался цѣлю — дѣло, неправое само по себѣ и потому для произнесенія суроваго суда надъ нимъ всего менѣе нуждавшееся въ какихъ либо прикрасахъ и вымыслахъ, представить въ самомъ возмутительномъ видѣ, чтобы совершенно уронить его въ глазахъ православныхъ и даже старообрядцевъ. Его повѣсть наполнена разсказами о небывалыхъ и невѣроятныхъ происшествіяхъ, которыя не могутъ внушить довѣрія къ ней даже читателю незнакому съ дѣйствительнымъ ходомъ учрежденія Бѣлогриницкой митрополіи, а старообрядцамъ могли подать только законный поводъ упрекать православныхъ писателей въ недобросовѣстности ихъ сочиненій о расколѣ (какъ дѣйствительно и случилось вопреки ожиданіямъ автора и его руководителей). Правда, въ повѣсти говорится о дѣйствительныхъ лицахъ и происшествіяхъ, — о Павлѣ и Алимпіѣ, о Кириллѣ и Амвросіѣ, о томъ, какъ первые искали себѣ архіерея, какъ послѣдній жилъ въ Босно-Сараевѣ, потомъ въ Константинополѣ, какъ ушелъ въ Бѣлую-Криницу, и проч.; но здѣсь не только Алимпій, даже Павелъ — «лѣнивѣцъ и празднолюбецъ, неукъ и невѣжа», Кириллъ — яростный противникъ учрежденія архіерейской каеэдры въ Бѣлой-Криницѣ, площадно ругавшій Амвросія, пока самъ не сдѣлался архіереемъ, Амвросій въ Босно-Сараевѣ — безжалостный грабитель и тиранъ, а потомъ въ Константинополѣ, за свои злодѣянія лишенный даже священства, занимаетъ мѣсто трактирнаго слуги, и проч. и проч. Трудно было допустить, чтобы авторомъ этихъ и многихъ другихъ вымысловъ было такое почтенное лицо, какъ православный епископъ. Наши сомнѣнія на счетъ автора «Повѣсти» еще больше увеличились, когда мы услышали отъ одного извѣстнаго спеціалиста по расколу, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ Надеждину, что повѣсть написана будто бы этимъ послѣднимъ, а Платонъ Аѳанасовичъ только далъ для нея свое имя. Не считая возможнымъ ни по содержанію, ни по изложенію повѣсти признать ее произведеніемъ Надеждина, какимъ бы великимъ искусствомъ поддѣлываться подъ чужой складъ рѣчи ни обладалъ онъ, мы однакожъ въ этомъ извѣстіи нашли для себя новое основаніе заподозрить дѣйствительное авторство Платона Аѳанасовича, такъ что въ одномъ мѣстѣ назвали его апокрифическимъ авторомъ повѣсти. Но весьма недавно Н. А. Поповъ обнародовалъ въ *Русскомъ Архивѣ* (1873 г. № 7,

стр. 1133 — 1190) любопытную переписку Платона Аонацковича и Вука Караджича съ Надеждинымъ, изъ которой явствуешь, что повѣсть о раскольницѣхъ написана дѣйствительно Аонацковичемъ, только при содѣйствіи Надеждина. Изъ письма Аонацковича видно, что Надеждинъ присылалъ ему матеріалы для сочиненія, что между ними было уже условлено, въ какомъ духѣ оно должно быть написано, и происходили по этому дѣлу письменныя сношенія *); по словамъ г. Попова Аонацковичу были доставлены чрезъ Надеждина и деньги на изданіе повѣсти. Вообще можно полагать съ достовѣрностію, что въ то время, когда русское правительство только что получило вѣрныя извѣстія объ учрежденіи раскольнической

*) Вотъ относящееся сюда мѣсто изъ письма Аонацковича къ Надеждину отъ 18 ноября 1847 года: „*приставленный писанію вашему книжный вашъ составъ получилъ со многими уваженіемъ и благодарностію; возупотреблю и по положенному между нами со дружжелюбно уступленнымъ ми отъ васъ полнымъ и безусловнымъ распоряженіемъ моимъ. О всемъ семъ благовременно васъ извѣстити не мимо пишу*“ (Рус. Арх. стр. 1133). Очевидно, рѣчь идетъ о письменныхъ сношеніяхъ по дѣлу о составленіи Повѣсти, происходившихъ въ 1847 году. Между тѣмъ г. Поповъ, въ своей замѣткѣ къ письмамъ Аонацковича, утверждаетъ, будто Надеждинъ въ это время „находился за границей между прочимъ по дѣлу о переговорахъ бѣлокриницкихъ раскольниковъ съ бывшимъ далматинскимъ епископомъ Венедиктомъ Кралевичемъ и сараевскимъ митрополитомъ Амвросіемъ, которыхъ они приглашали перейти въ расколъ“, и тамъ „помогъ Аонацковичу составить обстоятельную (!) брошюру о старообрядцахъ“ (стр. 1139). Въ словахъ этихъ нѣтъ ничего вѣрнаго. Если Надеждинъ въ 1847 году дѣйствительно ѣздилъ за границу, какъ увѣряетъ г. Поповъ, то поѣздка эта никакъ не могла быть предпринята, хотя бы и между прочимъ, „по дѣлу о переговорахъ бѣлокриницкихъ раскольниковъ съ Венедиктомъ Кралевичемъ и Амвросіемъ“: тогда уже всѣ переговоры съ „безмѣстными“ архіереями были давно кончены и Амвросій жилъ въ Бѣлой-Криницѣ, какъ призванный австрійскимъ правительствомъ верховній пастырь липованъ. И не только въ 1847 году, но и ранѣе, когда Надеждинъ дѣйствительно былъ за границей, не могъ онъ ѣздить туда ради этого „дѣла о переговорахъ раскольниковъ съ Венедиктомъ Кралевичемъ и Амвросіемъ“ по той простой причинѣ, что съ Венедиктомъ Кралевичемъ раскольники и не вели никакихъ сношеній о переходѣ его въ расколъ (какъ мы доказали это въ статьѣ, напечат. въ *Русск. Вѣст.* 1872 г. № 2), а переговоры съ Амвросіемъ производились такъ секретно, что объ нихъ ничего не вѣдалъ даже русскій консулъ въ Константинополѣ, гдѣ велись эти переговоры; тѣмъ менѣе могъ знать кто-либо изъ петербургскихъ властей, не исключая и министра внутреннихъ дѣлъ, по порученію котораго Надеждинъ путешествовалъ, — русское правительство получило свѣдѣніе о сношеніяхъ Амвросія съ раскольниками тогда уже, когда послѣдній занялъ Бѣлокриницкую катедру.

митрополін въ Бѣлой-Криницѣ и когда начались по этому дѣлу строгія изслѣдованія въ Россіи и дипломатическія сношенія съ Вѣной, въ Петербургѣ очень заинтересованы были сочиненіемъ о бѣлокриницкихъ событіяхъ, которое, по предварительному соглашенію съ Надеждинымъ, составлялъ Аеанацковичъ, и содѣйствовали труду его, ожидая отъ него, по всей вѣроятности, не малой пользы въ видахъ предостереженія русскихъ старообрядцевъ отъ подчиненія заграничной іерархіи. И такимъ образомъ явилась пресловутая *Повѣсть о раскольничьхъ*. Трудно допустить однакоже, чтобы Надеждинъ, получивши и прочитавши произведеніе Аеанацковича, могъ быть доволенъ имъ, — и, сколько можно судить по письмамъ къ нему Караджича, произведеніе это дѣйствительно не оправдало его ожиданій. Караджичъ выслалъ Надеждину всего 12 экземпляровъ повѣсти и, вѣроятно, на основаніи прежде изъясненнаго Надеждинымъ желанія предлагалъ напечатать ее въ Вѣнѣ въ количествѣ 500 или 1000 экземпляровъ;*) но предложеніе это было отклонено и повѣсть втораго изданія за границей не имѣла**). Между тѣмъ

Нельзя не подивиться и тому, что повѣсть Аеанацковича г. Поповъ называетъ „обстоятельной брошюрой о старообрядцахъ“. Г. Поповъ или не читалъ повѣсти, или прочелъ ее не совсѣмъ внимательно: ни чѣмъ другимъ мы не можемъ объяснить себѣ такой отзывъ его объ этомъ жалкомъ литературномъ произведеніи; развѣ предположить еще, что г. Поповъ принадлежитъ къ числу тѣхъ гонителей раскола, которые одобряютъ и поощряютъ всякіе вымыслы и сказки о раскольникахъ? Но это предположеніе было бы уже слишкомъ смѣло. — Итакъ изъ письма Аеанацковича къ Надеждину слѣдуетъ заключить, что между ними происходили письменныя сношенія по дѣлу о составленіи „Повѣсти“ и Надеждинъ присылалъ Аеанацковичу матеріалы для этого сочиненія. Такъ отъ него, безъ сомнѣнія, Аеанацковичъ получилъ тѣ свѣдѣнія о происхожденіи раскола, о главныхъ пунктахъ раскольническаго ученія, о раскольническихъ епископахъ Епифаніи, Аеиногенѣ, Аеонимѣ, и другія, изложенныя въ началѣ повѣсти, — также нѣкоторыя свѣдѣнія о Павлѣ, Геронтіѣ, Алимпіѣ и прочихъ. Можно догадываться, что онъ получилъ еще свѣдѣнія, и именно въ искаженномъ видѣ, отъ нѣкоторыхъ раскольниковъ, заявившихъ себя въ самомъ же началѣ врагами Бѣлокриницкой іерархіи: онъ самъ называетъ въ своей повѣсти, какъ извѣстныхъ ему, бѣлокриницкихъ инокъ Антонія, Германа и Никона, бѣжавшихъ изъ Буковины въ Молдавію, „дѣже (прибавляетъ Аеанацковичъ) доннѣи пребываютъ отступнииа митрополита и самозванца епископа со всѣми, иже за ны и съ ними, проклинающе“.

*) Письмо отъ 4 (16 окт. 1848 г. (Р. Арх. стр. 1170).

***) Повѣсть издана потомъ (не очень исправно) въ 1862 году Николаемъ Поповымъ въ его „Сборникѣ изъ исторіи старообрядства“.

и проникшіе въ Россію немногіе экземпляры перваго изданія, вмѣсто ожидаемой пользы, успѣли причинить не мало вреда дѣлу православнаго проповѣдничества среди раскольниковъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, какъ отнеслись старообрядцы къ повѣсти Платона Леонацковича; сейчасъ увидимъ, какъ неосторожно пользовались ею нѣкоторые изъ православныхъ писателей.

Въ 1857 году, бывшій тогда строитель Бирлюковской пустыни, а впослѣдствіи гуслицкій игумень Пареній напечаталъ сочиненіе подъ названіемъ: *Книга о промыслѣ Божіемъ, какъ онъ чрезъ православіе ведетъ ко спасенію, а неправославныхъ обличаетъ собственными ихъ дѣлами*. Книга посвящена главнымъ образомъ историко-полемическому разсмотрѣнію новой раскольниковской іерархіи. Самъ авторъ, въ предисловіи, объясняетъ, что побудило его заняться этимъ предметомъ. Во первыхъ, говоритъ онъ, меня очень многіе просили «написать что-нибудь про австрійское раскольниковское духовенство, а притомъ и самъ зналъ, что это нужно сдѣлать, потому что ежели я этого не напишу, то останется все это въ неизвѣстности». Авторъ признается однако, что не могъ долго начать сего дѣла, между прочимъ потому, что «не доставало источниковъ и документовъ, съ чего бы начать»; но случилось, что знакомые «почти въ одинъ день доставили ему много источниковъ», и онъ приступилъ къ сочиненію книги. Трудомъ этимъ, по собственнымъ словамъ автора, такъ всѣ были заинтересованы, что «съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія книги и даже дни считали, когда она выйдетъ въ свѣтъ». Книга дѣйствительно произвела большое впечатлѣніе и среди православныхъ писателей, интересующихся расколомъ, и среди старообрядцевъ; но мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что впечатлѣніе это было едва ли на пользу святому дѣлу сближенія старообрядцевъ съ церковію: между православными книга распространила нѣкоторыя, до сихъ поръ держащіяся, невѣрныя извѣстія о дѣлѣ, къ которому такъ неравнодушно относятся старообрядцы, а въ рукахъ старообрядцевъ послужила новымъ средствомъ къ распространенію невыгодныхъ понятій вообще о православныхъ сочиненіяхъ противъ раскола. Въ устраненіе всякихъ недоразумѣній мы должны различить въ книгѣ о игумена Паренія двѣ стороны — полемическую и историче-

скую. Что касается первой, — она почти не оставляет желать ничего лучшаго: авторъ, какъ и слѣдовало ожидать при его обширной начитанности, весьма ясно разоблачилъ несостоятельность новой раскольнической іерархіи съ догматической и канонической точекъ зрѣнія, — на основаніи слова Божія, отеческихъ писаній и правилъ церковныхъ твердо доказалъ ея незаконность и неправильность. Съ этой стороны книга могла бы дѣйствительно принести великую пользу въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ къ церкви православной, если бы слишкомъ сильно не вредила ей сторона историческая, къ которой собственно и относится сдѣланное выше замѣчаніе. Историческія свѣдѣнія авторъ почерпалъ во первыхъ изъ своей собственной памяти, такъ какъ близко знакомъ былъ съ Бѣлой-Криницей, еще до пріѣзда Павла и Геронтія въ Буковину, а потомъ встрѣчался съ Павломъ и Алимпіемъ даже во время ихъ хлопотливыхъ странствій для отысканія древле-православныхъ епископовъ: изъ этихъ личныхъ воспоминаній игумена Пароенія нѣкоторые (не многія впрочемъ) не лишены значенія и послужили матеріаломъ для нашего труда. А что касается тѣхъ яко бы многочисленныхъ источниковъ, которыми снабдили автора его знакомые, то, сколько можно судить по самой книгѣ, у него подъ руками были только два слѣдующія сочиненія: павлово *Соборное дѣланіе*, — документъ дѣйствительно важный, къ которому авторъ и отнесся съ надлежащимъ вниманіемъ, подвергнувъ его строгому разбору, — и *Повѣсть о раскольницѣхъ* Платона Аѳанацковича, которой, къ сожалѣнію, онъ оказалъ излишнее довѣріе, не подвергнувъ ее надлежащей критикѣ. Вліяніе этой повѣсти и было особенно вредно для сочиненія о. игумена Пароенія. Въ началѣ своей книги онъ перепечаталъ ее почти цѣликомъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ разсказовъ, даже и ему показавшихся невѣроятными по своей очевидной нелѣпости *). Переходя потомъ къ повѣствованію о тѣхъ же событіяхъ по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, кажется, увлеченный примѣромъ Аѳанацковича, онъ и самъ уже передаетъ не

*) Такъ игумень Пароеній исключилъ изъ повѣсти Аѳанацковича весь неприличный разсказъ о поѣздкахъ Амвросія по Босанской синархіи и грабежахъ, какіе будто бы производилъ онъ, о томъ, какъ онъ служилъ лакеемъ въ трактирѣ, и нѣкоторые другіе.

мало извѣстій, которыя, по надлежащей повѣркѣ ихъ документами не подлежащими сомнѣнію, оказались совершенно несправедливыми, равно какъ отступилъ отъ истины и въ своихъ отзывахъ о разныхъ лицахъ — о Павлѣ, Геронтѣ и Алимпіѣ, которые будто бы «все были одного духу, все удалые молодцы», объ Огняновичѣ, котораго онъ именно выпустилъ въ свѣтъ подъ именемъ «Костюшки-Жидовина», и всего больше о самомъ Амвросіѣ, о которомъ, только въ болѣе приличной формѣ, повторилъ и съ своей стороны тоже, что говорится въ повѣсти Платона Аеанацковича. Имѣя въ виду распространенность «Книги о промышлѣ», мы нашли нужнымъ въ нашемъ изслѣдованіи, при изложеніи описанныхъ въ ней событій, указывать болѣе важныя изъ допущенныхъ авторомъ невѣрностей.

Въ связи съ повѣстью Платона Аеанацковича и книгой игумена Паренія приходится поставить сочиненіе, въ которомъ трудно было предполагать съ ними какую-либо связь. Мы разумѣемъ восьмую, дополнительную, часть *Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, доктора правъ и философіи П. Варадинова*. Извѣстно, что въ этой дополнительной части содержится «Исторія распоряженій по расколу». Въ предисловіи авторъ выражаетъ увѣренность, что его книга, «написанная на основаніи подлинныхъ дѣлъ и документовъ, недоступныхъ для большинства нашихъ литературныхъ дѣятелей», составляетъ не бесполезный трудъ въ нашей литературѣ исторической, юридической и социальной, — и та часть его труда, о которой идетъ у насъ рѣчь, дѣйствительно представляетъ драгоценное пособіе для занимающихся исторіею раскола и разныхъ существующихъ въ Россіи религіозныхъ сектъ: въ ней указаны съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ все сколько-нибудь значительныя дѣла о раскольникахъ и сектантахъ, производившіяся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ со времени учрежденія сего послѣдняго, о болѣе важныхъ сообщаются иногда довольно обстоятельныя свѣдѣнія, о нѣкоторыхъ сектахъ (наприм. молоканской и скопческой) говорится на основаніи архивныхъ документовъ даже съ большими подробностями. Для «литературныхъ дѣятелей», не имѣющихъ «доступа» въ министерскіе архивы, сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія въ высшей степени важны. Понятно, что и для нашего дѣла не

мало такихъ свѣдѣній мы надѣялись найти въ книгѣ г. Варадинова, имѣя въ виду, какіе интересные документы о Бѣлокриницкой іерархіи, взятые изъ министерства же внутреннихъ дѣлъ, напечатаны даже въ сборникѣ Кельсіева и нитая полную увѣренность, что еще большій запасъ ихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи авторъ «Исторіи министерства», писавшій свою книгу «на основаніи подлинныхъ дѣлъ и документовъ». Что же однако нашли мы въ его книгѣ? — Оказалось, къ нашему крайнему удивленію, что г. Варадиновъ, излагая исторію учрежденія Бѣлокриницкой митрополіи, не только не принялъ въ основаніе какихъ-либо новыхъ, намъ неизвѣстныхъ официальныхъ документовъ, но совершенно игнорируетъ и напечатанные у Кельсіева, — даже, что особенно замѣчательно, о запискѣ Надеждина, поданной министру внутреннихъ дѣлъ, не упомянулъ ни однимъ словомъ, а весь рассказъ свой основалъ на книгѣ игумена Паренія, котораго провозгласилъ при этомъ «почти очевидцомъ событія...»). Должно замѣтить еще, что и къ книгѣ игумена Паренія ученый авторъ отнесся безъ всякой критики, — заимствовалъ у него извѣстія даже очевидно невѣроятныя**): И такимъ образомъ въ *Исторію министерства*

*) Мы разумѣемъ здѣсь собственно исторію учрежденія Бѣлокриницкой митрополіи, изложенную г. Варадиновымъ на стр. 478—488; ниже, встрѣчаясь съ разными дѣлами по сношеніямъ русскихъ раскольниковъ съ Бѣлой-Криницей, авторъ излагаетъ и ихъ содержаніе, ни сколько не стѣсняясь тѣмъ, что здѣсь содержатся извѣстія объ учрежденіи митрополіи, во многомъ противорѣчащія исторіи, изложенной имъ выше по книгѣ игумена Паренія: ср. стр. 542, 567, 586 и д.

***) Въ *Книжѣ о промислѣ* говорится наприм., что въ сороковыхъ годахъ раскольники, задумавъ приобрести архіерея, и именно изъ русскихъ, „для сего обращались ко *всѣмъ тайникамъ* православной грекороссійской святой христовой церкви (т. е., по просту говоря, ко *всѣмъ русскимъ архіереямъ*); но нашли повсюду невозможнымъ исполнить свое желаніе и уловить себѣ добычу. Ибо Россійскія церкви архипастыри не суть трости, вѣтромъ колеблемы“ (стр. 38). Кто повѣритъ, чтобы раскольники обошли *всѣхъ русскихъ архіереевъ* съ предложеніемъ перейти въ расколъ?—ничего подобнаго, разумѣется, не было и не могло быть; а между тѣмъ г. Варадиновъ приводитъ буквально все это изъ Книги о промислѣ, замѣнивъ только выраженіе: *тайники* православной церкви выраженіемъ: *тайники* православной церкви (стр. 479). Само собою разумѣется, что и Костюшка-Жидовинъ является неоднократно на страницахъ „Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“. Вотъ въ какихъ изящныхъ выраженіяхъ авторъ рекомендуетъ его читателямъ: „тутъ на дорогѣ *острѣтились съ жидомъ*, выдав-

внутреннихъ дѣлъ вошли всѣ почти невѣрныя сказанія, слишкомъ довѣрчиво взятыя игуменомъ Пареевемъ изъ «Повѣсти» Платона Аванецковича и частію сочиненныя самимъ авторомъ «Книги о промыслѣ».

Намъ остается еще сказать о сочиненіи П. И. Мельникова: *Историческіе очерки поповщины*. Талантливый историкъ не довелъ еще своего разсказа до времени учрежденія Бѣлокрилицкой іерархіи; но о лицахъ, бывшихъ главными дѣятелями въ этомъ событіи, и даже о нѣкоторыхъ ближайшимъ образомъ относящихся къ нему обстоятельствахъ, онъ нашелъ случаи упомянуть въ своихъ историческихъ очеркахъ. Для насъ его „Очерки“ представляли тѣмъ болѣе интересъ, что здѣсь мы нашли то, чего напрасно искали въ сочиненіи г. Варадинова: авторъ почти постоянно ссылается на дѣла и документы изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторыя, извлеченныя имъ изъ этихъ источниковъ, свѣдѣнія оказались не лишними для нашего дѣла. Но при всемъ нашемъ уваженіи и лично къ автору и къ его прекрасному таланту мы должны замѣтить, что при повѣркѣ «Историческихъ очерковъ» бывшими у насъ вполнѣ достовѣрными документами нашлось не мало такого, съ чѣмъ согласиться было невозможно. Такъ именно ока-

нимъ себя за выкращеннаго въ греческую вѣру, называвшагося Константиномъ, или Костюшкою, но на самомъ дѣлѣ бывшаго жидомъ“ (тамъ-же). Должно замѣтить еще, что излагая въ сжатомъ очеркѣ содержаніе Книги о промыслѣ, авторъ перепуталъ ходъ событій, и въ довершеніе всего нѣкоторыя самъ искажилъ. Наприм. въ Книгѣ о промыслѣ говорится: „Раскольники по всей Россіи, услышавши (объ учрежденіи митрополіи) побѣжали въ Австрію, покупать себѣ священство, и кто привезъ больше денегъ, тѣ выжили изъ Австріи епископами. Есть слухи и признаки, что и доселѣ въ Россіи тайно рыщутъ два лже-епископа Антоній и Софроній, и пожираютъ души человѣческія“ (стр. 125). Игумень Пареевй (какъ и слѣдовало) не говоритъ, что деньги за поставленія бралъ Амвросій и что Амвросіемъ же поставлены Антоній и Софроній; а г. Варадиновъ на основаніи словъ его пишетъ слѣдующее: „Амвросій началъ посвящать въ діаконны, священники и епископы, смотря по количеству суммъ, которую ему платилъ соискатель. Русскіе раскольники, услышавъ объ этомъ (?) бросились въ Австрію, покупать священство и епископство. Два изъ такихъ Антоній и Софроній посвящены Амвросіемъ съ санъ епископовъ“ (стр. 481). Авторъ и вообще утверждаетъ, будто Амвросій „началъ свои противозаконныя посвященія съ слѣдующихъ (послѣ 1846) годовъ“ (стр. 483), т. е. когда уже надолгиса въ ссылкѣ!

залось, что иногда, на основаніи одного какого-нибудь извѣстія, безъ строгой его оцѣнки, авторъ дѣлаетъ слишкомъ рѣшительные выводы, а иногда, излагая событія, для полнаго знакомства съ которыми не имѣлъ достаточныхъ матеріаловъ, съ излишнею смѣлостію вѣдется въ область предположеній, которыя однакоже предлагаетъ читателямъ какъ историческій фактъ, — изображаетъ цѣлыя картины и сцены, вполне согласныя съ духомъ раскола, прекрасно передающія характеръ старообрядцевъ, но дѣйствительное существованіе которыхъ тѣмъ не менѣе подлежитъ крайнему сомнѣнію, — вообще нашли мы, что въ «Историческихъ очеркахъ поповщины» г. Мельникова нерѣдко проявляются себя тѣ стороны его таланта, которыя сообщаютъ такое высокое достоинство его художественнымъ рассказамъ изъ раскольническаго быта, но которыя едвали удобны для исторіи въ строгомъ смыслѣ, прежде всего требующей отъ писателя хронологической точности и фактической вѣрности. И уваженіе къ труду автора и та извѣстность, какою онъ пользуется въ нашей литературѣ, побуждали насъ дѣлать объясненія, почему тѣ или другія обстоятельства мы излагаемъ иначе, нежели какъ онѣ описаны въ «Очеркахъ поповщины» и почему съ тѣми или другими выводами автора сихъ очерковъ мы не нашли удобнымъ согласиться.

Мы указали теперь всѣ болѣе или менѣе значительные источники, какіе имѣли для нашего труда, при чемъ старались объяснить и то, какое значеніе мы усвоили каждому изъ нихъ. Предоставляемъ судить нашимъ просвѣщеннымъ читателямъ, удовлетворительно ли этими источниками мы воспользовались. Съ своей стороны только одно беремъ смѣлость утверждать съ рѣшительностію — что нашъ трудъ есть трудъ вполне самостоятельный.

Н. С.

1 Января 1874 года.

I.

Попытки старообрядцевъ приобрести епископа, или, что тоже, учредить свою собственную іерархію, довольно рано извѣстны въ исторіи раскола и вызваны были пробудившимся въ обществѣ раскольниковъ сознаниемъ недостаточности и ложности ихъ самостоятельнаго, совершенно отдѣльнаго отъ церкви, но безъіерархическаго состоянія.

Къ великому утѣшенію православной церкви, даже при первомъ обнаруженіи раскола, когда въ немъ еще нельзя было видѣть рѣшительно признаковъ, свойственныхъ именно расколу, когда онъ явился еще подъ благовиднымъ прикрытіемъ ревности по досточтимой старинѣ и отъ предковъ наследованной вѣрѣ, искажаемымъ будтобы по произволу одного человѣка,—даже и тогда изъ всѣхъ немалочисленныхъ русскихъ іерарховъ одинъ Павелъ епископъ Коломенскій явился сообщникомъ расколуучителей, за что и былъ провозглашенъ ими, равно какъ и доселѣ признается у раскольниковъ, ихъ первоначальникомъ и первосвятителемъ, хотя и онъ, какъ можно съ основательностью предполагать, сдѣлался ревнителемъ раскола больше подъ влияніемъ своихъ личныхъ непріязненныхъ отношеній къ патриар-

ху Никону, нежели изъ преданности такъ называемому у раскольниковъ „древнему благочестію“. ¹⁾ Что на сторону раскольниковъ не уклонился, кромѣ Павла Коломенскаго, ни одинъ изъ тогдашнихъ російскихъ епископовъ, въ этомъ дѣйствительно нельзя не видѣть отрадное для сыновъ православной церкви указаніе особеннаго Божія о ней попеченія: ибо раскольники, имѣя у себя хотябы нѣсколькихъ епископовъ, могли бы основать свою, постоянно продолжающуюся іерархію и расколъ чрезъ это пріобрѣлъ бы больше силы и прочности, тогда какъ напротивъ неимѣніе епископовъ и отсюда невозможность съ самаго же начала основать собственную іерархію были именно залогомъ неизбѣжно предстоявшихъ расколу внутреннихъ смуть и нестройній, распаденія на частныя, одна другой враждебныя секты, вообще его слабости и недолговѣчности. Нельзя также не видѣть слѣдовъ особеннаго промышленія Божія о право-

1) Что Павелъ Коломенскій, землякъ патріарха Никона, имѣлъ противъ сего послѣдняго личныя неудовольствія, это не подлежитъ сомнѣнію и очевидно, между прочимъ, изъ его тѣсныхъ связей съ врагами патріарха—Нероновымъ, Аввакумомъ и др. (отношенія между Павломъ Коломенскимъ и Никономъ мы подробно изложили въ статьѣ: *Опроверженіе раскольническихъ клеветъ на п. Никона*. См. *Приб. къ тв. св. отецъ*, 1860 г. стр. 321—329.) Кромѣ Павла Коломенскаго, по увѣренію раскольниковъ, были противъ соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и вообще приняли будтобы сторону раскола епископы: Макарій Новгородскій, Маркеллъ Вологодскій и Александръ Вятскій (Денис. *Виноградъ Рос.* Рук. Моск. Дух. Ак. л. 48. *Церкв. исторія* инока Павла Бвлокриницкаго, напечатанная въ Черновцахъ, стр. 49 и 67). Но никакія историческія свидѣтельства не подтверждаютъ раскольническихъ сказаній о Макаріи и Маркеллѣ. Что же касается Александра Вятскаго, то онъ дѣйствительно подалъ въ 1663 году жалобу царю Алексѣю Михайловичу на патріарха Никона, гдѣ обвинялъ его въ мнимомъ искаженіи церковныхъ книгъ и обрядовъ; но самое время, когда подано это прошеніе,—время опалы Никона,—внушаетъ подозрѣніе, что Александръ дѣйствовалъ здѣсь по личной враждѣ къ опальному патріарху, желая своимъ извѣтомъ увеличить мѣру его виновности и силу предстоявшаго ему наказанія (о личныхъ отношеніяхъ Александра Вятскаго къ Никону см. въ указанной выше статьѣ: *Опроверженіе клеветъ...* стр. 294—299); а что самымъ исправленіямъ книжнымъ, за которыя обвинялъ патріарха Никона, Александръ не придавалъ дѣйствительной важности и даже мало понималъ ихъ, въ этомъ онъ самъ сознался на соборѣ 1666 года (см. *Допол. къ Акт. истор.* т. V. стр. 447).

славной церкви и въ томъ, что самъ Павелъ Коломенскій не успѣлъ поставить преемника себѣ по епископству, чрезъ котораго, хотя и вопреки церковнымъ правиламъ, могъ бы начаться непрерывный рядъ раскольниковъ архіереевъ.

Въ званіи первоначальника и первосвятителя русскихъ раскольниковъ Павлу Коломенскому пришлось побыть очень недолго: отъ окончательнаго суда надъ нимъ до его смерти прошло какихъ-нибудь полтора года и никакъ не болѣе двухъ. ¹⁾ И если взять во вниманіе, что точныхъ свѣдѣній о послѣдней судьбѣ Павла Коломенскаго мы не находимъ даже у самихъ раскольниковъ, для которыхъ весьма дорога его память, что даже расколическіе писатели несогласны одинъ съ другимъ въ извѣстіяхъ наприм. о мѣстѣ и времени его смерти ²⁾: то нельзя не придти къ заключенію, что кратковременное пребываніе Павла Коломенскаго въ ссылкѣ было окружено особенной таинственностью ³⁾ и доступъ къ нему его почитателей былъ тщательно пресѣченъ. Поэтому трудно допустить, чтобы Павелъ во время ссылки могъ имѣть сношенія и бесѣды съ раскольниками, преподавать имъ для руководства на будущее время разнаго рода совѣты и наставленія, завѣщанія и правила. А между тѣмъ, какъ бы пользуясь именно этой таинственностью послѣдней судьбы злополучнаго Коломенскаго епи-

¹⁾ Патріархъ Никонъ, безъ сомнѣнія, не ранѣе произнесъ окончательный судъ надъ Павломъ Коломенскимъ, какъ по полученіи отвѣта отъ патріарха Константинопольскаго, которому послѣ собора 1654 г. онъ жаловался на Неронова и на Павла, слѣдовательно не ранѣе 1655 года; а смерть Павла Коломенскаго сами раскольники относятъ къ 1656 году (см. пр. Макарія *Ист. раск.* прим. 425), а нѣкоторые даже къ 1655 (Денис. *Вин. Рос.* л. 79).

²⁾ По однимъ сказаніямъ, Павелъ сосланъ былъ въ Пустозерскъ и здѣсь вскорѣ (въ 1655 г.) сожженъ (Аввак. въ *Автобіогр.* и *Сказ. о страд. и сконч. Павла*); по другимъ—онъ умеръ въ Новгородскихъ предѣлахъ и притомъ послѣ долгихъ страданій отъ „новочинцевъ“, т. е. уже послѣ Никона, отъ его учениковъ; а дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ, что Павелъ умерщвленъ въ Новгородскихъ же предѣлахъ, но по повелѣнію самаго Никона, посланными отъ него слугами (см. *Прав. Собес.* 1859 г. ч. II. стр. 469).

³⁾ Достойно замѣчаніе, что въ извѣстительной грамотѣ о низложеніи Никона сказано, что Павелъ Коломенскій „погибъ безвѣстно“ (*Собр. госуд. грам.* т. IV, стр. 183—186).

скопа, этимъ вообще недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о его жизни и дѣятельности въ качествѣ перворевнителя отеческихъ преданій, раскольники дали полную и самую широкую свободу фантазіи въ своихъ сказаніяхъ о „священно-страдальцѣ—епископѣ“, какъ они называютъ Павла. Раскольническіе историки и старыхъ и новыхъ временъ со всевозможными подробностями передаютъ разныя небывалыя бесѣды его и разглагольствія ¹⁾, и притомъ, что особенно замѣчательно, объ секты, на которыя распался расколъ, противоположныя одна другой по своимъ началамъ и одна другой враждебныя, представляютъ Павла Коломенскаго исключительно своимъ родоначальникомъ, въ оправданіе и основу своихъ отличительныхъ мнѣній приводятъ именно его завѣщаніе, якобы свято ими соблюдаемое: безпоповскіе писатели увѣряютъ, что Павелъ епископъ оставилъ заповѣдь „новорукоположенныхъ іереевъ отнюдь не примати“ и лицамъ „нерукоположеннымъ“, т. е. мірянамъ, далъ благословеніе „совершать душеспасительныя тайны;“ ²⁾ поповцы же, напротивъ, утверждаютъ, что отъ самого епископа Павла они имѣютъ благословеніе принимать и новаго поставленія іереевъ, а одинъ изъ борзыхъ поповскихъ писателей, защищавшій перемазанство во время спо-

1) Изъ старыхъ раскольническихъ писателей, для примѣра, можно указать на Семена Денисова, который въ своемъ *Виноградъ Россійскомъ* (стр. 74—78) приводитъ довольно большія бесѣды Павла, какъ его собственныя, хотя по содержанию и особенно по складу рѣчи эти бесѣды каждый признаетъ витиеватымъ произведеніемъ самого Денисова, Павлу Коломенскому нимало не свойственнымъ. Изъ новѣйшихъ же раскольническихъ писателей должно указать на знаменитаго Павла Бѣлогриницкаго, который сочинилъ пространное *Разглагольствіе Никона патріарха съ Павломъ епископомъ Коломенскимъ* и напечаталъ оное, какъ произведеніе древности, въ своей *Церковной исторіи* (стр. 43 и слѣд.). Это „Разглагольствіе“, наполненное разными недѣлостями и явными несообразностями, какъ недобросовѣстная поддѣлка подъ древность, уронила Павла даже въ глазахъ самыхъ горячихъ его почитателей, каковы Онуерій бывшій епископъ Браиловскій, Паанутій бывшій епископъ Коломенскій, и даже не присоединившіе къ церкви — Паанутій Базанскій и авторъ *Окружнаго посланія*.

2) Сказаніе о страданіи и скончаніи Павла; *Доказательство, отъ кого и съ коимъ временемъ пріиша благословеніе простыя и нерукоположенныя новокрещенныя покрещивати* и проч. (Пр. Мак. *Ист. раск.* прил. 427.).

ровъ о чинопріятіи бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ, сочинилъ отъ имени Павла Коломенскаго пространную бесѣду, гдѣ изобразилъ его даже сторонникомъ перемазанцевъ, завѣщавшимъ якобы пріимати новопоставленныхъ іереовъ иначе, какъ „вторымъ чиномъ, подъ муромазаніе: ибо де и святыи Григорій (?) попускаетъ не въ присутствіи епископа іереомъ іереовъ помазывать муромъ.“¹⁾ Но при всей своей неразборчивости въ вымыслахъ, при всемъ неуваженіи къ исторической истинѣ, ни одинъ раскольниковскій писатель не рѣшился отвергнуть того прискорбнаго для старообрядцевъ обстоятельства, что Павелъ, какъ первый и единственный раскольниковскій епископъ, не оставилъ по себѣ преемника.

Такимъ образомъ, когда раскольники, отдѣлившіе себя отъ церкви и отлученные за то самую церковь на соборѣ 1667 года, составили изъ себя особое религиозное общество подъ незаконно присвоеннымъ названіемъ „древлеправославной церкви“, оказалось, что эта якобы „древлеправославная“ церковь не имѣетъ ни одного епископа. А между тѣмъ изъ священнаго и святоотеческихъ писаній, изъ всѣхъ книгъ по преимуществу ими уважаемыхъ, старообрядцы хорошо знали, что безъ епископа церковь существовать не можетъ²⁾, что (по Благовѣстнику) полное въ трехъ чинахъ устройство священной іерархіи должно пребывать въ церкви Христовой неизмѣнно и непрерывно до скончанія міра. Отсутствіе епископскаго чина въ ихъ глаголемой „древлеправославной“ церкви должно было такимъ образомъ внушить старообрядцамъ немалое сомнѣніе относительно ея правильности и законности при первомъ же спокойномъ и

1) Иона Курносый въ *Исторіи о бѣгствующихъ священствѣ* (см. Есипова *Раскольничьи дѣла* XVIII ст. т. II, прилож. стр. 183). За это самое сказаніе о Павлѣ Коломенскомъ и за это странное свидѣтельство какого-то Григорія, какъ измышлѣныя, и притомъ весьма неудачно, самимъ сочинителемъ, Иона потерялъ заслуженное посярженіе на Рогожскомъ соборѣ 1779 года отъ инока Никодима. (Андрей Іоаннова *Полн. ист. извѣстіе о раск.* изд. 5, ч. IV, стр. 49).

2) Мысль эта съ особенной полнотою раскрыта у свв. Игнатія Богоносца и Діонисія Ареопагита, въ „Благовѣстникѣ“, въ „Книгѣ о вѣрѣ“ и другихъ уважаемыхъ старообрядцами.

безпристрастномъ обсужденіи своего положенія и религіозно-общественнаго устройства. Такого безпристрастнаго и спокойнаго воззрѣнія на самихъ себя не было, конечно, и не могло быть въ первое время по отдѣленіи раскольниковъ отъ церкви, когда религіозный фанатизмъ въ средѣ ихъ господствовалъ со всею силою, поддержанный между прочимъ и слишкомъ строгими мѣрами, посредствомъ которыхъ думали тогда остановить распространеніе раскола; когда же старообрядцы получили нѣкоторую „ослабу“, когда многіе изъ нихъ нашли себѣ мѣста, гдѣ могли пользоваться въ извѣстной степени свободой и безопасностью отъ преслѣдованій правительства, тогда начинается въ средѣ ихъ, такъ сказать, болѣе сознательная дѣятельность, болѣе спокойное обсужденіе своего церковно-общественнаго положенія и устройства и при этомъ, естественно, вопросъ о немѣннѣи епископа въ ихъ глаголемой „древлеправославной“ церкви заявляетъ себѣ со всею силою, равно какъ возникаютъ и неразлучно соединенныя съ этимъ вопросомъ сомнѣнія и недоумѣнія относительно такого безыерархическаго состоянія. Нужно было какъ нибудь разрѣшить эти недоумѣнія, выдти изъ затруднительнаго положенія.

Въ силу той истины, или того положенія, что церковь безъ епископа быти не можетъ, старообрядцы, казалось бы, должны были признать свое самочинное общество не составляющимъ церкви и искать церковь тамъ, гдѣ существуетъ богоучрежденное священство во всей его полнотѣ, со всѣми чинами священной іерархіи. Но признать это значило оставить расколъ, отказаться отъ того, за что старообрядцы готовы были жертвовать (и многіе дѣйствительно жертвовали) самую жизнь, значило войти въ союзъ съ господствующею великороссійскою, или греческою церковію, которая по ихъ убѣжденію повредилась ересями, и такимъ образомъ впасть въ новыя тяжкія противорѣчія. Примиреніе своихъ противорѣчій на первый разъ старообрядцы нашли въ совершенно другомъ, такъ сказать обратномъ заключеніи изъ указаннаго выше положенія. „Церковь безъ епископа существовать не можетъ; а такъ какъ наше общество, — разсуждали они, — несомнѣнно составляетъ истин-

ную церковь, то и слѣдуетъ отсюда, что она непременно должна имѣть и имѣеть епископовъ, существованіе которыхъ остается только неизвѣстнымъ.“ И вотъ у раскольниковъ распространяются толки о „древлеправославныхъ“ архіереяхъ, якобы существующихъ гдѣ-то далеко на Востокъ и въ иныхъ странахъ; составляются фантастическіе рассказы о сокровенныхъ градахъ и обителяхъ съ священствомъ и епископами „древняго благочестія“; предпринимаются далекія и трудныя странствія для отысканія „древлеправославнаго“ епископства.

Это мнѣніе, что гдѣ-то въ невѣдомыхъ странахъ существуютъ епископы, не принявшіе „никоновскихъ новопремѣненій“, и что общество старообрядцевъ, хотя и лишенное видимаго присутствія епископовъ, по сему самому нельзя считать однакоже неимѣющимъ вовсе архіерейскаго чина, столь необходимаго въ церкви Христовой,—это мнѣніе дѣйствительно могло служить для старообрядцевъ нѣкоторымъ успокоеніемъ, особенно въ то время, когда еще имѣлись у нихъ священники древняго, дониконовскаго поставленія и пока еще не явилась постоянная нужда въ дѣйствительномъ, наличномъ епископствѣ, а не воображаемомъ только, или предполагаемомъ. Но вотъ и священниковъ, получившихъ поставленіе до „нарушенія вѣры“, не осталось у раскольниковъ: кто же теперь поставитъ имъ новыхъ законнымъ порядкомъ? гдѣ взять наличнаго „древлеправославнаго“ епископа, который одинъ могъ бы восполнить этотъ недостатокъ?

Извѣстно, что въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ значительная половина старообрядцевъ признала удобнѣйшимъ не распутывать затрудненія, а просто разсѣчь ихъ однимъ ударомъ: оставшись безъ священства, безъ строителей таинъ, эта часть старообрядцевъ провозгласила, что священство не безусловно необходимо въ церкви Христовой, что по нуждѣ, въ гонительное время, при господствѣ антихриста, церковь можетъ существовать и безъ законныхъ строителей таинъ, что спасеніе вѣрныхъ и безъ нихъ вполнѣ возможно. На такой отчаянно-смѣлый шагъ не рѣшилась другая, не менѣе значительная полови-

на старообрядцевъ. Не раздѣляя того мнѣнія, что будто вселенская церковь можетъ существовать безъ богоучрежденнаго священства и что будто спасеніе вѣрныхъ возможно и безъ участія въ богоучрежденныхъ таинствахъ, совершаемыхъ только нарочито поставленными для сего служителями церкви, напротивъ держась неуклонно того праваго ученія, ясно выраженнаго въ священномъ и отеческихъ писаніяхъ, что церковь безъ богоучрежденной іерархіи существовать не можетъ, старообрядцы не рѣшившіеся уклониться въ безпоповство все вниманіе и все тщаніе устремили на то, какъ бы восполнить свое вымирающее „древлеправославное“ священство даже при неимѣнии дѣйствительно присущаго „древлеправославнаго“ епископа (который одинъ только и могъ бы восполнить этотъ недостатокъ),— какъ-бы выдти изъ этого крайне затруднительнаго положенія, какъ бы именно распутать затрудненіе. Пришлось по необходимости обратиться за священствомъ къ „господствующей“, грекороссійской церкви: рѣшились принять сначала священниковъ, хотя и получившихъ „никоніанское“ поставленіе, но покрайней мѣрѣ крещенныхъ по „древнему“, дониконовскому чину; потомъ начали принимать и вообще „бѣгствующихъ“ отъ церкви грекороссійской іереевъ, т. е. поставленныхъ православными епископами, но рѣшившихся по тѣмъ или другимъ побужденіямъ оставить православіе и перейти къ раскольникамъ для отправленія священническихъ дѣйствій. Принявъ такое рѣшеніе, раскольники—поповцы не могли не примѣтить, что подаютъ законный поводъ обвинять ихъ въ противорѣчіи самимъ себѣ: они огласили грекороссійскую церковь чуждою благодати и за это мнимое истребленіе благодати прекратили всякое съ нею общеніе; теперь же, чрезъ принятіе священниковъ, поставленныхъ въ грекороссійской церкви, самымъ дѣломъ показывали, что признаютъ въ ней сохраненіе благодати священства и общенія съ нею не чуждаются. Чтобы избѣжать этого противорѣчія, въ основаніе и оправданіе своего рѣшенія—принимать священниковъ отъ церкви грекороссійской, раскольники приискали разныя отеческія правила, по ихъ мнѣнію, будтобы служащія дѣйствительнымъ для

нихъ оправданіемъ, именно тѣ, которыми дозволялось принимать отъ нѣкоторыхъ ересей приходящихъ священниковъ въ сущемъ ихъ санѣ. Такимъ образомъ они надѣялись и крайнюю нужду въ священствѣ по возможности восполнить, и съ своими понятіями о церкви грекороссійской, якобы поврежденной ересями, не впасть въ противорѣчіе. Здѣсь однакоже являлось новое затрудненіе; возникалъ вопросъ: имѣетъ ли церковь грекороссійская соотвѣтствіе съ тѣми еретиками древности, отъ которыхъ дозволяли правила принимать священниковъ въ сущемъ ихъ санѣ? Вопросъ о степени поврежденія церкви грекороссійской ересями у старообрядцевъ былъ уже рѣшенъ: православные подведены подъ разрядъ еретиковъ перваго чина и приходящихъ отъ церкви положено было принимать въ расколъ чрезъ повтореніе надъ ними крещенія ¹⁾. Бѣгствующіе священники въ этомъ отношеніи не могли составлять исключенія: поэтому надлежало принимать ихъ первымъ чиномъ. Но и сами раскольники сообразили, что съ повтореніемъ крещенія совершенно не совмѣстимо сохраненіе священства, и что отеческія правила и святоподобія, дозволяющія принятіе приходящихъ отъ ереси священниковъ въ сущемъ ихъ санѣ, къ еретикамъ перваго чина никакъ не могутъ быть приложены. Чтобы сохранить въ отношеніи къ бѣгствующимъ священникамъ вѣрность завѣту предковъ—еже покрещивати отъ великороссійской церкви приходящихъ, но

1) Правило перекрещивать приходящихъ отъ великороссійской церкви было принято первоначальниками такъ называемой поповщины. Питиримъ, епископъ Нижегородскій, въ свое время писалъ, обращаясь къ Керженскимъ поповцамъ: „отсель назадъ лѣтъ двадцать пять всѣхъ къ вамъ приходящихъ крещенныхъ у насъ паки совершенно крестили: Исидоръ попъ Козмодемьянскій совершенно крестилъ; понемъ и дворянинъ Ѳеодоръ Токмачевъ также крестилъ; посемъ Ѳеодосій попъ крещенныхъ также крестилъ совершенно“ (*Правица*, л. 273). Къ извѣстіямъ Питирима въ одномъ раскольническомъ сборникѣ прибавлено: „Еще и *оттковскіе первоначальники* приходящихъ къ нимъ отъ великороссійскія церкви паки крестили совершенно, а именно: Іовъ попъ приходящихъ крестилъ, также и Филиппъ попъ, иже на Косицкой слободѣ, приходящихъ крестилъ, еще Юсаѣ попъ также приходящихъ крестилъ, и послѣди сей Юсаѣ нача приимати подъ провлятіе.“ (*Рукоп. сборникъ*; см. о немъ ниже).

вмѣстѣ не обнажить ихъ и священства, придумали нѣкоторые погружать ихъ при крещеніи въ полномъ іерейскомъ облаченіи, другіе предлагали совершать надъ ними весь чинъ крещенія, но безъ погруженія въ воду. Были учинены и опыты подобныхъ чинопріятій; но по очевидной ихъ несообразности большинствомъ старообрядцевъ онѣ были отвергнуты. Нашли болѣе сообразнымъ съ правилами принимать бѣгствующихъ іереевъ, какъ еретиковъ втораго чина, а равно и всѣхъ уже отъ великороссійской церкви приходящихъ принимать только подъ мѣропомазаніе, отмѣнивъ такимъ образомъ завѣщанный предками обычай. Однакоже и противъ этого рѣшенія нашлись возражатели, находившіе, что и повтореніе мѣропомазанія надъ приходящимъ отъ церкви священникомъ требуетъ вторичнаго поставленія въ священство, съ сохраненіемъ же сей послѣдней тайны не согласуетъ. По этому нѣкоторые предлагали совершать мѣропомазаніе надъ приходящими іереями тѣмъ же страннымъ способомъ, какъ прежде совершали крещеніе, то есть облекши присоединяемаго въ полное священническое облаченіе; другіе же, болѣе благоразумные, находили возможнымъ въ пріятіи бѣгствующихъ священниковъ ограничиться однимъ проклятіемъ ересей, то есть принимать ихъ третьихъ чиномъ ¹⁾).

Итакъ, въ обществѣ старообрядцевъ, не дерзнувшихъ подобно безпоповцамъ отвергнуть безусловную необходимость священства въ церкви Христовой и, за неимѣніемъ дѣйствительно присущаго „древлеправославнаго“ епископа, рѣшившихся удовлетворять сей нуждѣ посредствомъ бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви іереевъ, вскорѣ же послѣ такого рѣшенія возникло много недоумѣній и разногласій по самому главному вопросу — вопросу о чинопріятіи сихъ бѣгствующихъ іереевъ, — и разногласія эти были выраженіемъ ими самими сознаваемой неудовлетворительности принятаго ими рѣшенія, невозможности безъ явнаго себѣ противорѣчія замѣнить своихъ „древлеправославныхъ“ священниковъ приходящими отъ церкви великороссійской,

¹⁾ А. Іоан. *Ист. изв. о раск.* ч. III, стр. 9—12; IV, 42.

въ этой послѣдней получившими рукоположеніе въ священныя степени. Притомъ же, очень скоро пришлось имъ убѣдиться, что бѣгствовали отъ великороссійской церкви большею частію священники недостойные этого имени, подлежашіе и подвергшіеся суду за разныя преступленія, даже лишенные сана, — вообще люди порочной жизни, попиравшіе и совѣсть, и вѣру, и святыню таинствъ. Сравнивая прежнее „древлеправославное“ іерейство съ этимъ новымъ „чужеименнымъ и своевольнымъ“, одинъ изъ старообрядцевъ того времени писалъ: „ониі іереи истинніи бяху, сіи же истинныхъ іереевъ токмо имена содержатъ, а достоинствъ правильныхъ далече отстоятъ; они аки пчелныя матки быша, сіи же шерстни, жала своя на-готовѣ имущи, да како противныхъ себѣ уязвять, уранять, изгонять“¹⁾. Пороки и безчинія бѣглыхъ поповъ, въ первое время особенно соблазнявшія старообрядцевъ, дѣлали еще болѣе ощутительнымъ для нихъ сознаніе неудовлетворительности принятаго способа восполнять недостатокъ „древлеправославнаго“ священства „бѣгствующимъ“ отъ великороссійской церкви. Истые ревнители старообрядчества крайне тяготились такимъ „сумнительнымъ“ положеніемъ своей глаголемой церкви, видѣли настоятельную нужду какъ-нибудь выдти изъ него и искали къ тому способовъ. Другаго способа имъ не представлялось, какъ приобрести „древлеправославнаго“ епископа, не воображаемаго, гдѣ-то въ невѣдомыхъ странахъ пребывающаго, но дѣйствительно присущаго, который могъ бы снабжать ихъ законно-поставляемымъ священствомъ. А такъ какъ предпринятыя нѣкоторыми опыты достаточно убѣдили старообрядцевъ, что тѣхъ епископовъ „древлеправославныхъ“, которые будто бы существуютъ въ какихъ-то далекихъ и невѣдомыхъ странахъ, отыскать не имѣется надежды, то „ревнители благоустроенія церковнаго (какъ выражается одинъ изъ новыхъ старообрядческихъ историковъ) возымѣли тщаніе снискать себѣ епископа по

¹⁾ Алексѣева *Ист. о бѣгств. священствѣ*. (Литоп. рус. лит. т. IV, отд. 3. стр. 68). Алексѣевъ былъ безпоповецъ, но изъ числа тѣхъ, которые, вполнѣ сознавая нужду священства въ церкви Христовой, не находили возможнымъ принять ни православнаго, ни старообрядческаго—бѣгствующаго.

примѣру принимаемыхъ отъ великороссійской церкви священниковъ“,—¹⁾ то есть они рѣшились поискать между православными епископами такого, который, подобно бѣглымъ попамъ, согласился бы, подѣ условіемъ извѣстнаго чинопріятія, поступить въ старообрядчество, и, будучи принятъ въ сущемъ его санѣ, совершалъ бы у нихъ всѣ архіерейскія дѣйства: тогда (разсуждали они) ихъ глаголемая древле-православная церковь имѣла бы полное трехчинное устройство іерархіи и не терпѣла бы нужды въ священствѣ,—тогда вмѣсто принимаемыхъ по нуждѣ „лжеименныхъ іереевъ“ они получили бы правильно, по ихъ древнему чину поставленныхъ и ими самими излюбленныхъ священниковъ.²⁾

Такъ постепенно, по мѣрѣ возникавшихъ нуждъ, старообрядцы приходятъ къ мысли объ исканіи бѣгствующихъ отъ православной церкви архіереевъ, — и именно старообрядцы тѣхъ мѣстъ, гдѣ „древнее благочестіе было во ослабѣ“, гдѣ они пользовались большей свободой и безопасностью, а потому имѣли и больше возможности спокойно обсуждать свое положеніе, вникнуть въ церковно-іерархическое устройство своей „древлеправославной“ церкви, примѣтить его недостатки и позаботиться насколько возможно объ ихъ устраненіи. Такими сравнительно безопасными для старообрядцевъ мѣстами жительства въ первые времена существованія раскола служили украинныя страны, лежавшія за тогдашними границами россійскаго государства и особенно югозападной его части, за такъ называемыми рубежами польскимъ и литовскимъ, куда во множествѣ стекались старообрядцы искать безопасности отъ преслѣдованій русскаго правительства. Здѣсь-то, и преимущественно на Вѣткѣ, сдѣлавшейся подѣ покровительствомъ пана Халец-

¹⁾ Сказаніе *вкратцѣ о учрежденіи нынѣ существующей іерархіи* (принадлежащая намъ рукопись).

²⁾ Подобнымъ образомъ и Алексѣевъ объясняетъ рѣшимость старообрядцевъ искать себя архіерея отъ церкви православной: „восхотѣша народи изъ сего новопріятія (бѣглыхъ поповъ) извинуть въ древнія рукоположенныхъ обычаи: иначе же не возмогоша извинуть, токмо да посвященъ имъ будетъ како-либо отъ новыхъ епископъ и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ іереевъ“ (Лѣт. Рус. Лит. т. IV, отд. 3, стр. 63—64).

ваго и самого польскаго короля ¹⁾ средоточіемъ поповщины, совершались тѣ, описанныя выше попытки къ устроению старообрядческой іерархіи, которыя своей неудовлетворительностью возбудили въ старообрядцахъ мысль объ исканіи бѣгствующаго архіерейства: здѣсь первоначально рѣшились принимать, за оскудѣніемъ „древлеправославныхъ“ священниковъ, приходящихъ отъ великороссійской церкви поповъ; здѣсь возникли и разногласія по вопросу о чинопріятіи бѣгствующаго священства; здѣсь выражалось громко и недовольство этимъ „чужеименнымъ и своевольнымъ“ священствомъ; здѣсь же наконецъ сдѣланы и первые опыты исканія отъ православной церкви приходящихъ епископовъ ²⁾.

По увѣренію старообрядцевъ, „первыя у нихъ покушенія для отысканія епископа (по примѣру отъ Россійской церкви приходящихъ священниковъ) были еще въ царствованіе Петра Перваго“ ³⁾. Тоже время указано и въ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ о расколѣ ⁴⁾. Но въ точности опредѣлить,

¹⁾ *Отъ короля польскаго* (писали вѣтковскіе отцы въ прошеніи, поданномъ Константинопольскому патріарху въ 1730 г.) и листъ намъ данъ во обители нашей и прочимъ скитанъ и всякаго чина людямъ нашимъ увольный, еже намъ... вѣру нашу невозбранно содержать, которыя ради свободности нашихъ людей по всей Польшѣ населишася премногое число“.

²⁾ См. Алексѣева *Ист. о бѣгств. свящ.*; А. Іоаннова *Истор. изв.*

³⁾ *Сказаніе краткѣ...* Такъ какъ сочинитель говоритъ дальше: „для сего они обращались въ Молдавію и Грецію, но безуспѣшно“, то повсей вѣроятности онъ разумѣетъ здѣсь неудавшіяся сношенія вѣтковцевъ по дѣлу о пріобрѣтеніи епископа съ Ясскимъ митрополитомъ и Константинопольскимъ патріархомъ, которыя однакоже происходили не при Петрѣ 1-мъ, а въ 1730—31 г.

⁴⁾ См. П. И. Мельникова *Очерки поповщины*. На стр. 52 говорится, что мысль о пріобрѣтеніи епископа отъ православной церкви у старообрядцевъ „явилась еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія“, что „поповщинскія общины (?) рѣшили послать на Востокъ къ грекамъ хорошаго человека, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобы онъ извѣдалъ какова въ самомъ дѣлѣ у Грековъ вѣра и можно ли отъ нихъ принять епископа“, — и за тѣмъ дальше (на стр. 53—57) говорится о путешествіи будто бы избраннаго на то старца Леонтія. Но самъ же авторъ замѣтилъ, что „похожденіе Леонтія старца“, найденное въ одномъ раскольническомъ цѣтаникѣ XVIII в., имѣетъ буквальное сходство съ путешествіемъ Лукьянова, напечатаннымъ въ 1 т. *Русскаго архива*; и хотя въ рѣшеніи вопроса: кто у кого списалъ хожденіе—Леонтій у Лукьянова, или Лукьяновъ у Леонтія? — на основаніи нѣ-

когда именно у старообрядцевъ возникла мысль о приобрѣтеніи бѣгствующаго епископа отъ православной церкви и когда сдѣланы первыя къ тому покушенія, едвали можно. Весьма вѣроятно, что это было и въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія; однакоже первыя извѣстныя намъ по точнымъ историческимъ указаніямъ серьезныя попытки со стороны раскольниковъ приобрѣсти епископа по примѣру бѣгствующихъ іереевъ были сдѣланы уже въ 1730 году ¹⁾. Дѣло начали

которыхъ хронологическихъ данныхъ авторъ склоняется въ пользу того предположенія, что подлинность принадлежит хожденію Леонтія; но соображенія его вполнѣ убѣдительными признать нельзя. Хронологическія неувѣрности въ путешествіи Лукьянова легко устроятся, если допустить, что въ проѣзжей грамотѣ, подлинность которой никакъ нельзя заподозрить, переписчикъ сдѣлалъ ошибку, весьма возможную,—вмѣсто 1701 г. написалъ 1710; а все содержаніе путешествія показываетъ въ путешественникѣ истаго москвитянина, какимъ былъ Лукьяновъ, хотя конечно, такимъ же москвичемъ могъ быть и неизвѣстный старецъ Леонтій (не назывался ли даже Леонтіемъ, въ міру или въ иночествѣ, самъ священникъ Лукьяновъ? Тогда совершенно ясно было бы, почему въ нѣкоторыхъ спискахъ путешествіе приписано старцу Леонтію). Кто бы впрочемъ ни былъ составителемъ путешествія священникъ Лукьяновъ, или старецъ Леонтій, въ настоящемъ случаѣ важно собственно то, что въ сочиненіи этомъ вовсе не говорится и нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что будто бы путешествіе предпріято было авторомъ по порученію какихъ-то поповщинскихъ общинъ съ опредѣленною цѣлю—извѣдать „какова вѣра у грековъ“, и особенно „можно ли отъ нихъ принять епископа“; не имѣется въ сочиненіи прямыхъ указаній и на то, что путешествіе совершенно и описано раскольникомъ; видно только, что путешественникъ, подобно Суханову, питалъ особенное уваженіе къ чинамъ и обрядамъ древнероссійской церкви и имѣлъ предубѣжденіе противъ Грековъ, съ каковыми и смотрѣлъ во время путешествія на ихъ богослуженіе, чины и обряды, что нисколько неудивительно въ духовномъ лицѣ того времени, даже не причастномъ расколу. Т. о. положеніе автора, что мысль о приобрѣтеніи епископа отъ православной церкви у старообрядцевъ явилась еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, остается ничѣмъ не поддержаннымъ. Далѣе на стр. 81 того же сочиненія сказано: „съ 1715 года началось у старообрядцевъ дѣльное исканіе архіерея“. Но опять и это извѣстіе, столь положительно сообщаемое, никакимъ историческимъ свидѣтельствомъ не подтверждается; примѣръ же такого „дѣтельнаго“ исканія, вслѣдъ затѣмъ приводимый авторомъ (стр. 82—86), относится не къ 1715 г., а къ 1730 году.

1) Что ранѣе этого года старообрядцы уже умѣли мысль о приобрѣтеніи епископа и обсуждали между собою способы къ ея осуществленію, на это можно находить указаніе въ слѣдующихъ словахъ Алексѣева: „вдвѣшеса

вѣтковскіе старообрядцы вмѣстѣ съ стародубскими дьяконова согласія. По зрѣломъ размышленіи, а можетъ быть и послѣ надлежащихъ справокъ, найдено было, что къ российскимъ епископамъ съ такимъ дѣломъ обращаться неудобно; съ большей вѣроятностію успѣха они рассчитывали на Яскаго митрополита Антонія, который, какъ имъ было извѣстно, не чуждался старообрядцевъ, жившихъ въ Молдавіи, и особенно въ Яссахъ¹⁾. Черезъ этихъ послѣднихъ вѣтковскіе и стародубскіе раскольники дѣйствительно рѣшились войти въ сношеніе съ митрополитомъ Антоніемъ по дѣлу о епископѣ. Достойно замѣчанія, что въ этотъ первый разъ старообрядцы хлопотали не о томъ, чтобы склонить къ переходу въ ихъ общество кого-либо изъ наличныхъ православныхъ епископовъ, но желали, чтобы Антоній поставилъ новаго епископа нарочито для нихъ и изъ собственной ихъ среды, котораго однакоже, какъ само собою понятно, они подвергли бы потомъ установленному чинопріятію.

Митрополитъ Антоній, безъ сомнѣнія, мало знакомый съ расколомъ, и не проникая еще въ замыслы раскольниковъ,

общерадѣтельствомъ въ исканіе се и не обрѣтоша къ сему удобства, тоцію въ Волохской земли, въ нейже удободоступна себѣ Яскаго митрополита обрѣтоша“. Итакъ, по свидѣтельству Алексѣева, старообрядцы, и прежде начатія дѣла у Яскаго митрополита въ 1730 году, уже „дивля радѣніе“ объ отысканіи епископа, наводили справки, гдѣ удобно было бы отыскать его, и удобства этого въ другихъ мѣстахъ (конечно въ Россіи), кромѣ Волохской земли, не обрѣтоша; но такъ какъ ни объ одной, сколько-нибудь *рѣшительной* попыткѣ пріобрести архіерея ранѣе 1730 года не упоминаетъ и Алексѣевъ, тщательно собиравшій и передавшій свѣдѣнія о бѣгствующемъ священствѣ, то сдѣланный въ упомянутомъ году опытъ и можно считать дѣйствительно первымъ въ этомъ родѣ.

¹⁾ Въ *Очеркъ исторіи прав. церквей, Болгарской* и др. г. Голубинскаго сказано, что 1721—1736 г. митрополитомъ молдавлахійскимъ былъ Гедсонъ (стр. 381); а въ *Истор. о бѣств. свящ.* Алексѣева, современника описываемому теперь событію, говорится, что въ 1730 г. митрополитомъ Молдавлахійскимъ былъ именно Антоній. Къ сожалѣнію въ другомъ, современномъ же и притомъ офиціальномъ документѣ, относящемся къ настоящему дѣлу о поставленіи епископа для раскольниковъ (прошеніе, поданное патріарху Константинопольскому), митрополитъ молдавлахійскій не названъ по имени.

соглашался исполнить ихъ желаніе. Получивъ объ этомъ увѣдомленіе, вѣтковскій игуменъ Власій, отъ имени всѣхъ иноковъ и „многихъ тысячъ народа“ подалъ въ 1730 году „просительный листъ“ митрополиту; за тѣмъ отправленъ былъ въ Яссы и избранный на епископство казначей Покровскаго Вѣтковскаго монастыря инокъ Павелъ. Прошеніе было поддержано владѣтелемъ Вѣтки — паномъ Халецкимъ и самимъ молдавскимъ господаремъ, которому также поданъ былъ просительный листъ. Но такъ какъ митрополитъ Антоній почему-то медлилъ рѣшеніемъ дѣла, то въ слѣдующемъ 1731 году, 5 мая, вѣтковцы подали новое прошеніе прибывшему тогда въ Яссы Константинопольскому патриарху Паисію 2-му, на рѣшеніе котораго представилъ ихъ дѣло и самъ митрополитъ Антоній¹⁾. Всячески увѣряя въ своей преданности и „вѣрности вселенскимъ патриаршимъ престоламъ“, вѣтковцы умоляли Паисія „даровать имъ святителя и возобновить ихъ божественнымъ священноначальствомъ“, т. е. выражали готовность и желаніе принять епископа отъ руки греческаго архипастыря²⁾. Патриархъ Паисій выразилъ согласіе исполнить ихъ просьбу, если только поставленный для нихъ епископъ дастъ клятвенное обѣщаніе во всемъ послѣдовать ученію православной церкви, т. е. подъ условіемъ отреченія отъ раскола³⁾. Этого условія вѣтковцы принять не нашли возможнымъ и дѣло по сему прекратилось. Такимъ образомъ первое покушеніе старообрядцевъ пріобрѣсти епископа по призыву бѣгствующихъ іереевъ кончилось ничѣмъ⁴⁾.

1) Митрополитъ Молдовлахійскій состоялъ тогда, какъ состоитъ и теперь, въ іерархической зависимости отъ Константинопольскаго патриарха (см. Голубин. *Ист. церкви*, стр. 387—388).

2) Современный списокъ этого прошенія въ 1866 году отысканъ въ Яссахъ старообрядческими епископами, и копію съ него, засвидѣтельствованную подписями сихъ послѣднихъ, обязательно сообщилъ намъ бывший старообрядческій іеродіаконъ о. Ипполитъ. Значеніе этого документа для исторіи раскола мы раскрыли въ статьѣ, напечатанной въ 1-й кн. *Душеполезнаго Чтенія* за 1870 годъ; тамъ же приведенъ вполнѣ и самый текстъ прошенія.

3) *Ист. о быств. свяц.* стр. 64. Ср. А. Іоан. *Полн. Ист. изв.* ч. III, стр. 18.

4) Около того же времени, когда вѣтковцы хлопотали о поставленіи въ епископы казначей—инока Павла, явился и изъ среды безпоповцевъ рев-

Но первая неудача только сильнее пробудила въ старообрядцахъ желаніе имѣть своего собственнаго епископа, такъ что они становятся теперь гораздо менѣе взыскательны и разборчивы относительно способовъ пріобрѣтенія и личныхъ качествъ искомаго епископа, нежели какъ были

настоящій искатель архіерейства—Михаилъ Ивановъ Вышатицъ, выгорѣдкій житель. Павелъ Любопытный говоритъ о Вышатицѣ, что этотъ „ученый мужъ, вѣдущій греческій и латинскій языки, былъ *убѣжденъ отъ старѣйшихъ своея церкви долговременно странствовать въ Палестинѣ и тамъ искать христовой хиротоніи.*“ (*Словарь старогреческой церкви.* См. статью о Вышатицѣ). Такимъ образомъ исканіе епископства, по словамъ Любопытнаго, предпринято было Вышатицымъ по убѣжденію старѣйшихъ безпоповскаго согласія, и онъ, конечно, искалъ въ Палестинѣ и на пути туда епископа „древлеправославнаго“; а такъ какъ Любопытный о смерти Вышатица замѣтилъ, что она послѣдовала въ 1732 году въ Палестинѣ, послѣ „долговременнаго“ исканія тамъ хиротоніи, то исканіе это надлежитъ считать если не предшествовавшимъ по времени сейчасъ изложеннымъ попыткамъ вѣтковцевъ, то по крайней мѣрѣ современнымъ, и во всякомъ случаѣ отъ сихъ послѣднихъ независимымъ. Между тѣмъ авторъ *Очерковъ поповщины*, основываясь на сказаніи Іоны Курносаго, утверждаетъ, что путешествіе Вышатица для исканія архіерейства предпринято послѣ того, какъ поповцы „испытали неудачу“ въ Яссахъ (слѣдов. не раньше 1731 или начала 1732 года), и притомъ по взаимному согласію и избранію поповцевъ и безпоповцевъ, каковое соглашеніе, между ними происходило въ Стародубѣ (стр. 87—88). Но если Вышатицъ умеръ въ 1732 году, какъ сказано и въ *Очеркахъ поповщины*, и если предъ этимъ, какъ здѣсь же опять говорится, онъ „долго странствовалъ“: то, очевидно, никакъ не могъ онъ предпринять путешествіе для исканія епископства послѣ яесской неудачи вѣтковцевъ, случившейся въ половинѣ или даже въ концѣ 1731 года, и еще послѣ происходившихъ потомъ сношеній и соглашеній „вѣтковской поповщины, стародубской дьяконовщины и безпоповцевъ поморскаго согласія“. Что касается этого соглашенія, то еслибы оно происходило действительно, и притомъ въ Стародубѣ, да еще было „истиннымъ праздникомъ для стародубцевъ“, Иванъ Алексѣевъ, какъ стародубскій житель и современникъ событія, не преминулъ бы, конечно, упомянуть о немъ. Молчаніе же Алексѣева даетъ новое основаніе усомниться въ справедливости, или по крайней мѣрѣ точности извѣстія, сообщаемаго Іоной Курносимъ, писателемъ болѣе поздняго времени. Правда, о посольствѣ Вышатица по взаимному соглашенію на то поповцевъ и безпоповцевъ упоминается въ запискѣ, доставленной Андрею Іоаннову какимъ-то его пріателемъ (*Полн. ист. мзвѣстїе*, ч. IV, стр. 79); но этотъ послѣдній ничего не говоритъ о самомъ времени, когда происходило соглашеніе и посольство, а только поставилъ извѣстіе о томъ вслѣдъ за извѣстіемъ о исканіи архіерейства въ Яссахъ; при томъ же есть основаніе предполагать, что онъ следовалъ въ

въ своихъ сношеніяхъ съ молдовлахійскимъ митрополитомъ и цареградскимъ патріархомъ. И спустя два года послѣ яесской неудачи у нихъ дѣйствительно явился епископъ — знаменитый въ исторіи раскола Епифаній¹⁾. Онъ былъ поставленъ въ епископы для города Чигирина молдовлахій-

настоящемъ случаѣ указанію того же Ионы Курносаго, въ его „Исторіи о бѣгствующемъ на Берзенцѣ священствѣ“. О причинахъ, побудившихъ Вышатина предпринять исканіе архіерейства, см. у г. Цильскаго (*Семейная жизнь въ раск.* ч. 1, стр. 101—105). Сомнительно впрочемъ, чтобы въ предпріятія Вышатина искренно принимали участіе поморскіе старѣйшины и самъ Андрей Денисовъ; не хотѣлось ли имъ скорѣе избавиться отъ Вышатина, горячаго противника безбрачной жизни, поощряя его несбыточныя надежды отыскать „древлеправославныхъ“ епископовъ и утверждая въ намереніи отправиться для этого въ далекія и опасныя странствія.

1) Считаая несомнѣннымъ, что вѣтковскіе и стародубскіе раскольники послѣ неудачи, испытанной въ Яссахъ, не оставляли мысли о приобращеніи епископа и наводили справки, гдѣбы найти его (чему доказательствомъ служить и самая исторія Епифанія, о которомъ вѣтковцы вели переговоры съ московскими поповцами), едвали однакоже можно признать достовѣрнымъ, переданный въ *Очеркахъ помощники*, рассказъ Ионы Курносаго, что будтобы въ промежутокъ времени отъ 1731 до 1733 года, когда прибылъ на Вѣтку Епифаній, вѣтковцы послали въ Молдавію для поставленія въ епископы монаха Варлаама, а потомъ, когда и Варлаамъ возвратился безъ успѣха, еще какого-то другаго кандидата (стр. 91—94). Въ рассказѣ Ионы есть несообразности. Трудно допустить, чтобы вѣтковцы послѣ недавней неудачи въ Яссахъ, испытанной первымъ ихъ кандидатомъ на епископство-казначеемъ Павломъ, рѣшились послать тудаже, къ тому же митрополиту и для той же цѣли монаха Варлаама, а потомъ, послѣ новой неудачи, еще какого-то кандидата... Поведеніе митрополита Антонія также представляется страннымъ: послѣ только что оконченнаго дѣла о вѣтковскомъ казначѣ Павлѣ онъ будтобы изъясняетъ согласіе посвятить въ епископы другаго, присланнаго съ Вѣтки инока, не справясь, какъ бы слѣдовало, принимаетъ ли онъ тѣ условія къ посвященію, какія указаны для сего патріархомъ Паисіемъ; когда же потомъ, на канунъ самаго посвященія, узналъ отъ Варлаама, что онъ остается при своихъ раскольническихъ убѣжденіяхъ, то будтобы призвалъ еельдшера и приказалъ обрить Варлааму бороду и голову... О Варлаамѣ и другомъ послѣ него кандидатѣ на епископство не упоминаетъ Алексѣевъ, который долженъ былъ знать дѣло гораздо лучше Ионы Курносаго и не преминулъ бы упомянуть объ этихъ новыхъ сношеніяхъ вѣтковскихъ раскольниковъ съ митрополитомъ Антоніемъ, еслибы онѣ дѣйствительно происходили, рассказавъ о сношеніяхъ точно такого рода, незадолго передъ тѣмъ бывшихъ. Это молчаніе Алексѣева, какъ современника указанныхъ Ионою событій и какъ писателя тщательнаго и добросовѣстнаго, въ настоящемъ случаѣ весьма важно. Иона же передаетъ здѣсь

скимъ митрополитомъ Георгіемъ ¹⁾); но поставленіе это канонической правильности не имѣло и дѣйствительнымъ признано быть не могло, ибо получено было незаконнымъ путемъ и при условіяхъ, составляющихъ рѣшительное препятствіе къ полученію епископскаго сана. Епифаній ²⁾), по

событія, происходившія по крайней мѣрѣ за сорокъ лѣтъ до написанія его исторіи и въ мѣстахъ далекихъ отъ Керченца, гдѣ писалъ онъ исторію,— слѣд. передаетъ ихъ если и добросовѣстно, то все же по расказамъ другихъ, или по смутнымъ воспоминаніямъ. Но и писателемъ добросовѣстнымъ его назвать нельзя: онъ писалъ свою исторію съ полемическою цѣлю — защитить перемазанство противъ нападеній противной партіи, и для достиженія этой цѣли позволялъ себѣ намеренно отступать отъ истины, выдавать за исторію вымыслы собственной фантазіи, сочинить небывалые бесѣды, въ родѣ указаннаго выше разговора Павла Коломенскаго съ учениками. Это было сказано ему въ глаза на перемазанскомъ соборѣ 1779 года; здѣсь же инокъ Никодимъ „обличалъ исторію“ Іоны „яко фальшивую“, „препиралъ его, яко лжу пишуща“,—и, къ великому его посрамленію, Іона не могъ ничего сказать при этомъ въ свое оправданіе (А. Іоан. *Ист. извѣст.* ч. IV, стр. 47—50). Италѣ принять за вполне достовѣрное, однимъ только Іоною Курносимъ сообщаемое, извѣстіе о новыхъ сношеніяхъ вѣтковскихъ раскольниковъ съ митрополитомъ Антоніемъ по дѣлу о поставленіи имъ епископа, едвали можно; а то обстоятельство, что объ этихъ сношеніяхъ упоминается въ запискѣ, напечатанной у А. Іовинова, опять нисколько не ослабляетъ высказанныхъ нами сомнѣній относительно расказа Іоны.

¹⁾ Такъ у г. Мельникова, который пользовался *Дьяломъ объ Епифаніи*, и у Ив. Алексѣева въ *Исторіи о быств. свящ.*; въ *Очеркѣ ист. г. Голубинскаго и Георгій* совсѣмъ не упомянуть при исчисленіи молдавляхійскихъ митрополитовъ.

²⁾ Объ Епифаніи, а также объ Аениногенѣ и Анеимѣ свѣдѣнія находятся у Алексѣева (*Ист. о бы. свящ.* стр. 64—66) и Андрея Іоаннова (*Ист. изв.* ч. III, стр. 19—35, ч. IV, 17—35); съ особенной же подробностью, хотя не вездѣ съ несомнѣнной точностью, излагается исторія этихъ епископовъ въ *Очеркахъ половщины* (стр. 94—251). Кромѣ того свѣдѣнія объ Епифаніи, Аениногенѣ и Анеимѣ мы заимствуемъ изъ одного, принадлежащаго *Братству св. Петра*, раскольническаго сборника, составленнаго изъ разныхъ и одновременно писанныхъ статей, между которыми находятся и три слѣдующія весьма замѣчательныя, доселѣ нигдѣ намъ не встрѣчавшіяся и нѣкѣмъ изъ историковъ раскола не упоминаемыя: 1) *Сказаніе о епископѣ вѣтковскомъ Епифаніи Реуцкомъ, гдѣ родился и отъ коего рода*, 2) *о епископѣ Амеросимѣ, иже на Волыни бысть*, 3) *о архимандритѣ Анеимѣ*. Свѣдѣнія, излагаемыя въ этихъ статьяхъ, въ общемъ согласны съ тѣми, какія извѣстны изъ оціальныхъ и другихъ несомнѣнныхъ источниковъ;

фамилии Реуцкій, человекъ темнаго происхожденія¹⁾, поселившись въ Кіевѣ и постригшись здѣсь въ монахи, умѣлъ вкрасѣя въ расположеніе кіевскаго архіепископа, сдѣлался его келейникомъ, былъ посвященъ въ іеромонахи и, по нѣкоторымъ сказаніямъ, даже нѣсколько времени управлялъ, въ званіи игумена, козелецкимъ Георгіевскимъ монасты-

но вѣсть представляютъ и не мало новаго. Особенное значеніе сообщаетъ имъ то обстоятельство, что авторъ *Сказаній* былъ современникъ Епифанія, Аенногена и Анеима, имѣлъ объ нихъ, равно какъ о лицахъ принимавшихъ участіе въ ихъ исторіи, точныя свѣдѣнія, Анеима же зналъ лично, былъ его постриженникомъ и писалъ еще при его жизни, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ: „и видя себе обличена (Анеимъ), остави свой монастырь и церковь (въ Боровицахъ) и всѣхъ старцовъ... и убѣжа на Донѣ, и *доднесь тамо. Мы же, убогіе, пострижены отъ него, остались и пришли на Вѣтку, и судили намъ, что не дѣйствительно были пострегеніе его; мы же и сняли съ себя и стали простыми и доднесь, а иные и доныи въ томъ пребываютъ*“. Авторъ сначала принадлежалъ къ поповской сентѣ; но вслѣдствіе близкаго знакомства съ вѣтковскою и другими поповскими церквами („ибо, говоритъ онъ, на какомъ онѣ основаніи ууновданы, осемъ мы убозіи, самовидѣвшіи и при таковомъ дѣлѣ трудившіися, свидѣтели есмы въ правду“), и вслѣдствіе соблазновъ, причиненныхъ этымъ церквамъ Епифаніемъ, Аенногеномъ и Анеимомъ, перешелъ, какъ можно догадываться, въ безпоповство и потому въ своихъ сказаніяхъ очень рѣзко отзывался и объ архіереяхъ и о попахъ раскольниковскихъ. Но тѣмъ не менѣе заподозрить его въ намѣренномъ искаженіи фактовъ, нѣтъ никакого основанія, — тѣмъ больше, что онъ ссылается на свидѣтелей (наприм. говоря объ Епифаніи — на двоюроднаго брата его изъ Могилева старца Вареонома Добрынскаго, на вѣтковскаго попа Ивана Васильева, на князя Шаховскаго), и самъ клятвою подтверждаетъ справедливость своихъ рассказовъ: „не буди ми лгати на правду“, — говоритъ онъ въ *сказаніи* о Епифаніи; еще: „сіе писахъ вамъ (о попахъ) не по страсти и не по какой зависти дѣвольской, но по сущей правдѣ, ибо мы при такихъ случаяхъ были, много и трудилися при нѣкоторыхъ ложныхъ попахъ .. А ежели мнитъ ся вашей любви вся сія лжно, чѣд мы убозіи написали, то буди сему дѣлу свидѣтель Богъ, не лжемъ“. *Сказанія* свои авторъ писалъ въ Москвѣ („здѣ на Москвѣ“).

1) По словамъ автора *Очерковъ поповщины* онъ „былъ малороссіянинъ, родился въ Кіевѣ“ (стр. 96); а въ *Сказаніи о епископѣ Епифаніи Реуцкомъ* повѣствуется: „рожденіе его бѣ близъ мѣстечка Полоннова въ Польшѣ, а отъ рода жидовска и отъ жены нѣкія нечестыя жидовки, худша и послѣдняго рода и нищенскаго житія. И по шести лѣтѣхъ рожденія своего изъ Польши вышелъ и близъ Чернигова города жителство имѣлъ и ту *облманіемъ* крещенъ, и потомъ приде въ Кіевъ.“

ремь¹⁾. Здѣсь онъ учинилъ преступленія, за которыя духовнымъ судомъ лишенъ былъ священническаго сана и до преданія суду гражданскому содержался подъ карауломъ²⁾. Убѣжавъ изъ подъ стражи, послѣ скитаній по разнымъ мѣстамъ, Епифаній опять явился въ Кіевѣ и по благосклонности архіепископа допущенъ къ занятіямъ въ его канцеляріи³⁾. Пользуясь этимъ своимъ положеніемъ въ архіерейскомъ домѣ, онъ укралъ здѣсь принадлежавшія кіевскому архіепископу печати и составилъ на имя яскаго митрополита Георгія подложныя письма—одно отъ кіевского владыки, которымъ этотъ послѣдній якобы просилъ молдавляхійскаго митрополита поставить его—Епифанія въ санъ епископа, другое—отъ чигиринскихъ гражданъ, якобы желавшихъ имѣть его епископомъ именно своего города, посредствомъ этихъ подложныхъ документовъ, скрѣпленныхъ краденными печатями, равно какъ при помощи немалыхъ подарковъ, успѣлъ склонить митрополита Георгія къ совершенію надъ нимъ епископскаго поставленія⁴⁾. Спустя немного

1) Въ *Сказаніи* говорится, что по прибытіи въ Кіевъ, Епифаній „постриженіе тамо пріять монашеское, и былъ у архіерея келейникомъ, и поставленъ въ дяконы и потомъ въ попы, и послѣжде посланъ игуменомъ въ монастырь, который имѣется во градѣ Черниговѣ (надобно полагать, что рѣчь идетъ о Козелецкомъ монастырѣ: ср. Андр. Іоаннова *Ист. извѣстіе* ч. III, стр. 191), и тамо былъ игуменомъ въ томъ монастырѣ нѣсколько лѣтъ“. Въ дѣлѣ Анатолія Мелега Епифаній называется также *игуменомъ Козельскимъ* (Рус. Архивъ, 1870 г. № 4).

2) *Сказаніе*: „И будучи во игуменствѣ, впаде въ неискусенъ умъ, и у нѣкоей, тогда тамо бывшей полковницы, въ то время была племянница дѣвица, и прельстилъ онъ ее Епифаній, и живъ съ нею скверно, и отъ него родила та дѣвица дѣтище—мужескъ полъ. И о семъ она полковница увѣдала и на него Епифанія за безчестіе племянницы своей просила въ Синодъ, и по челобитью ея взяли ево въ Синодъ, и растригли ево и сидѣлъ подъ карауломъ долгое время“.

3) „Учини его архіерей Кіева съ прочими у себе бытъ и ходилъ за духовными дѣлами“ (*Тамъ-же*). У Алексѣева: „имѣ отъ митрополита кіевскаго не мѣлую милость, почему (*вмѣсто игуменства*) припущенъ былъ къ приказныхъ дѣлъ отправленію“ (стр. 64). Изъ этихъ словъ Алексѣева можно догадываться, что и ему извѣстно было о прежнемъ игуменствѣ Епифанія.

4) Андр. Іоаннова *Ист. извѣстіе*, III. 19—20. У Алексѣева: „и увѣрився, укралъ изъ секрета съ письма архіерейскую печать Львовскаго и Галицкаго“ (стр. 64). Въ *Сказаніи* подлибе: „И Божьею волею покре архіепи-

времени Епифаній былъ взятъ русскимъ правительствомъ и преданъ суду. Св. Синодъ, не признавъ его за епископа, такъ какъ онъ обманомъ и деньгами восхитилъ этотъ санъ, постановилъ лишить его даже и монашескаго званія; а гражданское правительство, „ради коронованія втораго императора“¹⁾, смягчая слѣдующее Епифанію наказаніе, рѣшило сослать его на постоянное жительство въ Соловецкій монастырь, при чемъ, ради тогоже событія, было возвращено ему Синодомъ и монашеское званіе. Изъ Соловецкаго монастыря Епифаній бѣжалъ и хотѣлъ пробраться за границу; но опять былъ пойманъ, лишенъ монашества, высѣченъ плетью и приговоренъ къ ссылкѣ. Тогда-то вѣтковскіе раскольники, чрезъ посредство своихъ московскихъ однобѣрцевъ слѣдившіе за ходомъ дѣла объ Епифаніи и вступившіе съ нимъ въ переговоры, похитили его у конвойныхъ солдатъ²⁾ и приняли въ качествѣ дѣйствительнаго епископа³⁾. Итакъ первый обрѣтенный раскольниками архіерей въ

скопъ кievскій, и потомъ оный Епифаній, вымысливши зло нѣкое, и подѣлъ нѣвѣныхъ упоилъ хмѣльнымъ питіемъ келейника архіерейскаго, и взявши ключи у пьянаго и вывелъ изъ крныны три печати, отъ которыхъ архіерейство преподается по епархіямъ. И взявши оныя три печати кievскую, галицкую и львовскую, и самъ написавши указъ за подписаніемъ, окрадиши руки ложно, и къ яскому епископу достигилъ, дабы поставилъ его — Епифанія въ Кіевъ епископомъ. И то умысливши, первое восхитилъ на себе чинъ іеромонашескій и пойдѣ съ чиномъ и указомъ въ Ясы... И тако тѣмъ обольсти епископа яскаго, еще же и казны далъ за поставленіе много“.

1) Такъ въ *Сказаніи*.

2) Вотъ кто именно участвовали въ этомъ дѣлѣ, по свидѣтельству *Сказанія*: „и тогда согласяся Федоръ Ковминъ да Герасимъ Ковминъ калужанс, и москвичи Потапъ Матѣевъ и Власъ старецъ и съ прочими москвичи того Епифанія на дорогѣ у караульныхъ отбили, и Егоръ Иконникъ привезъ его Епифанія за границу къ Ивану Иванову, прозваньемъ Рабочиченку, а отъ него взялъ себѣ Лаврентій въ пустыню и въ келии училъ его благочестію“.

3) Какимъ чиномъ былъ принятъ Епифаній, объ этомъ положительныхъ извѣстій не имѣется. Алексѣевъ пишетъ: „безъ всякаго испытанія на архіерейское дѣйство опредѣленъ“ (стр. 65); въ *Очеркахъ нововщины*, на основаніи исторіи Іоны Курносаго, сказано только, что Епифаній „торжественно принять въ старообрядство“ и что „черный полъ Іовъ привелъ Епифанія къ исправъ“, — но къ какой исправѣ, т. е. по второму, или третьему чину, опредѣленно не говорится (стр. 121, 123—124); въ *Сказаніи* ни о

сущности былъ не кто иной, какъ выкраденный ими володникъ, когда то обманомъ и куплею получившій архіерейское поставленіе и за разныя преступленія лишенный даже священническаго и монашескаго званія и подвергну-тый позорной, площадной казни. Впрочемъ и сами старообрядцы скоро возымѣли сомнѣніе насчетъ пріобрѣтеннаго ими епископа. Подлинную исторію того, какъ Епифаній получилъ епископскій санъ, что было съ нимъ прежде и послѣ этаго событія, знали немногіе изъ старообрядцевъ; сомнѣніе возбудилъ Епифаній, по сказанію однихъ, собственно тѣмъ, что не скрывалъ своего нерасположенія къ старообрядчеству¹⁾, а по сказанію другихъ, старообрядцы усомнились главнымъ образомъ относительно его крещенія, — стали подозрѣвать, некрещенъ ли онъ чрезъ обливаніе²⁾. При такой подозрительности и недовѣрчивости взаимныя отношенія между старообрядцами и ихъ первымъ епископомъ сдѣлались крайне натянуты, и когда Епифаній снова былъ взятъ русскимъ правительствомъ, старообрядцы даже были довольны, что ему пришлось недолго архіерействовать на Вѣткѣ³⁾. Тѣмъ не менѣе однакоже въ теченіе семи, или

какой исправъ не упоминается, а говорится только, что Лаврентій, въ келіи у котораго Епифаній учился благочестію, „христианиномъ нарекъ его, и потомъ на Вѣткѣ представилъ о немъ Павлу казначею и всему народу, и по нѣкоемъ времени повелѣша ему на Вѣткѣ въ церкви служить и вся дѣйства правити; онъ же Епифаній нача вся правити, и поповъ поставляти и вся дѣйствовати“.

1) Ив. Алексѣевъ: „обрѣтенъ бысть новыхъ догматовъ человекъ, отгуду вѣтковцы, чувство приѣмше, за епископа его не почтоша“ (стр. 65).

2) Иона Курн. см. *Очерки поповц.* стр. 120—135.

3) Въ августѣ 1734 г. Епифаній принятъ въ старообрядчество, а въ апрѣлѣ 1735 года, во время такъ называемой первой „Вѣтковской выгонки“ взятъ и отправленъ въ Кіевъ. По свидѣтельству *Сказанія*, недовольство Епифаніемъ возникло на Вѣткѣ при самомъ его тамъ появленіи, такъ что казначей Павелъ „къ присягѣ ему велѣлъ всѣхъ пригоняти нуждею, а которые не принимали Епифанія за епископа, тѣхъ людей повелѣша нуждею подъ колокольню сажать и мучити, якоже и папешницы творять. И сему дѣлу самовидцы жителіе вѣтковскіе, люди тогда ту бывшіе. И бысть тогда о семъ велие въ людехъ смятеніе и смущеніе, печаль и скорбь не мала“. Особенно вооружился противъ Епифанія, по тому же *Сказанію*, „бывшій на Вѣткѣ при церкви попъ ихъ Иванъ Васильевъ“.

восьми мѣсяцевъ своего архіерействованія у старообрядцевъ Епифаній успѣлъ поставить имъ немало поповъ и дьяконовъ¹⁾; и хотя вслѣдствіе возникшихъ объ немъ сомнѣній и споровъ старообрядцы отбирали у посвященныхъ имъ поповъ ставленныя грамоты, все таки поповъ епифаніева поставленія у раскольниковъ осталось довольно по разнымъ мѣстамъ²⁾; явились даже защитники и приверженцы Епифанія, образовавшіе особую секту, извѣстную въ исторіи раскола подъ именемъ Епифановщины.

Прошло какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ по удаленіи Епифанія изъ Вѣтки — и, не смотря на данной имъ урокъ быть разборчивѣе и осторожнѣе въ приобрѣтеніи архіерея, у старообрядцевъ явились еще два епископа: знаменитая двоица сія были—Аѣиногенъ и Аѣинъ.

Изъ Воскресенскаго монастыря, именуемаго Новой Іерусалимъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія бѣжалъ черный дьяконъ Амвросій³⁾. Назвавшись священноинокомъ Аѣиногеномъ, онъ отправился искать счастья и наживы къ раскольниковамъ, и именно въ Стародубьѣ, замѣнившее Вѣтку послѣ перваго ея разоренія. Здѣсь приняли его въ старообрядчество и допустили къ отправленію священническихъ требъ. Примѣтивъ, что желаніе завестись своимъ епископомъ послѣ недавней неудачи нисколько не охладѣло у раскольниковъ, онъ, какъ человекъ въ высшій степени

¹⁾ По свидѣтельству *Сказанія*, Епифаній поставилъ на Вѣткѣ двѣнадцать поповъ. Здѣсь же повѣствуется: „Егда оной Епифаній поповъ поставилъ и оныя попы начаша крестити и вся священнодѣйствовать, и отъ нихъ надъ крещенными и причащаемыми духовными дѣтми что явися тогда, яко ужа-са достойно сказати! Тогда бѣсновалися всѣ, яко видѣвшимъ ужасатися. И ни единъ отъ ставленниковъ его цѣль сохранился, дабы не бѣсновалися. Тогда людѣ мнози отвратилася, нудѣ бѣжаша, и видѣти тогда въ народѣ смятеніе великое и смущеніе, а исправляющаго ни единого тогда“.

²⁾ Ив. Алексѣевъ: „отъ ставленныхъ имъ (Епифаніемъ) грамоты начаша вѣтковцы отбирать; увидѣвъ же то, прочіи попы отбѣгша съ грамотами въ разныя мѣста, и донынѣ (т. е. 1755 г., когда Алексѣевъ писалъ исторію) въ великой чести священная дѣйствуютъ“ (стр. 65).

³⁾ Геродіакономъ Амвросіа называютъ и Алексѣевъ (стр. 65), и А. Іоанновъ (IV, 18), и Іона Курносій (*Очерки попов.* стр. 180); кромѣ того у Андрея Іоаннова говорится, что онъ былъ ключаремъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, а въ *Сказаніи*—что былъ здѣсь намѣстникомъ.

ловкій, задумалъ воспользоваться такими благоприятными для него обстоятельствами. Сначала осторожно, съ большими опасеніями, сталъ онъ распространять слухи о своемъ мнимомъ епископствѣ. Когда слухи эти произвели желаемое дѣйствіе, онъ, уже ни чѣмъ не стѣснясь, выдалъ себя за епископа и сочинилъ цѣлую сказку о своемъ посвященіи въ епископскій санъ для нахождения при сосланномъ императорѣ Иванѣ Антоновичѣ.¹⁾ Правда, между старообрядцами нашлись и люди осторожные, какъ видно, забывшіе урокъ Епифанія,—стали наводить, гдѣ слѣдовало, нужныя справки о новопоявившемся епископѣ; но пока наводились справки, Аѣиногенъ успѣлъ наставить раскольниковъ и поповъ и дьяконовъ²⁾. Въ качествѣ епископа жилъ онъ преимущественно въ раскольниковскихъ селеніяхъ по берегамъ Днѣстра и Буга (здѣсь главнымъ его мѣстопробываніемъ было селеніе Борское), также въ Молдавіи, у здѣшнихъ старообрядцевъ: вездѣ принимали Аѣиногена съ полнымъ довѣріемъ, какъ дѣйствительнаго епископа, и дѣйствовать архіерейская никто ему не препятствовала. Когда же, послѣ надлежащихъ справокъ, обманъ обнаружился и слухи о самозванствѣ Аѣиногена начали распространяться по раскольниковскимъ селеніямъ, онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и бѣжалъ за польскую границу: здѣсь, въ городѣ Каменцѣ, принялъ католичество, записался въ военную службу, женился и на добытыя самозваннымъ архіерействомъ раскольниковскія деньги сталъ жить настоящимъ паномъ. Это послѣднее превращеніе Аѣиногена изъ раскольниковскихъ епископовъ въ польскіе жолнеры совершилось въ началѣ 1753 года.

Съ соблазнительной исторіей Аѣиногена имѣетъ тѣсную связь исторія и третьяго раскольниковскаго епископа — Ан-

¹⁾ *Очерки попов.* стр. 170. Въ *Сказаніи* также онъ названъ „ложнымъ царскимъ духовникомъ“. При этомъ онъ называлъ себя епископомъ Лукою. Въ *Сказаніи* говорится: „три имя себѣ стаялъ, — первое имя ему бысть Амвросій, второе именова себе Аѣиногеномъ епискупомъ и духовникомъ великаго князя, а на антимасахъ подписывался Лукой епискупомъ“.

²⁾ По свидѣтельству *Сказанія* Аѣиногенъ „поставилъ въ Польшѣ и на Волынѣ шесть поповъ“.

оима. Это былъ чернецъ пожилыхъ уже лѣтъ, человекъ быстрого ума и довольно начитанный, но въ высшей степени своенравный, упрямый и надмѣнный. Гордость и сгубила его, сдѣлала „посмѣшищемъ для всѣхъ“. Сначала, къ общему удивленію знавшихъ его старообрядцевъ, Анеимъ назвался попомъ и сталъ отправлять священническія службы въ имъ самимъ построенной и освященной церкви, въ четырехъ верстахъ отъ Вѣтки („между Гомлею и Вѣткою, при Сожѣ рѣкѣ“, по словамъ Алексѣева), въ мѣстечкѣ Боровицахъ, гдѣ основалъ онъ жительство, прибѣжавъ изъ Москвы съ однимъ купеческимъ семействомъ и какой то слабоумной богатой барыней, которыхъ умѣлъ забрать въ свои руки.¹⁾ Недовольствуясь тѣмъ, что выдалъ себя попомъ, онъ задумалъ еще, по примѣру Аеиногена и при его содѣйствіи, сдѣлаться епископомъ. Для поставленія въ епископы онъ нарочно ѣздилъ къ Аеиногену: тотъ посвятилъ его на первый разъ только въ архимандриты. Въ этомъ званіи Анеимъ, насколько не стѣсняясь, началъ дѣйствовать по архіерейски,

1) Самъ Анеимъ увѣрялъ, что былъ дѣйствительно поставленъ въ діаконы и чины воронежскимъ епископомъ Іоакимомъ (*Очерки попов.* стр. 190); но свидѣтельство его никакими другими извѣстіями не подтверждается и потому крайне сомнительно. Вотъ что напротивъ, говоритъ Алексѣевъ, какъ по всему видно, знавшій Анеима лично: „любоначальствомъ ослѣпъ, нача себе глаголати попа, о чемъ до того свѣдущія его ни въ мысли няху“ (*Ист. о блгст. свяц.* стр. 65). Андрей Іоанновъ также называетъ его просто „чернецомъ, венмѣвшимъ никакого посвященія, кромѣ монашества“ (*Ист. изв. о раск.* ч. III, стр. 29). Въ *Сказаніи* Анеимъ также называется простымъ чернецомъ. Вотъ какія сообщаются здѣсь свѣдѣнія о его жизни до пріѣзда на Сожу: „Сей Анеимъ, простой старецъ воронежскаго монастыря Каменскаго (Кременскаго: ср. *Очер. попов.* стр. 190), и невѣдомо какихъ ради дѣлъ взялъ былъ въ Москву и держался въ Синодѣ тригодичное время. И изъ Синоду тайно бѣжалъ и укрывался въ Москвѣ у такихъ же людей, подобныхъ ему, и назывался попомъ чернымъ... Еще обольстил домъ ливоваровъ Михайла Константинова, что да Олховцѣ, и дочь ево прелести, еще же и боярыню, и съ ними казны много себя получалъ и сманилъ ихъ съ собою за границу, и на Вѣтку чернымъ попомъ пріѣхалъ, и вселился на Боровицахъ, въ разстояніи отъ Вѣтки за четыре версты, и тамъ построилъ церковь и самъ освятилъ ту церковь, а антихрисъ въ ту ево новоустроенную церковь невѣдомо гдѣ онъ ваялъ, о томъ не извѣстно.“

и даже поставлялъ священниковъ ¹⁾; но все-таки онъ видѣлъ нужду, порядка ради, получить архіерейское поставленіе, за которымъ и обратился еще разъ къ Аеиногену. Этотъ послѣдній не отказался поставить Анеима въ архіереи; но озабоченный распространившимися тогда слухами о его собственномъ самозванствѣ, не нашелъ возможнымъ ни самъ пріѣхать для этого къ Анеиму, ни его пригласить къ себѣ, потому что не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопробыванія. Условились, чтобы поставленіе совершенно было заочно: въ назначенный день, именно въ великій четвертокъ, 11 Апрѣля 1753 года, тотъ и другой должны были служить литургію и въ обычное время Анеимъ долженъ былъ возложить на себя архіерейскія облаченія, а Аеиногенъ—прочеть молитвы на поставленіе епископа. Анеимъ исполнилъ условіе въ точности,—въ опредѣленное время, за торжественной службой, при большомъ стеченіи народа, облекся въ архіерейскія одежды и затѣмъ продолжалъ литургію по архіерейскому служебнику; а что касается Аеиногена, то въ это время онъ былъ уже католикомъ и записался на службу въ польскія войска: если онъ вспомнилъ тогда объ Анеимѣ, облекавшемся въ чинъ архіерейства, то безъ сомнѣнія только затѣмъ, чтобы поглумиться и надъ Анеимомъ и надъ всѣми раскольниками... Надъ Анеимомъ стали смѣяться и сами раскольники, когда огласилась исторія его мнимаго рукоположенія; а нѣкоторые изъ нихъ, болѣе серьезные, размышляя объ Анеимѣ и вообще о томъ, что дѣлается въ старообрядцествѣ, пришли въ изумленіе и страхъ: „многихъ смѣхъ на себе привлече,—пишетъ объ Анеимѣ раскольнической историкъ,—разумнымъ же страхъ, яко тако скорыми ногами къ подложному епископу притече“. ²⁾ Досяда и стыдъ принудили Анеима бѣжать съ береговъ Сожи, гдѣ неподалеку отъ Вѣтки и Стародубья хотѣлъ онъ утвердить свою епископскую кафедру. Стопы свои онъ направилъ за рѣку Днѣстръ и дальше — въ предѣлы Малдавіи

¹⁾ „Многихъ въ причетъ церковный поставилъ, и старцевъ много постригъ, также и старицъ женскаго полу постригъ много, еще и вся архіерейская дѣйствовалъ самовластно (Сказаніе).“

²⁾ Алекс. *Ист. о блвств. свящ.* стр. 66.

и нынѣшней Буковины, въ Добруджу и за Кубань,—все съ тою цѣлю, чтобы основаться гдѣ нибудь въ званіи старообрядческаго епископа. Въ то же время, чувствуя нужду исправить какъ-нибудь свое странное, столько смѣху надѣлавшее посвященіе въ епископы, онъ обращался къ нѣсколькимъ православнымъ архипастырямъ—Мисаилу радоуцкому, проживавшему въ Драгомирнскомъ монастырѣ, Іакову ясскому, Даніилу браиловскому, — просилъ у нихъ или „навершенія“ прежнему поставленію, или новаго рукоположенія. Хотя и трудно повѣрить, чтобы могъ онъ достигнуть этой цѣли, но самъ онъ утверждалъ, что одинъ изъ упомянутыхъ архіереевъ, именно Даніилъ браиловскій, будтобы дѣйствительно рукоположилъ его, даже назвалъ „епископомъ кубанскимъ и Хотинскія Раѣ“, а впоследствии „архіепископомъ всего православія.“¹⁾ Въ раз-

1) Въ *Очеркахъ поповщины* приводятся, частію отрывками, частію вполнѣ, весьма любопытные документы изъ „дѣла Св. Синода объ архіепископѣ Анеимѣ“. Но по приведеннымъ въ этой книгѣ выпискамъ изъ дѣла нельзя опредѣленно рѣшить, дѣйствительно ли Анеимъ получилъ рукоположеніе отъ митрополита Даніила. Извѣстіе объ этомъ сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ ясскому митрополиту Іакову самъ же Анеимъ; но ему въ этомъ случаѣ вполнѣ довѣрять нельзя, и яскій митрополитъ Іаковъ, рѣшительно отвергшій это показаніе Анеима, конечно, заслуживаетъ большаго довѣрія. Да и вся вообще исторія странствованій Анеима, какъ она изложена по упомянутымъ документамъ въ *Очеркахъ поповщины*, представляется очень запутанной. Достаточно упомянуть о слѣдующей несообразности. Курьезное поставленіе Анеима Аеиногеномъ *происходило 11 апр. 1753 г.* После этого, когда уже исторія Аеиногена огласилась, Анеимъ уѣзжаетъ въ Молдавію, оттуда, не доѣхавши до Яссы, „поворотилъ въ хотинскій цинуть и въ слободѣ Вѣтрянкѣ основалъ свое пребываніе“, потому уѣхалъ въ Драгомирну, гдѣ вошелъ въ сношеніе съ епископомъ Мисаиломъ; опять возвратился въ Вѣтрянку; отсюда отправился въ Хотинъ и началъ переговоры съ Даніиломъ; получилъ отъ него поставленіе; возвратился въ Вѣтрянку; „выхлопоталъ въ Портѣ фирманъ на построеніе въ этой слободѣ большой каменной церкви, которую задумалъ сдѣлать митрополіей всѣхъ ливоганъ, живущихъ въ владѣніяхъ Турецкаго султана“; слухъ „о старообрядческомъ епископѣ, живущемъ въ Хотинской Раѣ“ доходитъ до гребенскихъ казаковъ, даже до крымскаго Хана,—и вотъ *въ 1753 г.* является къ нему посольство звать на Кубань (стр. 204—220). Ужели все это могло произойти въ теченіе какихъ нибудь семи-восьми мѣсяцевъ, если даже предположить, что посольство явилось въ Декабрѣ?

ныхъ мѣстахъ, то въ Добруджѣ, то на Кубани, раскольники дѣйствительно принимали его въ качествѣ епископа и дозволяли ему ставить поповъ, доколѣ, заподозривъ въ обманѣ, не изгоняли съ безчестіемъ. Такъ странствовалъ онъ изъ мѣста въ мѣсто нѣсколько лѣтъ, пока свою бурную, исполненную преклоченій жизнь не кончилъ трагически: извѣстно, что раскольники бросили Анеима въ Днѣстръ съ камнемъ на шеѣ.

Такимъ образомъ въ половинѣ XVIII столѣтія, вскорѣ одинъ за другимъ, явились у раскольниковъ три епископа.¹⁾

¹⁾ Въ документахъ изъ „дѣла объ архіеп. Анеимѣ“ упоминается еще Θεодосій епископъ кубанскій и терскій (*Очерки попов.* стр. 231, прим.). По словамъ автора *Очерковъ*, султанъ насильно заставилъ херсонскаго епископа Гедеона посвятить Θεодосія въ архіепископы для раскольниковъ (стр. 233). О Θεодосіи упоминаетъ еще, въ своей книгѣ *О промыслѣ*, игуменъ Пареевій, писавшій по преланіямъ, сохранившимся у раскольниковъ; но, по его словамъ, крымскій владыка посвятилъ Θεодосія только въ священника, а въ епископы не посвящалъ (стр. 185). Если допустить, что Θεодосій былъ дѣйствительно поставленъ въ епископы для старообрядцевъ, то его должно считать единственнымъ у нихъ архіереемъ, посвященіе котораго они могли бы признать не сомнительнымъ, разумеется, если потомъ онъ подвергнутъ былъ у нихъ какому-либо чинопріятію. Но въ такомъ случаѣ у старообрядцевъ, безъ сомнѣнія, навсегда сохранилась бы память о епископѣ Θεодосіи; между тѣмъ и прежняго и позднѣйшаго времени старообрядцы нигдѣ не упоминаютъ объ немъ, и, что всего важнѣе, въ самой Добруджѣ, у Некрасовцевъ, гдѣ будтобы архіерействовалъ Θεодосій, какъ видно, объ немъ не сохранилось никакихъ преданій: ибо иначе добруджискіе раскольники непременно бы упомянуть объ немъ, когда шли у нихъ оживленные споры о принятіи епископа отъ Бѣлокриницкаго митрополита и когда примѣръ Θεодосія для сторонниковъ Бѣлокриницкой іерархіи могъ бы служить сильнымъ доказательствомъ въ защиту этой послѣдней. Такое молчаніе старообрядцевъ о Θεодосіи показываетъ, что онъ или вовсе не былъ епископомъ, или же, по поставленіи въ епископы, объявилъ себя состоящимъ въ единеніи съ церковію и никакому чинопріятію отъ старообрядцевъ подвергнуть себя не дозволилъ. Въ самыхъ *Очеркахъ поповщины* (стр. 23) и въ книгѣ игумена Пареевія (стр. 185) есть извѣстіе, что Θεодосій дѣйствительно находился въ общеніи съ церковію и этимъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе раскольниковъ-некрасовцевъ почему и долженъ былъ отъ нихъ удалиться. Итакъ Θεодосія, если бы даже онъ и поставленъ былъ въ епископы (что еще не доказано), во всякомъ случаѣ нельзя считать раскольническимъ архіереемъ. Въ томъ же дѣлѣ „объ архіеп. Анеимѣ“ упоминается еще, что и самъ Анеимъ поставилъ для кубанскихъ расколь-

Всѣ они поставляли поповъ, вообще совершали архіерейскія дѣйствія, и были привѣтствованы старообрядцами какъ первоначальники столь желаемой ими, собственной самостоятельной іерархіи; но сами же старообрядцы весьма скоро убѣждались горькимъ опытомъ въ непригодности, въ самозванствѣ каждаго изъ этихъ епископовъ, а двухъ послѣднихъ признали даже позоромъ для старообрядчества,

никовъ двухъ епископовъ, неизвѣстныхъ по имени, а эти послѣдніе въ свою очередь, по предположенію автора *Очерковъ поновщины*, посвятали другихъ (стр. 224, прим.). Но это послѣднее предположеніе ни на чемъ не основано, да и самое извѣстіе о посвященныхъ Анеимомъ епископахъ подлежитъ сомнѣнію, какъ не подтверждаемое никакими другими свидѣтельствами. Гораздо больше основанія относить къ числу раскольническихъ архіереевъ Анатолія Мелеса, поставленнаго патриархомъ константинопольскимъ Кирилломъ въ епископа мелетійскаго. Въ 1757 году Анатолій явился въ Петербургъ; но святѣйшій Синодъ не призналъ его за дѣйствительнаго епископа. Въ синодальномъ опредѣленіи, послѣдовавшемъ по сему случаю, было сказано между прочимъ: „Съ нимъ (Анатоліемъ) не иначе поступить должно было, какъ поступлено было напередъ сего съ *таковымъ же*, изъ Россіи за границу въ волоскую землю бѣжавшимъ Епиевнѣемъ, игуменомъ ковельскимъ, и тамъ *также обманнымъ образомъ* чинившимъ архіерейства получившимъ и накіи въ Россію, въ 1724 (34?) году, возвратившимся, именовавшимъ себя епископомъ гусскимъ (?), который по лишеніи священномонашескаго чина, сперва въ свѣтскій судъ наказанію, а потомъ въ Соловецкій монастырь въ вѣчное по смерти заключеніе и работу былъ посланъ“. Потомъ, въ 1759 году, межигорскій архимандритъ Никаноръ донесъ Синоду, что „апрѣля 26 числа Анатолій прибылъ въ запорожскую сѣчь, и войско запорожское охотно его приняло и, построивъ ему архіерейское облаченіе, дозволило служить, чѣмъ Анатолій и воспользовался; въ тамошней сѣчевой церкви многократно служилъ и въ служеніи прееосвященнаго кіевскаго возглашать не велѣлъ, точію свое возглашать приказалъ... и таковыхъ же неправильно бродящихъ чужестранныхъ іеромонаховъ, безъ достовѣрныхъ о священствѣ видовъ, въ служеніи себя самовольно, насильно принимая, допускаетъ“. Съ своей стороны запорожское войско, въ январѣ 1760 года, обратилось въ Сенатъ съ прошеніемъ, въ которомъ писали, что Анатолій въ войсковои церкви литургисалъ по просьбѣ войска и этимъ все „простонародье низовское весьма довольствовалось“, что „когда бы и впредъ сіе при кошѣ запорожскомъ происходило, то не токмо навсегда вящшая слава, но и умноженіе по *пограничности* тамошней церкви слѣдовать можетъ, да и весь коштъ къ тому желателенъ.“ 19 февраля 1760 года объ Анатоліи состоялось новое опредѣленіе Синода, гдѣ между прочимъ сказано: „лиша его богопротивно похищеннаго архіерейскаго сана и іеромонашества, и оставя токмо про-

такъ что и самую память объ нихъ желали бы изгладить изъ своихъ лѣтописей¹⁾).

Трехъ указанныхъ опытовъ было достаточно, чтобы внушить старообрядцамъ больше осторожности въ исканіи бѣгствующаго архіерейства, но не для того, чтобы охладить въ нихъ желаніе имѣть своего епископа, свою само-

стымъ монахомъ, для престяченія могущихъ и впродъ въ ближайшихъ къ здѣшнимъ границамъ мѣстахъ провозйти какихъ-либо подобныхъ отъ него возмущеній и противныхъ церкви святой поступковъ, дабы таковое вредное церкви святой сановъ похищеніе въ обычай не вошло и не укоренилось (какъ и напредъ сего съ таковымъ же похитителемъ архіерейскаго сана, бывшимъ козельскимъ игуменомъ, чернецомъ Епифаніемъ, Синодомъ поступлено), послать подъ карауломъ на неисходное содержаніе сибирской епархіи въ Троицкій Конданскій монастырь“ (См. докум. по дѣлу Анатолія въ *Рус. архивъ* 1870 г. № 4). Принимая во вниманіе съ одной стороны то обстоятельство, что Анатолій ушелъ къ запорожцамъ, извѣстнымъ ревнителямъ старой вѣры, съ другой стороны—что въ синодскихъ рѣшеніяхъ онъ сопоставленъ съ Епифаніемъ, можно полагать, что Анатолій служилъ у запорожцевъ именно постарообрядчески, какъ раскольниковскій епископъ. Впослѣдствіи, по настоянію имп. Екатерины, въ нѣкоторыхъ политическихъ видахъ, Анатолію возвращенъ былъ сначала священнической, потомъ и епископскій санъ (см. тамъже). Въ семидесятыхъ годахъ онъ проживалъ на покуѣ въ Глуховскомъ монастырѣ,—и жилъ, какъ всѣ раскольниковскіе попы и епископы того времени, въ крайнемъ безобразіи—ходилъ раздѣтый, въ одномъ халатѣ, босой и съ непокрытой головой, въ церкви не бывалъ никогда, билъ монаховъ, пьянствовалъ и „палилъ изъ можжиръ, которыя перелилъ изъ колоколовъ, снятыхъ имъ съ колокольни;“ умеръ въ 1775 году (см. Записки Добрынина, въ *Рус. старинъ* 1871 г. кн. V. стр. 584 — 591). Если мы, наконецъ здѣсь о встрѣчающемся въ раскольниковскихъ синодикахъ нѣкомъ Рафанѣ, который, будто бы, въ концѣ XVIII ст. успѣлъ получить на Востокѣ поставленіе въ епископы отъ патріарха антиохійскаго Давида, но умеръ на возвратномъ пути въ Россію (*Очерки новов.* стр. 272, прим.), т. е. не успѣвши вступить въ дѣйствительное архіерействованіе у раскольниковъ, то вотъ и всѣ извѣстныя доселѣ лица, относительно которыхъ есть какія-либо основанія считать ихъ бывшими у раскольниковъ епископами; но несомнѣнно принятыми и дѣйствовавшими у раскольниковъ все-таки остаются трое—Епифаній, Аениногенъ и Анеимъ.

1) Такъ напр. *Сказаніе кратко* совсѣмъ не упоминаетъ объ Аениногенѣ и Анеимѣ, какъ будто ихъ и не бывало, а говоритъ объ одномъ только Епифаніи. На собраніи же старообрядцевъ поповскаго и безпоповскаго согласія, происходившемъ около 1765 года, небыло рѣчи даже о Епифаніи,—упомянуть одинъ только Павелъ епископъ коломенскій „за древнее благочестіе изгнаніе претерпѣвый“ и „прежнихъ по себѣ никого не оставившій.“ (Андр. Юан. *Извѣст. о раск.* ч. II, стр. 70.).

стоятельную іерархію. Старообрядцы, какъ и прежде, не переставали искать епископовъ; но при этомъ дѣйствительно стали соблюдать гораздо больше разборчивости и осторожности относительно личныхъ качествъ и самыхъ способовъ приобрѣтенія искомыхъ епископовъ.

Въ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ повѣствуется, что въ 1755 году, еще при жизни Аноѣма, „гомельскіе и вѣтковскіе по заграничью жители, къ нимъже приложившася послѣ и въ Малороссіи обрѣтающіеся въ слободахъ, написаша челобитныя, да отъ великороссійскихъ архипастырей поставится въ епископы имъ человекъ, на совершенства антимиса, мѣра и на произведеніе поповъ.“¹⁾ Изъ приведеннаго свидѣтельства не видно, кому и какъ были поданы челобитныя; неизвѣстно также, послѣдовалъ ли на нихъ какой-либо отвѣтъ; но для насъ въ этомъ извѣстіи важно собственно то, что старообрядцы, наученные опытомъ, возвращаются къ прежней мысли вѣтковскихъ отцевъ—просить православныхъ архипастырей, и на этотъ разъ даже не молдавскихъ, или греческихъ, а „великороссійскихъ“, о поставленіи имъ въ епископы достойнаго человека, избраннаго изъ ихъ собственной среды, который, будучи потомъ подвергнутъ установленному чинопріятію, не могъ бы внушать имъ никакихъ сомнѣній относительно законности своего архіерейскаго достоинства. Понятно, что какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ подобную просьбу старообрядцевъ, во всей ея точности, не нашель возможнымъ удовлетворить патріархъ Паисій, такъ равно и „великороссійскіе архипастыри“ не могли дать удовлетворительнаго для старообрядцевъ рѣшенія на поданныя ими челобитныя о епископѣ.

Къ тому же 1755 году относятся слѣдующія, довольно загадочныя, но тѣмъ не менѣе достовѣрныя обстоятельства. Весной этого года явился на Вѣткѣ русскій выходецъ, пробиравшійся изъ Пруссіи, нѣкто Иванъ Васильевъ Зубаревъ, и сталъ разсказывать вѣтковскому бѣглому попу

¹⁾ *Ист. о бѣгств. евяц.* стр. 66.

Ивану ¹⁾, что былъ онъ у самого прусскаго короля, что король хочетъ увезти изъ Холмогоръ бывшаго императора Ивана Антоновича, посадить его опять на русскомъ престолѣ, и поручилъ ему Зубареву спросить раскольниковъ, „желаютъ ли они, чтобъ былъ на престолъ возведенъ попрежнему Иванъ Антоновичъ,“ и буде желаютъ, то „чтобы выбрали кого-нибудь въ епископы и прислали къ нему въ Потсдамъ, а его-де величество пошлетъ отъ себя къ патриарху о поставленіи того епископа просить“, и тогда-де, какъ будетъ у нихъ епископъ и воцарится Иванъ Антоновичъ, „вѣру ихъ гонить, такъ какъ нынѣ есть, нестанутъ“, „ибо-де Иванъ Антоновичъ старую вѣру любить.“ Къ этому Зубаревъ прибавилъ, что прусскій король за такую услугу раскольникамъ желаетъ и отъ нихъ услуги,—именно— „чтобы они, когда Ивана Антоновича увезутъ и начнетъ король съ Россіей войну, тогда бы они ему помогли и сдѣлали бунтъ ²⁾, и для его арміи заготовили провіантъ и прочее,“ и если епископъ явится у нихъ ранѣе того времени, то бы „во всѣ мѣста, гдѣ старой вѣры люди въ Россіи есть, дать знать, что будетъ на престолѣ Иванъ Антоновичъ и вѣра ихъ гонима тогда не будетъ.“ Попъ Иванъ отвѣчалъ Зубареву: „я объ этомъ подумаю.“ Тѣже самия рѣчи Зубаревъ говорилъ на Вѣткѣ „бѣглымъ россійскимъ людямъ Данилѣ Кондратьеву да Касагову:“ „и оны Кондратьевъ и Касаговъ, выслушавъ у него Зубарева означенныя всѣ слова, сказали: что въ этомъ не наша власть, а какъ хотятъ наши святые отцы.“ Послѣ того Зубаревъ отправился въ раскольниковскій Лаврентьевъ монастырь, что неподалеку отъ Гомеля, и порученіе прусскаго короля пере-

¹⁾ Это есть тотъ самый попъ Иванъ, о которомъ упоминается въ *Сказаніи о епископѣ вятковскомъ Епифаніи Реуцкомъ* (см. выше). Вотъ что еще авторъ этого *Сказанія* пишетъ о попѣ Иванѣ: „Попъ Иванъ Бѣлый, который нынѣ на Вѣткѣ имѣется, по дѣломъ своимъ достоинъ казнить бы его смертію за убійство смертное, понеже застрѣлилъ человѣка. И такова убо душегубца нынѣ Вѣтка имѣетъ себѣ пастыря и окормителя ихъ!“

²⁾ Вотъ что говорилъ Зубареву, заводчикъ всего дѣла, Манштейнъ о томъ, какъ сдѣлать бунтъ: „Какъ-де посвятимъ епископа, такъ-де онъ отъ себя своихъ поповъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть раскольники, разошлетъ, и они-де сдѣлаютъ бунтъ.“

далъ игумену того монастыря Евстаѳію: ¹⁾ Игумень, распросивъ Зубарева о всѣхъ обстоятельствахъ его пребыванія въ Пруссіи, отвѣтилъ сначала, какъ и вѣтковскій попъ Иванъ, „что мы-де о этомъ подумаемъ,“ а потомъ говорилъ ему, что „лучшебъ-де было, ежелибъ его величество сюда изволилъ прислать греческаго епископа, чтобъ онъ здѣсь, кого мы выберемъ, посвятилъ, а то-де туда ѣхать весьма далеко,“ и послалъ еще Зубарева въ другой, близъ лежавшій раскольнической монастырь (Спасскій) поговорить съ игуменомъ того монастыря Варлаамомъ. Варлаамъ отвѣтилъ: „я не одинъ, — какъ хотятъ святыя отцы“, и тоже прибавилъ: „а лучшебъ-де, ежелибы его величество изволилъ прислать сюда епископа греческаго, а туда-де ѣхать весьма далеко.“ Когда потомъ Зубаревъ, возвратившись въ Лаврентьевъ монастырь, оставался здѣсь еще нѣсколько дней, то игумень Евстаѳій сталъ говорить ему: „чтожь-де, Иванъ Васильевичъ, пора тебѣ ѣхать выручать Ивана Антоновича; а когда-де васъ Богъ вынесетъ, то-де мы стоять готовы.“ Всѣ эти толки кончились ничѣмъ. Зубаревъ въ томъ же 1755 году попалъ въ тайную канцелярію и тамъ сдѣлалъ признаніе во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ прусскимъ правительствомъ и съ раскольниками ²⁾. Но тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ этомъ есть нѣкоторыя стороны, имѣющія

¹⁾ Въ дѣлѣ Зубарева онъ называется постоянно „Евстѳіемъ.“

²⁾ Данное имъ въ тайной канцеляріи чрезвычайно любопытное показаніе, изъ котораго мы заимствовали приведенныя выше подробности, напечатано въ *Сбор. отд. рус. языка и словар. имп. акад. наукъ* (т. IX, стр. 381—404). Подвергать сомнѣнію справедливость показаній Зубарева нѣтъ основанія; напротивъ, невозможно допустить, чтобы онъ самъ придумалъ всѣ тѣ обстоятельства, о которыхъ говорилъ съ такой подробностію, да и русское правительство, конечно, не стало бы дѣлать тѣхъ распоряженій по поводу его показанія, какія были сдѣланы (см. тамъ же стр. 405, 406), если бы имѣло поводъ заподозрить его справедливость; притомъ же въ показаніяхъ Зубарева все согласно съ историческими обстоятельствами того времени. Здѣсь кстати замѣтить, что и самъ Иванъ Антоновичъ не первый уже разъ приводится на память раскольникамъ: мы видѣли, что Аенигенъ выдалъ себя за архіерея, состоявшаго именно при его особѣ; а Манштейнъ говорилъ Зубареву, что у нихъ, въ Пруссіи, былъ уже одинъ раскольнической попъ, съ которымъ тоже была рѣчь объ Иванѣ Антоновичѣ, да только обманулъ и уѣхалъ (стр. 386).

для насъ значеніе. Прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что здѣсь мы первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о замыслѣ иностраннаго правительства воспользоваться для политическихъ цѣлей содѣйствіемъ раскольниковъ, рассчитывая на укоренившееся въ средѣ ихъ недовольство правительствомъ русскимъ; примѣчательно, во вторыхъ, что по указанію главнаго лица, руководившаго этимъ замысломъ и достаточно знакомаго съ Россіей (Манштейна), для привлеченія раскольниковъ на сторону замышленнаго предпріятія обѣщалось имъ, кромя давно желаемой религіозной свободы, осуществленіе другаго желанія, именно въ то время по преимуществу занимавшаго старообрядцевъ,— поставленіе для нихъ епископа при посредствѣ православнаго патріарха; наконецъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что старообрядческіе настоятели, не стѣсняясь внѣшними препятствіями, не отказываясь даже при посредствѣ иноземной, еретической власти получить давно искомаго епископа, однакоже, наученные недавними опытами, обнаруживаютъ въ настоящемъ случаѣ не мало осторожности, — находятъ для себя болѣе удобнымъ, чтобы прусскій король, для поставленія въ епископы кого-либо изъ ихъ среды, прислалъ нарочно къ нимъ какого-нибудь греческаго архіерея. Вообще же, въ неосуществившихся замыслахъ прусскаго правительства содѣйствовать учрежденію самостоятельной іерархіи у раскольниковъ есть не мало сходнаго съ тѣмъ предпріятіемъ, которое, какъ увидимъ, осуществилось около ста лѣтъ спустя подъ покровительствомъ австрійскаго правительства.

Между тѣмъ съ возшествіемъ на престолъ Екатерины II въ гражданскомъ, общественномъ и религіозномъ положеніи старообрядцевъ послѣдовала, какъ извѣстно, значительная перемѣна: старообрядцамъ предоставлены права, какихъ они доселѣ никогда не имѣли,— права, во многомъ уравнившія ихъ съ прочими гражданами государства, — немалая предоставлена свобода и въ исповѣданіи ихъ вѣры, въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ. Этимъ улучшеніемъ общаго положенія старообрядцевъ Екатерина II желала особенно привлечь обратно въ Россію находившихся за границей, ра-

скольниковъ. Изъявившимъ согласіе возвратиться въ отечество были предоставляемы кромѣ того особенныя льготы, которыми они должны были пользоваться предпочтительно предъ раскольниками, жившими въ Россіи. Такая рѣшительная перемѣна правительственныхъ отношеній къ расколу не осталась безъ послѣдствій: пограничныя мѣста, доселѣ служившія какъ бы центрами старообрядчества, откуда исходили церковныя и иныя узаконенія, имѣвшія обязательную силу для всего почти старообрядческаго міра, въ царствованіе Екатерины II совсѣмъ утратили свое прежнее значеніе, и напротивъ внутри государства, частію на старыхъ мѣстахъ, частію на новыхъ, образовались сильныя по своимъ матеріальнымъ средствамъ и религиозному значенію старообрядческія общины, къ которымъ начали тяготѣть всѣ прочія, подчинившія себя ихъ вліянію, — таковы Стародубье въ южной половинѣ Россіи, Иргизъ — въ восточной, и особенно Москва, которая сдѣлалась какъ бы средоточіемъ раскола. Рѣшеніе церковныхъ старообрядческихъ вопросовъ, происходившее доселѣ главнымъ образомъ за литовскимъ рубежомъ, производится теперь здѣсь, во внутреннихъ предѣлахъ Россіи, въ мѣстахъ сдѣлавшихся центральными для старообрядческихъ населеній, и преимущественно въ Москвѣ: здѣсь же теперь и для рѣшенія вопросовъ о приобрѣтеніи епископства, вообще объ устройствѣ іерархическихъ дѣлъ у старообрядцевъ, открываются совѣщанія, собираются многолюдные соборы, о какихъ прежде не смѣли и помыслить старообрядцы. Столь рѣшительное измѣненіе внутреннихъ взаимныхъ отношеній, или тяготѣній въ старообрядческомъ мірѣ было послѣдствіемъ той свободы въ общественной и религиозной жизни, какую старообрядцы начали пользоваться въ Россіи со временъ Екатерины II, точно также, какъ относительная свобода жизни за русскимъ рубежомъ въ прежнее время была главнымъ основаніемъ, почему тогда рѣшеніе церковно-іерархическихъ вопросовъ для всего старообрядчества происходило по преимуществу тамъ, у зарубежныхъ раскольниковъ.

Въ первые же годы царствованія Екатерины II по вопросу о приобрѣтеніи епископа происходило въ Москвѣ у ста-

рообрядцевъ замѣчательное совѣщаніе, въ которомъ участвовали не только поповцы московскіе и стародубскіе, но и раскольники главныхъ безпоповскихъ согласій — поморскаго и едосѣвскаго.¹⁾ Быть можетъ подъ вліяніемъ того же, измѣнившагося къ лучшему внѣшняго положенія старообрядцевъ, у нихъ сильнѣе пробудилось теперь сознание внутренней несостоятельности раскола, такъ очевидно заявлявшей себя въ раздѣленіи на многія секты, въ ослабляющихъ его несогласіяхъ и раздорахъ: это сознание внутренней несостоятельности раскола и неразлучно соединенное съ нимъ желаніе выдти изъ своего ложнаго положенія, возстановить единство и цѣлость старообрядчества, теперь особенно необходимыя, и были, конечно, побудительною причиною для представителей столь различныхъ и враждебныхъ между собою толковъ сойтись на общее любовное разсужденіе о мѣрахъ, какими можно было бы достигнуть желаемаго единства и прочнаго устройства ихъ глаголемой „древлеправославной“ церкви. Не могло быть разногласія, что единственнымъ къ тому средствомъ служило бы приобрѣтеніе „древлеправославнаго“ епископа, при которомъ ихъ глаголемая церковь, во всемъ согласовала бы древней, до лѣтъ Никона патріарха въ неповрежденномъ православіи и благочестіи пребывавшей. Но какимъ способомъ приобрѣсти „древлеправославнаго“ епископа? Старообрядцы поповскаго согласія, теперь, въ виду благоснисходительности правительства къ раскольникамъ, предлагали опять обратиться къ „великороссійскимъ архипастырямъ“ для поставленія въ епископы избраннаго общимъ совѣтомъ старообрядцевъ кандидата; на такую мѣру, очевидно, не могли согласиться безпоповцы, уже окончательно рѣшившіе, какъ мы видѣли, вопросъ объ отношеніи къ церкви грекороссійской, въ силу этого рѣшенія признавшіе неза-

¹⁾ Въ запискѣ неизвѣстнаго автора о исканіи епископа старообрядцами, напечатанной у А. Иоаннова, сказано, что настоящее совѣщаніе произошло именно въ 1765 году (ч. IV, стр. 80); самъ же А. Иоанновъ, сообщая подробности этого совѣщанія, не означилъ въ точности года, когда оно происходило, а сказалъ только, что „въ началѣ царствованія императрицы Екатерины Алексѣевны вторыи“ (ч. II, стр. 69).

коннымъ принятіе даже бѣгствующихъ отъ церкви священниковъ, — и имъ-то, безъ сомнѣнія, принадлежала мысль: нужды ради, которая „всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана, но свободна“, сдѣлать премѣненіе закону, прибѣгнуть къ чрезвычайному поставленію епископа, на которое однакоже имѣлся бы въ святоотеческихъ подобіяхъ образецъ¹⁾. Именно предложили поставить избранное лице, на

1) У А. Іоаннова (ч. II, стр. 70—72) приводятся отмѣченные вносными знаками отрывки, какъ надобно полагать, современной записки какого-то старообрядца объ этомъ расколыническомъ совѣщаніи (которую однакоже называть „соборнымъ дѣяніемъ,“ какъ называется она въ *Очеркахъ поповщины*, на стр. 260, нѣтъ основанія). Въ этой запискѣ приведены весьма замѣчательныя слова, принадлежащія, какъ мы полагаемъ, кому-либо изъ представителей безпоповства, въ которыхъ прямо указано въ чемъ состоятъ „нуждныя“ обстоятельства старообрядцевъ: „цѣлое миновало столѣтіе, какъ православная церковь постепеннаю свяченства лишилась, и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Въ смутное Никоново время, хотя и остался Павелъ епископъ, за древнее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій; но преемникомъ по себѣ никого намъ не оставилъ. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православныя древніе священники, но и *тѣ всѣ*, Богу тако опредѣлившу, *прешли въ вѣчныя кровы*. Мы же, хотя послѣдователи и ученики ихъ, но руковожденіи и освященіи къ служенію въ Божіей церкви таинствъ *ни одинъ изъ насъ ничего не имѣтъ*; и потому мы въ крайней нуждѣ и расточеніи находимся; нужда же“ и проч. Здѣсь заслуживаетъ особеннаго замѣчанія во-первыхъ то, что единственнымъ, не имѣвшимъ по себѣ преемниковъ, старообрядческимъ епископомъ признается Павелъ Коломенскій, — ни объ одномъ изъ недавнихъ самозванныхъ епископовъ нѣтъ и помину; во вторыхъ—то откровенное признаніе, что старообрядцы съ давнихъ лѣтъ остаются „безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей.“ Если отъ недавно бывшихъ самозванныхъ епископовъ могли отказаться и сами поповцы, находившіеся на совѣщаніи, то никакъ уже не могли они, столько времени пробавляясь бѣгствующимъ священствомъ, говорить, что цѣлое столѣтіе остаются безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Вотъ почему приведенныя выше слова и самую мысль о поставленіи епископа чрезвычайнымъ способомъ, на основаніи нуждныхъ обстоятельствъ, мы приписываемъ безпоповскимъ членамъ совѣщанія. Что касается ученія о „нуждныхъ обстоятельствахъ,“ то въ старообрядчествѣ и тогда уже оно было не новостью, даже въ примѣненіи къ вопросу о поставленіи епископа: Анежимъ просилъ заочнаго поставленія у Аенигогена также на основаніи чрезвычайнаго примѣра — какъ Ѳедимъ поставилъ св. Григорія чудотворца; впоследствии, какъ увидимъ, учредители бѣлогриницкой іерархіи развили это ученіе съ особенной полнотою, составили цѣлую теорію руководства „нуждными обстоятельствами“.

основаніи бывшаго въ древлерусской церкви святоподобія,¹⁾ главою св. Златоуста, а потомъ, когда это было признано неудобнымъ,—рукою митрополита Іоны, или другаго изъ почитающихъ въ Москвѣ святителей,²⁾ каковое посвященіе, какъ они разсуждали, уже несомнительно было бы древлеправославнымъ. Предложеніе это сначала принято было въ совѣщаніи какъ мудрое, рѣшающее всѣ затрудненія; но по размышленіи болѣе зрѣломъ отвергнуто, какъ неудобноисполнимое и съ существомъ дѣла не вполне сообразное. Этимъ и кончилось совѣщаніе.³⁾

Когда такимъ образомъ не имѣла успѣха и эта новая попытка къ учрежденію самостоятельной старообрядческой іерархіи, предпринятая по взаимному согласію раскольниковъ различныхъ сектъ: тогда поморскіе и еедосѣвскіе учителя навсегда уже отказались отъ мысли о возстановленіи древлеправославной іерархіи, отъ исканія архіерейства; поповцы, напротивъ, съ прежнимъ и даже большимъ усердіемъ продолжали это исканіе, твердо держась при томъ своей прежней мысли о приобрѣтеніи епископа отъ церкви православной по примѣру бѣгствующихъ священниковъ. Вскорѣ же послѣ описаннаго совѣщанія обратились они съ просьбою о поставленіи епископа къ находившемуся въ Москвѣ, бывшему грузинскому архіепископу Аѳанасію: Аѳанасій, конечно, не вполне понимавшій значеніе этой просьбы, отказался исполнить ее на томъ только основаніи, что, состоя подъ вѣдѣніемъ св. Синода и не имѣя своей кафедры, дѣйствовать самостоятельно не можетъ, а посовѣтовалъ старообрядцамъ отправиться въ Грузію, гдѣ, какъ увѣрялъ онъ, желаніе ихъ удобно можетъ быть достигнуто. Старообрядцы не оставили безъ вниманія этотъ совѣтъ,—дѣйствитель-

1) „По примѣру Климента митрополита кіевскаго, освященнаго главою Климента папы римскаго, взятою отъ мощей россійскими архіереями.“ (Іоан. ч. II, стр. 71).

2) У А. Іоаннова, въ упомянутой запискѣ, говорится именно о рукѣ святителя Іоны (ч. II, стр. 71); а въ напечатанной у него же запискѣ другаго старообрядца сказано, что „вознаѣрились поставить мощами св. Филиппа митрополита“ (ч. IV, стр. 80).

3) Подробности см. у А. Іоаннова (ч. II, стр. 69—73), у пр. Макарія въ *Ист. раск.* (стр. 388) и у Мел. въ *Очерк. попов.* стр. 257—365.

но отправили за Кавказъ избранныхъ людей просить епископа отъ грузинскихъ архипастырей; но посланные при-
нуждены были возвратиться назадъ, недоѣхавъ до Грузіи, такъ какъ сообщеніе съ Кавказомъ по причинѣ открывшихся военныхъ дѣйствій было прервано.¹⁾ Потомъ, жившіе за Днѣпромъ поповцы дѣлали попытку склонить крымскаго митрополита къ поставленію для нихъ епископа; но митрополитъ, очевидно, разумѣя ихъ просьбу, какъ просьбу объ учрежденіи за Днѣпромъ новой православной епископіи, не нашелъ возможнымъ исполнить оную безъ предварительнаго на то разрѣшенія отъ патріарха константинопольскаго, — высшей церковной власти, отъ которой и самъ стоялъ въ зависимости. Такимъ образомъ и отсюда раскольники возвратились ни съ чѣмъ. Есть извѣстіе, что около того же времени старообрядцы дѣлали приглашенія поступить къ нимъ въ епископы нѣкоторымъ изъ русскихъ архипастырей, и въ томъ числѣ святителю воронежскому Тихону, который, какъ видно, и въ старообрядческихъ обществахъ возбуждалъ благоговѣніе своею святою жизнію.²⁾ Само собою

1) Извѣстія о сношеніяхъ раскольниковъ съ архіепископомъ грузинскимъ Аванасіемъ и о посольствѣ въ Грузію, равно какъ о послѣдующихъ сношеніяхъ съ другими православными архіереями, сообщаются только въ запискѣ неизвѣстнаго автора, напечатанной у А. Иоаннова (ч. IV. стр. 78—81) и частію въ сочиненіи инока Виталія: *О церквѣ и раскольникахъ*.

2) Въ приведенной у А. Иоаннова запискѣ неизвѣстнаго автора, который одинъ только и говоритъ о сношеніяхъ раскольниковъ съ святителемъ Тихономъ, не указано съ точностію, когда именно это было и гдѣ жилъ тогда святитель; но такъ какъ въ запискѣ примѣтно вообще соблюденіе хронологическаго порядка, а извѣстіе о сношеніяхъ раскольниковъ съ св. Тихономъ помѣщено вслѣдъ за извѣстіемъ о неудачной попыткѣ старообрядцевъ проѣхать въ Грузію, сдѣланной въ 1767 или 1768 г.; то и можно предполагать, что сношенія эти происходили вскорѣ послѣ указанныхъ годовъ, быть можетъ именно вслѣдъ за тѣмъ, какъ святитель Тихонъ удалился на покой (въ декабрѣ 1767 года) и жилъ еще въ Толшескомъ монастырѣ, который первоначально избралъ себѣ пріютомъ. Предположеніе это представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что тогдашній настоятель Толшескаго монастыря былъ приверженецъ къ расколу и могъ по этому быть соучастникомъ и посредникомъ раскольниковъ въ сношеніяхъ съ святителемъ: то между прочимъ обстоятельство, что настоятель оказался приверженцемъ раскола, и побудило святителя Тихона переселиться изъ Толшескаго монастыря въ Задонскъ (См. соч. *Тихонъ св. Воронеж. и Влац.*

разумѣется, что у русскихъ архипастырей предложенія раскольниковъ имѣли еще менѣе успѣха, нежели у незнакомыхъ съ расколомъ иноземныхъ православныхъ архіереевъ. Всѣ эти хлопоты о приобрѣтеніи епископа, такъ усердно производившіеся послѣ неудачнаго московскаго совѣщанія 1765 г., и преимущественно старообрядцами дьяконова согласія, были, можно сказать, послѣдними опытами въ этомъ родѣ. Вскорѣ же послѣ того, какъ они происходили, въ Москвѣ, у здѣшнихъ поповцевъ случились событія, которыя повидимому не имѣли тѣсной связи съ занимавшимъ старообрядцевъ дѣломъ объ исканіи архіерейства, и однакоже на судьбу этого дѣла оказали рѣшительное вліяніе.

Безплодныя исканія архіереевъ, а равно и приобрѣтеніе такихъ, какъ Епифаній, Аеиногенъ, Анеимъ, само собою разумѣется, не избавили раскольниковъ отъ необходимости имѣть бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви іереевъ, — и бѣглые попы у нихъ дѣйствительно имѣлись постоянно, хотя и были приобрѣтаемы съ немалымъ трудомъ и съ явнымъ отвращеніемъ отъ этихъ „чужеимен-

1844. стр. 19). Во всякомъ случаѣ нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора *Очерковъ поповщины*, будто къ святителю Тихону обращался съ указанной просьбою въ 1782 г. известный инокъ Никодимъ, хлопотавшій тогда объ учрежденіи единовѣрія, и будто бы это обращеніе къ святителю Тихону находилось въ связи именно съ дѣломъ объ учрежденіи единовѣрія (стр. 277 — 278). Еслибы такъ дѣйствительно было, то составитель „записки“, безъ сомнѣнія, не преминулъ бы назвать Никодима, о которомъ упоминалъ только-что передъ этимъ, какъ объ одномъ изъ лицъ, предпринимавшихъ путешествіе въ Грузію; а между тѣмъ онъ этого не сдѣлалъ, и даже прямо говоритъ, что къ святителю Тихону раскольники „отправили изъ Москвы одного саратовскаго купца“. Нельзя такъ же это посольство ставить въ связи съ дѣломъ объ единовѣрїи, такъ какъ просить святителя Тихона, или кого-либо изъ православныхъ архіереевъ въ единовѣрческіе епископы Никодиму и вообще учредителямъ единовѣрія никакой рѣшительно надобности не было, когда съ просьбою о дарованіи имъ епископа они обратились прямо къ св. Синоду; при томъ же они именно желали и просили, чтобы епископъ былъ нарочито для нихъ поставленъ „изъ великороссійской породы“ (Верхов. *Иск. старообряд. въ XVIII в. закон. архіер.* стр. 12); наконецъ и самъ святитель Тихонъ, конечно, не сказалъ бы старообрядцамъ: „къ чему приступить? вы и сами пусты!“ — еслибы они просили его быть у нихъ епископомъ на основаніи совершеннаго единенія съ церковію и въ зависимости отъ св. Синода.

ных⁴ пастырей. Съ воцаренія императрицы Екатерины II-й предоставленная раскольникамъ свобода въ отправленіи религиозныхъ обрядовъ открыла болѣе свободный доступъ къ нимъ и бѣглымъ попамъ. Особенно стремились они въ тѣ, образовавшіяся во внутреннихъ предѣлахъ имперіи, богатая старообрядческія общины, гдѣ внѣшнее довольство и матеріальныя выгоды служили вообще сильной приманкой для священниковъ, терпѣвшихъ нужду на своихъ бѣдныхъ православныхъ приходахъ. Такимъ вождѣннымъ приютомъ для бѣгствующаго священства явилось въ Москвѣ, вскорѣ же послѣ своего учрежденія въ 1771 году, быстро возраставшее и богатѣвшее Рогожское кладбище. Здѣсь-то одинъ изъ бѣглыхъ поповъ, Василій Стефановъ,¹⁾ успѣвшій пріобрѣсти себѣ великій почетъ у московскихъ поповцевъ, проповѣдуя, что приходящихъ отъ великороссійской церкви мірянъ и священнаго чина, на основаніи якобы древнихъ примѣровъ, надлежитъ принимать непременно вторымъ чиномъ, подъ муропомазаніе („перемазывать“ по выраженію поповцевъ), задумалъ ради вяцшаго укорененія этого обычая, а болѣе изъ своихъ личныхъ расчетовъ, устроить на кладбищѣ вареніе мѣра, такъ какъ по сознанію самихъ старообрядцевъ древняго іосифовскихъ временъ мѣра у нихъ тогда уже не имѣлось, и своимъ новоосвященнымъ кладбище могло бы по этому снабжать всѣхъ, повсюду сущихъ старообрядцевъ для употребленія онаго при крещеніи младенцевъ и чинопріятіи отъ церкви приходящихъ. Святотатственное дѣйствіе это было совершено на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1777 году.

Такимъ образомъ въ Москвѣ, не думая долго, рѣшили для всего старообрядчества доселѣ остававшійся не рѣшеннымъ окончательно вопросъ о чинопріятіи бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ. Но какъ въ первыя времена раскола вопросъ этотъ, при самомъ своемъ возникновеніи, вызвалъ много разногласій въ старообрядествѣ,

¹⁾ По свидѣтельству А. Іоаннова (ч. IV, стр. 38) былъ этотъ попъ Василій бѣглый господскій человекъ: поэтому едвали даже и имѣлъ священныи санъ.

встрѣтилъ вообще казавшіяся непреодолимыми затрудненія къ удовлетворительному его рѣшенію, что и было, какъ мы видѣли, одною изъ самыхъ главныхъ причинъ, возбуждившихъ въ старообрядцествѣ мысль о пріобрѣтеніи епископа, объ учрежденіи своей собственной іерархіи, въ чемъ думали найти единственное средство выдти изъ затрудненій: такъ точно и теперь дѣло не обошлось безъ горячихъ споровъ между старообрядцами, а также и въ отношеніи къ исканію архіерейства не осталось безъ послѣдствій очень важныхъ.

Наиболѣе сильными противниками перемазанства явились старообрядцы дьяконова согласія. Они были постоянно усердными поборниками мысли о пріобрѣтеніи епископа отъ православной церкви по примѣру бѣгствующихъ отъ оной іереевъ, вообще въ своихъ воззрѣніяхъ на церковь отъ всѣхъ раскольниковъ отличались наибольшимъ безпристрастіемъ: это безъ сомнѣнія и было главной причиною того, что они возстали противъ рогожскаго ученія о перемазанствѣ, въ которомъ видѣли весьма справедливо выраженіе крайне-фанатическихъ раскольническихъ понятій о церкви и величайшее препятствіе къ желаемому и ожидаемому принятію отъ оной епископа; притомъ же это ученіе было несогласно съ существовавшимъ у нихъ издавна обычаемъ—принимать бѣглыхъ поповъ по третьему чину. Дьяконовцы объявили, что введенное рогожскими учителями пріятіе бѣгствующихъ священниковъ вторымъ чиномъ, подъ муропомазаніе, противно церковнымъ правиламъ и, какъ незаконное, должно быть оставлено, а надлежитъ совершать оное, согласно правиламъ, по третьему чину. На возраженія дьяконовцевъ рогожцы отвѣчали дерзкимъ требованіемъ—безпрекословно подчиниться принятому у нихъ ученію. Между тѣми и другими начались препирательства. Со стороны дьяконовцевъ главнымъ дѣятелемъ здѣсь явился стародубскаго Покровскаго монастыря инокъ Никодимъ, уже успѣвшій показать себя горячимъ приверженцемъ мысли о пріобрѣтеніи епископа отъ церкви православной на московскомъ совѣщаніи 1765 года и своимъ личнымъ участіемъ въ предпринятой послѣ того, неудавшейся поѣзд-

къ въ Грузію. Споры дьяконовцевъ съ защитниками перемазанства обратили на себя вниманіе всего російскаго старообрядчества и грозили ему новымъ раздѣленіемъ. Чтобы положить имъ конецъ и предотвратить такой печальный исходъ ихъ, признали необходимымъ подвергнуть вопросъ о чинопріятіи бѣгствующаго священства общесоборному разсмотрѣнію и рѣшенію. Въ концѣ 1779 г. и въ началѣ 1780 дѣйствительно происходили съ этою цѣлію многочисленныя и многоядныя собранія московскихъ и разныхъ мѣсть старообрядцевъ, нарочито пріѣхавшихъ въ Москву на эти собранія. Здѣсь инокъ Никодимъ побѣдоносно состязался съ рогожскими учителями, во всей очевидности раскрылъ несостоятельность защищаемаго ими обычая—подвергать муропомазанію священниковъ, *принимасмыхъ* отъ церкви *въ сущемъ ихъ санѣ*, доказалъ неопровержимыми доводами, что отъ подлежащихъ муропомазанію еретиковъ втораго чина приходящія священныя лица въ сущемъ ихъ санѣ принимаемы быть не могутъ, но паки поставляются въ свои саны, и потому приходящіе къ старообрядцамъ отъ великороссійской церкви священники, какъ не лишаемые принадлежащихъ имъ сановъ и не требующіе новаго поставленія, должны быть принимаемы по образцу еретиковъ не втораго, а третьяго чина, т. е. чрезъ одно проклятіе ересей.¹⁾ Но ни краснорѣчіе Никодима, ни сила его доказательствъ, какъ извѣстно, не вразумили рогожскихъ ревнителей перемазанства, уже гордыхъ своимъ богатствомъ и значеніемъ въ старообрядчествѣ, „искавшихъ, по выраженію Никодима, не правды и разсмотрѣнія, но побѣды и одолвія“: желаемое общесоборное мирное рѣшеніе вопроса о чинопріятіи бѣгствующихъ іереевъ не состоялось; напротивъ случилось именно то, чего не желали,—совершенное отдѣленіе дьяконовцевъ, оставшихся при своемъ мнѣніи, отъ сторонниковъ Рогожскаго кладбища, которые также упорно держались принятаго здѣсь обычая „перемазывать“ бѣглыхъ поповъ и, получивъ съ этого времени названіе „перемазан-

¹⁾ Изложеніе споровъ Никодима съ перемазанцами напечатано у А. Іоаннова (ч. IV, стр. 40—59).

цевъ“¹⁾ составили огромное большинство въ старообрядчествѣ.¹⁾ Тѣ и другіе пошли теперь совершенно различными путями.

Дьяконовцы, вѣрные своимъ понятіямъ о церкви греко-россійской, послѣ отдѣленія отъ перемазанцевъ еще съ большимъ усердіемъ стали искать сближенія съ церковію чрезъ приобрѣтеніе отъ оной епископовъ: послѣ новой неудачной попытки получить епископа тѣми же способами, какіе были употребляемы прежде,²⁾ они рѣшились искать его законнымъ порядкомъ отъ святѣйшаго россійскаго Синода. Главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ въ этомъ предпріятіи былъ тотъ же инокъ Никодимъ, и предпріятіе его, какъ извѣстно, кончилось учрежденіемъ единовѣрія. Единовѣріе, открывая читателямъ такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ законную возможность имѣть для отправленія всѣхъ церковныхъ службъ по напечатаннымъ до никонова патріаршества богослужебнымъ книгамъ священниковъ, поставленныхъ православными епископами и состоящихъ въ іерархической отъ сихъ послѣднихъ зависимости, то есть открывая имъ возможность и право быть и имено-

1) Обширному, почти повсюдному распространенію перемазанства между поповцами особенно много содѣйствовало то обстоятельство, что ученіе это было принято на Ирगивѣ, который имѣлъ дозволеніе отъ правительства пользоваться бѣглыми попами и вълѣдствіе этого приобрѣлъ большое значеніе для всего старообрядчества: здѣсь въ 1782 и 1783 годахъ также происходили соборы, утвердившіе принятіе бѣглыхъ поповъ подъ муромозаніе (*Русск. Вѣст.* т. LI, стр. 14). Кромѣ того въ официальныхъ актахъ упоминается о такихъ же постановленіяхъ, сдѣланныхъ всѣми иргивскими монастырями въ 1792 и 1805 годахъ (*Собр. постановленій по части раскола*, Лондонское изд. 1863 г. стр. 136).

2) Здѣсь мы разувѣемъ слѣдующее событіе, время котораго обозначено у инока Виталія въ его сочиненіи *о церкви и раскольникахъ*: въ 1781 году, по совѣту Никодима, отправленъ былъ для поставленія въ епископы стародубскій бѣглый іеромонахъ Іосифъ къ находившемуся въ мѣстечкѣ Немировѣ греческому митрополиту Евсевію, котораго въ Немировѣ онъ уже не засталъ; другая подобная попытка, сдѣланная также по совѣту Никодима, — отправленіе на Востокъ для исканія архіерейства стародубскихъ иноковъ Іоасафа и Раваила, относится къ 1779 году, т. е. предпринята была ранѣе перемазанскаго собора (см. пр. Мак. *Ист. раск.* стр. 389—390; *Очерки попов.* стр. 269—276; ср. Іоан. *Ист. изв.* ч. IV, ятр. 80—81).

ваться членами истинной церкви, имѣющей полную въ трехъ чинахъ и законно устроенную іерархію, послужило для Никодима и всѣхъ подобныхъ ему искреннихъ искателей архіерейства прямымъ исходомъ изъ этихъ почти столѣтнихъ бесплодныхъ исканій. Для всѣхъ старообрядцевъ, болѣе или менѣе ясно сознающихъ лживость чужеименнаго бѣгствующаго священства, ищущихъ законной, правильно устроенной іерархіи, но вмѣстѣ желающихъ сохранить и свои такъ называемые старые обряды, единовѣріе дѣйствительно сдѣлалось вождедѣльнымъ средствомъ удовлетворенія ихъ завѣтныхъ желаній. Вотъ почему со времени его учрежденія мы уже не видимъ попытокъ къ приобрѣтенію своего собственнаго епископа въ той, не зараженной раскольниковымъ фанатизмомъ и невѣжествомъ, такъ сказать, лучшей половинѣ старообрядчества, представителями которой были старообрядцы дьяконова согласія: для нея вопросъ объ архіерействѣ, о правильно устроенной іерархіи рѣшенъ былъ учрежденіемъ единовѣрія,—и на такое его рѣшеніе не мало повліяли именно споры дьяконовцевъ съ защитниками перемазанства.¹⁾

Съ своей стороны и раскольники, принявшіе ученіе перемазанцевъ, со времени этихъ споровъ, можно сказать, также покончили съ вопросомъ о епископствѣ, объ особой раскольниковской іерархіи, устранивъ его, какъ не требующій рѣшенія. Если въ началѣ мысль о приобрѣтеніи епископовъ и самое исканіе архіерейства были вызваны разными сомнѣніями и недоумѣніями относительно чинопріятія бѣгствующихъ священниковъ, то теперь, когда на Рогожскомъ кладбищѣ такъ отважно порѣшили со всѣми на этотъ счетъ недоумѣніями, провозгласивъ перемазанство всеобдержаннымъ обычаемъ пріятія бѣгствующихъ іереевъ,

1) Возникшая недавно въ средѣ самихъ единовѣрцевъ мысль о самостоятельныхъ единовѣрческихъ епископахъ не можетъ служить опроверженіемъ сей-часъ сказаннаго нами, такъ какъ мысль эта принадлежитъ небольшой партіи, состоящей изъ людей, очевидно, не имѣющихъ правильнаго понятія о единовѣрціи, хотя во главѣ ея и находится, къ сожалѣнію, священникъ одной изъ петербургскихъ единовѣрческихъ церквей.

—теперь, очевидно, уничтоженъ былъ самый поводъ къ исканію архіерейства: не питая болѣе никакихъ сомнѣній относительно бѣглыхъ поповъ, принимаемыхъ вторымъ чиномъ, большинство раскольниковъ удовлетворялось ими вполне и не видѣло никакой надобности желать своихъ собственныхъ епископовъ, хлопотать объ учрежденіи своей собственной іерархіи. И съ этого времени, въ теченіе полу столѣтія, въ этой многочисленнѣйшей половинѣ старообрядчества мы также не видимъ ни одной попытки къ пріобрѣтенію архіерейства, не находимъ слѣдовъ и самой мысли о раскольническихъ епископахъ; бѣглопоповство же, напротивъ, въ теченіе этого времени достигло небывалаго до толѣ процвѣтанія; способъ пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ организовался въ цѣлую систему, образовались центры, откуда они, какъ бы получая своего рода санкцію, расходились по разнымъ мѣстамъ, гдѣ раскольники имѣли въ нихъ нужду, и между этими центрами первенствующее значеніе пріобрѣлъ Иргизъ.¹⁾

Не подлежитъ сомнѣнію, что явленіе это своимъ существованіемъ весьма много обязано было и той свободѣ, какою вообще пользовались раскольники при Екатеринѣ II и Александрѣ I, вчастности же тому снисходительному взгляду на самихъ бѣглыхъ раскольническихъ поповъ, котораго держалось въ это время правительство и крайнимъ выраженіемъ котораго были Высочайше утвержденныя 26 Марта 1822 года правила, предоставлявшія бѣглымъ попамъ, если только не было за ними уголовныхъ преступленій, право безпрепятственнаго пребыванія и отправленія службы у раскольниковъ во всѣхъ мѣстахъ, съ тѣмъ единственно условіемъ, чтобы они „для порядка вели метрики“ и представляли метрическія вѣдомости гражданскому начальству.²⁾ Въ первыя времена раскола, для зарубежныхъ старообрядцевъ относительная свобода ихъ положенія от-

¹⁾ По словамъ г. Мельникова, раскольническихъ поповъ, вышедшихъ съ Иргиза въ началѣ XIX столѣтія, по разнымъ мѣстамъ проживало у раскольниковъ болѣе 200 человекъ. (*Р. Вѣст.* т. LI, стр. 17).

²⁾ *Собр. пост. по части раск.* стр. 53.

крыла возможность внимательнѣе и спокойнѣе прежняго выискнуть въ свое внутреннее состояніе, примѣтить существенные недостатки своего церковно-общественнаго устройства, къ устраненію которыхъ они и признали единственнымъ средствомъ пріобрѣтеніе своего собственнаго епископа; теперь же, на російскихъ раскольниковъ, образовавшихъ внутри отечества по разнымъ мѣстамъ богатая и сильныя общины, предоставленная имъ свобода имѣла, напротивъ, совсѣмъ иное дѣйствіе: интересы матеріальные и стремленіе къ вышнему распространію области раскола возобладали надъ интересами чисто религіозными; сознаніе внутреннихъ противорѣчій, какими преисполненъ расколъ, уже не тяготитъ ихъ въ виду болѣе и болѣе развивающейся вышней, такъ сказать, пространственной силы раскола; „чужеземные“ бѣглые попы, свободно и легко пріобрѣтаемые, удовлетворяютъ ихъ вполне, хотя и пріемлются по образу еретиковъ втораго чина; всѣ помышленія о болѣе правильномъ устройствѣ іерархіи забыты и оставлены...

Такимъ образомъ со времени знаменитыхъ споровъ между старообрядцами дьяконова согласія и такъ называемыми перемазанцами исканій архіерейства въ старообрядчествѣ уже не было въ теченіе цѣлаго полустолѣтія: наиболѣе искренніе искатели правильно устроенной іерархіи нашли себѣ удовлетвореніе въ единовѣрїи; большинство же раскольниковъ, рѣшивъ себѣ, хотя и съ явнымъ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, вопросъ о чинопрїятїи бѣглыхъ поповъ, умѣли вполне примириться съ этимъ такъ называемымъ бѣгствующимъ священствомъ,—и такъ какъ вслѣдствіе предоставленной имъ свободы и при помощи своихъ богатыхъ матеріальныхъ средствъ недостатка въ бѣглыхъ попахъ они никогда не имѣли, то мысль о пріобрѣтеніи своего собственнаго епископа была оставлена ими окончательно. Тогда только снова возникаетъ въ средѣ ихъ эта прежняя мысль, когда строгія мѣры правительства положили конецъ свободному доступу къ нимъ бѣглыхъ поповъ, когда началось и почувствовалось „оскудѣніе бѣгствующаго священства“, какъ нѣкогда „оскудѣніе священства древлеправославнаго“.

И вотъ, дѣйствительно, у раскольниковъ опять начинаются усиленныя хлопоты о приобрѣтеніи собственнаго епископа, объ учрежденіи своей самостоятельной іерархіи, и притомъ средствами болѣе искусными, на основаніяхъ по виѣшности болѣе прочныхъ, нежели прежде, но за то не изъ тѣхъ уже, если можно такъ выразиться, чистыхъ и честныхъ побужденій, какими руководились первоначальныя искатели старообрядческаго архіерейства.

III.

Быстрое распространение бѣглопоповства, особенно послѣ изданія секретныхъ, но не оставшихся въ секретѣ правилъ 1822 года, равно какъ вообще широкое развитіе раскола вслѣдствіе предоставленной раскольникамъ религиозной свободы, которою они явнымъ образомъ злоупотребили, съ самаго вступленія на престолъ императора Николая составили предметъ его особеннаго вниманія, внушили ему заботу о принятіи необходимыхъ мѣръ къ искорененію такихъ, по его искреннему убѣжденію, оскорбительныхъ для православной церкви и нетерпимыхъ въ благоустроенномъ государствѣ явленій. Въ теченіе первыхъ десяти съ небольшимъ лѣтъ его царствованія были изданы имъ одно за другимъ многочисленныя распоряженія и узаконенія, направленные къ постепенному сокращенію полученныхъ раскольниками въ прежнія времена разнаго рода вольностей и льготъ, — узаконенія, въ общей своей совокупности дѣйствительно выразившія твердое и неуклонное намѣреніе императора положить конецъ если не самому существованію, то по крайней мѣрѣ процвѣтанію и дальнѣйшему распространенію раскола, въ частности же — прекратить „при-
скажное для православной церкви“ бѣглопоповство. Изъ числа распоряженій указаннаго времени, направленныхъ

собственно противъ бѣглопоповства, мы укажемъ только тѣ, которыя по своему значенію и по своимъ послѣдствіямъ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Первымъ стѣснительнымъ для раскольниковскихъ бѣглыхъ поповъ распоряженіемъ императора Николая было воспрещеніе имъ разѣзжаться изъ одного мѣста въ другое. По возбужденному пермскимъ гражданскимъ губернаторомъ вопросу, „могутъ ли старообрядческіе священники отлучаться отъ своихъ мѣстъ для исправленія требъ въ другія губерніи“, комитетъ министровъ 10 мая 1827 года мнѣніемъ положилъ: „переходы раскольниковскимъ священникамъ для исправленія требъ изъ уѣзда въ уѣздъ, а тѣмъ болѣе изъ губерніи въ губернію, *рѣшительно воспретить*, въ случаѣ же переездовъ ихъ, если не будутъ имѣть надлежащихъ видовъ, поступать съ ними, какъ съ бродягами“. 24 числа того же мѣсяца, утверждая это мнѣніе, императоръ Николай собственноручно сдѣлалъ слѣдующую, многозначительную въ отношеніи къ дальнѣйшимъ дѣламъ подобнаго рода надпись: „*весьма справедливо*“¹⁾). Въ томъ же 1827 году, 8 ноября, состоялось Высочайшее опредѣленіе о полахъ Рогожскаго кладбища, чтобы находившихся тамъ до этого времени „оставить въ покоѣ“, но отсѣлъ „*новыхъ отнюдь не принимать*“²⁾). Это распоряженіе было тѣмъ важнѣе и тѣмъ чувствительнѣе для раскольниковъ, что касалось одного изъ самыхъ главныхъ пунктовъ поповщины и внушало опасеніе новыхъ въ томъ смыслѣ распоряженій, которыя дѣйствительно и не замедлили послѣдовать относительно раскольниковскихъ поповъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, — именно Петербурга и Пермской губерніи³⁾). Затѣмъ распо-

1) *Собр. пост. по части раск.* стр. 73—74.

2) Тамъ же стр. 77. Относительно Рогожскаго кладбища въ 1834 г. января 4, состоялось еще Высочайшее повелѣніе: „не дозволить ни по какому случаю въ Москвѣ оставаться пріѣзжающимъ изъ другихъ мѣстъ такъ называемымъ раскольниковымъ, или бѣглымъ попомъ, а еще менѣе допускать имъ исправленіе требъ и временное пребываніе на Рогожскомъ кладбищѣ“ (тамъ же стр. 102—103).

3) Распоряженіе относительно Пермской губерніи состоялось также въ 1827 г. (см. Варадинова *Ист. Мин. Внут. Дѣлъ*, т. VIII, стр. 209).

ряженіе это повелѣно было примѣнить и ко всѣмъ старо-
обрядческимъ обществамъ въ Россіи: 31 января 1832 имен-
но состоялось Высочайшее утвержденіе сдѣланнаго секрет-
нымъ комитетомъ постановленія — „распространить на всѣ
губерніи послѣдовавшее Высочайшее повелѣніе для С.-Пе-
тербурга, Москвы и пермской губерніи, чтобы вновь не
позволять появляться бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, но
прежнихъ оставить въ покоѣ, какъ живущихъ на мѣстахъ“¹⁾.
Въ 1836 году, января 17-го, распоряженіе это еще разъ, и съ
особенной силой, подтверждено было относительно Иргиз-
скихъ монастырей, занимавшихся по преимуществу добы-
ваніемъ и доставленіемъ въ разныя мѣста бѣглыхъ поповъ,
повелѣно было „обязать старшинъ, или, какъ раскольники
ихъ называютъ, настоятелей Иргизскихъ монастырей под-
писками впредь не принимать въ сіи монастыри на испра-
ву бѣглыхъ поповъ, такъ какъ сіе противно и церковнымъ
и гражданскимъ законамъ, съ тѣмъ что ежели кто осмѣ-
лится сдѣлать такую исправу, то допустившіе сіе старши-
ны, а равно совершившіе и принявшіе оную попы будутъ
преданы суду, какъ распространители ересей“²⁾. Вообще,
принятіе бѣглыхъ поповъ раскольниками подъ исправу бы-
ло объявлено дѣломъ „сколь постыднымъ для нихъ, столь-
же прискорбнымъ для православной церкви“³⁾.

Въ своей постепенности и въ своей общей совокупности,
всѣ эти, направленные противъ бѣглопоповства распоряже-
нія и узаконенія, при болѣе или менѣе точномъ и строгомъ
ихъ приложеніи, должны были привести къ той именно цѣ-
ли, какую правительство и имѣло въ виду, — къ такъ назы-
ваемому у раскольниковъ „конечному оскудѣнію бѣгствую-
щаго священства“, или, говоря проще, къ совершенному
прекращенію „прискорбнаго для православной церкви“ бѣ-
глопоповства. И никто не понималъ этого лучше самихъ ра-
скольниковъ. Правда, они умѣли, и теперь еще больше на-

1) *Собр. пост. по части раск.* стр. 90.

2) Тамъ же стр. 137.

учились, безнаказанно уклоняться отъ исполненія разныхъ правительственныхъ распоряженій: имѣя возможность и будучи готовы во всякое время какою бы то ни было цѣною купить благосклонную свисходительность опозорившихъ себя продажною чиновниковъ—непосредственныхъ исполнителей этихъ распоряженій, они успѣвали парализовать всякую мѣру правительства, направленную противъ раскола, какъ бы разумно ни была она придумана. И строгія постановленія относительно бѣгствующаго священства они умѣли обходить до извѣстной степени: не смотря на всѣ строгости, бѣглые попы, только уже соблюдаемые въ тайнѣ, являлись у нихъ и теперь. Но все-же они не могли не видѣть, что постановленія эти, угрожавшія въ близкомъ будущемъ, съ постепеннымъ вымираніемъ наличныхъ дозволенныхъ поповъ, окончательнымъ прекращеніемъ этаго „дозволеннаго священства“, нанесли роковой ударъ бѣглопоповству вообще. Тайные, съ величайшими предосторожностями съ мѣста на мѣсто переѣзжавшіе попы не могли вполнѣ замѣнить дозволенныхъ. Кромѣ того, что ихъ приобрѣтеніе, препровожденіе съ мѣста на мѣсто и охраненіе во время отправленія ими своихъ обязанностей сопряжены были съ большими расходами и угрожали постоянной опасностью, личныя качества этихъ, такъ называемыхъ „проѣзжихъ“ поповъ внушали сомнѣніе и отвращеніе даже невзыскательнымъ на этотъ счетъ раскольникамъ: всѣ они предавались безобразному пьянству и распутству; а такъ какъ относительно ихъ уже нельзя было раскольникамъ собирать такія точныя справки, какія дѣлались о прежнихъ, дозволенныхъ попахъ, то между ними нерѣдко оказывались запрещенные, лишенные сана, даже самозванцы, никогда не бывавшіе священниками; явились наконецъ промышленники, торговавшіе поповствомъ и попами ¹⁾. Все

¹⁾ О затрудненіяхъ, въ какія поставлены были раскольники, вслѣдствіе изданія строгихъ указаній противъ бѣглопоповства вынужденные пробавляться проходящими попами, подробно говорится у г. Мельникова въ IX гл. *Очерковъ поповщины* (см. *Русск. Вѣст.* т. LI, стр. 43—78).

это очень скоро дало почувствовать старообрядцамъ дѣйствительную силу и важность постепенно издававшихся правительственныхъ распоряженій противъ бѣглопоповства: въ виду той настойчивости, съ какою слѣдовали одно за другимъ эти распоряженія, они ясно поняли, что ихъ бѣгствующему священству дѣйствительно угрожаетъ опасность конечнаго оскудѣнія. Необходимо было придумать для отвращенія этой опасности какія-либо болѣе вѣрныя средства, нежели приобрѣтеніе и содержаніе тайныхъ поповъ, подъ негласнымъ покровительствомъ продажныхъ чиновниковъ.

Болѣе вѣрнаго и удобнаго къ тому средства старообрядцы не находили, какъ просить верховную власть о возвращеніи къ прежнимъ порядкамъ, о восстановленіи въ полной силѣ и дѣйствиіи изданныхъ въ 1822 году правилъ относительно священниковъ, уходящихъ отъ православной церкви въ расколъ. И дѣйствительно просьбы такого рода были во множествѣ подаваемы отъ разныхъ раскольниковскихъ обществъ высшимъ правительственнымъ лицамъ и даже на Высочайшее имя. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ московскимъ поповцамъ, прихожанамъ Рогожскаго кладбища, которыхъ, какъ мы видѣли, прежде другихъ старообрядцевъ коснулись новыя, стѣснительныя для ихъ духовенства мѣропріятія. Какъ только послѣдовало воспрещеніе принимать новыхъ поповъ на Рогожское кладбище, въ томъ же 1827 году, главные по своему богатству и вліянію члены московскаго старообрядческаго общества, отъ имени всѣхъ прихожанъ Рогожскаго кладбища „возымѣли смѣлость, — какъ сами они въ послѣдствіи писали, — повергнуть къ стопамъ великаго государя императора всеподданническое прошеніе“, въ которомъ, изложивъ подробно, какимъ „бѣдственнымъ положеніемъ въ дѣлѣ спасенія“ угрожаетъ имъ лишеніе возможности получать „законнымъ порядкомъ“ священниковъ отъ великороссійской церкви, какія отсюда могутъ проистекать „затрудненія и недоумѣнія“ для самого правительства по дѣламъ о старообрядцахъ, „умоляли благость Его Императорскаго Величества о дозволеніи имъ попрежнему, на основаніи Высочайше дарованныхъ въ 26-день

марта 1822 года правилъ, принимать приходящихъ къ нимъ священниковъ и діаконовъ“. Болѣе трехъ лѣтъ напрасно ожидали они отвѣта на эту просьбу. Между тѣмъ воспретительный указъ о недопущеніи новыхъ бѣглыхъ поповъ на Рогожское кладбище, приведенный въ дѣйствіе, успѣлъ уже отозваться весьма невыгодными послѣдствіями для московскихъ старообрядцевъ, такъ что въ 1831 году они рѣшились сдѣлать косвенное напоминаніе о подавной ими просьбѣ. Но теперь, послѣ перваго и недавняго неудачнаго опыта, они уже не „осмѣлились“ обращаться непосредственно къ государю и просить именно о восстановленіи правилъ 1822 года, а подали просьбу на имя тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Новосильцева и притомъ о дозволеніи только временнаго, частнаго отступленія отъ изданнаго въ 1827 году указа: они именно просили „о принятіи вновь на убылое мѣсто одного уволеннаго отъ своего начальства заштатнаго священника, изъявившаго согласіе *имѣть жительство* при московскомъ старообрядческомъ Рогожскомъ кладбищѣ и *отправлять богослуженіе и христіанскія таинства по древлепечатнымъ книгамъ*“. Прошеніе это было представлено министромъ на Высочайшее воззрѣніе. Императоръ Николай, обративъ вниманіе на употребленныя въ немъ, очевидно съ намѣреніемъ, неопредѣленные выраженія о тѣхъ обязанностяхъ, какія долженъ исполнять просимый священникъ на Рогожскомъ кладбищѣ, велѣлъ истребовать у подателей просьбы объясненіе, не желаютъ ли они принять этого священника „какъ правильно уволеннаго духовнымъ начальствомъ на правилахъ единовѣрческихъ церквей“. Взять у просителей это объясненіе предписано было тогдашнему московскому генераль-губернатору князю Голицыну, который для этого и пригласилъ ихъ къ себѣ въ іюнь мѣсяцъ того же 1831 года. Никакъ не ожидавшіе предложенія принять единовѣріе,—предложенія, которое, по ихъ понятіямъ, было равносильно совершенному отказу на ихъ просьбу,—московскіе старообрядцы отвѣтили, что „на правилахъ единовѣрческихъ церквей принять просимаго ими священника не желаютъ и впредь принимать на таковыхъ правилахъ священниковъ по совѣсти своей

изъявить согласіе не могут“¹⁾. Такимъ образомъ и вторая просьба московскихъ старообрядцевъ о восстановленіи прежняго порядка въ принятіи бѣглыхъ поповъ потерпѣла неудачу. Однакоже оставить окончательно всякія попытки въ этомъ родѣ они все еще не хотѣли, такъ какъ затрудненія въ приобрѣтеніи священниковъ, успѣвшія обнаружиться и по другимъ мѣстамъ, требовали настоятельно поискать изъ нихъ какого-либо выхода.

Для общесоборнаго совѣщанія и разсужденія о средствахъ къ отвращенію этихъ затрудненій, въ началѣ 1832 года, памятнаго распространеніемъ на всѣ старообрядческія общества воспретительнаго указа о бѣглыхъ попахъ, съѣхались въ Москву значительнѣйшіе представители старообрядчества изъ разныхъ мѣстъ—изъ Вѣтки, Стародубья, съ Иргиза, Керженца, изъ поволжскихъ и другихъ городовъ. Все это были дѣйствительно люди, имѣвшіе значеніе и вліяніе въ своихъ обществахъ; но между ними особенно выдавался по уму, начитанности и предприимчивому характеру молодыхъ еще лѣтъ старообрядецъ Аѳеоній Кочуевъ, пріѣхавшій съ Иргиза съ настоятелемъ Верхнепреображенскаго он стыря—Силуаномъ²⁾. Совѣщанія происходили на Рогожскомъ кладбищѣ, въ такъ называемой конторѣ. Кромѣ

1) О подачѣ обонхъ прошеній и объ ихъ содержаніи говорятъ сами Рогожскіе попечители въ новомъ своемъ прошеніи, поданномъ кн. Голицыну въ 1832 году: оно напечатано у г. Мельникова (см. *Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 40—46).

2) Описаніе подвиговъ Кочуева до начатія дѣла о заграничной раскольнической іерархіи см. у г. Мельникова. (*Русск. Вѣст.* т. LXIII, стр. 64—86); о позднѣйшихъ его дѣяніяхъ нѣкоторыя, повидимому, на оціальныхъ документахъ основанныя извѣстія сообщаются въ сборникѣ Н. Попова (вып. V, стр. 243—254), но изложены, какъ и вся книга, крайне безтолково и безпорядочно. Кочуевъ между прочимъ извѣстенъ былъ, какъ собиратель и знатокъ старинныхъ рукописей: это доставило ему знакомство многихъ почтенныхъ археологовъ, по ходатайству которыхъ онъ получилъ даже въ 1847 году званіе соревнователя Московскаго общества исторіи и древностей. Изъ при надлежавшихъ Кочуеву рукописей особенно замѣчательна лицевая подлинникъ, переданный имъ въ собственность графу Строганову (изданъ въ 1869 г. литографіей при художественно-промышленномъ музеумѣ, въ Москвѣ).

пріѣхавшихъ иногородныхъ депутатовъ на нихъ присутствовали изъ прихожанъ кладбища только самые значительные по своему богатству и общественному положенію, также по своему вліянію на старообрядцевъ. Здѣсь, по настоянію болѣе осторожныхъ членовъ собранія, было между прочимъ рѣшено сдѣлать еще разъ попытку просить правительство о возстановленіи правилъ 1822 года, — присудили именно, чтобы московскіе старообрядцы, не утруждая болѣе непосредственными просьбами ни государя, ни министра, подали прошеніе о ходатайствѣ за нихъ предъ верховною властію своему ближайшему начальнику — московскому генералъ-губернатору, и чтобы въ то же время къ участию въ этомъ дѣлѣ привлечь и петербургскихъ старообрядцевъ, которые съ своей стороны должны были ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ за все вообще старообрядчество.

Прошеніе отъ московскаго старообрядческаго общества на имя князя Голицына взялся составить Кочуевъ, въ довершеніе прочихъ своихъ талантовъ хорошо владѣвшій перомъ. Начавъ съ изложенія причинъ, которыя, по его мнѣнію, породили такъ называемое старообрядчество во времена патріарха Никона, упомянувъ „о стѣсненіи отъ духовныхъ властей“, вслѣдствіе котораго многіе старообрядцы „рѣшились нѣкогда оставить любезное отечество“ и, живя за границей, „принуждены были отправлять службу Божію и христіанскія таинства втайнѣ“ (чего однако у заграничныхъ раскольниковъ небыло), воздавъ раболѣпную дань похвалъ мудрымъ распоряженіемъ Екатерины II и Александра I, даровавшихъ старообрядцамъ свободу въ отправленіи ихъ религиозныхъ дѣйствій, и тѣмъ прекратившимъ якобы всѣ бывшія у нихъ дотогѣ „неустройства“, онъ изложилъ подробно, какими беспорядками и вообще прискорбными, для старообрядчества послѣдствіями угрожаетъ изданный въ 1827 году указъ, воспрещающій старообрядцамъ Рогожскаго кладбища пріятіе новыхъ священниковъ; затѣмъ, изложивъ содержаніе двухъ прежде поданныхъ прошеній объ отмѣнѣятаго указа, онъ обращался къ князю Голицыну отъ имени всѣхъ московскихъ старообрядцевъ съ слѣдующими словами:

мы осмѣлились нынѣ прибѣгнуть къ особой помощи и покровительству вашего сіятельства, какъ государственнаго намѣстника, коему ввѣрено внутреннее управленіе древней столицы... По просьбѣ нашей о дозволеніи намъ принимать попрежнему священниковъ и діаконовъ судьба участи великаго числа старообрядцевъ зависѣть будетъ единственно отъ милосердаго вашего разрѣшенія, въ каковомъ случаѣ старообрядцы московской столицы и губерніи ея умоляютъ ваше сіятельство взойти въ крайнее совѣсти ихъ положеніе, быть предстателемъ и ходатаемъ за нихъ у подножія престола милосердаго монарха о снисхожденіи въ изъявленіи имъ просимой милости къ успокоенію ихъ совѣсти и духа.¹⁾ Прогшеніе это было подано князю Голицыну въ маѣ 1832 года,—и, какъ слѣдовало ожидать, было оставлено правительствомъ безъ всякаго вниманія.

Между тѣмъ отправилась изъ Москвы въ Петербургъ депутація, состоявшая изъ нѣсколькихъ вліятельныхъ старообрядцевъ, въ числѣ которыхъ находился и Кочуевъ, для приглашенія петербуржцевъ къ участию въ общихъ заботахъ о пріисканіи мѣръ, могущихъ отклонить угрожающія старообрядчеству бѣдствія. Во главѣ петербургскихъ старообрядцевъ въ это время стоялъ купецъ Сергѣй Громовъ, извѣстный всему Петербургу своимъ богатствомъ и имѣвшій близкія связи со многими высшими сановниками столицы: на его богатство и особенно на эти его связи всего больше и рассчитывали старообрядцы. Прогшеніе московскихъ старообрядцевъ о возстановленіи правилъ 1822 года Громовъ готовъ былъ охотно поддержать подачей таковаго же содержанія просьбы на Высочайшее имя отъ лица всѣхъ российскихъ старообрядцевъ; но, какъ человекъ опытный въ дѣлахъ подобнаго рода, онъ призналъ нужнымъ предварительно справиться чрезъ свѣдущихъ людей, можно ли сколько нибудь рассчитывать въ настоящемъ случаѣ, что просьба будетъ принята государемъ благосклонно. Онъ рѣшился именно объяснить и посовѣтоваться освоемъ дѣлѣ, съ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ особѣ императора лицъ—тогдаш-

1) *Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 40—46.

нимъ шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, вниманіемъ и благосклонностью котораго имѣлъ счастье пользоваться. Вполнѣ знакомый съ характеромъ и образомъ дѣйствій императора Николая, непоколебимо твердаго въ своихъ законодательныхъ распоряженіяхъ, графъ Бенкендорфъ рѣшительно отсовѣтовалъ Громову безпокоить государя просьбою объ отмѣнѣ изданныхъ имъ мѣропріятій противъ бѣглого раскольническаго священства, такъ какъ просьба эта не можетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ этимъ издано было повелѣніе распространить указанныя мѣропріятія на всѣ старообрядческія общества въ Россіи.¹⁾ Громовъ исполнилъ совѣтъ благорасположеннаго къ нему и „понимающаго дѣло“ сановника.

Такимъ образомъ всѣ попытки раскольниковъ возстановить дѣйствіе указа 1822 года о дозволенныхъ полахъ, сдѣланныя въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ его отмѣны, остались безъ успѣха и достаточно показали имъ, что также участь должна ожидать и дальнѣйшія въ этомъ родѣ попытки. Тѣмъ не менѣе однакоже ходатайства о дозволеніи принимать священниковъ отъ великороссійской церкви были подаваемы старообрядцами различныхъ обществъ и въ послѣдующее время. Въ видахъ удобнѣйшаго достиженія своей цѣли нѣкоторые изъ этихъ просителей предлагали оградить способъ пріятія священниковъ разными законными формальностями, вообще подчинить его строгому надзору правительства. Въ 1838 году прошеніе съ проэктомъ подобнаго рода было подано екатеринбургскими старообрядцами: они предлагали именно, что будутъ избирать священниковъ только достойныхъ, о избранныхъ ими будутъ сообщать немедленно гражданскому начальству и тѣхъ, которые окажутся неблагонадежными, будутъ чрезъ тоже начальство возвращать въ вѣдѣніе мѣстныхъ архіереевъ для святительскаго суда надъ ними. Проэктъ сей, имѣвшій видъ благонамѣренности, вызвалъ со стороны духовнаго правительства

¹⁾ Объ этомъ совѣщаніи Громова съ гр. Бенкендорфомъ согласно свидѣтельству Геронтія (въ *Жизноописаніи Павла*) Аркадій Славскій (въ показаніи 17 июля 1847 г.), Онуерій (въ *Запискѣ объ учрежденіи терархіи*).

весьма сильныя и справедливыя возраженія. Неопровержимыми доводами было доказано, что раскольники въ своемъ проэктѣ требуютъ себѣ права „безпримѣрнаго“, съ благоустройствомъ управленія не совмѣстнаго, что „если предлагаемыя ими правила о священникахъ сравнить съ извѣстными правилами 1822 года, то окажется, что они требуютъ не только того же, но и гораздо большаго: ибо прежде поступающихъ отъ церкви въ расколъ брали они украдкою и правительство какъ бы не примѣчало сего; а теперь они хотятъ тѣхъ же священниковъ брать открыто и формально, и сему беззаконію священниковъ дать видъ законности...“ „Прискорбно видѣть,—говорилось въ заключеніе записки, содержащей разборъ проэкта,—прискорбно видѣть, какъ дерзновенно рассчитываютъ раскольники на непроницаемость начальства. Они знаютъ, что цѣль правительства есть сближать ихъ съ православною іерархіей. Они сего не хотятъ; но надобно же сдѣлать видъ, будто они не противъ сего. Для сего вставили они въ свои правила неискреннюю статью, что свѣтскій начальникъ можетъ дать духовному начальству свѣдѣніе о раскольническихъ метрикахъ и о священникахъ къ нимъ поступающихъ и отъ нихъ выбывающихъ, и думаютъ, что обмануть симъ призракомъ сближенія, тогда какъ они не уступаютъ духовному начальству ни суда, ни надзора надъ ихъ священниками, ни даже права призвать и спросить ихъ священника, о чемъ можетъ быть нужно по дѣламъ...“¹⁾ Такимъ образомъ поданный екатеринбургскими старообрядцами проэктъ правилъ о принатіи священ-

1) Эта весьма замѣчательная записка напечатана у г. Мельникова (*Русск. Вѣст.* т. LI, стр. 73—77). Надобно полагать, что она есть произведеніе митрополита Филарета, такъ какъ имѣетъ всѣ тѣ качества, какими вообще отличаются многочисленныя подобнаго рода записки, составленныя покойнымъ архиепископомъ,—неотразимую силу критики, глубину и ясность мысли, точность и своеобразность выраженія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ пункты: 4-й, гдѣ указаны противорѣчія, въ какия раскольнической проэктъ необходимо долженъ поставить духовное и гражданское начальства, также 6 и 7, гдѣ раскрыты несообразность и злонамѣренность того требованія, чтобы раскольникамъ было представлено право неблагонадежныхъ, или вѣрнѣе неугодныхъ имъ священниковъ возвращать въ вѣдѣніе и на судъ православныхъ епископовъ.

никовъ отъ православной церкви, отличавшійся повидимому благонамѣреннымъ стремленіемъ сблизить старообрядцевъ съ церковію, былъ рязоблаченъ, какъ имѣвшій въ сущности ту же сокровенную цѣль—предотвратить угрожающее старообрядчеству конечное оскудѣніе бѣгствующаго священства, и представившимъ его лицамъ было рѣшительно отказано въ ихъ просьбѣ, съ воспрещеніемъ и впредь начинать какія-либо ходатайства по раскольническимъ дѣламъ.

Въ то время, когда оренбургскіе старообрядцы потерпѣли неудачу съ своимъ прозкомъ, бывшимъ въ сущности новой попыткой достигнуть возстановленія правилъ 1822 года, явились уже предприимчивые люди, замыслившіе инымъ, по ихъ мнѣнію, болѣе вѣрнымъ и прочнымъ способомъ обезпечить старообрядчеству безпрепятственное полученіе священства,—возникла опять давно оставленная мысль объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры, и было уже приступлено къ ея осуществленію.

Когда именно возникла эта мысль и кто первый ее высказалъ, съ точностью опредѣлить нельзя; но то не подлежитъ сомнѣнію, что она вызвана была опасеніемъ неизбѣжно предстоящаго старообрядцамъ „оскудѣнія“ бѣгствующихъ священниковъ и утвердившеюся послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ увѣренностью, что предотвратить эту опасность возстановленіемъ прежняго порядка, узаконеннаго правилами 1822 года, нѣтъ никакой надежды. Сами старообрядцы не отвергають того, что эти именно побужденія вызвали ихъ на сей разъ къ заботамъ объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры ¹⁾. Итакъ,

1) Мы увидимъ, что на это именно безвыходное положеніе старообрядцевъ, лишенныхъ возможности имѣть потребное количество священниковъ, какъ на главное побужденіе къ устройству старообрядческой архіерейской каѳедры, указывалъ самъ нѣкогда Павелъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ, назначенныхъ впрочемъ не для чтенія старообрядцевъ (наприм. въ *Рекурсъ*). Геронтій, въ своихъ запискахъ, мысль о приобрѣтеніи епископа ставитъ также въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что „Богъ ожесточилъ сердце великаго государя царя Николая Павловича противу первоначальнаго православія старогреческой церкви,“ и что послѣдовало „конечное прекращеніе на остатокъ стапятидесятилѣтнаго старо-греко-россійской церкви пробѣла“ (*Памяти. и Жизньпис. Павла.*)

у новыхъ искателей архіерейства уже не было тѣхъ, какъ мы выразились, чистыхъ побужденій, какими руководились ихъ предшественники сто лѣтъ тому назадъ. Теперь къ исканію архіерейства побуждало не искреннее сознаніе недостаточности церковно-іерархическаго устройства старообрядческихъ обществъ, лишенныхъ епископства, не сознаніе существенной необходимости архіерейскаго чина въ истинной церкви христовой, которая, не можетъ существовать при однихъ только священникахъ, ктому же еще бѣгствующимъ отъ своего епископа: теперь искать архіерейства побуждала только крайняя трудность пріобрѣтать этихъ бѣглыхъ поповъ, которыми вполне довольствовались старообрядцы, какъ нельзя болѣе справедливо называемые посему *поповцами*; теперь епископъ нуженъ былъ не какъ существенно необходимый членъ церкви христовой, безъ котораго она не можетъ и существовать, а единственно какъ лице, могущее снабжать старообрядцевъ попами. Не будь теперь тѣхъ строгихъ распоряженій противъ бѣглыхъ поповъ, которыя одно за другимъ издавалъ императоръ Николай, не угрожай поповцамъ „оскудѣніе бѣгствующаго священства“, или удайся имъ хотя одна изъ ихъ попытокъ возстановить дѣйствіе правилъ 1822 года: они бы не стали и помышлять объ учрежденіи старообрядческихъ архіерейскихъ кафедръ, какъ не имѣли о томъ помышленія въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ свободы при Екатеринѣ II-й и Александрѣ I-мъ. Поэтому напрасны позднѣйшія умиленные разглагольствія учредителей старообрядческой іерархіи о стапятидесятилѣтнемъ вдовствѣ ихъ церкви (которымъ старообрядцы отнюдь не тяготились), о неизреченныхъ дѣйствіяхъ Божія промысленія, прекратившихъ сіе вдовство дарованіемъ старообрядческой церкви жениха-епископа, и проч. и проч. Несомнѣнная историческая дѣйствительность показываетъ, что вовсе не здѣсь, не въ этомъ, якобы сознаваемыхъ и оплакиваемомъ старообрядцами вдовствѣ ихъ церкви истинная причина, вызвавшая существованіе нынѣшнихъ раскольническихъ архіереевъ, а въ созданной отвиѣ необходимости во что бы ни стало измѣнить прежнее положеніе съ одними бѣгствующими іереями, пріобрѣтеніе

которых сдѣлалось крайне затруднительно и въ близкомъ будущемъ угрожало еще большими затрудненіями.

По разсказу нѣкоторыхъ писателей, мысль объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каеэдры первоначально возникла теперь на Иргизѣ, въ кругу приближенныхъ людей настоятеля Верхнепреображенскаго монастыря—Силуана, въ числѣ которыхъ находился и упомянутый выше Афоній Кочуевъ. Здѣсь, въ настоятельскихъ кельяхъ, и именно въ 1831 году, происходили пріятельскія разсужденія о бѣдственномъ положеніи старообрядцевъ въ виду неизбежно предстоящаго оскуднѣнія священниковъ: „толковали много и наконецъ дотолковались, что исканіе архіерейства и учрежденіе независимой ничѣмъ отъ господствующей церкви старообрядческой іерархіи составляетъ единственный выходъ изъ тяжкаго ихъ положенія“. Подняли вопросъ и о томъ, какъ и гдѣ устроить каеэдру для старообрядческаго епископа, и тогда же, будтобы, Кочуевъ объявилъ, что жительство для будущаго епископа нужно устроить „непремѣнно за границей“, даже раскрылъ довольно опредѣленно тотъ самый планъ, который впоследствии осуществили учредители Бѣлокриницкой митрополіи. Одобренный собесѣдниками Кочуева, планъ этотъ сообщенъ былъ московскимъ старообрядцамъ: для обсужденія главнымъ образомъ вопроса объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каеэдры, поднятаго иргизскими раскольниками, и былъ составленъ на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1832 году тотъ соборъ, о которомъ упоминали мы выше ¹⁾.

¹⁾ Изложенное здѣсь мнѣніе о первоначальномъ происхожденіи замысла учредить старообрядческую архіерейскую каеэдру за границей принадлежитъ П. И. Мельникову (см. *Русск. Вѣст.* т. LXIII, стр. 80—86). Онъ описываетъ происходившее въ Среднепреображенскомъ монастырѣ совѣщаніе со всевозможными подробностями, — говоритъ даже, что „собесѣдники сидѣли за столомъ, уставленнымъ, по скитскому обычаю, игрой, болынами, разными соленьями, орехами, пряниками, настилой, финиками и ягодами,“ и „вели бесѣду за чаемъ, пуншемъ, мадерой и цыплянскимъ;“ онъ приводитъ далѣе слѣдующую рѣчь Кочуева: „непремѣнно и неотложно надобно учредить архіерейство. Поискать надо ивъ ли гдѣ на Востокѣ епископовъ, сохраняющихъ древнее благочестіе, а если таковыхъ не смыщется, пригласить русскихъ, еслиже не пойдутъ, то греческихъ и принять согласно правиламъ св. отецъ.

Старообрядческіе повѣствователи, притомъ лица, занимавшія высокое положеніе въ Бѣлокриницкой іерархіи и потому, какъ на добно полагать, хорошо знакомые съ дѣломъ, утверждаютъ напротивъ, что первоначальная мысль объ учрежденіи старообрядческой архіерейской кафедрѣ подана была лицомъ вовсе не причастнымъ старообрядчеству, отъ котораго даже всего менѣе можно было ожидать чего-либо подобнаго. По ихъ рассказамъ, въ то самое время, какъ прибыла въ Петербургъ московская депутація хлопотать о возстановленіи правилъ 1822 года и когда, по ихъ просьбѣ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, петербургскій купецъ Громовъ явился за совѣтомъ къ графу Бенкендорфу, сей послѣдній, объяснивъ Громову рѣшительную невозможность достигнуть желаемой старообрядцами отмѣны недавнихъ

Жительство же устроить непременно за границей, а всего лучше въ Буковинѣ, такъ какъ тамошніе старообрядцы имѣютъ привилегіи отъ австрійскихъ императоровъ, а турецкій султанъ теперь, послѣ войны, всякую волю русскаго правительства исполнить и по требованію его старообрядческое архіерейство разорить.“ Ниже авторъ говоритъ еще, что на Рогожскомъ соборѣ Кочуевъ предлагалъ „послать довѣренныхъ лицъ въ Турцію и Грецію, чтобы склонить къ себѣ *одного изъ находящихся не у дѣль митрополита.*“ Нельзя не пожалѣть, что приводитъ такія любопытныя подробности, и притомъ, по видимому, съ буквальной точностью, авторъ не указалъ источника, откуда ихъ заимствовалъ (только говоря о дѣйствіяхъ Кочуева на Рогожскомъ кладбищѣ онъ сослался на записку бывшаго Рогожскаго священника Александра Арсеньева). Особенно желательно было бы имѣть несомнѣнныя доказательства подлинности приведенныхъ имъ рѣчей Кочуева, которыя показываютъ въ этомъ послѣднемъ необыкновенную провнцательность и должны бы упрочить за нимъ славу именно перваго изобрѣтателя тѣхъ плановъ, которыми пятнадцать лѣтъ спустя удалось осуществить Павлу и Геронтію. Между тѣмъ самое это рѣдкое согласіе въ словахъ Кочуева съ тѣмъ, что случилось пятнадцать лѣтъ спустя, притомъ же, какъ увидимъ впоследствии, вовсе не по плану предварительно начертанному,—это самое и внушаетъ сомнѣнія относительно ихъ подлинности, невольно заставляетъ предполагать, что слова эти сочинены кѣмъ—нибудь уже послѣ учрежденія Бѣлокриницкой митрополіи и приблизительно къ обстоятельствамъ сопровождавшимъ это учрежденіе. Возможноли въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы ктонибудь, даже самъ многоталантливый Кочуевъ, еще въ 1832 году могъ говорить, какъ по писанному, что нужно сначала поискать епископовъ, „сохранившихъ древнее благочестіе,“ и если такихъ не сыщется пригласить кого-либо изъ греческихъ (даже именно одного изъ

узаконеній противъ бѣглопоповства и вмѣстѣ соболѣзнуя о горестномъ ихъ положеніи, замѣтилъ Громову, что было бы гораздо легче ходатайствовать предъ государемъ императоромъ за старообрядческихъ священниковъ, еслибъ старообрядцы брали ихъ не отъ православной церкви, чѣмъ этой послѣдней наносится оскорбленіе, котораго императоръ допустить ни когда не рѣшится, а имѣли бы для поставленія священниковъ гдѣ-нибудь своего собственнаго архіерея. Это замѣчаніе высокомошнаго покровителя Громовъ принялъ какъ мудрый совѣтъ, осуществленіемъ котораго и занялся съ великимъ усердіемъ: отсюда и начались, соблюдавшіяся сначала въ глубокой тайнѣ, совѣщанія о приобрѣтеніи епископа, а потомъ и хлопоты объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каедръ¹⁾.

находящихся не у дѣла митрополита!), и что каедрѣ необходимо учредить именно въ Буковинѣ, „такъ какъ тамошніе старообрядцы имѣютъ привилегіи отъ австрійскихъ императоровъ!“ Мы увидимъ, что эти самые планы относительно исканія архіереевъ были составлены нѣкомъ Павломъ и уже въ то время, когда офиціальнымъ порядкомъ началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каедрѣ въ Бѣлой-криницѣ, что учрежденіе самой каедрѣ иначе, какъ въ Буковинѣ, даже и у Павла съ Геронтіемъ не было первоначальнымъ намѣреніемъ, о привилегіи же, данной императоромъ Іосіеомъ, не имѣли тогда достаточно яснаго понятія даже сами буковинскіе липоване, а потому едвали могли знать объ ней на Иргизѣ „отъ приходившихъ туда изъ Молдавіи и Буковины раскольниковъ“ (какъ утверждаетъ г. Мельниковъ въ прим. на стр. 81). Вообще, слишкомъ частыя подробности приведеннаго разсказа, упоминающаго даже о болынахъ и цыганскомъ, не внушаютъ къ нему особеннаго довѣрія, хотя общее его содержаніе, именно то, что на Иргизѣ происходили разсужденія объ устройствѣ расколической архіерейской каедрѣ и что однимъ изъ горячихъ поборниковъ этого предриятія былъ Кочуевъ, безъ сомнѣнія, вѣрно.

1) Подробныя извѣстія объ этомъ разговорѣ графа Бенкендорфа съ Сергѣемъ Громовымъ находятся у Геронтія и Онуерія. Геронтій, одинъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей по учрежденію бѣлокриницкой іерархіи и близкій знакомецъ Громова, въ жизнеописаніи своего друга и сотрудника—никоа Павла разсказываетъ: „Когда послѣдовало конечное прекращеніе старогречороссійской церкви священства, тогда степенноотомственной гильдіецъ С. Г. Г. (Сергѣй Григорьевичъ г-нъ Громовъ), приступивъ къ его сіятельству, внутреннихъ дѣлъ министру, графу господину Банкдорфу (sic) просить его графскосіятельской защиты стапятидесятилѣтняго пробѣла священству. Но его графское сіятельство добросовѣстно и откровенно отвѣщало

Въ томъ и другомъ повѣствованіи есть своя неподлежащая сомнѣнію доля правды. Взявъ изъ нихъ то, что есть въ нихъ несомнѣнно достовѣрнаго, мы изложимъ возникновеніе и первоначальный ходъ дѣла объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры въ томъ видѣ и порядкѣ, который, по тщательномъ соображеніи на основаніи доступныхъ намъ источниковъ всѣхъ относящихся сюда обстоятельствъ, представляется наиболѣе согласнымъ съ дѣйствительностію.

гильдійцу о невозможности произвести въ дѣйство его просьбу. Но между прочимъ онъ допросомъ своимъ далъ ему добрый свой совѣтъ и отеческое наставленіе. Онъ спросилъ гильдійца: неужели вашей церкви правила не позволяютъ имѣть своего святителя и почему вы симъ важнымъ предметомъ не обезпечите себя однажды навсегда? Въ такомъ случаѣ я увѣренъ, что Его Императорское Величество на убѣжденіе вашей просьбы можно склонить.“ Вслѣдъ за симъ Геронтій прибавляетъ, что будтобы самъ императоръ Николай предъ кончиною благодарилъ Бенкендорфа за эту его заботу о раскольникахъ: „О чемъ послѣдѣ самъ (Его Величество) при самыхъ послѣднихъ минутахъ кончины своей, свидѣтельствовалъ... Онъ не забылъ упомянуть и его сіятельство графа господина Банкиндорфа, рече благодарю и покойнаго Банкиндорфа, онъ умѣлъ управлять не точю имперію, но и самимъ мною, онъ и къ самымъ ненавистнымъ мною моимъ врагамъ умѣлъ мене примирять.“ Само собою разумѣется, что императоръ Николай, упоминая (не въ этихъ, конечно, выраженіяхъ) о Бенкендорфѣ, никакъ не могъ имѣть въ виду попеченіи сего послѣдняго о раскольникахъ, за которыхъ, еслибы зналъ объ нихъ, конечно, не воздалъ бы ему благодарности: настоящее замѣчаніе Геронтія любопытно собственно какъ образчикъ той беззащитности, съ какою раскольники готовы каждой удобной и неудобной случай истолковать въ свою пользу. Онуерій, бывшій епископъ Браиловскій и намѣстникъ Блочно-Криничкой митрополіи, человекъ близкій и Павлу и Геронтію, въ замѣткѣ, составленной имъ еще до поступленія въ единоувѣріе, также рассказываетъ: „Старѣйшимъ обществу московскаго Рогожскаго владыка отправилъ депутацию въ Петербургъ хлопотать, чтобы было дозволено на умершихъ, или выбывшихъ мѣста принимать священниковъ. Московскіе депутаты—Аѳеоній Кузминъ съ товарищи были приняты Сергѣемъ Григорьевичемъ Громовымъ. И московскіе просили Громова, чтобы доложилъ господину министру Букиндорфу. Громовъ, какъ почетный гражданинъ, имѣвшій по другимъ предметамъ съ Букиндорфомъ сближеніе, достигалъ, требовалъ совѣта. Онъ заявилъ невозможнымъ доложить государю о предметѣ москвитянъ, отзывался невозможнымъ доступить монарха; но еслибы (сказалъ) у васъ былъ гдѣ нибудь епископъ за границей, то могли бы доложить государю дозволить вамъ на иностранныхъ правахъ.“ О совѣтѣ Бенкендорфа упоминалъ въ

Нельзя допустить, чтобы мысль объ учрежденіи нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи своимъ происхожденіемъ была обязана исключительно одному какому-либо лицу. Мысль эта была прямымъ послѣдствіемъ того положенія, въ какое поставлено было старообрядчество стѣснительными для него распоряженіями правительства и есте-

своемъ показаніи, данномъ въ Кіевѣ, и Аркадія архіепископа Славскій. Въ этомъ показаніи заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что знавшіе о бесѣдѣ Громова съ Бенкендорфомъ считали ее секретомъ, котораго разглашать никакъ не слѣдовало. По словамъ г. Войцеховича, сивмавшаго допросъ съ Аркадія, этотъ послѣдній, въ присутствіи тогдашняго намѣстника Кіевопечерской лавры архимандрита Іоанна, въ какомъ-то особомъ настроеніи духа, сказалъ, что ему, „какъ лицу духовному, открыты дѣла и случаи совѣсти, что обнажать ихъ онъ не вправѣ, а долженъ щадить не только людей къ нему обращающихся, но и *высшихъ лицъ, принимавшихъ въ дѣль участіе*. Я уже соотрѣшилъ, — прибавилъ онъ. — *наименовавъ графа Бенкендорфа*“ (записка Войцех.). Трудно допустить, чтобы эти согласныя и такъ точно передаваемые извѣстія были чистымъ вымысломъ, чтобы въ основаніи ихъ не лежалъ дѣйствительный фактъ; съ другой стороны нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что лице даже искренно преданное императору Николаю и любящее Россію, каковъ былъ, надобно полагать, графъ Бенкендорфъ, но не принадлежащее къ церкви православной, недостаточно-понимающее и принимающее къ сердцу ея интересы, наконецъ еще менѣе знакомое съ расколомъ и его отношеніями къ церкви, даетъ знакомому старообрядцу влаженный выше совѣтъ, какъ выдти изъ затрудненія, не нарушая состоявшихся узаконеній противъ бѣглопоповства. Достоинно замѣчанія, что впоследствии учредители Бѣлокриницкой іерархіи, согласно замѣчанію Бенкендорфа, дѣйствительно питали надежду, что русское правительство будетъ снисходительно смотрѣть на поставляемыхъ заграничными раскольническими архіереями поповъ и дозволить имѣть ихъ российскимъ старообрядцамъ. Такъ Геронтія съ собственноручно писанномъ для г. Дипранди показаніи своемъ, отъ 20 іюня 1847 года, поручаетъ довести до свѣдѣнія государя императора его просьбу о дозволеніи русскимъ старообрядцамъ „заимствоваться (изъ Бѣлой-криницы) рукоположеніемъ священства“ (см. *Чт. въ общ. ист. и др.* 1871 г. ч. IV, отд. V, стр. 151.). Въ собственноручныхъ бумагахъ Геронтія, писанныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости, мы нашли новую редакцію, какъ видно, этаго же самаго показанія, помѣченнаго у него 22 іюня 1847 г., гдѣ онъ еще опредѣленнѣе говоритъ, что русскіе старообрядцы „долженствуютъ съ челобитьемъ прибѣгнуть къ подножью престола добраго своего монарха, подвигнути на милость отеческое Ихъ Величества благоутробіе о возможномъ Ихъ Императорскому Величеству дозволеніи на *инославныхъ религіозныхъ законодательныхъ правахъ* богослужебными храмы и рукополагаемымъ священствомъ пользоваться.“

ственнымъ образомъ должна была возникнуть у многихъ внимательныхъ къ этому положенію старообрядцевъ. Тревожныя извѣстія о „настатіи гонительныхъ временъ“, о близкомъ и неизбежномъ „оскудѣніи священства“ очень скоро распространились во всемъ старообрядческомъ мірѣ, по всемъ старообрядческимъ общинамъ и, само собою разумѣется, повсюду вызвали много разнаго рода толковъ, предположеній, замысловъ,—какъ избыть гоненія. Начетчики, люди вѣдущіе и бывалые, какихъ можно встрѣтить почти въ каждомъ старообрядческомъ обществѣ, теперь стали приводить на память прежнія гонительныя времена и примѣры предковъ, уходившихъ отъ гоненія во иныя страны, гдѣ „христіанство пребываетъ во ослабѣ“ и беззавистно, въ изобиліи пользуется священствомъ, гдѣ будтобы имѣются даже древлеправославныя епископы. Удаленіе въ эти страны, отысканіе этаго древлеправославнаго священства для людей, горячо преданныхъ расколу и не слишкомъ связанныхъ житейскими зоботами, представлялось и теперь наилучшимъ средствомъ избѣгнуть ожидаемыхъ золъ, отворотить бѣдственное оскудѣніе священства. И вотъ дѣйствительно въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ опять возникаютъ у старообрядцевъ толки о живущихъ за границу по разнымъ мѣстамъ „христіанахъ“ и о тамо обрѣтающихся „древлеправославныхъ епископахъ“; распространяются тетрадки, содержащія описаніе этихъ странъ и излагающія путь, какъ ихъ достигнуть; являются и предприимчивые люди, идущіе отыскивать эти страны, гдѣ якобы имѣются даже епископы древняго, дониконовскаго благочестія¹⁾. Такимъ образомъ, прежде нежели явился въ бо-

1) Весьма замѣчательныя и любопытныя извѣстія о подобныхъ предпріятіяхъ сообщаются въ показаніи одного изъ „странствователей“—инока Ираклія. Будучи настоятелемъ Куреневскаго монастыря (подольской губерніи), по *слухамъ*, что въ Турціи есть старообрядческіе епископы, онъ, какъ можно догадываться, около 1828—29 года, вмѣстѣ съ инокомъ Игнатіемъ, „рѣшился идти отыскивать этихъ епископовъ.“ Добравшись до некрассовскихъ селеній, въ Славѣ они „встрѣтили другихъ иноковъ, пріѣхавшихъ изъ Молдавіи *съ одинаковымъ намѣреніемъ*,—имена ихъ были: Евросинъ Дорошей, Павелъ (не изъ Бѣлой-криницы), Аркадій, Виталій, Іоасафъ и

лѣе или менѣе опредѣленныхъ чертахъ замыселъ объ учрежденіи за границей старообрядческой архіерейской каѳедры, толки о заграничныхъ „древлеправославныхъ епископахъ“ и стремленіе найти ихъ, какъ первоначальная основа этаго замысла, уже явились подѣ влияніемъ указанныхъ обстоятельствъ и сдѣлались, такъ сказать, общимъ достояніемъ, общимъ явленіемъ въ старообрядчествѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ мѣстахъ, которыя служили средоточіемъ старообрядчества, его матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, мысль объ отысканіи „древлеправославныхъ епископовъ“ была подвергаема болѣе или менѣе тщательному обсужденію и выражалась въ формѣ болѣе или менѣе опредѣленныхъ плановъ. Иргизъ, какъ одно изъ такихъ средоточій и притомъ какъ мѣсто наиболѣе заинтересованное въ судьбѣ бѣгствующаго священства, а въ началѣ тридцатыхъ годовъ и наиболѣе угрожаемое правительственными карами, естественно имѣлъ въ этомъ отношеніи первенство предѣ другими подобными центрами старообрядчества: здѣсь, и особенно такіе люди, какъ Кочуевъ и другіе пріатели Силуана, обсуждая разныя мѣры къ отклоненію угрожающаго оскудѣнія священства, дѣйствительно, обсуждали тщательно и вопросъ о приобрѣтеніи архіерейства; здѣсь Кочуевымъ были предлагаемы для обсужденія и планы, какимъ образомъ устроить старообрядческую архіерейскую каѳедру, только планы эти не имѣли, конечно, такого близкаго сходства съ дѣломъ, начатымъ десять лѣтъ спустя въ Бѣлойкриницѣ, какъ нѣкоторые полагаютъ. То, что было приду-

другіе, всего 16 человекъ.“ Все они были русскіе выходцы (Аркадій, по фамилиі Лысый, впоследствии сдѣлался архіепископомъ Славскимъ). Черезъ Константинополь они пробрались въ Майносы и спрашивали у здѣшнихъ некрасовцевъ объ епископахъ: некрасовцы „увѣряли, что нѣтъ нигдѣ, что они всю Турцію прошли насквозь, а нигдѣ не слыжали“; отсюда странники прошли за Бейрутъ до Египта, и здѣсь „убѣдились, что записки и свидѣнія, которыя распространены у старообрядцевъ, есть вымыселъ.“ Потомъ они совершили и еще нѣсколько безплодныхъ странствованій, изъ которыхъ возвратились только четверо—самъ Ираклій, Павсель, Доровей и Аркадій,—остальные все умерли (см. *Чт. въ общ. ист. и дресн.* 1871 г. ч. IV, отд. V, стр. 182—185).

мано на Иргизъ, секретнымъ образомъ сообщено въ Москву нѣкоторымъ изъ болѣе вліятельныхъ членовъ здѣшняго старообрядческаго общества. Въ Москвѣ также мысль о приобрѣтеніи епископа, конечно, была уже не новостью и притомъ у здѣшнихъ, гордыхъ своимъ богатствомъ старообрядцевъ она встрѣтила себѣ могучую поддержку въ ихъ мечтаніяхъ о упроченіи и возвышеніи старообрядчества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о своемъ собственномъ прославленіи во всемъ старообрядческомъ мірѣ. Въ числѣ этихъ особаго рода, совершенно въ раскольническомъ духѣ, честолюбцевъ занималъ тогда первое мѣсто купецъ Федоръ Рахмановъ; ему и его родичамъ и пріятелямъ иргизскіе планы пришлись по душѣ. На рогожскихъ собраніяхъ 1832 года, которыя, какъ мы уже говорили, были составлены вообще для обсуждения способовъ къ отстраненію угрожавшаго старообрядчеству „оскуднѣнія священства“, была предложена на общее разсмотрѣніе и мысль о приобрѣтеніи епископа. Самъ Кочуевъ, присутствовавшій здѣсь въ числѣ иргизскихъ депутатовъ, изложилъ свои соображенія о томъ, какъ мысль эта можетъ быть приведена въ исполненіе. Рахмановъ и его сторонники старались поддержать Кочуева ¹⁾; но люди болѣе разсудительные и осторожные находили учрежденіе архіерейской каѳедры предпріятіемъ слишкомъ смѣлымъ, неудобоисполнимымъ, и для самихъ старообрядцевъ не вполне удобнымъ. Главнымъ противникомъ мысли о старообряд-

¹⁾ Авторъ *Очерковъ и повѣствованій* говоритъ: „Шелапутинъ, Ф. Рахмановъ, Бокковъ и Горѣловъ вѣрнопъ ухватились за мысль Кочуева и предлагали тотчасъ же (!) просить у правительства дозволенія имѣть своего епископа, обещаннаго въ прошломъ столѣтіи, а въ случаѣ рѣшительнаго отказа устроить тайно старообрядческую іерархію“ (*Русск. Вѣст.* т. LXIII, стр. 85). Здѣсь у автора мысль Кочуева является уже въ новомъ видѣ, — Кочуевъ будтобы предлагаетъ искать того же, чего искалъ иновъ Никодимъ, учредитель единовѣрія, — „просить епископовъ обещанныхъ въ прошломъ столѣтіи“ (т. е. именно Никодиму). Трудно допустить, чтобы Кочуевъ имѣлъ такую мысль; еще менѣе вѣроятно, чтобы Рахмановъ и другіе московскіе раскольники могли „вѣрнопъ ухватиться“ за предложеніе просить епископовъ „какіе были обещаны въ прошломъ столѣтіи“ Никодиму, т. е. на правилахъ единовѣрія.

ческихъ епископахъ явился купецъ Николай Царскій, извѣстный собиратель старинныхъ рукописей: онъ считалъ болѣе вѣрнымъ и удобнымъ дѣломъ снова ходатайствовать предъ правительствомъ о восстановленіи правилъ 1822 года, и это его мнѣніе поддержали нѣкоторые другіе изъ значительныхъ прихожанъ Рогожскаго кладбища. Въ заключеніе всѣхъ совѣщаній рѣшено было воспользоваться планами той и другой стороны,—хлопотать о восстановленіи доселѣ существовавшаго порядка въ приобрѣтеніи священниковъ и въ тоже время прискивать способы къ устроенію архіерейской каѳедры, но къ участию въ томъ и другомъ дѣлѣ пригласить непременно петербургское общество, особенно главу этого общества—Сергѣя Громова, съ каковою цѣлію и снарядить въ Петербургъ депутацію. Депутація, въ которой участвовали самые горячіе ревнители мысли о раскольниковскихъ епископахъ—Рахмановъ и Кочуевъ, подробно изложила Громову обсуждавшіеся на рогожскихъ собраніяхъ планы. Мы видѣли, что онъ не отказался принять участіе въ хлопотахъ о восстановленіи правилъ 1822 года; но послѣ объясненій съ графомъ Бенкендорфомъ призналъ ихъ бесполезными и нашелъ необходимымъ вовсе оставить. Что касается другаго предпріятія—учрежденія архіерейской каѳедры, оно также не было отвергнуто Громовымъ, и быть можетъ самъ онъ, въ объясненіяхъ съ Бенкендорфомъ, осторожно навелъ этаго послѣдняго на мысль о раскольниковскомъ епископѣ;—во всякомъ случаѣ нѣтъ достаточнаго основанія отвергать то извѣстіе, что Бенкендорфъ высказался Громову въ смыслѣ благопріятномъ для учрежденія особой раскольниковской іерархіи, которая избавила бы старообрядцевъ отъ необходимости брать тайкомъ священниковъ изъ православной церкви, чего правительство никогда не потерпитъ, между тѣмъ какъ гораздо снисходительнѣе можетъ быть отнесется къ попамъ, поставляемымъ собственными раскольниковскими епископами. Это замѣчаніе лица, столь близкаго къ особѣ императора, имѣло для Громова весьма большую важность: мысль о приобрѣтеніи епископа, объ учрежденіи самостоятельной раскольниковской іерархіи теперь заняла его сильно и онъ серьезно началъ помышлять

о приведеніи этой мысли въ исполненіе. Но чѣмъ важнѣе было дѣло, тѣмъ большей, по его мнѣнію, требовало оно осторожности, тѣмъ осмотрительнѣе и искуснѣе нужно было вести его. А между тѣмъ личное знакомство съ Рахмановымъ, главою московскихъ ревнителей старообрядческаго архіерейства, убѣдило Громова, что этотъ ограниченный и болтливый человекъ, при своемъ мелкомъ самолюбіи, скорѣе способенъ испортить дѣло, нежели помочь ему: нужно было поэтому благовиднымъ образомъ устроить Рахманова на нѣкоторое время отъ участія въ замыслахъ о приобрѣтеніи епископа. Посовѣтовавшись съ нѣкоторыми довѣренными лицами и съ самимъ Кочуевымъ, на благоразуміе котораго вполнѣ полагался, Громовъ дѣйствительно объявилъ Рахманову, что учрежденіе старообрядческой архіерейской кафедръ считаетъ слишкомъ смѣлымъ, опаснымъ, вообще неудобноисполнимымъ предпріятіемъ, что участія въ немъ принять не можетъ, да и московскимъ старообрядцамъ совѣтуетъ его оставить. Рахманову очень не хотѣлось отказаться отъ замысла, въ которомъ видѣлъ не только пользу любезнаго ему старообрядчества, но и пищу для своего собственнаго тщеславія; однакоже, не находя себѣ поддержки ни въ комъ изъ лицъ, болѣе значительныхъ въ старообрядчествѣ, долженъ былъ подчиниться совѣту Громова. А самъ Громовъ съ этого времени усердно занялся присканіемъ людей, на которыхъ съ полнымъ къ нимъ довѣріемъ можно было бы возложить порученіе — отправиться въ странствіе для приобрѣтенія потребнаго старообрядцамъ епископа. Что касается вопроса, гдѣ и какъ устроить пребываніе будущаго владыки старообрядцевъ, то въ этомъ отношеніи у Громова и тогдашнихъ довѣренныхъ людей его, не было еще условлено ничего рѣшительнаго, не было составлено какихъ-либо точно-опредѣленныхъ плановъ¹⁾. Ука-

1) Въ *Очеркахъ поповщины* утверждается, что „вопросъ о томъ, гдѣ устроить кафедру древлеправославнаго епископа“ теперь уже „былъ рѣшенъ окончательно“, и будто бы на сей разъ рѣшилъ его серковскій настоятель инокъ Геронтій. Онъ будто бы говорилъ на совѣщаніяхъ у Громова: „Необходимо устроить ее внѣ предѣловъ Россіи, но неподалеку отъ границы. Для сего предстояло избрать мѣстность въ Турціи, Молдавіи, или Австріи.“

заній на этотъ счетъ ожидали отъ времени и обстоятельствъ; теперь же главная забота была объ одномъ—обрѣсти епископа и именно изъ „древлеправославныхъ“, такъ какъ ходившимъ между старообрядцами толкамъ о существованіи такихъ епископовъ и они вмѣстѣ съ другими вѣрили.

Прошелъ не одинъ годъ, пока явился человекъ, по мнѣнію Громова, вполне способный послужить общему дѣлу, обладавшій всѣми качествами, потребными для совершенія такого подвига, какъ исканіе древлеправославнаго епископства и учрежденіе старообрядческой архіерейской каедры: это былъ Петръ Васильевъ Великодворскій, впоследствии стяжавшій себѣ великую знаменитость въ старообрядческомъ мірѣ подъ именемъ инока Павла. Такъ какъ онъ по своимъ подвигамъ дѣйствительно занимаетъ первенствующее мѣсто въ исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, то необходимо ознакомиться съ его жизнію и до того времени, когда

Двѣ первыя онъ находилъ неудобными. „Оставалась Австрія. Геронтій, какъ очевидно (?), рассказывалъ о трехъ слободахъ, населенныхъ въ Буковинѣ липованами русскаго происхожденія и о томъ, что въ одной изъ нихъ, Бѣлой-криницѣ, есть маленькій монастырекъ, въ которомъ, по его мнѣнію, можно было бы устроить епископскую каедру,“ и т. д. (*Русск. Вѣстн.* т. LXV, стр. 53). Опять у автора не указано, откуда заимствованы такія точныя извѣстія о планахъ, будто бы развитыхъ Геронтіемъ въ Петербургѣ на бесѣдахъ у Громова; но во всякомъ случаѣ источникъ, откуда онѣ заимствованы, не заслуживаетъ довѣрія. Геронтій, какъ увидимъ, даже въ 1841 году, пріѣхавъ въ Буковину, не имѣлъ еще опредѣленныхъ видовъ на учрежденіе архіерейской каедры именно въ Бѣлой-криницѣ; нигдѣ мы не нашли извѣстія и о томъ, чтобы раньше этого пріѣзда онъ бывалъ въ селеніяхъ буковинскихъ липованъ и слѣдовательно могъ говорить объ нихъ, какъ очевидецъ; сомнительно даже, чтобы въ указанное авторомъ время онъ находился въ Петербургѣ и „жилъ у Громова, проводя дни и ночи въ задуманныхъ бесѣдахъ съ Алексѣемъ Великодворскимъ“ (братомъ Павла): самъ Геронтій въ павловой біографіи говоритъ, что всѣ братья Павла жили съ нимъ на родинѣ до 1833 года, и ужъ конечно не сказалъ бы этого, еслибъ дѣйствительно весной 1832 года дни и ночи проводилъ съ однимъ изъ нихъ, Алексѣемъ, въ Петербургѣ, гдѣ тотъ будто бы жилъ уже постоянно на службѣ у Громова. И то обстоятельство, что теперь, на совѣщаніи у Громова, Геронтій говорилъ о мѣстѣ учрежденія каедры почти тѣми же словами, какъ говорилъ Кочуевъ на бесѣдѣ у иргизскаго игумена Силуана (ср. *Русск. Вѣстн.* т. LXIII, стр. 81), только усиливаетъ недоувѣріе къ разсказу автора.

онъ выступилъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля у старообрядцевъ ¹⁾).

Инокъ Павелъ, въ мирѣ Петръ Васильевъ Великодворскій, былъ уроженецъ валдайской подгородной слободы, заселенной по преимуществу ямщиками и извѣстной подъ названіемъ Зимогорскаго яма. Отецъ его, Василій Великодворскій, служилъ при зимогорскомъ волостномъ правленіи писаремъ. Семью его составляли жена и пятеро сы-

1) Свѣдѣнія объ инокѣ Павлѣ мы будемъ заимствовать главнымъ образомъ у Геронтія, изъ принадлежащей намъ его собственноручной записки, составленной въ Шлиссельбургской крѣпости и содержащей именно сказаніе о жизни Павла. Относительно фактической стороны расказъ Геронтія, какъ одного изъ ближайшихъ друзей Павла, знакомаго со всеми болѣе или менѣе важными обстоятельствами его жизни, не внушаетъ никакого сомнѣнія. Извѣстія о Павлѣ находимъ также въ запискахъ другаго близкаго ему человѣка—о. Онуерія. Біографію Павла изложилъ съ свойственнымъ ему талантомъ и г. Мельниковъ (*Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 26—32); но, какъ видно, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній онъ писалъ ее большею частію по однимъ догадкамъ, неумѣренно увлекаясь притомъ своей богатой фантазіей. Въ подтвержденіе этого замѣчанія мы укажемъ на первый разъ слѣдующія мѣста: „Василій Великодворскій (отецъ Павла) не гонялъ почты, а *содержалъ постоялый дворъ*, въ которомъ *обыкновенно* останавливались его одновѣрцы, ѣздившіе въ Петербургъ изъ разныхъ губерній по торговымъ и другимъ дѣламъ....“ Изъ сыновей его „старшій Петръ, еще ребенкомъ, бѣгая по низменнымъ берегамъ Валдайскаго озера и съ свойственнымъ раскольнику враждебнымъ чувствомъ взирая на зданія Иверскаго монастыря, воздвигнутаго патриархомъ Никономъ, развивалъ въ себѣ ревность не по разуму къ такъ-называемому древлему благочестію и проникался враждой къ господствующей церкви....“ „По смерти отца хозяиномъ нераздѣльнаго дома остался Петръ Васильичъ. Онъ *оказался совершенно неспособнымъ продолжать родительское дѣло*. Каждый вечеръ звать проѣзжающихъ извозчиковъ, предлагая имъ дешевый овесъ и вариво и перебраниваясь съ сосѣдами, каждое утро считаться съ постояльцами, торгуясь и бранясь за каждую копейку, готовить сѣно, овесъ и другіе припасы, готовить объѣды и ужины — *все это было не по доброй силѣ Петру Великодворскому*, у котораго съ юныхъ лѣтъ голова занята была совсемъ другими думами. *Къ тому же хозяйки въ домъ не было*, а безъ хозяйки держать постоялый дворъ невозможно. Вдова Великодворская, вскорѣ по смерти мужа, постриглась въ инокество.“ Не знаемъ, бѣгалъ ли Петръ Великодворскій, будучи ребенкомъ, по берегамъ Валдайскаго озера и какія чувства воспитывалъ въ юной душѣ его видъ построеннаго Никономъ Иверскаго монастыря; но то извѣстно, что отецъ его содержателемъ постоялаго двора, гдѣ

новой: старшій изъ нихъ — Петръ родился въ 1808 году¹⁾. Мальчикъ одаренъ былъ отъ природы замѣчательными способностями. Рано выучился онъ грамотѣ, и разумѣется по старообрядческимъ первоначальнымъ руководствамъ, такъ какъ семейство Великодворскихъ держалось старообрядчества; отецъ еще научилъ его тому искусству писать четко, свободно и красиво, которое впоследствии оказалось для него такъ важнымъ и полезнымъ. Особенно примѣчательными его качествами были—страстная любовь къ чтенію книгъ духовнаго содержанія, разумѣется, изъ того тѣснаго круга церковно-богословской литературы, который по преимуществу излюбленъ раскольниками, и воспитанная подъ вліяніемъ этаго чтенія склонность къ религіозной мечтательности и аскетической жизни. Стремленіе къ этой послѣдней обнаружилось въ немъ очень рано. Ему было только 12 лѣтъ, когда онъ, наслушавшись рассказовъ о раскольническихъ обителяхъ въ Стародубѣ, задумалъ уйти туда на жительство. Въ одно время, когда отецъ его по должности волостнаго писаря былъ въ отлучкѣ, не сказавшись ни матери, ни братьямъ, онъ скрылся изъ дому, упросилъ знакомыхъ ямщиковъ отвести его въ Москву, откуда при удобномъ случаѣ надѣялся пробраться въ Стародубье, и вѣроятно успѣлъ бы въ этомъ намѣреніи, еслибы отецъ не принялъ своевременно надлежащихъ мѣръ къ возвращенію его домой. Достойно замѣчанія, что и тогда уже онъ имѣлъ обычай вести

„обыкновенно“ останавливались проживавшіе въ Петербургѣ старообрядцы, не былъ и сыну вовсе неприходилось принимать, или бросать несвойственныя душѣ его занятія дворника, такъ искусно описанныя авторомъ; напротивъ, по смерти отца онъ наследовалъ его должность земскаго писаря. И хозяйка въ домѣ, очень хорошая, была у него постоянно, — сама же мать, съ которою онъ растался уже въ тридцатыхъ годахъ, отправляясь въ странствіе, и которая постриглась никакъ не „вскорѣ по смерти мужа.“ Далѣе мы будемъ имѣть случаи показать и другія невѣрности въ биографіи Павла, взложенной авторомъ *Очерковъ поповщины*.

1) Геронтіи положительно говорить, что у Павла было четверо младшихъ братьевъ и что по смерти отца они съ матерью составляли всю семью, оставшуюся на попеченіи Павла; между тѣмъ въ *Очеркахъ поповщины* говорится, что у Павла было пять братьевъ и сестра: „Алексѣй, два Василья, два Федора и Наталья“ (стр. 26). По словамъ Геронтія въ 1828 году Павлу было 20 лѣтъ, въ 1833-мъ 25: значитъ онъ родился въ 1808 г.

„журналецъ“, или дневникъ, куда записывалъ свои мысли и внутреннія расположенія, — обычай, котораго впоследствии держался постоянно: изъ этого дневника и узнали его домашніе о принятомъ у него намѣреніи уйти въ стародубскія обители. Первая неудача не охладила однако его желанія посвятить себя иноческой жизни; онъ только отложилъ на время, до болѣе удобныхъ обстоятельствъ, его осуществленіе и попрежнему сталъ усердно заниматься чтеніемъ уважаемыхъ старообрядцами отеческихъ и иныхъ писаній, знаніемъ которыхъ такъ прославилъ себя впоследствии.

Въ 1825 году случилось въ семействѣ Великодворскихъ событіе, которое должно было на долгое время отвлечь Петра Васильева отъ сродныхъ ему занятій и отъ исполненія его завѣтнаго желанія — принять иночество: умеръ его отецъ и на него — семнадцатилѣтняго юношу, какъ старшаго изъ братьевъ, пали заботы о содержаніи семейства. А семейство находилось въ крайней нуждѣ, — отецъ не оставилъ никакого состоянія ¹⁾; ктому же незадолго до его смерти домъ ихъ истребленъ былъ пожаромъ: скудость простиралась до того, что, по словамъ біографа, три старшіе брата „довольствовались однимъ праздничнымъ халатикомъ“. Но безпомощная бѣдность вообще явленіе очень рѣдкое въ старообрядческихъ обществахъ. Скоро нашлись благотворители и семейству покойнаго зимогорскаго писаря: какая-то „единомянная ихъ зимогорка“, удалившаяся изъ міра въ монастырь, „умилилась на сиротство“ Петра Васильевича съ братьями, — „отказала имъ въ вѣчное владѣніе съ помѣстьемъ свой домъ“, въ которомъ они и поселились, продавъ свое пепелище. Такимъ образомъ недолго пришлось имъ „по чужимъ скитаться угламъ“. Потомъ зимогорское общество приняло Петра Великодворскаго на мѣсто отца его въ должность волостнаго писаря. Занимаясь усердно этой должностью, онъ получилъ возможность хотя не богато, но безбѣдно содержать семью и въ тоже время своими способностями, трудолюбіемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ рас-

¹⁾ Василій Великодворскій былъ подверженъ пьянственной слабости, отъ того и состоянія никакого не имѣлъ: объ этомъ самъ Павелъ, съ большими сокрушеніемъ, нерѣдко говаривалъ о. Онуферію.

положить еще больше въ свою пользу значительнѣйшихъ членовъ общества. Его дѣйствительно очень полюбили зимогорскія власти и свое расположеніе доказали самымъ деломъ при новой повстрѣчавшейся ему бѣдѣ. Въ 1828 году, по случаю войны съ турками, былъ объявленъ рекрутскій наборъ и на семью Великодворскихъ, какъ состоявшую изъ пяти ревизскихъ душъ, палъ жребій поставить рекрута. Горе для семьи предстояло большое: приходилось потерять главнаго кормильца, который ктому же не имѣлъ нималѣйшаго призванія къ военной службѣ. „Мать Петра Васильча, по словамъ его біографа, вечеръ, и утро и полудне яко горлица съ нимъ ворковала о находящей неизбежной грозѣ“. Въ эту тревожную для него пору, неожиданно негаданно, безъ всякихъ съ его стороны исканій, одинъ молодой человекъ изъ жителей тогоже Зимогорскаго яма сдѣлалъ предложеніе Петру Великодворскому идти за него охотникомъ въ рекруты, при чемъ однакоже просилъ въ вознагражденіе, для обезпеченія собственной семьи, двѣ тысячи рублей, конечно, на ассигнаціи. Это была для бѣднаго человека слишкомъ большая сумма; но Петръ Васильевъ не колебался принять предложеніе и, какъ человекъ опытный въ дѣлахъ, сейчасъ же написалъ „условный договорецъ“ съ охотникомъ, а члены зимогорскаго волостнаго правленія, при которыхъ все это происходило, скрѣпили договоръ въ качествѣ свидѣтелей и, что было еще важнѣе для нихъ писаря, немедленно собрали ему по подпискѣ между собою довольно значительную сумму для уплаты охотнику. Остальныя деньги онъ также успѣлъ найти безъ затрудненія ¹⁾. „И та-

¹⁾ Авторъ *Очерковъ поповщины* утверждаетъ, что деньги на покупку рекрута далъ Петру Васильеву Громовъ. Но изъ геронтіева разсказа не видно этаго, и даже можно заключать, что тогда Петръ Васильевъ еще не былъ и знакомъ съ Громовымъ; притомъ же и самый разсказъ автора *Очерковъ*, повѣствующій о слишкомъ счастливой случайности, не внушаетъ довѣрія. Вотъ что именно онъ рассказываетъ: „Разъ (!) Сергій Григорьевичъ Громовъ проѣзжалъ черезъ Валдай и остановился у знакомыхъ (?) ему Великодворскихъ (хотя, какъ мы говорили, Великодворскіе постоялаго двора не держали, да и богачу Громову останавливаться на такомъ дворѣ, какой описанъ у автора, было не удобно). Побесѣдовавъ съ гостемъ отъ писанія, Петръ Васильевичъ разсказалъ ему про свое горе, и Громовъ тотчасъ же (!) далъ ему денегъ на квитанцію“ (стр. 28).

нимъ образомъ, — говоритъ въ заключеніе его біографъ, — благополучно отбылъ очередь общественной рекрутской повинности, а потомъ скоро освободился и отъ тяготы денежнаго долга, ибо получилъ должность тремя волостями съ помощію своихъ меньшихъ братьевъ управлять, сверхъ же того еще должность у военнаго комиссіонера отъ казны провіанту приема и отпуска щеть вести¹⁾

Въ обоихъ рассказанныхъ случаяхъ, въ неожиданномъ полученіи наслѣдства и въ счастливомъ освобожденіи отъ рекрутства, для насъ важно собственно то, какъ относился къ нимъ самъ Павелъ, или тогда еще Петръ Васильевъ Великодворскій, такъ какъ здѣсь именно выступили весьма замѣтно тѣ особенности его характера, которыя проявлялись въ немъ еще въ ранней юности. Онъ не только не считалъ этихъ событій чѣмъ-либо случайнымъ, или просто дѣйствіемъ Божія къ людямъ милосердія; напротивъ, какъ человекъ склонный къ религіозной мечтательности, онъ видѣлъ здѣсь нѣчто необыкновенное, проявленіе какихъ-то особенныхъ въ отношеніи къ нему высшихъ судебъ, чрезвычайное дѣйствіе небеснаго надъ нимъ покровительства и именно устроенное великимъ святителемъ и чудотворцемъ Николю²⁾. Святителя Николю онъ съ юныхъ лѣтъ считалъ

1) Самому меньшему брату было тогда не болѣе пяти лѣтъ: значить разумѣются здѣсь старшіе братья, и между ними Алексѣй. Такимъ образомъ ясно, что всѣ братья жили съ Петромъ въ Зимогорѣ и послѣ 1828 года (у Геронтія говорится дальше, что всѣ они жили вмѣстѣ на родинѣ даже въ 1833 году). Между тѣмъ въ *Очеркахъ поповщины* повѣствуется, что когда Петръ Васильевъ получилъ отъ Громова деньги на квитанцію, то, *чтобы заработать эти деньги*, Алексѣй Великодворскій поступилъ въ услуженіе къ Громовымъ и *поселился въ Петербургъ* на ихъ Графской биржѣ. *Вслѣдъ за тѣмъ* Петръ Великодворскій передалъ отцовскій долгъ (?) меньшимъ братьямъ, а самъ поступилъ земскимъ (?) въ мѣстное волостное правленіе (стр. 28—29). Очевидно, факты передаются здѣсь и невѣрно и не въ порядкѣ.

2) Геронтій, конечно, со словъ Павла пишетъ: „Скорый помощникъ, теплый же и предивный по Божь его заступникъ, святитель Христовъ Никола не допустилъ его много время по чужимъ скитаться домамъ: Онъ вложилъ въ сердце единомынной ихъ зимогоркѣ“ и проч.... „Скорый его помощникъ и теплый заступникъ святитель Христовъ Никола не допусти его и тяготы долга на себѣ много время носить, ибо промысли ему должность тремя волостями управлять....“

своимъ особеннымъ покровителемъ и помощникомъ. На него возлагалъ онъ всю надежду и въ то время, когда остался сиротой, и въ то, когда грозила опасность идти на военную службу ¹⁾. Теперь, когда эти надежды оправдались такимъ очевиднымъ для него образомъ, онъ убѣдился окончательно, что состоитъ подъ чрезвычайнымъ покровительствомъ святителя, и вообще началъ считать себя поставленнымъ въ какія-то особенно близкія къ нему отношенія. Дни памяти святителя онъ съ этого времени началъ праздновать съ нарочитой торжественностью. „Онъ ежегодно въ память святыхъ его чудесъ два празднества, декабря шестаго и маія девятаго, молебнымъ славословіемъ, нищепитаніемъ и страннопріимствомъ чествовавъ, душерадостнымъ празднествомъ весь день со всѣмъ своимъ семействомъ услаждался, рабаѣнно гостямъ своимъ прислуживая, умильно же яко на меньшую братію Спасителя нашего Ісуса Христа радуясь взирая; то же и ближнихъ своихъ трезвымъ угощеніемъ, въ духовныхъ бесѣдахъ услаждаяся, угощалъ“. Кроме того, „онъ далъ обѣтъ святителю Христову Николаѣ безъ его святаго совѣта никоего важнаго своего дѣла не начинать. Аще бы кая-либо непріятность послѣдовала противоположно его дѣйству, то онъ всю отвѣтственность свою возложилъ на крѣпкосильнаго и теплаго заступника своего, святителя Христова Николу“ ²⁾.

Подъ вліяніемъ этой мечтательной вѣры въ непосредственное руководство высшаго, небеснаго покровителя образовались и утвердились въ характерѣ Павла два новыя замѣчательныя качества — рѣдкая предприимчивость и неменѣе рѣдкая настойчивость въ осуществленіи предпріятій. Питая увѣренность, что всѣ его дѣйствія совершаются подъ особымъ высшимъ руководствомъ, что отвѣтственность за

¹⁾ Наприм. матери, которая очень смущалась неимѣніемъ денегъ на уплату за охотника, Павелъ отвѣчалъ: „Ахъ, матушка! не вѣруешь ли ты церковной похвалы святителю Христову Николаѣ!.. Я крѣико увѣренъ въ томъ, что кто ускорилъ мнѣ на подобную необходимость, той же поспѣшитъ мнѣ промыслить и ему необходимую потребу.“

²⁾ Геронтіи въ Житіеопис. Павла.

удачу и неудачу каждаго дѣла, болѣе или менѣе важнаго по его понятіямъ, лежитъ не на немъ, а на томъ-высшемъ его руководителѣ, онъ смѣло берется за самыя несбыточныя и опасныя предпріятія, твердо и неуклонно идетъ къ предположенной цѣли, пока есть какая-нибудь возможность. Въ послѣдующей дѣятельности инока Павла эти стороны его характера выступаютъ особенно ярко; но, и будучи волостнымъ писаремъ Петромъ Великодворскимъ, онъ успѣлъ показать ихъ довольно ясно.

Въ его біографіи рассказанъ между прочимъ слѣдующій случай. Какой-то близкій ему человекъ, имѣвшій дѣло въ судахъ, терпѣлъ притѣсненія отъ судебныхъ властей и у самого начальника губерніи не нашелъ справедливой защиты. Сострадавъ ему и положившись на помощь святителя Николы, Петръ Васильевъ отправилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ прошеніе за невинно страдающаго отъ мѣстныхъ властей. Прошеніе это было прислано изъ министерства къ губернатору для надлежащаго разсмотрѣнія дѣла. Зимогорскаго писаря по сему случаю вытребовали подъ стражей въ губернской городъ и посадили въ острогъ. Ему предсказывали самую горькую участь, такъ какъ начальникъ губерніи мягкосердіемъ не отличался ¹⁾. Но самъ заключенный „твердо уповалъ на скорого своего заступника, великаго святителя Христова Николу, якоже первобытные воеводы, въ невинности безкорыстія своего призывая заступленіе его“. И гроза, дѣйствительно, прошла благополучно: губернаторъ „умилился“ кроткимъ видомъ трепещущаго и павшаго на колѣни „юнаго письмовода“, и „яко агнецъ кротко наказавъ, впредь въ таковыхъ обстоятельствахъ осторожно себя держати, съ миромъ домой его отпустилъ“. Онъ же отправился „не домой, но въ Софійскій

1) Вотъ что пишетъ Геронтіи: „Губернаторъ, яко левъ воскинувъ свою шерсть, немедленно вытребовалъ его (Петра Васильева) къ себѣ подъ команду жандармскаго надзора; домашніе и ближніе его горько оплакали судьбу участи его, и вси въ губернскомъ острогѣ окружившіе несчастное сотоварищество его единогласно заключали, судя по характеру губернатора, что неизбѣжная судьба участи его—или безъ зачета въ солдаты, или въ Сибирь на поселеніе долженъ быть посланъ.“

соборъ, прямо къ святителю Христову Николѣ, гдѣ древняя и чудотворящая святая его икона, яже отъ древнихъ лѣтъ и донынѣ въ томъ соборѣ существуетъ, дабы личное воздати благодареніе, поклоненіе же и лобызаніе святѣйшаго и чудоточащаго образа его, за содѣйствіе благодати его къ нему... И такъ радуясь, Бога благодаря, благополучно, *яко герой съ победы*, возвратился домой: ибо недовѣдомыми божественными судьбами исполнѣ сугубое свое желаніе получилъ, еже есть — святителя Христова Николы святую и чудотворную икону лично сподобился лобызати, о чемъ многовременно желаніемъ распалаемъ былъ, но должность занятія обязанности его время свободы не удѣляла ему къ исполненію желанія его, а затѣмъ и жалоба его требуемое себѣ удовлетвореніе получила⁴. ¹⁾

Описанное сейчасъ событіе могло только еще больше утвердить въ молодомъ энтузіастѣ готовность на разные подвиги подъ воображаемымъ высшимъ руководствомъ. И вскорѣ же, дѣйствительно, онъ принялъ участіе въ очень странномъ предпріятіи, которому суждено было произвести рѣшительный переворотъ въ его жизни, опредѣлить дальнѣйшую судьбу его.

„Въ 1833 году (такъ рассказываетъ біографъ Павла) являюся на домъ къ нему изъ ближайшихъ сосѣдственныхъ волостей два знакомца его, наполненные духовной ревности и крѣпкой правой вѣры, съ предложеніемъ ему о рѣдкостнообразномъ дѣйствіи немерцающаго существа... Предложеніе же ихъ сице бѣ. Якобы въ смоленской губерніи, въ такомъ-то помѣстьѣ, отъ незапамятныхъ временъ находится погребъ, въ которомъ сокровены разныя драгоценности и нѣсколько бочекъ золотой монеты подъ желѣзными обручами закубрены; сверхъ же того дражайшее всего — чудотворная Пресвятая Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи икона, предъ которою лампада съ незапамятныхъ лѣтъ неугасимо горитъ, о чемъ якобы вѣрные самовидцы имъ повѣдали; но оно якобы безъ разрыва-травы никому не приступно; они же на этотъ предметъ положили

¹⁾ Геровтій въ *Жизнеопис. Павла*.

Проек. Б. іер.

свой основательный отвѣтъ, что этотъ приступъ не требуетъ разрыва-травы, но твердокрѣпкой правой вѣры. Какъ одному изъ вѣрныхъ блюстителей правой вѣры, они и предложили своему пріятелю отправиться съ ними отыскивать драгоценный кладъ. Это было, по выраженію того же біографа, „рѣдко-странно-образное“ предложеніе, и Петръ Васильевъ, при своемъ свѣтломъ умѣ, конечно, увидѣлъ бы легко всю его несбыточность, еслибы здѣсь не примѣшалось обстоятельство, сильно увлекавшее его ложно направленную религіозность. Чудотворная икона съ горящей предъ нею неугасимой лампадой, сокрытая у никоніанъ и недоступная ихъ обладанію, не сохраняется ли, дѣйствительно, промыслomъ Божиимъ для блюстителей „древняго благочестія“ и не ему ли—ревнителю правой вѣры, уже видѣвшему на себѣ слѣды особеннаго покровительства свыше, суждено извлечь изъ сокровенности эту безцѣнную святыню на пользу и прославленіе старообрядчества? — Вотъ какіе помыслы возбудило въ немъ странное предложеніе двухъ, какъ видно, подобныхъ ему мечтателей—старообрядцевъ, и онъ уже внутренне расположенъ былъ принять его. Но съ другой стороны и житейское благоразуміе говорило ему, что онъ берется за рискованное предпріятіе, которое можетъ невыгодно отразиться на всей его жизни, что во всякомъ случаѣ нужно будетъ оставить всѣ занятія, которыми онъ снискивалъ пропитаніе своему семейству. Все это побуждало его помедлить отвѣтомъ на предложеніе знакомцевъ. Онъ назначилъ имъ сроку именно недѣлю, и время это рѣшилъ посвятить на испрошеніе совѣта въ настоящемъ важномъ дѣлѣ у святителя Христова Николы: „аще не окажется онъ на сіе предпріятіе своего благоволенія (такъ говорилъ друзьямъ своимъ Петръ Васильевъ), то и ни за какое благополучіе не рѣшусь *безъ его обезпеченія* домохозяйства своего оставить“. И вотъ какимъ способомъ, по разсказу біографа, придумалъ онъ узнать волю святителя. „Согласивъ на сей предметъ и малое свое семейство, четырехъ меньшихъ своихъ братій, таже пятую вдовствующую мать свою, и заповѣдавъ всему своему семейству въ пятидневномъ постѣ и молитвахъ седмицу оную прово-

дети, при семъ сдѣлавъ святителю Христову Николѣ на два жребія записочки — единъ съ полнымъ увѣреніемъ на предпріятіе его благословляющій, второй же въ неблаговоленіи его съ запрещеніемъ ему возбраняющій, и положи я на пѣлюю седмицу въ кіотѣ предъ иконою святителя Христова Николы. По истеченіи же срока, въ седьмой день, сотвори святителю Христову Николѣ всенощное бдѣніе и по великомъ славословіи, предъ тропаремъ на возгласѣ, повелѣ матери своей единъ жребій отъ иконы святителя Христова Николы взяти и ему въ руки дати, — таже тропарь *Правило въры и образъ кротости* и прочее совершение службы. Жребій же данный ему рукою матернею онъ предъ всѣми присутствующими въ службѣ сей развернулъ и прочиталъ всѣмъ вслухъ — съ полнымъ увѣреніемъ на предпріятіе его благословляющій. Потомъ онъ еще сдѣлавъ два жребія—единъ, кромѣ святынъ и Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи чудотворныя иконы, ни къ чему не прикасатися, второй же жребій — еже отъ вѣка свыше сокровенныхъ сокровищъ не отвращаться, но воли божественной судьбы повиноваться. И положилъ я предъ иконою Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи. По окончаніи же часословія и молебственной службы онъ повелѣлъ меньшему брату своему, десятилѣтняго возраста отроку, отъ иконы единъ жребій взяти и матери своей дати, мать же должна была первенцу своему старшему сыну передать. Онъ же, отъ руки матери своея принявъ, предъ всѣми прочиталъ: яже отъ вѣка свыше сокровенныхъ сокровищъ не отвращатися, но воли Божественной судьбы повиноватися“. Теперь для него все рѣшено было окончательно,—твердо и непреложно... Получивъ же такое, въ его глазахъ, несомнѣнное увѣреніе, что будто бы самъ святитель Никола благословляетъ его на исканіе завѣтныхъ сокровищъ, онъ уже безъ всякаго колебанія весь отдается этому дѣлу, въ полномъ убѣжденіи, что никакія препятствія и трудности не помѣшаютъ ему достигнуть того, на что есть воля и благословеніе его небеснаго руководителя и заступника. Оставивъ службу и передавъ хозяйство братьямъ, Петръ Великодворскій, вмѣстѣ съ то-

варищами, въ условленное время, отправился „въ предлагающей свой путь“¹⁾.

Путь свой они держали прямо въ то помѣстье, гдѣ по ихъ мнѣнію хранился драгоценный кладъ. Какъ и слѣдовало ожидать, помѣщикъ встрѣтилъ очень непривѣтливо странныхъ искателей клада и выпроводилъ изъ своего имѣнія не съ честью²⁾. Эта первая неудача для вдохновеннаго предводителя кладоискателей не представлялась особенно важною: если недавно, защищая ближняго „неповинно страждущаго“, онъ не задумался подать прошеніе министру, то въ настоящемъ дѣлѣ, предпринятомъ на пользу и прославленіе „древлеправославной вѣры“, и за поручительствомъ святителя Николы, онъ чувствовалъ себя достаточно смѣлымъ, чтобы обратиться съ просьбой о помощи къ самому государю. Онъ дѣйствительно сочинилъ прошеніе, въ которомъ изложилъ, что имъ—просителямъ извѣстно мѣсто, гдѣ съ незапамятныхъ временъ сохраняются тайно великія сокровища, въ числѣ которыхъ находится чудотворная икона Божіей Матери, что они, желая открыть сіи сокровища, всенижайше просятъ на то Высочайшаго дозволенія и помощи дарованіемъ для охраны ихъ въ семь дѣлѣ потребной стражи, всѣ же сокровища, какія будутъ открыты, за исключеніемъ только чудотворной иконы „и прочихъ церковныхъ, донинѣ богохранимыхъ святынь, въ пользу казны жертвуютъ, въ распоряженіе Его Императорскаго Величества“³⁾. Для подачи прошенія лично самому государю кла-

1) Такимъ образомъ должность волостнаго писаря Петръ Великодворскій исправлялъ 8 лѣтъ, съ 1825 до 1833 года. Въ *Очеркахъ поповщины*, напротивъ, говорится слѣдующее: „Петръ Великодворскій *недолго* служилъ земскимъ писаремъ. Не знаемъ причинъ, заставившихъ его оставить волостное правленіе; почитатели памяти его (кто же именно?) говорятъ, что должность земскаго не удовлетворяла Петра Васильевича,“ и проч. (стр. 29). Не совѣмъ вѣрно переданъ въ *Очеркахъ* и рассказъ о томъ, какъ случилось, что Павелъ занялся исканіемъ клада,—говорится, будто онъ самъ „*подыскалъ* товарищей и съ ними отправился въ Петербургъ“ (стр. 30).

2) „Дому хозяинъ (пишетъ Геронтій), мѣсту владѣлецъ грубѣйшаго необразованія свойства, неприступный человекъ, неточію хладно принялъ, но и разнопозорными словесы жестоко осыпалъ ихъ.“

3) Такъ излагается содержаніе просьбы у Геронтія.

доискатели отправились въ Петербургъ; но здѣсь, когда они искали къ этому случая, выжидая, гдѣ можно встрѣтить императора, были задержаны полиціей, какъ люди подозрительные. Подъ арестомъ ихъ содержали не долго; но и выпустивъ на свободу, безъ надзора не оставили. Дѣло такимъ образомъ вовсе не ладилось: дойти до государя не было никакой возможности, да и жить въ Петербургъ приходилось трудно, тѣмъ больше, что срокъ паспорта, съ которымъ Петръ Великодворскій отправился изъ дому, приходилъ къ концу. Въ виду такихъ неудачъ и затрудненій, даже самъ онъ „день отъ дня, мало по малу, началъ духомъ, яко человекъ, изнемогать“. Не столько внѣшнія невзгоды смущали его, сколько мучила внутренняя тяжелая борьба: возникали невольныя сомнѣнія и мучительныя думы о томъ, что служило основнымъ началомъ его жизни; нужно было—или отстоять прежнія убѣжденія, или растаться съ ними навсегда. Онъ жилъ увѣренностью, что находится подъ чрезвычайнымъ высшимъ покровительствомъ, что особенно то дѣло, для котораго былъ теперь въ Петербургъ и оставилъ всѣ свои прежнія занятія, предпринято по совѣту и волѣ его высшаго руководителя и покровителя; но дѣло оказалось неудобноисполнимымъ,—нужно было отъ него отказаться: что же, не заблуждался ли онъ, полагаясь на совѣтъ и волю святителя Николая? не мечта ли и вся его увѣренность, что онъ находится подъ особеннымъ высшимъ покровительствомъ? Для такого человекъ, каковъ былъ Павелъ, это были роковыя вопросы и рѣшеніе ихъ не могло произойти безъ тяжелой внутренней борьбы. Онъ дѣйствительно находился, какъ выражается его біографъ, „въ крайнемъ стѣсненіи духа“. Между тѣмъ настало 6 декабря — праздникъ святителя и чудотворца Николая. Наканунъ этого дня, который онъ всегда праздновалъ съ особенной торжественностью въ своемъ семействѣ, тяжелые вопросы и думы овладѣли имъ еще сильнѣе, и ночью, когда въ крайнемъ изнеможеніи физическихъ силъ, отъ забылся наконецъ тонкимъ сномъ, ему представилось видѣніе, служившее какъ бы отвѣтомъ на мучившіе его вопросы и сомнѣнія. Приводимъ вполнѣ рассказъ его біографа объ этомъ случаѣ.

„Въ пятый день декабря, наканунѣ праздника памяти святителя Христова Николы, по отпускѣ на сонъ грядущихъ молитвъ, возлежащу ему съ товарищи своими кійждо на ложи своемъ, онъ въ такомъ же вышеописанномъ стѣсненіи своего духа и размышленіи былъ, понеже и домашній святителю Христову Николѣ праздникъ безъ присутствія его долженъ быть празднуемъ. Егдаже *внѣ себе былъ*, тогда святитель Христовъ Никола, нетерпя въ претензіи видѣти себя, въ оправданіе справедливости своей лично самъ ему предста въ полноблистающемъ святительства своего облаченіи, въ шуицѣ воздвигнутой своей держа святое евангеліе, десницею же своею, яко въ подтвержденіе справедливости своей, показуя на свѣтлоблистающій свой омофоръ, и глагола ему: зри на мя и виждь, — якоже азъ есмь, тако все есть! Онъ же трепетно чувственыя своя очеса откры; но явлѣйся и глаголющій къ нему, яко молнье блеснувъ, скрыся въ помраченіи очесъ его. Тогда святитель Христовъ Никола паки второе, яко ангелъ свѣтлосіяненъ, предста, и блескомъ своего святительства озаривъ закрытыя его очеса, паки глагола ему: не вѣруеши ли, яко азъ рѣхъ ти? — Якоже азъ есмь, аминь глаголю тебѣ, тако все есть! Онъ же съ восторгомъ съ постели своей вскочивъ и товарищей своихъ возбудивъ, сице къ нимъ воззва: Ахъ, братцы мои! вставайте скорѣе! — Святитель Христовъ Никола двоекратно являлся и достоинствомъ своего святительства увѣрилъ меня, якоже онъ въ полномъ облаченіи своего святительства есть, тако, рече, все есть! Таже записалъ время и часъ явленія“ ¹⁾. Всѣ думы и сомнѣнія Павла

1) Геронтіѣ прибавляетъ еще, что видѣнный Павломъ во снѣ святитель Никола „во всемъ подобенъ бѣ чудотворному образу его, иже въ Новѣградѣ, въ Софійскомъ соборѣ.“ Это обстоятельство можетъ достаточно объяснить, какъ дѣйствовала павлова фантазія во время сновидѣнія. Впоследствии Павелъ написалъ икону Святителя въ томъ самомъ видѣ, какъ было явленіе; икона была поставлена и находится донныѣ въ Покровской церкви Бѣлокрицицкаго монастыря. О сновидѣніи Павла и написанной имъ иконѣ, согласно съ Геронтіемъ, рассказываетъ и о. Онуерій въ находящейся у насъ запискѣ объ учрежденіи Бѣлокрицицкой іерархіи: этой запиской пользовался г. Мельниковъ и привелъ изъ нея нѣкоторыя мѣста вполнѣ (стр. 30—31).

были разрѣшены для него этимъ сновидѣніемъ: отселѣ ничто уже не могло поколебать его убѣжденія, что онъ имѣетъ будтобы особое предназначеніе свыше и дѣйствуетъ по непосредственному указанію небснаго руководителя. Въ этомъ убѣжденіи онъ тогда же далъ обѣтъ — „свое крѣпкое слово: не возвращаться добровольно домой, дондеже не достигнетъ предположенной ему цѣли“¹⁾. Сначала, разумѣется, сновидѣніе истолковано было примѣнительно къ дѣлу о смоленскомъ кладѣ, и именно въ томъ смыслѣ, что сокровища существуютъ несомнѣнно и будутъ непременно приобрѣтены, почему и слѣдуетъ неослабно продолжать начатыя хлопоты. На первыхъ порахъ и самыя обстоятельства благопріятствовали этому толкованію: на другой же день послѣ сновидѣнія, въ самый праздникъ святи-теля Николы, полученъ изъ Валдая отъ братьевъ новый паспортъ Петру Великодворскому; вскорѣ потомъ онъ успѣлъ расположить и къ себѣ лично, и къ своему дѣлу уже извѣстнаго намъ „гильдійца“ Сергѣя Громова²⁾. Не знаемъ, былъ ли онъ до этого времени извѣстенъ Громову; но видно, что близкаго съ нимъ знакомства тогда еще не имѣлъ. Желаніе найти человѣка, который помогъ бы получить дозволеніе правительства на открытіе клада, какъ надобно полагать, и побудило его обратиться къ Громову, —

1) Укорененію въ Павлѣ этой его увѣренности, что онъ особенный избранникъ Божій, способствовали потомъ и новыя подобнаго рода сновидѣнія, которыя въ свою очередь находили себѣ почву въ его самообольщенности;— вообще, онъ сдѣлался въ послѣдствіи замѣчательнымъ сновидцемъ, такъ что въ этомъ отношеніи немного уступалъ знаменитѣйшему раскольническому сновидцу и зрителю разныхъ нечлѣпыхъ видѣній—протопопу Аввакуму. Сны свои, по его мнѣнію знаменательные, Павелъ имѣлъ привычку описывать во всей подробности. Записки эти, вмѣстѣ съ другими бумагами, онъ передалъ, умирая, о. Онуфрію, а этотъ послѣдній, ревнуя о павловой славл, которая, какъ понималъ онъ, могла сильно пострадать, если его странныя видѣнія сдѣлаются извѣстными, передалъ эти записки огнесожженію.

2) „На утріе же скорой являемой ему заступникъ, святитель Христовъ Никола ускори доставити ему отъ братьевъ его надлежащій путешествію ихъ паспортъ, потомъ вложи въ сердце благоволеніе знаменитому капиталисту, первой гильдіи степеннаго потомства куцу С. Г. Г. Г.“ (Геронтіій въ *Жизнепис. Павла*).

главѣ и покровителю петербургскихъ старообрядцевъ, повсюду въ старообрядчествѣ извѣстному своимъ богатствомъ и связями въ кругу сильныхъ міра. Умный, обладавшій замѣчательнымъ и притомъ чисто старообрядческимъ краснорѣчіемъ, — „вѣтѣ“, какъ называлъ его Надеждинъ, — ктому же исполненный непоколебимой вѣры въ успѣхъ своего предпріятія, онъ долженъ былъ произвести на Громова сильное впечатлѣніе. Онъ такъ вдохновенно говорилъ о неисповѣдимыхъ судьбахъ божіихъ, чудеснымъ образомъ сохранившихъ дивную святыню на прославленіе „древлеотеческія вѣры“ до нынѣшняго, гонительнаго для оной времени, что его собесѣдникъ, тогда именно очень занятый тяжкимъ положеніемъ гонимаго старообрядчества, невольно увлекался рѣчами старообрядческаго оратора и изъявилъ готовность помочь ему въ его дѣлѣ. Планъ его Громовъ одобрилъ, — нашелъ, что дѣйствовать нужно съ соизволенія государя, дабы такимъ образомъ впоследствии, когда обрѣтена будетъ дивная святыня, этимъ самымъ обратитъ монаршее благоволеніе на старообрядцевъ, свыше видимо благословляемыхъ и покровительствуемыхъ. А какъ подать прошеніе на Высочайшее имя, объ этомъ онъ опять обратился за совѣтомъ къ своему милостивцу — графу Бенкендорфу и лично представилъ ему кладоискателей. Біографъ Павла такъ рассказываетъ объ этой странной „аудиенціи“: „Его сіятельство, въ разсмотрѣніи ихъ прошенія, не доводя о семъ Его Императорскому Величеству, разрѣшилъ имъ такимъ образомъ: хотя бы, рече, и интересовало императора ваше предпріятіе, но какъ въ вашемъ показаніи всѣ интересы во владѣльческомъ помѣстьи находятся, то законъ и не позволяетъ правительству въ частную владѣльческую собственность вмѣшиваться, но это въ помѣщичей и вашей обоюдной есть волѣ, — на чемъ вы съ нимъ сойдетесь, то все ваше будетъ. Тогда они предложили еще свою смѣлость просить его графское сіятельство, дабы они на ихъ прошеніи соизволили положить свою графскосіятельскую надпись, — и желаемое получили“. Имѣя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ охранной грамоты, кладоискатели отправились опять въ имѣніе смоленскаго помѣщика и на этотъ разъ,

благодаря, какъ видно, представленному ими документу, были приняты благосклонно. На предложенныхъ ими условіяхъ помѣщикъ согласился допустить ихъ до исканія клада; но, понимая всю несбыточность ихъ затѣи, какъ человѣкъ практическій, потребовалъ себѣ въ видѣ залога, въ обезпеченіе обѣщанныхъ ему выгодъ, двѣ тысячи рублей, съ тѣмъ, что онѣ должны поступить въ его собственность, если клада не будетъ отыскано. Петръ Великодворскій до того увѣренъ былъ въ успѣхѣ дѣла, что готовъ былъ, какъ выражается его біографъ, „себе продати, по евангельской притчѣ, и село оное въ вѣчную собственность купити“. Нимало не колеблясь, онъ написалъ отъ своего имени вексель въ 2000 рублей и отослалъ въ Петербургъ къ Сергѣю Громову, прося доставить ему указанную сумму: Громовъ выслалъ деньги немедленно. Получивъ ихъ, помѣщикъ дозволилъ кладоискателямъ, вооруженнымъ вмѣсто разрывъ-травы „твердо-крѣпкимъ древлеправославіемъ“, приступить къ открытію клада. Искали они усердно и, разумѣется, ничего не отыскали: „все это ихнее предпріятіе, по выраженію витіеваго павлова біографа, яко мечта романически анекдотомъ исчезла“...

Теперь, казалось бы, для Петра Великодворскаго опять должно наступить время трудной нравственной борьбы, опять должны возникнуть тяжелые сомнѣнія. Предсказанное въ чудесномъ видѣніи не исполнилось: что же, — не было ли это видѣніе только дѣйствіемъ разгоряченнаго воображенія (чѣмъ оно дѣйствительно и было)? не „мечта“ ли, не „анекдотъ“ ли и всѣ его помыслы о своемъ высокомъ призваніи, о чрезвычайномъ посланничествѣ? Но вѣра его въ несомнѣнную дѣйствительность видѣнія была уже такъ крѣпка, что подобнаго рода сомнѣній онъ допустить теперь не могъ. Неудачный конецъ дѣла о исканіи клада, напротивъ, привелъ его теперь къ другимъ, весьма важнымъ для дальнѣйшаго направленія его жизни, соображеніямъ и выводамъ: явленіе святаго Николая и слова при этомъ сказанныя (разсуждалъ онъ) выше всякаго сомнѣнія; видно только, что неправильно понять мною смыслъ его словъ, — что онѣ относятся вовсе не къ исканію клада, а къ чему-то другому, для ме-

ня еще не ясному, не вполне открытому, но непременно имѣющему совершиться, и въ чемъ я долженъ буду принять ближайшее участіе своими трудами и подвигами. Такъ объяснялъ онъ теперь свое сновидѣніе,—и помня данный тогда обѣтъ „добровольно не возвращаться домой“, отпустилъ товарищей на родину, а самъ рѣшился послѣдовать давнему, съ юныхъ лѣтъ занимавшему его желанію,—удалился въ стародубскіе монастыри, чтобы тамъ, въ уединеніи и тишинѣ иноческой жизни, ожидать „усмотрѣнія Божіихъ о немъ судьбъ“, то-есть указанія на предназначенное ему, будтобы, великое дѣло.

Мѣстомъ жительства Петръ Великодворскій избралъ собственно Лаврентьевъ монастырь; но отсюда нерѣдко посѣщалъ и другія старообрядческія обители въ Стародубѣ. Пребываніе въ этихъ монастыряхъ имѣло для него немалую важность: здѣсь онъ познакомился со многими уважаемыми въ старообрядчествѣ лицами, которыя впоследствии сдѣлались его близкими друзьями и приобрѣли, можно сказать, историческую извѣстность; здѣсь, въ кругу этихъ лицъ, онъ гораздо глубже вошелъ въ современные интересы старообрядчества, нежели сколько занять былъ ими живя на родинѣ, озабоченный и семействомъ и должностью; здѣсь окончательно сложился въ немъ и тотъ характеръ самоотверженнаго дѣятеля на пользу старообрядчества, съ кимъ является онъ, какъ учредитель Бѣлокриницкой іерархіи.

Настоятелемъ Лаврентьева монастыря въ то время, когда жилъ тамъ Петръ Великодворскій, былъ инокъ Аркадій, человекъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Онъ былъ родомъ изъ посада Клинцовъ; въ мірѣ звался Андрей Родионовъ Шапошниковъ; мастерствомъ былъ иконописецъ, и, по отзывамъ людей видавшихъ писанныя имъ иконы, довольно искусный; но особенную извѣстность приобрѣлъ онъ въ своемъ кругу, какъ замѣчательный старообрядческій богословъ и начетникъ. При большомъ умѣ, онъ дѣйствительно обладалъ довольно обширными свѣдѣніями, почерпнутыми даже не изъ однихъ старообрядческихъ книгъ; съ раскольнической же литературой былъ знакомъ вполне; ктому

еще свободно владѣлъ перомъ и умѣлъ выражать свои мысли очень оригинально, языкомъ не чуждымъ силы и краснорѣчія въ своемъ особенномъ родѣ. Великій ревнитель раскола и строгій блюститель всѣхъ уставленныхъ расколомъ обрядовыхъ условий жизни, онъ въ этомъ отношеніи былъ строгъ и къ другимъ, — вообще отличался твердымъ и настойчивымъ характеромъ. Гордый, самолюбивый, склонный къ любостыжательности, онъ умѣлъ однакоже скрывать эти пороки подъ маской внѣшняго подвижничества и фарисейскаго смиренія. Самая наружность его была изъ такихъ, что обращала на себя особенное вниманіе старообрядцевъ, — онъ украшенъ былъ замѣчательно длинною бородою, такъ что попросту, въ бесѣдахъ между собою, старообрядцы обыкновенно звали его Аркадіемъ — бородатымъ. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ женился, — и (о чемъ впоследствии имѣлъ причины горько сожалѣть) женился на вдовѣ, имѣвшей дѣтей отъ перваго брака; но въ супружествѣ жилъ недолго: неизвѣстно почему, — вслѣдствіе ли семейныхъ неприятностей, по влеченію ли къ монашеской жизни, или по другимъ какимъ причинамъ, только спустя немного времени послѣ женитьбы онъ оставилъ жену и принялъ иночество въ Лаврентьевомъ монастырѣ. Здѣсь онъ скоро приобрѣлъ вліяніе на игумена и на братію; а не задолго до пріѣзда въ монастырь Петра Великодворскаго самъ былъ избранъ въ игумены, на мѣсто отказавшагося отъ должности — Михаила.¹⁾

Братство Лаврентьева монастыря, довольно многочисленное, не считалось въ это время образцовымъ даже самими раскольниками, хотъ они вообще не очень взыскательны къ своимъ инокамъ. Было впрочемъ и тогда въ Лаврентьевѣ нѣсколько „старцевъ“, пользовавшихся уваженіемъ. Таковъ особенно былъ инокъ Ефросинъ, сотоварищъ Аркадія, вмѣстѣ съ нимъ пришедшій въ монастырь. Между ста-

¹⁾ Нѣкоторыя извѣстія объ Аркадіи сообщаетъ г. Мельниковъ (см. *Русск. Вѣст.* т. LXVII, стр. 643—650). Намъ онъ извѣстенъ по многочисленнымъ собственноручнымъ его письмамъ, сохранившимся въ *Бюрокрин. архивѣ*, также по письменнымъ отзывамъ и устнымъ рассказамъ нѣкоторыхъ близкихъ къ нему людей.

рообрядцами онъ славился, какъ человекъ многовѣдущій въ писаній, — даже самъ Аркадій называлъ его „великимъ книжцемъ“; при большой дѣйствительно начитанности, онъ обладалъ еще превосходной памятью, такъ что могъ наизусть приводить мѣста и цѣлыя страницы изъ старопечатныхъ книгъ. Характера былъ онъ малосообщительнаго, любилъ уединеніе и жилъ „полузатворникомъ“¹⁾. Не малымъ почетомъ въ монастырѣ пользовался еще инокъ Іоасафъ, прежде бывшій елисаветградскій купецъ Морозовъ. Въ Лаврентьевъ онъ поступилъ на жительство еще будучи молодымъ человекомъ; но, не выдержавъ строгости монастырскаго житія, опять ушелъ въ міръ, занялся торговлей и составилъ себѣ большое состояніе. Потомъ, уже достигнувъ глубокой старости, снова возвратился въ монастырь, принялъ здѣсь постриженіе, и значительной капиталъ употребилъ на монастырскія потребности, за чтѣ собственно и пользовался въ монастырѣ почетомъ²⁾. Изъ числа иноковъ, жившихъ тогда въ Лаврентьевомъ и окрестныхъ монастыряхъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ Алипій и Онуфрій. Алипій, бывшій мѣщанинъ города Калуги Абрамъ Ивановъ Вепринцевъ, жилъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ съ 1815 года безвыходно до самаго закрытія монастыря³⁾; былъ человекъ кроткаго нрава и доброй жизни, но никакими особенными талантами не отличался, — даже и грамотъ былъ не очень гораздъ. Инокъ Онуфрій, въ мірѣ Андрей Фадеевъ Парусовъ, родился и крещенъ въ церкви православной; но потомъ расположеніе къ старообрядчеству и любовь къ уединенной цнческой жизни побудили его уйти съ родины (изъ ярославской губерніи) въ старообрядческіе стародубскіе монастыри, о которыхъ много слышался отъ знакомыхъ раскольниковъ. Это случилось на 19 году его жизни, въ то самое время когда пришелъ сюда и Петръ

¹⁾ Свѣдѣнія и объ инокѣ Евросимѣ заимствованы также изъ бумагъ *Блжкрин. архива*.

²⁾ Объ Іоасафѣ см. у г. Мельникова (*Русск. Вѣст.* т. LXVII, стр. 641—642).

³⁾ Такъ говорится въ собственномъ его показаніи на допросѣ 1854 г.; тоже повторилъ онъ въ суздальскомъ Спасо-евангелиевомъ монастырѣ на допросѣ архим. Амвросія (архивъ Спасск. мон.).

Великодворскій¹⁾. Сначала Онуфрій поселился въ Покровскомъ монастырѣ, потомъ перешелъ на жительство въ Лаврентьевъ, гдѣ и постриженъ въ иноки. За разсудительность, открытый и прямой характеръ, добросердечіе и безукоризненную жизнь онъ постоянно пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его старообрядцевъ.

Петръ Васильевъ принятъ былъ весьма внимательно въ Лаврентьевомъ монастырѣ и скоро вошелъ въ близкія отношенія со всѣми упомянутыми лицами. Іоасафъ очень полюбилъ разсуднаго и набожнаго пришельца; узнавши о его способности къ письмоводству, онъ поручилъ ему вести корреспонденцію по своимъ дѣламъ²⁾. Но, какъ и слѣдовало ожидать, Петръ Васильевъ особенно сблизился съ Аркадіемъ и Евфросиномъ: у нихъ онъ искалъ наученія въ иночествѣ; съ ними проводилъ время въ бесѣдахъ отъ писанія; отъ нихъ бралъ книги для желейнаго чтенія³⁾. Впрочемъ бесѣды съ лаврентьевскими „книжчіями“ происходили не объ однихъ только догматическихъ вопросахъ и правилахъ иноческой жизни: въ Лаврентьевомъ монастырѣ, какъ и въ другихъ раскольническихъ обителяхъ, тогда сильно заняты были современнымъ положеніемъ старообрядчества, все больше и

1) Записка о. Онуфрія, поданная въ 1865 году московскому митрополиту Филарету. Здѣсь онъ именно говоритъ, что съ Павломъ „встрѣтился и познакомился первый разъ, когда тотъ жилъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ бѣльцомъ Петромъ Васильевымъ.“

2) Геронтій въ *Жизнеопис. Павла* говоритъ: „Въ Лаврентьевомъ монастырѣ благодѣтельствова ему второй капиталистъ, елисаветградскій И. И. г. Морозовъ, которому онъ заслуживалъ довѣріемъ въ переводѣ домашнею корреспонденцію руководствомъ.“

3) По словамъ автора *Очерковъ поповщины*, „въ Лаврентьевѣ монастырѣ Петръ Великодворскій поступилъ послушникомъ къ иноку Аркадію (Шалопникову), впоследствии Лаврентьевскому игумену, а теперь (?) епископу Славскому, и жилъ при немъ немало времени, занимаясь изученіемъ старыхъ книгъ и пребывая въ жизни соверцательной“ (*Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 32.). Но Павелъ въ собственномъ смыслѣ послушникомъ у Аркадія не былъ, а до возведенія этаго послѣдняго въ игуменство даже и быть не могъ: Павелъ пришелъ на жительство въ Лаврентьевъ монастырь не раньше 1834 года, когда Аркадій былъ уже игуменомъ, и жилъ здѣсь, впрочемъ не постоянно, до февраля 1836 года,— время, которое можно пожалуй, назвать и „немалымъ.“

больше стѣсняемаго правительствомъ: ожидали, что рано или поздно и для лаврентьевскихъ иноковъ настанетъ очередь испытать на себѣ карательную руку виѣшнихъ властей. Что же дѣлать? чѣмъ пособить любезному старообрядчеству, лишаемому и храмовъ и священства? какъ поступить, если кара постигнетъ и ихъ обитель? — вотъ о чемъ нерѣдко велись бесѣды въ обществѣ Аркадія и Евфросина. Здѣсь, на этихъ бесѣдахъ, самую даже мысль о подчиненіи господствующей церкви отвергали съ негодованіемъ и въ случаѣ крайности, испытывъ всѣ возможные средства отстоять свое прежнее положеніе, считали необходимымъ прибѣгнуть къ послѣднему — идти за границу къ тамошнимъ „христіанамъ“. Что же касается общаго положенія старообрядчества въ Россіи и особенно угрожающаго ему „оскудѣнія священства“, то безъ сомнѣнія и здѣсь были толки о исканіи и приобрѣтеніи епископа, какъ вернѣйшемъ способѣ отстранить это бѣдствіе. Игуменъ Аркадій, человекъ не склонный къ увлеченіямъ и мечтательности, самъ лично не питалъ расположенія къ исканію епископства, почитая это дѣло несбыточнымъ и по своей новосте даже небезопаснымъ для старообрядчества; но другіе лаврентьевскіе иноки очень увлекались надеждою имѣть старообрядческихъ епископовъ, тѣмъ болѣе, что въ это самое время нѣкоторые изъ знакомыхъ имъ лицъ, постриженники и бывшіе обитатели ихъ монастыря, предприняли уже трудныя странствія для отысканія „древлеправославныхъ“ епископовъ ¹⁾. Съ юныхъ лѣтъ будучи ревнителемъ старо-

1) Нѣкоторые изъ этихъ, выше исчисленныхъ нами странствователей, какъ наприм. самъ Ираклій и Аркадій Лысый, дѣйствительно принадлежали нѣкогда къ лаврентьевскому братству. Авторъ *Очерковъ новопизины* утверждаетъ, что будтобы они отправились въ странствіе, возбужденные къ тому бесѣдами Геронтія, который, по его словамъ, въ 1832 году пріѣзжалъ въ Лаврентьевъ и развивалъ тамъ свои планы объ учрежденіи архіерейской кааедры въ Бѣлой-криницѣ. Вотъ что именно говоритъ авторъ: „Живя не малое время (?) въ Лаврентьевѣ, Геронтій успѣлъ узнать тамошнихъ иноковъ. Съ лучшими изъ нихъ была у него ведена рѣчь объ исканіи архіерейства и о томъ, какъ бы завести въ заграничной Бѣлой-криницѣ благоустроенную обитель съ иноками хорошей жизни, преданными старообрядству, начитанными и энергическими. Нѣкоторые изъ нихъ заявили даже же

обрядчества, Петръ Васильевъ принималъ живѣйшее участіе въ этихъ бесѣдахъ; скорби и заботы о печальныхъ судьбахъ, ожидающихъ именуемую „древлеправославную“ церковь, глубоко западали въ его сердце; онъ распалялся желаніемъ помочь ей, какимъ-либо способомъ отклонить предстоящее ей бѣдствіе. Приобрѣтеніе собственныхъ епископовъ, учрежденіе самостоятельной раскольнической іерар-

ланіе *тотчасъ же* двинулся въ путь искать архіерея. Инокіи Аркадій Лысый, Ираклій Сорокинъ и другіе рѣшились идти въ невѣдомыя страны. Всего охотниковъ набралось до двѣнадцати человѣкъ. *Не говоря ни слова иному Аркадію* о своихъ намѣреніяхъ, одинъ за другимъ *выбрались они изъ Лаврентьева*, какъ бы за сборомъ подаяній,“ и т. д. (*Русск. Вѣст.* т. LXVII, стр. 665). Кромѣ того, что поѣздка Геронтія въ Лаврентьевъ монастырь въ 1832 г. и пребываніе тамъ „немалое время,“ ничѣмъ не подтверждаются и подлежатъ большому сомнѣнію, а то и совсѣмъ невѣроятно, чтобы онъ въ 1832 году могъ говорить съ лаврентьевскими иноками, хотя бы и лучшими, о планахъ относительно Бѣлой-криницы, нельзя не указать очевидныхъ анахронизмовъ въ томъ, что говорится здѣсь объ Аркадіи и Иракліи. Аркадій въ собственномъ показаніи 1854 г., данномъ Войцеховичу, говорилъ о себѣ, что пріѣзжалъ изъ Молдавіи въ Лаврентьевъ монастырь и жилъ тамъ нѣсколько времени, но потомъ ушелъ опять въ Мануиловку *оттуда* выѣсть съ нѣкоторыми другими иноками, жившими тоже въ Молдавіи, отправился странствовать. Въ показаніи суздальскому архимандриту Амвросію онъ еще опредѣленнѣе говорилъ, что изъ Молдавіи, съ выравленнымъ въ Яссахъ паспортомъ, пришелъ въ Лаврентьевъ монастырь, жилъ здѣсь 8 мѣсяцевъ и постриженъ въ монашество въ 1829 году, а въ 1830 возвратился отсюда въ Мануиловскій монастырь, и въ Лаврентьевомъ никогда уже потомъ небылъ (Арх. сузд. Спасо-вѣн. мон.). Ираклій въ своемъ показаніи, отличающемся правдивостію, говоритъ о себѣ, что, будучи постриженъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ и поживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ перешелъ въ Курневскій монастырь въ настоятели и, *проживши здѣсь два года, отсюда* отправился въ странствіе, во время котораго встрѣтилъ Аркадія съ прочими иноками, и продолжалъ путь далѣе уже выѣсть съ ними (*Чт. общ. ист. и дрвн.* 1871 г., ч. IV, отд. V, стр. 181.). И такъ оба они—и Аркадій и Ираклій—отправились на поиски архіереевъ не изъ Лаврентьева монастыря, не тотчасъ послѣ бесѣдъ съ Геронтіемъ, происходившихъ якобы въ 1832 году, и не вслѣдствіе этихъ бесѣдъ, не имѣя никакой нужды таяться отъ лаврентьевскаго игумена, и т. п.; вышли напротивъ изъ разныхъ мѣстъ, побуждаемые вновь возникшими тогда слухами о существованіи древлеправославныхъ епископовъ и пробудившіяся вслѣдствіе ожидаемаго оскудѣнія священства желаніемъ отыскать ихъ, какъ уже было замѣчено выше. Но до Лаврентьева, конечно, доходили слухи о странствіяхъ, предпринятыхъ бывшими лаврентьевскими постриженниками и жителями.

хи, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ къ тому средствъ, было ему совершенно по мысли, вполне согласовалось съ его предприимчивымъ и рѣшительнымъ характеромъ; самые подвиги искателей древлеправославнаго архіерейства, прежнихъ и современныхъ, соединенные съ опасностями и всякаго рода трудностями, сильно увлекали его воображеніе, пробуждали стремленіе подражать имъ. Надобно полагать, что тогда уже возникли въ умѣ его предположенія — не здѣсь ли, не въ этихъ ли подвигахъ на пользу гонимаго „древлеправославія“ и заключается его предназначеніе, его особое, высшее призваніе? не къ нимъ ли относится и непонятое имъ прежде многознаменательное сновидѣніе? Случайныя обстоятельства скоро превратили эти его предположенія въ несомнѣнную для него увѣренность.

Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвелъ на Громова Петръ Великодворскій, явившись къ нему въ качествѣ искателя великихъ сокровищъ, якобы сохраняемыхъ промысломъ Божиимъ на прославленіе старообрядчества. Громовъ тогда же увидѣлъ, что это именно таюй человекъ, какого давно онъ ищетъ, который вполне способенъ осуществить сохраняемые втайнѣ замыслы объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры. Онъ не препятствовалъ, какъ мы видѣли, странной попыткѣ Петра Васильева добыть драгоценный кладъ, въ существованіе котораго и самъ повидимому возымѣлъ вѣру подъ вліяніемъ увлекательныхъ рѣчей его; но въ случаѣ неуспѣха этой затѣи рѣшился употребить предприимчиваго кладоискателя на исканіе другаго сокровища, тоже якобы соблюдаемаго къ прославленію старообрядчества, — на исканіе „древлеправославныхъ епископовъ“. Узнавши, чѣмъ кончилась странная исторія о кладѣ и куда направилъ стопы свои потерпѣвшій неудачу Петръ Великодворскій, онъ дѣйствительно послалъ ему въ Лаврентьевъ монастырь письмо съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ намѣренъ былъ лично объяснить ему дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры и сдѣлать предложеніе о принятіи на себя трудовъ по осуществленію этого великаго для старообрядцевъ дѣла. Не зная цѣли приглашенія и не желая разставаться съ тишиною монастырской

жизни, къ которой давно стремился, Петръ Васильевъ, подъ предлогомъ нездоровья, отказался ѣхать въ Петербургъ. Громовъ еще не одинъ разъ повторилъ приглашеніе. Такая настойчивость привела Петра Васильева въ нѣкоторое недоумѣніе, и полагая, что Громовъ желаетъ опредѣлить его, какъ должника, на службу по своимъ торговымъ дѣламъ, чтобы такимъ образомъ возвратить причитающійся съ него долгъ, рѣшился перевести данный Громову вексель на имя другаго своего благодетеля — купца Морозова (инока Іоасафа); ѣхать же изъ Лаврентьева монастыря въ Петербургъ отказался рѣшительно. Тогда Громовъ увидѣлъ, что необходимо объясниться съ нимъ прямо и откровенно; съ этою цѣлю онъ нарочно отправилъ въ Лаврентьевъ монастырь довѣреннаго человека, ¹⁾ которому поручилъ, съ соблюденіемъ надлежащей осторожности, объяснить Петру Васильеву всю сущность замышляемаго дѣла и предложить ему отправиться въ странствіе для отысканія необходимо нужнаго старообрядцамъ епископа, при чемъ однакоже предупредить его, что все предпріятіе онъ долженъ до времени хранить въ глубокой тайнѣ, и только избрать себѣ въ повѣренныя и сотрудники одного кого-либо изъ надежныхъ, извѣстныхъ ему иноковъ. Относительно же матеріальныхъ средствъ, нужныхъ на сіе предпріятіе, посланному поручено было увѣрить Петра Васильева, что недостатка въ деньгахъ онъ никогда имѣть не будетъ, и для перваго раза вручить на предстоящіе расходы 250 имперіаловъ; кромѣ того Громовъ послалъ ему его вексель надорванный въ знакъ уничтоженія долга ²⁾.

Полученныя изъ Петербурга, отъ главы здѣшнихъ старообрядцевъ, секретныя извѣщенія и предложенія Петръ Васильевъ принялъ какъ свыше посланное и давно ожидаемое указаніе предназначенныхъ ему подвиговъ на пользу гонимаго старообрядчества. Тѣ мысли и предположенія, какія возникли въ его умѣ подъ вліяніемъ бесѣдъ съ лав-

1) По словамъ о. Онуерія, это былъ самъ Кочуевъ; не являясь лично въ Лаврентьевъ монастырь, онъ вызвалъ Петра Васильева въ Гомель и тамъ шѣлъ съ нимъ интимныя бесѣды о порученіи Громова.

2) Всѣ эти обстоятельства изложены у Геронтія въ *Жизнеописаніи Павла*.

Проксх. В. іер.

рентьевскими иноками о исканіи и искателяхъ „древлеправославнаго“ епископства, теперь, послѣ объясненій съ петербургскимъ посломъ, превратились въ несомнѣнную увѣренность. Теперь этотъ самообольщенный энтузіастъ считалъ уже неподлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ свыше предназначенъ именно для того, чтобы послужить „древлеправославной церкви“ приобрѣтеніемъ для нея епископовъ, необходимо нужныхъ въ предотвращеніе угрожающаго ей оскуднѣнія священства, что именно къ этому подвигу промыслъ готовилъ его съ юныхъ лѣтъ и что къ нему же относилось то чудесное явленіе святителя Николая, смыслъ котораго онъ понялъ сначала такъ превратно: ибо (разсуждалъ онъ теперь) „не о сокровищахъ искомымъ“ говорилъ ему съ увѣреніемъ святитель, но „о существѣ святительскаго дѣйства“, — о томъ, что епископство, исканію котораго онъ долженъ отнынѣ посвятить всего себя, несомнѣнно существуетъ и будетъ обрѣтено, — „якоже онъ святитель христовъ Никола есть, такъ и оно есть“. ¹⁾ Все это Петру Васильеву казалось теперь ясно, какъ день, — и нимало не колеблясь, съ полнымъ самоотверженіемъ и совершенной увѣренностью въ успѣхѣ, рѣшился онъ идти на дѣло, къ которому считалъ себя призваннымъ свыше, хотя призваніе на сей разъ и послѣдовало не чудеснымъ образомъ, а чрезъ обыкновеннаго человѣка.

Поручивъ петербургскому послу извѣстить Громова, что съ полной готовностью принимаетъ его предложеніе, Петръ Васильевъ занялся необходимыми приготовленіями къ подлежащимъ ему странствіямъ. Согласно наставленію Громова онъ хранилъ дѣло въ секретѣ, не сообщалъ объ немъ никому изъ лаврентьевскихъ иноковъ, и только занялся из-

¹⁾ Геронтіи именно пишетъ о Павлѣ, что „сначала онъ не разумѣлъ глагола, его же святитель Христовъ Никола ему глагола, мяше бо, яко о сокровищахъ имъ искомымъ глагола (онъ же о существѣ святительскаго дѣйства неугасаемой христовой благодати ему глагола)“, и что потомъ уже, когда началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каеедры, „тогда онъ помяну глаголы Святителя Христова Никола, яко ему глагола, и вѣрова словесамъ святительскаго дѣйства неугасимой благодати, якоже Святитель Христовъ Никола есть, тако все и донынѣ есть“ (*Жизнеопис. Павла*).

браніемъ одного вполне надежнаго сотоварища, съ которымъ могъ бы откровенно объясниться о дѣлѣ, общимъ совѣтомъ составить и обсудить планъ предпріятія, раздѣлить потомъ и всѣ труды по приведенію этаго плана въ исполненіе; притомъ онъ считалъ нужнымъ выборъ сдѣлать собственно между иноками, такъ чтобы избранный сотоварищъ сдѣлался вмѣстѣ „евангельскимъ отцемъ“ его, потому что и самъ онъ, исходя на подвигъ ради столь великаго по его мнѣнію дѣла, какъ учрежденіе старообрядческой архіерейской каѳедры, намѣренъ былъ отречься отъ міра, принять иноческое постриженіе. Изъ всѣхъ извѣстныхъ ему и уважаемыхъ имъ старообрядческихъ иноковъ онъ остановилъ вниманіе на трехъ — на самомъ игуменѣ лаврентьевскомъ Аркадіѣ, на лаврентьевскомъ же инокѣ Евфросинѣ и еще на инокѣ Серковскаго монастыря Геронтіѣ; а кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, это, по принятому имъ въ подобныхъ обстоятельствахъ обычаю, онъ призналъ необходимымъ предоставить рѣшенію жребія, чтобы такимъ образомъ получить наставника и сотрудника, также якобы свыше предуказаннаго. Сотворивъ молитву онъ вынулъ одинъ изъ нарочито приготовленныхъ жребіевъ,—и это былъ жребій инока Геронтія.¹⁾

Геронтій, въ мірѣ Герасимъ Исаевъ Колпаковъ, былъ только пятью годами старше Петра Васильева (род. въ 1803 году) и находился въ тѣсной дружбѣ съ нимъ. Отецъ его, помѣщичій крестьянинъ сельца Ермолова (московской губерніи, серпуховскаго уѣзда), умеръ въ самый годъ его рожденія, оставивъ на попеченіе жены двухъ пасынковъ и двухъ собственныхъ ея сыновей. Нужды однакоже семейство не терпѣло, такъ что въ 1819 году въ состояніи было откупиться отъ рекрутской повинности. Колпаковы держались раскола. Младшій изъ братьевъ—Герасимъ, выучившись грамотѣ, получилъ наклонность къ чтенію уважаемыхъ раскольниками книгъ и сочиненій, которое пробудило въ немъ наклонность къ иноческой жизни. Мать не противилась этой его наклонности, и въ 1822 году, достигнувъ

1) Тамъ же.

только девятнадцатилѣтняго возраста, онъ ушелъ въ Бессарабію, въ находившійся тамъ уединенный монастырь, извѣстный подъ именемъ Серковскаго.¹⁾ Въ монастырѣ юный послушникъ велъ себя прилично,—точно исполнялъ монастырскія правила, былъ усерденъ и свѣдуещъ въ управленіи церковныхъ службъ, и отличался способностью къ хозяйственнымъ занятіямъ. Черезъ три года по вступленіи въ монастырь, онъ постриженъ въ иноки и названъ Геронтіемъ.²⁾ Пользуясь довѣріемъ настоятеля и монастырскаго братства, молодой инокъ, по ихъ порученію, неоднократно ѣздилъ во внутреннія губерніи и до Петербурга для сбора подаяній на монастырь. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, именно около 1830 года, онъ первый разъ познакомился съ Петромъ Великодворскимъ, посѣтивъ его, какъ уже извѣстнаго старообрядческаго начетчика, въ зимогорскомъ его домѣ. Съ первой же встрѣчи между ними завязалась тѣсная пріязнь, такъ что Петръ Васильевъ тогда же оказалъ своему новому знакомцу большое довѣріе, позволивъ ему взять на время какую-то очень дорогую для него вещь, съ которой никогда не расставался.³⁾ Вѣроятно, въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ, путешествуя въ качествѣ сборщика, Геронтій еще не разъ видался съ своимъ валдайскимъ пріателемъ и такимъ образомъ поддерживалась между ними взаимная пріязнь, которую Петръ Васильевъ съ своей стороны цѣнилъ такъ высоко, что избралъ Геронтія, какъ мы видѣли, въ число трехъ лицъ, предназначенныхъ быть его

1) Монастырь этотъ находился въ оргіевскомъ уѣздѣ Бессарабской области; „какъ служившій по своему положенію близъ границы постояннымъ пристанищемъ для бродягъ“, онъ взятъ у раскольниковъ и переданъ въ духовное вѣдомство въ 1846 году, — въ то именно время, когда правительству сдѣлались извѣстны подвиги Геронтія, бывшаго серковскаго игумена, по устройству за границей раскольнической архіерейской каюдры (Вараднн. *Ист. мин. Внутр. дѣлъ*, ч. VIII, стр. 452).

2) О жизни своей до отъѣзда изъ Серковскаго монастыря въ Бѣлую крѣпичу самъ Геронтій довольно обстоятельно рассказываетъ въ одной изъ записокъ, составленныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости, озаглавленной такъ: „1857 года 22 ноября. Истинное показаніе — мѣсторожденіе и ходъ духовнаго подвига священноиннока и архимандрита Геронтія.“

3) *Жизнеопис. Павла.*

духовными руководителями и сотрудниками въ исканіи архіерейства. Когда жребій палъ именно на Геронтія, Петръ Васильевъ нашель себя въ, немалоъ затрудненіи, не зная какъ объясниться съ Геронтіемъ по настоящему дѣлу, ибо отдѣленъ былъ отъ него огромнымъ пространствомъ и не видѣлъ возможности ни самъ къ нему ѣхать, ни войти съ нимъ въ письменныя сношенія. ¹⁾ Случилось же, что спу-стя нѣсколько времени самъ Геронтій пріѣхалъ въ стародубскіе монастыри и нашель здѣсь Павла,—обстоятельство, которое, само собою разумѣется, было принято обоими за особенное устроеніе промысла божія...

Въ концѣ 1835 года, въ то самое время, какъ Петръ Васильевъ, принявши предложеніе Громова, занять былъ избраніемъ евангельскаго отца и сотрудника въ исканіи архіерейства, Геронтій выѣхалъ изъ Серковскаго монастыря за сборомъ милостыни на обитель. Крайнею цѣлію его путешествія былъ Петербургъ. На пути туда онъ заѣхалъ сначала повидаться съ родными—невѣсткой и племянниками, у которыхъ встрѣтилъ праздникъ Рождества Христова и провелъ святки. ²⁾ Потомъ, продолжая путь, надумалъ онъ, какъ самъ рассказываетъ, „по духовной необходимости къ великому посту заѣхать въ стародубскіе монастыри, отъ свѣщеннѣйшихъ рукъ удостоити себе святѣйшихъ божественныхъ таинъ тѣла и крови Христовы“. 8 февраля 1836 года, въ недѣлю сыропустную, онъ прибылъ въ Пахоміевъ монастырь, гдѣ въ это время находился и Петръ Васильевъ.

¹⁾ „Геронтій не бѣ ту съ нимъ, но въ тысячныхъ верстахъ отъ него въ разстояніи бѣ, и въ такомъ случаѣ кромѣ божественнаго промысла трудно было ему притянути къ себѣ евангельскаго своего отца, повеже письменнаго сношенія къ нему средства не имѣ, самому же тронуться къ нему, но тамо священниковъ (чтобы постричь его въ иноки) и вблизи нѣту“ (*Жизнеописаніе Павла*).

²⁾ Время этого свиданія Геронтій обозначаетъ весьма точно: „Последнее съ вами свиданіе дяденьки вашего инока Геронтія было въ исходѣ 1835 года, святками торжественнаго праздника Рождества Христова“ (*Тамъ же*). Гдѣ жили тогда эти его родственники, неизвѣстно; только не на родинѣ: въ *Очеркахъ поповщины* говорится, что, по ревизской сказкѣ 8-й народной переписи, Тихонъ Колпаковъ съ женой Авдотьей и сыновьями находился въ бѣгахъ съ 1827 года. (*Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 35, прим.)

Узнавъ объ этомъ отъ пахоміевскаго настоятеля, Геронтій пожелалъ немедленно увидѣться съ своимъ пріателемъ,—и вотъ какъ самъ онъ описалъ потомъ это неожиданное свиданіе: „Егда игумень онаго (Пахоміева) монастыря показалъ иноку Геронтію Петра Васильевича келію, онъ съ молитвою приступи къ дверемъ келіи его. Каковымъ же невыразимымъ восторгомъ тогда Петръ Васильевичъ восхищенъ былъ, егда предъ дверми келіи своя по молитвѣ гласъ его позналъ! Онъ, при аминѣ съ мѣста своего вскочивъ и руками своими сплеснувъ, со удивленіемъ воззва: ахъ, батюшка! это съ неба вы ко мнѣ упали? Я уже болѣе какъ пять мѣсяцей свыше жребіемъ за духовнаго отца вась себѣ стяжалъ“. ¹⁾ Затѣмъ немедленно повелъ онъ съ Геронтіемъ длинную бесѣду, въ которой съ своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ и одушевленіемъ изложилъ ему подробно весь ходъ дѣла о предпринимаемомъ исканіи архіерейства и всѣ тѣ обстоятельства изъ своей жизни, въ которыхъ мечтались ему явные слѣды провидѣнія, якобы указующаго ему высшее предназначеніе—послужить старообрядчеству возстановленіемъ „древлеправославнаго“ епископства; въ заключеніе онъ убѣдительно просилъ Геронтія принять участіе въ этомъ подвигѣ, который и ему—Геронтію якобы очевиднымъ же образомъ предугадывается свыше,—„лучше предпочеть вамъ всеобщую церковную пользу, нежели монастырскія кратковременныя потребности снискивати“. На Геронтія эта бесѣда произвела глубокое впечатлѣніе: повѣдка въ Петербургъ оставлена; Петру Васильеву дано крѣпкое слово—дѣлать съ нимъ всѣ труды и подвиги на пользу „древлеправославной церкви“. И съ этого времени Геронтій дѣйствительно становится его ближайшимъ, неизмѣннымъ совѣтникомъ и сотрудникомъ по дѣлу объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каеедры.

Совѣщанія двухъ друзей прежде всего посвящены были вопросу о томъ, какъ и въ какія страны направить имъ стопы свои. Совѣтъ Громова—хранить дѣло въ секретѣ они признали нужнымъ исполнить въ точности: условились

¹⁾ *Жизнепис. Павла.*

никому даже изъ близкихъ людей не сообщать о своихъ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ; въ отклоненіе же всякихъ подозрѣній, не спѣша объѣхать сначала, подъ предлогомъ богомолья, стародубскіе монастыри и потомъ уже отправиться въ дальнѣйшій путь. Куда же отправиться?—вопросъ этотъ рѣшить было труднѣе и въ рѣшеніи его приходилось руководствоваться распространенными у старообрядцевъ сказаніями о странахъ, идѣже обрѣтаются епископы и священство древняго поставленія. Между этими странами первое мѣсто въ старообрядческихъ разсказахъ занимали Персія, Грузія и иныя мѣста по предгоріямъ Арарата, гдѣ якобы съ давнихъ поръ укрываются христіане, неизмѣнно содержащіе старую вѣру, и при нихъ не пріавшіе никоновскихъ новопремѣненій епископы. ¹⁾ Затѣмъ слѣдовали разныя страны въ азіатской и европейской Турціи—за Ливаномъ, въ Сиріи, въ Египтѣ. Къ границамъ Персіи рѣшились прежде всего направить путь свой и Петръ Васильевъ съ Геронтіемъ; ²⁾ а оттуда, если не обрящутъ искомага, пуститься и въ дальнѣйшія страны, до Палестины и Египта. Для руководства въ этихъ странствіяхъ у нихъ имѣлись географическія карты и книги, нарочно присланныя Громывымъ изъ Петербурга.

Пробывши въ Пахоміевомъ монастырѣ одни только сутки, утромъ въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста Геронтій съ Петромъ Васильевымъ переправились въ Лаврентьевъ, гдѣ всю эту недѣлю посвятили на говѣнье, и въ субботу, какъ повѣствуетъ самъ Геронтій, „съ прочею братією святыхъ божественныхъ таинъ отъ руку священноинока Іустина получить удостоились“. Въ слѣдующій по-

1) См. *Русск. Вѣст.* т. LXVII, стр. 661 - 662. Исаакій въ своемъ показаніи говоритъ, что „по слухамъ, якобы въ Персіи на рѣкѣ Багдадѣ живутъ русскіе“, онъ съ товарищами отправился туда изъ Цареграда „по берегу Чернаго моря на мелкихъ судахъ, мимо Трапезонда, по направленію къ Анапѣ“ (*Чт. Общ. ист. и др.* 1871 г. ч. IV, отд. V, стр. 184).

2) Въ *Сказаніи о первонач. учрежденіи іерархіи* о Павлѣ и Геронтіи говорится, что они „по слухамъ, будто бы въ закавказскихъ ущельяхъ найдены единоверные имъ православные епископы, прежде обратились въ Грузію“.

недѣльникъ, распростившись съ Аркадіемъ, Евфросиномъ и прочимъ лаврентьевскимъ братствомъ, отправились въ путь для посѣщенія прочихъ обитателей. Сначала на нѣсколько времени опять заѣхали въ Пахоміевъ монастырь, потомъ въ Свѣдковскій, гдѣ также пребыли нѣсколько дней, затѣмъ прибыли въ Покровскій. Здѣсь отпраздновали крестопоклонную недѣлю, и здѣсь же въ слѣдующій день, въ понедѣльникъ, 1-го марта 1836 года, совершенно было постриженіе Петра Васильева въ иноки: постригаль Покровскаго монастыря священноинокъ Епифаній и при постриженіи изъ Петра нарекъ его Павломъ; при этомъ Геронтій, согласно указанію жребія, принялъ на себя обязанность евангельскаго отца новопостриженному, „И тогоже числа (пишетъ Геронтій), *никому* кромѣ духовнаго своего отца священноинюка Епифанія *неведомо*, пустились въ подлежащей свой путь.“¹⁾

Съ этого времени и начинаются странствія, труды и подвиги, предпринятые ради приобрѣтенія потребныхъ старообрядчеству епископовъ двумя знаменитыми у старообрядцевъ друзьями—Павломъ и Геронтіемъ. Это была дѣйствительно примѣчательная двоица, связанная рѣдкимъ единодушіемъ. При одинаковой ревности о пользахъ старообрядчества, при одинаковой готовности отдать всѣ свои силы на служеніе ему, они различались нѣсколько другъ отъ друга личными свойствами характера, такъ что одинъ своими достоинствами могъ восполнять недостатки другаго. Геронтій, старшій лѣтами и болѣе опытный въ житейскихъ дѣлахъ, своимъ спокойствіемъ, своимъ практическимъ смысломъ въ нѣкоторой степени умѣрялъ слишкомъ пылкіе порывы склоннаго къ увлеченіямъ пріятеля; Павелъ же въ свою очередь никогда не покидавшей его энергіей, горячей вѣрой въ свое высшее предназначеніе и въ успѣхъ предпріятія, могъ возбуждать и поддерживать въ своемъ сотрудникѣ постоянную бодрость духа и готовность на подвиги. Вообще же говоря, инокъ Павелъ, при самомъ глубокомъ уваженіи къ Геронтію, какъ старшему лѣтами и

1) *Жизнеопис. Павла.*

особенно какъ евангельскому отцу, имѣлъ на него преобладающее вліаніе, которому тотъ невольно подчинялся. ¹⁾ И это очень понятно, если взять во вниманіе характеръ Павла, къ этому времени, когда ему исполнилось уже 27 лѣтъ, вполне сложившійся. Тѣ черты его, которыя мы указали выше, теперь выступили во всей полнотѣ и ясности—эта увѣренность въ своемъ чрезвычайномъ призваніи, въ неусыпной бдительности надъ нимъ высшаго руководителя, эта предприимчивость, смѣло идущая на встрѣчу препятствіямъ, эта непреклонная вѣра въ успѣхъ будтобы свыше указаннаго предпріятія,—черты, вообще свойственныя болѣе или менѣе характеру тѣхъ, нерѣдко являвшихся въ расколѣ энтузіастовъ, которые дѣлались основателями новыхъ сектъ и увлекали за собою цѣлыя толпы слѣпо подчинявшихся имъ темныхъ людей. Эти черты сектаторскаго характера ясно отражались и въ самой наружности Павла,—въ его длинномъ, худощавомъ лицѣ, въ смѣломъ и упорномъ взглядѣ; особенную выразительность его фizioноміи придавали именно большіе каріе глаза: это были, по выраженію его друга, „быстропронзительныя, яркозрачныя и яко у пгичища строфина неморгливыя“ очи. ²⁾

Существовали уже извѣстные, давно проложенные пути, которыми наши раскольники перебирались за границу. Они лежатъ по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся турецкія, молдавскія и буковинскія раскольничьи селенія. Перейдя въ

¹⁾ О томъ благоговѣніи, какое Геронтій постоянно питалъ къ Павлу, достаточно свидѣтельствуетъ составленное имъ описаніе павловыхъ нравственныхъ качествъ. Приводимъ его какъ образецъ того, до какихъ нелѣпыхъ крайностей можетъ доходить поклоненіе раскольниковъ своимъ авторитетамъ. „Отъ дѣтства своего преисполненъ бысть добродѣтельными духовнаго плода, какъ-то любви, мира, страннопримства, благодсти, милосердія, вѣры, кротости, воздержанія и духовной ревности; истинный подражатель первобытныхъ праотецъ и отецъ, въ страннопримствѣ поборникъ есть праотцу нашему Аврааму, вѣрою же сообщникъ есть Моисею Боговидцу, по благочестію же ревностію подражатель есть Іліи небожественнику, нестяжаніемъ же послѣдователь есть Іоанну Крестителю и Предтечи Христову, въ твердости же своего слова тезоименитъ есть верху Апостоловъ Петру и Павлу....“ (*Жизнеопис. Павла*)

²⁾ Геронтій въ *Жизнеопис. Павла*.

томъ, или другомъ мѣстѣ, такъ называемую, „сухую“ границу, новые бѣглецы обыкновенно находили себѣ пріютъ въ этихъ заграничныхъ раскольническихъ селеніяхъ. Тамъ же путями шли за границу и странники, отправлявшіеся отыскивать „древлеправославныхъ“ епископовъ: побывши у „своихъ христіанъ“, они обыкновенно направляли путь въ Константинополь и отсюда уже начинали свои странствія по разнымъ мѣстамъ востока. Но Павелъ и Геронтій, познакомясь съ географіями и географическими картами, притомъ же, какъ люди увѣренные въ высшемъ надъ ними покровительствѣ, не особенно заботясь объ огражденіи себя отъ разныхъ затрудненій при переходѣ черезъ границу, избрали другой, по ихъ мнѣнію, болѣе прямой и удобный путь къ предѣламъ Персіи, служившимъ, какъ мы сказали, первоначальною цѣлю ихъ путешествія. Они проѣхали сначала въ Таганрогъ и отсюда Азовскимъ и Чернымъ морями до береговъ Мингреліи. 6 мая, наканунѣ праздника Вознесенія Господня, они благополучно высадились на берегъ въ редутъ Кули и черезъ десять дней успѣли добраться до Кутайса. Но здѣсь, къ великому ихъ огорченію, положенъ былъ конецъ ихъ дальнѣйшему пути къ „предгоріямъ Арарата“,—и причиною такой неудачи была именно ихъ самонадѣянность, внушенная мечтательною вѣрой въ высшее надъ ними покровительство. Подъ вліяніемъ этой самонадѣянности избравъ новый, неизвѣданный раскольниками путь, они рѣшились еще, какъ только высадились на берегъ, путешествовать въ своихъ иноческихъ одѣяніяхъ,—въ тѣхъ особаго покроя полукруглыхъ камиллавахъ съ вѣничками и въ манатейкахъ, которыя старобрядческій инокъ, по уставу, не долженъ никогда снимать. Этимъ „страннообразнымъ“, невиданнымъ одѣяніемъ они обратили на себя вниманіе кутайской полиціи, были задержаны и отправлены въ Тифлисъ для личныхъ объясненій съ тогдашнимъ главнокомандующимъ на Кавказѣ барономъ Розеномъ, который прежде всего обратилъ вниманіе также на странную одежду арестованныхъ. Баронъ Розенъ спросилъ ихъ, что они за люди и что на нихъ за странное одѣяніе. На первый вопросъ Павелъ отвѣтилъ, что они „старо-

греко-россійской церкви иноцы“, — товарищъ его „бессарабской области, оргѣвскаго ценута, Серковскаго монастыря инокъ Геронтій“, а самъ онъ „валдайскаго уѣзда, изъ общества зимогорскаго яма, Петръ Васильевъ Великодворскій. въ постриженіи инокъ Павелъ“; относительно же одѣянія объяснилъ, что оно есть то самое, какое надлежитъ носить иноку „по древлеправославному образцу“, и въ подтвержденіе этаго привелъ генералу нѣсколько свидѣтельствъ изъ памятниковъ древности. Главнокомандующій приказалъ жандармскому полковнику отобрать отъ Павла и Геронтія точныя показанія о всемъ, касающемся ихъ личности, также о цѣли ихъ путешествія, и для повѣрки ихъ показаній войти въ сношенія съ подлежащимъ начальствомъ тѣхъ мѣстъ, жителями которыхъ они себя показали, а ихъ самихъ до полученія нужныхъ справокъ содержать въ тифлисскомъ тюремномъ замкѣ. Болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло въ собраніи справокъ, и все это время они сидѣли, по выраженію Геронтія, „подъ замкомъ секретныхъ твердынь“. Когда же по справкѣ оказалось, что мѣста жительства арестованные показали правильно, а о цѣли путешествія ни отъ нихъ самихъ, ни отъ мѣстныхъ властей точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній получить не удалось, то баронъ Розень причислилъ Павла и Геронтія къ разряду празднопатающихся и отдалъ приказаніе о водвореніи ихъ на мѣста жительства. 1 октября ихъ освободили изъ крѣпости, а 22 числа того же мѣсяца отправили по назначенію, съ большимъ караваномъ, подъ охраной воинской стражи, чрезъ кавказскія горы на Владикавказъ и Ставрополь. Въ Новочеркасскѣ Геронтій и Павелъ должны были разстаться: одному лежалъ путь прямо на западъ, въ Бессарабію, другому—на сѣверъ, къ новгородскимъ предѣламъ. Такъ неожиданно возвращаясь на родину, инокъ Павелъ утѣшалъ себя покрайней мѣрѣ тѣмъ, что сдержалъ свое „крѣпкое слово“,—возвращался не по своей доброй волѣ. Это было уже въ январѣ 1837 года. 1)

1) Неудачное путешествіе въ Грузію довольно подробно описано Геронтіемъ въ *Жизнеопис. Павла*; согласно съ его рассказомъ передаетъ главныя обстоятельства этого путешествія и о. Онуерій въ своихъ *Запискахъ*.

Первая неудача, испытанная Павломъ и Геронтиемъ на поприщѣ исканія „древлеправославныхъ епископовъ“, не охладила ихъ усердія къ этому дѣлу, ихъ готовности на новые подвиги въ томъ же родѣ; но въ тоже время она послужила для инока Павла и нѣкоторымъ урокомъ. Нимало не теряя прежней мечтательной вѣры въ свое мнимо—высшее предназначеніе, оставаясь въ томъ же самообольщеніи относительно ближайшаго надъ нимъ покровительства святителя Николы, теперь однакоже, вразумленный опытомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что дѣйствовать такъ прямо и открыто, какъ началъ было дѣйствовать, невозможно, что напротивъ въ отношеніи къ „виѣшнимъ“ и вообще къ лицамъ, не посвященнымъ въ его тайну, позволительно и должно употреблять даже кривые пути и дѣйствія, нимало будтобы не измѣняя при томъ характеру чрезвычайнаго избранника божія. И онъ дѣйствительно приобрѣлъ искусство мирить въ своемъ сознаніи совершенно непримиримыя понятія—ложь и обманъ съ ревностью по вѣрѣ и служеніемъ Богу, положивъ въ основу дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ средства,— правило, которому давалъ, какъ увидимъ впоследствии, самое широкое приложеніе.

Надобно полагать, что еще во время заключенія въ Тифлисъ и на пути оттуда было условлено между двумя друзьями не оставлять начатаго дѣла и, посоветовавшись съ петербургскимъ покровителемъ, въ удобное время снова отправиться на поиски „древлеправославныхъ“ епископовъ, только уже съ соблюденіемъ необходимыхъ предосторожностей. По водвореніи на прежнихъ мѣстахъ жительства они также время отъ времени переписывались объ этомъ. И какъ только Павлу представилась возможность отлучиться съ родины, не возбуждая подозрѣній ни между своими одновѣрцами, для которыхъ его приключенія въ Тифлисъ не остались секретомъ, ни въ мѣстномъ начальствѣ, которому эти приключенія были извѣстны изъ официальной переписки съ Тифлисомъ, онъ отправился въ Петербургъ для личныхъ совѣщаній съ Громовымъ. Громовъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ смущаться первой неудачей, въ которой много

виноваты притомъ сами же путешественники, поступавшіе слишкомъ самонадѣянно, и что въ виду постоянно возрастающихъ строгостей относительно старообрядчества, которыя грозятъ ему бѣльшими и бѣльшими затрудненіями въ приобрѣтеніи священниковъ, необходимо нужно начатое дѣло объ учрежденіи архіерейской кафедрѣ продолжать безотлагательно. Онъ убѣдилъ инокъ Павла, не теряя времени, ѣхать къ Геронтію въ Серковскій монастырь и оттуда, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, отправиться за границу болѣе безопаснымъ, давно знакомымъ для старообрядцевъ путемъ, на каковое странствіе вручилъ ему потребную и нескудную сумму денегъ, съ новымъ обѣщаніемъ въ случаѣ надобности нещадить никакихъ издержекъ на осуществленіе предпріятія. Павелъ и съ своей стороны не видѣлъ надобности еще откладывать дѣло, и немедленно поѣхалъ въ Бессарабію, въ Серковскій монастырь, въ которомъ Геронтій былъ уже тогда настоятелемъ. Здѣсь они окончательно составили планъ новаго путешествія, — именно рѣшили направить путь сначала въ Буковину чрезъ такъ называемую у раскольниковъ „сухую“ австрійскую границу, по общимъ ихъ отзывамъ наиболѣе безопасную отъ надзора пограничной стражи; въ Буковинѣ, чрезъ посредство здѣшнихъ раскольниковъ, выправить австрійскіе паспорта и затѣмъ, въ качествѣ австрійскихъ подданныхъ, чрезъ Молдавію и Турцію, отправиться въ дальнѣйшія странствія по Востоку и „во всѣ края вселенныя“. ¹⁾

Ранней весной 1839 года Павелъ и Геронтій выѣхали изъ Серковского монастыря. Для большаго удобства и въ видахъ экономіи купили себѣ лошадь и повозку, такъ что могли останавливаться когда и гдѣ хотѣли (разумѣется, больше у „своихъ христіанъ“); вообще они старались соблюсти во время этого втораго путешествія и бережливость и всевозможную осторожность, дабы своимъ странствіемъ не возбудить какихъ-нибудь толковъ и подозрѣній. Подѣзжая къ границѣ, въ раскольническомъ селеніи Грубномъ (подольской губерніи) они взяли провожатаго, хорошо знаю-

¹⁾ *Записки о. Онуфрія.*

щаго мѣста, удобнаго для проѣзда, — нѣкоего Василя Рябицкаго. Рябицкій, человекъ искусный въ своемъ дѣлѣ, безъ всякихъ приключеній провелъ ихъ черезъ границу и даже проводилъ до главнаго раскольническаго селенія въ Буковинѣ, называемаго Бѣлю-Кривицею. Это селеніе и существовавшій тамъ небольшой старообрядческій монастырь, гдѣ Павелъ и Геронтій остановились на время, вскорѣ сдѣлались, неожиданно для нихъ самихъ, главнымъ мѣстомъ ихъ дѣятельности по устроению старообрядческой архіерейской кафедрѣ и получили громкую извѣстность въ исторіи раскола.

III.

Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно же въ правленіе царевны Софьи и при Петрѣ первомъ, раскольники, уходившіе за границу отъ преслѣдованій русскаго правительства, проложили себѣ путь въ Молдавское господарство и мало по малу расселились тамъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ. Яссы, столица Молдавіи, сдѣлалась центральнымъ мѣстомъ ихъ жительства, и отсюда почти непрерывной цѣпью тянутся въ большемъ или меньшемъ количествѣ обитаемыя раскольниками селенія вплоть до Галиціи, а отъ Галиціи, съ небольшими перерывами, на сѣверовостокъ до самой Вѣтки. По сосѣдству съ Галиціей молдавскіе раскольники жили въ городѣ Сучавѣ и въ нѣсколькихъ близъ лежащихъ селеніяхъ. Когда въ 1777 году, на основаніи мирнаго трактата между Австріей и Турціей, часть округа сучавскаго вошла въ составъ области, извѣстной подъ именемъ Буковины, и включена была въ границы австрійскихъ владѣній, тогда въ число этихъ владѣній поступили и нѣкоторыя молдавскія селенія, обитаемыя отчасти раскольниками. Главнымъ изъ нихъ было селеніе Миттока—Драгомирна, принадлежавшее Драгомирскому монастырю и болѣе извѣстное у раскольниковъ подъ именемъ

Соколинцевъ. Жившія здѣсь немногочисленныя раскольническія семейства и были первые, явившіеся въ австрійскихъ владѣніяхъ русскіе раскольники. ¹⁾ Такимъ образомъ первое появленіе раскольниковъ въ Австріи, и именно въ Буковинѣ, гдѣ только и находятся ихъ поселенія, современно самому присоединенію этой области къ австрійскимъ владѣніямъ.

Въ Молдавіи всѣмъ вообще раскольникамъ усвоено издавна названіе *липованъ*: ²⁾ это есть, какъ надобно полагать, испорченное названіе *филиппонъ*, принадлежавшее собственно раскольникамъ филипова согласія, которые, можетъ-быть, прежде другихъ старообрядцевъ пришли изъ Россіи въ Молдавію. ³⁾ Подъ тѣмъ же названіемъ липованъ стали извѣст-

1) По свидѣтельству іеромонаха Филарета, бывшаго архидіакона Блжкрянницкой митрополіи, и другихъ лицъ, долго жившихъ въ Буковинѣ, у здѣшнихъ старообрядцевъ доселѣ существуетъ преданіе, что Миттоа-Драгомирна, или Соколинцы, древнѣйшее изъ существующихъ въ Буковинѣ раскольническихъ селеній и что кромѣ Соколинцевъ раскольники издавна жили еще, по два по три семейства, въ селеніяхъ Комаровкѣ (здѣсь жили безпоповцы), Петроудахъ (близъ Сучавы), Кучуровѣ (близъ Черновцевъ) и Липовцахъ (*Запис. о. Филарета*). Надеждинъ въ своей запискѣ о *заграничныхъ расколникахъ* также замѣчаетъ, что у раскольниковъ, живущихъ въ Миттоа-Драгомирнѣ сохранилось преданіе, что предки ихъ поселились въ этомъ мѣстѣ гораздо ранѣе того времени, когда Буковина сдѣлалась австрійскою областью (см. Кельсѣва *Сборн. свѣд. о раск.* ч. 1. стр. 85—86). Что въ Буковинѣ, близъ Сучавы, и ранѣе 1783 года жили раскольники, объ этомъ находимъ свидѣтельства въ нѣкоторыхъ официальныхъ документахъ. Напримѣръ въ грамотѣ, выданной липованамъ изъ черновицкаго областного правленія 31 октября 1783 года, говорится о двухъ липованскихъ обществахъ живущихъ уже въ сучавскомъ дистриктѣ. Въ рапортѣ сучавскаго директора Шторра въ Черновцы, отъ 19 января 1784, упоминаются также *hier im District bereits schon wohnhaften Lippowaner Familien* (оба документа въ *Блжкр. арх.*). Анеимъ, раскольническій епископъ, въ донесеніи яскому митрополиту Іакову, отъ 30 іюня 1756 года, также упоминаетъ о расколникахъ, живущихъ „на Соколинцахъ и на прочихъ слободахъ“, подвѣдомыхъ митрополиту (*Очерки половц.* стр. 240).

2) Въ упомянутомъ донесеніи Анеима митрополиту Іакову молдавскіе раскольники называются уже *липованами*. (Тамъ же стр. 238; см. стр. 208—209).

3) У буковинскихъ липованъ есть мнѣніе, что названіе это происходитъ отъ селенія Липовцы, гдѣ, какъ сказано выше, жили издавна нѣкоторые изъ старообрядцевъ. Они, говорятъ, получали, по мѣсту ихъ жительства, названіе липовцевъ: это названіе и искажено потомъ въ названіе липованъ

ны и въ Австріи бывшіе молдавскіе старообрядцы съ самыхъ первыхъ лѣтъ, какъ поступили подъ власть австрійскаго правительства.

Молдавскіе липоване, несмотря на это названіе, всё почти принадлежали къ вѣтковскому согласію и находились въ сношеніяхъ съ Вѣткой: первые приобрѣтенные Австріей липоване держались также бѣглопоповства; они имѣли даже своего священника.¹⁾

Положеніе этихъ первыхъ липованскихъ семействъ въ Австріи было сначала незавидно: они не только не имѣли какихъ-либо особенныхъ правъ и преимуществъ въ сравненіи съ прочими жителями Буковины, но даже стѣснены были въ свободномъ отправленіи богослуженія и церковныхъ требъ по своему обряду, такъ что находившійся у нихъ бѣглый священникъ принужденъ былъ уйти назадъ въ Молдавію.²⁾ Но съ 1783 года, благодаря ечастливому случаю, въ положеніи австрійскихъ липованъ послѣдовала рѣшительная перемѣна къ лучшему, и самое число раскольниковъ въ Буковинѣ увеличилось въ значительной степени. Вотъ какъ описываютъ этотъ достопамятный для нихъ случай сами буковинскіе старообрядцы по сохранившимся у нихъ устнымъ преданіямъ. Однажды нѣсколько старообряд-

(Зап. о. Филарета). Но такого объясненія правильнымъ признать нельзя уже и потому только, что названіе *липованъ* не могло бы распространиться на всѣхъ вообще раскольниковъ, въ значительномъ количествѣ расселившихся по Молдавіи, еслибы оно происходило отъ незначительнаго селенія, гдѣ жили двѣ—три раскольническія семьи, хотя бы это были даже первые, явившіеся тамъ раскольники; напротивъ гораздо вѣроятнѣе, что первые раскольники, поселившіеся въ разныхъ мѣстахъ Молдавіи, были послѣдователи филипова толка — филипоны (какъ и въ Пруссіи, гдѣ раскольники доселѣ называются филиповами), и что названіе это, искаженное въ названіе липованъ, усвоилось потомъ всѣмъ раскольникамъ, приходившимъ въ Молдавію, хотя они были и не филипова толка. Отъ филипоновъ производятъ названіе липованъ и инокъ Павелъ; объ этомъ онъ рѣшительно говоритъ въ „промеморіи“, поданной графу Инцаги въ 1844 г. (*Бълокр. арх.*).

1) Въ рапортѣ директора Шторра отъ 19 янв. 1784 г. упоминается *von vorher schon in Bukowina gewesenen Lipowaner Popp.* (Тамъ же).

2) Объ отъѣздѣ его изъ Буковины обратно въ Молдавію есть извѣстіе въ томъ же документѣ.

Прокс. В. іер.

цевъ изъ числа живущихъ при устьяхъ Дуная, въ такъ-называемой Добруджѣ, занимаясь ловлей рыбы, увидѣли, что какого-то, на ихъ взглядъ странно одѣтаго, но, какъ могли они примѣтить, благороднаго господина преслѣдуютъ разбойники и совсѣмъ почти настигли. Рыболовы бросились къ нему на помощь и успѣли его спасти. Тогда этотъ господинъ предложилъ имъ просить какой угодно награды за оказанную ему услугу. Старообрядцы отвѣчали, что никакой награды не желаютъ, что освободивъ его, они только исполнили долгъ христіанскаго закона. Послѣ новыхъ напрасныхъ убѣжденій принять какое-нибудь вознагражденіе, странно одѣтый господинъ сказалъ имъ, что онъ изъ города Вѣны, чиновникъ австрійскаго императора, и что если они ничего не хотятъ принять отъ него лично, то не пожелаютъ ли по крайней мѣрѣ о чемъ-нибудь попросить самого императора, предъ которымъ онъ готовъ за нихъ ходатайствовать. Изъ этихъ словъ, да и по самому его „обхожденію“, рыболовы поняли, что это долженъ быть „чиновникъ высокаго сана“, и потому его покровительство при случаѣ можетъ быть очень полезно: они отвѣтили, что о предложеніи его скажутъ своимъ обществамъ. Высокосановный чиновникъ далъ имъ записку съ означеніемъ своего имени и назначеніемъ, какъ поступить, если представится въ немъ надобность. Затѣмъ, поблагодаривъ ихъ еще разъ, отправился въ свой путь. ¹⁾ Быть-можетъ въ этомъ разказѣ част-

¹⁾ Такъ излагаетъ эту исторію, „по устному повѣствованію старѣйшинъ“, инокъ Павелъ въ *Уставѣ Блжкырицкаго монастыря* (гл. II, § I. а). Онъ же рассказываетъ ее и въ другомъ своемъ сочиненіи, *Церковной исторіи*, но менѣе подробно: здѣсь о разбойникахъ не упоминается, а сказано только, что старообрядцы „имѣли случай спасти отъ смертоубійства турокъ австрійскаго двора чиновника“, который нѣсколько ниже названъ „австрійскаго двора посланникомъ“ (стр. 169). А въ одной старообрядческой рукописи говорится, что это былъ родственникъ австрійскаго императора, попавшій въ руки разбойниковъ, что корабль, съ которымъ онъ плылъ, потерпѣлъ въ Черномъ морѣ крушеніе, и онъ уже погибалъ, когда явились на помощь ему старообрядцы. (*Сбор.* Кельсиева, ч. I, стр. 155). Исторію австрійскаго чиновника передаетъ и Надеждинъ, также со словъ буковинскихъ старообрядцевъ, но опять въ иномъ видѣ: „поводомъ къ переселенію липованъ была, говорятъ, услуга оказанная ими на Дунаѣ одному изъ важныхъ импер-

ныя обстоятельства событія переданы несовсѣмъ вѣрно; но самый фактъ, что придунайскіе раскольники оказали важную услугу одному изъ приближенныхъ лицъ австрійскаго императора и что въ благодарность за такую услугу имъ была обѣщана сильная протекція,—этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ видно изъ дальнѣйшихъ событій, подтверждаемыхъ достовѣрными официальными извѣстіями.

Предложеніе австрійскаго сановника добруджинскіе рыба-ловы не преминули сообщить своимъ односельчанамъ, какъ только возвратились съ рыбной ловли, а тѣ, по сказанію липованскаго повѣствователя, „немедленно“ собрались на совѣтъ и „единодушно заключили: просить отъ его величества, австрійскаго императора, всемилостивѣйшее благо-

скихъ генераловъ, во время военныхъ дѣйствій Австрійцевъ съ Турками; Турки, къ которымъ этотъ генералъ попалъ въ плѣнъ, собирались будто бы утопить его въ Дунай, и дѣйствительно утопили бы, еслибы не подошли и не выручили жившіе въ соседствѣ раскольники; въ благодарность за то генералъ, согласно просьбамъ своихъ спасителей, *выхлопоталъ для нихъ единоплевецъ въ Буковинѣ, отошедшей вслѣдъ за тѣмъ къ Австріи*, весьма важныя привилегіи, для пользованія которыми они не замедлили и сами къ нимъ присоединиться. (Тамъ же стр. 86. Здѣсь, очевидно, перепутаны время и обстоятельства событія.) Наконецъ, ту же исторію, также со словъ липованскихъ старожиловъ, и опять въ совершенно новой редакціи, излагаетъ игуменъ Паревскій въ *Книжѣ о промыслѣ*: „Случилось, что австрійскій императоръ послалъ одною изъ министровъ своихъ съ чиновниками промѣрять Дунай отъ самой Вены до Чернаго моря и узнать его глубину и весь описать. Турки изъ крѣпостей замѣтили Нѣмцевъ и послали за ними погоню. Нѣмцы же, видя свою бѣду, что ихъ преслѣдуютъ, бросились къ рыбакамъ и спросили: какіе вы люди? Тѣ отвѣтили: мы Русскіе и христіане. Нѣмцы же начали ихъ просить, чтобы ихъ укрывали отъ Турокъ“ и проч. (см. стр. 194—195). Изъ всѣхъ этихъ рассказовъ, записанныхъ со словъ самихъ липованскихъ старожиловъ и столь несогласныхъ между собою въ изложеніи частныхъ обстоятельствъ событія, мы отдаемъ предпочтеніе рассказу инокъ Павла, такъ какъ онъ имѣлъ возможность передать гораздо точнѣе, нежели другіе, сохранившееся у липованъ преданіе, и именно той редакціи рассказа, которая находится въ *Бьлокрынницкомъ уставѣ*, какъ редакціи болѣе полной. Въ *Исторіи* своей инокъ Павелъ выражаетъ между прочимъ справедливое сожалѣніе, что „по простотѣ народа“ имя спасеннаго липованомъ чиновника не сохранилось въ памяти. Имя его, если только оно принадлежитъ къ числу историческихъ, дѣйствительно, даю бы ключъ къ разъясненію этого, до-вольно темнаго событія.

воленіе на свободное въ австрійскихъ предѣлахъ пребываніе, съ наблюденіемъ въ точности древлегреческаго христіянскаго закона и совершенной вольности своему духовенству“. Въ такомъ смыслѣ составили „всепокорнѣйшее прошеніе“, выбрали изъ своей среды „двухъ изрядныхъ депутатовъ, именно Александра Алексъева и Никифора Иларіонова“, и послали ихъ „съ тѣмъ всепокорнѣйшимъ прошеніемъ въ столицу Вѣну“. Здѣсь, „по неложному обѣщанію и сильному ходатайству онаго великаго чиновника“, все было сдѣлано согласно ихъ желанію.¹⁾ 9-го октября 1783 года собственноручно подписана императоромъ Іосифомъ II и вручена имъ грамота слѣдующаго содержанія:

„Мы, Іосифъ второй, Божіею милостію избранный императоръ римскій и пр.

„Такъ какъ въ нашъ столичный городъ Вѣну пришли отъ живущихъ при Черномъ морѣ старовѣрческихъ обществъ (altgläubigen Gemeinden) два депутата, по имени Александръ Алексъевъ и Никифоръ Иларіоновъ, и по порученію сихъ обществъ обратились къ намъ съ просьбою, чтобъ имъ позволено было переселиться въ наши земли съ ихъ семействами и имуществомъ:

„то мы, находясь въ увѣренности, что помянутыя общества, по прибытіи на будущія мѣста ихъ жительства въ нашихъ земляхъ, во всемъ (in allen Stücken) будутъ поступать такъ же, какъ и прочіе наши вѣрные подданные, посредствомъ настоящей утвержденной нами грамоты (Patents) даемъ вышеозначеннымъ депутатамъ и чрезъ нихъ имѣющимъ переселиться обществамъ слѣдующее увѣреніе:

„1) Дозволяемъ мы совершенно свободное отправленіе религиозныхъ дѣйствій (freie Religions-Exercitium) имъ, всѣмъ ихъ дѣтямъ и потомкамъ (Kindeskindern), вмѣстѣ съ ихъ духовенствомъ.

„2) Оставляемъ мы ихъ и ихъ дѣтей совершенно свободными отъ всякихъ сборовъ и податей въ продолженіе 20 лѣтъ со времени ихъ поселенія.

1) *Уставъ Бълокр. мон.* Въ *Исторіи* инока Павла говорится, что и самую мысль о переселеніи въ Австрію подалъ липованамъ тотъ же спасенный ими австрійскій вельможа (стр. 170).

„3) Предоставляемъ мы имъ освобожденіе отъ военной службы (Militaerstande)

„4) По истеченіи 20 лѣтъ мы имъ назначимъ подати, со- отвѣтственно ихъ имуществамъ и какія платять прочіе наши подданные одинаковаго съ ними состоянія.“¹⁾

По смыслу этой императорской грамоты, изложенныя въ ней права и привилегіи принадлежали собственно тѣмъ обществамъ жившихъ при Черномъ морѣ старообрядцевъ, отъ которыхъ были присланы въ Вѣну депутаты. При Черномъ морѣ, или, точнѣе, на мѣстѣ впаденія Дуная въ Черное море, въ такъ называемой Добруджѣ, и тогда уже были поселенія казаковъ-раскольниковъ изъ дружины Некрасова, извѣстныхъ подъ именемъ некрасовцевъ, или игнать-казак- ковъ. Можно бы поэтому предполагать, что и депутаты вѣдившіе въ Вѣну принадлежали къ некрасовскимъ обще- ствамъ. Но, съ другой стороны, представляется невѣроят- нымъ, чтобы некрасовцы, положеніе которыхъ подъ вла- стію султана было хорошо обезпечено, рѣшились искать счастья въ новомъ переселеніи подъ господство нѣмецкаго государя: въ Турціи они пользовались также совершенною свободой въ исповѣданіи своей „старой вѣры“, кромѣ того еще своимъ собственнымъ казацкимъ судомъ и многими другими правами; а хлопотать о полномъ освобожденіи отъ военной службы было даже не въ характерѣ некрасовцевъ, которые и въ договорѣ съ турецкимъ правительствомъ условіемъ съ своей стороны поставили—во время войны снаряжать изъ молодыхъ людей казацкое войско на службу султану,— да и вообще австрійскіе липоване въ своемъ характерѣ представляютъ мало родственнаго съ добруджинскими рас- кольниками. Есть, наконецъ, нѣкоторыя положительныя данныя утверждать, что придунайскія старообрядческія об- щества, хлопотавшія о переселеніи въ австрійскую имперію, были не изъ числа некрасовскихъ. Однимъ изъ депутатовъ,

1) Грамота писана на пергаментѣ, въ два столбца,—на одномъ по- нѣмски, на другомъ— по-русски. Оба текста приведены въ *Уставъ Блжкыринскаго монастыря* (гл. II, 1.); русскій напечатанъ также въ *Церковной исторіи* инокъ Павла (стр. 171—174).

вздившихъ въ Вѣну, названъ въ императорской грамотѣ Никифоръ Иларіоновъ; а во главѣ переселившихся потомъ въ Буковину дунайскихъ старообрядцевъ, ихъ предводителемъ и старшиною (Aellester der Lippowaner) официально признанъ былъ Иларіонъ Петровичъ (Petrowitz). Но Иларіонъ Петровичъ, по прозванію „Коровьи-ножки“, и Никифоръ Иларіоновъ—личности не безъизвѣстныя въ исторіи раскола: они признаются основателями такъ-называемой секты чернобольцевъ. По существующимъ, очень скуднымъ впрочемъ извѣстіямъ объ этой сектѣ,¹⁾ стародубскіе жители Иларіонъ Петровъ и Никифоръ Иларіоновъ (вѣтковскій выходецъ) отдѣлились отъ старообрядцевъ (слобожанъ), которыхъ заподозрили въ ереси и развращеніи нравовъ, за ихъ близкія сношенія съ православными, установившіяся послѣ второй вѣтковской „выгонки“, когда въ Стародубье переселились главные представители вѣтковскаго согласія; сами же проповѣдывали ученіе, носившее безпоповскій отпечатокъ,— такъ между прочимъ они отвергали молитву за царей по той формѣ, какая разослана была отъ правительства въ стародубскія слободы, не дозволяли поступленія въ военную службу и вообще отправленія какихъ бы то ни было государственныхъ должностей, воспрещали принимать присягу и имѣть паспорта, проповѣдывали близкое наступленіе кончины міра и т. п.; бѣглопоповства въ сущности они не отвергали; но къ самымъ бѣглымъ попамъ, со времени паденія Вѣтки и заподозрѣннаго ими развращенія слободъ, относились съ крайнимъ пренебреженіемъ и смотрѣли на нихъ подозрительно. Сохранилось преданіе, что самъ Иларіонъ-Коровьи-ножки присвоилъ себѣ какую-то высшую духовную власть, такъ что нѣкоторые почитали его за епископа.²⁾ Отдѣлившись отъ слобожанъ, Иларіонъ Петровъ и

¹⁾ Свѣдѣнія о чернобольцахъ находимъ у Андрея Іоаннова. (*Полн. истор. изв.* IV, стр. 61—64) и у игумена Пареевнѣ въ *Книжѣ о промыслѣ* (стр. 193).

²⁾ *Кн. о пром.* стр. 198—199. Андрей Іоанновъ описываетъ Иларіона Петрова, какъ человѣка невѣжественнаго и дерзкаго, доходившаго до крайняго кощунства (стр. 62—63); а игумень Пареевнѣ, на основаніи разсказовъ, слышанныхъ отъ людей лично знавшихъ Иларіона, называетъ его человѣкомъ разсудительнымъ, понимавшимъ неправоильность не только бѣглопопов-

Никифоръ Иларіоновъ съ своими учениками ушли изъ Стародубья за тогдашнюю польскую границу, въ мѣстечко Черноболъ, принадлежавшее пану Хаткевичу: здѣсь они устроили часовню и монастырь. Это было около 1775 года. ¹⁾ Въ Черноболѣ имъ пришлось пожить недолго, и вѣроятно изъ страха предъ русскимъ правительствомъ, распорядившимся тогда судьбами Польши, они переселились во владѣнія турецкаго султана, къ устьямъ Дуная, гдѣ основали общество, отдѣльное отъ некрасовцевъ. ²⁾ Изъ этого общества и были тѣ рыболовы, которымъ удалось спасти отъ гибели австрійскаго сановника, и ему-то собственно предоставлены были грамотой Іосифа II указанныя выше права и преимущества. ³⁾

Но прежде нежели придунайскіе черноболъцы успѣли воспользоваться этими правами, онѣ, во всемъ ихъ объемѣ, распространены были на тѣхъ, жившихъ близъ Сучавы старообрядцевъ, которые съ 1777 года состояли уже въ

ства, но и вообще старообрядчества (стр. 193, 199—200). Если это послѣднее извѣстіе можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ самъ же игуменъ Пареній называетъ Иларіона „закосвѣлымъ раскольникомъ“, то съ другой стороны уже самое положеніе его въ средѣ старообрядцевъ, переселившихся въ Австрію, извѣстное изъ источниковъ вполне достоверныхъ, показываетъ въ немъ человека дѣйствительно умнаго и способнаго имѣть вліяніе на другихъ.

¹⁾ У Андрея Іоаннова сказано, что они „въ 1775 году *выдумали* свою секту“. Такъ точно опредѣлить время, когда „выдумана“ какая-либо секта, разумѣется, нельзя, и авторъ, конечно, разумѣетъ здѣсь время, когда черноболъцы рѣшились отдѣлиться отъ слобожанъ, оставить Стародубье.

²⁾ О переселеніи черноболъцевъ въ Добруджу Андрей Іоанновъ совсѣмъ не упоминаетъ; но ему уже было извѣстно, что Иларіонъ Петровъ „упулся въ нѣмецкую землю, гдѣ поселился въ некоторой слободѣ“: это писалъ Андрей Іоанновъ спустя не болѣе 10 лѣтъ по переселеніи Иларіона въ Буковину (первое изд. *Истор. извѣстія* было въ 1793 году). А игуменъ Пареній положительно говоритъ, что Иларіонъ Петровичъ со своими единомысленными удалился (изъ Чернобола) въ Турцію на Дунай, *но съ некрасовцами не соединился*, а построилъ свою деревню на Георгіевскомъ гирлѣ, и стали они заниматься рыболовствомъ на устьяхъ Дуная“ (стр. 194).

³⁾ Въ одной оціанальной бумагѣ 1791 года (донес. буковин. крайзамта во Львовъ, отъ 8 августа, № 2.600) общество липованъ просившихъ о переселеніи съ Чернаго моря опредѣляется въ двадцать съ небольшимъ семействъ: als die etliche und zwanzig Lippowaner vom Schwarzen Meere hier im Jahre 1783 die Ansiedlungs-Erlaubniss erhielten...

австрійскомъ подданствѣ, а равно и на всѣхъ липованъ, которые пожелали бы перейти *изъ-за молдавской* границы подъ владычество Австріи. Надобно полагать, что депутаты чернобольцевъ, проѣзжая въ Вѣну, не преминули посѣтить сучавскихъ раскольниковъ, не только какъ своихъ одновѣрцевъ, ¹⁾ но и съ тою цѣлю, чтобы получить отъ нихъ нужныя свѣдѣнія объ австрійскомъ правительствѣ, его отношеніяхъ къ старообрядцамъ, о мѣстахъ, гдѣ можно будетъ поселиться въ случаѣ успѣха ихъ просьбы. На возвратномъ пути, съ драгоценною грамотой въ рукахъ, они имѣли тѣмъ больше побужденій заѣхать къ сучавскимъ раскольникамъ, близко заинтересованнымъ ихъ дѣломъ, чтобы сообщить о счастливомъ его исходѣ. Тогда эти послѣдніе, опираясь на данныя теперь придунайскимъ старообрядцамъ привилегіи, немедленно обратились къ правительству съ просьбою, чтобъ эти привилегіи были и имъ предоставлены, потому что они держатся одного закона съ получившими привилегіи; причемъ поставили правительству на видъ, что распространеніе изложенныхъ въ высочайшей грамотѣ правъ и преимуществъ на всѣхъ живущихъ въ Австріи старообрядцевъ будетъ имѣть вліяніе и на сосѣднихъ молдавскихъ липованъ, побудить ихъ также искать австрійскаго подданства. Правительство не нашло никакихъ препятствій къ удовлетворенію этой просьбы, тѣмъ болѣе, что умноженіе народонаселенія посредствомъ новыхъ выходцевъ изъ Молдавіи вполне согласовалось съ его желаніями. Не прошло и мѣсяца со времени получения депутатами придунайскихъ старообрядцевъ императорской грамоты, какъ послѣдовало „отъ всевысочайшихъ мѣстъ“ распоряженіе: объявить сучавскимъ липованамъ, что имъ также предоставляется право имѣть одного попа „ихъ націи“, для безпрепятственнаго и свободнаго „въ цѣломъ буковинскомъ дистриктѣ совершенія ихъ обыкновенныхъ божественныхъ службъ“, а также право пользоваться „увольненіемъ отъ воинскаго стану“. 31-го октября 1783 года, изъ черновицкаго областнаго правленія,

1) По словамъ Андрея Іоаннова, у чернобольцевъ было много послѣдователей въ Волошинѣ (IV, 62).

черезь буковинскаго крайскоммиссара, была имъ выдана грамота о дарованіи этихъ правъ, съ объясненіемъ, что грамота сія дается имъ въ свидѣтельство и удостовѣреніе дѣйствительнаго пріобрѣтенія ими упомянутыхъ правъ и „къ убѣжденію ихъ за границею живущихъ единовѣрцевъ, что и имъ даны будутъ, въ случаѣ ихъ переселенія, такія же выгоды и преимущества“ ¹⁾.

Относительно дозволеннаго священника правительство предоставляло липованамъ свободу: возвратитъ ли изъ Молдавіи прежде бывшаго у нихъ попа, или вызвать откуда-нибудь другаго (von auswärts kommen zu lassen), или даже вновь поставить кого-либо изъ своей націи въ попы (einen Poppen von ihrer Nation zu bestellen). Объ этомъ состоялось 26 го ноября того же года высочайшее распоряженіе. Предоставляя липованамъ между прочимъ право поставить въ попы кого-либо изъ своей среды, высочайшій „президіумъ“ показалъ уже довольно ясно, что не имѣетъ надлежащаго понятія о липованской религіи и іерархіи; еще яснѣе выразилось это незнаніе въ другомъ, тогда же послѣдовавшемъ распоряженіи, именно—чтобы дозволенный липованамъ попъ, „какъ и прочіе попы той области, подлежалъ вѣдѣнію буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита“ ²⁾. Подчиняя липованскихъ поповъ вѣдѣнію высшихъ представителей православной іерархіи въ австрійскихъ владѣніяхъ наравнѣ съ прочими попами, правительство, очевидно, смѣшивало ихъ съ духовенствомъ православнымъ, и самихъ липованъ не отличало по религіи отъ русиновъ, молдовалаховъ и другихъ австрійскихъ подданныхъ православнаго исповѣданія. 15-го января 1784 года, изъ черновицкаго областнаго управления это „высочайшее президіальное предписаніе“ получено было сучавскимъ директоромъ Шторромъ и отъ него въ копіи сообщено липованамъ, которые тогда вошли уже въ сношенія со своими молдавскими одновѣрцами по дѣлу объ ихъ

1) Грамот. отъ 31 октября 1783 года. Въ *Бюрокр. арх.*

2) Musste dieser ihr Popp, so wie alle übrigen Poppen hier im Lande, dem Bukowinaer Herrn Bischöfe und respective Carlowitzer Mitropolit unterstellen.

переселеніи въ Австрію, ради предоставленныхъ старообрядцамъ отъ австрійскаго правительства „выгодъ и преимуществъ“. Понятно, съ какимъ изумленіемъ, принято было липованами это распоряженіе о подчиненіи православнымъ архіереямъ ихъ попа, котораго имъ дозволено имѣть „для безпрепятственнаго и свободнаго совершенія ихъ обыкновенныхъ божественныхъ службъ“. Они объявили сучавскому директору, что на основаніи прежде полученной ими удостовѣрительной грамоты не могли и помыслить, чтобы попы ихъ должны были состоять въ зависимости отъ буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита, что допустить такое подчиненіе оны никакъ не могутъ, и что никто изъ молдавскихъ липованъ, при такомъ стѣсненіи ихъ духовенства, перейти на жительство въ Австрію не рѣшится. Это сказано было такъ прямо и рѣшительно, что сучавскій директоръ, „въ устраненіе всякихъ со стороны липованъ подозрѣній“, призналъ за лучшее взять обратно встревожившее ихъ предписаніе „высочайшаго президіума“ и не настаивать на точномъ его исполненіи. Въ объясненіе этого отступленія своего отъ распоряженій высшей власти, онъ писалъ черновицкому областному начальнику, что такъ необходимо было поступить, дабы не воспрепятствовать переселенію „заграничныхъ липованскихъ семействъ“, о чемъ буковинскіе липоване „обязались стараться не щадя трудовъ“. ¹⁾

Между тѣмъ начались и переселенія старообрядцевъ. Въ теченіе зимы 1783 года изъ Молдавіи пришло семь липованскихъ семействъ; а съ Чернаго моря переселилось десять семействъ, и кромѣ того пять иноковъ (Kaluger) и трое „бурлаковъ или холостыхъ молодцевъ“ (Purlaken, oder ledige Bursche). ²⁾ Эти переселенцы съ Чернаго моря, наравнѣ съ молдавскими, тогда же получили названіе липованъ, сдѣлавшееся съ этого времени общимъ для всѣхъ старообрядцевъ въ Австріи.

¹⁾ Донесеніе директ. Шторра въ Черновцы, отъ 19 января 1784 года, за № 154. (*Бълокр. арх.*)

²⁾ То-есть безсемейныхъ, бобылей. „Бурлакъ (южн.)—холостой, одинокій, бездомокъ, шатунъ, побродяга.“ (*Дала, Толк. слов.*)

Молдавскіе выходцы немедленно избрали себѣ мѣста для поселенія,—именно: шесть семействъ поселились въ „Митту-Драгомирскомъ“ (zu Mittoka-Dragomirna) и одно въ Климоуцахъ. Селеніе Миттока-Драгомирна, или Соколинцы, получившее еще названіе *Липовани*, потому, конечно, избрано ими предпочтительно предъ всѣми другими, что здѣсь уже имѣли жительство ихъ одновѣрцы.

Не такъ скоро избрали себѣ мѣсто для постоянного жительства прибывшіе съ Чернаго моря раскольники. Подъ руководствомъ самаго Иларіона Петровича, своего „старѣйшины“, эти переселенцы, состоявшіе, какъ сказано выше, изъ десяти семействъ, явились первоначально въ сучавскій же округъ, и именно въ самый городъ Сучаву. Мѣстный директоръ немедленно распорядился, чтобъ они, до тѣхъ поръ пока выберутъ мѣсто для заведенія новаго, отдѣльнаго селенія, размѣстились на жительство по окрестнымъ деревнямъ. Но старообрядцы объявили, что къ присканію мѣста для жительства они могутъ приступить не ранѣ весны, когда придутъ къ нимъ еще нѣсколько семействъ, которыя должны принять участіе въ этомъ общемъ ихъ дѣлѣ; зиму же просили дозволенія прожить въ городѣ, такъ какъ здѣсь, живя всѣ въ одномъ мѣстѣ, могутъ найти себѣ пропитаніе гораздо легче, нежели размѣстившись по деревнямъ, что и было имъ дозволено. Итакъ, первую зиму по пріѣздѣ изъ Турціи они прожили въ городѣ Сучавѣ. При наступленіи весны, директоръ Шторръ не преминулъ напомнить имъ о скорѣйшемъ присканіи мѣстъ для постоянного жительства; но старообрядцы не желали спѣшить,—они отвѣтили, что дожидаются игумена, который долженъ прибыть въ самомъ непродолжительномъ времени, и когда онъ пріѣдетъ, немедленно займутся присканіемъ мѣста, удобнаго для поселенія. Совѣтъ и благословеніе игумена, быть-можетъ, они считали дѣйствительно необходимыми въ столь важномъ для нихъ дѣлѣ, какъ выборъ мѣста для осѣдлой жизни, гдѣ предполагалось притомъ основать и монастырь. Но такъ какъ игуменъ все еще медлилъ прибытіемъ, а правительство не прекращало настаивать на скорѣйшемъ выѣздѣ старообрядцевъ изъ Сучавы, то въ исходѣ апрѣля 1784 года они рѣ-

пились наконецъ приступить къ осмотру удобныхъ для ихъ поселенія мѣстъ. Ихъ вниманіе обращено было главнымъ образомъ на двѣ мѣстности — принадлежавшее Драгомирскому монастырю урочище Корчешти и урочище Варница, принадлежавшее монастырю Путивъ (Putna); Директоръ Шторръ донесъ объ этомъ, для зависящихъ распоряженій, администраціи буковинской области, извѣщая вмѣстѣ и о томъ, что игумень ожидается липованами со дня на день, что онъ уже выслалъ имъ разныя церковныя принадлежности, самъ же былъ задержанъ турецкимъ правительствомъ, которое очень недовольно переселеніемъ липованъ и отъ котораго онъ могъ только откупиться деньгами; по прибытіи игумена, директоръ надѣялся получить и сообщить администраціи точныя свѣдѣнія о числѣ семействъ, которыя еще намѣрены перейти въ Буковину.¹⁾ Буковинское областное начальство, какъ видно, очень заинтересованное переселеніемъ липованъ, приняло эти извѣстія съ большимъ участіемъ: въ отвѣтъ на донесеніе сучавскаго директора, ему немедленно было послано предписаніе „всячески способствовать“ (allen nöthigen Vorschub zu leisten) липованамъ въ присканіи удобнаго мѣста для поселенія, имѣя впрочемъ въ виду, какъ бы липоване не избрали такихъ земель, которыя заселены уже другими императорскими подданными и этимъ послѣднимъ необходимы. Что касается упомянутыхъ въ донесеніи мѣстностей, Корчешти и Варницы, то черновицкая администрація не находила съ своей стороны никакихъ препятствій передать во владѣніе липованамъ деревню Корчешти, если она пригодна (anständig) для нихъ, даже „не взирая на посессію“, то-есть не смотря на то, что Драгомирскій монастырь, которому принадлежало это мѣсто, сдать его во владѣніе одному поссессору; относительно же Варницы администрація не находила возможности сдѣлать опредѣленное рѣшеніе, за неимѣніемъ отъ сучавскаго директоріата точныхъ извѣстій, на какомъ именно хуторѣ эта мѣстность находится, и есть ли тамъ жители (за что и сдѣ-

¹⁾ Донес. сучавск. директ., отъ 22 апрѣля 1784 года, за № 1.016 (Бллокр. арх.).

лано замѣчаніе директору): въ послѣднемъ случаѣ администрація находила неудобнымъ отдавать Варницю во владѣніе липованъ ¹⁾).

Липованскіе согладатаи однакоже отдавали предпочтеніе именно урочищу Варница, находившемуся въ сосѣдствѣ съ селеніемъ Климоуцы (въ верстѣхъ разстояніи). Варница представляла дѣйствительно весьма привольное и удобное для поселенія мѣсто, расположенное неподалеку отъ городовъ Радоуца и Серета, ²⁾ въ обширной долинѣ, среди предгорій Карпата, удобной для хлѣбопашества и садоводства; отличительную принадлежность Варницы составлялъ обильный источникъ, или ключъ, вода котораго, вслѣдствіе особенностей почвы, ³⁾ имѣла бѣлый цвѣтъ, отъ чего и самое это урочище получило названіе *Фонтина-Альба* (Fontina-Alba), или, на мѣстномъ нарѣчій, *Бѣлая-Крыница*. Такъ какъ по справкѣ оказалось, что это урочище не занято никѣмъ изъ бѣковинскихъ жителей, то и послѣдовало распоряженіе правительства — отдать его во владѣніе липованамъ. Сюда въ непродолжительномъ времени переселились всѣ прибывшія съ Иларіономъ Петровымъ отъ Чернаго моря раскольническія семейства. И такимъ образомъ на урочищѣ Варница, составлявшемъ, какъ и Миттока-Драгомирна, собственность одного изъ православныхъ монастырей, образовалось раскольническое селеніе Бѣлая-Крыница. ⁴⁾

Въ Бѣлой-Крыницѣ, при поселившихся здѣсь липованскихъ семействахъ, пріютились на первое время и прибывшіе съ этими семействами иноки. Когда же наконецъ явился давно

1) Предпис. черновицкой администраціи сучавскому директоріату, отъ 26 апр. 1784 года. Того же числа администрація доносила „президенту надворнаго военнаго суда“ (Hofkriegsrath), графу фонъ-Гадинъ, о переселеніи липованъ въ Буковину, съ приложеніемъ самаго рапорта о томъ отъ сучавскаго директоріата, и о своихъ распоряженіяхъ относительно мѣстностей Корчешти и Варница, изъ которыхъ о первой сказано, что она „стоитъ пуста“ и только предоставлена отъ монастыря одному посессору, почему и не найдено препятствій къ ея занятію.

2) Отъ Радоуца въ 15, а отъ Серета въ 10 верстахъ.

3) Почва здѣсь по преимуществу известковая.

4) Сосѣднее съ Бѣлой-Крыницей селеніе Климоуцы также заселилось раскольниками, которые на половину безпоповцы.

ожидаемый игумень Симеонъ, тогда они стали хлопотать объ устроении монастыря. Игумень началъ дѣло законнымъ порядкомъ. На основаніи императорской грамоты, предоставляющей липованамъ и ихъ духовенству полную свободу религіи, онъ подалъ, куда слѣдовало, отъ имени всѣхъ липованъ, просьбу о дозволеніи построить монастырь для липованскихъ иноковъ и, вѣроятно, о предоставленіи въ ихъ собственность нужной для монастыря земли. Вопреки ожиданіямъ игумена и всѣхъ липованъ эта просьба ихъ потерпѣла совершенную неудачу. Не задолго передъ этимъ послѣдовало распоряженіе императора Юсифа II объ уничтоженіи существовавшихъ въ Австріи монастырей: устроение новаго, который не имѣлъ къ тому же ни благотворительнаго, ни воспитательнаго назначенія, было по этому совершенно не согласно съ видами правительства, и на просьбу игумена данъ былъ отвѣтъ, что монастырь, какой желательно устроить липованамъ, имѣлъ бы характеръ „страннаго духовнаго института, чуждаго всякихъ житейскихъ упражненій, назначеннаго только для созерцательной жизни“, и что права на учрежденіе такого страннаго института высочайшая грамота вовсе не даетъ липованамъ. Дѣло доходило до высшихъ инстанцій, и наконецъ двумя опредѣленіями „надворнаго военнаго суда“ (Hofkriegsraths), отъ 9-го іюня и 10-го іюля 1784 года, въ просьбѣ объ устроении монастыря липованамъ рѣшительно отказано.¹⁾ Для липованъ это рѣшеніе дѣла было сколько прискорбно, столько и неожиданно. Съ своей точки зрѣнія они совершенно справедливо находили противорѣчіе въ распоряженіяхъ правительства, которое дозволило ихъ инокамъ свободно переселяться въ Австрію, и въ то же время не дозволяетъ имъ устроить монастырь, какъ будто инокамъ можно жить, не имѣя монастыря. Они пожалѣли теперъ даже о томъ, зачѣмъ обращались къ правительству за особымъ дозволеніемъ на построеніе монастыря, когда могли бы это сдѣлать, на основаніи высочайше дарованныхъ имъ привилегій, и безъ

¹⁾ Объ этихъ опредѣленіяхъ Hofkriegsrath'a упоминается въ губернскомъ предписаніи крайзату, отъ 21 марта 1842, за № 11.613 (Бюрокр. арх.).

сношенія съ правительствомъ. Но такъ какъ дѣло было уже испорчено, то рѣшили поправить его тѣмъ хорошо знакомымъ для старообрядцевъ способомъ, къ какому обыкновенно прибѣгаютъ они при подобныхъ случаяхъ въ Россійской имперіи,—именно, рѣшили построить небольшой монастырь, или скитокъ, тайнымъ образомъ, безъ вѣдома правительства, хотя и подъ защитой ближайшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, на благосклонность которыхъ имѣли основаніе рассчитывать. Неподалеку отъ селенія Бѣлой-Криницы, въ урочищѣ Тернавка, на полянѣ, окруженной большимъ буковымъ лѣсомъ, поставили обширную деревянную избу, въ одинъ этажъ, раздѣленную на нѣсколько помѣщеній, гдѣ находились и часовня, и трапеза, и монашескія кельи. Здѣсь и поселился игуменъ Симеонъ съ своимъ братствомъ, состоявшимъ всего изъ пяти иноковъ.¹⁾ Въ 1788 году онъ лично явился въ крайзамтъ ходатайствовать, чтобы дозволено было еще двумъ „калугерамъ“ переселиться изъ Молдавіи въ Буковину: крайзамтъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ, безпрепятственно далъ это позволеніе, въ той конечно увѣренности, что новые переселенцы будутъ жить на общемъ со всѣми липованами положеніи.²⁾ вмѣсто двухъ, на этотъ разъ пришли изъ-за границы семь иноковъ и, разумѣется, поселились не въ Бѣлой-Криницѣ, а въ обители игумена Симеона, у котораго такимъ образомъ собралось братіи двѣнадцать человекъ.³⁾ Около пяти лѣтъ скитокъ Симеона существовалъ довольно спокойно; мѣстное начальство, которому былъ онъ извѣстенъ, беспокоить липован-

1) Въ *Уставѣ* говорится, что мѣсто, гдѣ былъ основанъ монастырь, имѣло разстоянія отъ Бѣлой-Криницы только четверть мили. Изъ донесенія радочной директоріи въ крайзамтъ, отъ 31 іюля 1791 года, видно, что въ 1786 году монастырекъ въ лѣсу существовалъ уже: значить въ построенію его липоване приступили не позднѣе 1785 года, то-есть вскорѣ послѣ отказа, полученнаго изъ Hofkriegsrath'a (*Бѣлокр. арх.*).

2) О принятіи ихъ крайзамтъ далъ предписаніе думеніи Санктъ-Онуарій, за № 2.859.

3) Выписки изъ дѣлъ о переселеніи въ Буковину липованскихъ иноковъ (*Бѣлокр. арх.*).

скихъ калугеровъ не находило ни пользы, ни надобности. ¹⁾ Но въ 1791 году о тайно построенномъ липованскомъ монастырѣ случайнымъ образомъ дошло до свѣдѣнія высшаго правительства, и его существованію положенъ былъ конецъ.

Уединенное среди лѣса мѣстоположеніе монастырскаго дома имѣло ту невыгоду, что дѣлало его беззащитнымъ отъ грабителей, которые дѣйствительно нападали на монастырь неоднократно. Одно изъ такихъ нападеній кончилось даже смертоубійствомъ. Это прискорбное для липованъ событіе случилось ночью съ 28-го на 29-е іюня 1791 года. ²⁾ Въ радоуцкую директорію липоване подали объявленіе о случившемся, и просили защиты отъ грабителей. Директорія донесла объ этомъ крайзамту, который съ своей стороны сдѣлалъ строгое предписаніе о разысканіи грабителей, объ учрежденіи и правильномъ содержаніи ночной стражи въ селеніи, вообще о принятіи необходимыхъ мѣръ къ предупрежденію на будущее время подобныхъ несчастныхъ случаевъ. Но въ то же время крайзамтъ возбудилъ вопросъ и о самомъ липованскомъ монастырѣ: отъ директоріи потребована справка, что это за монастырь и когда онъ основался. Радоуцкій директоръ Бейнеръ, привлеченный такимъ образомъ къ нѣкоторой отвѣтственности за существованіе монастыря, и быть-можетъ именно желая отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ потворствѣ липованамъ по этому дѣлу, далъ отвѣтъ крайне неблагоприятный для липованскихъ иноковъ. Вотъ какъ описалъ онъ, послѣ наведенныхъ справокъ, и самый монастырь и бытъ монаховъ въ своемъ объясненіи крайзамту, отъ 31-го іюля: „Какъ только липоване поселились на Варницѣ, тогда же они построили себѣ

1) Радоуцкая директорія, въ упомянутомъ выше донесеніи въ крайзамтъ, отъ 31 іюля 1791 г. не только не отвергаетъ того, что имѣла свѣдѣніе о липованскомъ монастырѣ, но и замѣчаетъ еще, что существованіе монастыря полагала известнымъ даже самому крайзамту.

2) Извлеченія изъ дѣла объ уничтоженіи монастыря въ лѣсу (*Блюкр. арх.*). Въ оиціальномъ документѣ не упоминается о смертоубійствѣ; но Павелъ, въ *Уставѣ Бл. мон.* и въ *Исторіи* (стр. 175) говорить, что „одинъ изъ иноковъ до смерти убить былъ злодѣями.“

въ дѣсу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ села, домъ, раздѣленный на двѣ половины,—въ одной половинѣ моленная, или церковь, въ другой жилое помѣщеніе для особаго рода духовныхъ лицъ, которыя у нихъ называются иноками (die sie Kalugier nennen). Здѣсь живутъ вмѣстѣ, общежительно, пять иноковъ, а еще двое имѣютъ жительство въ селеніи, каждый въ своей отдѣльной хатѣ (Chaluppé).¹⁾ Одѣваются они помужички (bäuerisch) и отъ прочихъ липованъ отличаются только небольшою черною мантией на плечахъ (Schultermantel). Никакимъ опредѣленнымъ доходомъ не пользуются, а получаютъ пропитаніе, какъ и прочіе сельскіе жители, отъ полевыхъ работъ и еще отъ dobroхотнаго подавнія мірянъ. На исправленіе духовныхъ требъ, крещенія, вѣнчанія и пр. не имѣютъ никакого права: ихъ обязанность состоитъ единственно въ томъ, чтобы строго держаться принятыхъ у липованъ благочестивыхъ обычаевъ и молиться. Сколько можно было узнать, липоване поставляютъ за долгъ религіи имѣть въ своемъ обществѣ такого рода духовныхъ, чтобы могли оказывать имъ христіанскую благотворительность. Принимая отъ нихъ милостыню, эти духовныя лица за нихъ молятся, и липоване вруаютъ, что это даетъ имъ очищеніе отъ грѣховъ. Такія и иныя еще недѣлости (Albertheiten) этотъ народъ признаетъ за основаніе и долгъ своей религіи....⁴⁾ Назвавъ построеніе монастыря современнымъ самому поселенію липованъ на урочищѣ Варница и далѣе съ большею еще опредѣленностью заявивъ, что монастырь существуетъ именно съ 1786 года, этою пятилѣтнею его давностью начальникъ радоуцкой директоріи старался доказать, что онъ нисколько не отвѣтственъ за существованіе

¹⁾ Бейнеръ показываетъ то самое число липованскихъ иноковъ, которое значилось оиціально извѣстнымъ правительству; а между тѣмъ, какъ выше показано, вмѣсто двухъ, дозволенныхъ правительствомъ, во второй разъ пришли къ игумену Симеону семь иноковъ, и всѣ они жили вмѣстѣ съ другими въ монастырѣ, а не въ селеніи, гдѣ однакоже должны были бы жить по распоряженію правительства. Неточность въ донесеніи директора, вѣроятно, вызвана опасеніемъ отвѣтственности за нестрогое исполненіе распоряженій правительства.

монастыри, оказавшагося теперь неизвѣстнымъ высшему правительству: „такъ какъ,—писаль онъ,—это общество особаго рода духовныхъ, подѣ именемъ монастыря, существуетъ при Варницѣ уже съ 1786 года, то невозможно было и предположить, чтобы высоко-кесарскому крайзамту не было извѣстно объ этомъ, и чтобы липоване могли безъ дозволенія отъ правительства учредить подобное духовное общество.“ Такимъ образомъ радоуцкій директоръ или не зналъ, или нашелъ благоразумнѣйшимъ умолчать о послѣдовавшемъ въ 1784 году распоряженіи „надворнаго военнаго суда“, которымъ учрежденіе иноческаго обществитія было рѣшительно воспрещено липованамъ. Наконецъ, какъ бы желая показать свою особенную ревность къ искорененію всякихъ безпорядковъ, онъ выражалъ мнѣніе, что учрежденіе такого рода, какъ липованскій монастырь, и религиозное общество подобное тому, какое составляютъ липованскіе иноки, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть терпимы болѣе,—онъ именно предлагалъ принять противъ нихъ слѣдующія мѣры: „1) приказать обществу липованъ, чтобы молитвенный домъ, или церковь на теперешнемъ, удаленномъ отъ селенія мѣстѣ, въ дѣсу, сломали и перенесли въ самое селеніе; 2) духовное, иноческое братство упразднить и отнынѣ дозволить имъ содержать при церкви одно только духовное лицо, которое было бы уполномочено исполнять, согласно требованіямъ ихъ религіи, всѣ обязанности приходскаго священника, ибо при такомъ маломъ обществѣ и одного духовнаго лица вполне достаточно для попеченія о душахъ (zur Seelſorge); 3) если духовныя лица, извѣстныя у нихъ подѣ именемъ иноковъ, пожелаютъ оставаться въ селеніи Варница, это можетъ быть дозволено имъ только подѣ тѣмъ условіемъ, если они, какъ и прочіе сельскіе жители, построятъ себѣ дома, заведутъ хозяйство, стануть исполнять наравнѣ съ другими общественныя повинности и совершенно откажутся отъ всѣхъ дѣйствій и внѣшнихъ отличій, принадлежащихъ духовенству; въ противномъ случаѣ, еслибъ они не захотѣли на все это согласиться, не останется иного средства къ уничтоженію этого особаго рода духовнаго общества, какъ выслать ихъ обратно за грани-

пу.¹⁾ На основаніи этого донесенія радоуцкой директоріи, крайзамтъ сдѣлалъ представленіе во Львовъ, губернскому начальству. Достойно замѣчанія, что крайзамтъ, изложивъ тѣ самыя свѣдѣнія о липованскомъ монастырѣ и липованскихъ инокахъ, какія сообщены были радоуцкою директоріей, не преминулъ однакоже замѣтить, что объ устроеніи монастыря липоване ходатайствовали предъ правительствомъ, какъ только переселились въ Австрію, и что въ этой просьбѣ тогда имъ было отказано. Въ своемъ мнѣніи относительно того, какъ поступить съ случайно открытымъ въ лѣсу, близъ селенія Бѣлой-Криницы, липованскимъ монастыремъ и монашескимъ братствомъ, крайзамтъ также не вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ директоріи: находя съ своей стороны существованіе монастыря ни въ какомъ случаѣ недозволительнымъ, онъ предлагалъ однакоже менѣе строгія мѣры въ отношеніи къ липованскимъ инокамъ, и основаніе къ такому ихъ смягченію находилъ въ самомъ же донесеніи радоуцкаго директора, — именно въ томъ его замѣчаніи, что липоване, держась разныхъ нелѣпыхъ мнѣній насчетъ своихъ иноковъ (*verschiedene Alberheiten um diesen Mönchen*), считаютъ *домомъ религии* имѣть ихъ (*machen sich zur Religionspflicht diese Art Geistlichen zu haben*). Принимая во вниманіе такія отношенія липованъ къ своимъ инокамъ, крайзамтъ выражалъ опасеніе, какъ бы упраздненіе самаго званія иноческаго не возбудило волненія между этими, исполненными всякихъ религіозныхъ предразсудковъ людьми (*unter diesen sehr vorurtheiligen Religionisten*), и какъ бы они современемъ не вздумали даже уйти опять за границу, чего правительство въ своихъ собственныхъ интересахъ никакъ не желало. Потому крайзамтъ, въ своемъ представленіи губернскому начальству, предлагалъ ограничиться тѣмъ, чтобы найденный въ лѣсу монастырь уничтожить, а иноковъ, не воспрещая строго самаго ихъ существованія у липованъ, перевести на жительство въ Бѣлую-Криницу, съ тѣмъ однакоже, чтобы здѣсь они построили себѣ дома, каждый отдѣльно, и кажда всѣ прочіе жители занимались сельскимъ

1) Объясн. радоуцкаго директора, отъ 31 іюля 1791 года (*Биллокр. арх.*).

хозяйствомъ, плата равныя съ другими общественныя повинности. ¹⁾ Въ „губерніи“ это мнѣніе крайзамта было принято, и 24-го августа 1791 года послѣдовало распоряженіе привести его въ исполненіе. ²⁾ Въ силу этого распоряженія крайзамтъ предписалъ радоуцкой директоріи: „дальнѣйшее существованіе тайно построеннаго въ лѣсу монастырька (Klosterchens) воспретить и перенести его въ самое селеніе; сюда же переселить и монаховъ, съ тѣмъ, чтобы они жили каждый самъ по себѣ, въ отдѣльныхъ домахъ, и, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ одинаково съ прочими жителями, несли повинности соотвѣтственно ихъ состоянію. ³⁾

Итакъ, секретно построенный въ лѣсу липованскій Бѣлокриницкій монастырь существовалъ не болѣе пяти лѣтъ: по распоряженію правительства онъ былъ уничтоженъ, какъ незаконное учрежденіе. По поводу этого распоряженія, насколько оно касалось самаго монастыря, подвергшагося запрещенію, липоване не имѣли побужденій слишкомъ много сѣтовать, такъ какъ опытъ показалъ, что мѣсто, на которомъ они устроили монастырь, представляло существенныя неудобства для мирной иноческой жизни; притомъ же монастырское строеніе, какъ общественную собственность, имъ дозволено было перенести въ Бѣлую-Креницу. Но рѣшеніе правительства по настоящему дѣлу было для нихъ весьма неблагопріятно въ своемъ общемъ значеніи, какъ официальное и во второй уже разъ издаваемое запрещеніе—имѣть свой, надлежащимъ образомъ устроенный монастырь съ иноческимъ общежитіемъ,—какъ постановленіе, отрицающее у липованъ самое право завести такого рода религіозное учрежденіе. Послѣ этого, казалось, нечего было и помышлять имъ о новомъ устроеніи монастыря и монастырскаго общежитія; но отказаться отъ того, что они считали, по справедливому замѣчанію радоуцкаго директора „долгомъ

¹⁾ Представл. крайзамта въ губернію, отъ 8 авг. 1791, № 2.600, (*Бѣлокр. арх.*).

²⁾ Предпис. изъ губерніи въ крайзамтъ, № 19.832. (*Тамъ же*).

³⁾ Предпис. крайзамта радоуцкой директ., отъ 14 сент. 1791, № 2.990. (*Тамъ же*).

своей религіи⁴, бѣлокриницкимъ липованамъ не хотѣлось,— и они сдѣлали новую попытку устроить монастырь, опять секретнымъ образомъ, но уже въ самомъ селеніи, воспользовавшись для этого даже изданнымъ теперь распоряженіемъ правительства объ уничтоженіи найденнаго въ лѣсу монастыря,—именно тѣмъ, что дозволено было перенести въ Бѣлую-Кривицу монастырское строеніе и самимъ инокамъ имѣть жителство въ селеніи. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ является опять Иларіонъ Петровичъ Коровьи-ножки. Какъ бы принимая на себя отвѣтственность за дальнѣйшее существованіе монастыря, онъ отвелъ для него мѣсто на своемъ собственномъ участкѣ земли. 1) Монастырское строеніе со всѣми его принадлежностями онъ перенесъ изъ тернавицкаго лѣса и поставилъ въ нѣкоторомъ уединеніи сзади своего дома, среди разведеннаго имъ большаго сада, а къ своему дому, выходявшему на улицу, сдѣлалъ пристройку собственно для жителства иноковъ. Сюда и перешли они вмѣстѣ съ игуменомъ Симеономъ; впрочемъ жили нѣкоторые и въ саду, въ старомъ монастырскомъ строеніи, куда обыкновенно всѣ собирались на молитву. Такимъ образомъ по формѣ предписаніе правительства было исполнено,—монастырскій домъ съ часовнею перенесенъ въ селеніе, а иноки помѣстились жить наряду со всѣми липованами; но вмѣстѣ достигнуто было и то, что монастырь и иноческое общество, вопреки тому же распоряженію, продолжали существовать. При жизни Иларіона, подъ его попеченіемъ, монастырь существовалъ на новомъ мѣстѣ около 27 лѣтъ; 2) умирая, онъ завѣ-

1) Вотъ что говорится объ этомъ въ *Уставъ Бѣлокриницкаго монастыря*: „иноки вынуждены были перенестись съ того мѣста (изъ лѣсу), съ монастырскимъ заведеніемъ и со всѣми его принадлежностями, какъ-то: древлепечатными книгами, иконами, колоколами, всею церковною утварію и прочимъ имуществомъ, въ самое село Бѣлую-Кривицу, гдѣ они и приняты были тогдашнимъ жителемъ, старавромъ Иларіономъ Петровичемъ, въ свое покровительство и защиту, и водворились своимъ монастыремъ на собственномъ его грунтѣ“. Нѣсколько короче то же самое повторено въ *Церковной Исторіи* (стр. 175).

2) Въ *Уставѣ* говорится, что на этомъ мѣстѣ монастырь существовалъ „при жизни Иларіона Петровича лѣтъ 15“. Но Иларіонъ Петровъ умеръ не ранѣе 1818 года, и если на его землю, какъ говорится въ *Уставѣ*, мо-

палъ и землю и все свое недвижимое имущество въ собственность инокамъ,—и это завѣщаніе, спустя три года послѣ его смерти, было признано ближайшими мѣстными властями въ полной его силѣ.¹⁾ Такимъ образомъ, несмотря на прямое и двукратное запрещеніе отъ высшаго правительства, липоване успѣли устроить монастырь среди самаго селенія Бѣлой-Криницы и даже отчасти обезпечить его существованіе.

Послѣ описаннаго приключенія съ монастыремъ, нарушившаго нѣсколько спокойствіе липованъ въ первое десятилѣтіе по водвореніи ихъ въ Бѣлой-Криницѣ, они продолжали устроить свой хозяйственный, общественный и семейный бытъ на новомъ мѣстѣ поселенія, при новыхъ, весьма выгодныхъ условіяхъ жизни, предоставленныхъ имъ австрійскимъ правительствомъ. При своей природной склонности къ земледѣлію, при трудолюбіи и навыкѣ къ разнымъ хозяйственнымъ занятіямъ и промысламъ, они успѣли въ непродолжительное время такъ хорошо устроиться, что Бѣлая-Криница (равно какъ и другія занятія липованами мѣстности) представляла уже большое, цвѣтущее и красивое селеніе. Примѣчательнѣйшую особенность Бѣлой-Криницы и прочихъ липованскихъ селеній въ Австріи (какъ и всѣхъ

монастырь перенесенъ былъ изъ лѣсу, когда здѣсь случилось смертоубійство, то-есть въ 1791 году, то очевидно, что при жизни Иларіона монастырь существовалъ на его землѣ не 15, а 27 лѣтъ. Въ протоколѣ свѣдѣственной комиссіи 1843 года есть извѣстіе, что въ Бѣлой-Криницѣ монастырь существуетъ только съ 1803 года; если принять (что едва ли можно) это извѣстіе, то окажется, что при жизни Иларіона на его землѣ монастырь существовалъ дѣйствительно 15 только лѣтъ.

1) „Въ 1818 году, грунтъ, на которомъ водворились иноки, дарованъ монастырю по духовному завѣщанію Петровича въ вѣчное владѣніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ домъ и все прочее имущество безъ остатку, о чемъ удостовѣряетъ декретъ думеніи Кочукиаре, подъ № 1594, основывающійся на судебномъ рѣшеніи к. к. буковинскаго «орумъ нобилиума, 5-го февраля 1821 года, № 247“. (*Уставъ Бѣл. мон.*). Указанныхъ здѣсь документовъ не имѣется между находящимися у насъ бумагами бѣлокриницкаго архива; но не можетъ быть сомнѣнія, что завѣщаніе сдѣлано было не на имя монастыря, существованіе котораго законнымъ порядкомъ призвано не было, а на имя жившихъ при домѣ Иларіона иноковъ.

вообще старообрядческих деревень и домовъ за границей) составлялъ ихъ чисто русскій характеръ, ярко отражавшій себя въ каждой подробности внѣшняго и внутренняго быта липованъ, начиная съ домовъ и одежды, языка и обычаевъ. 1) Среди коренныхъ жителей Буковины, среди руснацкихъ, молдаванскихъ и прочихъ селеній, липоване, съ ихъ Бѣлой-Криницей, Климоуцами, Соколиными, представляютъ совершенно самобытное явленіе, какъ бы цѣликомъ перенесенное изъ Руси, и притомъ изъ древней Руси: „въ нихъ, по выраженію ученаго имѣвшаго случай наблюдать липованъ, народность русская со всѣми мельчайшими подробностями и оттѣнками какъ будто окаменѣла и пребываетъ въ такой цѣлости и чистотѣ, какою въ настоящее время не вездѣ сыщешь и въ самой Россіи“. 2) Какъ чистѣйшіе представители старорусской народности, во всемъ отличной отъ культуры нѣмецкой, липованы представляли особенно любопытное явленіе для австрійскаго правительства и вообще для нѣмцевъ. Императоръ Францъ въ 1816 году, при свиданіи съ Александромъ I въ Черновцахъ, не преминулъ даже обратить на нихъ вниманіе русскаго царя. Нѣсколько бѣлокриницкихъ, также климоуцкихъ и соколинскихъ жите-

1) „Весь домашній бытъ ихъ, по словамъ Надеждина, есть бытъ нашихъ около-московныхъ поселенъ: та же русская изба съ углами и съ крышею подъ князекъ, съ русскою печью, даже съ русскими ухватами, кочергою и помеломъ; въ домѣ и на дворѣ тѣ же принадлежности, та же утварь, тѣ же земледѣльческія и другія орудія: русская телега съ русскою упряжью, съ русскими хомутами и дугою; русская баня съ каменкою и полкомъ; одежда и наряды обоихъ половъ также чисто русскіе, самое домашнее продовольствіе и удовольствіе: щи, каша и квасъ, медъ, брага и зеленое“ (*Сборн. Кельс. ч. I. стр. 88*).

2) Надеждинъ (*тамъ же стр. 89*). Вотъ какъ описанъ домашній бытъ липованъ въ протоколѣ свѣдѣственной комиссіи 1814 года: „каждый липованъ имѣетъ въ своемъ домѣ образами и прочими приборомъ украшенную божицу, которая у него въ весьма великомъ почтеніи: входитъ въ домъ, дѣлаетъ на себѣ рукою крестъ и говорятъ: Господи Исусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. То же самое говорятъ послѣ всякаго явленія и питія. Ни одинъ липованъ ни трубки не куритъ, ни табакъ не нюхаетъ, такъ что даже и въ домахъ ихъ этого дѣлать не позволено. Въ ихъ домахъ вездѣ особливая чистота; они имѣютъ около постелей и предъ иконами зашавски; столы накрываютъ чистыми скатертями“ (*Бѣлокр. арх.*).

лей разнаго возраста были представлены императору Александру, который, по сохранившемуся у липованъ преданію, съ любопытствомъ спрашивалъ ихъ о жизни буковинскихъ старообрядцевъ, благодарилъ за неизмѣнную вѣрность русской національности и одѣлилъ щедрыми подарками.¹⁾ Тогда былъ еще живъ достигшій глубокой старости самъ предводитель липованъ—Иларіонъ Петровичъ, и находился, конечно, во главѣ представлявшейся русскому царю депутаціи. Вскорѣ послѣ этого императоръ Францъ, весьма довольный, что могъ показать своему гостю такую интересную достопримѣчательность, какъ чистокровные русскіе люди въ австрійскомъ подданствѣ; наградилъ въ память этого событія старика Иларіона золотою медалью. Изъ Вѣны медаль выслана была начальнику буковинской области, Плятцеру, который чрезъ кучурмарскую думенію нарочно вызвалъ Иларіона, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами липованскаго общества, въ Черновцы для полученія высочайше дарованной награды. Здѣсь, 6-го сентября 1816 года, Плятцерь вручилъ Иларіону медаль²⁾ и грамоту, въ кото-

1) Надеждинъ (*тамъ-же*). Одинъ изъ представлявшихся императору Александру липованъ, соколинскій житель Ерасть (въ иночествѣ Еписваній) былъ еще живъ въ сороковыхъ годахъ (ум. въ 1850 г. 115 лѣтъ отъ роду), и самъ рассказывалъ иному Онуферю, какъ бесѣдовалъ съ ними русскій царь. Быстро подойди къ липованамъ, Александръ Павловичъ спросилъ именно Ераста: „изъ какой губерніи? — изъ валужской?“ Ерасть совсѣмъ растерялся, — едва могъ сказать, что онъ не бѣглый, а природный липованъ. Императоръ, улыбаясь, началъ спрашивать: „Ну что же, — и подъ дугой идите, и въ баню ходите, и щи съ нашей идите, и квасъ пьете?“ — „Все какъ есть, Ваше Царское Величество, — безъ этого нельзя“. Тутъ же императоръ Александръ сталъ объяснять Францу пошмецки, о чемъ спрашивалъ липованъ, и тотъ, вѣроятно желая показать, что понимаетъ объясненія, изобразилъ руками въ воздухѣ дугу, когда шла объ ней рѣчь. Потомъ императоръ Александръ спросилъ липованъ, хорошо ли имъ жить въ Буковинѣ. Отвѣчали: хорошо. — „Ну такъ и живите спокойно“, — сказалъ онъ въ заключеніе. Впослѣдствіи каждому изъ бывшихъ на представленіи липованъ выдано было отъ Его Величества по червонцу.

2) На одной сторонѣ этой медали изображены были вѣсы. О. Филаретъ слышалъ отъ Кирилла, что Плятцерь, вручая липованамъ медаль, объяснялъ значеніе такого изображенія, — говорилъ, что вѣсы означаютъ правосудіе, и такъ какъ липоване живутъ честно, то правосудіе ихъ награждаетъ, а если не будутъ жить честно, то получать отъ того же правосудія наказаніе.

рой сказано было, что эта награда пожалована старѣйшимъ липованъ въ память посѣщенія Буковины императоромъ и въ знакъ императорской милости къ нему за покорность правительству и за то, что „въ званіи начальника надъ другими липованами вѣрно начальствуетъ“. 1)

Къ тому времени, когда у австрійскихъ липованъ началось дѣло объ учрежденіи архіерейской кафедрѣ, именно спустя около шестидесяти лѣтъ по приходѣ въ Буковину первыхъ липованскихъ семействъ, населеніе Бѣлой-Криницы, также Климоуць и Соколинцевъ, естественнымъ путемъ народненія, особенно же посредствомъ принятія новыхъ выходцевъ, привлекаемыхъ привилегированнымъ положеніемъ австрійскихъ раскольниковъ, достигло весьма значительной цифры. По конскрипціи 1843 года, въ Бѣлой-Криницѣ считалось уже 94 дома, и въ нихъ 108 липованскихъ семей, а всѣхъ жителей обоого пола около 600 душъ; населеніе Климоуць было еще значительнѣе, — здѣсь числилось домовъ 131, семействъ 156, а всѣхъ жителей обоого пола болѣе 800 душъ; въ Соколинцахъ считалось 63 липованскихъ дома, и въ нихъ 350 душъ жителей обоого пола. 2) Въ этомъ общемъ числѣ жителей каждаго изъ трехъ липованскихъ селеній, пришлецы, бѣжавшіе изъ Россіи, составляли весьма значительный процентъ. Иногда приходили они цѣлыми семьями, а чаще поодиночкѣ, и преимущественно мужчины. Большею частію это были бѣглецы солдаты и вообще разныя подозрительныя лица, подлежавшія суду, или наказанію по законамъ; но бывали и такіе между ними, которыхъ приводила за границу дѣйствительно ревность по „старой вѣрѣ“, гонимой, какъ они говорили, русскимъ правительствомъ. Въ числѣ этихъ бѣглецовъ являлись нерѣдко и православные, которые, разумѣется, дѣлались потомъ раскольниками поповскаго, или безпоповскаго согласія, смотря потому, въ какомъ липованскомъ обществѣ найдутъ себѣ пристанище — у поповцевъ, или у безпоповцевъ. Бѣглецовъ

1) Дѣло о награжденіи Иларіона золотой медалью (*Бѣлокр. арх.*).

2) Приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ протоколовъ коммисіи; производившей слѣдствіе у липованъ въ еевр. 1844 г. (*Тамъ же*).

липоване вообще принимали охотно, такъ какъ видѣли въ нихъ своихъ „единовѣрныхъ христіанъ“, а отчасти и потому, что получали отъ нихъ немалую выгоду, приобретаая новыя рабочія руки, которыми пользовались до тѣхъ поръ, пока пришельцы не заводились собственнымъ хозяйствомъ.¹⁾ Правительству, при такъ называемыхъ конскрипціяхъ, этихъ бѣглецовъ выдавали обыкновенно за природныхъ липованъ, если только нельзя было укрыть ихъ отъ конскрипціи, — называли „непотами“ (племянниками), какими нибудь круглыми сиротами, оставшимися послѣ родныхъ; самымъ же употребительнымъ въ этихъ случаяхъ способомъ служило зачисленіе ихъ на мѣсто умершихъ липованъ: уловка, которой не могло не знать мѣстное начальство, на которую однакоже оно смотрѣло сквозь пальцы. Дѣло это облегчалось еще и установившимся порядкомъ сношеній ближайшаго гражданскаго начальства (мандаторіата) съ липованскими обществами. Общества избирали изъ своей среды одно лицо въ званіе „дворника“; мандаторъ утверждалъ избраннаго и вручалъ ему, какъ символъ власти, общественную печать и трость: чрезъ этого „дворника“ мандаторъ и велъ обыкновенно все сношенія по дѣламъ липованъ, такъ что его свидѣтельства, подкрѣпленнаго свидѣтельствомъ одного или двухъ липованскихъ стариковъ, было достаточно для удостовѣренія въ принадлежности извѣстнаго лица или семьи къ числу природныхъ буковинскихъ липованъ. Но принимая бѣглыхъ раскольниковъ въ сожителство съ собою и полное обладаніе всѣми принадлежащими

¹⁾ Такъ было съ самаго перваго времени поселенія липованъ въ Буковинѣ. Въ Бѣлой-Криницѣ сохранилось преданіе, что обширный садъ Иларіона — Коровьи — ножи, гдѣ нынѣ монастырь, обработанъ и насаженъ бѣглыми русскими раскольниками, которыхъ онъ первый началъ принимать, и въ немаломъ количествѣ. Кто приходилъ съ паспортомъ, у тѣхъ, въ силу чернобольскаго ученія, паспорта Иларіонъ истреблялъ (Слыш. отъ о. Онуерія). „На моей памяти (пишетъ о. Филаретъ въ своихъ замѣткахъ) у однихъ моихъ родителей (въ Климоуцахъ) перебывало бѣглыхъ до 20 человекъ, и они обыкновенно служили у насъ въ работникахъ. Если кто прибѣжитъ прямо изъ-подъ амуниціи, стриженный и бритый, таковыхъ обыкновенно скрывали — гнѣтомъ въ клунѣ (сарай, куда складываютъ снятый съ поля хлѣбъ), а зимой въ банѣ, пока обрастутъ бородой и станутъ похожи на липованъ“.

имъ привилегіями, липоване все-таки не смѣшивали себя съ этими бѣглецами, а иногда, по крайней-мѣрѣ на словахъ, давали имъ понять, что они не по закону, а только по милости пользуются правами природныхъ липованъ. Причиною, которая держала коренныхъ липованъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ пришлыхъ, было то, что эти послѣдніе вообще не отличались хорошей нравственностью, тогда какъ природные липоване довольно строго соблюдаютъ добрые нравы предковъ. 1) Въ Бѣлой-Криницѣ семейства бѣглыхъ раскольниковъ селились даже большею частію отдѣльно отъ коренныхъ бѣлокриницкихъ жителей, — тамъ есть даже особая улица, заселенная бѣглыми, которая и зовется „Бѣжнаркою“, или „Бѣжнаревкою“. 2) Въ тридцатыхъ годахъ, когда относительно раскольниковъ у насъ приняты были строгія мѣры, число бѣглыхъ въ липованскихъ селеніяхъ особенно увеличилось. И такъ какъ первоначально занятое липованами количество земли въ Бѣлой-Криницѣ и Климоуцахъ было незначительно, 3) а правительство, несмотря на возрастающее населеніе, въ новомъ надѣлѣ земли рѣшительно отказывало, то пришлось позаботиться о поселеніи новыхъ выходцевъ гдѣ-нибудь на наемныхъ земляхъ. Бѣлокриницкіе и климоуцкіе липоване поручились за нихъ, какъ за природныхъ липованъ, и, подъ именемъ бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ выходцевъ, эти бѣжавшіе преимущественно

1) Между бѣглыми изъ Россіи, какъ и слѣдовало ожидать, бывали такіе отчаянные головы, что липованамъ приходилось выгонять ихъ изъ своихъ обществъ, — большею частію ихъ выпроваживали въ Молдавію.

2) Бѣжнарка заселена была собственно семействами раскольниковъ, бѣжавшихъ изъ елисаветградскихъ военныхъ поселеній, и именно изъ уланской колоніи Красный—Яръ (часть ихъ поселилась также и въ Климоуцахъ): туземные бѣлокриницкіе липоване, при осорахъ, и доселѣ дразнить бѣжнарскихъ жителей „уланами“ (Изъ замѣт. о. Филарета).

3) Въ Бѣлой-Криницѣ принадлежащей липованамъ земли считается всего 1.124 іоха (іохъ=1.600 кв. вѣнской сажени, =0.52.660 русск. десятины) и 464 саж., въ томъ числѣ удобной для хлѣбопашества только 625 іох. и 275 саж., сѣвкосной и подъ огородами 387 іох. и 834 саж. Въ Климоуцахъ 1.562 іох. и 1.161 саж., въ томъ числѣ годной для хлѣбопашества 1.256 іох. и 491 саж., подъ сѣвкосами и огородами 294 іох. и 1.335 саж. (Проток. слѣд. ком. 1844 года).

изъ Польши и Бессарабіи раскольники, въ 1837 году, наняли по контракту на 20 лѣтъ землю у думеніи Бергометь, гдѣ и основали особый поселокъ, называющійся Мехидра, у самаго селенія Бергометь на Серетѣ. 1) Изъ природныхъ липованъ переселился въ Мехидру одинъ только бѣлокриницкій житель—Барабашъ, который для большаго удобства и велъ все это дѣло отъ своего имени: въ послѣдствіи однакоже онъ возвратился въ Бѣлую-Криницу. Въ 10 верстахъ отъ Мехидры, на землѣ тогоже владѣльца, спустя нѣсколько времени образовалось такимъ же образомъ еще небольшое селеніе Лукавецъ. Въ Мехидрѣ, по той же конскрипціи 1843 года, считалось 36 старообрядческихъ семействъ, состоявшихъ изъ 160 душъ обоого пола. 2) Такимъ образомъ, по официальнымъ извѣстіямъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ во всѣхъ липованскихъ селеніяхъ Буковины считалось до 350 семействъ и въ нихъ до 2.000 душъ обоого пола. 3)

Всѣ вообще липоване были тогда народъ довольно зажиточный,—не особенно богатый, но за то ни въ чемъ не нуждавшійся. Главнымъ ихъ занятіемъ было хлѣбопашество и садоводство. Кромѣ пшеницы и гречихи, въ немаломъ коли-

1) *Проток.* 22 февраля 1844. По словамъ Надеждина, переселившіеся въ Мехидру липоване водворились на землѣ принадлежащей туземному помѣщику бояру Йордаки Васильчику (по-вѣмца Edler von Wassilko), къ которому несуть разныя помѣстныя обязанности (*Сбор.* Кельс. I, 87).

2) *Проток.* 22 февраля 1844. Несмотря на такое значительное количество бѣлыхъ, переселившихся въ Мехидру изъ Бѣлой-Криницы и Климоуцъ, въ этихъ слободахъ, по конскрипціи 1843 года, считалось около 150 душъ „иностранцевъ“, то-есть такихъ раскольниковъ, которые не успѣли еще зачислиться въ разрядъ природныхъ липованъ. Тамъ много раскольниковъ бѣжало тогда изъ разныхъ мѣстъ Россіи за границу!

3) Надеждинъ, полагая что въ каждой изъ трехъ большихъ слободъ находится по 120 семействъ, а въ Мехидрѣ 30, общее число липованскихъ семействъ доводитъ до 400, и потомъ, на каждое семейство полагая круглымъ числомъ по 10 душъ, все раскольниковье населеніе Буковины опредѣляетъ въ 4.000 душъ (*Сборн.* Кельс. I, 85). Такимъ образомъ по его опредѣленію, сдѣланному въ 1846 году, общая цифра австрійскихъ липованъ вдвое больше официальной за 1843 годъ. Мы отдаемъ предпочтеніе относительно правильности этой послѣдней, и тѣмъ рѣшительнѣе, что опредѣленіе каждой семьи круглымъ числомъ по 10 человекъ представляется совершенно произвольнымъ.

честьѣ они сѣяли на своихъ и наемныхъ поляхъ ленъ и коноплю, изъ которыхъ приготавливали на собственныхъ заводахъ масло, составлявшее предметъ довольно значительной торговли. Для полевыхъ работъ и домашняго употребленія имѣли достаточно рогатаго скота и лошадей. Садоводство, при благопріятныхъ условіяхъ почвы и климата, составляло также одно изъ главныхъ занятій, — фруктами липоване производили торговлю въ Радоуцахъ, Серетѣ и другихъ мѣстахъ Буковины. Но по недостатку земли, увеличенія которой липоване тщетно просили у правительства, сельское хозяйство не могло у нихъ достигнуть того развитія, какого надлежало ожидать при склонности липованъ къ труду этого рода, и многіе за недостаткомъ земли должны были посвятить себя занятію разными ремеслами, особенно плотничествомъ и землекопствомъ¹⁾. Все это давало липованамъ достаточныя средства для жизни, тѣмъ болѣе, что правительство не отмѣнило ни одной изъ данныхъ имъ привилегій: на повинности и подати липованамъ приходилось удѣлять самую ничтожную сумму²⁾.

Подобно всѣмъ вообще старообрядцамъ, липоване жертвовали часть своихъ прибытковъ на церковныя потребности, на устройство общественнаго богослуженія по надлежащему чину. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ Бѣлой-Криницѣ существовала уже деревянная, довольно просторная церковь во имя Безсребренниковъ Космы и Даміана, устроенная около 1833 года. Освящалъ ее бѣглый іеромонахъ Иринея;³⁾ антиминосъ же былъ для нея пріобрѣтень у одного бродяги-инока, промышленнаго продажей

1) О хозяйственныхъ и промышленныхъ занятіяхъ липованъ въ протоколѣ 1844 года приводятся ихъ собственныя подробныя показанія; но показанія эти, по особымъ причинамъ, какъ будетъ сказано ниже, крайне преувеличены. Мы руководились свидѣтельствомъ людей долго жившихъ въ Буковинѣ среди липованъ, — о. о. Онуфрія, Филарета и др.

2) По словамъ Надеждина, ничтожный оброкъ, который правительство взимало съ липованъ, простирался до какихъ-нибудь гульдена полтора съ семейства, что, по его нечеловѣчю, на наши деньги не составляетъ и рубля сер. (*Сбор. Кельс.* I, 87)

3) См. *Кн. о промыслахъ*, стр. 201. Иринея былъ бѣглый іеромонахъ Саровской пустыни.

раскольникамъ подобнаго рода священныхъ предметовъ, разумѣтся, фальшивыхъ, своего собственнаго приготовленія (такихъ промышленниковъ существовало тогда не малое количество между раскольниками): антиминосъ, купленный для бѣлокриницкой церкви, былъ также фальшивый, въ чемъ сознался впоследствии самъ продавецъ церковному ктитору, который во избѣжаніе соблазна хранилъ уже объ этомъ подлогѣ глубокое молчаніе все время, пока существовала деревянная церковь.¹⁾ Она стояла въ самой срединѣ селенія, у того мѣста, гдѣ находится знаменитый колодезь, или „бѣлая-крыница,“ давшая названіе селенію. Бѣлокриницкая церковь третья по времени изъ всѣхъ существующихъ за границей старообрядческихъ церквей²⁾. Она считалась общемо приходскою церковію и для прочихъ липованскихъ селеній въ Буковинѣ, которыя однадоже имѣли и свои собственные часовни, куда собирався народъ для общественной молитвы. Въ Климоуцахъ кромѣ того существовала безпоповская часовня, такъ какъ селеніе это, одно изъ всѣхъ липованскихъ селеній въ Австріи, наполовину состояло изъ безпоповцевъ.

Точныхъ свѣдѣній о томъ, когда безпоповцы здѣсь появились, не имѣется; но по сохранившемуся у нихъ преданію, предки ихъ пришли сюда изъ нынѣшней Бессарабской области еще прежде того времени, какъ переселились въ Буковину придумайскіе старообрядцы. Нѣсколько безпопов-

1) Въ 1861 году, когда началась перестройка этой церкви, бывший ктиторъ, тогда уже митрополитъ бѣлокриницкій Кириллъ, рассказалъ исторію антиминоса о. Филарету, своему тогдашнему архидіакону, и на вопросъ послѣдняго, почему онъ не позаботился исправить такую великую погрѣшность пріобрѣтеніемъ настоящаго антиминоса, Кириллъ отвѣчалъ: „нельзя этого сдѣлать, — тогда бы нужно снова святить церковь; а станешь святить, — спросить: зачѣмъ? Солгать нельзя; а сказать правду опасно, — всѣ соблазнились бы, и Богъ знаетъ что бы вышло! Вотъ теперь положимъ настоящій“. Т. о. около 30 лѣтъ служба отправлялась въ бѣлокриницкой приходской церкви на фальшивомъ антиминосѣ. (Изъ замѣт. о. Филарета). По словамъ о. Онуфрія такой же антиминосъ и у тогоже бродяги — монаха пріобрѣтенъ былъ добруджинскими раскольниками для сармгѣйской церкви; но Аркадій Славскій, какъ только узналъ объ этомъ, немедленно замѣнилъ его новымъ, совершивъ секретно освященіе церкви.

2) Прежде бѣлокриницкой построены церкви въ Мануиловкѣ и въ Яссахъ.

скихъ семействъ именно жили въ руснацкомъ селеніи Комаровкѣ, между мѣстечкомъ Староженецъ и нынѣшнимъ селеніемъ Лукавецъ: эти семейства и перешли потомъ на жительство въ Климоуцы, когда здѣсь начали селиться получившіе привилегію раскольники поповскаго согласія, къ чему безъ сомнѣнія побудило ихъ желаніе наравнѣ съ послѣдними воспользоваться дарованными отъ императора Юсифа правами, которыя дѣйствительно и были имъ предоставлены.¹⁾ Не смотря на то, что климоуцкіе раскольники безпоповскаго и поповскаго согласія жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ и постоянныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, тѣ и другіе твердо держались своихъ особенностей въ вѣроученіи; въ то же время однако особенной религіозной нетерпимости и розни между ними не примѣчалось, напротивъ тѣ и другіе не считали за грѣхъ взаимное общеніе въ молитвѣ и даже безразлично ходили въ безпоповскую и поповскую часовни, равно какъ не считали не дозволеннымъ заводить между собою родственныя связи посредствомъ брамовъ. При бракахъ только принято было, чтобы невѣста переходила въ то согласіе, къ которому принадлежитъ женихъ, хотя случалось и такъ, что жена (особенно взятая изъ поповскаго семейства), по предварительному условію съ мужемъ, оставалась въ своемъ прежнемъ согласіи. Браки и служили однимъ изъ самыхъ главныхъ средствъ къ поддержанію взаимной близости между буковинскими поповцами и климоуцкими безпоповцами. У этихъ послѣднихъ утвердился даже, ни гдѣ въ безпоповскихъ обществахъ не встрѣчаемый, странный обычай—совершать браки посредствомъ вѣнчанія,

1) Со словъ о. Филарета, который слышалъ эти преданія отъ своего дѣда и бабки (на землѣ его прадѣда построена въ Климоуцахъ и безпоповская часовня); то же подтверждаетъ и о. игуменъ Павелъ, который изъ Пруссіи пріѣзжалъ въ Климоуцы и жилъ здѣсь около года. Послѣдній кромѣ того передаетъ, что между климоуцкими безпоповцами находятся потомки—внуки и правнуки извѣстнаго Балакирева, состоявшаго въ качествѣ шути при Петрѣ I-мъ, почему и всѣхъ климоуцкихъ безпоповцевъ зовутъ иногда „балакиревцами“. У нихъ есть преданіе, что Балакиревъ, вслѣдствіе какихъ-то неприяностей, бѣжалъ отъ Петра и за границей вступилъ въ общество безпоповцевъ.

для каковой цѣли они обманнымъ образомъ заучали къ себѣ наѣзжавшихъ въ Бѣлую-криницу бѣглыхъ поповъ, или сами ѣздили къ бѣглымъ попамъ въ Молдавію.¹⁾ Вообще между буковинскими липованами поповскаго и безпоповскаго согласія, не смотря на существенныя различія въ вѣроученіи, установились съ самаго начала ихъ совмѣстнаго жительства въ Буковинѣ мирныя отношенія и сохранялись постоянно до самаго учрежденія бѣлокриницкой митрополіи, — безпоповцы, какъ ниже увидимъ, оказали даже нѣкоторыя услуги учредителямъ митрополіи.²⁾

Имѣя церковь и часовни, пользуясь полною свободой въ отправленіи богослуженія, бѣлокриницкіе и прочихъ селеній липоване испытывали затрудненіе только въ приобрѣтеніи священниковъ для исправленія необходимыхъ церковныхъ требъ, — и затрудненіе это представлялось не со стороны правительства, которое никогда не нарушало данной липованамъ привилегіи—имѣть своего попа, а со стороны самихъ бѣглыхъ поповъ, коихъ они приобрѣтали обыкновенно изъ Россіи, и приобрѣтеніе которыхъ уже по этому самому представляло много неудобнаго. Притомъ же у липованъ сохранилось отчасти старое чернобольское подозрѣніе относительно бѣглыхъ поповъ. Что касается самого Иларіона, основателя чернобольской секты, то онъ до конца жизни сохранилъ это подозрѣніе и умеръ въ той увѣренности, что современное ему бѣглопоповство не имѣетъ „благодати древле-бѣгствовавшихъ іереевъ“³⁾; того же убѣжденія дер-

1) Изъ замѣт. отцевъ Филарета и Онуфрія; см. также *Собр. сочиненій игумена Павла*, изд. 1871 г. стр. 601—602.

2) Объ этихъ мирныхъ отношеніяхъ согласно свидѣтельствуютъ отцы игуменъ Павелъ, Онуфрій, Филаретъ и др. Надеждинъ также писалъ о климоуцкихъ поповцахъ и безпоповцахъ: „между собою живутъ они если не въ совершенномъ братствѣ, то по крайней мѣрѣ и не въ открытой враждѣ, даже по наружности въ ладу и добромъ согласіи“ (*Сборн. Кельс. I, 90*).

3) Свои сомнѣнія относительно бѣглыхъ поповъ Иларіонъ Коровъ-ножки простираетъ до того, что подобно безпоповцамъ находилъ невозможнымъ для своего времени самое даже совершеніе таинствъ, предоставленное единственно священникамъ, и поэтому молодымъ липованамъ рѣшительно воспрещалъ вступленіе въ браки. Такъ какъ и прочіе старики-липоване раздѣляли это мнѣніе, то молодые пары, задумавшіе жениться, вынуждены были при-

жались его ученики и друзья.¹⁾ Потомки ихъ, не отвергавшіе, какъ и тѣ не отвергали, самаго ученія о бѣглопоповствѣ, принуждены были въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать и къ существовавшимъ бѣглымъ попамъ; но наследованнаго противъ нихъ предубѣжденія не оставляли. Бѣглые попы, къ которымъ приходилось имъ обращаться, своимъ поведеніемъ нисколько не содѣйствовали прекращенію этихъ подозрѣній. Поэтому, если являлись въ липованскихъ селеніяхъ бѣглые священники, то обыкновенно жили не долго: или сами уходили отъ липованъ, или прогоняли ихъ липоване.²⁾ Вообще же эти послѣдніе обращались къ бѣглымъ попамъ только ради крайней нужды, для исправленія требъ, которыхъ простолюдину совершать не подобаетъ; а для отправленія службъ церковныхъ, для общественнаго богослуженія прибѣгали къ нимъ рѣдко: здѣсь гораздо больше значенія имѣли у липованъ такъ-называемые „дьяки“, или церковные настоятели. Дьякъ былъ лицо почетное въ липованскомъ обществѣ, а по дѣламъ церковнымъ—главный авторитетъ. Въ то время, когда начались хлопоты объ учрежденіи архіерейской каѳедры, настоятелемъ при бѣло-

бѣгнуть къ хитрости: ушли въ Молдавію, повѣнчались тамъ, и съ молодыми женами воротились въ Бѣлую-Криницу; долго не принимали ихъ старики; наконецъ однакоже смиловались и приняли. Случай этотъ расказанъ у гг. Паревенія въ *Кн. о промыслъ* (стр. 196—197); его подтверждаетъ и о. Онуѣрій, со словъ липованскихъ старожилловъ.

1) Инокъ Онуѣрій всталъ еще въ Бѣлой-Криницѣ, жившаго въ землянкѣ, въ саду Бѣлокриницкаго монастыря, дряхлаго старика, пріятеля Иларіонова, который не принималъ бѣглыхъ поповъ, не принялъ также и поповъ Амвросіева посвященія.

2) Въ тридцатыхъ годахъ и началѣ сороковыхъ у липованъ были—помянутый выше черныи попъ Ириней, который ушелъ отъ нихъ въ Молдавію, и (послѣ него) попъ Степанъ (хромой), котораго сами липоване прогнали за разныи безчинія. Это былъ дѣйствительно безчинникъ, какіе рѣдко бывали даже между раскольническими попами. Что творилъ онъ въ Бѣлой-Криницѣ, по расказамъ липованъ, объ этомъ и писать не удобно. Изъ Бѣлой-Криницы онъ ушелъ въ Яссы: здѣсь, въ Вербное воскресенье, торжественно проѣхался на коровѣ, въ сопровожденіи цыганъ-музыкантовъ, кощунственно изображая вшествіе во Иерусалимъ, за что ясскіе старообрядцы прогнали его съ позоромъ. Откуда онъ ушелъ въ Тульчу; потомъ въ Майнось, гдѣ и пропалъ его слѣдъ.

Пронск. Б. іер.

криницкой церкви былъ давній бѣлокриницкій житель, но уроженецъ молдавскій, Кипріанъ Тимоеевъ, человекъ недалекаго ума и не свѣдущій въ Писаніи, но имѣвшій, какъ выражаются старообрядцы, довольно твердую грамоту, хорошо знакомый съ церковнымъ уставомъ и, что въ липованахъ большое достоинство, человекъ трезвой жизни; только замѣчалась въ немъ и тогда уже наклонность къ любостыжанію, — иногда онъ позволялъ себѣ принудительные поборы за исправленіе церковныхъ требъ. Однажды его даже лишили за это дяковской должности: въ дяки былъ выбранъ сынъ бѣлокриницкаго почтеннаго старика Ивана Тихонова. Но такъ какъ при новомъ дякѣ дѣло пошло не совсѣмъ удачно, къ тому же старый дякъ унесъ съ собою церковныя книги, то, главнымъ образомъ по настоянію женской половины липованскаго общества, Кипріанъ былъ возстановленъ въ дяковской должности. Первоначально онъ вступилъ въ эту должность еще при жизни Иларіона Коровиной; онъ принималъ дѣятельное участіе и въ самомъ построеніи бѣлокриницкой приходской церкви.¹⁾

Австрійское правительство, какъ мы уже замѣтили, въ своихъ дѣйствіяхъ относительно липованъ не нарушало данныхъ имъ грамотою Юсіафа II привилегій, и никакихъ поводовъ жаловаться на правительство липоване не имѣли. Единственнымъ исключеніемъ было изложенное выше дѣло объ уничтоженіи монастыря, принятое ими за нарушеніе ихъ привилегій. Но въ началѣ тридцатыхъ годовъ возникло новое дѣло, которое липоване опять, безъ всякаго основанія, старались представить посягательствомъ на ихъ

1) Объ этихъ трудахъ Кипріана Тимоеева (что нынѣ митрополитъ Кириллъ) въ одномъ документѣ 1846 года сказано: „Черезъ больше какъ тридцатолѣтнее время при здѣшней старовѣрско-христіанской церкви, какъ церковный настоятель, свою службу вѣрно и честно исполнялъ, самую же настоящую церкву самъ своими трудами и ревностію воздвигнуть помогъ, и въ ней, въ недостатокъ священства, общественыя молебствія и церковныя послѣдованія, съ изытіемъ божественныя литургіи, точно совершалъ“. („Свидѣтельство о достоинствахъ“ Кипріана, по случаю поставленія въ епископы, поданное отъ бѣлокриницкаго общества въ мандаторіатъ. *Бѣлокр. арх.*)

законныя права, нарушеніемъ „высочайшей привилегіи“, какъ называютъ они обыкновенно самую грамоту Іосифа II. По смыслу существовавшаго у чернобольцевъ ученія, которымъ возбранялось между прочимъ принимать присягу и вообще вступать въ какія-нибудь обязательства предъ правительствомъ, и веденіе метрическихъ записей о родившихся, вступившихъ въ браки и умершихъ, какъ правительственная мѣра къ полученію точныхъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія, почиталось у липованъ дѣломъ противнымъ ихъ религіи. Поэтому, въ силу предоставленной имъ религіозной свободы, они почли себя съ самаго водворенія въ Буковинѣ необязанными къ веденію метрикъ. Здѣсь, конечно, они имѣли въ виду и то, чтобъ обезпечить себѣ возможность безпрепятственнаго принятія въ свои общества, подъ именемъ природныхъ липованъ, всѣхъ приходящихъ раскольниковъ, — отнять у правительства ближайшее средство контролировать ихъ въ этомъ отношеніи, по официальнымъ записямъ опредѣлять кто природный липованъ, кто пришлый изъ-за границы. Въ первое время, когда число липованъ было незначительно и когда правительство заботилось о привлеченіи ихъ въ Австрію разными льготами, не было обращено вниманіе на это ихъ уклоненіе отъ общепринятаго въ имперіи порядка. Но въ послѣдствіи, когда липованскія селенія стали многолюдны и когда оказалось, что, благодаря именно отсутствію правильныхъ записей, по которымъ можно было бы въ точности опредѣлять дѣйствительное ихъ населеніе, къ липованамъ приходятъ во множествѣ изъ разныхъ мѣстъ раскольники крайне сомнительной репутаціи, правительство нашло нужнымъ потребовать, чтобы, по примѣру всѣхъ прочихъ австрійскихъ подданныхъ, липоване вели точныя записи о родившихся, вступившихъ въ браки и умершихъ. Исполнить это требованіе липоване отказались, и именно на томъ основаніи, что якобы оно противорѣчитъ дарованной имъ „высочайшею привилегіею“ религіозной свободѣ. Имъ было объяснено, что „провожденіе книгъ, въ которыхъ записываются всѣ рожденные, вѣнчанные и умершіе, есть не болѣе какъ политическій законъ, который съ религіей и службой Божіей ни-

чего общаго не имѣть, а служить къ тому только, чтобы получать вѣрныя извѣстія о числѣ народа и имѣть возможность дѣлать необходимыя для правительства справки⁴. Липоване не вразумлялись. Дѣло восходило на разсмотрѣніе областнаго управленія Галиціи, откуда послѣдовало, 14-го августа 1833 года, распоряженіе: обязать липованъ къ непремѣнному учрежденію и правильному веденію метричь. Не смотря ни на что, липоване твердо держались своего первоначальнаго рѣшенія. По сему случаю назначена была въ липованскія селенія слѣдственная коммиссія: 11-го декабря того же 1833 года комиссаръ Вагнеръ составилъ протоколъ произведеннаго имъ слѣдствія и препроводилъ по принадлежности.¹⁾ Въ то время, когда начались хлопоты объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криниць, дѣло о метрикахъ еще не было кончено и, какъ далѣе увидимъ, было поставлено даже въ тѣсную связь съ самымъ дѣломъ объ учрежденіи каѳедры.

Бѣлокриницкій монастырь по смерти своего благодѣтеля — Иларіона Петровича Коровьи-ножки продолжалъ безпрепятственно существовать на предоставленной ему, по духовному завѣщанію Иларіона, усадьбѣ. Усадьба давала монастырю нѣкоторое матеріальное обезпеченіе;²⁾ но главнымъ образомъ, какъ и прежде, онъ существовалъ на подавнія отъ липованъ, которыя были впрочемъ весьма незначительны: каждую субботу кто-либо изъ иноковъ отправлялся по селенію за сборомъ милостыни на недѣльное прокормленіе братства. Число братства было всегда ничтожно, рѣдко болѣе десяти человекъ. Обыкновенно это былъ пришлый изъ-за границы народъ, а изъ природныхъ липованъ, — и это достойно примѣчанія, — въ монахи не поступалъ почти никто; притомъ же и пришлые монахи рѣдко оставались здѣсь на постоянное жительство. Составъ бѣлокриниц-

1) О губернскомъ рѣшеніи отъ 14 августа 1833 года говорится въ губернской резолюціи крайзамту 21 марта 1842 года (*Бѣлокр. арх.*); о протоколѣ Вангера — въ протоколѣ слѣдственной коммиссіи 1844 года (*тамъ же*); а самыхъ документовъ въ *Бѣлокр. архивѣ* не имѣется.

2) Фруктовый садъ, яблонный и грушевый, сдавался, смотря по урожаю, за 100—150 левовъ въ годъ.

каго братства поэтому постоянно измѣнялся, хотя иноки носили большею частію одни и тѣ же имена, переходившія какъ бы по наслѣдству отъ одного къ другому. Вообще Бѣлокриницкій монастырь былъ не что иное, какъ временный пріютъ для бѣглыхъ раскольническихъ монаховъ. Жили они обыкновенно въ иларіоновомъ домѣ, а также и въ старомъ монастырскомъ строеніи, перенесенномъ изъ Тернавицкаго дѣса, которое служило вмѣстѣ и монастырскимъ молитвеннымъ домою.

Около 1830 года въ устройствѣ монастыря послѣдовала нѣкоторая перемѣна. Въ это время изъ числа жившихъ въ Бѣлой-Криницѣ бѣглыхъ раскольническихъ „старцевъ“ рѣзко выдѣлялись два молодые инока—Паисій и Алимпій. Паисій, происхожденіе котораго въ точности неизвѣстно, былъ старше Алимпія и раньше его поселился въ Бѣлой-Криницѣ: здѣсь, въ иларіоновомъ домѣ, жилъ онъ нѣсколько лѣтъ; здѣсь же, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, постриженъ былъ и въ иночество. Умный, и тогда уже довольно начитанный, бойкій на словахъ, дѣятельный и предприимчивый, онъ пріобрѣлъ вліяніе среди липованъ и при ихъ содѣйствіи занялся приведеніемъ монастыря въ болѣе приличный для обители видъ: въ глубинѣ сада, близъ стараго монастырскаго строенія, поставили новую небольшую часовню, съ колокольней, а вокругъ нея вновь построили нѣсколько хатокъ (мазанокъ), назначенныхъ подъ монашескія кельи. Такимъ образомъ монастырь сдѣлался болѣе удаленнымъ отъ селенія и получилъ обыкновенный видъ всѣхъ раскольническихъ монастырей. ¹⁾ Вскорѣ послѣ этого въ Бѣлую-Криницу при-

¹⁾ Паисій—въ послѣдствіи известный игуменъ Пареевій, бывшій настоятель Гуслицкаго монастыря. Въ *Книжѣ о промыслѣ* онъ самъ пишетъ, что ему „довелось въ Бѣлой-Криницѣ довольно лѣтъ жить и устраивать монастырь, который и привелъ въ порядокъ; церкви же въ семъ монастырѣ не было, а выстроили только новую часовню посреди сада“ (стр. 37). „Мы начали строить монастырь на другомъ концѣ сада, подалѣе отъ домовъ“ (стр. 200). См. также *Странствіе и пут. шествіе*, ч. 1, стр. 20. Здѣсь же на стр. 21: „и проживалъ азъ въ Буковинѣ довольно лѣтъ, въ теченіе которыхъ и постриженъ былъ въ иночество однимъ іеромонахомъ, пріѣхавшимъ изъ Россіи“ (т. е. бѣглымъ).

шелъ и инокъ Алимпій. ¹⁾ Онъ былъ родомъ изъ полтавской губерніи, мѣщанинъ посада Крылова, Аеанасій Звѣревъ; ²⁾ иночество принялъ въ Серковскомъ монастырѣ: отсюда потомъ и бѣжалъ за границу. Это былъ весьма ловкій, въ высшей степени отважный и смѣлый человѣкъ, горячо преданный расколу. Онъ сошелся съ Паисіемъ, — вмѣстѣ съ нимъ жилъ, вмѣстѣ пускался въ разныя странствія и весьма сочувствовалъ его заботамъ объ устройствѣ Бѣлокриницкаго монастыря. ³⁾ Но такъ какъ Паисія, по собственнымъ словамъ его, здѣсь „отяготили мірскіе соблазны“, то онъ изъ монастыря удалился „въ пустыньку“, на пасѣку пріятеля своего Ивана Тихонова, который жилъ по сосѣдству съ монастыремъ, ⁴⁾ а въ 1833 году Паисій навсегда ушелъ изъ Бѣлой-Криницы. ⁵⁾ Ушелъ потомъ и Алимпій, но, какъ увидимъ, не навсегда.

Всего пять лѣтъ прошло по отъѣздѣ Паисія, какъ въ Бѣлокриницкій монастырь явились Павелъ и Геронтій. Тогда всего братства въ монастырѣ было человѣкъ десять — иноковъ и бѣльцовъ; настоятельствомъ незадолго предъ тѣмъ явившійся изъ Молдавіи инокъ Іоиль, подобно всѣмъ бѣлокриницкимъ старцамъ, бѣглый изъ Россіи (тульскій уроженецъ): онъ былъ человѣкъ не старыхъ еще лѣтъ, не безъ способности къ управленію и довольно честолюбивый, но не отличавшійся дальновидностью и нимало не свѣдущій въ Писаніи, за то вполне преданный липованскимъ понятіямъ о религіи.

Пріѣздъ Павла и Геронтія былъ событіемъ великой важности для Бѣлокриницкаго монастыря: подъ ихъ руковод-

¹⁾ Правильнѣе слѣдовало бы писать *Олимпій*; но такъ какъ знаменитая особа, о которой идетъ здѣсь рѣчь, и сама постоянно подписывается *Алимпіемъ*, и во всея старобрядческаго мірѣ известна подъ этимъ именемъ, то и мы удерживаемъ тоже его начертаніе.

²⁾ За границу онъ принялъ фамилію Милорадова. См. *Расколъ, какъ орудіе партій*, стр. 24, прим.

³⁾ „Въ мою бытность пришелъ къ намъ молодой монахъ, именемъ Алимпій, съ которымъ мнѣ самому довелось довольно время пожить и даже мѣсяца два странствовать въ Галицію, Львовъ и Броды“ (*Кн. о пром.* стр. 37).

⁴⁾ Его домъ и левада прилежали къ монастырскому саду съ южной стороны.

⁵⁾ *Странствіе и путеш.* 1, 21. *Кн. о пром.* стр. 37.

ствомъ начинаются тамъ дѣла, о какихъ не могли и помыслить въ простотѣ своей бѣлокриницкіе старцы, и спустя какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ ничтожный, никому почти не извѣстный липованскій монастырь получаетъ важное значеніе для всего старообрядческаго міра, пріобрѣтаетъ извѣстность въ исторіи.

IV.

Настоятель Бѣлокриницкаго монастыря инокъ Іоиль принялъ Павла и Геронтія очень радушно, тѣмъ больше что такіе гости бывали у него рѣдко. Разумныя рѣчи Павла, его примѣчательная наружность, умѣнье со всѣми обходиться неволью располагали каждаго старообрядца въ его пользу; притомъ же Павелъ и Геронтій не скрывали, что находятся въ связяхъ съ знаменитыми богачами петербургскаго и московскаго старообрядческихъ обществъ. Мы уже говорили, что главною цѣлю ихъ пріѣзда въ Бѣлую-Криницу было—пріобрѣсти здѣсь австрійскій паспортъ для путешествія „въ цѣлый свѣтъ, куда только надобность позоветъ“. ¹⁾ Поживъ немного въ монастырѣ, заручившись расположеніемъ настоятеля и братства, они стали хлопотать о паспортѣ. Порядокъ добыванія паспортовъ для бѣглыхъ раскольниковъ былъ уже установленъ и хорошо извѣстенъ въ Бѣлой-Криницѣ: для этого нужно было, чтобы главные, почетнѣйшія лица липованской „громады“, въ томъ числѣ дворникъ и дьякъ, засвидѣтельствовали

¹⁾ Геронтій въ показаніи (*Чт. въ общ. ист. и др.* 1871 г. т. IV, отд. V, стр. 147).

въ думеніи, что желающій получить паспортъ есть природный ихъ липованъ и что онъ имѣеть надобность съѣздить туда и туда; думенія, за ихъ поручительствомъ, выдавала отъ себя свидѣтельство, что это есть дѣйствительно австрійскій подданный; свидѣтельство думеніи представлялось въ крайзамтъ (въ Черновцахъ); затѣмъ отправлялось въ губернію (во Львовъ), откуда наконецъ и выдавался паспортъ. Павлу и Геронтію нужно было такимъ образомъ прежде всего задобрить въ свою пользу почетнѣйшихъ людей бѣлокриницкой липованской „громады“. Дворникомъ былъ тогда тотъ самый Иванъ Тихоновъ, ближайшій сосѣдъ монастыря, о которомъ упоминалось выше, дьякомъ — Кипріанъ Тимоеевъ, а самымъ почетнымъ и уважаемымъ въ селеніи старикомъ—Иванъ Григорьевъ Поляковъ, или Полякъ: онъ, вмѣстѣ съ дьякомъ, вѣровалъ всѣми дѣлами бѣлокриницкой громады, такъ что составила поговорка у липованъ: „дьякъ да Полякъ всему дѣлу голова.“ Павелъ и Геронтій, рекомендованные Іоилемъ, скоро сошлись съ этими главами липованскаго общества. И на нихъ Павелъ произвелъ самое выгодное впечатлѣніе: такого разумника имъ еще не приводилось встрѣчать. Осторожно объяснилъ имъ Павелъ, что вмѣстѣ съ спутникомъ намѣренъ посѣтить святыи градъ Іерусалимъ, и Ливанскія горы, и Египетскую страну, снисканія ради древлеправославныхъ епископовъ, якобы во оныхъ странахъ отъ лѣтъ никонова гоненія крыющихся, и таковому благочестивому подвигу, своимъ ходатайствомъ предъ земными властями, просилъ ихъ посодѣйствовать. Почтенные старѣйшины липованъ выразили сожалѣніе, что столь разумные „старцы“ не хотятъ пожить въ ихъ Бѣлокриницкой обители, которой могли бы принести немалую пользу; однакоже содѣйствовать ихъ „подвигу“ не отказались, такъ какъ Павелъ и Геронтій, по существующему въ липованіи обычаю, не преминули предложить симъ старѣйшинамъ приличное угощеніе. Теперь нужно было, по липованскому же обычаю, Павла и Геронтія зачислить на имя какихъ-нибудь умершихъ липованъ: и вотъ Павелъ называется Аѳанасіемъ, сыномъ бывшаго боташанскаго купца Василья Ѳедотова, а Геронтій — сыномъ нѣкоего умер-

шаго бѣлокриницкаго жителя Левона Бѣлаго.¹⁾ Дворникъ, дьякъ и старикъ Иванъ Поляковъ поручились въ думеніи предъ паномъ мандаторомъ, что эти Фодотовъ и Легоновъ ихъ природные липоване, что имѣютъ они намѣреніе сходить во святыи градъ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню, и потому просили пана—мандатора дать имъ свидѣтельство на полученіе паса срокомъ на одинъ годъ. Мандаторъ,—свой человекъ,—не затруднился выдать свидѣтельство, съ которымъ новопроизведенные липоване и поѣхали въ городъ Черновцы, совсѣмъ распростившись съ бѣлокриницкою братіей, такъ какъ прямо изъ Черновцевъ намѣрены были отправиться во Львовъ и дальнѣйшій путь.

Итакъ, свои заграничные подвиги ради основанія „древле-православной“ старообрядческой іерархіи, въ силу того правила, что цѣль оправдываетъ средства, Павелъ и Геронтій начали обманомъ, — первымъ ихъ шагомъ здѣсь было самозванство. На этотъ разъ однакоже обманъ имъ не удался. Одинъ изъ бѣлокриницкихъ жителей, молодой липованъ Дей Парамоновъ, по враждѣ ли къ старшинамъ, завладѣвшимъ всѣми громадскими дѣлами, или недовольный тѣмъ, что мало-мальски порядочные калугеры все уходятъ изъ ихъ Бѣлокриницкаго монастыря, по другимъ ли какимъ причинамъ, сдѣлалъ въ крайзамтѣ доносъ на Павла съ Геронтіемъ, что они совсѣмъ не липоване, а бѣглецы изъ Россіи калугеры. И вотъ, когда новонареченные Фодотовъ и Легоновъ явились къ крайскомиссару для предьявленія выданнаго имъ въ думеніи свидѣтельства, онъ объявилъ, что не вѣритъ этому свидѣтельству, и посовѣтовалъ имъ скорѣе убираться назадъ въ монастырь, если не желаютъ, чтобы съ ними поступлено было какъ съ бѣглецами изъ за границы, такъ какъ въ крайзамтѣ получены вѣрныя свѣдѣнія о томъ, кто они такіе. Войти въ объясненія и пререканія съ паномъ крайскомиссаромъ не приходилось; при томъ же съ его стороны

1) Такъ показалъ о себѣ инокъ Павелъ и слѣдственной комиссіи 1844 года (проток. 17 февр. *Бѣлокр. арх.*); а за Геронтіемъ навсегда осталась фамилія Легоновъ, — на допросахъ въ 1847 году онъ показалъ, что происходитъ отъ Левона, именуемаго Бѣлымъ (*Чт. общ. ист. и др.* 1871 г. т. IV, отд. V. стр. 146).

и то уже было не малымъ благодѣніемъ для самозванцевъ, что отпускалъ ихъ на свободу.

Крайне огорченные на первыхъ же порахъ встрѣтившейся неудачей, Павелъ и Геронтій поѣхали обратно въ Бѣлокриницкій монастырь, гдѣ ихъ никакъ не ожидали. Эта неудача была тѣмъ не пріятнѣе, что отняла у нихъ всякую надежду на полученіе австрійскаго заграничнаго паспорта, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени. А между тѣмъ отказать отъ предполагаемой поѣздки они уже теперь никакъ не хотѣли. Придумали попытать счастья въ Молдавіи, — нельзя ли будетъ при помощи яскихъ старообрядцевъ добыть молдавскій паспортъ.хлопотать поѣхалъ одинъ Геронтій, а Павелъ остался ждать его въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Но эта вторая попытка была еще неудачнѣе: за Соколинцами, только что Геронтій перешелъ границу, его арестовали и засадили въ тюрьму. Онъ успѣлъ чрезъ мѣстныхъ липованъ извѣстить Павла о своемъ заключеніи: Павелъ страшно перепугался. Нужно было какъ-нибудь выручить товарища. Самъ онъ ѣхать не рѣшался, изъ опасенія подвергнуться такой же печальной участи, какая постигла Геронтія, а упросилъ одного изъ бѣлокриницкихъ липованъ похлопотать за узника, снабдивъ его необходимою на хлопоты суммою. За приличный выкупъ Геронтія отпустили на волю съ тѣмъ, чтобы ѣхалъ туда, откуда пріѣхалъ. Геронтій былъ доволенъ и тѣмъ, что могъ по крайней мѣрѣ соединиться опять съ другомъ и товарищемъ. Это приключеніе было въ исходѣ августа.

Положеніе искателей „древлеправославнаго“ архіерейства было тогда очень затруднительно. Приступить къ главному предпріятію, пуститься въ предполагаемое странствіе не было никакой возможности за неимѣніемъ паспортовъ; о возвращеніи же въ Россію, опять ничего не сдѣлавши они и думать не хотѣли. Послѣ многихъ и долгихъ размышленій, они рѣшились наконецъ осень и зиму прожить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, — выждать, не измѣнятся ли обстоятельства, и само время не укажетъ ли выхода изъ настоящихъ затрудненій. Ожиданія эти были не напрасны. Осень и зима 1839 года, проведенныя Павломъ и Геронтіемъ въ Бѣлой-

Кривицѣ, — время весьма замѣчательное въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи: въ это время Павелъ успѣлъ совершенно ознакомиться съ бытомъ липованъ, упрочить свое положеніе и въ монастырѣ и въ обществѣ бѣлокриницкомъ, — овладѣть общимъ расположеніемъ и довѣріемъ; тогда же составилъ онъ въ главныхъ чертахъ и тотъ планъ относительно учрежденія законно—дозволенной и признанной правительствомъ старообрядческой архіерейской кафедръ, на осуществленіе котораго подожилъ потомъ всѣ свои силы и таланты.

Планъ этотъ основанъ главнымъ образомъ на знаменитой „привилегіи“ Іосифа II. Теперь только, изъ бесѣды съ липованами, Павелъ узналъ о существованіи „привилегіи“; но, къ немалому его удивленію, липоване не могли сообщить ему даже точныхъ извѣстій объ ея содержаніи. Однакоже и того, что можно было узнать изъ разговоровъ съ липованами, было достаточно Павлу, чтобы понять важность и значеніе этого документа въ отношеніи именно къ дѣлу объ учрежденіи старообрядческой архіерейской кафедръ. Нужно было теперь надлежащимъ образомъ познакомиться съ привилегіей, — прочитавъ ее и, если можно, получить копію. Не малаго труда стоило даже узнать, гдѣ находится драгоценный документъ: такъ мало въ то время липоване имъ дорожили! По слухамъ, привилегія хранилась у старика Елезвоя, одного изъ коренныхъ бѣлокриницкихъ жителей: Павелъ и Геронтій отправились къ Елезвою, запасшись на всякій случай карандашомъ и бумагой. Среди разумной и сладкорѣчивой бесѣды, Павелъ осторожно завелъ рѣчь о „привилегіи“, расписавъ какъ слѣдуетъ ея значеніе и тонко польстилъ обладателю такой драгоценности. Кончилось тѣмъ, что Елезвой вытащилъ привилегію изъ сундука, гдѣ хранилась она почти совсѣмъ забытая, чтобы показать гостямъ, — и пока происходило разсматриванье, пока Геронтій занималъ старика бесѣдами и распросами, Павелъ, извѣстный борзописецъ, успѣлъ снять точную копію русскаго текста этой драгоценной грамоты ¹⁾.

¹⁾ Въ послѣдствіи, по совѣту Павла, „привилегіи“ передана была на сохраненіе въ бѣлокриницкую слободскую церковь, гдѣ и теперь находится.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ „привилегіи“. Въ первомъ ея пунктѣ, которымъ предоставлялась липованамъ и *ихъ духовенству* полная свобода въ отправленіи религіи, онъ нашелъ такое, верховною властію утвержденное постановленіе, какого нигдѣ и никогда старообрядцы не имѣли; онъ сейчасъ же понялъ, что на основаніи этого постановленія можно завести у липованъ старообрядческую іерархію во всей ея полнотѣ, если только умѣючи взяться за дѣло, — что здѣсь-то, среди липованъ, можетъ найти себѣ безопасное, огражденное закономъ существованіе „древлеправославный“ епископъ, если будетъ обращенъ, -- здѣсь онъ безпрепятственно можетъ поставлять для всего старообрядчества и діаконовъ, и священниковъ и въ случаѣ надобности самыхъ даже епископовъ. Тогда-то въ предприимчивой головѣ Павла возникла мысль и, по братскомъ совѣщаніи съ Геронтіемъ, составились начальные планы относительно учрежденія законнымъ порядкомъ, съ утвержденія австрійскаго правительства, старообрядческой архіерейской каедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. И все это, какъ онъ думалъ и проповѣдывалъ, устроилось не случайно: и въ существованіи и въ самомъ обрѣтеніи привилегіи онъ видѣлъ особенное устроеніе промысла, якобы неусыпно пекущагося о томъ великомъ дѣлѣ на пользу „древлеправославной“ церкви, къ совершенію котораго онъ — Павелъ предназначенъ свыше и долженъ приступить теперь съ неослабнымъ рвеніемъ...

Кромѣ Геронтія, Павелъ началъ посвящать въ свои планы нѣкоторыхъ бѣлокриницкихъ „старцевъ“. Тогда уже находился въ Бѣлой-Криницѣ инокъ Онуфрій. Въ томъ же 1839 году онъ ушелъ изъ Россіи „черезъ сухую австрійскую границу“, съ намѣреніемъ пробраться изъ Буковины въ Молдавію. Въ Бѣлую-Криницу онъ пріѣхалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ: встрѣча съ Геронтіемъ, и особенно съ Павломъ, побудила его не спѣшить отъѣздомъ изъ Бѣлокриницкаго монастыря¹⁾. Инокъ Павелъ нашелъ въ Онуфрѣі одного изъ самыхъ горячихъ и преданнѣйшихъ почитателей: ему-то первому послѣ Геронтія сообщилъ онъ о своихъ планахъ,

1) Записка, поданная о. Онуфрѣіемъ мит. ополату Филарету въ 1865 году.

внушенныхъ ближайшимъ знакомствомъ съ содержаніемъ „привилегіи“. Затѣмъ осторожно повелъ рѣчь объ нихъ и съ настоятелемъ, инокомъ Іоилемъ. Ему Павелъ далъ замѣтить, что по учрежденіи архіерейской кафедрѣ онъ могъ бы вскорѣ же поставленъ быть въ архимандриты Бѣлокрилицкаго монастыря, а затѣмъ достигнуть и высшей іерархической степени: Павелъ коснулся этими намеками слабой струны Іоила и потому легко расположилъ его въ пользу своихъ плановъ.

Гораздо больше предстояло труда, чтобы склонить въ пользу предпріятія липованское общество, — а войти въ объясненія съ липованами было необходимо, такъ какъ безъ ихъ участія и безъ согласія съ ихъ стороны дѣло не могло быть и начато. Прежде этого однакоже онъ почелъ нужнымъ посовѣтоваться съ людьми знающими австрійскіе законы и дѣлопроизводство, найдутъ ли они возможнымъ осуществленіе замышляемаго предпріятія. Тогда онъ успѣлъ уже завязать въ Черновцахъ знакомство съ чиновническимъ міромъ, къ чему первымъ поводомъ послужили неудачныя хлопоты о паспортѣ. Въ то время нашелся въ крайзамтѣ чиновникъ, нѣкій панъ Атанасевичъ, который хотя не безкорыстно, но все-таки принялъ участіе въ его положеніи: къ этому пану Атанасевичу онъ и отправился, съ копіей „привилегіи“, посовѣтоваться, можно ли на основаніи этого документа начать дѣло о дозволеніи австрійскимъ старообрядцамъ имѣть своего собственнаго епископа, и если можно, то какъ дѣло начать и повести. Атанасевичъ далъ совѣтъ начинать и указалъ для этого обыкновенный способъ: отъ имени липованскихъ обществъ подать прошеніе въ крайзамтъ съ точнымъ изложеніемъ основаній и условий, на которыхъ липованамъ желательно имѣть епископа. Никакихъ причинъ опасаться отказа онъ не предвидѣлъ. Хотя правительство, какъ ему было извѣстно, весьма недовольно липованами за ихъ упорное сопротивленіе введенію метрикъ, о чемъ существовало еще неконченное дѣло; но это обстоятельство, по его мнѣнію, можно было обратиться даже въ пользу предпріятія, еслибы только липоване обязались, вслѣдъ за учрежденіемъ у нихъ архіерейской

каедръ, ввести въ употребленіе и столь желаемыя правительствомъ метрики. Инокъ Павелъ съ своей стороны вполне согласенъ былъ съ этимъ замѣчаніемъ; онъ находилъ даже, что между тѣмъ и другимъ дѣломъ имѣется тѣсная внутренняя связь, — что при существующихъ набѣглыхъ полахъ, которые притомъ мѣняются такъ часто, липованамъ, еслибъ они даже и хотѣли этого, неудобно установить правильный порядокъ въ веденіи метрическихъ записей, и, напротивъ, порядокъ этотъ весьма легко можетъ быть установленъ съ учрежденіемъ у липованъ архіерейской каедръ, когда у нихъ явятся постоянные, для нихъ поставленные священники и никакого недостатка въ священствѣ они терпѣть уже не будутъ. Посему онъ выразилъ полную готовность соединить оба эти дѣла и былъ вообще очень доволенъ, что въ подкрѣпленіе просьбы о епископѣ можно представить такой важный для правительства аргументъ, какъ соединенное съ исполненіемъ этой просьбы введеніе у липованъ правильныхъ метрическихъ записей. Но въ то же время онъ понималъ, что относительно этого послѣдняго пункта придется встрѣтить сильныя затрудненія со стороны липованъ, съ характеромъ которыхъ успѣлъ уже достаточно познакомиться, — и своихъ опасеній не скрылъ отъ „благодѣтельнаго чиновника“. Тѣмъ не менѣе однако Павелъ рѣшился и общалъ Атанасевичу переговорить съ липованами насчетъ метрикъ¹⁾.

Объясненія съ липованами ведены были весьма осторожно и искусно. Павелъ считалъ необходимымъ прежде всего заручиться согласіемъ главныхъ представителей липованскаго общества, чрезъ которыхъ не трудно уже было бы дѣйствовать на другихъ. Начались свиданія и бесѣды съ Поля-

¹⁾ Атанасевичъ, который, надобно замѣтить, былъ православнаго исповѣданія, сдѣлался съ этого времени ближайшимъ пріятелемъ и совѣтникомъ Павла по сношеніямъ съ правительствомъ. Это званіе монастырскаго ходатая и совѣтника по дѣламъ гражданскимъ онъ сохранилъ потомъ до самой смерти (умъ въ 1866 г.), за что пользовался отъ монастыря приличнымъ вознагражденіемъ. О томъ, что дѣло о метрикахъ было поставлено въ связи съ дѣломъ объ архіерейской каедрѣ, см. въ показаніи Геронтія (*Чт. об. ист. и др.* 1871 г. кн. 4, отд. V, стр. 140—147).

комъ-Иваномъ Кирилычемъ, съ дьякомъ Клипріаномъ, съ дворникомъ Иваномъ Тихоновымъ, — и съ каждымъ наединѣ, и въ общихъ собраніяхъ. Яркими чертами Павелъ изображалъ имъ повсюдное, всеобщее оскуднѣніе священства въ старообрядческихъ обществахъ и претерпѣваемую оными крайнюю и ужасную нужду въ исполненіи самонужнѣйшихъ христіанскихъ потребъ. Никто лучше не могъ оцѣнить всю горькую правду этихъ павловыхъ рѣчей, какъ его собесѣдники, столько хлопотъ и горя испытавшіе съ бѣглыми попами. Но въ будущемъ инокъ Павелъ сулилъ имъ еще больше горя и хлопотъ: онъ рассказалъ, какъ строго преслѣдуютъ теперь бѣгствующихъ священниковъ въ Россіи, откуда собственно и добывали ихъ липоване, и какъ мало осталось прежнихъ, дозволенныхъ поповъ въ самой даже Москвѣ. „Теперь предложитъ намъ, продолжалъ Павелъ, единое средство спасенія — обрѣсти древлеправославнаго епископа, который неоскудно могъ бы снабждать насъ истиннымъ священствомъ, о чемъ ревнители древлеотеческаго благочестія великое имѣютъ попеченіе: и мы, послѣднѣйшіе, оныхъ ревностію подвигшеся, всякій трудъ и самую душу, аще изволитъ Господь, положить желаемъ на пріобрѣтеніе онаго вождедѣннаго предмета, ибо, не безызвѣстно вамъ, для сего мы и предпріяли настоящее наше странствіе“. Все это липованскіе старшины слушали съ услажденіемъ и сочувствіемъ. Но когда Павелъ, разъяснивъ имъ точное значеніе „привилегіи“, сталъ излагать свои планы относительно учрежденія законнымъ порядкомъ старообрядческой архіерейской кафедрѣ именно у нихъ, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ: на первый разъ это дѣло показалось имъ и несбыточнымъ, и опаснымъ. „Сколько, говорили, потребуется хлопотъ, сколько будетъ всякихъ справокъ и переспросовъ отъ правительства! а если и выхлопочемъ епископа, не подчинилъ бы онъ насъ какому-нибудь рабству?—Богъ его знаетъ! Притомъ же и содержать его потребуются не малые средства, — а мы люди небогатые!“ Возраженія эти Павелъ предвидѣлъ, и разрѣшилъ безъ затрудненія. Всѣ хлопоты предъ правительствомъ онъ бралъ на себя и своихъ ближайшихъ сотрудниковъ: отъ липован-

скаго общества требовалось одно — чтобы заявило предъ правительствомъ о крайней нуждѣ и непремѣнномъ желаніи имѣть своего епископа, и чтобы дало монастырскимъ уполномоченнымъ формальную довѣренность на веденіе дѣла объ учрежденіи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской катедрѣ. „О томъ же, чтобы древлеправославный епископъ, аще обрѣсти такового сподобить Господь, могъ учинить какое-либо стѣсненіе сиротствующимъ нынѣ въ крайнемъ оскудѣніи священства старовѣрческимъ обществамъ, — о томъ, говорилъ Павелъ, и помышлять непростительно“. Наконецъ, относительно средствъ на содержаніе будущаго епископа, онъ открылъ липованамъ, что на сей предметъ имѣетъ несумнительныя обѣщанія отъ первѣйшихъ по богатству старообрядцевъ россійскихъ; обществу же бѣлокриницкому не только не придется понести по сему случаю какіе-либо расходы, но пребываніе въ Бѣлой-Криницѣ „епископа всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“ еще доставитъ Бѣлой-Криницѣ славу и матеріальныя выгоды. Такого рода бесѣдами инокъ Павелъ мало-по-малу успѣлъ внушить липованскимъ старѣйшинамъ готовность содѣйствовать, чѣмъ могутъ съ своей стороны, учрежденію въ Бѣлой-Криницѣ „древлеправославнаго“ архіерейства; но какъ только въ своихъ бесѣдахъ касался онъ дѣла о метрикахъ, каждый разъ больше и больше убѣждался въ невозможности побѣдить закоренѣлое къ нимъ отвращеніе липованъ, такъ что призналъ за лучшее до времени не заводить и рѣчи объ этомъ предметѣ, чтобы какъ не повредить главному дѣлу. Начальству же, чрезъ „благодѣтельныхъ чиновниковъ“, онъ надѣялся внушить, что со временемъ, когда у липованъ заведется правильное іерархическое устройство, дѣло о метрикахъ можно будетъ легко уладить къ полному удовольствію правительства.

Когда самыя почетныя и вліятельныя лица липованскаго общества въ Бѣлой-Криницѣ склонились на убѣжденія Павла ходатайствовать предъ австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи имѣть липованамъ, на основаніи „высочайшей привилегіи“, своего собственнаго епископа, то о прочихъ „рядовыхъ“ липованыхъ нечего было и заботиться: они всегда

полагались на мѣнѣ старшинъ. Что будетъ гораздо лучше, если заведется у нихъ свой епископъ, что тогда и въ священствѣ не встрѣтится недостатка, теперь такъ чувствительнаго, — это всѣ понимали; а входить въ дальнѣйшія объ этомъ разсужденія считали не своимъ дѣломъ, — на то есть дьякъ съ калуGERами.

Достаточно увѣрившись, что со стороны липованскаго общества не будетъ препятствій, Павелъ и Геронтій рѣшились начинать дѣло о епископѣ. Павелъ занялся составленіемъ прошенія въ крайзамтъ. Сущность прошенія онъ изложилъ въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: уполномоченные отъ липованскихъ въ Буковинѣ обществъ, иноки Бѣлокриницкаго монастыря 1) просятъ кесарокоролевское правительство дозволить имъ, на основаніи высочайше дарованной въ 1783 году привилегіи (съ которой прилагалась копія), привезти изъ-за границы своего, независимаго отъ другихъ религій, епископа, для восполненія претерпѣваемой липованами крайней и губельными послѣдствіями грозящей нужды въ священствѣ и для безпрепятственнаго отправленія всѣхъ принадлежащихъ епископскому сану дѣйстви; 2) просятъ, чтобы жителство будущему епископу дозволено было имѣть въ монастырѣ, состоящемъ при селеніи Бѣлая-Криница; 3) обязуются съ своей стороны никакихъ будущему епископу вспоможеній отъ правительства не просить, а содержать его на полной своей отчетности. Пригласили липованскихъ старшинъ обсудить это прошеніе и затѣмъ дать окончательно свое согласіе на формальное начатіе дѣла: ни противъ содержанія, ни противъ подачи прошенія липованскіе думные люди не сдѣлали никакихъ возраженій; напомнили только, что всѣ хлопоты предъ правительствомъ, согласно общанію, Павелъ и Геронтій должны принять на себя. Для окончательной редакціи прошенія и для перѣвода на нѣмецкій языкъ опять нужно было иноку Павлу съѣздить въ Червонцы къ Атанасевичу. Атанасевичъ замѣтилъ только, что въ прошеніи непременно слѣдовало, какъ онъ и прежде говорилъ, упомянуть о согласіи липованъ на введеніе у нихъ метрическихъ записей въ томъ случаѣ, если имъ дозволено будетъ имѣть своего епископа. Павелъ съ сокрушеніемъ

сердца объяснилъ ему, что это, дѣйствительно важное „упущеніе“ сдѣлано по крайней нуждѣ, такъ какъ предубѣжденіе липованъ противъ „метрики“, чего онъ и опасался, оказалось слишкомъ сильно, и самое благоразуміе требовало сдѣлать имъ на первый разъ уступку, не вносить въ прошеніе пунктъ о метрикахъ; но тѣмъ не менѣе онъ старался увѣрить Атанасевича, что въ послѣдствіи, съ учрежденіемъ у липованъ правильнаго іерархическаго порядка, непременно введены будутъ въ употребленіе и метрики, даже просилъ его, вмѣстѣ съ прочими „благодѣтельными чиновниками“, словесно передать высшему начальству, что податели прошенія за это ручаются. Окончательно исправленное прошеніе было наконецъ подписано Бѣлокриницкаго монастыря настоятелемъ, инокомъ Іоилемъ, съ прочею братіей, и, 14-го (26-го) февраля 1840 года, подано въ Буковинскій крайзамтъ.¹⁾

Итакъ, Павелъ и Геронтій, неожиданно оставшись зимовать въ Бѣлой-Криницѣ, также нечаянно напали на мысль о предпріятіи чрезвычайной важности для всего старообрядческаго міра и въ теченіе зимы настолько сами освоились съ этою мыслию, настолько и другихъ расположили въ ея

1) Это именно число указано въ „Рекурсѣ“, поданномъ императору Фердинанду въ 1843 году (*Бѣлокр. арх.*). Между тѣмъ въ *Уставѣ* говорится что прошеніе подано въ мартѣ мѣсяцѣ. Первое показаніе представляется болѣе точнымъ. Всѣ изложенныя нами подробности событій, съ пріѣзда Павла и Геронтія въ Бѣлокриницкій монастырь до подачи прошенія, основаны частію на запискахъ, частію на устныхъ разказахъ отца Онуерія, которыя вполнѣ подтверждаются и отдѣльными замѣтками, встрѣчаемыми то въ официальныхъ документахъ, то въ запискахъ и письмахъ другихъ участниковъ дѣла. Такъ Алипій, отъ 27 іюля 1841 года, писалъ роднымъ своимъ въ Крылово: „Мы между собою сдѣлавъ совѣтъ заблагоразсудили просить (согласно привилегіи) государственной помощи для отысканія намъ себѣ епископа, въ чемъ имѣемъ крайнюю нужду. Посовѣтовшись съ *благодѣтельными намъ чиновниками*, мы, сдѣлавши на бумагѣ, за нужное почли предложить своимъ свободнымъ обществамъ и испросить ихъ на то совѣту. И собравши изъ общества старѣйшихъ значительныхъ людей, прочитали имъ наше предпріятное намѣреніе, которое и они одобрили, но оставили оное намъ на нашу волю. Мы отъ себя подали прошеніе.“ Самъ Алипій однакоже во всемъ этомъ не участвовалъ; онъ пріѣхалъ въ Бѣлую-Криницу уже въ то время, когда прошеніе было подано.

пользу, что нашли возможность сдѣлать рѣшительный шагъ къ ея осуществленію. Подавъ прошеніе, они, кажется, были увѣрены, что со стороны правительства отказа не послѣдуетъ, и что, быть-можетъ, лѣтомъ же наступившаго 1840 года, снабженные правильными видами, отправятся въ давно желаемое путешествіе отыскивать „древле-православнаго епископа“ на приготовленную уже и законно утвержденную каеэдру. Но здѣсь-то именно и встрѣтились затрудненія, съ которыми пришлось имъ бороться цѣлыхъ четыре года всевозможными дозволенными и неподволенными средствами.

Черновицкій крайзамтъ не нашелъ съ своей стороны никакихъ препятствій дать надлежащее движеніе просьбѣ бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи самостоятельной липованской іерархіи съ епископомъ во главѣ. Напротивъ, черновицкія власти нашли, что примѣръ прочихъ существующихъ въ Австріи иновѣрцевъ и представленная въ копіи грамота Юсіафа II составляютъ вполне достаточное основаніе для такой просьбы; а заявленіе Павла, что липоване, съ учрежденіемъ у нихъ правильной іерархіи, не замедлятъ ввести въ употребленіе и метрическія записи, было принято ими съ такимъ довѣріемъ, что въ виду столь важнаго результата признали нужнымъ поддержать бѣлокриницкую просьбу и своимъ собственнымъ ходатайствомъ предъ высшимъ правительствомъ. Въ такомъ смыслѣ рѣшено было крайзамтомъ сдѣлать представленіе губернскому (во Львовъ) начальству, на разсмотрѣніе котораго надлежало препроводить и самую просьбу. Но въ просьбѣ этой имѣлись пункты, относительно которыхъ крайзамту необходимо было сдѣлать офіціальное дознаніе, чтобъ имѣть возможность, при представленіи дѣла въ губернію, дать нужныя по оному объясненія: 1) желаніе имѣть своего епископа выражено въ прошеніи отъ имени всѣхъ липованъ: нужно было удостовѣриться, дѣйствительно ли общества липованскія имѣютъ такое желаніе; 2) для жительства будущему епископу предназначенъ липованскій монастырь, находящійся при селеніи Бѣлая-Криница: нужно было собрать точныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ, когда онъ устроился и на

какихъ основаніяхъ существуетъ теперь; 3) содержаніе будущему епископу монастырь обязуется доставлять изъ собственныхъ средствъ: нужно было удостовѣриться, дѣйствительно ли имѣетъ монастырь достаточныя средства, чтобы могъ прилично содержать епископа; наконецъ 4) необходимо было развѣдать и о томъ, можно ли въ самомъ дѣлѣ положиться на обѣщаніе Павла, что метрики безпрепятственно будутъ приняты липованами, когда они получаютъ правильно устроенную іерархію. Для собранія точныхъ свѣдѣній по всѣмъ этимъ пунктамъ, крайзамтъ, въ исходѣ апрѣля 1840 года, нарочно отправилъ въ Бѣлюю-Криницу комиссара Шаловскаго.

Эта первая „комиссія“ по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каведры произвела очень непріятное впечатлѣніе на бѣлокриницкихъ липованъ: ихъ опасеніе, что начнутся разные хлопоты, спросы и переспросы, начало сбываться такъ скоро! Могло случиться, что, въ ожиданіи новыхъ подобныхъ непріятностей, они теперь и вовсе откажутся отъ участія въ затѣяхъ „калугеровъ“. Для Павла съ Геронтиемъ это было очень тревожное время; требовалось все ихъ искусство, чтобы успокоить липованъ. И сами не мало озабоченные пріѣздомъ комиссара, они старались однако увѣрить липованъ, что эта „комиссія“ есть обыкновенная формальность, безъ которой невозможно обойтись, и что затѣмъ уже липованскому обществу нечего опасаться какихъ-либо новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ они вошли въ ближайшія сношенія съ самимъ черновицкимъ комиссаромъ. Панъ Шаловскій оказался человѣкомъ весьма доступнымъ, и на свое порученіе, дѣйствительно, смотрѣлъ какъ на дѣло простой формальности. Можно было надѣяться поэтому, что всѣ показанія, какія будутъ ему сдѣланы, онъ приметъ, не подвергая строгой повѣркѣ. По вопросу о желаніи обществъ липованскихъ имѣть своего епископа, Шаловскій ограничился показаніемъ однихъ старшинъ, которые, по настоянію Павла, не отказались подтвердить предъ комиссаромъ, что просьба о епископѣ подана съ согласія всей липованской громады и что епископа имъ желательно пріобрѣсти. Относительно средствъ на содержаніе будущаго

епископа настоятель, инокъ Іоиль, представилъ комиссару, составленное инокомъ Павломъ, исчисленіе разныхъ „грунтовъ“ и угодій, якобы принадлежащихъ монастырю и дающихъ не малый доходъ (чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было), также сдѣланныхъ якобы монастырю нѣкоторыми лицами (нѣбывалыхъ) денежныхъ вкладовъ: этимъ показаніемъ комиссаръ удовлетворился вполне и наводить справки не считъ нужнымъ. Гораздо труднѣе было дать объясненія по двумъ остальнымъ пунктамъ. Вопросъ о монастырѣ имѣлъ ту весьма щекотливую сторону, что долженъ былъ вызвать изъ забвенія прежнія дѣла, въ силу которыхъ монастырь подвергнутъ двукратному запрещенію отъ правительства. Нѣтъ сомнѣнія, что инокъ Павелъ, проживъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ около года, успѣлъ хорошо познакомиться съ его исторіей и понималъ, какую опасностію грозили нынѣшнему существованію монастыря, а вмѣстѣ и самому дѣлу объ учрежденіи въ немъ архіерейской кафедрѣ, эти состоявшіяся въ прежнее время правительственныя рѣшенія. Устранить столь опасное по своимъ послѣдствіямъ затрудненіе, достигнуть того, чтобы прежнія правительственныя распоряженія относительно липованскаго монастыря оставались, какъ было доселѣ, въ забвеніи, или въ противномъ случаѣ были признаны не основательными и не дѣйствительными — это сдѣлалось теперь одною изъ главныхъ заботъ инока Павла. Въ показаніи пану Шаловскому онъ старался по возможности избѣгать всего, что могло бы вести къ напоминанію о прежней исторіи монастыря, и ограничился общимъ отвѣтомъ, что монастырь съ давнихъ поръ существуетъ на грунтѣ, отданномъ и завѣщанномъ въ его владѣніе старовѣромъ Иларіономъ Петровичемъ Коровьи-ножки, въ настоящее время имѣетъ столько-то иноковъ и находится въ положеніи благоустроенномъ. Что же касается вопроса о метрикахъ, то бѣлокриницкіе старшины и теперь, въ показаніи Шаловскому, не отступили отъ своего прежняго рѣшенія, то-есть показали, что распоряженіе правительства о веденіи метрическихъ записей считаютъ нарушеніемъ предоставленной имъ грамотой Іосифа II религіозной свободы.

Павель, напротивъ, далъ показаніе, что веденіе метричь не противно ни религіи липованъ, ни „привилегіи“ Іосифа ІІ, что одно только неимѣніе правильно устроенной іерархіи было причиной, почему доселѣ употребленіе метричь не принято у липованъ, и что съ учрежденіемъ архіерейской каеедры, очевидно, устранится главное и единственное къ тому препятствіе. Это формально данное имъ показаніе Павель, однакоже, просилъ комиссара, въ видахъ успокоенія липованъ, сохранить въ тайнѣ. Протоколъ этой первой слѣдственной комиссіи по дѣлу объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи подписанъ былъ 30 апрѣля 1840 года.¹⁾

Заботясь главнымъ образомъ о соблюденіи формальной правильности въ дѣлопроизводствѣ, крайзамтъ нашелъ собранныя Шаловскимъ показанія достаточными, по крайней мѣрѣ на первый разъ, чтобы сдѣлать о поданной липованскими иноками просьбѣ представленіе губернскому начальству въ смыслѣ благопріятномъ для просителей. Это представленіе, вмѣстѣ съ подлиннымъ прошеніемъ иноковъ Бѣлокриницкаго монастыря и протоколами Шаловскаго, было отправлено во Львовъ 29-го іюня.

Но крайзамтъ не могъ не примѣтить, что въ его представленіи, а также и въ протоколахъ комиссара, есть пунктъ весьма слабо разъясненный, — именно пунктъ о самомъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Не было сомнѣнія, что изъ губерніи потребуютъ гораздо болѣе полныхъ и точныхъ свѣдѣній о томъ, что это за монастырь, давно ли и на какихъ основаніяхъ существуетъ: представлялось необходимымъ повтому заблаговременно позаботиться о собраніи такихъ свѣдѣній и приведеніи ихъ въ надлежащій порядокъ. Вообще, для успѣшнаго веденія начатаго липованскими иноками дѣла о епископѣ, въ интересѣ самыхъ просителей, крайзамтъ находилъ нужнымъ потребовать отъ нихъ подробнаго изложенія исторіи монастыря, его назначенія, принятыхъ въ немъ правилъ общежитія, — всѣхъ вообще свѣдѣній о виѣшнемъ и внутреннемъ его устройствѣ. Посред-

¹⁾ Это число указано въ губернскомъ рѣшеніи по настоящему дѣлу, отъ 16 октября 1842 года (*Бѣлокр. арх.*).

ствомъ такого изложенія, особенно если будетъ оно искусно составлено, крайзамтъ надѣялся расположить высшее правительство въ пользу монастыря. Наконецъ въ видахъ же содѣйствія успешному окончанію дѣла о епископѣ, крайзамтъ находилъ полезнымъ, чтобы сдѣлано было точное изложеніе самаго вѣроученія липованъ, такъ какъ правительство, не имѣя надлежащихъ о немъ свѣдѣній, не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи строгаго различія между липованами и австрійскими подданными православной грековосточной религіи, а потому и учрежденіе особой липованской іерархіи можетъ признать ненужнымъ при существованіи въ австрійскихъ предѣлахъ іерархіи православной, какъ и было однажды, когда липованскихъ поповъ хотѣли подчинить вѣдѣнію буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита. Вслѣдствіе такихъ соображеній, изъ крайзамта послѣдовало, отъ 20-го іюня, ¹⁾ предписаніе въ Бѣлокрилицкій монастырь—сдѣлать и представить полное изложеніе монастырскаго устава „съ подробнымъ описаніемъ иноческаго житія и всѣхъ догматовъ вѣры старовѣрческой религіи.“²⁾

Указанныя сейчасъ соображенія „благодѣтельнаго“ для Липованъ черновицкаго начальства, безъ сомнѣній, были извѣстны иноку Павлу, и онъ умѣлъ оцѣнить ихъ по достоинству. Но тѣмъ не менѣе это распоряженіе правительства о составленіи монастырскаго устава было новою неприятностію и для него, и для всего монастырскаго братства, ибо ощутительнымъ образомъ давало знать, что дѣло о епископѣ вовсе не такъ легко и, главное, не такъ скоро можетъ быть кончено, какъ они предполагали. Во всякомъ случаѣ предписаніе начальства необходимо было исполнить. Само собою разумѣется, что всѣ труды по составленію устава возложены были на инока Павла, какъ единственнаго

1) Такъ сказано въ *Рекурсъ*.

2) Предисл. къ *Уставу*. Алимпій въ письмѣ къ роднымъ въ Брылаво: „Правительство напередъ желаетъ узнать порядки нашего жительства и требуетъ отъ насъ устава, како имѣемъ жительство и состояніе монастыря, и о службѣ церковной, и о чиноположеніяхъ монастыря, даже и о пищѣ.“ Геронтій на допросъ: „Мѣстное начальство, принявъ наше прошеніе, потребовало отъ насъ показать имъ нашу религію.“

человѣка, который могъ исполнить это дѣло. Составленіе монастырскаго устава само по себѣ не представляло особенной трудности для Павла: онъ достаточно знакомъ былъ съ аскетическими твореніями святыхъ отцевъ, раскрывающими духъ православнаго иночества, а внѣшнія правила монашеской жизни, вообще довольно строго соблюдаемыя въ раскольническихъ монастыряхъ, были извѣстны ему изъ опыта и вполне имъ усвоены. Но уставъ, который надлежало ему составить, назначался не для того собственно, чтобы служить руководствомъ для монастырскихъ властей и монастырскаго братства, быть изложеніемъ правилъ обязательныхъ для непремѣннаго исполненія всѣми живущими въ монастырѣ; важнѣйшимъ его назначеніемъ, по требованію обстоятельствъ, было—служить предъ правительствомъ 1) своего рода апологіей липованскаго монастыря, оправданіемъ его существованія, и 2) документальнымъ основаніемъ для разьясненія и желаемаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи въ монастырѣ архіерейской старообрядческой каеэды. Имѣя въ виду именно такое назначеніе устава, иннокъ Павелъ считалъ необходимымъ 1) и въ самомъ изложеніи правилъ иноческаго общежитія заботиться не столько объ ихъ удобоприложимости, сколько о томъ, чтобы они въ своей совокупности могли дать самое выгодное понятіе о томъ учрежденіи, которое считалось у правительства какимъ-то страннымъ, непозволительнымъ духовнымъ институтомъ; 2) тщательно собрать историческія свѣдѣнія о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и изложить ихъ въ такомъ видѣ, чтобы законное существованіе монастыря представлялось не подлежащимъ сомнѣнію; 3) обстоятельно изложить всѣ основанія, на которыхъ должно утверждаться желаемое учрежденіе архіерейской каеэды въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ,—исчислить всѣ права и обязанности будущаго епископа и его преемниковъ. Все это уже дѣлало трудъ составленія устава весьма не легкимъ: требовалось и терпѣніе и искусство, чтобы составить его какъ слѣдуетъ. Павелъ доказалъ, что въ достаточной степени обладалъ и тѣмъ и другимъ. Со всѣмъ усердіемъ занялся онъ собираніемъ матеріаловъ для устава,—дѣлалъ выписки изъ отеческихъ писаній, пользуясь

довольно богатымъ собраніемъ старопечатныхъ книгъ, доставшихся монастырю еще отъ перваго настоятеля Симеона, ¹⁾ распрашивалъ старожиловъ, современниковъ Иларіона Коровья ножи, о заселеніи Бѣлой-Криницы, объ основаніи монастыря и постигшихъ его злослуженіяхъ, дѣлалъ подъ руководствомъ и при помощи Атанасевича справки въ присутственныхъ мѣстахъ, выписки изъ дѣлъ и правительственныхныхъ рѣшеній относительно монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, совѣщался со своими ближайшими совѣтниками, читалъ имъ написанныя части устава и по ихъ указаніямъ дѣлалъ поправки, въ чемъ однакоже рѣдко представлялась надобность, такъ какъ все, что выходило изъ-подъ пера инока Павла, для его почитателей было образцомъ совершенства. ²⁾ Работа шла успѣшно и быстро приведена къ концу.

Но когда уставъ былъ написанъ, встрѣтилось новое затрудненіе: нужно было перевести его на нѣмецкій языкъ и найти такого переводчика, который могъ бы вѣрно передать смыслъ подлинника. Панъ Атанасевичъ для этого дѣла не годился: здѣсь нуженъ былъ человѣкъ, который, при совершенномъ знаніи славянскаго языка, не только вполнѣ владѣлъ бы языкомъ нѣмецкимъ, но имѣлъ бы также и близкое знакомство съ духовною литературой, съ языкомъ собственно богословскимъ, такъ какъ уставъ изобиловалъ текстами Священнаго Писанія и выписками изъ отеческихъ твореній, вообще по своему содержанію и изложенію имѣлъ характеръ церковно-богословскаго сочиненія. На присканіе такого переводчика потрачено было много времени и хлопотъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ,

1) Игуменъ Пареевій свидѣтельствуетъ, что въ его время у бѣлокриницкихъ монаховъ была такая „библіотека книгъ, какая едва ли гдѣ и въ монастырѣ есть.“ *Кн. о пром.*, стр. 200.

2) Возражателемъ Павлу являлся только задорный инокъ Алимпій, въ это время возвратившійся уже въ Бѣлую-Криницу. И такъ какъ Павелъ въ свою очередь былъ тоже человѣкъ горячій и особенно отъ своихъ мнѣній отступать не любилъ, то между ними по поводу устава происходили большіе споры; всякій разъ однакоже дѣло кончалось примиреніемъ, и „поликотавшійся“ спорщики становились попрежнему друзьями.

найденъ былъ человѣкъ, на котораго можно было вполне положиться, именно г. Тарновецкій, служившій консисторскимъ чиновникомъ у буковинскаго православнаго епископа Евгенія Гакмана.¹⁾ Тарновецкій успѣшно повелъ дѣло,—не затруднился ни славянскимъ, ни нѣмецкимъ такстомъ. Впро-

1) По словамъ Надеждина, уставъ будто бы не только переводилъ, но даже и сочинилъ нѣкто іеродіакоуъ Викторъ Кокорикъ. Вотъ что именно писалъ онъ объ этой личности: „Чтобы соблюсти порядокъ, правительство потребовало отъ раскольниковъ подробнаго изложенія ихъ вѣроученія. Подобное изложеніе написалъ для нихъ въ Буковинѣ одинъ изъ тамошняго православнаго духовенства, іеродіакоуъ Викторъ Кокорикъ. Этотъ іеродіакоуъ родомъ Волохъ, одаренный большими способностями и получившій основательное классическое образованіе, началъ было прекрасную карьеру, былъ отличнмъ профессоромъ въ Черновицкомъ теологическомъ институтѣ и готовился занять тамъ мѣсто ректора, но по несчастію свихнулся въ поведеніи, ударился въ пьянство и другіе пороки и теперь, отрѣшенный отъ всѣхъ должностей, живетъ на смиреніи, въ монастырѣ Драгомирѣ. Тутъ смыслили его раскольники и, пользуясь его страстью, обратили его въ свое орудіе. Владея въ совершенствѣ языками нѣмецкимъ и латинскимъ, зная мѣстные законы и формы дѣлопроизводства, онъ служитъ имъ секретаремъ по всѣмъ оенціальнымъ дѣламъ, пишетъ для нихъ всякую всячину за рюмку водки, за бутылку вина, за кружку пива. Такъ настроилъ (!) онъ и требовавшееся отъ нихъ изложеніе вѣроученія, въ которомъ, по собственному его сознанію, высказанному имъ съ дичиескою откровенностію, самъ ничего порядочно не понимаетъ“. (Келье. Сборн., ч. I, стр. 204) Еслибы Надеждинъ имѣлъ возможность видѣть составленный по требованію правительства уставъ Бѣлокриницкаго монастыря, онъ не могъ бы не понять, что это есть оригинальное произведеніе многоначитаннаго и искушеннаго въ сочинительствѣ старообрядца, какииъ былъ именно игуменъ Павелъ, и что такого сочиненія не въ состояніи былъ составить никакой іеродіакоуъ изъ православныхъ, хотя бы и классически образованный и хотя бы даже былъ человѣкъ не пьяный, понимающій что пишетъ. Надеждина, какъ видно, ввелъ въ ошибку самъ Кокорикъ, рассказами котораго между прочимъ пользовался онъ для своей записки *о заграничныхъ раскольникахъ*: „съ нимъ, замѣчаетъ Надеждинъ, я такъ успѣлъ сойтись, что онъ готовъ былъ отдать мнѣ всѣ черковыя бумаги, писанныя имъ для лицованъ; только у этого пьяницы, къ сожалѣнію, не оказалось ни одного лоскутка.“ (Тамъ же, стр. 103, прим.) Никакихъ бумагъ у него, конечно, и не бывало; по всей вѣроятности, онъ желалъ только порисоваться предъ Надеждинымъ, собиравшимъ извѣстія о лицованахъ, своею вымышленною благовѣстію къ этимъ послѣднимъ. А въ Бѣлой-Брянцѣ не знали даже и имени Виктора Кокорика,—по крайней мѣрѣ игуменъ Онуерій, который хорошо знаетъ всю исторію составленія устава, ничего не слыхалъ о немъ. Было извѣстно только, что Па-

чемъ для необходимыхъ объясненій въ томъ случаѣ, еслибы славянскій текстъ показался ему неудобовразумительнымъ, инокъ Павелъ самъ переѣхалъ въ Черновцы и поселился у него въ домѣ.

Здѣсь однакоже Павелъ занятъ былъ и другимъ, болѣе серьезнымъ дѣломъ. По зрѣломъ размышленіи онъ убѣдился, что согласно предписанію крайзамта необходимо еще составить изложеніе самаго вѣроученія липованъ, такъ какъ изложеніе это дѣйствительно могло способствовать успѣшному окончанію дѣла объ іерархіи устраненіемъ неправильныхъ понятій о религіи липованъ.¹⁾ Этимъ дѣломъ и занялся инокъ Павелъ, живя у Тарновецкаго въ Черновцахъ. Книги нужныя для справокъ онъ получалъ изъ Бѣлой-Криницы; тамъ же дѣлались по его указанію разныя справки и выписки изъ книгъ, которыхъ не имѣлъ онъ подъ руками: эти порученія обыкновенно исполнялъ инокъ Онуфрій, которому приходилось такимъ образомъ нѣсколько разъ путе-

велъ, когда искалъ способнаго переводчика, обращался между прочимъ къ кому-то въ монастырѣ Драгомирскомъ, и что этотъ драгомирскій переводчикъ скоро оказался непригоднымъ для дѣла, почему и были прекращены съ нимъ всякія сношенія. Не мудрено, что это былъ именно Викторъ Кокопякъ,—и этимъ-то обстоятельствомъ онъ могъ воспользоваться, чтобы выдать себя предъ Надеждинымъ за автора бѣлокриницкаго устава и секретаря липованъ по всемъ ошціальнымъ дѣламъ. А что уставъ переведенъ былъ съ русскаго языка на нѣмецкій дѣйствительно консисторскимъ чиновникомъ Тарновецкимъ, это, кромѣ свидѣтельствъ о. Онуфрія и другихъ, несомнѣнно подтверждается слѣдующей собственноручной подписью Тарновецкаго на подлинной книгѣ устава, подъ нѣмецкимъ текстомъ: Uebersetzt aus dem Slawisch-moskowitzischen ins Deutsche And. Tarnowiecky, Consistorial-Kaplanist. Этотъ дѣйствительный переводчикъ устава, совершивъ свой подвигъ на пользу раскола, потерпѣлъ скорѣ послѣ того весьма печальную участь. Вотъ что пишетъ о немъ о. Филаретъ въ своихъ *замѣткахъ*: „У Тарновецкаго умерли одинъ за другимъ — жена и единственный сынъ, потомъ самъ онъ ослѣпъ и также умеръ. Бывало Павелъ, сожалея объ немъ, говорилъ: „еслибы онъ не ослѣпъ, то со временемъ обратился бы въ нашу благочестивую вѣру, правоту которой достаточно видѣлъ изъ нашего устава“.

1) Въ предисловіи къ уставу самъ онъ, между прочимъ, цѣлю этого изложенія поставляетъ то, чтобы „внѣшнихъ народовъ неправеднос о древле-христіанской (липованской) религіи мнѣвие письменнымъ открытіемъ совершенно отклонить“.

шествовать къ Павлу въ Черновцы.¹⁾ Составивъ изложение старообрядческаго вѣроученія, или такъ-называемую *Богословію липованъ*, инокъ Павелъ присоединилъ ее къ уставу, какъ особую его часть.

Лѣтомъ 1841 года все дѣло приведено было къ концу: уставъ съ богословіей и другими прибавочными статьями, переведенный по-нѣмецки и вновь пересмотрѣнный, былъ тщательно переписанъ на листахъ большаго формата, въ два столбца (на одномъ русскій текстъ, на другомъ нѣмецкій), и составилъ цѣлую довольно объемистую книгу.²⁾

Такъ какъ для исторіи бѣлокрыницкой іерархіи это замѣчательное произведеніе инока Павла имѣетъ особенную важность, то здѣсь необходимо указать, хотя въ общихъ чертахъ, его содержаніе и отличительный характеръ.

„Уставъ Бѣлокрыницкаго старовѣрскаго общежительнаго монастыря“ раздѣляется на семь главъ, или частей.

1) Инокъ Алимпій въ это время также большею частію жилъ въ Черновцахъ и опять нерѣдко заводилъ съ Павломъ споры изъ-за богословія: здѣсь примирителемъ спорщиковъ обыкновенно являлся поць Тарновецкій.

2) Подлинная книга устава, писанная въ листъ большаго формата, переплетенная въ зеленый сафьянъ, прошнурованная и скрѣпленная монастырской печатью, состоитъ изъ 121 стр., что и указано на концѣ книги въ слѣдующей подписи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „всего по сей книгѣ писанныхъ страницъ значится щетомъ сто тридцать одна вкупѣ съ предисловіемъ и каталогомъ“. Русскій текстъ отъ начала до конца переписанъ собственноручно инокомъ Павломъ съ величайшимъ тщаніемъ, и хотя не слишкомъ красиво, но чрезвычайно чисто и четко, какъ и слѣдовало ожидать отъ бывшаго зимогорскаго волостнаго писаря. Нѣмецкій же текстъ и переписанъ Тарновецкимъ, какъ можно судить по сдѣланной въ концѣ собственноручной его подписи. На первомъ листѣ книги, вмѣсто вѣнкетки, выведена довольно искусно однимъ почеркомъ пера птица, несущая въ клювѣ письмо, — на крылѣ у нея сдѣлана мелкимъ почеркомъ надпись: *Уставъ Бѣлоколѣдезнаю монастыря*; а ниже, въ большомъ кругу, весьма фигурно написаны русское и нѣмецкое заглавія Устава. Повѣмедки оно переведено здѣсь такъ: *Statuten des Bielokrinitzer altgläubigen Klosters in der k. k. oesterr. Bukowina*. На концѣ книги приложенъ листъ рисунковъ, представляющихъ, весьма неискусно впрочемъ, раскольническихъ священно — инока и діакона въ полныхъ облаченіяхъ, схимниковъ и иноковъ въ торжественныхъ, соборныхъ и вседневныхъ одѣяніяхъ; здѣсь же помѣщены изображенія „благословіюща и моляща руки“, и просфоры съ круглой печатью.

Въ *первой главѣ* говорится: „1) о первоначальномъ монастырскомъ общежительствѣ; 2) о истинномъ богопознаніи; 3) о богоразсужденіи; 4) о догматѣ вѣры и 5) о догматѣ церкви“. Статья „о монастырскомъ общежительствѣ“ кратко объясняетъ происхождение и назначеніе монашества; остальные же четыре статьи посвящены собственно изложенію догматическаго ученія старообрядцевъ, или старообрядческой богословіи.

Первая изъ этихъ четырехъ статей излагаетъ ученіе о Богѣ, Его свойствахъ и дѣйствіяхъ, — ученіе, въ которомъ старообрядцы не разнятся отъ православныхъ. Инокъ Павелъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ своемъ изложеніи основался преимущественно на уважаемыхъ старообрядцами древлепечатныхъ книгахъ; но, увлекаемый своей постоянной наклонностью любомудрствовать, онъ и здѣсь высказалъ нѣкоторыя неосторожныя сужденія, „не согласующія православному ученію“ и въ послѣдствіи самими старообрядцами, нѣсколько отрезвившимися отъ поклоненія его авторитету, признанныя за ересь.¹⁾ Такъ напримѣръ, въ самыхъ первыхъ словахъ, которыми начинается статья о истинномъ богопознаніи: „Богъ есть существо неповинно, яко ни отъ кого же, ни самъ отъ себе“, разсудительнѣйшіе изъ старообрядцевъ справедливо находили выраженіе слишкомъ неосмотрительное, противное свидѣтельству Спасителя: *Отецъ и — мать живутъ въ себѣ* (Іоан. гл. 5 ст. 26). Особенно заслуживаетъ вниманія, какъ любомудрствовалъ Павелъ о первомъ днѣ сотворенія міра. „Первѣе (писалъ онъ) простре Богъ небо, яко кожу, еже именуеть Писаніе *небо небесъ*, суще беззвѣздное, безчисленною добротою отъ божественныхъ лучей сіяюще; а земля, и воды, и прочія вещи всего зданія тогда были не ино что, какъ вещество смѣшенное и погруженное во ужасной тьмѣ и мрачномъ хаосѣ. И Духъ

¹⁾ Мы разумѣемъ здѣсь, состоявшееся въ Москвѣ 17 авг. 1863 года, постановленіе раскольническихъ духовныхъ властей о догматическихъ погрѣшностяхъ въ сочиненіяхъ Павла, и главнымъ образомъ въ Уставѣ (см. объ этомъ въ книжкѣ: *Присоединеніе раск. епископовъ*, стр. 31—31; еще въ предисловіи къ восьми вопросамъ, *Душеполез. Чт. 1865 г. ч. I, стр. 261—266*).

Божій носился надъ симъ влажнымъ и неустроеннымъ веществомъ. *Не о Святѣмъ же Дусѣ здѣ Писаніе глаголетъ:* ибо не считается съ тварію несозданное; но духъ той быше, по глаголу святаго Андрея Цареградскаго, *яже прежде всею отъ Бога сотворенъ бысть, существо вѣчнаго состава, еже есть плъкъ*¹⁾. Такимъ образомъ Павелъ допустилъ бытіе какого-то существа, хотя и созданнаго, но имѣющаго вѣчное существованіе и участвовавшаго въ міротвореніи, которому имя „вѣкъ“ или „вѣщъ“: мысль совершенно противная ученію православной вѣры. „Потомъ (продолжаетъ Павелъ) сотворилъ Богъ свѣтъ. Обаче за сотвореніе свѣта да не возмнимъ первобытную тьму быти искони присносущну, да не тьмъ отъ нужди послѣдуетъ и Бога глаголати тьмою изъ начала бывша. Но убо достойтъ разумѣвати, яко Богъ, сый свѣтъ истинный, искони совершенъ и непремѣненъ есть: *точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя единосущное со умъ Слово, Сына Своего, Ею же, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго, въ первомъ изреченіи: „да будутъ плъкъ“ не только родилъ, сирѣчь во исхожденіи Соприсносущнымъ Духомъ своимъ Святымъ отъ сердца отрыгнулъ.*“ Здѣсь, очевидно, инокъ Павелъ выразилъ мысли еретическія: рожденіе Сына и исхожденіе Духа призналъ подвременными, совершившимися якобы тогда, когда Богъ Отецъ разрѣшилъ молчаніе, въ которомъ (по ученію Павла) пребывалъ до сотворенія дѣлъ Своихъ. Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, до чего довели инока Павла, въ статьѣ „о истинномъ богопознаніи“, его учительская самоувѣренность и излишнее стремленіе къ любомудрію о предметахъ неудоборазумѣваемыхъ.¹⁾

Статья „о богоразсужденіи“ посвящена рѣшенію нѣкоторыхъ возраженій, или недоумѣній относительно изложеннаго въ предыдущей статьѣ ученія о божескихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. Такого рода возраженія обыкновенно предлагались въ схоластическихъ богословіяхъ, и потому въ старо-

1) Андрей Цареградскій, на котораго ссылался Павелъ, есть Андрей Христа ради юродивый. Павелъ имѣетъ въ виду помѣщенные въ рукописномъ житіи Андрея отвѣты его на вопросы ученика Епископа, — сочиненіе апокрифическаго происхожденія.

обрядческомъ сочиненіи представляютъ явленіе довольно неожиданное. Повидимому инокъ Павелъ имѣлъ здѣсь цѣлю коснуться нѣкоторыхъ мнѣній, принятыхъ римско-католическими и протестанскими богословами, какъ на примѣръ о чистилищѣ, о предопредѣленіи людей ко спасенію, объ оправданіи одною вѣрою, и др.

Особенную важность въ первой главѣ устава имѣють двѣ послѣднія статьи: *о догматъ вѣры* и *о догматъ церкви*, такъ какъ здѣсь содержится изложеніе и собственно старообрядческаго ученія. Что такое *догматъ вѣры*, и что такое *догматъ церкви*? какое между ними различіе? и почему на примѣръ ученіе о призываніи святыхъ, о почитаніи мощей и иконъ отнесено къ числу догматовъ вѣры, а ученіе о семи таинствахъ къ догматамъ церкви? — на все это инокъ Павелъ не даетъ объясненія; но цѣль представленнаго имъ раздѣленія догматовъ очевидна: ему желательно было усвоить догматическое значеніе тѣмъ обрядовымъ разностямъ, изъ-за которыхъ раскольники отдѣлились отъ церкви, и этимъ самымъ оправдать это отдѣленіе, такъ какъ обрядовыя дѣйствія, каковы на примѣръ употребленіе семи просфоръ на проскомидіи, исключительное почитаніе восьмиконечнаго креста, двуперстіе и пр. отнесъ онъ именно къ числу церковныхъ догматовъ.

Изложеніе *догматовъ вѣры* начинается символомъ, который приведенъ, разумѣется, по старообрядческому чтенію, и затѣмъ кратко излагается ученіе а) о Святой Троицѣ и воплощеніи Сына Божія, б) о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, в) о призываніи святыхъ, г) о почитаніи мощей и д) о чтеніи святыхъ иконъ. Достоинно замѣчанія, что говоря о Богородицѣ инокъ Павелъ повторилъ еще въ челобитной Никиты высказанное ¹⁾ мнѣніе о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, и такимъ образомъ гораздо ранѣе Пія IX внесъ это мнѣніе въ число „догматовъ вѣры“. Вотъ подлинныя слова его: „На земли предуготова Богъ на вселеніе однородному Сыну своему Слово одушевленное небо чисто и никоеяже скверны причастно, еже есть: сію преблагословенную Вла-

¹⁾ Жезль прав. л. 27.

дычиду нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, отъ сѣмене чистаго и еще прежде зачатія ея предочищеннаго и освященнаго. Тѣмъ убо только сія едина, отъ родовъ предызбранная и отъ пророкъ пронареченная, Содѣтеля всего міра мати, не только *отнюдь первородныя скверны бысть не причастна*, но даже вся яко небо чиста и добра зѣло пребыть⁴.

Наконецъ Павелъ исчисляетъ слѣдующіе „въ неизмѣнномъ исполненіи соблюдаемые“ у старообрядцевъ „*догматы древле-восточныя соборныя апостольскія церкви*“:

а) „Седмь изящныхъ святыхъ таинъ церковныхъ“. Здѣсь, говоря о таинствѣ *крещенія*, довольно обстоятельно излагаетъ онъ доказательства, почему крещеніе непрѣнно должно быть совершаемо въ три погруженія; но прямыхъ замѣчаній противъ крещенія чрезъ обливаніе онъ почему-то не нашелъ нужнымъ приводить здѣсь и ограничился только слѣдующими словами: „кромѣ сего единаго трепогружательнаго крещенія никакія инообразныя крещенія у насъ подъ строгимъ запрещеніемъ отнюдь не приемятся: яко дерзати смѣющихъ святое крещеніе инако дѣйствовать или примати церковныя правила изъ священнаго сана изверженіемъ осуждаютъ“. Говоря о таинствѣ *мвропомазанія*, онъ приводитъ вполнѣ всѣ тѣ приглашенія, которыя по Іосифовскому требнику положено читать при помазаніи святымъ мвромъ различныхъ частей тѣла и отмѣненіе которыхъ, какъ извѣстно, признано было еще первыми расколоучителями за великую погрѣшность въ новоисправленныхъ книгахъ¹⁾: употребленію этихъ приглашеній въ таинствѣ мвропомазанія Павелъ такимъ образомъ усвоетъ догматическую важность. Относительно таинства *евхаристіи* онъ сдѣлалъ замѣчаніе, направленное противъ римскихъ католиковъ, что „*обою непрѣнно (и тѣло и кровь Христовы) каждому православному христіанину подается во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную: самъ бо Христось Спаситель нашъ всѣмъ повелѣ плоть Его ясти*

1) Никита писалъ въ челобитной: „И та, государь, вся божественная приглашенія нарушила, послѣдую отпадшія вѣры римскія неправославному крещенію.“ *Жезль праг.*, л. 41.

и кровь Его пити^а. Остальные четыре таинства инокъ Павелъ только перечислилъ.

б) „Древней церкви благолѣпный чинъ божественной литургии, устроенной Василиемъ Великимъ, и Иоанномъ Златоустомъ, и святымъ Григоріемъ папою римскимъ.“ Здѣсь инокъ Павелъ догматическую важность приписалъ между прочимъ тому, „чтобы на святой проскомидіи *непрѣменно* имѣть семь просфоръ, именуемыхъ великія“, и чтобы на ихъ печать была непрѣменно круглая „съ трисоставнымъ крестомъ Христовымъ“: онъ изложилъ подробно за кого каждая просфора приносится и какое знаменованіе имѣетъ „круглое обведеніе“ печати съ трисоставнымъ крестомъ. Здѣсь же онъ представилъ доказательства, что въ таинствѣ евхаристіи, вопреки ученію западныхъ, долженъ быть употребляемъ хлѣбъ квасный, — доказательства, изъ которыхъ видно достаточное знакомство Павла съ вопросомъ объ опрѣсноксахъ.

в) „Непрѣмѣнное содержаніе креста Христова тричастнаго или трисоставнаго, именуемаго также и четверчастнымъ.“ Объяснивъ значеніе каждаго изъ этихъ наименованій, но не обративъ вниманія на ихъ очевидное противорѣчіе, инокъ Павелъ такъ излагаетъ далѣе самую сущность якобы „церковнаго догмата“ о трисоставномъ крестѣ, и отношеніе креста тричастнаго къ двучастному (четырёхконечному): „Сей трисоставный крестъ Христовъ, какъ въ древлегреческой церкви, равно и у насъ, яко самосовершитель, присно во всѣхъ священнодѣйствіяхъ употребляется (?) и паче всѣхъ священныхъ вещей предпочитается, тѣмъ и на верхъ самой главы церкви Христовой поставляется: понеже осѣненіемъ благословлять его, кромѣ Бога, отнюдь никто не можетъ, но самъ той божественный крестъ вся осѣняетъ и вся освящаетъ. Двучастнаго же креста знаменіе, еже изъ двухъ частей составленнаго, имѣетъ отъ тричастнаго велие различіе, — тако, яко образъ отъ истины, или паче отъ образа сѣнь. Понеже *двучастный крестъ есть сплоская завѣта начертаніе* 1): якоже

1) Это выраженіе было признано за „погрѣшительное, противное православному исповѣданію“ самими старообрядческими властями, въ состоявшемся 17 авг. 1863 г. постановленіи (см. *Присоед. раск. еписк.* стр. 51, въ прим.).

древле Моисей крестообразно руцѣ распростре и на мори жезломъ образъ креста начертавъ, тогда бо и силы дѣяшася отъ него; нынѣ же отъ Христова новоблагодатнаго закона вся та упразднися: преиде бо сѣнь законная благодати пришедши. Обаче, яко же сѣнь въ лицѣ солища неотлучна есть отъ сущаго: тако и двучастный отъ тричастнаго креста неотлученъ есть; но только сей двучастный крестъ у насъ приѣмлется во употребленіе на священныхъ одеждахъ, его же священникъ первѣ осѣняетъ и потомъ цѣлуеъ.“

г) „Двуперстное сложеніе руки, непремѣнно употребляемое священниками на благословеніе и христіанами на крестное огражденіе.“ Сначала инокъ Павелъ со всею обстоятельностью описаль, какъ именно надлежитъ слагать персты для крестнаго знаменія; потомъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ особеннымъ тщаніемъ изложилъ доказательства въ защиту этого, можно сказать, основнаго „догмата старообрядческой церкви“. Свидѣтельства Стоглава, Максима-Грека, мнимаго Феодорита, Мелетія Антиохійскаго, святыхъ чудотворныхъ иконъ — все это приведено Павломъ съ разными замѣчаніями и объясненіями. Вотъ какъ, на примѣръ, изложилъ онъ доказательство отъ святыхъ чудотворныхъ иконъ: „Христова благословенія видѣ воистину былъ образъ вселенскому содержанию. Святый бо Лука евангелистъ во Евангеліи благовѣствуетъ, что Христосъ Спаситель, при вознесеніи на небо, апостоловъ своими пречистыми руками благословиль. И хотя сей святый евангелистъ прочее тамо не упоминаетъ, како персты рукъ своихъ Христосъ слагаль; обаче сей евангелистъ, будучи изуграфъ, благословящую десницу у Христа Спасителя, на первой имъ написанной богородичной иконѣ, двуперстнымъ сложеніемъ ясно изобразилъ. Таковой образъ Христова благословенія приняли первѣ святіи Апостоли, а отъ сихъ другопримательнѣ древлегреческіе и прочіе вселенскіе первосвятители. И такъ были по оному святымъ Лукою написанному образу и множайшіи въ древлегреческой церкви иконы точно изобразуемы.“ Разумѣется, все изложеніе „догмата о перстосложеніи“ направлено противъ троеперстія и именовсловаго сложенія руки. „Литеросложное благословеніе“, по словамъ Павла, неудобно

къ пріятію потому, „что не можетъ дѣйствоваться во вселенскомъ употребленіи, идѣже литеры другихъ языкъ не согласуютъ съ сложеніемъ перстовъ.“ „А тремя первыми вкупѣ сложенными персты, образующими только едино таинство Святыя Троицы, крестное знаменіе на себѣ изображати (якобы) сходственно есть ереси Севировой и прочихъ, которые божество на крестѣ страдавше злѣ мудрствоваху“; „оба же таинства (Св. Троицы и воплощенія Бога-Слова) изобразити тремя первыми персты не вмѣстимо, смѣшати же не праведно, да не подражаніе будетъ нѣкое ереси Евтихіевой и Діоскоровой, которыя двѣма естествома, Божеству и челоувѣчеству, въ совокупленіи смѣситися и во едино естество сотворитися злѣ проповѣдаста.“ Это были два любимыя доказательства, которыя обыкновенно приводилъ Павелъ противъ православнаго перстосложенія и въ первый разъ теперь изложилъ письменно ¹⁾. Въ послѣдствіи, даже сами старообрядческія власти признали эти доказательства не только неосновательными, но и „злочестивыми“ ²⁾.

д) „Истовое на себѣ знаменіе честнаго креста“, то-есть посредствомъ возложенія двухъ перстовъ десныя руки на чело, на чрево и на оба рама. Объяснивъ таинственное значеніе, усвояемое старообрядцами каждому изъ этихъ дѣйствій, Павелъ говоритъ въ заключеніе: „Сицевымъ чиномъ крестное знаменіе истово совершающихъ ангели Божіи свыше зрятъ и веселятся, понеже сила сего велика есть.... Есть же и во отеческихъ книгахъ писано о семъ: иже аще не по подобію лице свое знаменуетъ, сирѣчь не истово крестить, гордости ради или лѣности, и махаетъ сѣмо и овамо, и тому маханію бѣси радуются.“

е) Такое же истовое и тѣми же двумя перстами изображеніе крестнаго знаменія въ священническомъ благословеніи. Здѣсь изложенъ весь существующій у старообрядцевъ чинъ благословенія.

ж) „Ненарушимое соблюденіе четырехъ въ году соборныхъ постовъ, составляющихъ всего до двадцати одной седмицы.“

¹⁾ Доказательства эти заимствованы Павломъ изъ *Поморскихъ отвѣтовъ*.

²⁾ См. *Присоединеніе раск. еписк.* стр. 36—37, 43, 51.

Изложивъ всѣ эти „церковные догматы“, инокъ Павелъ заключаетъ свою богословію, или первую главу устава, слѣдующими словами: „Совокупно рещи, сохраняется у насъ неизмѣнно то самое вѣры догматствованіе и все церковное чиноположеніе и богослуженіе, еже, прежде нежели западная церковь отъ восточной раздѣлилася, вселенскими соборы утвержденное, святымъ же и равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ Кіевскимъ въ 6496 году отъ Грекъ во всей цѣлости принятое, и которое существовало въ Россіи *все обдержно и неизмѣнно* даже до перемѣнъ церковныхъ книгъ бывшимъ Московскимъ патріархомъ Никономъ 7163 года.“

Вторая глава содержитъ статьи: 1) „о первоначальномъ расположеніи и перенесеніи монастыря, и судебномъ рѣшеніи на его наслѣдственное имущество; 2) о количествѣ и плодотриношеніи монастырскихъ грунтовъ и о прочихъ приобрѣтаемыхъ доходахъ; 3) о содержаніи монастырскихъ жителей.“

Первая изъ этихъ статей есть не что иное, какъ основанная на собранныхъ инокомъ Павломъ рассказахъ старожиловъ исторія первоначальнаго водворенія липованъ въ Бѣлой-Криницѣ (здѣсь, разумѣется, самое видное мѣсто занимаетъ, приведенная вполнѣ, пресловутая привилегія Іосифа II), и затѣмъ краткая исторія самаго монастыря, сущающаго въ Бѣлой-Криницѣ. Соотвѣтственно цѣли, какая имѣлась въ виду при составленіи этой исторіи и вообще при составленіи устава, инокъ Павелъ и здѣсь, какъ на допросахъ комиссара Шаловскаго, весьма тщательно и искусно обошелъ всѣ тѣ обстоятельства, которыми совершенно ясно обличалось противозаконное существованіе Бѣлокриницкаго монастыря. Основаніе монастыря на урочищѣ Тернавкѣ, и потомъ перенесеніе въ Бѣлую-Криницу онъ изложилъ весьма кратко, и притомъ какъ событія безпрепятственно и законно совершившіяся: о правительственныхъ распоряженіяхъ 1784 и 1791 годовъ нѣтъ и помину. За то съ канцелярскою аккуратностію указаны декреты двухъ низшихъ судебныхъ инстанцій объ утвержденіи завѣщанія, составленнаго Иларіономъ Коровьи-ножки въ пользу монастыря: эти два документа, указанные съ

точнымъ обозначеніемъ нумеровъ, очевидно, должны были служить доказательствомъ, что само правительство признало монастырь законно существующимъ, когда составленное въ его пользу завѣщаніе не усомнилось утвердить въ полной силѣ. Здѣсь инокъ Павелъ употребилъ и еще хитрость, сказавъ, что Иларіоново завѣщаніе сдѣлано въ пользу монастыря, тогда какъ оно сдѣлано было на имя „калугеровъ“, съ дозволенія правительства жившихъ въ Бѣлой-Криницѣ, въ Иларіоновомъ домѣ, а не на имя монастыря, который, какъ „институтъ“, рѣшительно запрещенъ былъ правительствомъ.

Статья „о монастырскихъ грунтахъ и доходахъ“ есть также не что иное, какъ болѣе обстоятельное изложеніе сдѣланнаго инокомъ Павломъ на этотъ счетъ показанія комиссару Шаловскому, и подобно предыдущей отличается тою же ловкостью или, вѣрнѣе сказать, недобросовѣстностью, употребленіе которой инокъ Павелъ уже привыкъ теперь считать совершенно позволительнымъ дѣломъ, когда рѣчь шла о предметѣ такой чрезвычайной важности для старообрядчества, какъ учрежденіе „древлеправославной іерархіи“. Въ поданномъ крайзамту прошеніи монастырь обязывался содержать будущаго епископа „собственнымъ коштомъ“: надлежало теперь показать, что монастырь дѣйствительно имѣетъ нужныя для того средства отъ своихъ недвижимыхъ имуществъ. И вотъ инокъ Павелъ дѣлаетъ исчисленіе „монастырскихъ грунтовъ“ и доходовъ, выдумывая совсѣмъ не существующіе и безъ зазрѣнія совѣсти преувеличивая то, что монастырь дѣйствительно имѣлъ:

„*Первой монастырской грунтъ*, что съ самаго начала обсѣдланности, расчищенный собственно иноческими трудами, количествомъ 40 іоховъ 579 саж., 11 шу., отдаемый на хлѣбопашество своимъ старовѣрамъ, съ котораго и получаетъ монастырь отъ хлѣбопашцевъ въ продовольствіе свое разный хлѣбъ чистымъ зерномъ.

„*Другой грунтъ* количествомъ 5 іоховъ, 467 саж. 2 шу., занятый растущими разными фруктовыми деревьями, а въ срединѣ его между деревъ расположенъ самый монастырь: сей грунтъ достался въ вѣчность монастырю отъ покойнаго старовѣра Иларіона Петровича на поминокъ души его.

„Третій грунтъ, количествомъ 4 юх. 43 саж. 9шу., весь нанятъ также растущими разными фруктовыми деревьями, здарованный въ вѣчность монастырю сему по духовному завѣщанію учиненному, въ 3-й день августа 1840 года, дѣвицею Евдокією Еeimовою, по заповѣди покойнаго родителя ея, старовѣра Еeима Павлова, на поминокъ души его равно и ея.

„Продовъ рыбныхъ два: одинъ на рѣчкѣ Тернавки(ѣ) издавна устроенный собственно иноками, а другой по духовному завѣщанію дарованный вышереченною дѣвицею Еeimовою въ вѣчное монастырю владѣніе.“

Грунты, доставшіеся по завѣщаніямъ, дѣйствительно находились во владѣніи монастыря; ¹⁾ что же касается до земли въ 40 юховъ, „разчищеной иноческими трудами“ на урочищѣ Тернавкѣ, то монастырь этою землей не пользовался и не пользуется, хлѣба съ нея не получалъ и не получаетъ, да и сами липоване посѣвовъ на ней не производятъ; точно также и „два рыбные пруда“, по словамъ хорошо знающихъ Бѣлую-Криницу, имѣютъ только подобіе прудовъ и изобилуютъ вовсе не рыбой. А между тѣмъ, вотъ какъ Павелъ описываетъ дальше „приобрѣтаемую отъ сихъ грунтовъ пользу“:

„Приобрѣтаемый на продовольствіе монастырскихъ жителей доходъ составляется изъ нижеслѣдующаго:

„а) Съ собственнаго монастырскаго грунта получаемый монастыремъ разный хлѣбъ чистымъ зерномъ и конопляное сѣмя на продовольствіе монастырскихъ жителей *достаетъ въ годовую препорцію съ излишествомъ.*

„б) Съ монастырскихъ значительныхъ фруктовыхъ садовъ ежегодно за продаемыя фрукты получаемая сумма опредѣляется на покупку одежды, дровъ и на прочія монастырскія потребности.

„в) Съ рыбныхъ двухъ прудовъ удовлетворяется монастырь рыбою *во всякое время сколько потребно.*

1) Въ 1840 году, въ то самое время, когда составляли уставъ, дѣвица Евдокія Еeimова дѣйствительно передала во владѣніе монастырю принадлежавшую ей землю съ садомъ: этотъ такъ-называемый „Дунинъ садъ“ находится противъ самага монастыря, отъ котораго отдѣленъ только шириной улицы.

„г) Съ огородовъ собираемая разная зелень готовится монастырскимъ жителямъ для брашна на цѣлый годъ, а изъ садовой суши навсегда дѣлается для питія квасъ.

„Итакъ, весь таковой доходъ можетъ ежегодно продовольствовать монастырскихъ жителей своимъ иждивеніемъ до *двадцати пяти* человекъ.“

Чтобы видѣть, много ли правды въ этомъ описаніи избылія, господствовавшего будто бы въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, достаточно припомнить, что въ то время, когда пріѣхалъ сюда инокъ Павелъ, бѣлокриницкое братство, состоявшее не изъ 25, а всего изъ 10 человекъ, принуждено было для своего пропитанія каждую субботу ходить по слободѣ за сборомъ милостыни...

Что указанныхъ средствъ монастыря будто бы съ избыткомъ достаточно для продовольствія братіи, подтвержденіемъ этого назначена служить и слѣдующая затѣмъ статья: „о содержаніи монастырскихъ жителей“. Здѣсь со всѣмъ тщаніемъ изображены умѣренность и простота, соблюдаемыя бѣлокриницкими иноками относительно пищи и одежды, — въ точности обозначено: какая именно пища и въ какое время поставляется на братской трапезѣ, какое платье и въ какомъ количествѣ выдается каждому брату, равно какъ подробно описаны всѣ усвоенныя инокамъ особыя одежды.¹⁾ Вообще относительно платья замѣчено: „Одежды пышныя, какъ-то шелковыя, цвѣтныхъ матерій, и прочихъ мягкихъ одѣяній, собольихъ, или волчьихъ тулоповъ и тѣмъ подобныхъ соблазнительныхъ, подъ строгимъ запрещеніемъ не смѣютъ не только изъ братіи кто, но и самъ настоятель

1) Вотъ напримѣръ описаніе старообрядческой камилавки и каптыря, форма которыхъ нѣсколько отлична отъ употребляемыхъ православными: „Камилавка должна быть не высокая, *круилою скупьею*, верхъ изъ черной матеріи, къ ней снизу пришить *обручикъ круилый* изъ чернаго агчаго смушка (еже есть смиреніе), во образъ терноваго вѣнца Христова, которую инокъ не долженъ снимать съ главы никогда и ни предъ какимъ лицомъ, а только снимаетъ въ причащеніи св. таинъ и на прочихъ мѣстѣхъ Божіей службы поуставу... А каптырь, имѣющій два крыла, сшитый изъ черной матеріи, тонкой волны, покрываетъ сверху камилавку, волосы, рамена и руки, во образъ куколи младенческаго неглобинъ.“

носить, хотя бы кто и собственно свой достатокъ на то имѣлъ: да не подручницы бѣсомъ будемъ, по глаголу святыхъ отецъ, безмѣрной пышности ради и тщеславія. Обаче и въ гнусныхъ одеждахъ инокамъ не только на сторону, но и на монастырѣ ходить не попускается, а наипаче на соборную молитву въ церковь Божию долженъ всякъ входить во всякой чистотѣ и опрятности, въ кротости и со всякимъ благоговѣніемъ.“

Съ *третьей главы* начинается изложеніе собственно монастырскаго устава, къ которому слѣдуетъ впрочемъ присовокупить и разсмотрѣнную сейчасъ статью „о содержаніи монастырскихъ жителей“. Въ главѣ этой говорится 1) „о времени божественнаго послѣдованія службы“, то-есть когда начинается и сколько продолжается каждая изъ службъ, составляющихъ кругъ суточного богослуженія, также великопостнаго и праздничнаго, и 2) о монастырскомъ управленіи.

Важна особенно эта послѣдняя статья, которая и составлена поэтому съ большимъ искусствомъ. Въ видахъ сохраненія на будущее время строгаго порядка въ монастырѣ, предназначенномъ быть епископіею старообрядчества, инокъ Павелъ со всею точностію опредѣлилъ составъ монастырскаго управленія и частныя обязанности каждаго изъ должностныхъ лицъ. Главное управленіе по монастырскимъ дѣламъ сосредоточено въ „духовномъ совѣтѣ“, который подъ предсѣдательствомъ настоятеля долженъ состоять „изъ достойнѣйшихъ четырехъ иноковъ“, по соборному избранію въ сію должность; „а по усмотрѣнію настоятеля и важности дѣла случаемъ приглашаются и болѣе, изъ числа достойныхъ иноковъ, по потребѣ же бываетъ и письмоводитель.“ Высшія же распоряженія по дѣламъ особенной важности производитъ „общецратскій соборъ“, гдѣ „имѣеть волю подавать голосъ всякій, отъ перваго и до послѣдняго“. „На семъ соборѣ разсматриваются всѣ дѣла, какъ объ учрежденіи монастырскомъ, такъ и о томъ, аще окажется кто неспособенъ въ своей должности, казначей, или экономя, или въ прочихъ которыхъ должностяхъ, даже хотя бы и самъ настоятель: и того соборомъ смѣняютъ и изъ среды себя до-

стойнаго на ту должность паки избирають, сами въ томъ и утверждають. Также разсуждаютъ братію, мірянъ, и наказаніе имъ полагають.“ Затѣмъ исчисляются слѣдующія права и обязанности настоятеля:

а) „Настоятель, неусыпнымъ окомъ взирая на весь монастырь, долженъ братію понуждати (подая собою примѣръ) къ молитвѣ, трудамъ и прочимъ благочестивымъ дѣламъ, и утѣшати братію, елика есть сила, богодухновенными словесы.

б) „Яко истинный монастыря хозяинъ, повелѣваетъ вообще всѣми по закону свободно, и въ случаѣ какого-либо подозрительнаго за братіями замѣчанія, но и ради сбереженія, можетъ съ обычною молитвою входить во всякое время въ братскія келіи и досматривать, нѣтъ ли чего тамъ иноку неприличнаго; буде же что обрящеть у него неприличное иноку, да сотворитъ ему исправленіе духомъ кротости; аще ли, по второмъ и третьемъ исправленіи, братъ не уцѣломудрится, да изведенъ будетъ на соборное сужденіе.

в) „Отлучаться изъ монастыря, аки кокошь съ гнѣзда своего, отнюдь не можетъ, развѣ самой нужной вины, егда потребованъ будетъ въ случаѣ какой надобности, касающейся до него именно, къ высшему начальству, или по значительному какому дѣлу упрошенъ будетъ братією на соборъ куда ѣхать.... Но дабы монастырь никогда безъ управленія и надзиранія настоятельскаго не оставался, долженъ есть настоятель свое, хотя и на нѣсколько минутъ, за ограду монастыря бываемое отсутствіе непременно намѣстнику возвѣститъ и до своего возвращенія управленіе и надзираніе монастыря ему препоручить.¹⁾

г) „Долженъ не только одно правило своей обязанности, но и прочихъ должностныхъ старцевъ правила, и даже весь монастырскій уставъ твердо знать, а для нужнаго освѣдомленія, при выборѣ въ какую кого-либо должность, правило его обязанности вычитать и тѣмъ его снабдить.

1) Упомянутый здѣсь и въ другихъ мѣстахъ устара „намѣстникъ настоятеля“, къ удивленію, не значится въ числѣ должностныхъ лицъ, обязанности которыхъ далѣе подробно описаны.

д) „Настоятель надзираетъ, яко полный хозяинъ монастыря, и казначея, и, егда восхощетъ, повѣряетъ все казначейство, и припасы, и архивъ, и всю братію долженъ видѣть вечеръ и завтра, и благословить.“

Дальше со всею подробностью опредѣляются обязанности каждаго изъ монастырскихъ должностныхъ старцевъ и всѣхъ лицъ составляющихъ братство монастыря,—именно: казначея, священноинока, іеродиакона, уставщика церковнаго, головщика, ризничаго, соборнаго старца надзирательнаго за благочиніемъ, письмоводителя, эконома, келаря, инока совершенно постриженнаго и схимника, наконецъ трудниковъ и послушниковъ. Здѣсь же, въ третьей главѣ, помѣщены статья о „призрѣніи больныхъ“ и статья „о корреспонденціи“. Последняя особенно любопытна: „Въ нашемъ монастырскомъ общежителствѣ непременно наблюдается, что братія безъ позволенія настоятеля, а настоятель безъ вѣдома намѣстника, никакихъ писемъ не пишутъ и никуда не посылаютъ, но всѣ, какъ на почту посылаемыя, равно и почтой присылаемыя письма завсегда записываются въ почтовую книжку; всѣ же съ почты и оказіями получаемыя письма и повѣстки прежде доставляются самому настоятелю, который всякое распечатываетъ и прочитываетъ, однакожь особобратскія непременно при хозяинѣ, кому письмо принадлежитъ, а монастырскія и собственно настоятельскія при намѣстникѣ, и тогда же особобратскія письма отдаются по принадлежности хозяину.“

Четвертая глава устава имѣетъ надписаніе: „о запрещеніяхъ“ и содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи; 1) о присягѣ, какъ дѣйствию воспрещенномъ; 2) о томъ, чтобы „никому безъ благословенія ничего не работать и изъ монастыря не выдавать“; 3) „за ограду монастыря безъ благословенія настоятеля не выходить“; 4) запрещеніе входа въ монастырь отрокамъ и женскому полу“; 5) „чрезестественные преступленія“, къ которымъ отнесены между прочимъ „брадобритіе, какъ искони Богомъ запрещенное и древлегреческимъ христіанскимъ закономъ (?) вельми возбраненное“, также „нюханіе и куреніе табака“; 6) злословіе.

Глава пятая, „о учрежденіи къ соблюденію особобратскихъ капиталовъ“, содержитъ нѣсколько правилъ относительно частной собственности живущихъ въ монастырѣ. Все, что иноки, живя въ монастырѣ, прибрѣтаютъ своимъ трудомъ, поступаетъ въ общую монастырскую казну; „только собственный, не въ монастырѣ прибрѣтенный, но отъ отечества принесенный, или послѣ присланный капиталъ, какъ настоятель, такъ и вся братія, всякій при своей запискѣ, сверхъ общемонастырской казны, въ особомъ щетѣ въ казнохранилище подѣ сохраненіе полагаютъ. Буде же кто пожелаетъ на положенный капиталъ имѣть себѣ росписку, то таковая дается безпрепятственно“. „Безъ воли и позволенія положителья собственности ни на какія общія потребности изъ тѣхъ особыхъ капиталовъ ни малѣйшей части ни подѣ какимъ предлогомъ не должно употреблять; аще ли кто изъ положительныхъ позволить что въ пользу монастыря взять, о томъ на той же своей запискѣ самъ да означить. Прочее же всякому свой капиталъ, если кто восхоцетъ, въ подобно время осмотрѣть свободно есть. А когда кто-либо отъ сихъ положительныхъ собственности волею Божіею отъ житія сего преставится, тогда все то его имущество и капиталъ, хотя бы онъ и во инока не былъ постриженъ, во общебратскую казну совершенно причитается и о души его соборное и достодолжное поминовеніе сотворяется.“

Глава шестая: „о принятіи приходящихъ въ монастырское общежительство и о обѣтѣ иноческомъ“. Изложенныя здѣсь правила относительно приходящихъ въ монастырѣ отличаются строгостью. Такъ первое изъ этихъ правилъ гласить: „аще желающій поступить въ наше монастырское общежительство будетъ человекъ незнакомый и по распросѣ настоятелемъ не будетъ имѣть надлежащаго письменнаго вида, тогда дается ему въ путь укрой хлѣба и отпускается изъ монастыря съ миромъ.“ Но правило это назначалось единственно для отклоненія всякихъ подозрѣній со стороны правительства насчетъ бѣлокриницкой братіи, а вовсе не для практическаго употребленія, и въ дѣйствительности не только не было никогда примѣняемо, но и нарушалось постоянно. Въ другой статьѣ этой главы— „о ино-

ческихъ обѣтахъ“, подробно изложенъ чинъ постриженія въ иночество и великую схиму.

Наконецъ въ послѣдней, *седьмой главѣ*, говорится „о страннопріимствѣ и гостепріимствѣ“. Она составлена также съ очевиднымъ намѣреніемъ оградить монастырь отъ справедливаго подозрѣнія въ укрывательствѣ приходящихъ изъ-за границы бѣглыхъ раскольниковъ и вмѣстѣ обезпечить ему возможность оправданія на тотъ случай, еслибы кто-нибудь изъ такихъ бѣглецовъ дѣйствительно оказался въ монастырѣ. Таково именно назначеніе перваго правила „о страннопріимствѣ“: „по долгу христіанскому и обычаю монастырскому, всякъ изъ числа нашихъ старовѣровъ *путешествующій, или по случаю въ монастырь приходящій*, инокъ или мірянинъ, удовлетворяется впервыхъ пищею, а потомъ, аще кто пожелаетъ, *упокоевается и ночлегомъ* во общепріемницѣ, и воставши завтра отходить куда намѣренъ“. Понятно, что монастырь, принимая каждаго приходящаго раскольника, по силѣ этого правила, въ нужномъ случаѣ всегда могъ сказать въ свое оправданіе, что странникъ „обнощевалъ“ только въ обители и „отошелъ“, или „отходить куда намѣренъ“. Что же касается „инославной религіи“ странниковъ, то уставъ предписываетъ удовлетворять ихъ только пищею, но отнюдь не позволять таковымъ „ночевать внутри монастыря“. Подобныя же правила положены и относительно гостепріимства. Но здѣсь, по требованію обстоятельствъ, сдѣланы слѣдующія исключенія для знатныхъ посѣтителей: а) „если кто случаемъ отъ знаменитыхъ лицъ прибудетъ, таковой приѣмлется особо въ настоятельскую келію и, чѣмъ Богъ послалъ, гостепріимнѣ привѣтствуется“; б) „аще ли пожелаетъ взойти въ нашу церковь, то, съ вѣдома настоятеля, кромѣ службы позволяется ему; аще ли же пожелаетъ смотрѣть нашего церковнаго обряда и во время богослуженія послушать чтенія и пѣнія, то довлѣло бы такому, съ позволенія настоятеля, на особъ для сего случая возвышенно устроенномъ мѣстѣ стоять, яко же бѣ древле владиміровымъ посламъ въ Царѣ-градѣ; а по неустроенію таковаго особаго мѣста, позволяется случайности ради желающему стать и внутри церкви, создаи крылоса, откуда

бы онъ могъ точію смотрѣть и слушать, а не молится вкупѣ.“ Затѣмъ излагаются правила, которымъ вообще должны слѣдовать бѣлокриницкіе иноки „относительно случающагося съ людьми инославныхъ религій обхожденія“, — правила, строго воспреещающія имъ сообщаться съ инославными въ ястіи и питіи, наипаче же въ моленіи. Впрочемъ и изъ этихъ строгихъ правилъ, на всякій случай, и именно для тѣхъ, кому ради пользы „христіанства“ придется жить внѣ монастыря, сдѣланы изыятія: „аще кто сообщится съ иновѣрными только въ ястіи и питіи, а не склоненіемъ къ чужой вѣрѣ согласовательными словами, то такому за ересь не вмѣняется, но точію за грѣхъ небреженія причитается. Для того, возвратясь таковой во обитель, да не замедлитъ по долгу очистить свою совѣсть христіанскимъ смиреніемъ и испрошеніемъ прощенія отъ Бога и отъ настоятеля по обычаю.“

Здѣсь и кончается собственно такъ-называемый „уставъ Бѣлокриницкаго монастыря“. Но къ нему инокъ Павелъ присоединилъ, какъ необходимое его заключеніе, хотя внѣ счета главъ, особую статью подъ заглавіемъ: „Предметъ о водвореніи у насъ своего епископа для необходимо нужнаго устроенія духовныхъ порядковъ“. Статья эта, очевидно, имѣетъ особенную важность. Приводимъ ее съ нѣкоторыми сокращеніями.

Здѣсь впервыхъ изложены, указанныя и въ поданной крайзамту просьбѣ, основанія, почему буковинскимъ старообрядцамъ необходимо имѣть своего епископа и почему ходатайство объ этомъ приняли на себя иноки Бѣлокриницкаго монастыря.

„Необходимо нужно намъ присно имѣть издавна желаемаго нами святителя, который бы, согласно правиламъ св. Апостоль и св. отецъ, у насъ священнодѣйствовалъ и намъ, изъ числа нашихъ старовѣровъ, достойныхъ пресвитеровъ законно посвящалъ. Поелику нынѣ обдержитъ насъ не одна скудость, что безъ священства невозможно быть производству иноческаго чина и совершенію божественной литургіи; но еще и другая предстоящая крайность побуждаетъ насъ душевными чувствами беспокоиться и до зѣла болѣзновать—

что наши въ цѣлыхъ четырехъ селеніяхъ многочисленныя старовѣры находятся за скудостью священства въ крайне бѣдственномъ положеніи: ибо они для совершенія случающихся крещеній, бракосочетаній и прочихъ духовныхъ требъ часто вынуждены бывають ѣздить даже въ иныя владѣнія, за границу; не имущіе же на такое иждивеніе достатка терпятъ великую духовную нужду, такъ что у нихъ многая случается: новорожденные младенцы надолго остаются некрещенными, овья же, не дождавъ священническаго совершенія, печати дара Святаго Духа, то есть безъ муропомазанія, умирають, а пришедшіе въ совершенный возрастъ остаются чрезъ свою временность безбрачны и нерѣдко, повреждая совѣсть, теряють естественныя чистоты непорочности и обычную богобоязность, умирающіе же, старые и молодые, лишаются при смерти своей личнаго священническаго присутствія и разрѣшенія грѣховъ, и погребаются тѣла ихъ въ землю отъ братій своихъ, сущихъ простолюдиновъ. Нѣсть ли это крайняго сожалѣнія достойно! А хотя наши священники, которыхъ мы изъ Россіи отъ единовѣрныхъ нашихъ обществъ съ немалыми издержками достаемъ, здѣсь у насъ и бывають, однакожь, какъ мы своего святителя, коему бы они подчинены были, здѣсь не имѣемъ, уѣзжаютъ чрезъ короткое время за границу къ нашимъ старовѣрскимъ въ Молдавіи и за Дунаемъ живущимъ обществамъ: ибо и тамъ крайняя нужда въ духовенствѣ существуетъ....*Нынѣ же занятіе священниковъ изъ Россіи сдѣлалось весьма строже, такъ что уже старовѣры приходять въ отчаяніе.* Сіе, по истинѣ слезамъ достойное, присно предъ очима нашими предстоящее зрѣлище напоминаетъ совѣсти нашей, яко къ тому и намъ однимъ неправедно покоиться безмолвіемъ (?); а какъ мы, общіе богомольцы, наипаче должны есмы, по заповѣди Апостола Павла, другъ друга тяготы носить и тѣмъ исполнять законъ Христовъ: того ради единственно осмѣлились мы, по силѣ всевысочайшей привилегіи, еще въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1840 года, подать къ гражданскому правительству на предметъ сей наше покорнѣйшее прошеніе, и твердо надѣмся, что сіе наше теплѣйшее желаніе безъ препятствія исполнится:

повеже всемилостивѣйшее правительство Австрійской имперіи не только всѣмъ христіанскимъ религіямъ таковыя прошенія исполняетъ, но даже и евреямъ свободное содержаніе ихъ раввиновъ не возбраняетъ.⁴

Не безъ намѣренія поставлено здѣсь на видъ больше всего крайнее затрудненіе претерпѣваемое липованами отъ скудости священства, въ отпращиваніи христіанскихъ требъ — крещенія, вѣнчанія и погребенія: хотя Павелъ и указываетъ собственно происходящій отсюда „душевнй вредъ“, но въ то же время очевидна невысказанная имъ цѣль — объяснить правительству, что при настоящемъ положеніи дѣла отъ липованъ никакъ нельзя требовать аккуратнаго веденія записей о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, и что оно возможно только съ учрежденіемъ у липованъ правильной іерархіи.

Затѣмъ права и обязанности будущаго липованскаго епископа опредѣляются слѣдующими правилами:

а) „Святителю священнодѣйствовать во всемъ неизмѣнно по нашему старогреческому закону и наблюдать вточности весь обычай, у насъ содержимый, древняго христіанскаго благочинія, *якоже въ монастырскомъ уставѣ изъяснено.*

б) „Онъ долженъ будетъ для всякаго нечаяннаго случая, какъ-то: скорой своей смерти, или чего иного непредвидимаго, одного изъ *нашихъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ*, съ согласія общаго собора, въ наследство своего святительскаго престола неотлагательно посвятить, дабы, *по дальнему за границей существованію согласно нашей религіи святителя*¹⁾, въ нашемъ мѣстѣ древлехристіанскаго исповѣданія святительскій престолъ многолѣтно не вдовствовалъ и дабы тѣмъ старовѣрскія наши общества толикою, *якоже донинѣ, обдержажею духовною нуждою* паки дозѣла не бѣдствовали. Однакожъ доколѣ дѣйствительный святитель въ жизни суще-

1) Инокъ Павелъ либо разумѣлъ здѣсь тѣхъ „древлеправославныхъ епископовъ“, якобы сокровенно существующихъ гдѣ-то, о которыхъ ходили у старообрядцевъ темныя слухи, либо хотѣлъ только дать знать правительству, что епископъ, котораго просили липоване, не единственный въ своемъ родѣ, но что будто бы такіе уже существуютъ безпретятственно „за границей.“

ствовать будетъ, до того времени въ наслѣдство его посвященный святитель да не дерзнетъ, по-8 правилу I-го вселенскаго собора, безъ благословенія дѣйствительнаго, ничего святительскаго совершать ¹⁾.

в) „Долженъ составить свой духовный судъ изъ пяти членовъ, какъ-то: изъ своего наслѣдника, двухъ священноиноковъ и двухъ мірскихъ священниковъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, имѣя себѣ и писмоводителя.

г) „Долженъ изъ числа достойныхъ и божественное писаніе добръ знающихъ мірскихъ старовѣровъ каждому ихъ обществу потребное число священниковъ на неотлучное при ихъ церквахъ пребываніе поставлять ²⁾. Также и монастырю нашему священноиноковъ и іеродіаконовъ къ очередному седмицами служенію слѣдующее число посвящать.

д) „Егда же, паче чаянія, за нашимъ дѣйствительнымъ святителемъ послѣдуетъ какой-либо нетерпимый соблазнъ (чего Боже храни!), или начнетъ вводить чтò противное нашей религіи закону: тогда наслѣдникъ его и прочіе духовные члены должны будутъ вступиться и отнюдь не допустить распространиться церковному раздору. Собравшись же *въ советъ*, да разсмотримъ дѣло, какъ предъ престоломъ Божіа правосудія, безпристрастно. И ежели свидѣтельствованіе на святителя истинною окажется, тогда должно будетъ прежде изъ *совѣта единому, или двумъ* членамъ къ нему келейно дойти и о тихомъ прекращеніи соблазна сынолѣпно и убѣдительно ему доложить. Аще ли тѣмъ не исправится, то надлежитъ изъ *совѣта* вторично послать къ нему нарочитыхъ *двухъ, или трехъ* членовъ *съ писаніемъ*. Аще ли же и то безуспѣшно явится, тогда будетъ *общій соборъ*, который бы ему о томъ рѣшительное предложеніе учинилъ. И если онъ къ исправленію своему согласится, то да примется

1) Въ 8 пр. 1 вселенскаго собора такого постановленія не содержится; тамъ есть только выраженіе: *нѣсть мощно двѣма епископомъ быти во единомъ градѣ*.

2) Здѣсь умышленно, или не умышленно допущена неопредѣленность, — говорится вообще о *старовѣрахъ* и ихъ *обществахъ*, такъ что можно разумѣть не однихъ липованъ, а всѣхъ вообще, въ томъ числѣ и русскихъ, старообрядцевъ.

терпѣніе; буде же и собору противнымъ отзовется, тогда да учинится соборный приговоръ съ достовѣрнымъ доказательствомъ. Обаче, какъ всѣ члены „святительскаго суда“ и „монастырскаго духовнаго совѣта“ сами совершенно святителя изъ сану его извергать не могутъ ¹⁾: то должны они будутъ такового святителя, по силѣ учиненнаго приговора, въ присутствіи приглашенныхъ изъ всѣхъ здѣшнихъ старовѣрческихъ обществъ духовныхъ и мірскихъ первостатейныхъ лицъ, то-есть *полнымъ соборомъ* отъ всего завѣдыванія и совокупнаго съ нами богомоленія навсегда устранить, однакожь да будетъ на томъ же нашемъ пропитаніи ²⁾. Если же, паче чаянія, подпадетъ святитель въ преступленіе гражданскаго закона, о томъ вѣдаютъ сами руководящіися закономъ, что и какъ въ таковыхъ случаяхъ поступать съ нимъ подобаеть.

с) „По смерти же дѣйствительнаго святителя, или въ случаѣ совершеннаго удаленія его отъ престола, наследникъ его имѣетъ право вступить въ полное онаго дѣйствіе, *съ донесеніемъ ею императорскому величеству*, съ тѣмъ обаче, да и сей въ наследство свое прежде всего произведетъ чинно другаго, соборнѣ избраннаго, во святителя, по тому же образу, какъ выше означено.“

Въ обязанность будущему епископу поставлено между прочимъ заведеніе при монастырѣ училища „для обученія старовѣрческаго юношества“. Здѣсь инокъ Павелъ высказалъ свои мысли о потребномъ для старообрядцевъ образованіи. Юношество старовѣрческое, писалъ онъ, — должно обучаться

1) Противъ этого сдѣлано въ уставѣ замѣчаніе, что судимаго епископа можно будетъ подвергнуть и изверженію, если для суда надъ нимъ, „собраны будутъ *отовсюду* духовные, хотя бы и поставленія всѣ его были.“ Къ удивленію, Павелъ основалъ это правило на отвѣтахъ вселенскихъ патріарховъ по дѣлу патріарха Никона: „о семъ пространно на Никона, 1663 года, въ соборныхъ отвѣтахъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ: зри въ книгѣ собранія государственныхъ грамотъ, печатанной въ Москвѣ, въ 4 части, на лист. 111 и 112.“

2) Не излишне замѣтить, что это послѣднее правило о пропитываніи отставленнаго святителя, въ подлинномъ уставѣ вписано послѣ, между строемъ, и въ русскомъ и въ нѣмецкомъ текстѣ.

„не внутри монастыря и не иновѣрными, но нашей религіи учителями, не по инымъ какимъ, но только по старопечатнымъ нашего закона книгамъ, или точно съ нихъ списаннымъ, читать, и обыкновенно писать, и упражняться въ истинномъ богопознаніи, а не въ звѣздочетствѣ, которое оставляемъ постигать астрономамъ: ибо старовѣрцы всегда спокойно наслаждаются дарами природы по чувствамъ своимъ и разуму, не входя ни въ какія дальнѣйшія умствованія; довлѣетъ же имъ навывкать истиннаго христіанства и благочестиваго жительствова, согласно завѣщанію Апостола Павла, рекшаго: *да въра ваша не въ мудрости челоуѣчествѣй, но въ силѣ Божіей будетъ; въ наученія же странна и различна не прилагайтеся.* (1 Кор. Зач. 125. Евр. Зач. 334). Итакъ, дабы всѣ старовѣрческія дѣти воспитываемы были по образу древнихъ христіанъ въ строгихъ правилахъ страха Божія, сирѣчь: не только законовъ и наказаній бояться, отъ коихъ иногда могутъ укрываться и самыя злѣйшіе преступники, но страшиться всякихъ преступленій, и самыхъ даже сокровеннѣйшихъ, по одному только знаку совѣсти своей, твердо зная, что всевышній Богъ вся сокровенная, даже какъ и самыя мысли зарождаются, въ каждомъ челоуѣкѣ видитъ. Того ради непременно требуютъ юноши, дабы съ самыхъ молодыхъ лѣтъ первѣе всего вкоренять въ сердца ихъ такыя добрыя нравы, и притомъ были бы они справедливѣйшими въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, какъ-то: въ вѣрности и приверженности къ своему государю, въ повиновеніи судебнымъ законамъ и властямъ¹⁾, въ душевномъ расположеніи къ духовнымъ отцамъ, въ совершенномъ послушаніи къ своимъ родителямъ“, и пр.

Этотъ параграфъ объ училищѣ внесенъ былъ въ уставъ вовсе не потому, чтобы дѣйствительно предполагалось устроить школу при Бѣлокриницкомъ монастырѣ, а единственно затѣмъ, чтобы мнимою заботливостію о воспитаніи вѣрныхъ и преданныхъ правительству гражданъ заслужить его благосклонность, нужную для главной цѣли. Въ тѣхъ же ви-

¹⁾ Любопытно, что все это писалъ челоуѣкъ, ни мало не затруднившійся измѣнить своему государю.

дахъ инокъ Павелъ написалъ слѣдующее вѣрноподданническое заключеніе устава:

„И такъ да пребудемъ въ мирѣ и тишинѣ, благодарствуя всемогущему Богу и вѣчносному нашему австрійскому государю царю, успокоивающему наше смиреніе своимъ покровительствомъ, аки орелъ птенцы, подъ державными крылома своима и ограждающему нашу религію отъ всякихъ опасностей всемилостивѣйшею привилегією, за что и наша неслестная любовь и преданность къ своему предобрѣйшему царю доказывается еще и тѣмъ, что сверхъ исполненія каждодневныхъ нашихъ къ Богу молитвъ, по апостольскому и святыхъ отецъ заповѣданію, при совершеніи божественной литургіи приносится у насъ, въ числѣ седми, именуемыхъ великими, особенная просѣира о здравіи его величества, всепресвѣтлѣйшаго, самодержавнѣйшаго нашего государя царя, да преблагій Искупитель рода человѣческаго соблюдетъ всемилостивѣйшаго нашего царя въ вождедѣнномъ здравіи на многія лѣта, яко да и мы подъ державою величества его прочее въ мирѣ и тишинѣ проживемъ...“

Кромѣ статьи „о водвореніи епископа“ приложена была къ уставу и еще статья „о родословныхъ книгахъ,“ или „родословіяхъ“. Этимъ библейскимъ названіемъ инокъ Павелъ хотѣлъ замѣнить ненавистное для липованскаго уха слово „метрики“, питая надежду, не удастся ли провести ихъ къ липованамъ подъ прикрытіемъ новаго имени. А въ самой статьѣ „о родословныхъ книгахъ“ онъ доказывалъ, что употребленіе оныхъ не противно ни религіи, ни церковнымъ уставамъ, и даже освящено примѣромъ самого Спасителя. Но и подъ этимъ прикровеннымъ заглавіемъ статья о Метрикахъ не удержалась въ уставѣ. Когда совсѣмъ уже переписанный уставъ былъ прочитанъ бѣлокриницкому братству и предложенъ для подписанія, настоятель инокъ Іоиль, совершенно усвоившій себѣ духъ липованъ, рѣшительно возсталъ противъ статьи „о родословныхъ книгахъ“, и тогда только соглашался подписать уставъ, когда будетъ исключена изъ него эта блазнительная статья. Его голосъ былъ тѣмъ важнѣе, что находилъ себѣ поддержку во мнѣніи всего липованскаго общества: приходилось поневолѣ

подчиниться ему. Итакъ злополучная статья была включена, и затѣмъ, 6-го іюня 1841 года, „уставъ Бѣлокриницкаго общежительнаго монастыря“ подписанъ былъ настоятелемъ и прочими иноками. Между этими послѣдними тогда уже были распредѣлены разныя монастырскія должности, исчисленныя въ третьей главѣ устава: въ званіи должностныхъ лицъ они и подписались. Такъ инокъ Геронтій подписался уставщикомъ, Онуфрій—ризничимъ, а самъ Павелъ—письмоводителемъ; въ числѣ подписавшихся обрѣтается уже и „головщикъ крылоса инокъ Алимпій“.

Алимпій, послѣ долгаго отсутствія, возвратился въ Бѣлоую-Креницу въ маѣ 1840 года. Онъ пріѣхалъ изъ Россіи, гдѣ занимался между прочимъ сборомъ подавій для убогой Бѣлокриницкой обители, и дѣйствительно привезъ немалое количество пожертвованныхъ русскими старообрядцами церковныхъ вещей: иконъ, лампадъ, подсвѣчниковъ. На границѣ, со всѣми этими вещами, онъ попался было въ руки дозорщиковъ; но, благодаря своей безграничной отважности, успѣлъ выпутаться изъ бѣды и явился въ монастырь, ни одной вещицы не оставивъ во вражескихъ рукахъ. Павелъ и Геронтій не очень обрадовались пріѣзду этого воителя, который вообще не пользовался хорошою репутацией между старообрядцами. Тогда дѣло объ учрежденіи архіерейской катедры въ Бѣлой-Креницѣ, какъ мы видѣли, было уже въ ходу, и Павелъ съ Геронтіемъ опасались именно, какъ бы Алимпій, по своему задорному и запальчивому характеру, не сталъ противодѣйствовать этому дѣлу. Нооказалось, что ихъ замыслы о пріобрѣтеніи древлеправославнаго епископа, о снабженіи священствомъ всего старообрядческаго міра, несмотря на всѣ стѣсненія употребляемыя російскимъ правительствомъ, принадлежали именно къ числу тѣхъ, которыми всего скорѣе способно было увлечься кипучее сердце инока Алимпія: ему нравились именно грандіозность и смѣлость предпріятія; труды и опасности, которые, какъ онъ ожидалъ, придется перенести ради любезнаго ему старообрядчества въ столкновеніи съ разными, можетъ-быть высокопоставленными, лицами въ странствіи по разнымъ мѣстамъ и краямъ свѣта, какъ нельзя больше

соотвѣтствовали его характеру и только способствовали тому, чтобъ онъ отдался всею душой замысламъ „батьюшки отца Павла“, въ которые этотъ послѣдній постепенно и осторожно посвятилъ его. Нѣтъ сомнѣнйя, что и здѣсь много значила самая личность инока Павла, вліянію котораго не могъ не подчиниться даже и Алимпій, вообще мало способный подчиниться чьему бы то ни было вліянію. Итакъ Павелъ и Геронтій пріобрѣли въ Алимпіи новаго сотрудника для осуществленія своихъ плановъ объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи,—сотрудника, который отдался этому дѣлу всей душой, для него готовъ былъ на самыя отважные подвиги, и, подъ руководствомъ такого разсудительнаго и дальновиднаго человѣка, какъ инокъ Павелъ, могъ дѣйствительно принести ему большую пользу.

Въ то время, когда шли хлопоты по составленію устава, Алимпій еще не имѣлъ случая показать самымъ дѣломъ свою готовность — подвизаться ради снисканія древлеправославныхъ епископовъ, своимъ вмѣшательствомъ въ составленіе устава онъ даже нѣсколько затруднялъ Павла. Но одинъ поступокъ, изъ самыхъ обыкновенныхъ, учиненный имъ въ это время, и притомъ вовсе не въ видахъ служенія дѣлу о епископствѣ, по случайному сцѣпленію обстоятельствъ имѣлъ послѣдствія немаловажныя для этого именно дѣла. Въ качествѣ благотворителя Бѣлокриницкой обители, обязанной ему отчасти и первоначальнымъ своимъ устройствомъ и недавнимъ пріобрѣтеніемъ разныхъ церковныхъ вещей, инокъ Алимпій не слишкомъ почитательно относился къ настоятелю, иноку Іоилу. Іоиль, какъ нерѣдко бываетъ у старообрядческихъ иноковъ, имѣлъ жену и дѣтей, съ которыми при постриженіи въ иночество долженъ былъ навсегда разлучиться, но съ которыми однакоже не прерывалъ сношеній. Случилось, что жена его пріѣхала въ Бѣлую Криницу; Алимпій, какъ всему старообрядческому міру извѣстно, не великій блюститель цѣломудрія, воспылаъ однакоже ревностію по поводу такого нарушенія иноческихъ правилъ, публично предъ всѣмъ бѣлокриницкимъ братствомъ явился обличителемъ Іоила и требовалъ, чтобы соблазнъ немедленно былъ устраненъ. Іоиль долженъ былъ покориться, — отослалъ жену

обратно въ Молдавію; но обиды нанесенной Алимпіемъ онъ не забылъ; да и вообще власть, которую приобрѣли въ монастырѣ пришлые искатели архіерейства, начала его тревожить: онъ задумалъ выпроводить изъ Бѣлой-Криницы и Алимпія и Павла съ братіей.

Удобный поводъ къ этому Іоиль нашелъ въ извѣстныхъ ему секретныхъ дѣйствіяхъ Павла относительно вопроса о метрикахъ: обнаруженіемъ этихъ дѣйствій предъ липованами онъ надѣялся легко вооружить противъ Павла и его сообщниковъ всю липованскую громаду. У него имѣлись очевидныя доказательства: вопервыхъ, статья о *родословныхъ книгахъ*, которую Павелъ внесъ было въ уставъ и уничтожилъ только по его настоянію; во вторыхъ, показаніе данное Павломъ комиссару Шаловскому, равносильное формальному обязательству предъ правительствомъ непремѣнно достигнуть, чтобы метрики введены были въ употребленіе у липованъ. Іоиль дѣйствительно рассказалъ все это липованской громадѣ, объяснивъ притомъ, что пришлецы помышляютъ ни больше ни меньше, какъ съ помощію правительства захватить въ свои руки и монастырѣ и липованское общество, что за такія козни подобаешь липованамъ учинить надъ ними судъ и расправу. И вотъ, спустя немного времени послѣ того, какъ подписанъ былъ уставъ, въ одинъ праздничный день, послѣ вечерни, Павелъ и его сотоварищи видятъ огромную толпу липованъ, со всего почти селенія, вооруженныхъ дреколіемъ и направляющихъ свое шествіе прямо къ монастырскимъ воротамъ. Понявъ въ чемъ дѣло, Павелъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы удержать у себя ключи отъ монастырской часовни, какъ символъ обладанія монастыремъ: ихъ онъ отдалъ одному изъ иноковъ и велѣлъ ему поскорѣе скрыться въ безопасное мѣсто. Между тѣмъ толпа вошла въ монастырѣ и вызвала Павла, Геронтія и прочихъ на судъ „за предательство“: потребовали ключей отъ монастырской часовни, а виновныхъ приговорили къ изгнанію. Но ключей не оказалось; а приговоренные къ изнанію не хотѣли подчиниться рѣшенію толпы, не имѣвшей никакого права распоряжаться въ монастырѣ. Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ, липо-

ване не знали что имъ дѣлать: прибѣгнуть къ насилію они опасались, а уйти ни съ чѣмъ — не хотѣлось. Такъ какъ начало уже смеркаться, то рѣшили отложить судъ до утра, а ночью держать монастырь въ осадномъ положеніи: вокругъ часовни липоване, вооруженные дубинами, составили цѣпь, въ средину которой помѣстили заарестованныхъ — Павла, Геронтія и Алимпія. Участь сихъ послѣднихъ могла бы кончиться весьма непріятно, могли бы разлетѣться въ прахъ и всѣ замыслы объ учрежденіи въ Бѣлой-криницѣ „древле-православнаго епископства“, еслибы задремавшіе липованскіе ратники не дали возможности Павлу съ Алимпіемъ пробраться за составленную ими цѣпь. Съ величайшей осторожностью выйдя за монастырь, они побѣжали къ Гадикъ-фальву, къ мандатору, объявить о случившемся въ Бѣлой-Криницѣ возмущеніи. Само собою разумѣется, что они указали и главнаго виновника и причину всей смуты: какъ ревнители интересовъ правительства, страдающіе за дѣло о метрикахъ, они просили у мандатора законной защиты, обѣщавъ ему и вознагражденіе за желаемое возстановленіе тишины и порядка въ обители. Мандаторъ немедленно собрался ѣхать въ Бѣлую-Криницу. Здѣсь между тѣмъ проснувшіеся стражи и всѣ липоване до крайности изумлены были, увидѣвъ одного только Геронтія, спокойно сидѣвшаго на своемъ мѣстѣ: на вопросы о товарищахъ онъ не далъ имъ никакого отвѣта. Исчезновеніе Павла съ Алимпіемъ и подозрительное спокойствіе Геронтія не обѣщали ничего хорошаго. Липоване начали трусить; а когда завидѣли экипажъ пана-мандатора, то и окончательно растерялись. Панъ-мандаторъ, видя ихъ раскаяніе, простилъ ихъ; главный же виновникъ возмущенія, инокъ Іоиль, поплатился лишеніемъ настоятельства и долженъ былъ уѣхать въ Молдавію. На мѣсто Іоиля мандаторъ предложилъ бѣлокриницкому братству немедленно избрать новаго настоятеля. При этомъ случаѣ въ первый разъ принять къ руководству новый монастырскій уставъ, хотя не утвержденный еще правительствомъ, но по тому самому, что былъ уже подписанъ бѣлокриницкими старцами, имѣвшій для этихъ послѣднихъ обязательную силу. На основаніи той статьи, что

„общепратскій соборъ“ имѣть право смѣнять настоятеля и „изъ среды себя достойнѣйшаго на ту должность паки избирать“, тогдашній „общепратскій соборъ“, по указанію Павла, единогласно избралъ въ настоятели инока Геронтія¹⁾. Эта перемѣна, случившаяся такъ неожиданно, но, разумѣется, очень желаемая, имѣла большую важность для учредителей Бѣлокриницкой іерархіи: теперь они по праву сдѣлались главными распорядителями въ монастырѣ, предназначаемомъ въ мѣстопробываніе будущему епископу, и здѣсь никто уже не могъ препятствовать осуществленію ихъ плановъ.

1) Въ *Памятникъ происходившихъ дѣлъ Бѣлокр. монастыря* сказано (въ ст. подъ № 3), что избраніе это послѣдовало 4 іюля 1841 г. Геронтій, на допросѣ въ 1847 г., также показалъ, что оно случилось вслѣдъ за подачей устава: „Съ божіею помощію доставленъ отъ насъ правительству уставъ нашего монастыря, и часть отъ богословія, исповѣданіе вѣры и догматы, и предметъ о святителяхъ и учрежденіи школы. И въ 1841 году доставлено сіе. Тогда братія меня избрали въ настоятели и мѣстное начальство утвердило“ (*Чт. общ. ист. и др.* стр. 147.). Изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ избраніе Геронтія, основано на рассказѣ о. Онуерія. Что мандатору за прекращеніе мятежа и содѣйствіе избранію новаго настоятеля была обѣщана и вручена награда, на это есть указаніе въ одномъ весьма курьезномъ сочиненіи Геронтія, изъ написанныхъ имъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Сочиненіе называется: „Предсмертная грамота превѣчному Божеству“. Здѣсь Геронтій представляетъ себя на страшномъ судѣ бесѣдующимъ съ Судіею, и вотъ что между прочимъ слышитъ отъ Судіи: „Не лучше еси предателя моего.... Онъ убо за тридцать сребреникъ мене богоубійцамъ преда; ты же предѣстника своего, который любезно въ сожительство къ себѣ пріять тя, не за четыре ли десять гудденовъ нѣмецкаго сребра свернулъ съ престола мученства, и онаго изъ общежительнаго монастыря изгналъ.“ (Привед. мнѣ рукопись.)

V:

Въ хлопотахъ за монастырскимъ уставомъ прошелъ цѣлый годъ. Между тѣмъ въ это время крайзамтъ успѣлъ обмѣняться съ губерніей официальными объясненіями по поводу представленнаго имъ іюль 1840 года прошенія бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи архіерейской каѳедры у липованъ. Въ губерніи весьма недовѣрчиво и неблагоклонно взглянули на это дѣло. Кажется, тамъ уже получены были косвеннымъ путемъ свѣдѣнія, объяснившія дѣйствительное значеніе затѣяннаго бѣлокриницкими иноками предпріятія, а также извѣстія и о самыхъ затѣйщикахъ, какъ лицахъ подозрительныхъ, бѣжавшихъ изъ Россіи. Предписаніемъ отъ 28-го сентебри 1840 года губернское начальство потребовало отъ крайзамта, какъ онъ и опасался, болѣе полныхъ объясненій о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и о томъ, на какихъ основаніяхъ крайзамтъ допустилъ существованіе этого духовнаго института въ Бѣлой-Криницѣ; о привилегіи Іосифа II замѣчено, что она не даетъ липованамъ никакого права на устроеніе монастыря; веденіе метрическихъ записей, какъ ожидаемое послѣдствіе учрежденія правильной іерархіи у липованъ, признано также недостаточнымъ основаніемъ для просьбы о липованскомъ епископѣ. такъ какъ веденіе метрикъ есть дѣло гражданское, никакой связи съ религіей не имѣющее; наконецъ предписано находящихся въ монастырѣ „тайно пришедшихъ изъ-за границы липованскихъ калугеровъ“, которымъ собственно и принадлежитъ затѣя объ учрежденіи архіерейской каѳедры

въ Бѣлой-Криницѣ, выслать изъ Буковины обратно за границу.

Въ отвѣтъ на это предписаніе губернскаго начальства, крайзамтъ, новыми представленіями, отъ 5-го и 19-го декабря, старался отстоять свое мнѣніе относительно метрику, доказывалъ что въ липованскихъ селеніяхъ дѣйствительно придаютъ имъ значеніе религіозное и что только съ учрежденіемъ у липованъ правильной іерархіи можно ожидать въ ихъ обществахъ и правильнаго веденія метрическихъ записей. Вліянію монастыря на ожидаемый счастливый исходъ дѣла о метрикахъ и вообще на смягченіе липованскихъ нравовъ крайзамтъ усвоилъ также большое значеніе; а для нужныхъ объясненій о самомъ монастырѣ, его исторіи и учрежденіяхъ, обѣщалъ представить полный монастырскій уставъ, приготавливаемый по его порученію. Наконецъ, предписаніе о высылкѣ за границу пришлыхъ калугеровъ крайзамтъ оставилъ вовсе безъ отвѣта, потому что не находилъ удобнымъ приводить его въ исполненіе, или дѣлать по поводу его какія-либо распоряженія. О Павлѣ съ Геронтіемъ, какъ сказано было выше, крайзамтъ имѣлъ отъ самихъ липованъ точныя свѣдѣнія, что они дѣйствительно „пришли тайно изъ-за границы“ и назвались чужими именами; но принявъ отъ нихъ прошеніе, какъ отъ туземныхъ жителей, состоящихъ подъ австрійскимъ подданствомъ, онъ долженъ былъ бы теперь дѣйствовать противъ самаго себя, еслибы согласно губернскому предписанію распорядился о высылкѣ ихъ, какъ бѣглыхъ иностранцевъ, изъ Буковины. Вообще, своими первоначальными распоряженіями по поводу просьбы бѣлориницкихъ иноковъ объ учрежденіи епископской кафедрѣ у липованъ крайзамтъ такъ тѣсно связалъ себя съ этимъ дѣломъ, что поставлялъ уже своимъ долгомъ во что бы ни стало защищать его; замѣчанія же губернскаго начальства, чувствительныя для самолюбія черновицкихъ властей, только еще болѣе подстрекали ихъ дѣйствовать въ принятомъ направленіи.

Живя въ Черновцахъ у пана Тарновецкаго, инокъ Павелъ имѣлъ возможность скоро узнать, какъ непріязненно отнеслись въ губерніи къ поданной имъ просьбѣ о епископѣ, и

какіе даже, по поводу этой просьбы, возбуждаются опасныя для монастыря и для него лично вопросы. Это было новымъ огорченіемъ для Павла: его замысламъ угрожала серьезная опасность, и съ такой стороны, откуда, повидимому, онъ совсѣмъ не ожидалъ ея. За то онъ вполне убѣдился теперь, что его не выдастъ „благодѣтельное“ черновицкое начальство, что отселѣ оно будетъ его вѣрнымъ союзникомъ и покровителемъ достаточно сильнымъ, чтобы защитить его дѣло предъ губерніей: доказательство этого онъ могъ уже и видѣть въ представленіяхъ крайзамта, посланныхъ въ губернію отъ 5-го и 19-го декабря. Его личныя отношенія къ крайзамту съ этого времени, дѣйствительно, становятся такъ близки, что онъ получаетъ свободный доступъ въ его канцелярію и архивы. На составленіе монастырскаго устава, которымъ онъ тогда занимался, предписаніе полученное изъ губерніи, также не осталось безъ вліянія: уставъ получалъ теперь еще больше значенія, такъ какъ и самъ крайзамтъ между прочимъ ссылался на него, обѣщая доставить въ губернію объясненіе на нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ оттуда замѣчаній. Нужно было поэтому усугубить тщаніе, съ какимъ вообще составлялся уставъ, пересмотрѣть со вниманіемъ особенно тѣ его статьи, которыя должны были служить какъ бы отвѣтомъ на сдѣланныя въ губерніи возраженія по поводу бѣлокриницкой просьбы. И мы видѣли, что эти статьи изложены дѣйствительно съ особеннымъ тщаніемъ и осторожностію, — таковы именно статьи: объ основаніи монастыря, о принятіи иноковъ, о строгомъ за ними наблюденіи, о страннопримствѣ, объ основаніяхъ, почему липованамъ необходимо имѣть своего епископа, объ училищѣ, и другія, въ которыхъ составитель заботился не о томъ, чтобы передать истину, а чтобы только умолчаніемъ, или искаженіемъ истины расположить правительство въ пользу монастыря и въ пользу дѣла о липованскомъ епископѣ. Въ іюнѣ 1841 года уставъ, подписанный, какъ мы уже сказали, должностными монастырскими лицами, представленъ былъ въ крайзамтъ. Примѣнительно къ его содержанію здѣсь приготовили новое представленіе, и 9-го августа вмѣстѣ съ уставомъ отправили во Львовъ. Въ этомъ новомъ представленіи крайзамтъ не

преминулъ повторить, что по его убѣжденію „единственное средство привести въ порядокъ отправленіе духовныхъ требъ у липованъ и воспитаніе липованскихъ юношей, вообще сколько-нибудь исправить совершенно потерянную въ настоящее время нравственность липованъ, заключается въ томъ, чтобы оставить у нихъ неприкосновеннымъ духовенство (то-есть иноковъ Бѣлокриницкаго монастыря), существующее съ самаго ихъ водворенія въ Буковинѣ, которое и теперь, чрезъ совершеніе Божіихъ службъ, нѣсколько еще поддерживаетъ порядокъ въ липованскихъ громадахъ, и чтобы дать этому духовенству законныя установленія, съ возложеніемъ на него обязанности исполнять предписанія правительства относительно провозженія метрикъ и обученія липованскихъ юношей“.¹⁾

Новое представленіе крайзамта не поколебало прежняго мнѣнія губернскихъ властей по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ; относительно же присланнаго крайзамтомъ бѣлокриницкаго монастырскаго устава они нашли необходимымъ узнать предварительно мнѣніе православнаго буковинскаго епископа Евгенія, какъ главнаго въ области начальника по дѣламъ православной церкви, къ которой липоване считались имѣющими болѣе близкое отношеніе, нежели ко всѣмъ другимъ существующимъ въ имперіи исповѣданіямъ. Преосвященный Евгеній Гакманъ, русинъ по происхожденію²⁾, человекъ образованный и глубоко преданный православію, всегда интересовался судьбой липованъ, какъ людей славянскаго племени и бывшихъ нѣкогда православными: онъ старался поддерживать сношенія съ ними, бывалъ даже въ монастырѣ Бѣлокриницкомъ,—и липоване вообще относились къ нему съ уваженіемъ³⁾. Зная упорство ихъ въ такъ-называемой старой вѣрѣ, онъ, конечно, не рас-

¹⁾ Содержаніе этого представленія изложено въ другомъ представленіи крайзамта, отъ 3 іюня 1842 года, № 6.457 (*Бѣлокр. арх.*).

²⁾ Настоящая фамилія Евгенія *Хибайло*. См. о немъ у Надеждина (*Свер. Кал.* I, стр. 103).

³⁾ Такъ наприм. онъ заѣзжалъ въ монастырь Бѣлокриницкій въ 1841 году, и здѣсь его принимали съ почетомъ; къ о. Онуерію, отъ котораго мы слышали это, онъ заходилъ въ келью.

читывалъ въ близкомъ будущемъ возвратитъ липованъ къ православію; но тѣмъ не менѣе считалъ ихъ не совсѣмъ чужими для православной церкви и не терялъ надежды на возвращеніе ихъ къ православію при благоприятныхъ условіяхъ, къ числу которыхъ относилъ и самое оскудѣніе священства у липованъ, такъ какъ полагалъ, что рано или поздно оно можетъ расположить ихъ къ принятію мѣстныхъ православныхъ священниковъ. Но эту надежду должны были совершенно разрушить замыслы бѣлокриницкихъ калугеровъ объ учрежденіи у липованъ самостоятельной архіерейской каѳедры, грозившіе притомъ, что было гораздо важнѣе, и всему православію не малымъ вредомъ,—замыслы, о которыхъ епископу Евгенію, живущему въ Черновцахъ, не трудно было получить точныя извѣстія. Къ этимъ замысламъ не могъ онъ относиться равнодушно и потому еще, что видѣлъ полное сочувствіе имъ со стороны черновицкаго гражданскаго начальства, совершенно чуждаго интересамъ православной церкви, если только не враждебно къ ней расположеннаго. Можно догадываться, что въ видахъ противодѣйствія замышленному въ Бѣлой-Криницѣ неправому дѣлу онъ первый сообщилъ въ губернію тѣ свѣдѣнія о „тайно пришедшихъ изъ-за границы калугерахъ“ и объ ихъ замыслахъ, которыми, какъ выше замѣчено, губернское начальство руководилось между прочимъ въ своемъ предписаніи крайзамту отъ 28-го сентября 1840 года. Теперь, получивъ на разсмотрѣніе монастырскій уставъ, епископъ Евгеній считалъ своимъ долгомъ войти въ подробное обсужденіе не только изложенныхъ въ немъ религіозныхъ мнѣній и правилъ иноческаго общежитія, но и самаго вопроса объ учрежденіи особой архіерейской каѳедры у липованъ. Что касается этого послѣдняго вопроса, то домогательства липованъ нашелъ онъ противными каноническимъ правиламъ православной восточной церкви ¹⁾, и съ тѣмъ вмѣстѣ объяснилъ, что

¹⁾ Надеждинъ, который лично знакомъ былъ и бесѣдовалъ съ Евгениемъ о липованскихъ дѣлахъ, говорить, что „онъ входилъ съ формальнымъ протестомъ къ мѣстному начальству, въ которомъ, на основаніи каноническихъ правилъ церкви вообще и православной восточной церкви въ особенности,

домогательства эти принадлежать собственно нѣсколькимъ монахамъ, прибывшимъ изъ-за границы, и не находятъ себѣ сочувствія даже въ большинствѣ липованъ, между которыми имѣется притомъ не малое количество и такихъ, которые совсѣмъ не принимаютъ священства и потому учрежденіе архіерейской каведры считаютъ совершенно излишнимъ. Относительно же вѣроученія липованъ и правилъ иноческаго общежитія отозвался, что они въ существенномъ своимъ содержаніи ничѣмъ почти не разнятся отъ принимаемыхъ православною церковію; все различіе состоитъ только въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, которыя не даютъ липованамъ никакого основанія отдѣляться отъ православной церкви, тѣмъ паче искать учрежденія особой, самостоятельной іерархіи, и которымъ только по крайнему своему невѣжеству придаютъ они чрезвычайную догматическую важность. Вотъ что въ послѣдствіи писалъ объ этомъ самъ инокъ Павелъ, какъ видно, имѣвшій возможность прочесть отзывъ Евгенія о бѣлокриницкомъ уставѣ: „Губернія задумала спросить мнѣнія о нашемъ монастырѣ черновицкаго волохской религіи епископа, вовсе для насъ недоброжелательствующаго, который донесъ губерніи весьма для насъ вредную аттестацію. Онъ увѣрилъ губернію, что вьнедѣвнѣ собравшіеся липованскіе монахи сами о себѣ затѣваютъ такое дѣло, но что даже и общества ихъ изволенія совсѣмъ не имѣютъ: поелику (говоритъ) въ липованскихъ обществахъ, кои коренные и достаточные люди суть, всѣ какіе-то чуждые христіанства, вовсе не требующіе священства, и святыхъ таинъ никогда не причащаются ¹⁾. А впрочемъ (говоритъ) хотя нѣкоторые и придерживаются священства, и тѣ суть пришедшіе изъ-за границы — изъ Россіи, изъ Молдавіи — разная сволочь, и они временемъ принимаютъ бѣжавшихъ изъ Россіи распутныхъ

развѣснилъ и доказалъ всю нецѣпность и беззаконность раскольническихъ домогательствъ“ (стр. 103). Вѣроятно здѣсь разумѣется именно представленный Евгеніемъ отзывъ о бѣлокриницкомъ уставѣ, или же первое его донесеніе о „раскольническихъ домогательствахъ“.

¹⁾ „Это онъ говоритъ о безпоповцахъ; хотя и много клевететь, но лишь отчасти правда, ибо въ одномъ селѣ Климоуцахъ есть нѣсколько безпоповцевъ, и мужики заживные.“ (Прим. Павла.)

поповъ, или разстриженныхъ, или вовсе несвященныхъ, а только ложно называющихся. А потому (заключаетъ онъ въ клеветѣ (?) своей) эти липоване, кои придерживаются священства, могутъ перейти подъ его паствырство, поелику и россійская религія одного съ нимъ восточнаго греческаго закона и по всему одна другой согласуетъ — въ церковныхъ обрядахъ, въ крещеніи и въ самомъ символѣ вѣры. И такъ вовсе не потребно для липовановъ нетолько особаго своего епископа, но даже и монастырь съ монахами: ибо когда коренные жители не пріемлютъ священства, кольми паче для чего имъ потребны пустые монахи, развѣ для одного попрошажества? Собственнаго же достатку они вовсе ничего не имѣютъ, кромѣ подаемой имъ милостыни⁴¹⁾.

Получивъ отъ епископа Евгенія отзывъ о бѣлокриницкомъ уставѣ, губернское начальство удовлетворилось имъ вполне и вовсе не признало за уставомъ того значенія, какое усвоили ему въ Черновцахъ; а на представленіе крайзамта отъ 9-го января 1841 г. отвѣчало новымъ строгимъ подтверж-

1) Письмо къ благотворителямъ отъ 16 окт. 1843 г. (*Сборникъ о. Онуфрія*). Въ *Рекурсъ* Павелъ и Аллипій также жаловались, что епископъ Евгеній очень неблагоприятно отзывался „объ особенностяхъ, образованіи и способностяхъ липованъ“ (über unsere Individualität, unsere Kenntnisse und unsere Fähigkeiten). Геронтіи же въ своемъ *Памятчикѣ* пишетъ слѣдующее: „Славный кесарекоролевскій губерніалъ сосѣдственному и не менѣ завистию намъ враждебному нынѣшняго грековостока исповѣданія вологскому епископу поручилъ нашъ уставъ въ разсмотрѣніе, иже неутомимо жаждохъ томиимъ бѣ, еже бы насъ подъ свою паству подчинити. Не имѣя же религіознаго средства въ нашемъ показаніи опровергати, сей убо витранъ (sic), или паче рещи волгской діалектики царской фамилии учитель (?), премудрый союзіаианъ (sic), по зависти своєю слѣпоты ошупавъ стезю, между нашего населенія нѣсколько непріемлющихъ священства, онъ отнесся губерніалу тако, яко въ показаніи ихъ исповѣданія вѣры нѣсть противнаго грековостоку, развѣ мало нѣчто разнствуетъ въ церемоналахъ церковнаго обряда, и та не суть подъ канономъ церковныхъ правилъ; но при всемъ томъ первобытные липоване (тако они насъ называютъ), иже по силѣ высочайшей привилегіи въ австрійской провинціи поселившіися, они священства ни подъ какиимъ предлогомъ не пріемлютъ; но это ристорачія (sic) отъ новопришельцевъ иносческаго скопища зависить быти, между коими незначительное число суть и миряне, которые не возгнушались бы и нами“ (Рукоп. пис. въ Шамсельб.)

деніемъ своихъ прежнихъ распоряженій по дѣлу о липованахъ. На сношенія между губерніей и буковинскимъ епископомъ потребовалось довольно времени, такъ что этотъ новый губернский декретъ состоялся уже 21-го марта 1842 года. ¹⁾ Опредѣливъ со всею точностью, что дѣло касается главнымъ образомъ двухъ вопросовъ: 1) о правильномъ веденіи метрическихъ книгъ въ липованскихъ селеніяхъ, и 2) о дальнѣйшемъ существованіи монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, съ предоставленіемъ права на учрежденіе въ ономъ архіерейской кааедры, губернское начальство относительно того и другаго постановило: 1) грамота Іосифа II, предоставляющая липованамъ свободу религіи, не освобождаетъ ихъ отъ веденія метрикъ, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ, и потому относительно метрикъ крайзамтъ непременно долженъ исполнить состоявшееся 14-го августа 1833 г. опредѣленіе; 2) та же грамота, хотя и предоставляетъ липованамъ свободу въ содержаніи своего собственнаго духовенства, не даетъ имъ права имѣть въ Бѣлой-Криницѣ особаго рода духовный институтъ, именуемый у нихъ монастыремъ, тѣмъ болѣе, что „въ самопервомъ началѣ ихъ поселенія здѣсь они просили уже о дозволеніи устроить таковой монастырь, но рѣшеніемъ надворнаго военнаго суда, 9-го іюня и 10-го іюля 1784 г., имъ это не дозволено, каковыя рѣшенія они должны были получить чрезъ военную мѣстную администрацію.“ Эти постановленія свои, въ сущности совершенно согласныя съ изданными прежде, губернія предписывала крайзамту „объявить старшинамъ липованской вѣры и старательно наблюдать, чтобы оныя, равно какъ всѣ прочіе общіе законы и правила, были ими въ точности исполняемы.“ Наконецъ, губернское начальство выражаетъ увѣренность, что, согласно прежнему его распоряженію, отъ 28-го сентября 1840 года, крайзамтъ распоря-

¹⁾ Геронтій въ этомъ замедленіи винить главнымъ образомъ епископа Евгенія. Въ показаніи своемъ онъ писалъ: „Уставъ нашъ правительствомъ доставленъ на разсмотрѣніе волохской духовной канцелярціи, которая *разсматривала болѣе юда*, однако вреднаго не могла ничего изыскать, а по неблаговоленію ихняго епископа вознамѣрилась воспрепятствовать своимъ докладомъ губерніи“ (*Чт. общ. ист. и др.* стр. 147).

дился уже высылкой за границу пришлых калугеровъ, замыслившихъ дѣло о липованскомъ епископѣ. ¹⁾

Итакъ, весь трудъ и все дипломатическое искусство, потраченные Павломъ на составленіе устава, напервый разъ не принесли ни какой пользы; надежда, какую возлагали на этотъ пресловутый уставъ и въ Бѣлой-Криницѣ, и въ Черновцахъ, не оправдалась. Благодаря указаніямъ епископа Евгенія и той добросовѣстности, съ какою вообще дѣйствовало губернское начальство по вопросу о липованахъ, ему не трудно было усмотрѣть фальшь и обманъ, какъ ни искусно они были прикрыты, въ тѣхъ самыхъ статьяхъ, на которыя всего болѣе рассчитывали и Павелъ и черновицкіе чиновники: губернія осталась при своемъ прежнемъ рѣшеніи по поводу просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ, и только на этотъ разъ выразила его опредѣленіе и тверже. Для Павла опять наступило тяжелое время, грозившее ниспроверженіемъ его смѣло замысленныхъ плановъ; но и теперь къ нему явились на помощь черновицкіе союзники и „благодѣтели,“ не менѣе какъ и онъ самъ недовольные распоряженіями губернскаго начальства. Хотя распоряженія эти были выражены такъ твердо, что, повидимому, не допускали никакихъ возраженій, крайзамтъ все-таки не намѣренъ былъ исполнять ихъ и составилъ планъ, какъ достигнуть того, чтобъ они были отмѣнены окончательно.

Въ новомъ представленіи, отъ 3-го іюня 1842 года, крайзамтъ старался доказать губернскому начальству, что постановленное симъ послѣднимъ, въ 21 день марта, рѣшеніе по дѣлу о липованахъ „почти невозможно“ исполнить, такъ какъ имѣются къ тому опытомъ дознанныя „чрезвычайныя препятствія,“ и потому просилъ объясненія, подлежитъ ли указанное рѣшеніе непремѣнному исполненію, или губернія благоволитъ сдѣлать въ ономъ по требованію обстоятельствъ какія-либо измѣненія, и какія именно. Въ изложеніи „чрез-

¹⁾ „Губернія полагаетъ, что крайзамтъ уже сдѣлалъ, что касается тайно изъ-за границы пришедшихъ липованскихъ калугеровъ, по губернскому приказанію отъ 28 сентября 1840 зависящее распоряженіе.“ Губ. предп. отъ 21 марта 1841 года, № 11.613 (*Бѣлокр. архивъ*).

вычайныхъ препятствій,“ дѣлающихъ невозможнымъ исполненіе губернскаго рѣшенія, крайзамтъ не сказалъ ничего новаго противъ прежнихъ своихъ представленій въ губернію, только постарался описать несчастныхъ липованъ самыми мрачными красками, чтобы показать такимъ образомъ крайнюю необходимость для липованскихъ обществъ законно поставляемаго духовенства, которое одно будто бы только и можетъ завести въ этихъ обществахъ порядокъ и исправить липованскіе нравы. „И въ прежнее время, когда въ липованскихъ громадахъ находились старшіе чрезвычайно хорошаго поведенія и достоинства люди, которые старались склонить жителей, даже угрозами, къ веденію метрикъ, и тогда всѣ эти убѣжденія оставались безъ дѣйствія, ибо всегда имѣло силу то препятствіе, что по фанатическому понятію липованъ метрики не суть только политическая мѣра, но противны ихъ религіи. Въ настоящее же время липоване, что касается благочестивой, вѣрной и справедливой жизни, стали гораздо хуже, нежели какъ были прежде, такъ что нѣтъ у нихъ ни одного человѣка, который бы могъ имѣть здравое понятіе о распоряженіяхъ правительства; притомъ же всѣ они впали въ слѣпой религіозный фанатизмъ: ибо много лѣтъ не имѣютъ порядочнаго духовенства и хорошаго воспитанія юношей. И потому склонить этихъ людей убѣжденіями, или наказаніями къ исполненію всѣхъ законныхъ требованій, указанныхъ въ губернскомъ рѣшеніи, представляется почти невозможнымъ; крайзамтъ же съ своей стороны предлагаетъ къ тому вѣрное средство: до тѣхъ поръ порядокъ у липованъ не будетъ восстановленъ, пока не будутъ они имѣть своего законнаго духовенства, которое бы наблюдало за ними въ исполненіи религіозныхъ требованій, обученія юношей и провозведенія метрикъ, подобно тому, какъ дѣлается въ иныхъ религіяхъ. Липованскіе калугеры берутъ на свою обязанность исполненіе указанныхъ въ губернскомъ высочайшемъ рѣшеніи требованій и просятъ только, чтобъ ихъ монастырскія учрежденія утвердить законнымъ порядкомъ.“ Представленіе свое крайзамтъ заключилъ слѣдующими словами: „Теперь дѣло не въ томъ, какъ поступить съ липованами и ихъ калуге-

рами, а въ томъ, какъ уничтожить происходящій у нихъ безпорядокъ и довести ихъ до надлежащаго исполненія религиозныхъ требованій, воспитанія юношей и веденія метрическихъ книгъ. Въ уваженіе этихъ обстоятельствъ, крайзамтъ просить дать ему объясненіе, должно ли высочайшія рѣшенія 21-го марта 1842 года необходимо исполнить, или позволено будетъ на всѣ вышеупомянутыя обстоятельства имѣть уваженіе, и какого рода уваженіе.“¹⁾

Нѣтъ сомнѣній, что никакого „уваженія“ изъ губерніи крайзамтъ не ожидалъ и ожидать не могъ; равно какъ состоявшееся 21 марта губернское рѣшеніе вовсе не намѣренъ былъ исполнять и послѣ новаго подтвержденія; о которомъ спрашивалъ и которое непременно должно было послѣдовать. Изъ всего содержанія и по самому тону донесенія видно, что оно писано подъ влияніемъ уже принятаго плана, посредствомъ котораго крайзамтъ надѣялся достигнуть отмены губернскихъ распоряженій по дѣлу о липованахъ: планъ состоялъ въ томъ, чтобы перенести это дѣло на рѣшеніе высшихъ инстанцій. Въ исполненіи этого плана крайзамтъ, конечно, не могъ принимать непосредственнаго участія: апеллировать, какъ недовольные рѣшеніемъ губерніи, должны были сами просители, уполномоченные на то отъ Бѣлокриницкаго монастыря. Убѣдить же Павла и Геронтія перенести дѣло о епископѣ въ столицу не представляло никакого труда, такъ какъ они и сами видѣли, что въ губерніи это дѣло совсѣмъ испорчено и что другаго средства поправить его не остается, какъ только искать защиты и суда у верховной власти. Притомъ же были основанія рассчитывать, что въ столицѣ примутъ дѣло совсѣмъ иначе, нежели какъ оно принято въ губерніи. Губернское начальство (въ этомъ были увѣрены и въ Бѣлой-Криницѣ и въ Черновцахъ)²⁾ дѣйствовало относительно просьбы старооб-

¹⁾ Донес. крайз. отъ 3 іюня 1842 г., № 6.457 (*Бѣлокр. архив*).

²⁾ Въ *Рекурсъ* Павелъ и Алипій писали, что кесарокоролевская губернія дѣйствовала именно „по нѣкоторому, враждебному для ихъ обряда вліянію;“ и въ другомъ мѣстѣ: „мы съ глубочайшею скорбію узнали, что въ изданію тягостнаго высокою губерніскою рѣшенія содѣйствовало много мѣнѣе, подаи-

рядческихъ инокѣвъ подѣ влияніемъ православнаго буковинскаго епископа и, быть-можетъ, своего собственнаго сочувствія интересамъ православія: въ Вѣнѣ же подобныхъ влияній никакъ не предполагалось, — напротивъ думали, что если разъяснить тамъ, какъ слѣдуетъ, причину неблагопріятнаго отношенія губернскихъ властей къ дѣлу о старообрядческой архіерейской каедрѣ, и если еще поставить на видъ, какой посредствомъ учрежденія этой каедрѣ можетъ быть причиненъ значительный ущербъ интересамъ православія, имѣющаго существенное значеніе для сосѣдней великой имперіи, то на успѣхъ просьбы у австрійскаго императорскаго правительства можно смѣло разчитывать.

Павелъ и Геронтій хорошо понимали основательность этихъ соображеній и тѣмъ охотнѣе готовы были перенести дѣло о епископѣ въ столицу, что другаго выхода изъ затрудненій, причиненныхъ имъ губернскимъ декретомъ, не представлялось; въ смѣлости же на такой важный шагъ недостатка у нихъ не было. Но чтобы имѣть законное основаніе апеллировать столичнымъ властямъ, нужно было имѣть въ рукахъ самое рѣшеніе „губерніи“, противъ котораго должна быть направлена аппелляція, а равно и другіе документы по ихъ дѣлу, находившіеся въ губерніи. Для этого придумано было подать непосредственно губернскому начальству отъ имени монастыря прошеніе о милостивомъ рѣшеніи ихъ дѣла, или же, въ противномъ случаѣ (что именно и ожидалось), — о выдачѣ документовъ, необходимыхъ для „рекурсованія“ высшимъ властямъ. И вотъ, когда изъ крайзамта было послано въ губернію изложенное выше представленіе, съ котораго Павлу дана точная копія, Павелъ и Геронтій сами отправились во Львовъ, гдѣ и подали, 27 іюня 1842 года, „президенту всей Буковины, Галиціи и Лодомеріи“ прошеніе.

ное отъ его преосвященства господина буковинскаго греконеуніатскаго (griechisch nicht unirten) епископа“. О томъ же говорится у Геронтія въ его *Памятникъ*; и на допросѣ онъ показалъ: „губернія учинила по желанію волохскаго епископа, всѣ наши предпріятія и труды уничтожила своимъ рѣшеніемъ“. (Чт. общ. ист. и др. стр 147.)

„Будучи извѣщены отъ кесарокоролевскаго крайзамта (писали они въ этомъ прошеніи), что уставъ нашъ представленъ губерніи на разсмотрѣніе и утвержденіе, мы прибыли сюда для успѣшности нашего дѣла и въ случаѣ какой надобности что бы могли подать наше еще потребное дополненіе. А какъ мы *здесь осведомились*, что по нашему дѣлу резолюція покончена и что крайзамтъ самъ неоднократно просилъ губернію насъ удовлетворить: отъ чего мы, соболѣзуя дабы наша религія и вся свобода не уничтожилась, покорнѣйше просимъ милостиво и внимательно наше дѣло разсмотрѣть и насъ беззащитныхъ, согласно 1-го пункта всевысочайшей привилегіи, удовлетворить, дабы нашъ монастырь для вѣчнаго существованія утвердить и намъ здѣсь на оное милостивую резолюцію выдать. Для того мы, нижеподписавшіеся, *доносимъ*, что черновицкій неуніатскій епископъ, которому нашъ уставъ изъ губерніи на разсмотрѣніе былъ врученъ, намъ есть всегдашній недоброжелатель, и *не только для насъ, но и для здѣшняго государственнаго порядка не доброжелательствуетъ*; насъ же желательно ему подъ свое завѣдываніе подвести, и въ противномъ случаѣ настоять тщится совершенно даже изъ здѣшняго края за границу выслать. Но покорнѣйше просимъ внимательно вникнуть кесарокоролевскаго крайзамта во вторительное доношеніе, который въ виду имѣетъ всѣ наши обстоятельства.“ Такимъ образомъ цѣль прошенія, поданнаго Павломъ и Геронтіемъ, была, повидимому, та, чтобы достигнуть отмѣненія состоявшейся по ихъ дѣлу „резолюціи“, о которой, равно какъ и о дѣйствіяхъ крайзамта въ ихъ пользу, они будтобы узнали только по пріѣздѣ во Львовъ, куда-де прибыли единственно „ради успѣшности“ своего дѣла и чтобы „въ случаѣ какой надобности“ дать потребныя объясненія и дополненія. Вообще, нельзя не замѣтить, что они всячески старались выгородить крайзамтъ отъ подозрѣнія въ какой-либо солидарности съ ними, въ сочувствіи и покровительствѣ ихъ затѣямъ. За то Павелъ и Геронтій совсѣмъ иначе отнеслись въ своемъ прошеніи къ черновицкому епископу Евгенію, не посоветились написать на него чистый доносъ, обвинить, какъ православнаго и русина по происхожденію, въ

недоброжелательствъ даже австрійскимъ государственнымъ порядкамъ, до которыхъ имъ, казалось бы, не было никакого дѣла. Но мы говорили уже, что измѣненіе состоявшейся 21го марта губернской „резолуціи“ было только благовиднымъ предлогомъ къ подачѣ прошенія, такъ какъ Павелъ и Геронтій были, конечно, вполне увѣрены, что даже и доносомъ на черновицкаго православнаго епископа достигнуть этого измѣненія не могутъ; дѣйствительная цѣль, какою они въ настоящемъ случаѣ руководились, ясно высказана въ заключеніи ихъ просьбы: „А притомъ мы просимъ намъ объяснить, съ какого повода шестидесятилѣтнее существованіе монастыря нашего опредѣлено уничтожить. И ежели сіе наше прошеніе губернія не можетъ удовлетворить, то просимъ со всѣми нашими актами и уставомъ, яко рекурсъ, въ высочайшій департаментъ доставить и намъ милостивую резолюцію здѣсь ожидающимъ вручить.“¹⁾

„Милостивая резолюція“ однакоже послѣдовала нескоро, — спустя болѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ было подано Павломъ и Геронтіемъ прошеніе, именно 16-го октября 1842 года, одновременно съ отвѣтомъ на послѣднее представленіе крайзамта, и только въ январѣ слѣдующаго 1843 года доставлена, чрезъ посредство крайскоммиссара и мандатора, въ Бѣлокриницкій монастырь на имя настоятеля (Klostersvorsteher) Геронтія Легонова. Оба эти документа Павелъ справедливо назвалъ „послѣдними губернскими резолюціями о неутвержденіи монастыря.“²⁾

На представленіе крайзамта, какъ здѣсь и ожидали, послѣдовалъ отвѣтъ, что губернское начальство не находитъ никакихъ основаній къ отмѣнѣ своего прежняго постановленія, отъ 21-го марта 1842 года, въ силу котораго липоване обязуются къ непремѣнному веденію метрику, а устроенный ими монастырь подлежитъ уничтоженію; аргументовъ же, которыми крайзамтъ старался доказать неудобисполнительность этого опредѣленія, губернское началь-

¹⁾ Черновой экземпляръ прошенія, писанный Павломъ (*Бѣлокр. архивъ*).

²⁾ Заглавія, собственноручно сдѣланныя Павломъ на копіяхъ того и другаго документа, находящихся въ *Бѣлокр. архивѣ*.

ство не признаетъ уважительными. Разбирая эти аргументы подробно, губерніумъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, ясно обличающихъ недобросовѣстность черновицкихъ властей въ веденіи настоящаго дѣла о липованахъ. Такъ противъ постоянныхъ увѣреній крайзамта, что метрикамъ липоване усвояютъ исключительно религіозное значеніе и обязательство къ непремѣнному употребленію оныхъ считаютъ нарушеніемъ предоставленной имъ привилегіей Іосифа II религіозной свободы, замѣчено, что сами иноки Бѣлокриницкаго монастыря признали веденіе метрикъ не противнымъ ни религіи липованъ, ни данной имъ привилегіи, какъ видно изъ протокола составленнаго крайскомиссаромъ Шаловскимъ 30-го апрѣля 1840 года. Другое подобнаго рода замѣчаніе сдѣлано противъ представленій крайзамта объ утвержденіи законнымъ порядкомъ издавна существующаго въ Бѣлой-Криницѣ монастыря: вина за то, что монастырь, устроенный вопреки распоряженіямъ высшаго правительства, послѣдовавшимъ въ 1784 и 1791 годахъ, столько времени существовалъ секретно, падаетъ главнымъ образомъ на крайзамтъ, „который въ отношеніи своемъ отъ 29-го іюня 1840 года и самъ признался, что только въ послѣднее время его примѣтилъ.“¹⁾ Такимъ образомъ изъ документовъ, представленныхъ самимъ крайзамтомъ, губернское начальство доказало ему неосновательность приводимыхъ имъ доводовъ въ защиту дѣла о липованскомъ монастырѣ и епископѣ. Но теперь, когда это дѣло должно было перейти на разсмотрѣніе столичныхъ властей, крайзамтъ еще меньше прежняго думалъ тревожиться губернскими предписаніями и замѣчаніями; несмотря на всю ихъ справедливость, и даже не находилъ нужнымъ дать на нихъ объясненіе.

„Послѣдняя губернская резолюція“, полученная самими бѣлокриницкими просителями, оставивъ безъ вниманія ихъ жалобы и доносы, касалась только того, что, какъ мы замѣтили выше, составляло сущность ихъ прошенія. Они просили—„объяснить, съ какого повода шестидесятилѣтнее существованіе ихъ монастыря опредѣлено уничтожить“: губерн-

¹⁾ Предпис. крайзамту отъ 16 октября 1842 г., № 39.976 (*Бѣлокр. архивъ*).

ское начальство теперь и объясняло, что „существованіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ признается непозволительнымъ, незаконнымъ и нетерпимымъ“ (unzulässig, gesetzwidrig und könne nicht geduldet werden) по слѣдующимъ причинамъ: „а) хотя по высочайшей привилегіи и предоставлено поселившимся въ Буковинѣ липованамъ безпрепятственное отправление богослуженія и духовныхъ требъ, также принятіе изъ-за границы попа ихъ націи, но никакого не дано имъ права на заведеніе чуждаго пастырскимъ обязанностямъ, посвященнаго только уединенію и созерцанію (contemplation), монастырскаго института“; б) „по поводу подобнаго же прошенія, учрежденіе монастыря было уже воспрещено рескриптомъ придворнаго военнаго совѣта (hofkriegsräthlichen Rescripte), отъ 1784 года, и декретомъ высокой губерніи (hohen Landstelle) отъ 24 го августа 1791 года,“ в) „липоване сами обязаны вести метрическія записи, такъ какъ онѣ составляютъ чисто политическую и административную мѣру, никакой связисъ религіей и богослуженіемъ не имѣющую“; г) „монастырь состоитъ изъ непостриженныхъ бѣльцовъ (Laienbruder) и большею частію изъ иностранцевъ.“¹⁾ Въмѣстѣ съ этою „резолуціей“ изъ губерніи присланъ, какъ не нужный болѣе, и монастырскій уставъ (Klosterstatutenbuch).

Итакъ съ губерніей были покончены всѣ сношенія по дѣлу о признаніи Бѣлокриницкаго монастыря и объ учрежденіи въ ономъ архіерейской кафедрѣ. Теперь уже Павлу ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ позаботиться о составленіи „рекурса“ противъ издавнаго губерніей рѣшенія и затѣмъ ѣхать въ Вѣну—искать покровительства и защиты угнетенному старообрядчеству предъ императорскимъ апостолическимъ престоломъ. Но составить „рекурсъ“ было не легкое дѣло. За совѣтомъ и помощію Павелъ отправился прежде всего въ Черновцы, къ своимъ „благодѣтелямъ“, которые дѣйствительно принялись весьма усердно помогать ему совѣтами и разнаго рода услугами. Всего труднѣе было опровергнуть второй пунктъ губернскаго рѣ-

¹⁾ Подлинная копія губернскаго рѣшенія, выданная изъ мандаторіата Гадль-Фальвы (Бѣлокр. архивъ).

шенія, гдѣ приведены указанія состоявшихся прежде правительственныхъ распоряженій о воспрещеніи и закрытіи Бѣлокриницкаго монастыря. Чтобъ уничтожить силу этого пункта, нужно было, также на основаніи какихъ-нибудь документовъ, доказать, что существованіе монастыря, напротивъ, допущено правительствомъ, или по крайней мѣрѣ терпѣлось снисходительно. И вотъ начались опять розыски въ архивахъ черновицкаго крайзамта, — вынуты и пересмотрѣны всѣ дѣла о водвореніи первыхъ липованъ въ Буковинѣ, о приходѣ липованскихъ калуđerовъ, о заведеніи монастыря при селеніи Бѣлая-Криница. Павлу дозволено было сдѣлать точныя копіи съ важнѣйшихъ документовъ и нужныя ему выписки изъ всѣхъ этихъ дѣлъ. ¹⁾ Оказалось, что нѣкоторые документы, если умѣючи воспользоваться ими, могутъ быть обращены противъ сдѣланнаго губерніей заключенія; но оказалось также и то, что роковые для монастыря декреты 1784 и 1791 годовъ дѣйствительно существуютъ и опровергнуть ихъ фактическую важность не представлялось никакой возможности. Тогда крайзамтъ рѣшился на поступокъ, не извинительный даже для мелкаго чиновничьяго люда. И самъ онъ, въ своихъ донесеніяхъ въ губернію, постоянно проходилъ молчаніемъ декреты 1784 и 1791 годовъ, на которые указывало ему губернское начальство; а Павлу далъ теперь согласіе, чтобы въ рекурсъ было сказано, за ручательствомъ крайзамта, будто этихъ декретовъ въ архивѣ не оказалось, и потому-де подлежитъ сомнѣнію, даже существовали ли они когда-нибудь. ²⁾ Значительное

¹⁾ Сдѣланныя тогда копіи и выписки сохранились въ находящемся у насъ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* и послужили главнымъ матеріаломъ для изложенной въ третьей главѣ первоначальной исторіи буковинскихъ липованъ и заведеннаго ими монастыря.

²⁾ Недобросовѣтность этого, дозволеннаго крайзамтомъ и дѣйствительно приводимаго въ *рекурсъ*, показанія, будто декретовъ 1784 и 1791 не нашлось въ архивѣ, тѣмъ очевиднѣе и непростительнѣе, что Павлу не только показаны были всѣ документы по дѣлу объ уничтоженіи открытаго въ Тернавицкомъ гѣсу липованскаго монастыря, но и дозволено было снять съ нихъ копіи. (Эти копіи, сохранившіяся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*, и дали намъ возможность довольно подробно изложить дѣло объ уничтоженіи монастыря въ 1791 году). Есть извѣстіе, что изъ крайзамта всѣ декреты и другія бума-

затрудненіе, повидимому, долженъ былъ бы представить еще четвертый пунктъ губернской резолюціи, гдѣ такъ справедливо было указано, что Ђѣлокриницкій монастырь состоитъ преимущественно изъ бѣглыхъ иностранцевъ; но издавна принятый у липованъ способъ зачисленія бѣглыхъ раскольниковъ въ разрядъ коренныхъ буковинскихъ жителей давалъ полную возможность доказать противное, тѣмъ болѣе, что и самъ, крайзамтъ, три года тому назадъ отказавшій Павлу и Геронтію въ выдачѣ паспорта, какъ пришлымъ изъ-за границы, давно уже призналъ за ними всѣ права туземныхъ липованъ. Итакъ, нуженъ былъ только опытный юристъ, который, искусно воспользовавшись собранными матеріалами и всѣми аргументами, какіе только можно было сказать противъ губернской „резолюціи“, привелъ бы ихъ въ надлежащій порядокъ и изложилъ въ формѣ „рекурса“. Въ Черновцахъ нашелся и такой человекъ. Впрочемъ, составленный здѣсь рекурсъ, ради особенной важности этого документа для всей послѣдующей судьбы дѣла о липованскомъ монастырѣ и епископѣ, Павлу посовѣтывали показать въ Вѣнѣ болѣе опытнымъ юристамъ, къ которымъ и дали ему рекомендательныя письма. Такимъ образомъ все нужное для подачи рекурса было заранѣе приготовлено еще въ Черновцахъ, по указанію и при содѣйствіи здѣшняго „благодѣтельнаго“ чиновничества. Эти хлопоты по собиранію матеріаловъ для рекурса, эти совѣщанія съ черновицкими „благодѣтелями“, вообще всѣ эти приготовления къ поѣздкѣ въ Вѣну, предъ императорскій судъ, были однакоже весьма нелегкимъ дѣломъ для Павла, который не могъ притомъ не чувствовать, что рѣшился на смѣлый и опасный

ги, относящіяся къ настоящему дѣлу, были совсѣмъ отданы Павлу и этимъ послѣднимъ созданы; по другимъ же извѣстіямъ, случился пожаръ въ самомъ архивѣ крайзамта, во время котораго и погибли всѣ документы о липованскомъ монастырѣ, или по крайней мѣрѣ распространены были слухи о такомъ пожарѣ (см. *Русск. Вѣст.* т. LXXXIV, стр. 181). Всѣ эти услуги „благодѣтельныхъ“ крайзамтскихъ чиновниковъ, разумѣется, были приобретены Павломъ за денежные правошенія, къ которымъ, посвидѣтельству Надеждина, „австрійское чиновничество вообще не чувствительно“ (*Сбор. Кельсева*, ч. I, стр. 104).

шагъ. Въ послѣдствіи, вспоминая это трудное время, онъ писалъ въ Москву своимъ благотворителямъ: „По причинѣ испорченнаго нашего дѣла губерніею, съ повода буковинскаго молдаванскаго епископа, тяжело было намъ поправиться во изысканіи долговременныхъ справокъ отъ самой обсъдланности здѣсь нашихъ обществъ, и трудное было достиженіе—стать на высшую позицію и снова сражаться со всеоружными вовсе неоружнымъ, и со славными земли сущимъ безгласнымъ. Итакъ много прошло время и много труднаго дѣла...“¹⁾

Вопросъ кому, отправляться въ Вѣну для подачи рекурса, былъ рѣшенъ въ Вѣлой-Криницѣ на общебратскомъ совѣтѣ еще до поѣздки Павла въ Черновцы. Само собою разумѣется, что безъ Павла этого дѣла не находили возможнымъ сдѣлать; требовалось только выбрать кого-нибудь ему въ спутники и помощники. Геронтій, ближайшій другъ и сорудникъ Павла, долженъ былъ, какъ настоятель, остаться дома, тѣмъ больше, что занять былъ дѣлами по устройству монастыря; затѣмъ сопутствовать Павлу въ странствіи по европейскимъ градамъ не нашли никого способнѣе инока Алимпія. Съ этого времени инокъ Алимпій вступаетъ на то поприще хлопотливой дѣятельности по общественнымъ и церковно-іерархическимъ дѣламъ старообрядцевъ, на которомъ ему суждено было совершить не мало смѣлыхъ, хотя не всегда удачныхъ подвиговъ. Чтобы въ Вѣнѣ Павелъ и Алимпій могли безпрепятственно дѣйствовать какъ уполномоченные отъ монастыря депутаты, нужно было снабдить ихъ формальною довѣренностью отъ всего монастырскаго братства: 3-го марта 1843 года такая довѣренность „двумъ избраннымъ честнымъ инокамъ Алимпію Милорадову и Павлу Васильеву“²⁾ была подписана всѣми монастырскими должностными лицами и за всю прочую братію (не умѣю-

¹⁾ Посланіе изъ Вѣны къ благотворителямъ, отъ 14 іюля 1843 г., (*Сборн. о. Онуфрія*).

²⁾ Здѣсь, какъ и въ другихъ бумагахъ, Алимпій поставленъ прежде Павла (въ томъ же порядкѣ обыкновенно они и подписывались) потому, что онъ имѣлъ передъ Павломъ преимущество старшинства по иночеству, какъ раньше его постриженный.

щю грамотѣ) временнымъ монастырскимъ письмоводителемъ, а также и самими депутатами, которые посредствомъ подписи удостовѣрили, что „по просьбѣ настоятеля съ братіей добровольно приѣмлютъ на себя порученіе сей довѣренности“. Изложенное въ довѣренности порученіе касалось двухъ пунктовъ: а) ходатайства объ утвержденіи монастыря и о дозволеніи учредить въ ономъ архіерейскую каѳедру, б) „покупки въ вѣчное владѣніе, за цѣну, какая отъ правительства назначена будетъ“, объявленныхъ въ аукціонную продажу грунтовъ, на которыхъ стоятъ селенія Бѣлая Криница и Климоуцы. Приобрѣтеніе въ монастырскую собственность части этихъ земель было въ послѣдствіи постоянною заботой Павла и настоятелей Бѣлокриницкаго монастыря; но теперь статья о покупкѣ грунтовъ внесена въ довѣренность, какъ надобно полагать, только для того, чтобы показать, будто монастырь располагаетъ значительными средствами (что нужно было въ интересахъ дѣла о епископской каѳедрѣ); помышлять же серьезно о приобретеніи грунтовъ Бѣлокриницкій монастырь въ то время еще никакъ не могъ, по скудости своихъ средствъ. Существенное значеніе имѣлъ собственно первый пунктъ довѣренности, изложенный въ слѣдующихъ словахъ: „мы, нижеподписавшіеся монастырскіе члены, настоятель со всею общезительствующею братіей, поручаемъ совершенное полномочіе двумъ избраннымъ нашимъ честнымъ инокамъ Алимпію Милорадову и Павлу Васильеву, противу объявленныхъ намъ кесарокоролевскимъ мандаторіатомъ губернскихъ рѣшеній, отъ 21-го марта и 16-го октября 1842 года, которыми прочее существованіе нашего здѣсь въ Бѣлой-Криницѣ до шестидесяти лѣтъ состоящаго монастыря запрещается, куда слѣдуетъ къ надлежащимъ мѣстамъ и даже къ самому его всевысочайшему кесарокоролевскому величеству рекурсовать и всеподданнѣйше просить какъ существованіе нашего монастыря, въ его преимуществахъ, такъ равно и монастырскій нашъ уставъ на дальнѣйшее къ благочинію руководство наше надлежащимъ порядкомъ подтвердить; а притомъ, согласно перваго нашего прошенія, поданнаго въ 1840 году первоначально въ кесарокоролевскій крайзамтъ, ходатайствовать

къ прежней, имѣющейся у насъ привелегіи, съ яснымъ словомъ *позволеніе на водвореніе илшему сословію особаю своєю святителя, на правилахъ въ монастырскомъ нашемъ уставѣ изображенныхъ*⁴. Затѣмъ довѣрители предоставляютъ своимъ выборнымъ слѣдующее полномочіе: „имѣютъ они, Милорадовъ и Васильевъ, вмѣсто цѣлаго монастыря, полное право, какия надлежатъ будутъ прошеніи, по собственному ихъ усмотрѣнію и разсудку сочинять и заподписомъ ихъ къ надлежащимъ мѣстамъ подавать предъ всякое высокое правительство, и, если надобность укажетъ, даже и предъ самый высокій тронъ его императорскаго кесарокоролевскаго величества челобитно доступать; и что они въ предпомннутыхъ дѣлахъ распорядятъ и учинятъ, всегда за благо признавать и никогда не отвергать, но паче подкрѣплять будемъ“.¹⁾

Облеченные такимъ полномочнымъ довѣріемъ отъ монастырскаго братства, снабженные совѣтами, письмами и готовыми документами отъ своихъ черновицкихъ друзей, Павелъ и Алимпій, въ первыхъ числахъ іюля 1843 года, отправились въ „славную столицу“ Вѣну, гдѣ должны были рѣшиться, вопросы, отъ которыхъ зависѣла вся дальнѣйшая судьба замысловъ объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каеэдры въ Бѣлой-Криницѣ. Въ этотъ первый пріѣздъ свой въ Вѣну Павелъ и Алимпій до такой степени поражены были великолѣпіемъ австрійской столицы, громадностью зданій, многочисленностью и всѣмъ вообще, совершенно чуждымъ для Русскаго строемъ жизни, кипѣвшей на вѣнскихъ улицахъ, что въ первое время, какъ выражается самъ Павелъ, „ходили по огромнымъ высотамъ стогнамъ аки въ темномъ лѣсу, аки глухіе и нѣмые“...²⁾ Въ свою очередь и вѣнскіе жители немало дивились, встрѣчая Павла и Алимпія на стогнахъ своего града, гдѣ они представляли невиданное до тѣхъ поръ явленіе. Полномочные посланники Бѣлокриницкаго монастыря, строго слѣдуя пред-

¹⁾ *Сбор. о. Онуфрія.*

²⁾ Письмо Павла изъ Вѣны къ благотворителямъ, отъ 14-го іюля 1843 года.

писаніямъ монастырскаго устава и ничѣмъ не стѣснясь, ходили по вѣнскимъ улицамъ „во всемъ своемъ чину,“—въ влобукахъ съ вѣнчикомъ, покрытыхъ каптыремъ, въ манатейкахъ и съ лѣстовками. Это ихъ одѣяніе, надѣлавшее Павлу столько непріятностей въ Кутайсѣ и Тиолисѣ, служило предметомъ удивленія и для жителей Вѣны: „въ разсужденіи нашего страннаго для нихъ образа столь удивляются, рассказывалъ самъ Павелъ, что даже если по какому-либо случаю гдѣ идя на минуту остановишься спросить кого-либо о чемъ, или въ лавкѣ что-нибудь купить, то со всѣхъ сторонъ толпами соберется народъ и обступя дивятся, аки на какое чудовище, потому что такого вида человѣка, какъ мы, никто здѣсь и сроду не видалъ“. 1) При всемъ этомъ Павелъ весьма доволенъ былъ вѣжливостью вѣнскихъ жителей, и въ самомъ любопытствѣ, съ какимъ они разсматривали невиданныхъ людей, не нашелъ ничего дерзкаго и оскорбительнаго. Еще больше Павелъ и Алимшій довольны были вниманіемъ и благосклонностью тѣхъ лицъ, съ которыми приходилось имъ входить въ сношенія по своему дѣлу. Прежде всего они отыскивали рекомендованныхъ имъ черновицкими благопріятелями адвокатовъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, г. Дворачекъ, хорошо образованный юристъ, славянинъ родомъ, свободно объяснявшійся по-русски, сношенія съ которымъ по этому самому были всего удобнѣе, отнесся къ нимъ съ особеннымъ участіемъ, охотно согласился взять на себя главные хлопоты по ихъ дѣлу и оказалъ имъ дѣйствительно большую помощь. 2)

Распросивъ у Павла всѣ подробности дѣла и разсмотрѣвъ всѣ привезенные имъ документы, Дворачекъ нашелъ, что по-

1) Тамъ же.

2) По словамъ Бодянскаго, Дворачекъ былъ „родомъ Моравецъ изъ Тишнова, по имени Янъ, учился въ Берненской гимназій, а потомъ въ университетахъ Пражскомъ, Львовскомъ и Вѣнскомъ (А въ замѣткахъ о Филарета сказано, что Дворачекъ родился въ Россіи, въ западныхъ губерніяхъ, и самъ о себѣ говорилъ, что учился въ Кіевѣ); состоялъ придворнымъ адвокатомъ правительства и съ тѣмъ вѣстѣ адвокатомъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ“. Но въ то время, когда познакомились съ нимъ бѣнокривніе иноки, по словамъ Липравди, Дворачекъ „находился почему-то въ отставкѣ“. (Чт. въ Общ. мст. и др. 1871 г. кн. IV, отд. V, стр. 159).

слѣ состоявшагося въ губерніи рѣшенія, дѣйствительно, ничего болѣе не осталось дѣлать, какъ подать на высочайшее имя „рекурсъ.“ Правда, по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, онъ не могъ не сознаться, что губернское начальство въ своемъ рѣшеніи опиралось на законныхъ основаніяхъ и что напротивъ притязанія бѣлокриницкихъ просителей и дѣйствія ихъ черновицкихъ благопріятелей во многомъ лишены и законности и правильности; но при всемъ этомъ, какъ человѣкъ искусный въ адвокатскихъ хитростяхъ, онъ надѣялся и обнадеживалъ Павла, что дѣло еще не проиграно: нужно только поискуснѣе составить рекурсъ и еще лицамъ, власть имѣющимъ, указать въ бѣлокриницкомъ предпріятіи такія стороны, которыя, по его соображеніямъ, всего скорѣе могли расположить ихъ въ пользу этого предпріятія.

Рекурсъ, составленный въ Черновцахъ, Дворачекъ нашелъ нужнымъ подвергнуть тщательному исправленію. Изъ-подъ его редакціи документъ сей вышелъ наконецъ достойнымъ своего назначенія¹⁾.

Прежде всего въ немъ изложена исторія переселенія задунайскихъ липованъ въ Буковину,—изложена, правда очень кратко, но при этомъ однакоже не забыто упомянуть, что „вскорѣ по своемъ пришествіи, липоване построили въ Бѣлой-Криницѣ монастырь,“ и что съ тѣхъ поръ и по настоящее время, шестьдесятъ уже лѣтъ, „монастырь сей у нихъ существуетъ, даже приведенъ теперь въ гораздо лучшее противъ прежняго положеніе.“ За тѣмъ въ трогательныхъ чертахъ изображается главное и какъ бы единствен-

1) Павелъ писалъ своимъ благотворителямъ изъ Вѣны: „Сочиненный нашъ еще въ Черновцахъ рекурсъ (то-есть аппелляцію) мы здѣсь *по разуму умныхъ людей* еще оный передѣлывали и даже два раза набѣло переписывали, и конечно съ Божіею помощію привели въ порядокъ.“ Сохранившійся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* экземпляръ *Рекурса*, которымъ мы пользуемся, есть, какъ надобно полагать, тотъ самый, первый разъ переписанный въ Вѣнѣ, о которомъ упоминается въ письмѣ Павла и съ котораго потомъ переписанъ былъ экземпляръ, поданный императору Фердинанду: онъ писанъ на листахъ большаго формата, красивымъ почеркомъ; на поляхъ и въ текстѣ сдѣланы рукой Дворачка поправки и дополненія.

ное зло, какое претерпѣваютъ въ настоящее время и монастырь и всѣ липованскія общества въ Буковинѣ,—зло, проистекающее отъ крайняго оскудѣнія священствомъ: „ибо для посвященія духовныхъ лицъ не имѣется во всемъ Австрійскомъ государствѣ ни одного святителя липованской религiи, и по сему только съ великимъ трудомъ и весьма рѣдко липованскія общества имѣютъ возможность достать священника изъ Россiи, и эти съ значительными издержками получаемые изъ Россiи священники остаются въ Буковинѣ только на малое время, а потомъ уѣзжаютъ либо въ Россiю обратно, либо дальше за границу къ старовѣрческимъ обществамъ, проживающимъ въ Молдавіи и по ту сторону Дуная, гдѣ также господствуетъ величайшій недостатокъ въ духовенствѣ липованскаго обряда.“ „Проистекающее отсюда бѣдственное положеніе старовѣрческихъ обществъ, ихъ скорбь, доходящая почти до отчаянія (говорится дальше), не позволяютъ намъ — инокамъ оставаться равнодушными и недѣятельными, тѣмъ больше, что мы давно уже горячее имѣемъ желаніе посредствомъ исполненія духовныхъ требъ, чрезъ содѣйствіе народному просвѣщенію и распространенію религіознаго образованія не только удовлетворить нуждамъ общества, но и послужить наилучшимъ образомъ государству, такъ какъ мы совершенно назначили себя къ духовному званію и посвятили все свое время и силы на приобрѣтеніе *ученыхъ знаній* (wissenschaftlichen Kenntnissen), необходимыхъ для открытой религіозной проповѣди, въ чемъ препятствуетъ намъ только невозможность получить хиротонію за неимѣніемъ святителя.“... „И вотъ мы всеподданнѣйше подписавшіеся, дабы устранить столь бѣдственное положеніе липованскихъ обществъ и достигнуть нашихъ благихъ цѣлей, столь полезныхъ для самаго правительства, въ февралѣ 1840 года, подали чрезъ буковинскій крайзамтъ въ высокую кесаро-королевскую галицкую губернію просьбу о дозволеніи прибыть въ Бѣлую-Криницу нашего обряда святителю (Weihbischof), который могъ бы совершать у насъ хиротонію и оставался бы у насъ верховнымъ пастыремъ (Oberhirt). По приказанію крайзамта, мы послали также въ высокую кесаро-королевскую губернію и нашъ монастырскій

уставъ. Потомъ извѣстившись, что, по нѣкоторому враждебному для нашего обряда вліянію, поставляется препятствіе даже и дальнѣйшему существованію нашего монастыря, мы, на основаніи высочайшей привилегіи блаженной памяти императора Іосифа II, подали непосредственно высокой кесаро-королевской губерніи вторичную просьбу о сохраненіи состоящаго въ Бѣлой-Криницѣ христіанскаго старовѣрческаго монастыря неприкосновеннымъ. Однако высокая кесаро-королевская губернія, декретами отъ 21-го марта 1842 года и отъ 16го октября того же года, опредѣлила—учрежденіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ признать дѣломъ не позволительнымъ, незаконнымъ и нетерпимымъ.⁴ Приведа вслѣдъ за симъ съ буквальной точностью тѣ, уже извѣстные читателямъ, четыре пункта губернской резолюціи, въ которыхъ изложены основанія къ такому строгому опредѣленію, податели рекурса съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ объясняютъ, что высокое губернское рѣшеніе приведенными здѣсь доказательствами, или основаніями ни въ какомъ случаѣ оправдано быть не можетъ, и что эти доказательства они могутъ легко опровергнуть.

Опроверженіе губернской „резолюціи“ по каждому ея пункту и составляетъ собственно задачу и существенное содержаніе „рекурса“.

Главнымъ образомъ вниманіе остановлено впрочемъ на *первомъ* пунктѣ „резолюціи“. Въ этомъ *первомъ* пунктѣ, какъ мы видѣли, говорилось, что „привилегіей Іосифа II предоставлено липованамъ только ненарушимое отправленіе богослуженія и духовныхъ требъ, также привезеніе изъ-за границы попа ихъ націи, но не дано никакого права на заведеніе чуждаго пастырскимъ обязанностямъ, посвященнаго только уединенію и созерцанію, монастырскаго института.“ Все здѣсь сказанное „рекурсъ“ признаетъ несправедливымъ.

1) Губернское начальство несправедливо будто бы объяснило смыслъ привилегіи Іосифа II, утверждая, что *буковинскимъ* липованамъ привилегія не давала права на учрежденіе монастыря. Въ „рекурсѣ“ напротивъ утверждается, что именно привилегіей Іосифа II и предоставлено липованамъ такое право. Въ доказательство этого приведены слѣдую-

ція соображенія: переселившимся въ Буковину старовѣрческимъ обществамъ и *изъ духовенству* было дозволено привилегіей ненарушимое отправленіе богослуженія, духовныхъ требъ и всѣхъ вообще религіозныхъ обрядовъ; но духовенство, „которое пришло съ липованами въ Буковину, состояло не изъ бѣлыхъ только священниковъ, а также и изъ иноковъ, которые по самымъ правиламъ религіи (nach den Religionsgrundsätzen) непремѣнно должны жить въ монастырѣ и въ немъ только могутъ отправлять богослуженіе значить; имъ дозволено было всевысочайшею привилегіей и открыто устроить монастырь. Это явствуетъ также изъ того, что въ высочайшей привилегіи говорится вообще о духовенствѣ, никакого различія между бѣлымъ и монашествующимъ духовенствомъ не полагается и воспрещенія относительно пребыванія (въ Бѣлой-Криницѣ) иноковъ не сдѣлано“. Всѣ эти соображенія съ липованской точки зрѣнія были совершенно правильны; мы говорили уже, что такъ именно разумѣли смыслъ привилегіи и первые буковинскіе липоване, для которыхъ показалось совершенною неожиданностью и непонятно было распоряженіе правительства объ уничтоженіи заведеннаго ими въ Тернавицкомъ лѣсу монастыря. Но въ „рекурсѣ“ доказывалось, что точно также будто бы понимало смыслъ привилегіи и само правительство, ибо-де оно имѣло точныя свѣдѣнія о переселеніи въ Буковину липованскихъ иноковъ и однако же нисколько переселенію ихъ не препятствовало, чего будто бы никакъ не могло случиться, еслибы правительство имѣло въ виду воспрепятствовать учрежденію монастыря у липованъ, хотя въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, было именно такъ, — не препятствуя липованскимъ инокамъ переходить въ Буковину, правительство однакоже требовало, чтобъ они жили не въ монастырѣ, а на одинаковыхъ съ прочими липованами правахъ.

2) Неправильно будто бы указано губернскимъ начальствомъ и главное назначеніе липованскаго монастыря. „Единственная цѣль нашего института не есть уединеніе и созерцаніе, какъ сказано въ высокому губернскому рѣшеніи; напротивъ, главная цѣль нашего института есть исполне-

ніе богослуженія, релігійознаго обученія и пастырской должности“ (seelsorgerlichen Berufes). Всѣ знакомые съ истиннымъ назначеніемъ иноческой жизни, и прежде всего сами старобрядцы, должны согласиться, что „уединеніе и созерцаніе“, вмѣстѣ съ исполненіемъ церковныхъ службъ, составляютъ существенную ея принадлежность, и что напротивъ исправленіе пастырской должности, составляющее прямую обязанность блага духовенства, назначенію иночества вовсе не соотвѣтствуетъ и никакъ не можетъ быть почитаемо за „главную цѣль монастырскаго института“. Значитъ губернскаго начальство не отступило отъ истины, назвавъ уединеніе и созерцаніе главнымъ назначеніемъ липованскаго монастырскаго института; но составителямъ *Рекурса* для ихъ цѣли нужно было доказать, что именно отправленіе пастырской должности составляетъ между прочимъ главное назначеніе липованскаго монастыря, — и вотъ сказанному въ губернскомъ рѣшеніи они противопоставляютъ свидѣтельство, по ихъ мнѣнію, не подлежащее пререканію и какъ будто единственное, откуда можно почерпнуть правильное понятіе объ этомъ монастырѣ, — „приложенный къ рекурсу монастырскій уставъ“, и именно статью о епископѣ... „А если у насъ, говорится далѣе, въ настоящее время, по той причинѣ, что всѣ старые священники умерли, существуютъ лишь простые иноки, не имѣющіе высшаго посвященія, то въ этомъ должно видѣть только слѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, случайное, противъ нашей воли послѣдовавшее, удобоисправимое затрудненіе, но никакъ не отличительное свойство, принадлежащее къ самой сущности нашего института“.

Наконецъ 3) неправильно будто бы утверждается въ губернской „резолюціи“, что привилегіей Іосифа II разрѣшено липованамъ только привезти одного попа изъ-за границы. „Противъ сего (сказано въ рекурсѣ) мы находимъ себя вынужденными всепокорнѣйше замѣтить, что въ высочайшей привилегіи нельзя найти и слѣдовъ подобнаго ея значенія, и еслибы мы должны были довольствоваться однимъ только заграничнымъ священникомъ, то это не было бы совершенною свободой, какъ сказано во всевысочайшей привилегіи, а

скорѣ стѣсненіемъ и даже лишеніемъ всякой возможности исправленія нашей религіи, потому что и за границей (въ Россіи и Молдавіи) немного священниковъ нашей вѣры.“ И затѣмъ, сказавъ опять какія притѣсненія чинить русское правительство старообрядческому духовенству, *рекурсъ* снова обращается къ главному предмету просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ. „Единственное средство навсегда вывести изъ печальнаго положенія наши старовѣрческія общества заключается именно въ томъ, чтобы вмѣсто частаго призванія духовныхъ изъ-за границы, однажды опредѣлить къ намъ своего святителя на высказанныхъ въ нашемъ бѣлокриницкомъ уставѣ основаніяхъ. Тогда мы уже не стали бы звать священниковъ изъ нерасположенной къ намъ Россіи, а въ послѣдствіи также не нуждались бы и въ святителѣ изъ-за границы, потому что, по нашему церковному обряду, въ крайне нужныхъ обстоятельствахъ нашъ святитель можетъ посвятить себѣ намѣстника. Такимъ образомъ у нашихъ австрійскихъ старовѣровъ явится исправленіе всѣхъ религіозныхъ и духовныхъ требъ.“

„Мы увѣрены (дальше говорится въ *рекурсѣ*), что это наше всепокорнѣйшее прошеніе не встрѣтитъ на пути своемъ никакого препятствія и чрезъ всемилостивѣйшее снисхожденіе къ сей нашей просьбѣ устранятся всѣ прежде упомянутые недостатки, чрезъ что притомъ для государства не можетъ произойти никакого убытка, потому что монастырь обязывается нашего святителя самъ отъ себя содержать и никогда не проситъ на сей предметъ пособія или вспоможенія отъ высокаго правительства. Всѣ христіанскія общества въ великой Австрійской монархіи имѣютъ, кромѣ многочисленнаго свѣтскаго духовенства, и своего собственнаго епископа, а также, смотря по обстоятельствамъ, и монастырскія учрежденія для тѣхъ, которые желаютъ жить въ монастырскомъ уединеніи: почему же это должно быть воспрещено только для христіанъ-старовѣровъ (*Allgläubigen Christen*), которымъ по всевысочайшей привилегіи всемилостивѣйше дозволено полное отправленіе ихъ религіи и которые кромѣ своихъ иноковъ не имѣютъ въ Буковинѣ другаго духовенства?...“

Здѣсь признано умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній противъ того лица, рѣшенію котораго ближайшимъ образомъ подлежалъ этотъ вопросъ и которымъ однажды онъ былъ уже рѣшенъ не въ пользу липованъ:

„Мы съ глубочайшею скорбію узнали, что изданію выскою губерніей тяжкаго для насъ рѣшенія много содѣйствовало мнѣніе, поданное отъ его преосвященства, господина буковинскаго греко-неуніатскаго (griechisch nicht unigten) епископа, который будто бы неблагосклонно отозвался объ нашихъ особенностяхъ, нашемъ образованіи и нашихъ способностяхъ.

„Но мы полагаемъ, что это неблагосклонное мнѣніе имѣть свое основаніе только въ неприязненности господина епископа, который желаетъ притѣснить нашъ монастырь и воспрепятствовать существованію духовенства нашей націи и нашей религіи, съ тою единственно цѣлію, чтобы принудить насъ либо принять греческую неуніатскую религію, либо переселиться отсюда, дабы такимъ образомъ избавиться въ Буковинѣ отъ того обряда, которому онъ не можетъ благопріятствовать.

„Мы не состоимъ подъ властію буковинскаго греко-неуніатскаго епископа. Правда, пришедшимъ въ 1784 году липованамъ предписано было со стороны начальства, что они должны находиться въ подчиненіи буковинскому господину епископу, и собственно карловицкому митрополиту; но какъ это распоряженіе началамъ нашей религіи и самой всевысочайшей привилегіи было противно, то липоване такого условія принять не могли и хотѣли даже возвратиться обратно въ Молдавію, почему требованіе это и было тогда же отмѣнено, а липованамъ дано увѣреніе, что они не будутъ въ подчиненіи ни у буковинскаго господина епископа, ни у карловицкаго митрополита, какъ это можно видѣть изъ донесенія сучавской кесаро-королевской директоріи буковинской областной администраціи (Landesadministration) отъ 19-го января 1784 года. Посему буковинскаго греко-неуніатскаго епископа Евгенія Гакманъ нельзя почитать имѣющимъ право давать мнѣніе въ нашихъ религіозныхъ дѣлахъ“.

Этими искусно составленными, хотя въ сущности несправедливыми замѣчаніями о православномъ епископѣ Евгеніи, въ которыхъ наброшена тѣнь на личныя его отношенія къ старообрядческому населенію Буковины и отрицается его право на какое бы то ни было участіе въ рѣшеніи вопроса о липованской іерархіи,—этими замѣчаніями и оконченъ разборъ перваго пункта губернской „резолуціи“, составляющей большую половину *рекурса*.

Во *второмъ* пунктѣ резолюціи сдѣлано было точное указаніе на состоявшіяся въ 1784 и 1791 годахъ правительственныя распоряженія о закрытіи липованскаго монастыря въ Ыѣлой-Криницѣ, и мы уже имѣли случай замѣтить, что именно опроверженіе этого пункта представляло особенныя трудности. Поэтому составители рекурса ограничились слѣдующимъ краткимъ и уклончивымъ противъ него возраженіемъ: „Что высокимъ рескриптомъ придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 года *будто бы* запрещено было основаніе нашего монастыря,—это невѣроятно (*es ist nicht glaubwürdig*), потому что тогда старовѣры, имѣя въ рукахъ всевысочайшую привилегію, *не имѣли никакой надобности* просить еще другаго особаго на то разрѣшенія“. „И еслибы такой рескриптъ существовалъ дѣйствительно, то буковинскій крайзамтъ не могъ бы дать игумену Симеону, въ 1788 году, позволенія, чтобы пришли въ Буковину еще нѣсколько иноковъ. Въ высокомъ губернскомъ рѣшеніи упоминается кромѣ того, что *якобы* дано было такое же запрещеніе *какимъ-то* губернскимъ декретомъ отъ 1791 года. Но ни этотъ декретъ, ни тотъ рескриптъ придворнаго военнаго совѣта никогда старовѣрческому духовенству доставляемы не были, и при устроеніи нашего старовѣрческаго монастыря препятствій со стороны правительства никогда не дѣлалось. Самъ славный кесаро-королевскій буковинскій крайзамтъ, на нашу просьбу—сообщить намъ о содержаніи помянутаго высокаго губернскаго декрета отъ 1791 года и рескрипта придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 года, отвѣтилъ только, что сихъ актовъ *отыскать не могутъ*“. Такимъ образомъ, благодаря обязательности крайзамтскихъ чиновниковъ, бѣлокриницкіе просители не затруднились подвергнуть сомнѣ-

нію даже самое существованіе упомянутыхъ въ губернской резолюціи официальныхъ документовъ, а вмѣстѣ съ этимъ заподозрить и самихъ губернскихъ властей какъ бы въ намѣренной ссылкѣ на подложные документы, — вообще отважились на поступокъ очень смѣлый, такъ какъ при строгомъ изслѣдованіи дѣла не трудно было бы доискаться истины. Но, видно, главный редакторъ *рекурса* имѣлъ основаніе твердо рассчитывать, что подобнаго изслѣдованія возбуждено не будетъ, что вообще по этому дѣлу столичныя власти поддерживать губернію не стануть, почему и не нашелъ нужнымъ исключить изъ рекурса сказанное противъ втораго пункта губернской резолюціи.

Противъ выраженнаго въ *третьемъ* пунктѣ мнѣнія, что „метрики никакой связи съ религіей и богослуженіемъ не имѣютъ“, въ рекурсѣ не безъ основанія замѣчено, что на противъ тогда только метрическія книги могутъ имѣть значеніе правильно составленныхъ свидѣтельствъ о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, когда ихъ будутъ вести лица законно призванныя и обязанныя совершать крещеніе, вѣнчаніе и погребеніе, каковыми могутъ быть единственно священники, и пока не будетъ у липованъ священниковъ, дотолѣ невозможно установить у нихъ и правильнаго веденія метрикъ. Возложить это дѣло на думенію, или на кого-либо изъ мірянъ, значило бы не достигнуть цѣли: „ибо за неимѣніемъ липованскаго духовенства въ Буковинѣ, крещеніе и вѣнчаніе у буковинскихъ липованъ совершается большею частію въ Россіи, или въ Молдавіи, и такой составитель метрикъ (*Matrikelbuchführer*) о многихъ совершившихся крещеніяхъ, или вѣнчаніяхъ либо совсѣмъ не зналъ бы, либо получалъ бы свѣдѣнія только по слухамъ.“

И на сдѣланное въ *четвертомъ* пунктѣ резолюціи замѣчаніе, что Бѣлокриницкій монастырь „состоитъ изъ непостриженныхъ бѣльцовъ“, въ рекурсѣ съ твердостію отвѣчено: „напротивъ, въ монастырѣ нашемъ имѣются только немногіе бѣльцы, препровождающіе время въ искусствѣ, остальные же всѣ вообще дѣйствительные иноки, получившіе отъ іеромонаха первое посвященіе, какъ это можно видѣть изъ прилагаемаго устава. У насъ, правда, въ настоящее время

не имѣется іеромонаха; но это зависитъ не отъ характера нашего института, а отъ того, что у насъ нѣтъ архипастыря, или святителя, который одинъ только можетъ въ священныя степени поставлять. И это самое обстоятельство должно служить основаніемъ не къ закрытію монастыря, а скорѣе къ разрѣшенію имѣть намъ святителя, который чрезъ посвященіе нынѣ находящихся у насъ иноковъ могъ бы столь нужный для липовановъ монастырь сдѣлать и рассадникомъ (Pflanzschule) духовенства.“ Но въ этомъ же четвертомъ пунктѣ находилось и то замѣчаніе объ иностранцахъ, составляющихъ большинство монастырскихъ жителей въ Бѣлой-Криницѣ, противъ котораго повидимому такъ трудно было сдѣлать возраженіе, ибо весь почти Бѣлокриницкій монастырь состоялъ дѣйствительно изъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ. Вотъ что однакоже отвѣчено въ рекурсѣ на это щекотливое замѣчаніе: „Монастырь нашъ не состоитъ изъ иностранцевъ, какъ утверждаетъ высокое губернское рѣшеніе, ибо нынѣ уже *правительственнымъ порядкомъ* (amtlich) дознано, что почти всѣ иноки Бѣлокриницкаго монастыря либо здѣшніе уроженцы, либо если и пришли изъ-за границы, то все-таки рождены отъ австрійскихъ подданныхъ и потому, согласно § 28 гражданскихъ законовъ, владѣютъ правами австрійскаго подданнаго и гражданина. Если же между ними и нашлись бы нѣкоторые иностранцы, то развѣ только изъ Молдавіи; а это не можетъ быть препятствіемъ къ существованію монастыря, тѣмъ болѣе что здѣсь дѣло касается самаго монастыря, а не лицъ.“¹⁾ Та-

1) Въ находящемся у насъ спискѣ *рекурса* противъ этого мѣста рукой Павла сдѣлана слѣдующая замѣтка карандашомъ: „Спросить, есть ли, что тутъ дѣло не о лицахъ, а о монастырѣ.“ Должно-быть эта мысль о разлученіи лицъ, составляющихъ монастырское братство, отъ самаго монастыря, какъ института, принадлежала самому Павлу и онъ очень заботился, чтобы въ нѣмецкомъ текстѣ рекурса она была удержана, — вообще видно, что Павла сильно беспокоило сказанное въ губернской резолюціи объ иностранцахъ, населяющихъ Бѣлокриницкій монастырь. Къ словамъ: *zu mal es sich hier um die Sache selbst, nicht aber um Personen handelt*, въ рекурсѣ было еще прибавлено: *und einige Personen unbeschadet der Sache, eben so leicht ausgenommen, als auch leicht entfernt werden können.*“ Но даже и эта фраза признана не безопасною, — она зачеркнута и въ послѣднюю редакцію рекурса, какъ видно, не вошла.

кимъ образомъ и въ этомъ, весьма осторожно выраженномъ отвѣтѣ ложь прикрыта опять ссылкой на свидѣтельство мѣстнаго управленія.

Наконецъ, въ заключеніе рекурса, сдѣлано слѣдующее патетическое обращеніе къ императору Фердинанду:

„Безсмертный монархъ, блаженной памяти императоръ Іосифъ II прибывшему сюда липованскому духовенству даровалъ совершеннѣйшую религіозную свободу.

„Многолюбивнѣйшій, вѣчно незабвенный, блаженнѣйшій императоръ Францъ I соблюдалъ вышеупомянутую всевысочайшую привилегію въ полной ея силѣ.

„Ужели это доброе дѣло, которое вашего величества знаменитые предки устроили и защищали, должно теперь разориться? О, конечно нѣтъ! Мы пребываемъ въ твердой увѣренности, что ваше августѣйшее величество, какъ наслѣдникъ ихъ высокихъ добродѣтелей, будете столько же милостивы къ беззащитнымъ и не допустите чтобъ имъ безъ всякой вины оказывали несправедливость.

„Между тѣмъ мы, съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ подписавшіеся, полагаемъ, что оправдали необходимость того, о чемъ просимъ, и достаточно показали несостоятельность и несправедливость возбужденнаго противъ насъ со стороны высокой кесаро-королевской губерніи противодѣйствія, повергаемъ къ престолу вашего величества въ оригиналъ нашъ уставъ, со всепокорнѣйшею просьбой, чтобы ваше величество благоволили всемилостивѣйше утвердить существованіе нашего монастыря и нашъ монастырскій уставъ, и разрѣшить намъ приобрѣтеніе, откуда бы то ни было по нашему желанію, *за исключеніемъ одной только Россіи*, святителя нашего обряда и нашей націи, подъ тѣмъ вышеуказаннымъ условіемъ, что мы содержать его будемъ сами отъ себя и никакого вспомошествованія просить не станемъ, и такимъ образомъ изъ урожденныхъ мѣстныхъ жителей учредить духовенство, котораго преимущественною обязанностью будетъ — вѣчно молить Царя царствующихъ, какъ это мы и теперь дѣлаемъ повседневно, да прославить Онъ вашего величества отеческое царствованіе миромъ, тишиной и непрестающимъ благополучіемъ, и да сохранить австрійскій скипертъ въ блескъ и процвѣтаніи нынѣ и на всегдашнія времена....“

Какъ ни искусно изложены были въ рекурсѣ разные доводы въ опроверженіе губернской резолюціи, однакоже не трудно было бы разоблачить всю несостоятельность этихъ

доводовъ, еслибы только высшее правительство пожелало надлежащимъ образомъ провѣрить ихъ. И самъ адвокатъ бѣлокриницкихъ просителей, обѣщая привести ихъ дѣло къ успѣшному концу, рассчитывалъ конечно не на доводы изложенные въ рекурсѣ, а главнымъ образомъ на то, что въ дѣлѣ этомъ были стороны, которыя всего скорѣе могли расположить австрійское правительство въ его пользу, а съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать снисходительнымъ и ко всему сказанному въ рекурсѣ. Выгодныя стороны заключались именно въ томъ, что предпріятіе бѣлокриницкихъ искателей „древлеправославнаго“ архіерейства съ полной основательностью можно было выставить, какъ дѣло вредное для русскихъ интересовъ, во всякомъ случаѣ грозящее опасными послѣдствіями и крайне непріятное для Россіи, а враждебныя этому предпріятію распоряженія львовскихъ властей, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ буковинскаго православнаго епископа,—объяснить ихъ сочувствіемъ православно-русскимъ интересамъ и національною враждой ко всему, что этимъ интересамъ противно. Намеки на это были уже сдѣланы и въ самомъ рекурсѣ,—тамъ, гдѣ говорилось о непріязненныхъ якобы отношеніяхъ епископа Евгенія къ липованамъ и о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ старообрядцами и ихъ духовенствомъ отъ русскаго правительства. Но въ рекурсѣ, какъ официальномъ документѣ, неудобно было раскрывать въ подробности, почему бѣлокриницкая затѣя должна быть крайне непріятна для Россіи; для того, чтобы раскрыть въ подробности только намѣченное въ *рекурсѣ*, чтобы разъяснить, какими опасностями учрежденіе въ Австріи раскольнической архіерейской кафедрѣ угрожаетъ интересамъ православія, составляющаго одинъ изъ главныхъ элементовъ силы русскаго народа и русскаго государства, какъ послѣ этого расколъ въ Россіи долженъ еще больше усилиться въ ущербъ православію и сами русскіе раскольники, имѣющіе огромное вліяніе на массы народа, притомъ уже недовольные русскимъ правительствомъ, естественно должны будутъ тяготѣть къ Австріи, гдѣ ихъ религія пользуется свободой и покровительствомъ государственной власти, откуда они будутъ снабжаться священствомъ и гдѣ постоянно будетъ находиться

средоточіе ихъ церковнаго управленія, тогда какъ теперь, напротивъ, и буковинскіе старообрядцы стоятъ въ нѣкоторой зависимости отъ Россіи, гдѣ они получаютъ, хоть и съ большимъ трудомъ, священниковъ, — чтобы все это надлежащимъ образомъ разъяснить лицамъ, стоящимъ во главѣ правительства и особенно извѣстнымъ своимъ нерасположеніемъ къ Россіи, для этого нужно было представиться имъ лично, имѣть съ ними конфиденціальную бесѣду. Особенной трудности къ тому не представлялось. Слухи о странныхъ людяхъ, появившихся на улицахъ Вѣны и возбудившихъ здѣсь такое любопытство, распространились далеко: объ нихъ стало извѣстно и при дворѣ, и въ салонахъ вѣнской знати, и въ министерскихъ кабинетахъ, — лица самаго высокаго положенія интересовались знать, что это за люди и зачѣмъ пріѣхали въ Вѣну.¹⁾ И вотъ дѣйствительно Павелъ и Алимпій, руководимые своимъ адвокатомъ, легко получаютъ аудіенціи у самого императора Фердинанда и у высшихъ сановниковъ имперіи, гдѣ, при посредствѣ того же г. Дворачка, и могли съ полной откровенностью объясниться относительно того, о чемъ неудобно было распространяться въ рекурсѣ.

1-го (12-го) іюля происходило представленіе императору Фердинанду. Павелъ и Алимпій для большей торжественности облеклись въ соборныя мантии; одинъ взялъ въ руки возвращенную изъ губерніи книгу монастырскаго *устава*, другой — тщательно переписанный на большихъ листахъ *рекурсъ* и при немъ точныя копіи полученной отъ Іосифа II *привилегіи* и того губернскаго рѣшенія, опроверженію котораго главнымъ образомъ посвященъ рекурсъ. Дворачекъ сопровождалъ ихъ въ качествѣ переводчика. Подавъ рекурсъ и прочіе документы, какъ пишетъ самъ Павелъ, — въ собственныя его, государя императора, руки, они „и словесно, чрезъ толмача, о главныхъ пунктахъ своего дѣла ему объ-

¹⁾ Такъ напримѣръ, эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, братъ императора Фердинанда и нареченный наследникъ его престола, принимая Павла и Алимпія, самъ говорилъ, что очень желалъ съ ними видѣться, такъ какъ замѣтилъ ихъ однажды, проѣзжая по улицѣ. (Письмо Павла отъ 14 іюля 1848 г.).

ясились.⁴ „Царь принялъ насъ, — продолжаетъ Павелъ, — очень привѣтвенно и сказалъ: по надлежащемъ разсмотрѣннн, если будетъ возможно, немедленно удовлетворить нашу просьбу.“¹⁾ Послѣ того, соблюдая надлежащую постепенность, бѣлокриницкіе депутаты испросили аудіенцію у наслѣднаго принца, эрцгерцога Франца-Карла. Для него, равно какъ и для прочихъ лицъ, которымъ считалось необходимымъ представиться, приготовлено было сокращенное изложеніе рекурса вмѣстѣ съ копіями губернскаго рѣшенія и знаменитой привилегіи.²⁾ Представленіе эрцгерцогу Францу происходило 4-го (16 го) іюля. „Подавъ ему также лично наше прошеніе (разказываетъ Павелъ), и на словахъ чрезъ нашего толмача объяснились и защиты отъ его высочества просили“. „Герцогъ сей, родной братъ царскій (прибавляетъ Павелъ) столь желательно насъ принялъ, даже и благодарилъ, что лично къ нему явились.“³⁾

Итакъ, два раскольническіе монаха, бѣжавшіе изъ Россіи, назвавшись буковинскими липованами, и именно въ качествѣ депутатовъ отъ буковинскаго липованскаго общества имѣли высокую честь представиться самому австрійскому императору и наслѣднику его императорскаго апостолическаго величества: событіе дотолѣ небывалое въ лѣтописяхъ раскола! Учредители бѣлокриницкой іерархіи имѣли полное право имъ гордиться, видѣть въ немъ особенную съ своей стороны заслугу для всего старообрядческаго міра. Впрочемъ для существа дѣла были не столько важны эти ихъ аудіенціи у австрійскаго императора и его наслѣдника, сколько представленія тѣмъ лицамъ изъ стоявшихъ во главѣ правительства, отъ которыхъ всего больше зависѣла судьба ихъ предпріятія.

Большимъ вліяніемъ на дѣла при особѣ императора пользовался тогда его дядя, эрцгерцогъ Лудвигъ: „за несовершеннымъ здоровьемъ царя (замѣчаетъ Павелъ) онъ правилъ

1) Письмо отъ 14 іюля 1843.

2) Всѣ эти документы, „для подачи важнымъ лицамъ, могущимъ содѣйствовать предпріятію“, приготовлены были, по свидѣтельству Павла, въ шести экземплярахъ. (Тамъ же.)

3) Тамъ же.

всѣми царскими дѣлами.“ Ему то особенно, по соображеніямъ адвоката, нужно было разъяснить сущность бѣлокриницкаго предпріятія съ тѣхъ сторонъ, которыя всего лучше могли расположить въ его пользу австрійское правительство. 8го (20го) іюля эрцгерцоръ Лудвигъ принималъ депутатовъ вмѣстѣ съ Дворачкомъ. Онъ вошелъ въ самыя подробныя распросы объ ихъ дѣлѣ и такъ заинтересованъ былъ предпріятіемъ бѣлокриницкихъ учредителей раскольническаго архіерейства, отнесся къ нему съ такимъ сочувствіемъ, что былъ готовъ немедленно исполнить ихъ просьбу, еслибы только не требовалось соблюсти въ теченіи дѣла *формальный порядокъ*,— во всякомъ случаѣ общалъ имъ свое покровительство и защиту. Инокъ Павелъ, говоря объ этомъ представленіи эрцгерцогу Лудвигу, о томъ какъ „внимательно онъ спрашивалъ на словахъ о всемъ ихъ дѣлѣ“ и какъ вообще благосклонно принималъ ихъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „по всему кажется, что *не позволятъ кому-либо насъ обидѣть* и даже вскорѣ желали бы насъ вполне удовлетворить; но какъ дѣло воспрепятствовано губерніей, то по закону надлежитъ не прежде приступить къ исполненію нашей просьбы, какъ прежде истребовать противу нашего рекурса отъ губерніи подробное объясненіе, на чемъ она рѣшеніе свое основала, и когда возвратится дѣло изъ губерніи, тогда уже приступать къ надлежащему разсмотрѣнію и рѣшенію.“

Другимъ наиболѣе сильнымъ лицомъ, отъ котораго много зависѣла дальнѣйшая судьба предпріятія и на помощь котораго можно было рассчитывать въ дѣлѣ опасномъ для русскихъ интересовъ, былъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Коловратъ. Ему депутация представлялась 11-го (23) числа: вручили нужные документы и также „на словахъ чрезъ толмача обо всемъ довольно объяснились“. Надежда, что министръ съ особеннымъ участіемъ отнесется къ дѣлу, которое должно было причинить непріятность Россіи и ущербъ русскимъ интересамъ, оправдалась вполне: „сія столь важная особа (рассказываетъ Павелъ) кажется больше всѣхъ возымѣлъ ревность къ полному удовлетворенію нашей просьбы и наконецъ съ пылкостью сказалъ: завтра же буду

видѣть его высочество эрцгерцога Лудвига и буду о вашемъ дѣлѣ говорить, и когда возвратится дѣло изъ губерніи, я буду оно видѣть! Тѣмъ окончивъ аудіенцію, мы, низайше благодаря его высокопревосходительство, почтенно раскланялись¹⁾ Наконецъ депутаты не забыли представиться и тѣмъ лицамъ, на ближайшее разсмотрѣніе которыхъ должно было поступить ихъ дѣло по полученіи надлежащихъ справокъ изъ губерніи.²⁾

Всѣ эти представленія лицамъ власть имущимъ, ихъ вниманіе и благосклонность, особенно же милостивыя общанія столь высокихъ и сильныхъ особъ, какъ эрцгерцогъ Лудвигъ и графъ Коловратъ, преисполнили душу Павла отрадѣвшими надеждами: дѣло, испорченное губерніей, онъ считалъ уже если не вполне выиграннымъ, то по крайней мѣрѣ исправленнымъ и выведеннымъ на желаемый путь. Тогда же, подѣ свѣжими пріятными впечатлѣніями всѣхъ этихъ аудіенцій у превысокихъ особъ, Павелъ въ дружескомъ посланіи къ своимъ благопріятелямъ писалъ: „*Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ! Воистину, велий Господь и велия крѣпость Его и разуму Его нсть числа, который и малѣйшее мравіе неожиданно окрпляетъ и самыхъ младенцевъ умудряетъ! Тако и нынѣ воистину Онъ тожде есть и льта Его во благодѣяніяхъ не оскудѣютъ!* Помогъ намъ испорченное наше дѣло поправить!“.. „Однако, (прибавляетъ онъ далѣе), хотя съ помощію Божіею для общей пользы наши труды и добрѣ теперь снова засѣяны, но не у еще время плоды жати и не часъ спати, а наипаче недремлемо бдѣти, дабы между прочимъ какой врагъ не насѣялъ бы какихъ не добрыхъ плевелъ. Того ради мы теперь абіе спѣшимъ ѣхать въ губернію, къ соперникамъ нашимъ прямо въ лице, въ томъ не сомѣнномъ упованіи: аще Богъ дѣло стронѣтъ, то ужъ человекъ не разрушитъ.“

1) Тамъ же.

2) Павелъ, тамъ же: „Были мы съ такими же краткими прошеніями (извлеченіями изъ рекурса) у реесрейдовъ, которые разсматривать будутъ наше дѣло, но не прежде какъ возвратится изъ губерніи“. Въ рукописи Чигунова есть извѣстіе, что кромѣ названныхъ выше лицъ, прошенія были поданы именно: „тайнымъ совѣтникамъ Истлю и Вайсу, министру Инцаги и барону Мвнху“. Сбор. Кельсіева, ч. I, стр. 156).

Щедрый и всемогущій Господь силенъ есть укротити и самыя свирѣпыя звѣри, яко не только не вреждати, но и мировати творить лву съ тѣльцемъ и волку съ овцой, колыми паче человѣковъ! Выправивши же въ губерніи свое дѣло, аще Господь восхощетъ и живи будемъ, паки должны будемъ поспѣшати сюда же въ столицу и здѣсь ожидать опредѣленной Богомъ судьбы, рѣшительнаго конца. Впрочемъ воля Господня да будетъ! Наше есть тщатися произволять, а Божіе на пользу совершать.¹⁾

Павелъ очень справедливо замѣтилъ, что для нихъ, искаателей „древлеправославнаго“ архіерейства, еще не наступило время жатвы и покоя, что теперь-то напротивъ и надлежитъ имъ „недремлемо бдѣти.“ Высокія персоны, такъ милостиво ихъ принявшія, не измѣнили своего расположенія къ нимъ, попрежнему вполне желали и готовы были удовлетворить ихъ просьбу; но оказалось, что губернія въ основаніи своего рѣшенія относительно Бѣлокриницкаго монастыря имѣла положительный, еще при Іосифѣ II состоявшійся (уже упомянутый нами) законъ, которымъ прежде бывшіе монастыри, даже господствующей религіи, во всей Австрійской имперіи подвергались уничтоженію, а учрежденіе новыхъ строго воспрещалось, за исключеніемъ однакоже тѣхъ, которые могли представить въ обезпеченіе прочнаго на будущее время существованія недвижимую собственность, или достаточный капиталъ, и притомъ еще имѣли своимъ назначеніемъ не упражненіе только въ богомысліи, не провозженіе только иноческой, такъ-называемой созерцательной жизни, но приносили какую-нибудь пользу государству, напримѣръ вѣспитаніемъ юношества, призрѣніемъ бѣдныхъ, уходомъ за больными, или инымъ какимъ способомъ. Называя въ своемъ рѣшеніи Бѣлокриницкій монастырь „институтомъ посвященнымъ только уединенію и созерцанію“, губернское начальство именно указывало на этотъ законъ императора Іосифа, сохранявшій въ имперіи всю силу дѣйствующаго закона, который поэтому не могъ быть нарушенъ и столичными властями, при всей ихъ го-

1) Письмо отъ 14-го іюля 1843.

товности рѣшить дѣло о Бѣлокриницкомъ монастырѣ въ пользу просителей: ибѣ, какъ выразился по сему случаю Павелъ, „законы и царей выше“. Но была возможность по крайней мѣрѣ обойти законъ Іосифа II, подведя Бѣлокриницкій монастырь подъ допущенныя въ этомъ законѣ исключенія: слѣдовало только принять во вниманіе, что и въ *рекурсъ* и въ *уставъ* главнымъ назначеніемъ Бѣлокриницкаго монастыря поставлена общественная польза—снабжение всего липованскаго населенія Буковины законнымъ священствомъ посредствомъ учрежденія въ монастырѣ архіерейской катедры, содѣйствіе этимъ самымъ правильному веденію у липованъ метрическихъ записей и наконецъ образование липованскаго юношества въ предположенномъ къ учрежденію училищѣ, а на содержаніе и монастыря, и епископа, и школы указаны собственныя монастырскія средства, съ обязательствомъ никакихъ вспоможеній отъ правительства не требовать. На это дѣйствительно и обратили вниманіе высокіе покровители бѣлокриницкихъ депутатовъ, не измѣнившіе своему обѣщанію сдѣлать все возможное въ ихъ пользу: рѣшено было по поводу *рекурса* ограничиться истребованіемъ отъ губерніи точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній главнымъ образомъ о средствахъ, обезпечивающихъ существованіе монастыря, о затрудненіяхъ, претерпѣваемыхъ липованами въ приобрѣтеніи священниковъ, о ихъ желаніи имѣть своего епископа, — вообще такого рода свѣдѣній, на основаніи которыхъ можно было бы признать Бѣлокриницкій монастырь не подлежащимъ уничтоженію въ силу общаго закона о монастыряхъ.

Въ первыхъ числахъ августа состоялось относительно *рекурса* высочайшее опредѣленіе, сущность котораго Павелъ въ одномъ изъ писемъ своихъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Государь императоръ самъ собственноручно на *рекурсъ* нашъ положилъ сигнатуру для скорѣйшаго учиненія отъ губерніи справокъ и чтобы чрезъ крайзамтъ о нашемъ монастырѣ сдѣлать обстоятельное и вѣрнѣйшее изслѣдованіе, — дѣйствительно ли общества наши такъ нуждаются священствомъ и просить сего позволенія о водвореніи особаго своей религіи святителя, и сколь они значительны, и будетъ ли у нихъ вестись всегдашній порядокъ,

Пронх. В. іер.

16

а наипаче изслѣдовать съ подробнымъ описаніемъ все состояніе монастыря, можетъ ли монастырь, согласно своего прошенія, соотвѣтствовать въ содержаніи при монастырѣ особаго своей религіи епископа къ непрерывному навсегда существованію епископіи, и на сей предметъ имѣетъ ли монастырь въ собственныхъ своихъ рукахъ или наличный капиталъ, или какія съ доходами недвижимыя имущества, и какой съ оныхъ есть монастырю доходъ, котораго бы достаточно было для монастыря и для епископа безъ всякаго попрошайчества“... „Итакъ теперь (продолжалъ Павелъ) кажется видно, что по всевысочайшему мнѣнію сіи главные пункты нужны для окончательнаго рѣшенія на позволеніе намъ своего епископа: а) точно ли наши общества крайнюю необходимость въ томъ имѣютъ и монастырь ходатайствовать о водвореніи епископа просятъ; б) если монастырь приѣмлетъ всю сію обязанность на свое иждивеніе, то дѣйствительно ли имѣетъ нынѣ въ собственныхъ своихъ рукахъ такой достатокъ, который бы ежегодно и навсегда соотвѣтствовать могъ сему предмету.“¹⁾

6го (18го) августа 1843 года рекурсъ препротожденъ былъ подлинникомъ изъ гофъ-канцеляріи въ губернію, съ предписаніемъ сдѣлать требуемыя состоявшеюся на ономъ собственноручною императорскою „сигнатурою“ распоряженія, именно собрать, *черезъ посредство буковинскаго крайзамта*, свѣдѣнія о томъ, дѣйствительно ли желаютъ липованскія общества въ Буковинѣ имѣть своего епископа, особенно же о томъ, есть ли у нихъ достаточныя и надежныя средства на всегдашнее содержаніе епископа: „хотя (въ *уставъ и рекурсъ*) показаны незначительныя издержки на содержаніе святителя; но такъ какъ со временемъ могутъ онѣ увеличиться, то и нужно знать, могутъ ли липоване обезпечить его содержаніе на всегдашнее время“. Кроме того гофъ-канцелярія предписывала губерніи собрать, *черезъ посредство же крайзамта*, свѣдѣнія относительно веденія метрикъ у липованъ, и еще доставить въ канцелярію всѣ акты, касающіеся первоначальнаго поселенія липованъ въ Буковинѣ,

¹⁾ Письмо отъ 16-го октября 1843 г.

документы о числѣ жителей въ липованскихъ селеніяхъ, за все время ихъ существованія, и о церковныхъ дѣлахъ у липованъ, а также всѣ акты и рѣшенія по настоящему дѣлу о монастырѣ и епископѣ. Предписывалось наконецъ ускорить производство дѣла и представить оное въ канцелярію не позднеѣ 1-го октября.¹⁾ Во исполненіе этого предписанія послано изъ губерніи въ крайзамтъ, 20 августа (1 Сентября), распоряженіе, чтобы немедленно симъ послѣднимъ была назначена комиссія для произведенія въ липованскихъ селеніяхъ слѣдствія по всѣмъ пунктамъ, изложеннымъ въ предписаніи императорской гоѣ-канцеляріи.

Назначеніе новой слѣдственной комиссіи и даже самыя пункты, которые она должна была разслѣдовать по требованію столичныхъ властей, хотя и дѣйствовавшихъ при этомъ въ видахъ особенной благосклонности къ бѣлокриницимъ просителямъ, привели Павла въ большое затрудненіе. Въмѣсто того, чтобы въ губерніи смѣло стать „прямо на лице своимъ соперникамъ“, онъ поспѣшилъ въ Бѣлую-Криницу, гдѣ присутствіе его по случаю ожидаемой комиссіи было необходимо и гдѣ опять его ожидали трудныя и опасныя хлопоты. Изъ прежнихъ опытовъ ему хорошо было извѣстно, какъ липованскія общества, да и монастырскіе жители не любятъ и боятся всякихъ комиссій, съ которыми уже приходилось имъ вѣдаться по милости пришлыхъ искателей архіерейства. А новая комиссія могла показаться тѣмъ страшнѣе, что первоначальное ея назначеніе шло уже не отъ крайзамта, даже не отъ губерніи, а изъ самой императорской гоѣ-канцеляріи. Притомъ же одинъ изъ вопросовъ, которые должна была изслѣдовать комиссія, казался именно липованскихъ громадъ, — имъ приходилось теперь дать рѣшительный отвѣтъ, дѣйствительно ли желаютъ онѣ имѣть своего епископа. Нужно было все вліяніе и все искусство Павла, чтобы убѣдить липованъ не отказываться отъ прежняго на этотъ счетъ рѣшенія и не боятся вновь назначенной комиссіи. Еще больше за-

¹⁾ Предписаніе гоѣ-канцеляріи отъ 18-го (6-го) августа 1843 года (Бѣлокр. архивъ).

трудней представлялъ другой вопросъ, который должна была изсѣдовать комиссія,—вопросъ о наличныхъ средствахъ Бѣлокриницкаго монастыря, достаточны ли онѣ, чтобы навсегда обезпечить существованіе епископа. Легко было расписать въ *уставахъ* доходы съ разныхъ угодій и садовъ, небывалыхъ рыбныхъ прудовъ, хлѣбныхъ запашекъ и т. п.; комиссія же не ограничится одними увѣреніями: нужно будетъ какъ-нибудь прикрыть обманъ, какъ-нибудь доказать комиссіи, что монастырь нисколько не нуждается въ средствахъ. Но какъ это сдѣлать?—недоумѣвали всѣ знавшіе тогдашнюю крайнюю скудость монастыря; недоумѣвалъ и самъ Павелъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ благотворителямъ онъ очень откровенно и живо изобразилъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился въ то время. „Не безызвѣстно вамъ,—писалъ онъ,—какія наши общества малодушныя и безъ числа мнительныя; они еще и отъ прежнихъ, бывшихъ за насъ о родѣ жизни вопросовъ большую оскому имѣютъ. А это дѣло не маловажное! Они прямо всегда такъ говорятъ: какъ что-нибудь противное въ несостояніи повстрѣчается, то иноки всѣ разбѣгутся, какъ зайцы, а вся опека ляжетъ на нихъ. Почему страшатся и помыслить къ чему-либо въ нашемъ этомъ дѣлѣ подписываться. Что же касается до состоянія монастыря нашего, можетъ ли онъ всегда соответствовать епископскому, вкупѣ и братскому содержанию своею собственностію, то для всей здѣшной окрестности вещь удивленію есть достойна, на что мы только надѣясь такъ дерзаемъ и кого утруждаемъ! самого императора! И не только сіе удивляетъ постороннихъ, но ужасаетъ даже нѣкихъ и нашихъ монастырскихъ о Христѣ братій, малодушныхъ сущихъ, такую принимать на себя ужасную обязанность, мысля въ себѣ такъ: кто знаетъ что далѣе будетъ! Ибо собственные наши доходы соответствовать могутъ только развѣ для одного немудраго крестьянина, а не для монастыря и толкаго числа народа: а кольми паче для епископіи и помыслить страшно! Обязательство же дать самому императору, дѣло не маловажное, — какъ говорится, близъ царя, близъ смерти! Да хотя бы монастырь и дерзнулъ завѣрять императора, что

имѣемъ два сада съ фруктовыми деревьями, пожертвованные отъ христолюбцевъ собственно монастырю въ вѣчность, съ одного же собираются для продовольствія своего, а съ другаго фрукты отдаются въ продажу, съ коего нынѣ получили 125 левовъ, то-есть по-русски 125 рублей ассигнаціями: но что это значитъ для содержанія всего монастыря, а наипаче епископа? Правительство почтетъ, по ихъ цѣнности, только для одного епископа сію статью, аки комаръ для слона! Развѣ будемъ увеличивать свои статьи и поставлять цѣну какъ бы комара за вола? Но съ императоромъ худо шутить! — да это и не шутка. Если скажемъ, что капиталъ денежный имѣемъ, то комиссія не захочетъ себя одурочить, а потребуетъ видимаго доказательства, или налицо денежную сумму, или на оную какой билетъ, или вексель. А отказаться теперь невозможно: поелику *рекурсъ* поданъ лично самому императору, и въ томъ увѣрили царя, что монастырь собственнымъ своимъ коштомъ епископа достать и навсегда содержать можетъ; повѣренные же имѣютъ у себя полномочную довѣренность, законнымъ порядкомъ засвидѣтельствованную. Вотъ, по писанному, яко же древле нѣкогда рече Сусанна: *тѣсно ми есть отъсюду!* Окрестность же вся здѣсь и языки съ удивленнымъ взоромъ смотрять на сіе наше предпріятіе, аки на какой-либо важный театръ, и такъ гласятъ: что тутъ хочетъ быти? развѣ самъ Богъ придетъ и сотворитъ, яко же искони изъ ничего сотворилъ всяческая! Ибо всюду гремитъ сіе наше новое и удивительное дѣло. Извѣстно наше состояніе, какое было доселѣ, и что хочетъ быть. Итакъ, дѣло до такой точки дошло, что комиссія, имѣющая быть по именному высочайшему повелѣнію, можетъ рѣшить все наше предпріятіе тѣмъ: или быть монастырю и епископу, или изгладить изъ мыслей и память о епископѣ, а монастырь вовсе уничтожить, если только не покажемъ фондусу, то-есть наличнаго капитала, или какихъ съ достаточными доходами имѣній.⁴¹⁾

1) Письмо къ благотворителямъ изъ Бѣлокриницкаго монастыря, отъ 16-го октября 1843 года (*Сборн. о. Онуфрія*). Письмо это подписано настоятелемъ инокомъ Геронтіемъ; но сочинялъ его, безъ сомнѣнія, Павелъ,

Въ эту тревожную пору, когда, по словамъ Павла, долженъ былъ рѣшиться вопросъ: *быть или не быть?* — нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него и для его сотрудниковъ могло служить то обстоятельство, что непосредственное назначеніе комиссіи зависѣло все-таки отъ благосклонно расположеннаго къ нимъ крайзамта, что ближайшимъ образомъ приходилось вѣдаться все-таки съ крайзамтскими чиновниками, съ которыми они уже привыкли обходиться. И, надобно полагать, именно этому благосклонному расположенію къ нимъ крайзамта они обязаны были вопервыхъ тѣмъ, что, несмотря на предписаніе высшихъ властей о скорѣйшемъ производствѣ дѣла, слѣдственная комиссія очень долго не являлась въ Бѣлую-Криницу. По предписанію губерніи, отъ 20-го августа (1-го сентября), крайзамтъ только 7-го (19-го) сентября сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи крайскоммиссара для производства слѣдствія, а этотъ послѣдній въ свою очередь промедлилъ еще болѣе мѣсяца и въ Бѣлую-Криницу пріѣхалъ уже 15-го (27-го) октября. У Павла съ братіей было такимъ образомъ достаточно времени, чтобы приготовиться къ принятію напугавшей ихъ комиссіи, чтобы придумать что-нибудь для поправленія дѣла: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока ожидали комиссію, они, какъ пишетъ самъ Павелъ, „всякій почти день и всякую ночь съ братіей совѣтовались, неусыпно Бога на помощь призывая“, — и дѣйствительно усовѣтовали что сдѣлать.

Относительно липованскихъ громадъ употреблено было прежнее, испытанное средство — дѣйствовать просьбами, убѣжденіями и обѣщаніями только на старшихъ и начальныхъ людей. Опять инокъ Павелъ и Геронтій пошли кланяться къ бѣлокриницкимъ и климоуцкимъ сельскимъ властямъ и почетнымъ лицамъ — къ Поляку Ивану Кирилову, дьяку Кипріяну Тимоѣеву и другимъ, опять увѣряли всѣчески, что на содержаніе епископа не потребуется отъ липованскихъ обществъ ни одного крейцера, и умоляли только объ одномъ, чтобы на вопросъ комиссіи отвѣтили за себя и за свои громады, что въ епископѣ крайнѣ нуждаются и имѣть его вседушевно желаютъ. Липованскіе старшины и теперь не отказались исполнить умиденныя просьбы сладко-

глаголиваго Павла. А чтобы дѣло было вѣрнѣе, Павелъ предложилъ имъ—заранѣе, до прїѣзда комиссіи, дать Бѣлокриницкому монастырю письменное свидѣтельство, что предпрїятіе иноковъ учредить въ семъ монастырѣ епископскую каведру съ нуждами и желаніями липованскихъ громадъ вполне согласно и о дарованіи имъ епископа они всеусердно просятъ правительство. Къ величайшему удовольствію Павла, старшины исполнили и эту его просьбу, полагая, вѣроятно, что гораздо удобнѣе отвѣчать письменно (въ чемъ, разумѣется, помогъ имъ самъ Павелъ), нежели лично держать отвѣтъ предъ комиссіей. Получивъ желаемый документъ отъ бѣлокриницкаго и влимоуцкаго обществъ, скрѣпленный подписью старшинъ и сельскими печатами, Павлу уже не трудно было склонить къ написанію такого же документа и два другія липованскія общества въ Буковинѣ—соколинское и мехидрское¹⁾. Такимъ образомъ одно затрудненіе можно было считать благополучно устраненнымъ: монастырь имѣлъ теперь отъ обществъ липованскихъ письменныя удостовѣренія въ дѣйствительномъ ихъ желаніи пріобрѣсть своего епископа, которыхъ можно было представить крайскомиссару и отъ которыхъ старшины общества не могли уже отказаться, еслибы даже и лично позваны были къ отвѣту предъ комиссіей.

Не такъ легко было устранить другое и самое главное затрудненіе — по вопросу о средствахъ, какими монастырь

¹⁾ Павелъ, въ томъ же письмѣ: „Съ двухъ ближайшихъ обществъ просили сельскихъ начальниковъ и конкъ позначительнѣе людей, и убѣдили ихъ согласиться на такомъ условіи, что монастырь на предметъ святителя не потребуетъ отъ нихъ, ни на ходатайство, ни на содержаніе епископское ни одного грецаря (крейцера), а только бы на спросъ комиссіи они показали, что дѣйствительно желаютъ имѣть своего епископа и крайне необходимую нужду въ томъ имѣютъ, для рукоположенія священниковъ изъ своихъ старовѣровъ, здѣшнихъ уроженцовъ, для исполненія въ обществахъ липованскихъ требъ, а безъ священника быть не могутъ. И Богъ вложилъ имъ въ сердце: паче всякаго нашего чаянія, они въ томъ сдѣлали на монастырь отъ себя довѣренность, на которой сами своеручно подписались и сельскія свои печати приложили. Въ другія же дальнія два селенія нарочно вѣдiali отъ монастыря посланные: я тѣ, смотря на первыхъ, то же сдѣлали, И такъ съ Божію помощію, въ первомъ пунктѣ успокоились.“

можетъ обезпечить содержаніе епископа¹⁾. Прежде всего требовалось, очевидно, приготовиться къ отчету о показанныхъ въ монастырскомъ уставѣ фундаментальныхъ статьяхъ дохода. Что онѣ существуютъ въ дѣйствительности, это еще можно было доказать: на владѣніе нѣкоторыми изъ грунтовъ, именно участками Иларіона Коровьи-ножки и Евдокии Еенимовой, монастырь имѣлъ документы; нашли еще какой-то „декретъ буковинскаго кесаро-королевскаго крайзамта на издавна принадлежащій монастырю (якобы) рыбный прудъ;“ относительно негодной ни къ какому употребленію земли въ Тернавицкомъ лѣсу, гдѣ прежде стоялъ монастырь, за нимѣніемъ документовъ на владѣніе, придумали ограничиться „планомъ.“ Но какъ доказать, что эти „грунты“ дѣйствительно приносятъ монастырю тѣ довольно значительные доходы, какіе расписаны въ монастырскомъ уставѣ? Только смѣлой могъ не примѣтить, что въ этомъ описаніи, какъ выразился Павелъ, „поставляли комара за вола“, и что дѣйствительныхъ монастырскихъ доходовъ съ разныхъ грунтовъ, опять по признанію самого Павла, достаточно „развѣ только для одного немудраго крестьянина, а не для монастыря и толкаго числа народа, колыми паче для епископа.“ Всю надежду въ этомъ отношеніи Павелъ и Геронтіи возложили на пріобрѣтеніе извѣстнымъ способомъ благоснисходительности ожидаемаго крайскоммиссара.... Однако же они очень хорошо понимали, что крайскоммиссаръ, при всей къ нимъ благосклонности, въ такомъ только случаѣ можетъ пройти молчаніемъ недостаточность пріобрѣтаемаго отъ грунтовъ дохода и явное несоотвѣтствіе его съ указаннымъ въ монастырскомъ уставѣ, если найдутся въ монастырѣ другія, именно денежныя средства, вполне достаточныя на содержаніе епископа, и что поэтому крайне нужно пріобрѣсти достаточную сумму денегъ для предьявленія комиссіи. Собственно говоря, инокъ Павелъ не обманывалъ ни липованскія общества, ни австрійское правительство, утверждая, что Бѣлокриницкій монастырь будетъ содержать

1) Самъ Павелъ находилъ, что „въ этомъ пунктѣ о собственности монастырской заключалась самая важность.“ (Тамъ же.)

епископа на собственный счет: онъ имѣлъ твердыя основанія рассчитывать на самыя обильныя приношенія отъ российскихъ старообрядцевъ, которыми существованіе монастыря и епископской кассандры будетъ вполне обезпечено. Но эти вѣрные расчеты относились къ будущему; теперь же средства, какими могли располагать бѣлокриницкіе учредители старообрядческаго архіерейства, были вообще не велики и что имѣлось въ наличности, необходимо требовалось на текущіе расходы и прежде всего на пріобрѣтеніе благосклонности самого ожидаемаго крайскомиссара. Откуда же теперь взять потребную сумму для предъявленія комиссіи? Это былъ главный и самый трудный вопросъ, обсуждавшійся на „деннонощныхъ“ собраніяхъ бѣлокриницкаго братства. Рѣшено было наконецъ прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, употребленіе которыхъ, по іезуитской логикѣ, Павелъ считалъ вполне дозволительнымъ для такого, какъ онъ, чрезвычайнаго Божія избранника и для такого дѣла, какъ „возстановленіе древлеправославнаго архіерейства“, — употребить въ дѣло обманъ и ложь, назвавъ ихъ отъ Бога ниспосланною мудростію: именно придумали просить зажиточныхъ людей изъ тѣхъ же липованскихъ обществъ — бѣлокриницкаго и клинцоуцкаго, не дадутъ ли они монастырю, только на время комиссіонной ревизіи, свои наличныя деньги, чтобы настоятель могъ ихъ представить комиссіи, какъ собственный монастырскій капиталъ, завѣривъ ихъ Богомъ и совѣстію, что немедленно по минованіи надобности всѣ оныя деньги въ совершенной сохранности и съ чувствительнѣйшей благодарностію возвращены будутъ владѣльцамъ. А такъ какъ нельзя было ожидать, чтобы сборъ наличныхъ липованскихъ капиталовъ могъ быть значительнымъ, то вмѣстѣ съ этимъ Павелъ и Геронтій придумали еще другую искусную уловку: просить нѣкоторыхъ, особенно зажиточныхъ и болѣе расположенныхъ къ нимъ людей между тѣми же липованами, чтобы дали монастырю заемныя письма, якобы состоятъ ему должными извѣстныя суммы, причемъ монастырь съ своей стороны, для полнаго ихъ успокоенія и обезпеченія отъ всякой случайности, выдастъ имъ въ то же самое время росписки, что должныя суммы уже уплаче-

ны ими сполна: векселя эти и могли бы быть представлены комиссиі въ видѣ принадлежащихъ монастырю денежныхъ документовъ. Всѣ эти недобросовѣстные уловки инокъ Павель, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и даромъ убѣжденія, умѣлъ представить липованамъ какъ дѣло богоугодное и душеспасительное, предприемлемое на пользу „вдовствующія невѣсты, древлеправославныя Христовы церкви“, притомъ же (что было всего важнѣе) нисколько для нихъ неубыточное, — и липованскія сердца склонились на его предложеніе, даже безпоповцы изъ селенія Климоуцъ не отказались снабдить монастырь своими наличными капиталами¹⁾. Умиленный такими, почти неожиданными успѣхами своихъ замысловъ — обмануть правительство, Павель, вѣрный своему характеру, дѣйствительно находилъ во всемъ этомъ какое-то устроеніе свыше: „воистину Божиимъ промысломъ сіе было (восхищается онъ, описавши какъ удалось провести комиссию), — Богъ умудряетъ и самые младенцы, умилогубляетъ и самыхъ чужевѣрцевъ!...“²⁾ Векселей по небывалымъ займамъ липоване выдали монастырю на 10.000 левовъ серебромъ.³⁾ Показанія большей суммы не просили отъ нихъ потому, что еще прежде Павель и Алимпій написали лично отъ себя „завѣщательные акты“ монастырю, якобы они предоставляютъ въ полную монастырскую собственность (будтобы) принадлежащіе имъ наследственные капиталы по 5.000 левовъ каждый.⁴⁾ Такимъ образомъ, кромѣ обѣщанной липованами наличной суммы, монастырь могъ представить ревизионной комиссиі документовъ на 20.000 левовъ серебромъ. Теперь оставалось только сдѣлать подробную опись (инвентарь) монастырскихъ имуществъ и доходовъ, съ приложеніемъ всѣхъ имѣющихся налицо доку-

1) Изъ климоуцкихъ безпоповцевъ услугу оказалъ въ этомъ случаѣ Михайла Федоровъ, считавшійся очень богатымъ человекомъ (см. о немъ въ запискѣ Надеждина. Сборн. Кельсена, ч. 1, стр. 94).

2) Письмо отъ 16-го октября.

3) Векселя эти даны двумя блюкриницкими липованами — Перепелкой и Двемъ Парамоновымъ, какъ торговцами болѣе другихъ зажиточными.

4) Завѣщательные акты написаны Павломъ и Алимпіемъ 13-го сентября 1843 года.

ментовъ, что и было исполнено Павломъ, какъ монастырскимъ посьмоводителемъ, со свойственной ему аккуратностію.

Итакъ, медленностію крайзамта и крайскомиссара въ монастырѣ умѣли воспользоваться какъ нельзя лучше, — успѣли приготовить все, что только можно было, для отвѣта на главные вопросы, разсмотрѣніемъ которыхъ должна была заняться комиссія, и довольно спокойно стали ожидать ея прибытія. Правда, это было для всѣхъ очень тревожное время, такъ какъ и самъ Павелъ, несмотря на свои разглагольствія о промыслѣ, пекущемся даже о малѣйшемъ нравіи, о Богѣ, умудрающемъ младенцы и посрамляющемъ мудрыя міра, долженъ былъ внутренне сознаться, что затѣяно не чистое дѣло и что монастырь можетъ подвергнуться за него тяжкой отвѣтственности по законамъ; но всѣхъ ободряла надежда на пріобрѣтеніе благоснисходительности назначеннаго крайзамтомъ начальника комиссіи и на то еще, что въ случаѣ крайности „иноки могутъ и разбѣжаться, какъ зайцы....“

15го (27го) октября прибылъ наконецъ давно ожидаемый крайскомиссаръ, баронъ Кане. Геронтій и Павелъ успѣли явиться къ нему на поклонъ. Конфиденціальныя объясненія кончились благополучно: благоснисходительность барона-крайскомиссара была пріобрѣтена, хотя и дорогою цѣной, принимая въ соображеніе тогдашнюю скудость монастыря¹⁾. Въ тотъ же день комиссія приступила къ своему дѣлу. Прежде всего произведенъ былъ осмотръ самаго монастыря и описаніе найденнаго по осмотру внесено въ протоколъ. Изъ того, какъ составлено это описаніе, не трудно уже видѣть, что крайскомиссаръ дѣйствительно согласился оказывать Бѣлокриницкой братіи всевозможную снисходительность. Вотъ что говорилось въ протоколѣ о Бѣлокриницкомъ монастырѣ: „Липованскій монастырь имѣетъ положеніе въ средѣ селенія Фонтана-Альба, на грунтѣ отъ Иларіона Петровича монастырю дарованномъ, въ саду, высокою градой огражденномъ. Среди этого сада стоитъ

1) По свидѣтельству о. Онуерія, барону Кане дано было 500 лев. сер.

церковь: устроена изъ дерева *въ самомъ лучшемъ состоянн,* такъ какъ и прочія греческія церкви устроены, въ которой не болѣе какъ на 200 человекъ мѣста имѣется. Церковь имѣетъ три верха главъ съ крестами, изъ которыхъ въ первомъ колокольня. По показанію иноковъ и старшихъ отъ громады и начальниковъ сельскихъ, первоначально, назадъ тому лѣтъ шестьдесятъ, устроенный липованскими иноками монастырь находился въ лѣсу; но такъ какъ этотъ монастырь ограбленъ, (то) и перенесенъ въ самое селеніе съ иноками, въ которомъ селеніи теперешній монастырь ихъ *собственнымъ коштомъ устроенъ и всегда исправлялся* ¹⁾... Иноки живутъ кругомъ монастыря, въ четырехъ деревянныхъ домахъ, въ кельяхъ, и кромѣ церковной службы они занимаются разными ремеслами, которыя къ ихъ существованію нужны. Одежда иноковъ обыкновенно небогатая, такая, какъ изображена *въ ихъ книгѣ устава*; весь прибо върѣ ихъ зданіяхъ также не богатъ и все отъ ихъ трудовъ сдѣланный. Они живутъ, употребляя только рыбу, фрукты и горохъ, картофи, фасоль, мамалыгу; никогда не ѣдятъ ни мяса, ни сала, и всегда только постную употребляютъ пищу, а молоко и прочее только изрѣдка позволяется имъ. Прочее провозженіе жизни описано подробно *въ ихъ статутахъ.* ²⁾

¹⁾ Достоинно вниманія, что противъ этого мѣста сдѣлано замѣчаніе, въ которомъ приведено извлеченіе изъ состоявшихся въ 1791 году опредѣленій о переводѣ липованскихъ иноковъ съ прежняго мѣста жителства, на Тернавацъ, въ селеніе Вѣлая-Креница, то-есть изъ тѣхъ самыхъ документовъ, на которые приведена ссылка въ послѣдней губернской резолюціи и существованіе которыхъ въ *рекурсъ* подвергнуто сомнѣнію, такъ какъ будто бы и самый крайзамотъ отыскать этихъ документовъ не могъ. Впрочемъ выписка приведена здѣсь неточно: говорится только о томъ, что инокамъ велѣно жить въ Вѣлой-Креницѣ, а о томъ не упоминается, что имѣть общеніе, или монастырь было тогда воспрещено. Такимъ образомъ выписка эта приведена, очевидно, съ цѣлію доказать, что монастырь издавна существуетъ въ Вѣлой-Креницѣ съ дозволенія правительства. Этимъ, конечно, и слѣдуетъ объяснить внесеніе ея въ протоколъ, несмотря на то, что она противорѣчитъ сказанному въ *рекурсе*.

²⁾ Проток. 15-го (27-го) октября 1843 года § 2 (*Бѣлкр. арх.*). Вся тетрадь протоколовъ этой комиссіи писана рукой Павла и весьма поспѣшно: это или переводъ составленныхъ комиссіей протоколовъ, или, вѣроятно же, составленный для крайскомиссара самимъ Павломъ черновой списокъ ихъ, съ котораго сдѣланъ былъ нѣмецкій переводъ.

Затѣмъ, по осмотрѣ монастыря, настоятель инокъ Геронтій, при собственной объяснительной запискѣ, представилъ комиссіи опись монастырскихъ имѣній и капиталовъ, со всѣми относящимися сюда документами¹⁾. Порядка ради, комиссія сдѣлала осмотръ и монастырскихъ грунтовъ съ угодьями. Между тѣмъ, пока члены комиссіи занимались этими осмотрами, заранѣе оповѣщенные липоване, точно исполняя свое обѣщаніе, собрались въ настоятельскихъ кельяхъ съ своими наличными деньгами, и когда комиссія должна была приступить къ повѣркѣ монастырскихъ суммъ, вручили ихъ настоятелю, который въ свою очередь передалъ ихъ комиссару: принесенныхъ липованами денегъ оказалось 6.000 *тевовъ* серебромъ. Комиссія пересчитала ихъ и возвратила Геронтію; а онъ, согласно обѣщанію, вручилъ ихъ немедленно владѣльцамъ, все это время сокровенно сидѣвшимъ въ особой комнатѣ.²⁾ Точно такъ же комиссія произ-

1) Въ третьемъ пунктѣ объяснительной записки Геронтія именно говорилось: „Касательно статистическихъ обстоятельствъ мы представляемъ при семъ изъ монастырской описи выписку, съ принадлежащими къ ней въ пяти копияхъ документами, какъ-то: 1) на собственный монастырскій грунтъ плановую карту; 2) на рыбный прудъ отъ издавна монастырю принадлежащій Буквинскаго кесаро-королевскаго крайзанта декретъ за № 22.959; 3) на имущество движимое и недвижимое, дарованное въ вѣчность монастырю по духовному завѣщанію покойнаго старообрядца Иларіона Петровича, о судебномъ рѣшеніи декретъ думени Кучурмаре, за № 1.594. 4) на таковое же имущество, дарованное также въ вѣчность монастырю отъ покойной дѣвицы Евдокии Еенимовой, духовное завѣщаніе, и 5) на денежную сумму 10.000 левовъ серебромъ, дарованную въ вѣчность монастырю отъ двухъ инокъ, Алимпія Милорадова и Павла Васильева, завѣщательный актъ“ (*Бѣлор. арх.*). Въ послѣдствіи Геронтій писалъ, что въ монастырскомъ инвентаріумѣ показано было „всего движимаго и недвижимаго состоянія бливъ 50.000 гульденовъ сребра“ (*Памяти.*, рукоп. написанная въ Шлессельбургѣ).

2) Письмо Павла отъ 16-го октября 1843 года. Вотъ что именно писалъ онъ здѣсь, въ особомъ *демоментѣ*, объ этой продѣлкѣ: „крошъ великаго чаянія самые беспоповцы, кои имѣютъ наличный свой капиталецъ, приехали до послѣдняго золотника сами въ монастырь на такой необходимый случай; и пока производилась комиссія, они у настоятеля слѣдили въ особой кельи, а какъ потребовали капиталъ, они вручили настоятелю, и настоятель показавъ членамъ, и пересчитавши отъ насъ и пави въ руки имъ отдала, и они съ миромъ отправились въ свое село Климоуцы. *И слава Богу!* Хотя только духъ перевели! Впрочемъ теперь не остается намъ что иное, какъ только *повергаемся въ неизлагодимую пучину милости и промысла Божія!*“

вела повѣрку представленныхъ настоятелемъ векселей и нашла ихъ не подлежащими сомнѣнiю; было только замѣчено, и то въ видахъ благожеланiя монастырю, что было бы лучше и вѣрнѣе отданныя подъ векселя суммы помѣстить въ государственный банкъ, и что правительство, по всей вѣроятности, того потребуетъ. „Члены комиссiи (писалъ Павелъ на другой же день послѣ этого въ Москву) полагаютъ, что такъ какъ заемныя векселя отъ людей изъ числа торговцевъ, нашихъ старовѣровъ, и не имѣютъ въ обезпеченiе никакихъ залоговъ, то сумнительно напередъ, дабы сумма не ущербла, или вовсе не погибла (которой вовсе не было¹⁾), въ случаѣ какого упадка занимателей. Уповательно, говорятъ, что на всякiй случай императоръ непремѣнно повелитъ всю тую ходящую сумму въ безсумнѣнное обезпеченiе представить въ государственный банкъ.“²⁾ По осмотрѣ и повѣркѣ имѣнiй и капиталовъ, якобы принадлежащихъ монастырю, комиссiя составила слѣдующiй протоколъ: „На имѣнiе и весь монастырскiй приборъ вообще Геронтiй Леоновъ, настоятель монастыря, инвентарiумъ комиссiи предложилъ. Сей инвентаръ *по всемъ пунктамъ повѣрялъ и нашелъ истинно такъ, какъ въ немъ значится, съ тѣмъ, что сумму наличныхъ денегъ при комиссiи самъ комиссаръ пересчиталъ.* Этими занятiемъ день цѣлый изошелъ и комиссiя на другой отложена.“³⁾

Для другаго дня комиссiи оставалось не много дѣла. Нужно было спросить монастырское братство и липованскiя громады, дѣйствительно ли желаютъ они имѣть епископа, какъ о томъ ходатайствуютъ иноки Павелъ и Алимпiй, и еще, по порученiю крайзамта, отобрать отъ нихъ показанiя относительно сношенiй по церковнымъ дѣламъ „съ прочими русскими громадами“ и относительно веденiя метрикъ. По первому вопросу комиссiя удовольствовалась уже приготовленными письменными удостовѣренiями старшинъ четырехъ липованскихъ селенiй, что епископа они дѣйстви-

1) Насмѣшливое выраженiе самого Павла.

2) Тамъ же.

3) Протоколъ 15-го (27-го) октября, § 3 (*Вѣдокр. архивъ*).

тельно желаютъ имѣть, ибо терпятъ крайнюю нужду въ священствѣ; иноки Бѣлокриницкаго монастыря на допросѣ показали также, что Павелъ и Алимпій подали прошеніе о епископѣ по общему желанію монастырскаго братства, на что и выдана имъ полномочная довѣренность, каковую „не только теперь, но и впредь въ полной силѣ братство утверждаетъ.“¹⁾ По двумъ другимъ вопросамъ, настоятель монастыря и „старшіе громады Бѣлой-Криницы сельскіе начальники объяснили: что къ исполненію религійныхъ требъ липованскія громады собственнымъ коштомъ привозятъ изъ Россіи, именно изъ Бессарабіи, священника, однако здѣсь оставаться долго не можетъ, потому что онъ обыкновенно черезъ границу безъ паспорта тайно къ нимъ приходитъ, ибо Россія на таковую отлучку никогда паспорта не даетъ;“ что сіи иностранные священники метрическихъ записей не дѣлаютъ, почему въ липованскихъ громадахъ веденія метричь не было и нѣтъ; что липованамъ необходимо имѣть своихъ священниковъ, которыхъ поставлялъ бы имъ собственный ихъ святитель, дабы учредить согласно предписанію начальства, привильное веденіе метричь.²⁾ Записавъ всѣ эти показанія въ протоколъ, комиссія заключила свои занятія, и въ тотъ же день крайскомиссаръ уѣхалъ изъ Бѣлой-Криницы. Своей снисходительностью и внимательностью къ желаніямъ бѣлокриницкихъ старцевъ члены этой комиссіи оставили въ монастырѣ самое пріятное воспоминаніе: „Всѣ наши желанія (писалъ Павелъ) члены приняли со вниманіемъ и обходились съ нами *такъ благоучинно и почтительно, чего лучше и не бываетъ!* И съ надеждой насъ оставили ожидать монаршей милости, ибо они заключили въ комиссіонномъ протоколѣ, что монастырь въ состояніи соответствовать во всемъ своему прошенію.“³⁾ Вообще Павелъ и все братство были очень довольны, что такъ ловко провели комиссію, которая, какъ видно, и сама сквозъ пальцы смотрѣла на ихъ продѣлки. Одно только приводило

1) Протоколъ 16-го (22-го) октября § 4 (Бѣлокр. архив).

2) Тамъ же, § 6.

3) Письмо отъ 16-го октября 1843 года.

въ сомнѣніе Павла и Геронтія — какъ бы и въ самомъ дѣлѣ высшія власти не потребовали внесенія въ государственн- ный банкъ не существующихъ монастырскихъ капиталовъ. По сему случаю Павелъ и Алимпій, какъ монастырскіе де- путаты, нашли нужнымъ даже нарочно съѣздить въ Вѣну, посоветоваться съ своими адвокатами и въ случаѣ надоб- ности похлопотать, гдѣ слѣдуетъ, чтобы такого стѣснитель- нельнаго для нихъ распоряженія не дѣлали, въ чемъ однако- же надобности не оказалось.

Когда слѣдственная коммиссія представила свои прото- колы крайзамту, сей послѣдній не нашелъ въ нихъ ничего сомнительнаго, и со всеми относящимися къ онымъ доку- ментами препроводилъ въ губернію, приложивъ также, со- ласно предписанію губернскаго начальства, и прочіе доку- менты по дѣлу о липованахъ. При этомъ съ своей стороны крайзамтъ доносилъ губерніи, что относительно учрежденія архіерейской каѳедры у липованъ остается при прежнемъ своемъ мнѣніи, находя вопросъ о липованскомъ епископѣ имѣющимъ тѣсную связь съ важнымъ вопросомъ о вве- деніи у липованъ правильныхъ метрическихъ записей.¹⁾

Но въ губерніи иначе взглянули на дѣйствія крайском- миссара барона Кане; не остались довольны и распоряже- ніями самого крайзамта. Нашли именно, что крайзамтъ выслалъ не все нужные документы по дѣлу о липованской архіерейской каѳедрѣ: такъ именно не были доставлены протоколы прежнихъ слѣдственныхъ коммиссій, составлен- ные крайскоммиссарами Вагнеромъ и Шаловскимъ, тогда какъ для соображенія по настоящему дѣлу протоколы эти представлялись необходимо нужными. А что баронъ Кане произвелъ слѣдствіе неполно и небрежно, это губернскому начальству легко было усмотрѣть изъ самыхъ коммиссіон- ныхъ протоколовъ. Замѣчено вопервыхъ, что крайскоммис- саръ никакъ не долженъ былъ ограничиваться одной только „общей деклараціей,“ подписанной старшинами и депута- тами отъ четырехъ липованскихъ громадъ, гдѣ они свидѣ- тельствуютъ, что съ прошеніемъ монастырскаго братства о

¹⁾ Донесеніе крайзамта № 20.512 (Блжкр. архивъ .

дарованіи епископа липованамъ согласны, не упоминая даже имѣютъ ли достаточныя средства на постоянное содержаніе и монастыря и епископа. Найдено потомъ, что и самыя показанія о монастырскихъ имѣніяхъ и капиталахъ представляютъ много сомнительнаго. Особенно невѣроятнымъ и удивительнымъ показалось, „какъ могли дать монастырю по 5000 лев. сер., изъ своего отческаго наслѣдства, иноки Павелъ Васильевъ и Алимпій Милорадовъ, о которыхъ есть официальные свѣдѣнія,¹⁾ что они дѣти простыхъ людей Бѣлокриницкой громады, и что отецъ послѣдняго имѣлъ пропитаніе отъ ручнаго заработка“. На основаніи такихъ соображеній послѣдовало изъ губерніи, отъ 29го декабря 1843 (10 января 1844) года, новое предписаніе крайзамту, чтобы недостающіе документы по дѣлу о липованской архіерейской кафедрѣ были разысканы и высланы въ губернію, и чтобы слѣдствіе въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и липованскихъ селеніяхъ произведено было вновь съ большей полнотой и строгостью,—именно, согласно декрету императорской гофъ-канцеляріи, чтобы въ точности дознано было, какъ велико число липованъ въ каждомъ селеніи, „какъ значительны ихъ имущества, доходы съ заработковъ и проч., и въ состояніи ли они содержать монастырь и епископа“; также относительно суммы въ 10.000 левовъ серебромъ чтобы сдѣлано было самое тщательное изслѣдованіе, имѣютъ ли и откуда могутъ имѣть ее иноки Павелъ и Алимпій. „Губернія надѣется (сказано въ заключеніи предписанія), что панъ крайсгауптманъ все предписанное сдѣлаетъ скоро и вполне удовлетворительно“.²⁾

Согласно этому предписанію, крайзамтъ, 7-го (26-го) января 1844 года, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы тотъ же баронъ Кане опять ѣхалъ въ Бѣлую-Криницу для произведенія новаго комиссіоннаго слѣдствія. 4-го (16-го) февраля

1) Свѣдѣнія эти найдены въ актахъ крайзамта 1840 года № 6619 и 1841 года № 5221. (Протоколъ слѣдственной комиссіи 1844 года, § 1-й (*Бѣлокр. архивъ*)).

2) Губернское предписаніе отъ 10 января 1844 года (29 декабря 1843 г.), № 81.444 (*Бѣлокр. архивъ*).

новая комиссія составила первый протоколъ. Въ немъ только опредѣлены главные пункты, относительно которыхъ по предписанію губерніи надлежало произвести изслѣдованіе; допросовъ же липованамъ въ этотъ день никакихъ не было, по той причинѣ, что многіе изъ нихъ находились тогда въ Радоуцахъ на ярмаркѣ и „прежде ночи домой возвратиться не могли.“ Затѣмъ комиссія занималась слѣдствіемъ въ теченіе пяти дней, производя, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, допросы депутатамъ липованскихъ громадъ и прочимъ соприкосновеннымъ къ дѣлу лицамъ. 5-го (17-го) февраля допрошена бѣлокриницкая громада (въ тотъ же день взято показаніе съ Павла и Алимпія по вопросу о завѣщанныхъ ими въ пользу монастыря 10.000 левовъ), 6-го (18-го) — климоуцкая, 8-го (20-го) — соколинская, 10-го (22-го) — мехидрская. Бѣлокриницкіе и климоуцкіе липоване собраны были въ селеніи Вѣлая-Криница; а въ Соколинцы и Мехидру ѣздили для допросовъ сами члены комиссіи.

Это новое слѣдствіе, несмотря на всю формальную строгость дѣлопроизводства, было уже не такъ страшно для бѣлокриницкаго братства, какъ бывшее передъ нимъ: теперь собственный, личный интересъ долженъ былъ заставить барона-крайскомиссара при отобраніи показаній отъ липованскихъ громадъ и монастырскихъ жителей всячески имъ потворствовать, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ своими прежними протоколами. Однакоже и эта комиссія представляла не мало непріятнаго для учредителей старообрядческаго архіерейства: непріятно было и то, что губернское начальство, несмотря на *рекурсъ*, на императорскую „сигнатуру“ и на всѣ успѣхи Павла и Алимпія въ Вѣнѣ, не хочетъ, какъ теперь оказалось, измѣнить своихъ прежнихъ непріязненныхъ отношеній къ дѣлу о липованскомъ епископѣ, и то, что опять приходилось толковать съ липованамъ, которымъ уже очень прискучили всѣ эти комиссіи, и то, наконецъ, что дѣло вообще затягивалось, что все прибывали новые и новые хлопоты. Прибыли хлопоты главнымъ образомъ для Павла: ему предстояло не мало труда, и именно надъ тѣмъ, чтобы заготовить для каждаго липованскаго

общества письменные отвѣты по вопроснымъ пунктамъ, — отвѣты, которые должны были войти (и дѣйствительно вошли) въ коммиссіонные протоколы, какъ бы собственные, непосредственно данные липованскими депутатами на допросахъ коммиссіи. Эту не очень легкую задачу Павелъ исполнилъ въ совершенствѣ. Заготовленные имъ отвѣты отъ четырехъ липованскихъ обществъ, правда, походятъ одинъ на другой, различаются только въ мелочахъ и частностяхъ; но иначе не могло и быть по самому существу дѣла. Они замѣчательны собственно тѣмъ, что представляютъ образчикъ самой беззащитной лжи, къ какой нерѣдко прибѣгала теперь инокъ Павелъ ad maiorem Dei gloriam, и рѣдкаго умѣнья „выдавать комарей за воловь“, по его собственному выраженію. ¹⁾ Для примѣра достаточно привести показанія липованскаго общества Бѣлой-Криницы. Допросъ, какъ сказано выше, происходилъ 5-го (17-го) февраля. Въ протоколѣ говорится, что была собрана вся бѣлокриницкая громада; но ей предложено избрать уполномоченныхъ для отвѣта предъ коммиссіей за всю громаду, на что и дать симъ послѣднимъ формальную довѣренность: „выбрали въ присутствіи коммиссіи двухъ хозяевъ, Ивана Кирилова (Поляка) и Кириіана Тимоеева (дьяка); громада по избраніи депутатовъ разошлась, а депутаты спрашиваемы были.“ ²⁾ Первымъ вопроснымъ пунк-

¹⁾ Что всѣ показанія (за исключеніемъ можетъ быть одного алимпіева) суть произведеніе Павла, въ этомъ легко убѣдиться изъ самаго ихъ изложенія, обличающаго именно павлову руку.

²⁾ Протоколъ коммиссіи 1844 года, § 4-й. Къ протоколу приложена и довѣренность, засвидѣтельствованная подписями бѣлокриницкихъ липованъ и скрѣпленная общественной печатью. Въ ней сказано, что „повѣренные“ уполномочиваются по вопросамъ коммиссіи о приобрѣтеніи епископа и содержаніи его на собственный коштъ дать положительный отвѣтъ, и вообще „по совѣсти, отъ имя громады и ихъ дѣтей и ихъ потомковъ, все дѣлать, и что сдѣлаютъ они, все то громада приметъ и на все обязуется“. Къ этому сдѣлано, вѣроятно по требованію комиссара, особое прибавленіе, что бѣлокриницкая громада уполномочиваетъ своихъ депутатовъ „давать всѣ нужныя объявленія крайзамтской коммиссіи и касательно метрическихъ книгъ“ (*Бѣлокр. архивъ*). Допросъ и прочихъ трѣхъ липованскихъ обществъ происходилъ также чрезъ посредство депутатовъ, уполномоченныхъ точно

томъ требовалось дать подробное показаніе о числѣ жителей въ селеніи, объ ихъ имуществѣ и доходахъ: и въ показаніи, дѣйствительно, приводится, составленное по конскрипціи 1813 года, исчисленіе жителей обоого пола, количество принадлежащей имъ разнаго качества земли и получаемыхъ отъ нея доходовъ, также рогатаго скота и лошадей.¹⁾ Затѣмъ вотъ что говорится о разныхъ другихъ источникахъ благосостоянія бѣлокриницкихъ липованъ:

„Кромѣ поля, скота и прочихъ хозяйственныхъ доходовъ, имѣемъ въ нашемъ селѣ 43 сада съ разныхъ сортовъ лучшими фруктами, 14 алейныхъ заводовъ, 9 вѣтряныхъ мельницъ, 13 рыбныхъ ставовъ, которые собственно своимъ промысломъ сами устроили. Кромѣ того имѣемъ въ Бѣлой-Криницѣ многое число мастеровыхъ плотниковъ, повозочныхъ и санныхъ мастеровъ и прочихъ руководѣій. Большая часть жителей занимаются значительною торговлей, а особливо въ Молдавіи, хозяйственными желѣзными орудіями, какъ-то: плуги, лопаты, топоры и проч., о чемъ всѣмъ есть извѣстно. Наши жители имѣютъ въ Черновцахъ 9 складовъ и 1 склепъ, въ Радовцахъ 6 и въ Серетѣ 2 склада съ разными собственными продуктами: фрукты, медъ, воскъ и проч., и такими же продуктами не только Буковину, но даже Галицію и Молдавію снабжаютъ. А особливо производятъ наши липоване очень значительное число коноплянаго алею въ своихъ заводахъ, которые находятся въ нашемъ селеніи и въ Радовцахъ, котораго много отправляемъ и за границу. Также наши липоване засѣваютъ на своихъ и на наемныхъ поляхъ очень много льна, которымъ снабдѣваютъ Галицію и даже отправляютъ въ Молдавію. Наши же жители здѣсь первые мастера вѣтряныхъ мельницъ и построили таковыхъ много и по сторонамъ; то же и по контрактамъ дѣлаютъ въ Галиціи и Молдавіи значительные ставы, отъ чего имѣютъ

такими же довѣренностями отъ своихъ обществъ: на сохранившемся экземплярѣ довѣренности бѣлокриницкой громады сдѣлана замѣтка: „такъ равно и прочіихъ трехъ громадъ одного содержанія.“

1) Точно такія же по этому пункту сдѣланы показанія и прочими тремя обществами. Выше имъ гдѣли случай привести эти числовыя данныя о населеніи липованскихъ слободъ въ Буковинѣ и принадлежащихъ имъ земляхъ.

хорошія заработокъ. Незначительные же жители занимаются разноскою мелкихъ товаровъ и собираютъ щетину, а также и скота много откармливаютъ въ продажу.“

Изъ этого описанія само собою явствовало, что бѣлокриницкіе липоване живутъ въ полномъ довольствѣ и имѣютъ достаточныя, хорошо обеспеченныя средства, чтобы жертвовать на содержаніе монастыря и епископа. Но *хотятъ ли* они жертвовать, и если *хотятъ*, то *сколько именно?* Таковы были два новые вопросныя пункта, на которые слѣдовало отвѣтить депутатамъ бѣлокриницкой громады. Приготовить отвѣтъ на эти, такъ прямо поставленные вопросы Павлу было не легко. Онъ, какъ мы видѣли, постоянно увѣрялъ липованъ, что на содержаніе епископа имъ не придется жертвовать не единого крейцера. Но сказать откровенно въ показаніи, что на этотъ предметъ они дѣйствительно ничего давать не будутъ, значило бы повредить дѣлу въ глазахъ правительства; а написать, что они обязуются доставлять известную сумму на содержаніе монастыря и епископа, было неудобно въ томъ отношеніи, что такой отвѣтъ прямо противорѣчилъ бы его прежнимъ увѣреніямъ, и подписаться подъ нимъ липованскіе депутаты не согласились бы. Чтобы выдти изъ затрудненія, Павелъ далъ отвѣтъ, въ которомъ не сказано было ни да, ни нѣтъ, но вмѣстѣ говорилось и то и другое:

„На вопросъ: *хочетъ ли* громада обязаться на содержаніе монастыря и священства? мы отвѣчаемъ отъ имени громады, какъ депутаты, что въ теперешнее время таковая обязанность не есть нужна, потому что иноки нашего монастыря, въ прошеніи поданномъ его величеству о учрежденіи святителя, существованіи монастыря и утвержденіи *устава*, сами обязались содержать святителя и монастырь собственнымъ коштомъ. А что они въ состояніи дѣйствительно своимъ имѣніемъ выполнить оное (обязательство), о семъ явствуетъ изъ актовъ, сдѣланныхъ (прежней) крайзамтской комиссіей. Кромѣ того: липоване обязаны по нашимъ церковнымъ законамъ давать десятую часть ежегодныхъ доходовъ священству; однакоже они того у насъ не желаютъ и не есть нужно. Но, дабы удовлетворить правительство, мы

пріемлемъ на свою обязанность содержаніе духовнаго святи- теля нашего закона и нашего монастыря, *въ томъ случаѣ, если нужно будетъ, по нашему состоянію и возможности.*“

Затѣмъ вотъ что отвѣчено на другой вопросъ, — о суммѣ, какую согласны жертвовать бѣлокриницкіе липоване на со- держаніе епископа:

„Братство монастыря, какъ сказано, обязалось содержать собственнымъ коштомъ святителя, по положенію монастыр- скаго устава: потому мы полагаемъ, что теперь не нужно количество суммы дѣйствительно обозначать, какъ мона- стырь еще въ состояніи это выполнить; но правительство тѣмъ должно довольно остаться, что мы всегда готовы да- вать безъ принужденія что только будетъ нужно. А что мы дѣйствительно въ возможности къ выполненію нашего обѣ- щанія, доказываетъ обстоятельство нашего имѣнія и про- мысла.“

Послѣдній вопросъ, предложенный депутатамъ бѣлокри- ницкаго липованскаго общества, касался веденія метрикъ, и отвѣтъ на него, какъ и прошлый разъ, сведенъ былъ къ слѣдующему заключенію: „Необходимо нужно дабы его ве- личество желаніе наше о учрежденіи святителя нашего за- кона удовлетворилъ: тогда бы къ провозженію предписан- ныхъ метрическихъ книгъ не было никакого препятствія; когда бы имѣли священниковъ нашего закона, тогда бы для каждаго селенія установленный священникъ обязанъ былъ, по предписанію правительства, метрическія книги вести“.¹⁾

Таковы были составленные Павломъ и занесенные въ протоколъ комиссіи показанія уполномоченныхъ бѣлокри- ницкой громады. Чтобы придать имъ больше достовѣрности и вполне соблюсти формальную правильность дѣлопроизвод- ства, въ предотвращеніе новыхъ замѣчаній изъ губерніи, крайскомиссаръ отнесся къ мѣстному мандаторіату за по- вѣркой и удостовѣреніемъ громадскихъ „показаній каса- тельно имѣній и хозяйственныхъ обстоятельствъ.“ Панъ- мандаторъ былъ свой человекъ: онъ засвидѣтельствовалъ, что „показанныя обстоятельства имѣній, доходы и прочее,

¹⁾ Прот. слѣд. ком. 1844 года, §§ 4—6 (*Бѣлокр. архив.*).

по конскрипціи 1843 года и по грунтовымъ платежнымъ записямъ, нашелъ правильными¹⁾

Показанія депутатовъ трехъ прочихъ липованскихъ громадъ, по тѣмъ же вопросамъ пунктамъ, какъ было уже замѣчено, въ сущности не отличались отъ показаній депутатовъ бѣлокриницкихъ: послѣ официальныхъ свѣдѣній о количествѣ жителей, земли и скота, слѣдовали такія же преувеличенныя описанія разныхъ хозяйственныхъ заведеній, промысловъ и т. п., и тѣ же лукавыя, двусмысленныя отвѣты по вопросу о содержаніи будущаго епископа.²⁾

Но верхъ безстыдства въ соплетеніи всякаго рода лжи составляютъ показанія двухъ пресловутыхъ иноковъ Павла и Алимпія о 10.000 левовъ, якобы пожертвованныхъ ими Бѣлокриницкому монастырю. Вотъ какую сказку сочинилъ о себѣ инокъ Павелъ, біографію котораго мы изложили выше: „Я называюсь Павелъ Васильевъ, сынъ Василья Ѳедотова, родился въ Молдавіи, въ Баташанахъ; около 40 лѣтъ; старогреческаго закона. По смерти отца моего, 1818 года, пришелъ въ Буковину, поступилъ въ Бѣлокриницкій монастырь инокомъ, въ которомъ по сіе время живу. Отецъ мой, покойный Василій Ѳедотовъ (такъ какъ по нашему закону изъ имя отца мое имя происходитъ), родился въ Бѣлой-Криницѣ и былъ здѣшній подданный,³⁾ и уже болѣе 40 лѣтъ какъ отсель перешелъ въ Молдавію, тамъ женился

1) Тамъ же.

2) Тамъ же, §§ 14 — 17, 19 — 26. Показанія этихъ липованскихъ громадъ также засвидѣтельствованы истинными мандаторіатами — Гадигъ-Фальва, Сантъ-Или и Бергометъ. Достоинно замѣчанія, что показанія климоуцкой громады сдѣланы отъ имени всѣхъ жителей селенія, тогда какъ они на половину принадлежатъ къ безпоповскому толку и безпоповцы отношенія къ дѣлу объ учрежденіи архіерейской каедры въ Бѣлой-Криницѣ не имѣли. Даже одинъ изъ выборныхъ климоуцкихъ, подписавшій всѣ протоколы, былъ безпоповецъ, упомянутый выше Михаилъ Ѳедоровъ.

3) Сказать, что отецъ родился въ австрійскихъ владѣніяхъ, Павлу было необходимо для того, чтобы доказать свое право на жительство въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, о чемъ и въ рекурсѣ сказано было: „если инокоры (бѣлокриницкіе иноки) и пришли изъ-за границы, то все-таки рождены отъ австрійскихъ подданныхъ и потому, согласно § 28 гражданскихъ законовъ, владѣютъ правами австрійскаго подданнаго и гражданина“.

и занимался торговымъ промысломъ, и въ 1818 году померъ. Такихъ, здѣсь рожденныхъ и въ Молдавіи значительную торговлей занимающихся липовановъ и теперь есть очень много. О томъ, имѣю ли дѣйствительно имѣніе, прошу спросить здѣшнюю громаду, которая моего покойнаго отца и его имѣніе совершенно знаетъ, и можетъ подтвердить, что я дѣйствительно отъ онаго 5.000 левовъ серебромъ въ наслѣдство получилъ, и эту сумму, 13-го сентября 1843 года, здѣшнему липованскому монастырю подарилъ, будучи членомъ сего монастыря.⁴¹⁾ Показаніе Алимпія, согласно его характеру, отличалось еще большей отвагой,—онъ смѣло утверждалъ, что отецъ его, Савва Милорадовъ, умершій въ 1837 году въ Бессарабіи, оставилъ ему въ наслѣдство даже 8.500 левовъ серебромъ, на что впрочемъ письменныхъ документовъ у него—Алимпія Милорадова не имѣется; а въ подтвержденіе того, что онъ дѣйствительно получилъ въ наслѣдство деньги, изъ которыхъ пожертвовалъ монастырю 5.000 левовъ, ссылался также на свидѣтельство мѣстныхъ липованъ.²⁾ Коммиссія предложила депутатамъ Бѣлокриницкой громады подтвердить эти показанія; депутаты отвѣчали: „Мы подтверждаемъ, что истинно объявленіе ино-

1) Проток. слѣд. ком. 1844, §§ 9-и 10 (*Бѣлокр. архив*).

2) Тамъ же, § 11. Любопытства ради приводимъ вполнѣ и это курьезное показаніе: „Я называюсь Алимпій Милорадовъ; родился въ Бѣлой-Криницѣ; 39 лѣтъ, старовѣрскаго закона; есть инокъ здѣшняго монастыря. Мой отецъ Савва Петровъ, сынъ Петра Милорадова, моего дѣда, померъ тому лѣтъ 12 въ Бессарабіи. Онъ былъ здѣшній урожденный липованъ, а отецъ его тому 56 лѣтъ сюда прибылъ. Онъ церковныя книги переписывалъ, женился въ Бѣлой-Криницѣ и жилъ переплетчикомъ книгъ. По смерти моей матери, онъ поступилъ въ здѣшній монастырь, въ постриженіи названъ инокъ Симеонъ Петровъ. Онъ жилъ 14 лѣтъ въ здѣшнемъ монастырѣ инокомъ; послѣ перешелъ въ Молдавію и меня взялъ съ собою. Въ теченіе времени сдѣлали его настоятелемъ Серковскаго монастыря. Тамъ жилъ 10 лѣтъ въ монастырѣ онъ очень экономно и въ наслѣдство полученное имъ отъ дѣда моего имѣніе еще умножилъ. Въ 1832 году отецъ мой въ Бессарабіи въ монастырѣ померъ, оставивъ мнѣ въ наслѣдство словеснымъ распоряженіемъ 8.500 левовъ серебромъ. На это я письменныхъ документовъ не имѣю, однакожъ на здѣшнюю отношусь громаду, которая подтвердить, что я сіи 5.000 левовъ серебромъ, которые я здѣшнему липовановскому монастырю документально подарилъ, дѣйствительно въ наслѣдство отъ отца моего получилъ.“

ковъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова касательно ихъ происхожденія и наслѣдственныхъ обстоятельствъ, съ тѣмъ, что кто знаетъ положеніе здѣшнихъ липованъ, тотъ не будетъ сомнѣваться, что оныя, отъ здѣшнихъ липовановъ происходящіи иноки такія суммы въ наслѣдствіе получили и въ состояніи по 5.000 левовъ серебромъ здѣшнему монастырю подарить: въ здѣшнихъ громадахъ находятся липованы, кои промысломъ и торговлей болѣе 10.000 левовъ приобрѣли.¹⁾ Наконецъ, для соблюденія формальной правильности допроса, крайскѣмиссаръ произвелъ о доставшихся Павлу и Алимпію наслѣдствахъ офиціальную справку въ дѣлахъ думеніи Гадикъ-Фальва, и на основаніи этой справки сдѣлалъ въ протоколѣ слѣдующее оригинальное заключеніе: „Касательно подтвержденія объявленія о наслѣдственныхъ суммахъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова подписавшійся комиссаръ дѣлалъ разсмотрѣніе въ наслѣдственныхъ актахъ по умершихъ липованахъ селеній Бѣлой-Криницы и Климоуцъ; но нигдѣ именъ родителей ихъ не нашелъ: потому и ихъ объявленіе, подтвержденное бѣлокриницкою громадой, что родители ихъ за границей померли, есть достоверно.“²⁾ Для того именно Павелъ съ Алимпіемъ и показали своихъ вымышленныхъ родителей-липованъ умершими за границей, въ Молдавіи и Бессарабіи, чтобы сдѣлать безопасными всякія справки; но выводъ, къ какому пришелъ крайскѣмиссаръ, не отыскавъ въ дѣлахъ думеніи никакихъ свѣдѣній о Васильѣ Федотовѣ и Саввѣ Милорадовѣ, все-таки представляется совершенно не ожидаемымъ и, очевидно, внушенъ ему тѣмъ же благоснисхожденіемъ къ Бѣлокриницкой обители, съ какимъ производилъ онъ и прежнее и настоящее слѣдствіи.

Продолжая до конца это благоснисхожденіе, крайскѣмиссаръ въ заключеніе всѣхъ протоколовъ сдѣлалъ такой общій отзывъ о липованахъ: „Они ведутъ жизнь очень религіозно и богобоязно. Громада Бѣлой-Криницы имѣетъ богатую

1) Тамъ же, § 12.

2) Тамъ же, § 18.

церковь съ куполами, устроенную собственнымъ коштомъ, по подобію какъ и прочія старогреческія церкви, съ богатымъ внутреннимъ украшеніемъ. И громада Климоуць тоже имѣеть церковь и каплицу; и громада Мехидра тоже имѣеть свою каплицу. Впрочемъ каждый липованъ въ своемъ порядочномъ домѣ имѣеть образами и прочимъ приборомъ украшенную божницу, которая у него въ весьма высокомъ почтеніи. Каждый липованъ, входя въ домъ, дѣлаеть на себѣ рукой крестъ и говоритъ: *Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ*. Тоже самое говоритъ прежде всякаго яденія и питія. И ни одинъ липованъ ни трубки не курить, ни табакъ не нюхаетъ, такъ что даже и въ домахъ ихъ этого дѣлать не позволено. Содержаніе поста строжайше наблюдаютъ, и въ теперешнемъ великомъ постѣ они теплой стрavy не ѣдятъ, а ѣдятъ капусту квашенную и огурцы, и то только одинъ разъ въ день. Въ ихъ домахъ вездѣ особливая чистота: они имѣють около постелей и предъ иконами занавѣсы, столы покрываютъ хорошими скатертями; народъ очень старательный и промышленный и всегда встають на работы очень рано¹⁾.

Итакъ, оба комиссіонныя слѣдствія произведены барономъ Кане какъ нельзя болѣе благопріятно для учредителей старообрядческаго архіерейства въ Бѣлой-Криницѣ. Теперь они ясно видѣли, что повредить ихъ дѣлу губерніи не можетъ, что благодаря покровительству крайзамта и его комиссаровъ, дѣло это съ формальной стороны не представляетъ уже ничего сомнительнаго въ тѣхъ пунктахъ, относительно которыхъ, и только ради формы, предписано было изъ Вѣны навести нужныя справки, что поэтому всякое дальнѣйшее противодѣйствіе губерніи уже весьма легко будетъ представить благоснисходительнымъ столичнымъ властямъ, какъ явное притязаніе и притѣсненіе со стороны губернскаго начальства.... И теперь, дѣйствительно, бѣло-

1) Тамъ же, § 27. Въ эти подробности, со включеніемъ даже молитвы Ісусовой, въ выраженіяхъ исключительно употребляемыхъ старообрядцами, указаны и изложены, безъ сомнѣнія, Павломъ, хотя крайскомиссаръ и заключилъ свой протоколъ словами: „все таковое самъ видѣлъ.“

кривницкое братство стало вести себя въ отношеніи къ губерніи съ особенной смѣлостью и самоувѣренностью. Какъ только слѣдственная коммиссія заключила свои занятія, и протоколы ея, вмѣстѣ съ „отыскавшимся протоколомъ Вагнера“¹⁾, были отосланы во Львовъ, туда же отправились депутаты Бѣлокриницкаго монастыря Павелъ и Алимпій. Они подали „высокославной губерніи“ просьбу, въ которой между прочимъ доказывали, что ея рѣшеніе — уничтожить Бѣлокриницкій монастырь несправедливо, что изъ доставленныхъ въ настоящее время крайзамтомъ актовъ и протоколовъ она сама должна видѣть, что „монастырь изначально съ вѣдома правительства въ Буковинѣ основался и уже около шестидесяти лѣтъ тамъ существуетъ“, и назначеніемъ его служить „не одно только упражненіе въ богомыслии (конTEMPLATивѣ), а совсѣмъ напротивъ, какъ обстоятельно объяснено сіе въ *рекурсъ*“. Самая же просьба состояла въ томъ, чтобы губерніа „по крайней мѣрѣ теперь вошла въ надлежащее разсмотрѣніе крайнѣйшихъ духовныхъ нуждъ липованскихъ громадъ и желаніе ихъ (относительно монастыря и епископа) удовлетворила“²⁾. Тогда же Павелъ и Алимпій подали особое прошеніе „президенту губерніума“ барону фонъ-Гохфельду. Объяснивъ кратко обстоятельства дѣла, поступившаго, послѣ двухъ коммиссіонныхъ слѣдствій, опять въ губернію на разсмотрѣніе, они писали: „изъявите, ваше превосходительство, съ своей стороны отеческое ваше благоволеніе къ безпрепятственному исполненію нашего прошенія (о монастырѣ и епископѣ), ибо удовлетвореніемъ этой покорнѣйшей нашей просьбы отнюдь не можетъ причиниться никакого вреда или ущерба ни общему благу государства, ниже частнымъ какимъ лицамъ, но паче будетъ сугубая польза — государству благочиніе, а самимъ обществамъ нашимъ отъ толгннхъ настоящихъ духовныхъ бѣдствованій вождельнное спокойствіе, за что всѣ наши общества съ незабвеннымъ чувствованіемъ останутся

1) Объ этомъ упоминается въ протоколахъ коммиссіи 1844 года, § 1.

2) Выписка изъ этого прошенія приведена въ промеморіи, вскорѣ потомъ поданной въ гоеть-канцелярію (*Бѣлокр. архивъ*).

къ вамъ на вѣни благодарны, а Всевышній Творецъ возвеличитъ славу вашего высокопревосходительства въ благоцвѣтующемъ блистаніи на многая лѣта¹⁾. — Но губернскае начальство, на основаніи вѣрныхъ, хотя неофициальныхъ свѣдѣній, будучи убѣждено въ фальшивости всего затѣянаго въ Бѣлой-Криницѣ дѣла и хорошо зная о самозванствѣ самихъ бѣлокриницкихъ депутатовъ, не хотѣло имѣть и сношеній съ этими заграничными выходцами, такъ нагло выдающими себя за природныхъ липованъ: никакого отвѣта на ихъ прошенія изъ губерніи не послѣдовало. Однакоже, по полученіи протоколовъ второй слѣдственной коммисіи, здѣсь не могли не видѣть, что дальнѣйшія усилія воспрепятствовать ихъ затѣямъ будутъ бесполезны, и что во всякомъ случаѣ по этому неприятному дѣлу необходимо дать отзывъ въ императорскую гофъ-канцелярію. Къ большому огорченію людей, защищавшихъ интересы православія и ясно понимавшихъ намѣренія учредителей старообрядческой іерархіи въ Буковинѣ, въ это именно время скончался одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ бѣлокриницкой затѣи—г. Бѣлявскій, завѣдывавшій въ губерніи дѣлами иностранныхъ религій, каковое событіе благочестивое братство Бѣлокриницкой обители привѣтствовало, напротивъ, какъ благое для нихъ предзнаменованіе²⁾....

Между тѣмъ Павелъ и Алимпій, не получая въ губерніи отвѣта на свои прошенія, успѣли однакожь узнать, что дѣ-

1) *Бѣлокр. архивъ*. На этомъ прошеніи рукой Павла сдѣлана пометка: „составлено марта 1-го дня 1844 года (то-есть спустя недѣли три по окончаніи послѣдняго коммисіоннаго слѣдствія), а подано....“

2) Вотъ что, напримѣръ, писалъ объ этомъ Геронтій: „Такъ въ нашу пользу и вторая коммисія порученіе своего дѣла кончила и губерніалу сіе доставила. По полученіи же сего коммисіоннаго достовѣрнаго свѣдѣнія, губерніальный интереса нашего сопернать (sic), иностранныхъ религій духовныхъ дѣлъ реверендъ, господинъ Бѣлявскій, коему процессъ нашего дѣла принадлежалъ, не терпя отъ липованъ побѣжденна себе зрѣти, сей убо дипломатъ (?) и духовному своему отцу успѣлъ ли отнестися, не вѣтъ, Богъ вѣсть, но на другой же день не явился въ свою канцелярію, но спѣшившій отъ должности своея удалиться на вѣчную свою дачу, уже въ семъ житіи геройствомъ своимъ стяжавъ....“ (*Памятникъ*, рукоп. писанная въ Шинессельбургъ.)

ло ихъ, со всѣми документами, *рекурсомъ, уставомъ* и пр. уже отправлено въ гофъ-канцелярію¹⁾. Какое при этомъ губерніи постановила рѣшеніе, въ точности развѣдать они не могли; но уже тѣмъ однимъ, что поданныя ими просьбы оставлены безъ всякаго отвѣта и относительно всего дѣла соблюдается таинственность, возбуждалось подозрѣніе, что рѣшеніе послѣдовало опять не въ ихъ пользу. По сему случаю они сами немедленно отправились въ Вѣну. Здѣсь имъ также, повидимому, не удалось собрать точныхъ свѣдѣній объ отвѣтѣ присланномъ изъ губерніи и только на основаніи указанныхъ выше соображеній о неблагопріятномъ его содержаніи составлена была, очевидно, съ помощію вѣнскаго адвоката, „промеморія“, которую они и подали въ императорскую гофъ-канцелярію. „Мы полагаемъ (говорилось въ промеморіи), что губернія и теперь представляемая духовныя нужды старовѣрцевъ въ резонъ не принимаетъ. Слѣдовательно она не хочетъ соблаговолить того, чтобы мы, вѣрнопопдаанные австрійскому свипетру, удовлетворялись своимъ покоемъ и устройствомъ благочинія, безъ заимствования изъ чужихъ краевъ для удовлетворенія духовной нужды, но оставляетъ старовѣрцамъ то, что доселѣ было, то есть завсегда заимствоваться священниками изъ Россіи, которыхъ они съ великимъ изнуреніемъ оттоль доставали посредствомъ своихъ единовѣрныхъ обществъ... Теперь же Россія приняла строгія мѣры не только въ охраненіи границы, но даже и самыя тѣ въ Россіи единовѣрныя съ нами общества, сверхъ существующихъ первыхъ священниковъ,²⁾ вновь болѣе имѣть у себя таковыхъ уже позволенія не имѣютъ. Потому теперь здѣсь нашимъ старовѣрцамъ настоятъ въ священствѣ наибольшая нужда, какъ именно изъяснено въ нашемъ *рекурсѣ*. Итакъ, если не позволяется старовѣрцамъ, на правилахъ въ монастырскомъ уставѣ изображенныхъ, имѣть своего святителя: слѣдовательно не

¹⁾ Въ промеморіи они писали: „губернія, отправивъ дѣло по двору, намъ на прошеніе наше ничего не объявила.“

²⁾ Здѣсь, очевидно, разумѣются бѣглецы попы, дозволенные указомъ 26 марта 1822 года.

позволяется имъ имѣть и парахіальныхъ священниковъ, и монастыря, и настоятеля и самыхъ даже иноковъ. Поелику всѣ сіи происходятъ только отъ святителя; святитель же, по нашей религіи, происходитъ изъ чина иноческаго. А подѣ симъ непозволеніемъ епископа разумѣется, что старовѣрцы теперь уже или изгоняются изъ Австрійскаго государства, или принуждаются перейти въ иную религію. Такое принужденіе совершенно противно дарованной имъ всевысочайшей привилегіи, въ которой позволена имъ неограниченная вольность религіи и духовенства, и не только таковой привилегіи, но даже и общему толеранцъ-патенту.“ Почти то же самое, какъ мы видѣли, говорилось и въ рекурсѣ, но не такъ смѣло и рѣшительно, какъ теперь. А вотъ и новое возраженіе противъ предполагаемыхъ притязаній губерніи, уже прямо заимствованное просителями изъ современныхъ обстоятельствъ дѣла и опять высказанное съ тою твердостью, какую давала имъ теперь увѣренность въ несомнѣнномъ успѣхѣ ихъ просьбы „Не затрудняется ли губернія (говорилось дальше въ промеморіи) на позволеніе старовѣрцамъ своего святителя развѣ тѣмъ, что они не имѣютъ въ своихъ обществахъ много числа народу, или опасается недостатка въ фондусѣ на всегдашнее содержаніе святителя? Но самыя правила старовѣрческой религіи не позволяютъ излишней роскоши имѣть святителю, что явствуетъ въ нашемъ монастырскомъ уставѣ (приложенномъ при рекурсѣ, поданномъ его величеству), въ *Предметъ о святителѣ*. Святитель долженъ быть у насъ, по образу древнихъ святыхъ іерарховъ, подражая начальнику вѣры Ісусу Христу, въ самоумѣренномъ смиреніи, то-есть во всѣхъ житейскихъ потребахъ такъ, какъ нынѣ есть нашего монастыря настоятель; но только святитель отличенъ будетъ саомъ и свѣтлыми церковными облаченіями во время богослуженія. А на такое содержаніе одинъ монастырь нашъ есть въ состояніи, общества же сверхъ того во всякомъ случаѣ обявались быть готовыми на помощь, что правительство можетъ видѣть изъ комиссіонныхъ протоколовъ. Уповательно же, что и здравое разсужденіе правительства можетъ разпознать сущность сего дѣла, какъ самая естественность показываетъ

потребу, яко не для святителя есть народъ, но для народа святитель необходимо есть нуженъ. Да и законъ христіанскій никакъ не судить, якобы только во множественномъ числѣ народу потребно имѣть благочиніе, а въ маломъ не потребно. Ибо въ прежніе вѣка вселенская церковь не взирала на число народа, но судила предстоящія въ нихъ нужды, такъ что въ царство Авредіана, 5575 (267) года, Григорій Неокесарійскій былъ поставленъ епископомъ въ Неокесарію, гдѣ имѣлось христіанъ всего только осьмнадцать человѣкъ. Слѣдовательно лучше быть хотя малому числу народа, но въ благочиніи, нежели и малому и не въ благочиніи. А также извѣстно есть изъ церковной исторіи, что въ древности, даже и кромѣ нужныхъ случаевъ, при самомъ полномъ господствованіи вселенской церкви, права позволяли сверхъ градскихъ епископовъ устроить и въ селахъ особыя епископы, какъ явствуетъ изъ собраныхъ правилъ: 8 пр. 1-го Никейскаго вселенскаго собора и прочихъ, Антиохійскаго пр. 13 и 20, Неокесарійскаго пр. 13 же, и Анкирскаго пр. 13^а.¹⁾

Промеморія подана была въ іюнь мѣсяцѣ. Спустя немного времени изъ губервіи присланъ былъ въ гофъ-канцелярію новый отзывъ по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ. Губервія наконецъ принуждена была сдѣлать уступку, — дала мнѣніе, что просьбу липованъ о дозволеніи

1) *Бълокр. архивъ*. Павелъ и Алимпій были уже такъ увѣрены въ скоромъ и счастливомъ окончаніи ихъ дѣла, что въ *промеморію* хотѣли даже внести слѣдующую просьбу: „Титуловать нашъ монастырь и будущаго святителя, согласно всевысочайшей привилегіи, даже и самой нашей религіи, старовѣрческими, а не по простонародному названію — липованскими. Ибо то названіе липованами произошло не отъ существа нашей вѣры, ниже отъ предводителей, коими основалась осѣдланность старовѣрцевъ въ Буковинѣ, но можетъ-быть только со взгляду отъ сосѣдственныхъ польскихъ, или прусскихъ елипионовъ, которые также называются липованами.... Но елипионы не одного съ нами содержанія религіи: они не признаютъ главныхъ таинъ церковныхъ, какъ-то: священства, муропомазанія, священнодѣйствія; наша религія отстоитъ отъ той секты елипионовъ, подобно какъ римско-католическая религія отстоитъ отъ прочихъ сектовъ протестантскихъ, Лютера и Кальвина“. Однакоже вся эта статья въ находящемся у насъ спискѣ промеморіи зачеркнута, — назначена къ исключенію.

монастыря въ Бѣлой-Криницѣ можно уважить; но вмѣсто просимаго ими епископа полагала достаточнымъ дозволить липованамъ имѣть въ монастырѣ настоятеля и священниковъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ губернскомъ опредѣленіи, Павелъ и Алимпій, все еще жившіе въ Вѣнѣ, въ іюль мѣсяцъ подали на имя президента императорской гофъ-канцеляріи графа Инцаги новую промеморію. Они объясняли, что настоятелей Бѣлокриницкій монастырь имѣеть и имѣлъ издавна; но поставлять священниковъ липованамъ, въ чемъ эти послѣдніе, какъ признала и сама губернія, крайне нуждаются, настоятель монастыря не можетъ, ибо право сіе принадлежитъ только однимъ епископамъ. „Почему (писали они дальше) мы въ обязанность себѣ поставляемъ *настаивать*, чтобы намъ для посвященія потребныхъ священниковъ дозволено было на все будущее время имѣть если не оберпирта, то хотя консекратора“, что будетъ согласно и всевысочайшей привилегіи, „въ которой вольное нашей религіи содержаніе намъ допущено“; равно какъ и средствамъ монастыря будетъ соотвѣтствовать, ибо „мы своимъ коштомъ консекратора содержать въ состояніи“. Здѣсь наконецъ они просили, ихъ будущаго епископа, а равно и самый обрядъ ихъ, не называть „по престонародному *липованскимъ*, какъ называетъ высокая губернія („противъ каковаго названія, ошибочнаго и фальшиваго, они усиленно протестуютъ“), а именовать *старовѣрческимъ*, каковое названіе употреблено и въ высочайшей привилегіи.“¹⁾

Цѣлый годъ прошелъ съ того времени, какъ Павелъ и Алимпій пріѣзжали первый разъ въ Вѣну и были такъ милостиво, такъ внимательно приняты высшими чинами имперіи и самимъ императоромъ Фердинандомъ. Оказалось, что въ теченіе этого времени расположеніе къ нимъ высокихъ персонъ ни мало не охладѣло: ихъ промеморіи и личныя просьбы были приняты и теперь съ прежней благосклонностью. И такъ какъ изъ присланныхъ губерніей документовъ оказывалось, что относительно тѣхъ пунктовъ, по которымъ предписано было произвести справки, двѣ

¹⁾ Промеморія гр. Инцаги (*Бѣлокр. архивъ*).

слѣдственные комиссіи ничего сомнительнаго не нашли, то императорская гофъ-канцелярія постановила, вопреки мнѣнію губерніи, рѣшить дѣло о липованскомъ монастырѣ и о епископѣ согласно прошенію бѣлокриницкихъ депутатовъ.¹⁾ Въ то время императора Фердинанда не было въ Вѣнѣ,—онъ осматривалъ войска въ Венгріи: туда на высочайшее утвержденіе и было послано состоявшееся по липованскому дѣлу опредѣленіе.²⁾ Здѣсь-то, 6го (18го) сентября 1844 года, императоръ Фердинандъ подписалъ наконецъ слѣдующаго содержанія декретъ объ учрежденіи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской каедры:

„По прошенію липованской громады и старовѣрческихъ иноковъ Бѣлой-Криницы,

„а) всемилостивѣйше дозволяется привезти изъ-за границы одно духовное лицо, именно архипастыря, или епископа, съ тѣмъ что онъ можетъ преподавать находящимся въ Бѣлой-Криницѣ липованскимъ инокамъ высшее посвященіе и имѣть еще поставить себѣ преемника, который также долженъ будетъ поставлять священниковъ, равно какъ избрать и посвятить преемника себѣ. Однакоже имѣющее те-

1) Принятію такого рѣшенія много содѣйствовали, безъ сомнѣнія, указанныя выше враждебныя для Россіи политическія соображенія. Надеждинъ рѣшительно утверждаетъ, что умыселъ раскольниковъ увѣнчался успѣхомъ „вслѣдствіе тайнаго сочувствія къ нему со стороны австрійскаго правительства, угадавшаго тутъ недобрую будущность для православія вообще и для православной Россіи въ особенности“; въ этомъ, прибавляетъ Надеждинъ, сознался ему, „въ дружески откровенной бесѣдѣ, самъ преосвященный Евгений, епископъ черновицкій“ (Кельс. Сбор. ч. I, стр. 103).

2) Извѣстіе объ этомъ находимъ у Геронтія. Вотъ какъ витѣйствовалъ онъ, вспоминая въ Шлиссельбургской крѣпости достигнутые тогда успѣхи: „Высоко и шумно интересъ дѣла нашего возлетѣлъ, и яко изъ фонтана клубомъ источникъ живыя воды испусти, и яко наводненная рѣка быстро дѣла нашего интересъ потекъ и скоро высочайшей дистанціи достигъ. Но тамо его императорскаго величества присутствія зрѣти не улучилъ, и пакы стремглавъ теченіе свое направи вслѣдъ его императорскаго величества гнати, и яко рѣка наводненная быстро текуще, своего предѣла достигше, въ море впадаетъ, сице и нашего дѣла интересъ въ моневрахъ венгерской арміи на смотру его императорскаго величества достигъ, гдѣ и предѣлъ приказомъ его императорскаго величества резолюцію себѣ получилъ“ (Памят.).

перъ прибыть изъ-за границы духовное лицо обязуется прежде вступленія въ должность, чрезъ посредство губерніи, сообщить гофъ-канцеляріи о своемъ имени, чтобы можно было дипломатическимъ путемъ собрать о немъ свѣдѣнія и удостовѣриться, что никакихъ сомнѣній относительно его не существуетъ.

„А такъ какъ по правиламъ греко-восточнаго обряда высшее духовенство можетъ быть производимо только изъ монаховъ, то его величество

„б) всемилостивѣйше соизволяетъ дальнѣйшее существованіе издавна находящагося въ Бѣлой-Кривницѣ монастыря утвердить.¹⁾

Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ, который собственно и составляетъ законное (въ отношеніи къ государственной власти) основаніе существующей доселѣ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой архіереской каѳедры, заслуживаютъ особеннаго вниманія два слѣдующія обстоятельства: 1) епископу, котораго дозволено привести изъ-за

1) Текстъ императорскаго декрета приведенъ въ увѣдомленіи, выданномъ изъ крайзамта депутатамъ Бѣлокриницкаго монастыря за №№ 19.997. Ради особенной важности этого документа для исторіи бѣлокриницкой іерархіи, приводимъ здѣсь и нѣмецкій текстъ его: Ueber das Gesuch der Lippowaner Gemeinde und der Altgläuber Mönche in Fontina-alba a) die Einführung eines ausländischen Geistlichen, als Oberhirten, oder Weihbischof allergnädigst zu genehmigen geruhet, der den in Fontina-alba befindlichen Lippowaners Mönchen die höheren Weihen zu ertheilen im Stande ist, und der zugleich seinen Nachfolger zu ordiniren hätte, welcher dann wieder zur Priesterweihe, so wie zur Benennung und Ordinazion seines Nachfolgers befähiget wäre. Doch ist der gegenwärtig aus dem Auslande einzuführende Priester mittelst des Guberniums der Hofkanzlei vorläufig namhaft zu machen, um über denselben im diplomatischen Wege Auskünfte einholen, und sich so von dessen Unbedenklichkeit die Ueberzeugung verschaffen zu können. — Nachdem aber nach den Satzungen des griechisch-orientalischen Ritus die höhere Geistlichkeit nur aus den Mönchen hervorgehen kann, so haben Seine Majestät b) sich allergnädigst bewogen befunden den Fortbestand des in Bialo-Kiernica seit vielen Jahren befindlichen Klosters zu genehmigen. Объ этомъ самомъ декретѣ упоминается въ напечатанномъ у Кельсѣева „проектѣ меморіи“ нашего правительства австрійскому, составленномъ въ августѣ 1847 года (*Сбор. Кел. ч. I, стр. 150*); но число, когда послѣдовало изданіе декрета, здѣсь указано не совсѣмъ вѣрно, именно 12 (24) сентября вмѣсто 6-го (18-го) сентября.

границы, императорскимъ декретомъ предоставлялось право рукополагать въ священныя степени собственно *липованскихъ иноковъ, находящихся въ Бѣлой-Криницѣ*, то-есть, по точному смыслу этихъ словъ, не давалось ему права посвящать мирянь, хотя бы они были липоване и жили въ Бѣлой-Криницѣ, а также и самыхъ иноковъ, если они по происхожденію не липоване и живутъ не въ Бѣлой-Криницѣ; 2) о личности епископа, которъй привезенъ будетъ изъ-за границы, предписывалось собрать дипломатическимъ путемъ свѣдѣнія, не имѣется ли относительно его какихъ-либо сомнѣній, то-есть, въ отправленіе своей должности у липованъ, по смыслу этой статьи, могъ онъ вступить тогда только, когда по наведеніи точныхъ справокъ не окажется никакихъ относительно его сомнѣній. Условія, очевидно, стѣснительныя для бѣлориницкихъ учредителей архіерейства. Павелъ, безъ сомнѣнія, понималъ это очень хорошо; но хлопотать объ отмѣнѣ этихъ стѣснительныхъ условій уже было невозможно, да и крайней надобности, по его мнѣнію, не представлялось, такъ какъ достигнувъ самаго главнаго, получивъ дозволеніе имѣть епископа въ Бѣлой-Криницѣ, онъ надѣялся, при своей ловкости въ дѣлахъ подобнаго рода, съ остальными затрудненіями справиться легко....

О состоявшемся высочайшемъ рѣшеніи по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ императорская гофъ-канцелярія, указомъ отъ 17-го (29-го) сентября, сообщила для зависящихъ распоряженій губерніи, причемъ съ своей стороны предписывала имѣть въ виду, „что иноки и липованское общество обязались: а) монастырь и епископа содержать на собственные средства, не требуя отъ правительства никакой помощи, б) собственнымъ коштомъ устроить въ Бѣлой-Криницѣ и содержать сельскую школу“¹⁾; за исполненіемъ этого послѣдняго обязательства гофъ-канцелярія

1) Das Gubernium in die Kenntniss gesetzt, dass da sich die Mönche und Lippowaner Gemeinde erklärt haben a) das Kloster und den Weibischof aus eigenen Mitteln zu erhalten ohne hiezu einen Beitrag von der Regierung anzusprechen zu wollen, und zugleich b) sich verpflichteten eine Dorfschule im Orte auf eigene Kosten errichten und unterhalten zu wollen, auch in letzter Beziehung die geeignete Ueberwachung einzuleiten sei.

предписывала губернскому начальству имѣть особенный надзоръ. О вѣсѣхъ этихъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ верховной власти губернія въ свою очередь сообщила буковинскому крайзамту, и наконецъ сей послѣдній имѣлъ удовольствіе официально увѣдомить депутатовъ Бѣлокриницкаго монастыря, иноковъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова, присовокупляя, что имъ поставляется въ обязанность, какъ только найденъ будетъ дозволенный епископъ, донести о немъ чрезъ посредство крайзамта губерніи, съ точнымъ обозначеніемъ, гдѣ епископъ сей въ послѣднее время находился (mit genauer Angabe, wo sich derselbe zuletzt aufhielt), дабы можно было приступить къ дальнѣйшимъ относительно его распоряженіямъ ¹⁾. Тогда же крайзамтъ препроводилъ въ монастырь я возвращенный изъ Вѣны подлинный экземпляръ устава, для *храненія* при монастырскихъ актахъ и для *руководства* ²⁾ (zur Aufbewahrung in den Kloster-Acten und zur Richtschnur) ³⁾.

„Такъ совершилось,— говоритъ ученый наблюдатель, посѣтившій Буковину вскорѣ послѣ описаннаго нами времени, — такъ совершилось событіе, до сихъ поръ небывалое въ мірѣ раскольниковъ и такое, о какомъ раскольники не смѣли и помышлять въ самыхъ дерзкихъ, въ самыхъ заносчивыхъ мечтаніяхъ.... Благоустроенное, могущественное

¹⁾ Изъ губерніи крайзамту предписаніе дано отъ 22-го сентября (4-го октября) 1844-го года, за № 63.748, а изъ крайзамта увѣдомленіе въ Бѣлокриницкій монастырь послано 1-го (12-го) ноября, за № 19.997. Подлинное увѣдомленіе, которымъ мы здѣсь пользовались, тщательно переписанное на большомъ листѣ, находится въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*; есть и переводъ, писанный Алимпіемъ, тотъ самый, что напечатанъ въ *навловой церковной исторіи* (стр. 176—179).

²⁾ По полученіи устава, на немъ сдѣлана была рукою Алимпія слѣдующая надпись. „Сей монастырскій уставъ, бывъ представленъ въ мартѣ мѣсяцъ прошлаго 1843 года чрезъ монастырскихъ депутатовъ иноковъ Алимпія Милорадова и Павла Васильева при рекурсѣ въ собственныя руки его величества государю царю Фердинанду 1-му, который имѣвъ по всевысочайшему его величества рѣшенію, отъ 16 сентября 1844 года, чрезъ губернію изъ буковинскаго крайзамта сего же 1844 года 12 ноября за № 19.997 обратно въ Бѣлокриницкій монастырь для сохраненія въ монастырскихъ актахъ и руководства принялъ настоятель монастыря *инокъ Геронтій*“ (собственноручно).

государство, какова Австрія, торжественно даруетъ имъ всѣми формами гражданской законности обезпеченную епископскую катедру, и слѣдовательно расколъ, доселѣ пресмыкавшійся темной, отверженной сектой, возводитъ на степень официально признанной церкви! Понятно, какой восторгъ, какое потрясеніе должно было произвести это во всемъ мірѣ раскольничьемъ. У буковинскихъ раскольниковъ, по общему отзыву туземцевъ, съ тѣхъ поръ обнаружилось чрезвычайное одушевленіе и движеніе. Я самъ, посѣщая ихъ, былъ лично свидѣтелемъ, что у нихъ только и мыслей, только и рѣчей, что о будущемъ архіереѣ¹⁾....

Но если кто имѣлъ тогда всѣ основанія торжествовать и ликовать, то именно Павелъ и его сотрудники. Четырехлѣтніе постоянные, можно сказать, неусыпные хлопоты, сопряженные со столькими трудами, опасностями и страхами, на которые потрачено столько ума и краснорѣчія, столько отваги и смѣлости, столько лжи и разныхъ обмановъ, наконецъ увѣнчались вождѣлѣннымъ успѣхомъ! Предпріятіе, къ которому Павелъ считалъ себя призваннымъ свыше, составившее задачу и интересъ всей его жизни наполовину осуществилось! Павелъ и Геронтій съ братіей, дѣйствительно, ликовали; но среди ликованій твердо помнили и то, что время полного торжества и покоя все еще не наступило, что въ будущемъ предстоитъ еще много разнаго рода трудовъ. И прежде всего имъ предстояли заботы о приведеніи Бѣлокриницкаго монастыря въ приличный для епископіи видъ, о матеріальномъ обезпеченіи и на будущее время дозволеннаго правительствомъ существованія Бѣлокриницкой архіерейской катедры, всего же болѣе объ отысканіи и пріобрѣтеніи самаго лица, которое бы заняло эту катедру и начало собою рядъ бѣлокриницкихъ „древлеправославныхъ“ іерарховъ.

¹⁾ Надеждинъ, въ Запис. о загранич. раскольникахъ (Сбор. Кельс. ч. 1. стр. 106).

VI.

Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, пока шло дѣло о дозволеніи устроить въ Вѣдокриницкомъ монастырѣ старообрядческую архіерейскую каеэдру, среди хлопотъ то въ крайзамтѣ, то въ губерніи, то въ столицѣ, Павелъ и Геронтій вели постоянныя сношенія съ тѣми вліятельными лицами російскихъ старообрядческихъ обществъ, которыми были, такъ сказать, уполномочены на веденіе дѣла, восходившаго до „высокославныхъ“ министерствъ и даже до высочайшаго императорскаго трона. Къ великому ихъ огорченію, вскорѣ же послѣ того, какъ начали они это дѣло, послѣдовала смерть лица, бывшаго главою предпріятія, — умеръ знаменитый „гильдіецъ“ Сергѣй Громовъ. Для Павла съ Геронтіемъ это была дѣйствительно тяжелая потеря и много внушала опасеній за дѣло, начатое по прямому порученію Громова, за его ручательствомъ — доставлять имъ всякую помощь — и своимъ заступленіемъ предъ російскими властями, и своимъ вліаніемъ на старообрядческія общества, и особенно своими матеріальными средствами; но о прекращеніи начатаго дѣла они и теперь не допускали даже и мысли, почитая дѣло сіе, какъ выше показано, призваніемъ ихъ жизни, свыше предназначеннымъ для нихъ подвигомъ, и къ тому же — питая твердую надежду на російскихъ старообрядцевъ, на ихъ никогда неизсякающую готовность жертвовать отъ своихъ стяжаній на нужды „христіанства“. Они рассчитывали частію на наследниковъ Громова, особенно же на московское общество, въ которомъ, какъ имъ было извѣстно, находились горячіе поборники старообрядческаго архіерейства. Пись-

менныя сношенія съ Петербургомъ и Москвою совершенно утвердили въ нихъ эту увѣренность. Феодуль Громовъ, хотя не имѣлъ той ревности по „древнему благочестію“, какою отличался покойный братъ его, не отказался однакоже помогать Бѣлой-Криницѣ: отъ него присылались подаванія чрезъ брата Павлова — Алексѣя Великодворскаго, тогда уже состоявшаго на службѣ у Громовыхъ. Московскіе благодѣтели также изъявили готовность помогать „трудящимся на пользу христіанства“.

Но одними письменными сношеніями ограничиться было нельзя. Какъ только дѣло объ учрежденіи епископской кафедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ стало принимать серьезный оборотъ, Павелъ и Геронтій нашли нужнымъ лично переговорить объ немъ съ россійскими старообрядцами, о всемъ подробно посовѣтоваться и условиться. Таково было именно то время, когда уже не только подано было австрійскому правительству формальное прошеніе о дозволеніи имѣть епископа въ Бѣлой-Криницѣ, но и представленъ былъ монастырскій уставъ съ извѣстной статьей „о водвореніи епископа“, гдѣ, какъ мы видѣли, изложены главныя основанія, на которыхъ предполагалось устроить бѣлокриницкую старообрядческую епископію. Павелъ и Геронтій тогда еще не знали, какую продолжительную и упорную борьбу съ губернскими властями придется имъ выдержать; полагаясь на обѣщанія крайзамтскихъ „благодѣтельныхъ“ чиновниковъ, они ожидали напротивъ, что официално начатое ими дѣло, пройдя всѣ инстанціи, безъ особенныхъ затрудненій и въ непродолжительномъ времени достигнетъ успѣшнаго окончанія: въ виду этаго предполагается ими близкаго окончанія дѣла со стороны правительства, они и считали необходимымъ совокупное съ россійскими старообрядческими обществами обсужденіе главныхъ вопросовъ касательно учреждаемаго въ Бѣлой-Криницѣ архіерейства.

Въ исходѣ 1841-го года, по окончаніи всѣхъ трудовъ и хлопотъ съ *уставомъ*, самъ инокъ Павелъ рѣшился ѣхать, вмѣстѣ съ Алимніемъ, въ Москву и Петербургъ. Прежде нежели отправиться въ это путешествіе, онъ, разумѣется, по совѣщаніи

съ Геронтіемъ и прочей братіей, тщательно обсудилъ и предрѣшилъ уже тѣ вопросы, о которыхъ надлежало войти въ бесѣду съ російскими старообрядцами. Такихъ вопросовъ было собственно два — вопросъ о матеріальныхъ средствахъ на приведеніе Бѣлокриницкаго монастыря въ приличное для епископіи устройство, на всегдашнее обезпеченіе будущей архіерейской кафедры и на прочіе, необходимые по настоящему дѣлу расходы, другой — о способахъ и условіяхъ къ приобрѣтенію желаемаго епископа. По соображеніямъ Павла и Геронтія, первый изъ этихъ вопросовъ не могъ встрѣтить затрудненій въ своемъ рѣшеніи: на благотворительность и щедроты богатыхъ старообрядческихъ обществъ они твердо рассчитывали, особенно въ такомъ дѣлѣ, которое, по ихъ убѣжденію, должно было принести неисчислимую духовную пользу всему старообрядчеству. Инаго свойства былъ другой вопросъ. Здѣсь, при разсужденіи о качествахъ потребнаго старообрядцамъ епископа, о способахъ и условіяхъ къ его приобрѣтенію, могло возникнуть немало недоумѣній, разногласій, вообще разнаго рода затрудненій: эти именно затрудненія и требовалось предусмотрѣть, разрѣшить заблаговременно общимъ совѣтомъ. Правда, всѣ затрудненія были бы устранены сами собою, еслибъ удалось найти одного изъ тѣхъ, якобы кроющихся гдѣ-то „древлеправославныхъ“ епископовъ, никакимъ церковнымъ новинамъ непричастныхъ, въ существованіе которыхъ тогда еще искренно вѣрили нѣкоторые простодушные старообрядцы: очевидно, о такомъ возстановителѣ старообрядческой іерархіи никто и никакихъ „сумнѣній“ не имѣлъ бы. Такого именно „древлеправославнаго“ епископа и предположено было искать. Но, какъ люди разсудительные и искушенные многими страстями, Павелъ и Геронтія съ братіей почитали дѣломъ весьма вѣроятнымъ (если только не признавали уже за несомнѣнное), что такихъ епископовъ или не найдется, или даже совсѣмъ не существуетъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Откуда и какъ заимствоваться архіерействомъ, если древлеправославнаго епископа не обрящутъ? Въ этомъ вопросѣ и заключалась вся трудность; его-то рѣшеніе и могло возбудить въ старообрядческихъ обществахъ недоумѣнія и

разногласія, а затѣмъ и открытые раздоры, которые были бы роковымъ ударомъ для новочреждаемой іерархіи. Вотъ почему и представлялось Павлу весьма нужнымъ — этотъ именно вопросъ теперь же подвергнуть тщательному обсужденію въ старообрядческихъ обществахъ, теперь же рѣшить общимъ совѣтомъ. Предварительно же, какъ мы сказали, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ на общемъ совѣщаніи бѣлокриницкаго братства, или, вѣрнѣе, рѣшенъ самимъ Павломъ, съ которымъ бѣлокриницкое братство согласилось безпрекословно Павлу, разумѣется, желательно было, чтобы сдѣланное имъ рѣшеніе вопроса, какъ несомнѣнно правильное, по его мнѣнію, было также безпрекословно принято и всѣми вообще старообрядцами. Съ этою цѣлю онъ призналъ нужнымъ для руководства російскимъ старообрядцамъ изложить письменно свои соображенія по вопросу о томъ, откуда и какъ заимствоваться архіерействомъ, если не найдется древлеправославнаго епископа. Соображенія свои онъ изложилъ въ формѣ и подъ заглавіемъ *послания* отъ всего бѣлокриницкаго братства къ московскому старообрядческому обществу, какъ главному изъ старообрядческихъ обществъ въ Россіи и на ближайшее участіе котораго въ исканіи архіерейства всего больше рассчитывалось.¹⁾ Это посланіе Павелъ намѣренъ былъ представить московскимъ и другимъ російскимъ старообрядцамъ вмѣстѣ съ спискомъ помѣщенной въ *уставъ* статьи: *Предметъ о водвореніи у насъ своего святителя для необходимо нужною устройенія церковныхъ порядковъ*, такъ что посланіе должно было служить какъ бы дополненіемъ къ этой статьѣ: по объясненію самаго Павла, его назначеніемъ было показать „въ чемъ состоитъ, сверхъ всего изображеннаго въ *уставѣ*, дальнѣйшее монастырское предположеніе о приобрѣтеніи святителя“. Кромѣ того къ *посланию* были присоединены еще двѣ статьи, посвященныя рѣшенію нѣкоторыхъ частныхъ, но весьма важныхъ вопросовъ, имѣвшихъ ближай-

1) Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: „Посланіе Бѣлокриницкаго монастыря, состоящаго въ Буковинѣ, австрійской державы, къ московскимъ старообрядцамъ, о предположеніи ихъ найти себѣ архіерея“.

шее отношеніе къ главному — о чинопріятіи будущаго епископа не изъ древлеправославныхъ: а) статья подъ заглавіемъ: „*Иъясненіе недоумѣній, чрезъ кою и когда на приходящихъ отъ ересей хиротонисанныхъ лицъ приходитъ благодать Духа Святаго*, и б) разсмотрѣніе, что есть всеобдержность, и что блаословный случай.“ Въ эти сочиненія, въ общей ихъ совокупности, по мавнію Павла, были вполне достаточны, чтобы служить руководствомъ для російскихъ старообрядцевъ къ надлежащему, или правильнѣе — желаемому самимъ Павломъ рѣшенію вопроса о качествахъ и чинопріятіи будущаго старообрядческаго епископа.

Ниже мы будемъ имѣть случай изложить главное содержаніе посланія и добавочныхъ къ нему статей; здѣсь же достаточно указать только сущность павловыхъ „соображеній“ по вопросу — *откуда и какъ* заимствоваться желаемымъ для старообрядцевъ архіерействомъ.

Мы ожидаемъ (говорилось въ *Посланіи* ¹⁾), въ отвѣтъ на поданное въ 1840 году прошеніе, „государственнаго открытаго листа“, съ которымъ наши депутаты и должны будутъ отправиться на исканіе „древлеправославнаго епископа“. „Помянутый отъ правительства документъ для того нуженъ, да благонадежно посламъ нашимъ будетъ просить православнаго архипастыря, гдѣ только отыскать его возмогуть, да и тому преосвященному лицу не сумнительно тогда на просьбу нашу прибыть къ намъ на малое время, для насыщенія жаждущихъ душъ духовною пищею, то-есть для возстановленія въ насъ по закону нашему святителя, по примѣру постановленія московскихъ патріарховъ; или можетъ-быть соизволится тому начальнѣйшему лицу дать намъ оттол для возстановленія священнаго чина достойнаго въ санѣ человека, то-есть нарочито избрать для насъ тамо и поставить святителя, хотя бы онъ былъ и не русскаго языка, а только бы отъ религіи согласной съ нами, и соблюдалъ въ цѣлости православныя вѣры догматы.“ Такимъ образомъ предполагалось отыскать именно „православнаго“, по рас-

¹⁾ Мы пользуемся спискомъ посланія и приложенныхъ къ нему статей, помѣщенныхъ въ *Сборникъ* о. Онуерія.

колыбическимъ понятіямъ, архипастыря, и если таковой обрящется, просить его, чтобъ онъ или самъ прибылъ въ монастырь Вѣлокриницкій, только на малое время, для поставленія въ епископы кого-либо изъ природныхъ старообрядцевъ, подобно тому, какъ цареградскій патріархъ Іеремія пріѣзжалъ въ Москву поставить изъ природныхъ россиянь перваго російскаго патріарха Іова, или на самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ обрѣтенъ, нарочно поставилъ бы въ епископы для старообрядцевъ кого-либо изъ такихъ же, какъ и самъ, православныхъ, хотя бы и не русскаго языка. Куда же, по монастырскому предположенію, бѣлокриницкимъ посламъ надлежало направить стопы, чтобъ отыскать такого „древлеправославнаго“ архипастыря? Искать его предположено было главнымъ образомъ въ горахъ Ливанскихъ, такъ какъ, по расколыбическимъ сказаніямъ, здѣсь именно существовало не пріавшее новопремѣненій „древлеправославное“ священство; на пути же въ Ливанскія горы, предполагалось посѣтить и инныя христіанскія страны греко-восточнаго исповѣданія: „главнымъ предметомъ, по достоинству отъ путешественниковъ извѣстію, въ полной нашей надеждѣ предположено направленіе въ Ливанскія горы; а между тѣмъ не оставить, въ мимошествованіи, собрать обстоятельныя свѣдѣнія и въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ славянскія племена, кои въ древнія вѣка приняли христіанскую вѣру отъ святыхъ учителей Кирилла и Меѳодія, иже обитаютъ около Черной Горы, въ Сербіи, и въ островѣ Корфѣ, гдѣ хранятся мощи святаго Спиридонія Тримифійскаго; аще ли надобность позоветъ, и еще въ какія-либо края вселенныя, нынѣ намъ ясно не предвидимыя, а въ послѣдствіи пути пословъ нашихъ, можетъ-быть, смотрѣніемъ Божиимъ могуція открытися, яко же случися прежде времени не предвѣдѣти и великому въ пророцѣхъ Іліи Фезвитянину хранимыхъ Богомъ седми тысячъ мужей, не преклонившихъ колѣна предъ Валоомъ“¹⁾. Дальше излагались соображенія и на тотъ, будто бы мало вѣроятный случай—какъ поступить, если во всѣхъ указанныхъ, извѣстныхъ старообрядцамъ и неизвѣстныхъ

1) Посл. къ моск. обществу (Сборникъ о. Онуерія).

еще краяхъ вселенныя „древлеправославнаго“ архипастыря не обрящется: „если, *паче всякаго чаянїя*, пошлать нашимъ въ уповаемыхъ мѣстахъ единовѣрнаго намъ епископа изыскать невозможно будетъ, тогда *сраду же и не опустительно* предполагаемъ принять еще другія мѣры, — заимствоваться искомымъ священнымъ источникомъ (оставя духовенство неблаговолящей Россіи) отъ иной христіанской религіи, отъ коей *согласно правилъ* достойна будетъ къ принятію хиротонїи, то-есть исключая только лишенныхъ трехпогружательнаго крещенїя.“ Такимъ образомъ, и относительно искомага епископа наконецъ выразалось то же самое мнѣніе, какого вообще держались старообрядцы поповскаго согласїя относительно бѣгствующихъ священниковъ, — что за неимѣніемъ древлеправославнаго можетъ быть принять епископъ и отъ сущихъ въ ереси, но въ такой ереси, отъ которой приходящихъ священныхъ лицъ *правила церковныя* дозволяютъ принимать въ сущемъ ихъ санѣ: епископовъ — епископами, священниковъ — священниками, не требуя для нихъ повторительнаго рукоположенїя. Возраженїй противъ такого мнѣнїя трудно было ожидать со стороны людей, державшихся бѣглопоповства; но разногласїя могли возникнуть по вопросу: какимъ образомъ долженъ быть принять епископъ приходящїй отъ ереси? По мнѣнію поповцевъ, хиротонїя „недостойна къ прїятію“ только у еретиковъ „лишенныхъ трехпогружательнаго крещенїя“, или, что то же, подлежащихъ прїятію *первымъ чиномъ*, чрезъ повторительное крещенїе; а затѣмъ отъ всѣхъ прочихъ еретиковъ приходящїя священныя лица сохраняютъ будто бы принадлежащїе имъ саны, какимъ бы чиномъ приняты ни были, третьимъ ли (чрезъ проклятїе ересей), или даже и вторымъ (подъ муропомазанїе). Какимъ же чиномъ, спрашивалось, нужно будетъ принять не-древлеправославнаго епископа, — третьимъ, или вторымъ? Повидимому, рѣшенїе и этого вопроса не должно бы представлять затрудненїй: такъ какъ у поповцевъ онъ былъ уже рѣшенъ относительно бѣгствующихъ отъ великороссїйской церкви священниковъ. Этїхъ послѣднихъ, на основанїи примѣра предковъ, положено принимать вторымъ чиномъ, подъ муропомазанїе: такъ же, очевидно,

слѣдуетъ принять и бѣгствующаго епископа. Паведа очень хорошо понималъ, что это, на примѣрѣ предковъ и на существующемъ обычаѣ основанное, рѣшеніе вопроса было бы дѣйствительно встрѣчено общимъ согласіемъ и сочувствіемъ въ средѣ старообрядцевъ; но онъ имѣлъ основательныя причины уклониться отъ такого *исключительнаго* рѣшенія въ пользу принятія вторымъ чиномъ. Епископа предполагается искать, „кромѣ неблаговолящей Россіи“, въ такихъ странахъ, гдѣ о русскомъ старообрядствѣ не имѣютъ и понятія, и всякіе намеки о чинопріятіи входящихъ отъ ереси могутъ быть встрѣчены съ крайнимъ негодованіемъ; да и рѣчь идетъ о епископѣ, а не о какомъ-нибудь бѣгствующемъ, или по-просту бѣгломъ попѣ: въ сношеніяхъ съ такимъ лицомъ вообще потребуется крайняя осторожность и уступчивость, дабы въ противномъ случаѣ не утратить навсегда и самую надежду на пріобрѣтеніе „давно искомаго священнаго источника“. Такія и подобныя соображенія побудили Павла, соблюдая всевозможную осторожность, изложить мнѣніе, что искомый не-древлеправославный епископъ долженъ быть изъ числа подлежащихъ пріятію третьимъ чиномъ, и только въ томъ уже случаѣ, если такого епископа не обрящется, можно будетъ принять подлежащаго второму чину, но и сего послѣдняго, на основаніи „смотрительныхъ“ правилъ и „благословныхъ случаевъ“, удобнѣе все-таки подвергнуть пріятію третьимъ чиномъ — только съ проклятіемъ ересей, а не вторымъ — подъ муропомазаніе. Онъ въ особенности настаивалъ на этомъ своемъ мнѣніи, что принятіе будущаго епископа, по требованію обстоятельствъ и по руководству „благословныхъ случаевъ“, должно быть совершено третьимъ чиномъ, къ какой бы ереси оный епископъ ни принадлежалъ, лишь бы только трехпогружательнаго былъ крещенія, — и для этого-то собственно была написана Павломъ статья: *что есть всеобдержанность и что благословный случай*.

Впослѣдствіи вотъ какъ самъ Павелъ изложилъ „кратко“ свое мнѣніе по вопросу о чинопріятіи будущаго епископа: „По нашему разсужденію въ принятіи епископа (обойдя Россію) въ другихъ заграничныхъ краяхъ, *если за какимъ-*

либо обстоятельствомъ совершенно благодѣтельную невозможно будетъ избрѣсти, то безотлагательно надлежитъ заняться отъ инославныхъ религій, отъ такихъ, кои подлежатъ третьему чину, безъ мѣропомазанія; если же, паче всякаго ожиданія, и таковыхъ не обрящемъ, тогда примемъ отъ такихъ, кои только не превосходили бы мѣру новшествъ великороссійскихъ, по второму чину, подъ мѣропомазаніе. Если же отъ сихъ послѣднихъ, иже второму чину подлежащихъ, убѣждаемое къ намъ въ епископы лицо, чтобы его подъ священническое мѣропомазаніе принимать, поступить къ намъ не согласится: тогда, съ общаго православныхъ собора, не по всеобдержности, а только единственно благословнаго ради случая, невозбранно можно принять его и по третьему чину, безъ мѣропомазанія. Ибо на всякія дѣйствія имѣются въ божественныхъ книгахъ отъ Святаго Писанія достовѣрныя засвидѣтельствованія, коимъ мы истинно вѣруемъ: а потому если и дѣйствіе согласно онымъ учинити, безъ сумнѣнія свято быти предпочитаемъ¹⁾

И такъ Павелъ и Алимпій отправились въ Россію для совѣщанія съ вліятельными лицами здѣшнихъ старообрядческихъ обществъ по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, достаточно приготовившись къ этимъ совѣщаніямъ, запасшись необходимыми для того матеріалами. Въ началѣ 1842 года они пріѣхали въ Москву. Здѣсь, между прихожанами Рогожскаго кладбища, какъ мы видѣли, еще въ 1832 году образовалась сильная партія, во главѣ которой находились богатые купцы Рахмановы, расположенная въ пользу учрежденія старообрядческой архіерейской каѳедры, рѣшительно заявившая объ этомъ на общемъ собраніи московскихъ и иногородныхъ поповцевъ, бывшемъ тогда на Рогожскомъ кладбищѣ. Если Громовъ, приступая къ осуществленію мысли о раскольническомъ архіерействѣ, устранилъ эту партію отъ участія въ своемъ предпріятіи, то это сдѣлано было только на первое время, когда для успѣховъ предпріятія требовалось сохранять его въ величайшей тайнѣ, и сдѣлано было въ видахъ именно

¹⁾ Особое „предложеніе московскому обществу“ (Сборникъ о. Онуфрія).

удобнѣйшаго сохраненія тайны; но и самъ Громовъ очень рассчитывалъ на поддержку московскихъ ревнителей старообрядческаго архіерейства впоследствии, когда предпріятіе приведено будетъ въ исполненіе, или будетъ близко къ исполненію. Съ своей стороны рахмановская партія, не смотря на испытанныя въ 1832 году неудачи и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, не охлаждѣвала къ мысли объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи, тѣмъ болѣе, что „оскуденіе бѣгствующаго священства“ съ теченіемъ времени давало себя чувствовать сильнѣе и сильнѣе на Рогожскомъ кладбищѣ. Когда въ Москву стали приходять извѣстія о томъ, что Павелъ и Геронтій по порученію Громова затѣли въ Вѣлой-Криницѣ, московскіе ревнители старообрядческаго архіерейства отнеслись къ этимъ извѣстіямъ съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, а по смерти Громова изъявили готовность принять въ ихъ дѣлѣ и ближайшее участіе, особенно же самый горячій изъ этихъ ревнителей—Федоръ Рахмановъ, по своему тщеславію давно искавшій возможности стать во главѣ подобнаго предпріятія. Поэтому Павла и Алимпія, пріѣхавшихъ въ Москву съ подробными вѣстями и объясненіями по дѣлу объ учрежденіи архіерейской кафедры въ Вѣлокриницкомъ монастырѣ, приняли здѣсь очень радушно и внимательно. По случаю ихъ пріѣзда Рахмановы опять устроили на Рогожскомъ кладбищѣ собранія для разсужденій о неотложной надобности—устроить за границей старообрядческую епископію и для сего воспользоваться начатымъ въ Вѣлой-Криницѣ предпріятіемъ, И теперь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, между прихожанами Рогожскаго кладбища явились противники старообрядческаго архіерейства, видѣвшіе въ немъ ненужное и небезопасное нововведеніе. Всѣхъ больше ораторствовалъ на эту тему, имѣвшій не малую извѣстность въ московскомъ старообрядческомъ обществѣ, дворникъ изъ Рогожской Иванъ Александровъ Гусевъ. Это былъ человѣкъ довольно начитанный и умный, но до изувѣрства преданный расколу, даже проповѣдывавшій безпоповское ученіе о мысленномъ антихристѣ; онъ потому особенно возставалъ и противъ учрежденія полной старообрядческой

иерархія; съ епископомъ во главѣ, что почиталъ это дѣломъ невозможнымъ во времена антихристовъ господства. Но голоса претивъ старообрядческаго архіерейства и разглагольствія самого Гусева теперь уже не могли имѣть большой силы въ виду почти совершившагося факта, — въ виду того, что подана уже австрійскому правительству официальнымъ порядкомъ просьба о дозволеніи устроить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческую архіерейскую каѳедру и имѣется надежда на скорое и полное удовлетвореніе этой просьбы. Согласно желанію Рахмановыхъ было рѣшено, что учрежденіе старообрядческой архіерейской каѳедры за границей, по требованію настоящаго гонительнаго времени, есть дѣло необходимо нужное, что предпріятіе—устроить такую каѳедру въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ заслуживаетъ полнаго одобренія и нужно помогать ему всѣми способами; а относительно того, какъ именно устроить каѳедру, всѣ предначертанія, изложенныя въ *уставѣ*, въ известной статьѣ „о водвореніи епископа“, были вполнѣ одобрены; равнымъ образомъ и соображенія, раскрытыя въ въ *посланіи* и добавочныхъ къ нему статьяхъ были признаны въ главномъ ихъ содержаніи вполнѣ разумными: всѣ согласились, что прежде всего надлежитъ позаботиться найти епископа изъ „древлеправославныхъ“, а въ томъ случаѣ, если по тщательномъ изысканіи таковой не обряцется, можно принять и изъ сущихъ въ ереси. Но какимъ чиномъ надлежитъ принять его, — объ этомъ, какъ и опасался Павелъ, возникли прекословія. Съ его мнѣніемъ, что епископа нужно будетъ принять непременно третьимъ чиномъ, будь онъ даже изъ числа еретиковъ, подлежащихъ второму чину, согласились только весьма немногіе изъ членовъ Рогожскаго общества, только лица довольно свободнаго (для раскольниковъ) образа мыслей и особенные почитатели Павла; большинство же рогожскихъ учителей, какъ достойные потомки тѣхъ ревнителей перемазанства, которые на соборѣ 1779 такъ яростно ополчились на стародубцевъ дяконова согласія, защищавшихъ пріятіе священниковъ по третьему чину, безъ мѣропомазанія, — большинство рогожцевъ рѣшительно высказалось претивъ павлова предложенія. Осно:

ываясь, именно на примѣрѣ предковъ, завѣщавшихъ принимать бѣгствующихъ священниковъ (а слѣдственно и епископовъ) подѣ мѣропомазаніе, они говорили: „если ннѣ попустится по третьему чину принять епископа, то уничтожится наше древлеблагочестивое, доннѣ неизмѣнно влекущееся священство, и будетъ иное, новое и неблагочестивое“. Многіе при этомъ высказывали и то еще мнѣніе, что въ настоящее многоплачевное время еретиковъ третьаго чина уже вовсе не имѣется, что изъ существующихъ нынѣ инославныхъ религій, даже содержація трехпогружательное крещеніе, соотвѣтствуютъ еретикамъ втораго чина и приходящіе отъ оныхъ могутъ быть принимаемы только подѣ мѣропомазаніе. И такимъ образомъ „на совѣтѣ, на которомъ разсматриваемо было о епископѣ предложеніе, какъ свидѣтельствуется самъ Павелъ¹⁾, члены московскаго благочестиваго общества заключили: если невозможно будетъ отыскать совершенно-благочестиваго епископа, то одно остается средство, что отъ инославныхъ религій, въ коихъ имѣется трехпогружательное крещеніе, можно принять епископа, но не иначе, какъ только подѣ мѣропомазаніе“. Для Павла это противорѣчіе его мнѣнію, оказанное рогожскими богословами, было крайне неприятно, и потому, что этимъ оскорблялось его самолюбіе, такъ какъ онъ былъ человѣкъ увѣренный въ непогрѣшимости своихъ мнѣній и возраженія вообще принималъ не равнодушно, и еще больше потому, что въ этомъ настойчивомъ требованіи „благочестиваго московскаго общества“ — совершить надѣ будущимъ епископомъ пріятіе по второму чину видѣлъ онъ сѣмя немалыхъ затрудненій въ будущемъ, когда нужно будетъ приступить къ дѣйствительному чинопріятію обрѣтеннаго епископа. Поэтому онъ рѣшился даже сдѣлать попытку нѣмнѣнить состоявшееся на рогожскомъ совѣтѣ постановленіе, — составилъ и представилъ письменное противъ него возраженіе, которое, по обычаю раскольниковъ, изложилъ въ формѣ вопросовъ.²⁾ Здѣсь онъ требовалъ отъ московскихъ учи-

¹⁾ Въ особомъ Предложеніи московскому обществу.

²⁾ Это и есть упомянутое выше особое „Предложеніе московскому обществу:“ подѣ нимъ подписались и Павелъ и Алимпій. (Сборникъ о. Онуерія).

Проксх. В. іер.

телей дать ему „не голословное, но отъ божественныхъ писаній отвѣтственное совосписаніе“, почему они находятъ невозможнымъ въ настоящее время пріятіе отъ ереси приходящихъ священныхъ лицъ по третьему чину. Имѣя въ виду особенно выраженную нѣкоторыми странную, по его понятіямъ, мысль, что въ настоящее время есть только еретики перваго и втораго чина, онъ писалъ между прочимъ: „вы полагаете только *безсловесное* отрицаніе, что якобы третьему чину подлежащихъ еретиковъ нынѣ нигдѣ обрѣсти не возможно, тогда какъ никто изъ благоразумныхъ, въ противность всемогущему Божію промыслу, не можетъ отрицать въ пріобрѣтеніи и самаго настояще-благочестиваго епископа, и уже кажется никто не отважится дерзнуть рещи, дабы всюду могъ провидѣть больше пророка Илиі, когда и той въ своемъ Израилѣ не увѣдалъ седми тысящъ мужей истинно Богу вѣрующихъ! Или вы по какой другой причинѣ отрицаете нынѣ быти третьему чину подлежащихъ еретиковъ? — въ томъ не оставьте и насъ, Господа ради, вашимъ основательнымъ соотвѣтствіемъ....“ Предлагая свои вопросы на рѣшеніе московскимъ учителямъ, Павелъ просилъ ихъ руководиться при этомъ не желаніемъ „точію побѣды одолѣнія“, но стремиться къ тому, чтобы „духомъ кротости и единомушною о Христѣ любовію согласовать съ обѣихъ сторонъ къ единой истинѣ, якоже и обычай есть православнымъ, по трудномъ разслѣдованіи избобрѣтшимъ истину и познавшимъ волю Божію, яко голубямъ лобзаться и присно о Господѣ радоваться“ Изъ всего содержанія вопросовъ и изъ самаго тона, въ какомъ они изложены, нельзя однакоже не примѣтить, что самъ Павелъ искалъ именно „побѣды — одолѣнія“, въ полной увѣренности, что съ противной стороны „основательнаго соотвѣтствія“ на его возраженія послѣдовать не можетъ. И отвѣта дѣйствительно не послѣдовало, ибо „не голословно, а отъ божественныхъ писаній“ отвѣтить на вопросы Павла никто изъ членовъ „благочестиваго московскаго общества“ былъ не въ состояніи. При всемъ томъ однакоже окончательнаго рѣшенія по вопросу о чинопріятіи будущаго епископа на Рогожскомъ кладбищѣ постановлено теперь не было; а признали удоб-

нѣйшимъ дожидаться того времени, когда обрѣтено будетъ самое лицо, подлежащее чинопріятію, и тогда, соображаясь съ обстоятельствами, рѣшить вопросъ сей *общесоборнымъ разсужденіемъ*, какъ предлагалъ и самъ Павелъ. Противъ этого Павелъ не нашелъ нужнымъ дѣлать еще возраженія, въ томъ упованіи, что быть можетъ впоследствии самыя обстоятельства дѣйствительно укажутъ способъ, какъ рѣшить къ общему удовольствію вопросъ, возбуждавшій теперь недоумѣнія и разногласія, которыя однакоже оставили въ душѣ его горькое чувство недовольства и опасеній за будущее.

За то по другому вопросу — относительно средствъ на приведеніе Бѣлокриницкаго монастыря въ надлежащее устройство и на обезпеченіе будущей епископіи, въ собраніи прихожанъ Рогожскаго кладбища послѣдовало рѣшеніе, вполне согласное желаніямъ и ожиданіямъ Павла. Одобривъ самое предпріятіе — учредить въ Бѣлсѣ-Криницѣ старообрядческую архіерейскую каѳедру и постановивъ содѣйствовать осуществленію этого предпріятія, они имѣли въ виду главнымъ образомъ содѣйствіе именно матеріальными средствами. Еще въ 1832 году, по предложенію Федора Рахманова, отъ лицъ сочувствовавшихъ его тогдашнимъ замысламъ о раскольническомъ архіерействѣ былъ сдѣланъ по подпискѣ денежный сборъ на необходимые расходы по сему дѣлу, и подписная сумма простиралась, какъ говорили, до 2.000.000 руб. по тогдашнему, на ассигнаціи: этотъ капиталъ и рѣшено было теперь, согласно его первоначальному назначенію, употреблять по мѣрѣ надобности на расходы, какихъ потребуютъ учрежденіе архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и обезпеченіе ея существованія въ будущемъ. Кромѣ того Рахмановы, теперь имѣвшіе полное право считать себя состоящими во главѣ предпріятія, изъявили готовность жертвовать своими собственными капиталами на „великое и спасительное дѣло возстановленія древлеправославной іерархіи въ полномъ ея чинѣ“. Вообще же, Павлу и Алимпію было объявлено, чтобы они только постарались привести къ благополучному окончанію свои хлопоты предъ австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи

устроить въ Бѣлой-Криницѣ епископскую кафедру, а затѣмъ средства на устройство и обезпеченіе оной будутъ имъ доставлены въ изобиліи. При этомъ Павелъ и Алимпій не забыли испросить у „благочестиваго московскаго общества“ пособие и на первоначальные хлопоты о епископѣ, также на текущіе необходимые монастырскіе расходы.¹⁾

Изъ Москвы они съѣздили въ Петербургъ повидаться и посоветоваться съ здѣшними благотворителями. Изъ этихъ благотворителей съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся къ ихъ предпріятію богатый купецъ Я. М. Волковъ (пуговошникъ): онъ обѣщался не только жертвовать изъ своихъ капиталовъ на учрежденіе архіерейской кафедры, но, въ случаѣ успѣшнаго окончанія дѣла, даже переселиться на жителство въ Бѣлокриницкій монастырь.

Окончивъ необходимые переговоры и совѣщанія съ російскими старообрядцами, Павелъ и Алимпій отправились изъ Россіи обратно въ свою Бѣлокриницкую обитель, гдѣ надѣялись скоро получить отъ правительства благопріятный отвѣтъ на просьбу о епископѣ, съ утвержденіемъ, поданнаго въ дополненіе къ просьбѣ, монастырскаго устава, и затѣмъ приступить къ исканію потребнаго имъ епископа. Читателямъ извѣстно уже, какъ обманулись они въ этой надеждѣ: около трехъ лѣтъ пришлось имъ вести упорную и опасную борьбу противъ губернскаго начальства, признавшаго учрежденіе архіерейской кафедры у буковинскихъ липованъ и самое существованіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ незаконными и непозволительными. О ходѣ этой трудной борьбы съ „соперниками“, особенно же о побѣдахъ, какія удавалось надъ ними одерживать, Бѣлокриницкій монастырь неопустительно извѣщалъ московскихъ и петербургскихъ своихъ благотворителей и прочихъ „радѣтелей“ за-

¹⁾ Павелъ писалъ изъ Петербурга къ Геронтію въ Бѣлую-Криницу отъ 14 апрѣля 1842 года: по отъѣздѣ нашемъ (изъ Москвы) обѣщались вскорѣ къ намъ въ монастырь послать деньги изъ конторы Рогожнаго владѣльца, и Василій Григорьевичъ (Рахмановъ, двоюродный братъ Федора) принялъ сіе дѣло на себя.

граничнаго архіерейства, частію посредствомъ посланій,¹⁾ частію чрезъ нарочно посылаемыхъ довѣренныхъ людей. Но вотъ и борьба съ „соперниками“ кончилась полнымъ торжествомъ липованскихъ ходатаевъ: именнымъ императорскимъ декретомъ позволено имъ привезти изъ-за границы епископа на постоянное жительство въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, съ правомъ поставлять себѣ преемника и посвящать липованскихъ иноковъ въ священныя степени. Пришло время отправиться и въ давно желаемое странствіе, а вмѣстѣ потребовать отъ московскихъ и вообще російскихъ „благотворителей“ обѣщанныхъ на учрежденіе архіерейской каѳедры пожертвованій. Съѣздить для этого въ Россію теперь рѣшился самъ настоятель инокъ Геронтій; а Павелъ и Алимпій отправились въ Вѣну хлопотать о полученіи заграничнаго паспорта, или, какъ выражается одинъ изъ раскольническихъ повѣствователей, „отрытаго листа на путешествіе во всю подсолнечную, куда ихъ надобность позоветъ.“²⁾

Геронтій пріѣхалъ въ Москву въ декабрѣ 1844 года. Здѣсь нашелъ онъ дѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ ихъ оставили Павелъ и Алимпій около трехъ лѣтъ тому назадъ. Лица, принадлежавшія къ партіи Гусева, которыхъ въ насмѣшку нѣкоторые называли „гуситами,“ попрежнему смотрѣли весьма недовѣрчиво на бѣлокриницкую затѣю, и даже расказами Геронтія о достигнутыхъ въ Вѣнѣ успѣхахъ вовсе не умилялись; за то и Рахмановы съ своей партіей ни мало не охладѣли къ мысли объ учрежденіи заграничной іерархіи, и потому привезенныя Геронтіемъ извѣстія о благополучномъ окончаніи долгихъ хлопотъ предъ австрійскимъ правительствомъ были привѣтствованы въ ихъ кругу живѣйшею радостію, Относительно матеріальнаго обезпеченія будущей архіерейской каѳедры, къ полному удовольствію Геронтія, рогожское общество, подъ вліяніемъ Рахмановыхъ, постановило — на содержаніе каѳедры давать не менѣе

¹⁾ Этими письмами къ благотворителямъ, между прочимъ, мы и пользовались въ изложеніи описанныхъ выше событій.

²⁾ Геронт. *Памятникъ*.

24,000 р. въ годъ, по 12.000 въ каждое полугодіе, и кромѣ того общало неограниченный кредитъ на первоначальные расходы по дѣлу объ учрежденіи каеодры. Здѣсь прежде всего имѣлись въ виду расходы на путешествіе въ разныя страны подсолнечной для отысканія и приобрѣтенія епископа, также на приведеніе Бѣлокриницкаго монастыря въ устройство приличное мѣстопребыванію липованскаго епископа. На первое время, согласно предположенію Геронтія, считалось достаточнымъ исправить существующія въ монастырѣ зданія—часовню передѣлать въ церковь, кельи обновить и вновь построить для епископа небольшое помѣщеніе; но это на первое только время,—а затѣмъ Рахмановы намѣрены были обратить Бѣлокриницкій монастырь въ нѣкое подобіе лавры, сообщить ему благолѣпіе, подобающее мѣстопребыванію владыки всѣхъ „древлеправославныхъ христіанъ“, и прежде всего три главные жертвователя изъ этаго семейства—Федоръ и Василій Рахмановы и близкая ихъ родственница Марья Симонова предположили построить обширное зданіе для епископскихъ и братскихъ келій, съ большою посрединѣ домовою церковію о трехъ престолахъ, во имя святыхъ *Феодора, Василя и Маріи*: на построеніе этаго зданія они ассигновали сумму въ 200.000 р. Во время пребыванія Геронтія въ Москвѣ составленъ былъ однимъ изъ лучшихъ архитекторовъ подробный планъ всего зданія и врученъ Геронтію съ значительною суммой на первоначальныя работы по постройкѣ. Тогда же были выданы ему деньги и на прочіе необходимые расходы. Кромѣ того Геронтій собралъ въ Москвѣ не малое количество разныхъ церковныхъ принадлежностей и утварей, приобрѣлъ и архіерейскія облаченія. Сбору этихъ пожертвованій для будущей старообрядческой епископіи много содѣйствовала настоятельница одной изъ рогожскихъ обителей, мать Александра, скоро заявившая себя сторонницей заграничной іерархіи¹⁾ Изъ Москвы Геронтій ѣздилъ также въ Петербургъ, гдѣ видѣлся съ Волковымъ и получилъ отъ него полномочіе строить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ на соб-

¹⁾ *Записки о. Онуфрія.*

ственный его счет каменный братский корпусъ, на который ассигнована имъ сумма въ 10.000 рублей серебромъ. Изъ Петербурга Геронтій заѣзжалъ опять въ Москву, откуда потомъ и отъправился въ обратный путь съ обильнымъ запасомъ денегъ и разныхъ вещей.¹⁾

Между тѣмъ Павелъ и Алимпій получили въ Вѣнѣ заграничные паспорта для путешествія во всѣ страны подсолнечной и успѣли совершить странствіе—ради приобрѣтенія „древлеправославныхъ“ епископовъ. Это первое ихъ

¹⁾ Въ показаніи, которое Геронтій далъ на первомъ допросѣ послѣ того, какъ былъ арестованъ, и которое вообще не отличается правдивостью, о побѣдѣ своей въ Россію въ концѣ 1844 г. онъ писалъ: „Съ совѣта воля нашихъ обществъ вознамѣрились возвѣстять въ сосѣдственныхъ державахъ старовѣрамъ нашего единенія, а наиболѣе въ Россіи, о благоволенія монаршей милости намъ въ духовенствѣ, дабы они также прибыли съ моленіемъ къ своему императору осчастливить ихъ таковыми же даромъ, дозволить имъ отъ насъ заимствоваться духовенствомъ на основаніи нашихъ правилъ. Итакъ я въ 1844 году отъправился въ Россію; въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ объяснялъ я сіе конторщику, покойному Синицыну, который, принявъ сіе въ противную сторону, считалъ за какой-то обманъ и прочихъ развращалъ, что не можетъ тому быть, а мало вѣки признавали законнымъ дѣломъ, ежели совершится. Потомъ я и въ Петербургъ отъправленъ съ тѣмъ же предлогомъ, но къ несчастному случаю поспѣлъ: въ то самое время молитвенный домъ ихъ по Высочайшей волѣ прекращенъ (Здѣсь разумѣется, вѣроятно, указъ отъ 21 марта 1844, которымъ предписывалось закрыть существовавшую въ домѣ купца Громова моленную). Мнѣ въ своемъ предметъ и уста отверзать тогда невозможно было. Итакъ я въ скорости пакъ возвратился въ Москву; и пробылъ я тогда въ Москвѣ мѣсяцевъ до шести; покупалъ иконы и книги, а нѣмцы такъ пожертвованы.“ (Чт. въ общ. Ист. и др. стр. 147—148). О несочувствіи россійскихъ старообрядцевъ бѣлокриницкому предпріятію Геронтій писалъ, очевидно, съ цѣлію выгородить петербургское и московское старообрядческія общества отъ отвѣтственности за участіе въ учрежденіи заграничной раскольниковской іерархіи. О пріѣздѣ Геронтія въ Петербургъ въ 1844 г. упоминаетъ и Ираклій въ своемъ показаніи: „Здѣсь въ Петербургѣ, въ послѣдній годъ здышней моленной, я опять увидѣлъ Геронтія: онъ былъ уже инокомъ австрійскаго Бѣлокриницкаго монастыря, прихаживалъ въ моленную для моленія. Съ кѣмъ былъ болѣе здѣсь въ связи, мнѣ не извѣстно; но онъ всегда хвалилъ Австрію и за это я съ нимъ поспорилъ. Онъ говорилъ, что уже послали за митрополитомъ; за чѣмъ онъ именно пріѣзжалъ я не знаю, но конечно за деньгами.“ (Тамъ же, стр. 188)

путешествіе служило только предварительнымъ опытомъ странствія съ этою цѣлю, только приготовленіемъ къ главному. По плану инока Павла, какъ мы видѣли, главною цѣлю, куда слѣдовало направить разысканія, должныствовали служить Ливанскія горы; „а между тѣмъ предполагалось собрать обстоятельныя свѣдѣнія и въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ—славянскія племена, кои въ древніе вѣки приняли христіанскую вѣру отъ Свв. учителей Кирилла и Меодія, иже обитаютъ около Черной Горы, въ Сербіи, и въ островѣ Корфѣ“. ¹⁾ Прежде путешествія въ Ливанскія горы, Павелъ и Алимпій теперь странствовали именно по славянскимъ землямъ, чтобы собрать точныя свѣдѣнія, не обрѣтаются ли въ сихъ земляхъ епископы, соблюдающіе „древнее благочестіе, никоновскими новопремѣненіями не поврежденное.“

Изъ Вѣны путь свой они направили въ Славонію, Далмацію и въ Черную Гору. Надежда обрѣсти въ этихъ странахъ епископа, по раскольническимъ понятіямъ, древле-православнаго, само собою разумѣется, не оправдалась: повсюду они видѣли тѣ же самые обряды, которые якобы введены въ употребленіе только отъ лѣтъ Никона патріарха, что и служило для инока Павла несомнѣннымъ доказательствомъ поврежденія въ вѣрѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, отъ святыхъ Кирилла и Меодія просвѣщеніе пріившихъ. Съ этимъ понятіемъ о современномъ положеніи православія въ славянскихъ земляхъ не могъ онъ только помирить слышаннаго имъ въ Черной Горѣ о недавно открытыхъ нетлѣнныхъ мощахъ черногорскаго владыки Петра (скончавшагося 18-го октября 1830 года), такъ какъ явленіе

¹⁾ „Предлож. московск. старообряд. обществу“. Тотъ же планъ излагалъ и Алимпій въ одномъ письмѣ своемъ къ крыловскимъ родственникамъ: „Предстоитъ напередъ обратиться къ тѣмъ племенамъ словенскимъ, обитающимъ около Черной Горы, кои прежде приняли вѣру отъ Свв. учителей Кирилла и Меодія, и на островѣ Корфу, гдѣ мощи Спиридона Триглавскаго; нужно видѣть и островъ Кипръ; а главный предметъ — на Бѣлоглавѣи Ливанѣ, то-есть въ Ливанскія горы, но даже и во всея концы свѣта, гдѣ только могли бы отыскать желаемый нами предметъ“. (Пис. отъ 27-го іюня 1842.)

ихъ должно было служить видимымъ знаменіемъ, что благо дати Божіей церковь черногорская не лишилась и по сіе время, хотя приняла и троеперстіе, и трегубую аллилуію, и прочія „новопремѣненія.“ По раскольниковому обычаю. Павелъ и Алимпій, разуивъется, питали сомнѣніе относительно дѣйствительнаго нетлѣнія мощей владыки Петра, напѣ и вообще относительно подлинности новоявленныхъ мощей въ церкви православной, и этимъ въ другое время могли бы вполне успокоить себя; но теперь у нихъ возникло желаніе собственнымъ ближайшимъ изслѣдованіемъ удостовѣриться — ужели одинъ изъ послѣднихъ черногорскихъ святителей и въ самомъ дѣлѣ прославленъ отъ Бога нетлѣніемъ? Ничто, конечно, не убѣдило бы Павла съ Алимпіемъ въ той очевидной истинѣ, что и троеперстіе, и двуперстіе, и вообще тѣ или другіе обряды сами по себѣ повредить вѣру и благочестіе въ церкви не могутъ, и что именно церковь православная, какъ свидѣлствуютъ самыя знаменія дѣйствующей въ ней благодати, сохранила и вѣру, и благочестіе неповрежденными; но самоличное видѣніе такихъ знаменій въ той или другой частной церкви для нихъ было важно теперь какъ доказательство, что отъ такой церкви епископъ можетъ быть *принятъ* безъ всякаго сумнѣнія. И вотъ Павелъ и Алимпій всѣми способами стали добиваться возможности лично освидѣтельствовать нетлѣніе мощей владыки Петра. Давши, кому слѣдуетъ, сребренники довольны, ночью вошли они, какъ тати, въ церковь, гдѣ почиваютъ св. мощи; но въ то время, когда подошли къ гробу святителя, послышался какой-то шумъ въ церкви, и въ страхѣ они бѣжали вонъ. Алимпій, при всей своей отважности, до того смутился, что повторить опытъ былъ уже не въ силахъ, какъ ни убѣждалъ его Павелъ; этотъ же послѣдній, болѣе твердый и настойчивый въ своихъ рѣшеніяхъ, прокрался въ церковь и слѣдующей ночью: та же святотатственная рука, чтó приняла липованскіе сребренники, дерзнула приподнять одежды нетлѣнно почивающаго святителя, чтобы показать обнаженныя части мощей. Впослѣдствіи Павелъ не скрываясь говорилъ, что въ дѣйствительномъ ихъ нетлѣніи сомнѣваться невозможно;

но и видѣніе и осязаніе святыни не послужили на пользу липованскому Ѳомѣ, — онъ попрежнему остался невѣренъ, поставляя двуперстіе, сугубую аллилуію и пр. и пр. выше всѣхъ доказательствъ правой вѣры и истиннаго благочестія. Впрочемъ, Павелъ желалъ и дѣлалъ на всякій случай попытки займствоваться архіерействомъ именно отъ Черной Горы; но попытки эти кончились, разумѣется, полною неудачей, и искатели древлеправославнаго епископства принуждены были даже съ особенной поспѣшностью утѣкать изъ черногорскихъ предѣловъ¹⁾.

Отсюда они направили стопы въ княжество Сербское, и именно въ Бѣлградъ, гдѣ желали объясниться о своемъ дѣлѣ съ сербскимъ митрополитомъ. Митрополитъ принялъ ихъ любовно, выслушалъ ихъ, соблазновалъ ихъ долготному пребыванію безъ пастыря, и такъ какъ всей правды они ему не объяснили, то, почитая ихъ православно вѣрующими, изъявлялъ даже готовность поставить для нихъ епископа, при чемъ сожалѣлъ только о томъ, что князь сербскій находился въ отсутствіи, а безъ него исполнить такое дѣло, какъ поставленіе епископа для единовѣрныхъ и единоплеменныхъ жителей иностранной державы, находилъ неудобнымъ. Желая еще разъ обстоятельнѣе побесѣдовать объ ихъ дѣлѣ, онъ назначилъ имъ новое свиданіе и пригласилъ ихъ на трапезу. Но Павелъ и Алимпій, опасаясь разъясненія дѣла и могущихъ затѣмъ послѣдовать непріятностей, почли за лучшее уѣхать изъ Бѣлграда раньше назначеннаго для свиданія времени. Впослѣдствіи это внезапное прекращеніе сношеній съ сербскимъ митрополитомъ и преждевременный отъѣздъ свой изъ Бѣлграда они объясняли тѣмъ, что будто бы нашли въ Сербіи полнотелное крещеніе. Сербскою страной путешествіе искателей „древлеправославнаго“ архіерейства на этотъ разъ и

1) Надеждинъ, на основаніи собранныхъ имъ слуховъ, писалъ: „Черногорскій владыка велѣлъ даже будто бы выгнать ихъ (Павла и Алимпія) изъ своихъ владѣній съ нечестью и съ угрозою, что если они появятся опять, то имъ будутъ обрублены уши“. (Сбор. Кельсіева ч. I, стр. 108) Игуменъ Паросскій также увѣряетъ, что „изъ Черногоріи они едва убрались шивами и спаслись бѣгствомъ въ другую сторону“ (?). (Жн. о Црм., стр. 38).

кончилось¹⁾. Въ половинѣ апрѣля, къ празднику Пасхи, они возвратились въ Бѣлую-Криницу.

1) Свѣдѣнія объ этомъ путешествіи мы заимствовали изъ записокъ о. Онуфрія (рукоп.). Геронтіи, въ своемъ житіеватомъ *Памятничкѣ*, перечисляетъ тѣ же мѣста, посѣщенные на этотъ разъ Павломъ и Алимпіемъ: „Пустились въ принадлежащій свой путь, первоначально въ Моравію, начавъ любопытство свое отъ предгорія Черной Горы, пройдя въ Славонію, иже возгласомъ сладковѣщаныхъ своихъ глаголь, многія церкви обогати, таже въ Сербію, иже во святыхъ отца нашего Саввы архіепископа, сербской нивы дѣлателя, зрѣти посѣвы его святыхъ трудовъ“. Есть извѣстія, что Павелъ и Алимпій ѣздили тогда, кромѣ указанныхъ мѣстъ, еще въ Венецію къ проживавшему тамъ, бывшему далматинскому епископу, Венедикту Кралевичу; но извѣстія эти, сами по себѣ разнорѣчивыя и не подтверждаемыя такими знающими дѣло свидѣтелями, какъ Геронтіи, Онуфрій и др., не могутъ быть приняты съ полнымъ довѣріемъ. О сношеніяхъ раскольниковъ съ Венедиктомъ Кралевичемъ писалъ именно Надеждинъ. Въ *Русскомъ Архивѣ* за 1872 годъ (стр. 441—444) напечатана доставленная въ редакцію г-нѣ Мельниковымъ „собственноручная записка“ Надеждина, которую онъ, какъ объяснено въ примѣчаніи отъ редакціи *Рус. Архива*, писалъ въ 1845 году для представленія министру внутренннихъ дѣлъ. Въ ней говорилось: „по частнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною въ прошломъ году изъ Вѣны и Песта, между раскольниками живущими въ предѣлахъ Австрійской имперіи обнаружилось сильное желаніе имѣть своего собственнаго архіерея, для каковой цѣли обратились они къ епископу Венедикту Кралевичу, имѣющему пребываніе въ Венеціи, безъ епархіи, на жалованьи Австрійскаго правительства.“ Сообщивши затѣмъ довольно подробныя біографическія свѣдѣнія о Венедиктѣ Кралевичѣ, Надеждинъ продолжаетъ: „Судя по изложеннымъ здѣсь обстоятельствамъ и по личному наблюденію моему (въ 1841 году) надъ характеромъ этого старика, для котораго нѣтъ ничего священнаго, я не удивляюсь, что онъ, какъ извѣщаютъ мои корреспонденты, изъявилъ согласіе пойти къ нашимъ раскольникамъ, сдѣлавшимъ ему богатыя предложенія. Пишутъ, что само Австрійское правительство сначала вызвалось было снабдить его на новомъ постѣ всеми нужными пособіями къ устройству раскольничьей епископской кафедрѣ“ и проч. Но въ томъ же именно 1845 году Надеждинъ былъ опять за границей, гдѣ, по собственнымъ его словамъ, провелъ шесть мѣсяцевъ, разъѣзжая по мѣстамъ, заселеннымъ раскольниками (см. *Сбор. Кельс.* ч. 1, стр. 80), и по возвращеніи оттуда составилъ, на основаніи личныхъ наблюденій, а также и по сообщеніямъ своихъ вѣнскихъ и другихъ знакомыхъ и корреспондентовъ, съ которыми тамъ видѣлся, извѣстную статью „о заграничныхъ раскольникахъ“, гдѣ сообщаетъ о сношеніяхъ Павла и Алимпія съ Венедиктомъ Кралевичемъ уже не то, что говорится въ вышесказанной запискѣ, — именно здѣсь онъ не утверждаетъ уже, что Венедиктъ „изъявилъ согласіе пойти къ раскольникамъ“, а говоритъ только: „слухи есть, что они (Павелъ и Алимпій) осо-

Въ это время Геронтій былъ уже дома и приступилъ къ работамъ по приведенію монастыря въ приличный видъ. Прежде всего онъ озабоченъ былъ устройствомъ церкви, гдѣ могъ бы служить епископъ хотя въ первое время, такъ какъ въ монастырѣ существовала только небольшая часовня, устроенная еще Паисіемъ (Пареніемъ), и ветхая, изъ Тернавицкаго гѣса перенесенная изба, заступавшая мѣсто часовни въ зимнее время, а вмѣстѣ служившая и монастырскою трапезой. Ту и другую Геронтій старался привести въ сколько нибудь приличный видъ, — а первую притомъ обратить именно въ церковь. Для этого цдскій потолокъ былъ замѣненъ полукруглымъ сводомъ, надъ которымъ поставили глухой (фальшивый) куполь; стѣны изнутри заново покрашены; иконостасъ уставленъ привезенными изъ Москвы иконами, а съ восточной стороны была придѣлана для алтаря новая пристройка, также съ куполомъ. Предвидя всѣ затрудненія, какія пришлось бы встрѣтить при освященіи церкви, Геронтій и Павелъ нашли удобнѣйшимъ поставить въ алтарѣ подвижной престолъ съ „древлеосвященнымъ“ антиминсомъ. Такой именно престолъ Геронтію удалось приобрести, во время послѣдней поѣздки его въ Россію, въ городѣ Торжкѣ, у старообрядцевъ Мельниковыхъ, которые ради учреждаемой „древлеправославной“ епископіи

бенно рассчитывали на Венецію, гдѣ проживаетъ Кралевичъ... но дѣло и съ нимъ *не сладилось*, безъ сомнѣнія потому, что старикъ не имѣетъ никакихъ выгодъ промѣнять великолѣпную, блестящую Венецію, на какую-нибудь блѣдоориницкую трущобу“ (Тамъ же стр. 108). — т.-е. дѣло не сладилось потому, что Вenedиктъ самъ *не изъявилъ* согласія пойти къ раскольникамъ. Такое разворѣчье передаваемыхъ Надеждинымъ извѣстій о поѣздкѣ Павла и Алиппія въ Венецію и переговорахъ съ Вenedиктомъ Кралевичемъ, — извѣстій, которыя притомъ основаны только на *слухахъ*, не внушаетъ къ нимъ довѣрія (Болѣе подробныя замѣчанія о „запискѣ“ Надеждина мы изложили въ статьѣ, напечатанной во 2 кн. *Русск. Вѣстника* за 1872 годъ). Изъ лицъ же, близко знавшихъ дѣло, Геронтій, исчисляя мѣста, посѣщенные Павломъ и Алиппіемъ, совсѣмъ не упоминаетъ о Венеціи, а отецъ Онуфрій положительно утверждаетъ, что въ Венеціи Павелъ и Алиппій не были въ 1845 году и никакихъ сношеній съ Вenedиктомъ Кралевичемъ не имѣли; кромѣ того о. Филаретъ въ своихъ *замѣткахъ* говоритъ, что *первый разъ* Алиппій былъ въ Венеціи въ 1861 году, вмѣстѣ съ нимъ — Филаретомъ и о. Сергіемъ.

охотно пожертвовали настоятелю Бѣлокриницкой обители хранившуюся у нихъ драгоцѣнность: этотъ престолъ и былъ поставленъ въ алтарной пристройкѣ бывшей часовни, которая такимъ образомъ превращена въ церковь и стала называться храмомъ Покрова Пресвятыя Богородицы.

Съ заботами о церкви соединялась другая—о приобрѣтеніи бѣлаго попа, который совершалъ бы въ ней службу и, что всего важнѣе, могъ бы принять будущаго епископа, если потребуется подвергнуть его чинопріятію. Когда началось дѣло объ учрежденіи архіерейской кафедры въ Бѣлой-Криницѣ, во всѣхъ липованскихъ селеніяхъ не было ни одного священника, и съ того самаго времени Павелъ и Геронтіи постоянно наводили справки, нѣтъ ли гдѣ-нибудь подходящаго попа. Найти его было очень трудно при тогдашнемъ оскудѣніи бѣгствующаго священства. Только въ половинѣ 1844 года, когда явилась уже крайняя нужда имѣть какого бы то ни было священника, бѣлокриницкимъ властямъ удалось наконецъ разжиться и попомъ: это былъ священноинокъ Іеронимъ, — лицо, которому принадлежитъ въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи первостепенное мѣсто, не по личнымъ его качествамъ, весьма непривлекательнымъ, и не по какому-нибудь вліянію на ходъ событій въ старообрядчествѣ, въ чему не имѣлъ онъ ни способности, ни возможности, а единственно потому, что привелось ему быть какъ выражаются старообрядцы, „преподателемъ совершительной благодати“ первому раскольническому епископу, а чрезъ него и всѣмъ потомъ бывшимъ и до нынѣ существующимъ архіереямъ раскольническимъ и въ Россіи и за границей.

Сей пресловутый священноинокъ Іеронимъ, въ мірѣ Иванъ Розановъ, былъ родомъ изъ Москвы, принадлежалъ къ московскому мѣщанскому обществу. Начало иночества положилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, — томъ самомъ, имя котораго неразрывно связано съ именемъ патріарха Никола: здѣсь, при гробѣ знаменитаго и столь ненавистнаго раскольникамъ патріарха, постригся онъ въ иноки и нѣсколько времени служилъ въ санѣ священника, даже проходилъ должность ризничаго. Изъ Воскресенскаго монастыря, по приглашенію нѣкоего благопріятеля, переселился въ Одессу

и тамъ запутался въ какое-то криминальное дѣло, грозившее ему большими неприятностями, такъ что и жить въ Одессѣ было уже не безопасно. Въ этихъ крайне-затруднительныхъ обстоятельствахъ нашелъ его раскольническій инокъ Паисій, одинъ изъ самыхъ опытныхъ ловителей „бѣгствующаго священства“, бродившій по русскимъ монастырямъ и весля съ тою именно цѣлю, чтобы высматривать, нѣтъ-ли гдѣ священника, котораго можно было бы увлечь въ расколъ, воспользовавшись затруднительностію его положенія въ церкви. Иерониму Паисій предложилъ, какъ единственное средство спастись отъ бѣды, переходъ за границу къ старообрядцамъ, обѣщая тамъ полную безопасность и всевозможныя удобства жизни. Иеронимъ соблазнился этимъ предложеніемъ, отдалъ себя въ распоряженіе Паисіа, и тотъ привезъ его прямо въ Бѣлую Криницу. ¹⁾ Это было лѣтомъ 1843 года. Однакоже бѣлокриницкіе липоване, не смотря на то, что въ священникѣ имѣли крайнюю нужду, принять Иеронима на этотъ разъ не согласились, такъ какъ онъ не имѣлъ при себѣ ни ставленной грамоты, ни иныхъ документовъ, удостовѣряющихъ дѣйствительность его сана, кромѣ одной записки одесскаго братскаго духовника, въ которой говорилось, что „бывшій ризничій Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, іеромонахъ Иеронимъ исповѣдывался и удостоился въ литургіисаніи причаститься Святыхъ Таинъ“; ²⁾ притомъ же въ Бѣлой-Криницѣ

1) *Записки о. Онуерія. Свѣдѣнія объ Иеронимѣ, разумѣется, не вполне вѣрныя, сообщаются еще въ раскольнической рукописи: Краткое описаніе обѣ австрійскихъ христіанскихъ (Рукоп. М. Д. Академіи).* Здѣсь изложенныя сейчасъ обстоятельства изъ жизни Иеронима передаются такъ: „Иеронимъ, природный бывшій московскій купецъ, поступилъ въ Воскресенскій монастырь, именуемый Новый Іерусалимъ, гдѣ и былъ постриженъ въ иночество и поставленъ по степенямъ духовнымъ въ священноинока въ Москвѣ отъ митрополита Филарета. По случаю былъ изъ Адеста архимандритъ въ Новомъ Іерусалимѣ и убѣдилъ его ѣхать съ нимъ въ Адестъ въ монастырь. И по прибытіи въ Адестъ, познакомились наши (!) христіане съ нимъ, чрезъ разговоры о вѣрѣ убѣдили его поступить въ наше (!) православіе“, и т. д.

2) Записка эта сохранилась въ *Бѣлокр. арх.* Она выдана Иерониму въ 1841 году, декабря 4 го дня, и подписана братскимъ духовникомъ іеромонахомъ Клеопомъ.

некому было и „переправить“ Иеронима, то-есть совершить надъ нимъ чинопріятіе. Ему предложили отправиться въ Молдавію, гдѣ находился единственный тогда для всѣхъ заграничныхъ старообрядцевъ попъ Алексѣй. съ тѣмъ, что если этотъ послѣдній приметъ Иеронима, исправивъ надлежащимъ образомъ, тогда и въ Вѣлой-Криницѣ принять его будутъ согласны. Иерониму пришлось такимъ образомъ ѣхать за исправой въ Молдавію, къ мануилловскому попу Алексѣю.

Этотъ попъ Алексѣй лицо не менѣе значительное для исторіи Вѣлокриницкой іерархіи, какъ и самъ Иеронимъ, такъ какъ отъ него Иеронимъ получилъ ту „совершенствою благодать“, которую въ свою очередь преподавалъ первому липованскому архіерею: попъ Алексѣй можетъ быть названъ поэтому первымъ родоначальникомъ нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи. Алексѣй Егоровъ Булгаковъ ¹⁾ принадлежалъ къ духовному званію; воспитаніе получилъ въ курской семинаріи, и по окончаніи курса, какъ самъ выражается, „съ титуломъ воспитанника богословскаго отдѣленія“, то-есть по второму разряду, а не съ званіемъ „студента богословія“, произведенъ въ курской епархіи во священника. Въ 1822 году, учинивъ какое то преступленіе, во избѣжаніе суда и наказанія, онъ ушелъ къ раскольникамъ въ Стародубье ²⁾, куда бѣжали въ то время многіе подобные ему, потерявшіе совѣсть священники, пользуясь изданнымъ тогда указомъ императора Александра I-го—не преслѣдовать такихъ бѣглецовъ и предоставить имъ свободу отправлять священническія требы у раскольниковъ, подѣ тѣмъ только условіемъ, чтобы веди для

¹⁾ Онъ подписывался иногда двумя фамиліями: *Булгаковъ* и *Землицевъ*. Ниже сообщаемыя свѣдѣнія о немъ заимствуются изъ собственнаго его письма въ Вѣлую-Криницу, къ Сергію и Филарету, писаннаго въ 1862 году *Бѣлокр. арх.*), также изъ *Замисокъ о. Онуерія*.

²⁾ Въ упомянутомъ письмѣ 1862 г. онъ говоритъ о себѣ, что въ „древле-православной вѣрѣ въ сану пресвитера состоятъ сорокъ лѣтъ“: слѣдовательно изъ православной въ глаголемую „древлеправославную“ вѣру онъ перешелъ именно въ 1822 году.

порядка метрических книги. Попъ Алексѣй явился первоначально въ Добрянку: здѣсь раскольники приняли его, по обычаю, вторымъ чиномъ. Изъ Добрянки онъ перешелъ въ посадъ Лужки, гдѣ образовалась около этого самаго времени особая (лужковская) секта, признавшая „дозволенныхъ“ поповъ незаконными и предписанное имъ веденіе метричь дѣломъ богопротивнымъ, и потому принявшая за правило и самихъ раскольническихъ поповъ принимать не иначе, какъ подвергая новой исправѣ¹⁾. Здѣсь и попъ Алексѣй былъ снова переправленъ и вторично произнесъ проклятiя не только на церковь православную, но и на всѣхъ старообрядцевъ, приѣмлющихъ отвергаемое лужковцами священство. Изъ Лужковъ наконецъ онъ ушелъ въ Мануиловку, къ молдавскимъ старообрядцамъ, которые не усумнились принять его, хотя вовсе не раздѣляли лужковскимъ мнѣній. Въ послѣднее время, при всеобщемъ оскудѣніи священства у старообрядцевъ, Алексѣй остался, какъ мы уже говорили, единственнымъ попомъ у заграничныхъ раскольниковъ и умѣлъ какъ нельзя лучше пользоваться своимъ положеніемъ, извлекая изъ него всевозможныя выгоды: онъ былъ дѣйствительно человѣкъ богатый, имѣлъ собственный домъ и большое хозяйство, — жилъ вообще въ полномъ довольствѣ.²⁾ Понятно, что онъ вовсе не хотѣлъ раздѣлять вы-

1) Первый такимъ образомъ принятый лужковцами попъ (Іоаннъ), за неимѣніемъ у нихъ ни единого священнаго лица, вопреки всѣмъ правиламъ, былъ принятъ въ сущемъ его санѣ мирянами, предъ которыми произносилъ проклятiе ересей, или, вѣрнѣе, самъ былъ и приходящій и приѣмлющій отъ ереси. См. *Историч. сказаніе о первоначальномъ раздѣленіи лужковцевъ съ древлеправославною церковью*, приложенное къ „Отвѣтамъ на вопросы лужковцевъ“, бывшаго епископа коломенскаго, нынѣ іеромонаха Паеутія (рукопись).

2) Вотъ что писалъ о немъ въ 1845 году Надеждинъ: „При церкви (въ Мануиловѣ) находится бѣглый русскій попъ, по имени Алексѣй, человѣкъ лѣтъ уже за 50, съ женой и дѣтьми.... Въ теперешнее время Алексѣй единовластительствуетъ во всей Молдавіи, оттого онъ очень богатъ, имѣетъ хорошенкій домикъ, ѣздитъ въ красной вѣнской коляскѣ четверней, и сыновей своихъ, вывезенныхъ взрослыми (?) изъ Россіи, переменявъ здѣсь, пустилъ въ торговлю на собственные изрядные капиталы“ (*Сбор. Кельс. ч. I, стр. 113—114*). Въ другомъ мѣстѣ Надеждинъ говоритъ о попѣ Алексѣѣ, что онъ „поведенiя хорошаго, то-есть не пятащаго, но въ кнѣ-

годы своего положенія съ кѣмъ бы то ни было другимъ, и потому встрѣтилъ Иеронима весьма не привѣтливо,—на его просьбу—„принять его отъ никоніанскія ереси въ липованскую древлеправославную вѣру“ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Поставленный въ безвыходное положеніе, злополучный Иеронимъ нѣсколько мѣсяцевъ неотступно, какъ милости, просилъ у него исправы, кланялся, проливалъ слезы, и едва-едва успѣлъ умиловитъ непреклоннаго пастыря молдавскихъ раскольниковъ. Впрочемъ Алексѣй, человекъ въ высшей степени лукавый, ограждая свои интересы, не иначе согласился совершить чинопріятіе Иеронима, какъ тайно, безъ свидѣтелей, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность отъ него отказаться и вообще держать Иеронима у себя въ зависимости. Это сокровенное чинопріятіе совершилось именно ночью 28-го октября 1843 г.,—и какъ оно происходило, или въ чемъ состояло—никто не видалъ и не слыхалъ, даже происходило ли дѣйствительно—никто навѣрное знать не могъ. Иеронимъ однакоже сталъ предлагать теперь свои услуги старообрядцамъ, какъ священникъ надлежащимъ образомъ исправленный; но такъ какъ Алексѣй, съ своей стороны, насчетъ его исправы хранилъ молчаніе и давалъ вопрошавшимъ двусмысленные, а иногда и отрицательные отвѣты, то старообрядцы вообще сомнѣвались принимать отъ Иеронима тайны, и только одно раскольническое мѣстечко Дамаска согласилось взять его въ попы. Дошли слухи и до Бѣлой-Криницы, что Иеронимъ священствуеетъ въ Молдавіи. Въ маѣ 1844 года, послѣ коммиссій барона Кане, когда бѣлокриницкая братія уже вполне увѣрилась въ благополучномъ исходѣ просьбы объ учрежденіи архіерейской каеедры и когда въ приобрѣтеніи священника явилась именно крайняя надобность, рѣшено было отправить вѣрныхъ людей въ Молдавію—навести справки объ Иеронимѣ и затѣмъ пригласить его на житель-

гахъ совершенный невѣжда“ (стр. 116). Невѣждой въ книгахъ назвать его нельзя; также и о поведеніи его совсѣмъ иначе отзываются люди близко его знавшіе,—по ихъ отзывамъ, Алексѣй вовсе не чуждъ былъ общей слабости бѣглыхъ поповъ къ вынопятію (см. ст. *Повѣдка за мѣромъ, Русск. Вѣст.* т. L, стр. 71).

Проеск. В. іер.

ство въ Бѣлую-Криницу ¹⁾). Отправились ризничій инокъ Онуфрій и почетный бѣлокриницкій житель Дѣй Парамоновъ. Иеронимъ клятвенно увѣрялъ ихъ, что исправленъ, какъ должно, и на приглашеніе ѣхать въ Буковину отвѣчалъ полнѣйшимъ согласіемъ. Спросили попа Алексѣя: тотъ говорилъ, что никакой исправы не было, — и какъ ни кланялись, какъ ни умоляли его инокъ Онуфрій съ Дѣемъ Парамоновымъ, чтобы сказалъ сущую правду, стоялъ на одномъ—что Иеронима никогда не перемазывалъ. Бѣлокриницкіе посланцы имѣли однакоже больше вѣры клятвамъ Иеронима и увезли его съ собою.

Такимъ образомъ въ Бѣлой-Криницѣ явился свой собственный попъ, относительно котораго все же однако оставалось сомнѣніе — исправленъ онъ, или не исправленъ. Чтобы устранить это сомнѣніе, бѣлокриницкія власти продолжали посредствомъ писемъ упрашивать Алексѣя — открыть имъ всю истину о чинопріятіи Иеронима, — и тотъ наконецъ письменно же извѣстилъ ихъ, что 28-го октября 1844 года дѣйствительно перемазалъ Иеронима. Инокъ Павелъ, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ, что тѣ или другія увѣренія человѣка, подобнаго попу Алексѣю, не много значать, и что самое чинопріятіе, имъ совершенное, если признать его несомнѣннымъ, какъ дѣйствіе лица принадлежавшаго къ нетерпимой у бѣглопоповцевъ лужковской сектѣ, не должно бы имѣть и надлежащей силы; но такъ велика была надобность въ какомъ бы то ни было священникѣ, что и Павелъ и прочая бѣлокриницкая братія были очень довольны письменнымъ удостовѣреніемъ попа Алексѣя, и съ того времени Иеронимъ несумнительно допущенъ къ отправленію требъ во всѣхъ липованскихъ селеніяхъ Буковины и служилъ въ сельской бѣлокриницкой церкви. Имъ же совершено и поставленіе подвижнаго престола въ монастырской часовнѣ, обращенной въ Покровскую церковь ²⁾.

¹⁾ Къ этому же времени бѣлокриницкіе иноки успѣли навести справки и въ Москвѣ, по которымъ оказалось, что Иеронимъ дѣйствительно былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ іеромонахомъ.

²⁾ *Записки о. Онуфрія*. Его же *Вопросы и отвѣты о бѣлокр. іерархіи* (рукоп.). Надеждинъ, путешествуя по липованскимъ селеніямъ Буковины,

Кромѣ церкви, Геронтій занимался устройствомъ и другихъ монастырскихъ зданій. Прежде всего построень былъ небольшой деревянный домикъ для жительства будущему епископу, по крайней мѣрѣ на первое время; а до пріѣзда его, здѣсь помѣстился самъ настоятель съ инокомъ Павломъ; заложенъ каменный двухъ-этажный корпусъ для братскихъ келій, на волковскія деньги; наконецъ въ глубинѣ монастырскаго сада, на востокъ отъ Покровской церкви, расчищено было мѣсто для рахмановскихъ палатъ, съ церковію и помѣщеніемъ для епископа и старшей братіи, и постепенно заготовлялись матеріалы для постройки этихъ чертоговъ.

Вотъ что сдѣлано было на деньги россійскихъ старообрядцевъ для приведенія Бѣлокриницкаго монастыря въ приличное для липованской епископіи устройство лѣтомъ 1845 года, когда Павелъ и Алимпій, отдохнувъ послѣ перваго путешествія въ славянскія страны, собирались въ новое далекое странствіе.

Въ это же время, именно въ концѣ іюня, посѣтилъ Бѣлую-Криницу русскій ученый Н. И. Надеждинъ, путешествовавшій по порученію правительства преимущественно для собранія свѣдѣній о заграничныхъ старообрядцахъ. Инокъ Павелъ, незадолго предъ тѣмъ, по словамъ самого Надеждина, возвратившійся изъ своего путешествія въ Черногорію, и инокъ Геронтій принимали его очень внимательно, съ большимъ уваженіемъ; но, подозрѣвая цѣль его прібытія въ Буковину, старались въ то же время соблюдать

видѣлъ Иеронима и говоритъ о немъ слѣдующее: „Иеронимъ выбѣжалъ сюда изъ Россіи назадъ тому года три, но откуда именно—неизвѣстно. Я встрѣтилъ этого бѣглеца въ слободѣ Климовцахъ, гдѣ онъ ходилъ по домамъ съ развѣщительною на скромное молитвой, предъ исходомъ Петрова поста. Человѣкъ онъ еще не старый, лѣтъ подь сорокъ, съ фizioноміей и манерами запечатлѣнными глубокимъ лукавствомъ, но въ отношеніи къ умственному образованію весьма недалекій“ (*Сбор. Келье. ч. I, стр. 91*). Иеронимъ, по отзыву людей хорошо его знавшихъ, былъ дѣйствительно человѣкъ безъ всякаго образованія и весьма недалекій, къ тому же, по обычаю всѣхъ бѣглыхъ поповъ, и нетрезвой жизни; но лукавства и хитрости въ немъ вовсе не было,—напротивъ, онъ отличался простотою и откровенностью, какъ всѣ вообще „недалекіе“ люди.

въ бесѣдѣ съ нимъ большую осторожность. „Геронтій, въ качествѣ настоятеля (рассказываетъ Надеждинъ), принималъ и угощалъ меня въ своихъ (новоустроенныхъ) кельяхъ, убранныхъ весьма не дурно, даже съ нѣкоторымъ, можно сказать, щегольствомъ. Между тѣмъ Павелъ, приглашенный, какъ я не могъ не замѣтить, нарочно настоятелемъ, не оставлялъ меня ни на минуту, занималъ и, главное, выпытывалъ свою краснобайною бесѣдой⁴. Происходившія въ монастырѣ приготовления къ открытію епископской каедры, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Надеждинъ видѣлъ лично, на мѣстѣ, и вотъ что писалъ объ нихъ: „На деньги русскихъ раскольниковъ, согласно ихъ назначенію, открыто и съ особенною спѣшностію дѣлаются всѣ нужныя приготовления къ принятію и водворенію епископа, точно будто бы онъ уже въ дорогѣ: собирается ризница и другія принадлежности необходимыя для архіерейскаго священнослуженія; дому, гдѣ долженъ помѣщаться архіерей съ своею свитой, предначертанъ планъ, заготовлены матеріалы и очищено мѣсто внутри монастыря; монастырская церковь перестраивается, чтобы получить размѣры и видъ достойныя предназначенія ея быть каедральнымъ соборомъ епископіи.¹⁾ Все это я видѣлъ собственными глазами, все это показывали мнѣ сами бѣлокриницкіе монахи, съ видомъ смиренно—лукаваго торжества.“²⁾

Наконецъ, 4 іюня 1845 года,³⁾ инокъ Павелъ съ тѣмъ же спутникомъ своимъ Алимпіемъ началъ и то стран-

1) Громкимъ именемъ каедральнаго собора передѣланную изъ часовни деревянную, обмазанную глиной и очень небольшую церковь во всякомъ случаѣ назвать нельзя (см. объ ней въ *Повѣдки за мгромъ. Русск. Вѣст.* т. L, стр. 61).

2) *Сбор. Кельс.* ч. I, стр. 109.

3) Подъ этимъ числомъ въ памятной книжкѣ инока Павла записано: „Сего числа, отдавъ отчетъ отцу (т.-е. настоятелю Геронтію, евангельскому отцу его) за прошлое время путешествій, отправляемся нами въ путь на полу-денную страну вселенныя“ Павелъ, какъ мы видѣли, съ юныхъ лѣтъ имѣлъ обычай вести памятные книжки, или журнальцы: настоящая книжка, названная „Журналомъ 1845 года съ 4-го числа іюля мѣсяца“, изъ которой сохранилось, къ сожалѣнію, только нѣсколько листовъ, заведена была Павломъ для того, чтобы записывать не столько разные путевыя приключенія,

ствіе, которое столько лѣтъ служило предметомъ его пламенныхъ желаній. Новое, предпринятое теперь странствіе должно было служить рѣшительною попыткой—тѣмъ или инымъ способомъ непременно отыскать и приобрести епископа для Бѣлокрилицкой катедры. Крайнимъ предѣломъ его, какъ мы уже знаемъ, служили „бѣлоглавья“ Ливанскія горы, Египеть и иныя мѣста, гдѣ, по мнѣнію старообрядцевъ, имѣлись сокровенно обитающіе „древле-православные“ епископы. Впрочемъ исканіе въ этихъ странахъ „древлеправославнаго“ епископа Павелъ намѣренъ былъ произвести собственно потому, что таково было общее желаніе старообрядцевъ и такъ обѣщаль онъ въ своемъ объясненіи съ московскимъ обществомъ, также отчасти для успокоенія и своей совѣсти; а на самомъ дѣлѣ, какъ мы говорили, онъ тогда уже мало вѣрилъ раскольническимъ сказаніямъ о сокровенныхъ епископахъ древняго благочестія, и потому предположилъ во время путешествія на Ливанъ, въ Палестину и Египеть заняться преимущественно разысканіемъ—нѣтъ ли между подлежащими чинопріятію втораго, или третьяго рода греко-восточными іерархами гдѣ-нибудь такого, который согласился бы на предложеніе сдѣлаться старообрядческимъ епископомъ. И во все время своего продолжительнаго путешествія онъ дѣйствительно не опускалъ изъ вида этой прямой, ближайшей

ченія, сколько свои собственные проступки, или, какъ выражался, „преступленія“, въ видахъ нравственнаго самоусовершенствованія, предостереженія отъ подобныхъ проступковъ на будущее время. Она имѣла эпиграфомъ слѣдующее изреченіе: „безъ нужды не любопытствуй и никого не вопрошай; безъ вопросовъ не отвѣщай, если къ кому дѣлу не вчиняешь“, и раздѣлена была на главы,—въ одной записывалось „содержаніе преступленій и прочихъ замѣчаній“, въ другой — „революція“. Вотъ образчики преступленій: „Сего числа правдословіе и безъ вопросовъ разсужденія и наставленія не носилъ мѣры“; еще: „согрѣшилъ, отца Алимпія заочно осуждалъ и поносилъ, что въ Мануиловѣ съ попомъ, и со старостой, и съ прочими *земельной неприлично обращался*.“ Павлу его спутникъ нѣрѣдко давалъ поводы къ преступленіямъ подобнаго рода.... Въ главѣ революцій писалось: „замѣтить излѣха“, и под. Изъ самаго назначенія этой памятной книжки видно уже, какъ серьезно смотрѣлъ инокъ Павелъ на предпринимаемое теперь путешествіе.

своей цѣли, начавъ поиски съ сосѣдной съ Буковиною православной митрополіи молдавской.

Изъ Бѣлой-Криницы, какъ уже сказано, Павелъ и Алимпій выѣхали 4го іюля, и остановились сначала въ Мануиловскомъ скиту, гдѣ настоятельствовалъ бывший бѣлокриницкій настоятель инокъ Іоиль.¹⁾ Въ скиту и въ селеніи Мануиловкѣ они пробыли нѣсколько дней. Мануиловка—главное и самое старое изъ раскольниковскихъ селеній въ Молдавіи; здѣсь у старообрядцевъ издавна существовала церковь, при которой и находился упомянутый выше попъ Алексій. Маленькіе и бѣдные скиты — мужской и женскій находятся неподалеку отъ селенія, пріютившись, какъ и самое селеніе, между высокими, поросшими лѣсомъ отрогами Карпатскихъ горъ. Мануиловскіе раскольники уже знали о томъ, что затѣвается въ Бѣлой-Криницѣ; знали и то, что затѣя приняла серьезный характеръ, что получено уже отъ правительства разрѣшеніе учредить въ монастырѣ архіерейскую каѳедру, такъ какъ вообще имѣли частыя сношенія съ Бѣлою-Криницей. Іоиль, по своимъ прежнимъ отношеніямъ къ Геронтію и Павлу съ братіей, не особенно сочувствовалъ ихъ замысламъ. Здѣсь же, въ Мануиловскомъ скиту, Павелъ встрѣтился съ своими прежними друзьями, которыхъ такъ давно не видалъ,—съ бывшимъ настоятелемъ Лаврентьева монастыря Аркадіемъ и лаврентьевскимъ же инокомъ Евфросиномъ. Лаврентьевъ монастырь въ это время былъ уже закрытъ по распоряженію правительства, и Аркадій, проживши нѣсколько времени на родинѣ, въ Клинцовскомъ посадѣ, только что успѣлъ пробраться за границу: въ Мануиловскомъ скиту онъ былъ проездомъ, на пути въ Добруджу, въ Славскій скитъ, гдѣ намѣренъ былъ поселиться. Аркадій, какъ было уже сказано, принадлежалъ къ числу тѣхъ старообрядцевъ, которые на учрежденіе архіерейства смотрѣли неблагосклонно; живя въ Россіи, будучи настоятелемъ Лаврентьева монастыря, онъ высказывалъ это прямо. И теперь онъ, вмѣстѣ

1) Въ скитъ Мануиловскій Павелъ и Алимпій пріѣхали ночью съ 6-го на 7-е іюля (Журналъ Павла).

съ Іоилемъ, выражалъ несочувствіе къ предпріятію Павла. Притомъ же Аркадій, а равно и Евфросинъ, были недовольны Павломъ, что уѣзжая изъ Лаврентьева онъ скрылъ отъ нихъ—куда и зачѣмъ отправился съ Геронтіемъ. Такимъ образомъ Павлу пришлось въ Мануиловскомъ монастырѣ имѣть нѣкоторыя пререканія съ прежними друзьями.¹⁾ Но перемѣна обстоятельствъ однакоже не осталась безъ вліянія и на этихъ послѣднихъ: видѣвъ большее и большее осудѣніе бѣгствующаго священства въ Россіи, убѣдившись въ сочувствіи старообрядческихъ обществъ къ учрежденію собственнаго архіерейства, узнавъ, наконецъ, какіе успѣхи въ этомъ отношеніи достигнуты Павломъ, и самъ Аркадій не нашелъ удобнымъ осуждать его рѣшительно. Еще не доволенъ былъ затѣей бѣлокриницкаго братства мануиловскій попъ Алексѣй, котораго личные интересы побуждали именно противодѣйствовать размноженію старообрядческаго священства; но и онъ въ свою очередь, какъ чловѣкъ хитрый, нашелъ удобнѣйшимъ не выражать неудовольствія, нейти противъ общаго мнѣнія. Что же касается самихъ молдавскихъ раскольниковъ, то извѣстіе объ учрежденіи старообрядческаго архіерейства у нихъ принято было съ большою радостію: „событіе въ Буковинѣ простерло уже сюда свое заразительное вліяніе (писалъ Надеждинъ, побывавъ у молдавскихъ раскольниковъ около того самаго времени, какъ туда пріѣхали Павелъ и Алимпій), вѣсть объ учреждаемой раскольнической епископской кафедрѣ, распространяясь между ними, носится изъ устъ въ уста любопытною новостію и возбуждаетъ общее участіе.“¹⁾ Теперъ Павелъ и Алимпій пріѣхали въ Мануиловку не столько затѣмъ, чтобы заручиться расположеніемъ молдавскихъ старообрядцевъ къ учреждаемому архіерейству, сколько — поразвѣдать у нихъ, нѣтъ ли въ Молдавіи епископа,

¹⁾ Въ „Журналѣ“ Павла подь 11-мъ числомъ іюля записано, въ видѣ преступленія: „Многословіе и оправданіе сильное и осужденіе отца Аркадія съ Евросинкомъ за невинное мнѣ осужденіе“. Подь 14-мъ числомъ: „Отца Іоила оскорбилъ, обаче къ тому гнѣва не держу, понеже обстоятельства такъ заводять“.

¹⁾ Сбор. Кельсіева ч. I, стр. 117.

удобнаго къ удовленію въ старообрядчество. Послужить имъ въ этомъ отношеніи могли больше яскіе раскольники: изъ Мануиловки они и отправились въ Яссы.

Въ Яссахъ, какъ мы уже говорили, издавна существовало общество русскихъ старообрядцевъ. Они жили преимущественно въ предмѣстьи города, за Бухлуемъ: здѣсь находилась у нихъ, существовавшая также изстари, каменная Успенская церковь, при которой въ былыя времена, когда въ бѣгствующемъ священствѣ не было недостатка, имѣлись постоянно бѣглые попы, теперь же отправлялъ службу уставщикъ Никифоръ Панкратьевъ, почтенный старикъ, находившійся въ этой должности около 25 лѣтъ. Яскіе старообрядцы издавна также поддерживали сношенія съ православными яскими митрополитами, и поэтому между прочимъ раскольники въ своихъ попыткахъ пріобрѣсти епископа, въ прежнее время, обращали взоры преимущественно на яскую митрополию. И Павелъ, подражая предкамъ, отсюда же вознамѣрился начать свои новые опыты въ исканіи архіерейства. Тогда у яскихъ старообрядцевъ пользовался особеннымъ уваженіемъ митрополитъ Веніаминъ, старецъ кроткій и благочестивый. Старообрядцы къ нему хаживали; онъ принималъ ихъ съ любовью: ему нравились ихъ преданность старинѣ и строгое соблюденіе церковныхъ уставовъ. Между прочимъ онъ любилъ слушать, какъ раскольники на свой колокольникъ звонили по-русски, и даже просилъ уставщика Никифора научить его соборныхъ звонарей этому старому русскому звону: просьбу владыки Веніамина уставщикъ, разумѣется, исполнилъ съ удовольствіемъ и получилъ отъ него за эту услугу наперсный крестъ¹⁾. Въ то время, какъ Павелъ и Алимпій пріѣхали въ Яссы, митрополитъ Веніаминъ уже оставилъ кафедру и жилъ на покоѣ въ Слатинскомъ монастырѣ. Понятно, что яскіе старообрядцы, которые вообще отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ ихъ предпріятію, не могли указать бѣлокриницкимъ искателямъ архіерейства никого лучше, какъ владыку Веніамина. То самое, что онъ

1) *Записки о. Онуфрія.*

жилъ на покоѣ, представлялось и имъ, и Павлу обстоятельствомъ особенно благоприятнымъ въ настоящемъ случаѣ. И вотъ Павелъ и Алимпій съ депутаціей отъ яскихъ старообрядцевъ дѣйствительно отправились въ Слатинъ, просить митрополита Веніамина—или самого переселиться на жительство въ Бѣлую-Криницу, въ званіи верховнаго старообрядческаго пастыря, или, что еще лучше, посвятить нарочно въ епископы для Бѣлой-Криницы кого-либо изъ среды старообрядцевъ. Здѣсь Павелъ, подражатель предковъ, въ точности слѣдовалъ примѣру вѣтковцевъ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ обращавшихся съ такою же просьбой къ яскому митрополиту Антонію. Само собою разумѣется, что онъ, слѣдуя опять примѣру тѣхъ же предковъ, не считалъ нужнымъ предварительно сообщать митрополиту Веніамину о чинопріятіи, какому долженъ будетъ подвергнуться онъ, или поставленный имъ новый епископъ, по прибытіи въ Бѣлую-Криницу. Полагая, что старообрядцы желаютъ имѣть дѣйствительно православнаго епископа, митрополитъ Веніаминъ принялъ ихъ просьбу благодушно; но исполнить ее рѣшительно отказался: съ своимъ монастырскимъ уединеніемъ, котораго давно искалъ и ради котораго отказался отъ митрополіи, онъ, разумѣется, не желалъ разстаться для Бѣлой-Криницы; а поставить на бѣлокриницкую кафедру новаго епископа считалъ себя не въ правѣ, какъ удалившійся отъ управленія церковными дѣлами: право это, въ области яской митрополіи, принадлежало только дѣйствительному митрополиту, къ которому онъ и посовѣтовалъ старообрядцамъ обратиться съ своей просьбой.¹⁾ Потерпѣвъ неудачу въ переговорахъ съ митрополитомъ Веніаминомъ, Павелъ рѣшился, прикрываясь его совѣтомъ и какъ бы именно по его порученію, обратиться съ предложеніемъ о постановленіи епископа для буковинскихъ липованъ къ наличному яскому митрополиту. Но здѣсь онъ уже не встрѣтилъ того благодушія, съ какимъ

1) Тамъ же. Черезъ два года послѣ этого, въ 1847 году, митрополитъ Веніаминъ скончался въ Слатинскомъ монастырѣ (Ин. Пареевн *Странствіе и путешествіе*, т. II, стр. 32).

принялъ его митрополитъ Веніаминъ: проникая дѣйствительныя намѣренія раскольниковъ, ясскій владыка, безъ дальнихъ объясненій, прогналъ старообрядческую депутацію.¹⁾

Итакъ, „желаемымъ предметомъ“ въ Яссахъ заимствоваться не удалось. Павелъ и Алимпій возвратились въ Мануиловку, и отсюда, по новомъ совѣщаніи съ старообрядцами, отправились въ Боташаны, гдѣ, по слухамъ, жилъ на покой какой-то православный епископъ: оказалось, что епископъ дѣйствительно жилъ тамъ, но незадолго предъ тѣмъ временемъ скончался. Продолжая свои поиски, Павелъ и Алимпій задумали съѣздить въ Валахию, навѣдаться— нельзя ли тамъ позаимствоваться архіерействомъ; но даже и проѣхать чрезъ границу безъ разрѣшенія отъ валахскаго архіерея имъ не было дозволено. Вообще (замѣчаетъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Павла и Алимпія въ учрежденіи іерархіи) „кидались они по Молдавіи, какъ угорьлые, искали епископа чтобы купить, и однако не нашли“.²⁾

Теперь уже ничего болѣе не оставалось, какъ отправить-ся „въ греки“. Ближайшею цѣлю въ этомъ путешествіи къ грекамъ служилъ, какъ и слѣдовало, Царьградъ, — мѣсто-пребываніе вселенскаго патріарха. На пути же въ Царьградъ, Павелъ и Алимпій посѣтили живущихъ при Дунаѣ некрасовцевъ.

Слухи о томъ, что буковинскіе раскольники затѣваютъ дѣло объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи, дошли уже до некрасовскихъ селеній и здѣсь приняты были съ большимъ сочувствіемъ. Некрасовцамъ по душѣ была мысль имѣть свое собственное священство, навсегда избавиться отъ бѣглыхъ великороссійскихъ поповъ, которые имъ опротивѣли, и приобрѣтеніе которыхъ становилось все труднѣе и труднѣе. Правда, они знали отчасти, каковы бываютъ у раскольниковъ и свои собственные архіереи и попы: знаменитый владыка Анѳимъ и попы анѳимовскаго поставленія нѣкогда причинили некрасовцамъ большой соблазнъ и даже посѣяли раздоръ между ними. Но это было давно;

¹⁾ Зап. о. Онуерія.

²⁾ Ин. Онуерій, тамъ же.

и почему-же новый владыка долженъ непременно походить на прежнихъ? Надѣялись, напротивъ, обрѣсти истиннаго пастыря, поборающаго по древнемъ благочестіи. Вообще, извѣстіе о намѣреніи бѣлокриницкихъ иноковъ завести самостоятельную старообрядческую іерархію принято было некрасовцами съ большимъ сочувствіемъ; впрочемъ были между ними и такіе, что смотрѣли очень неблагоклонно на затѣю буковинскихъ искателей архіерейства.

Въ Добруджу, и именно въ Славскій монастырь, Павелъ и Алимпій пріѣхали 19 сентября 1845 года. Здѣсь пробыли они двое сутокъ, бесѣдуя со старцами о своихъ предположеніяхъ и надеждахъ относительно учрежденія старообрядческаго архіерейства. Старцы Славскаго скита вполне сочувствовали ихъ предпріятію, и, какъ истые представители старообрядцевъ, искренно вѣруя въ существованіе сокровенныхъ „древле-православныхъ“ епископовъ, выражали особенное желаніе, чтобы пріобрѣтенъ былъ епископъ именно изъ таковыхъ: настоятель инокъ Макарій даже снабдилъ Павла и Алимпія посланіемъ къ знакомымъ своимъ, издавна живущимъ при берегахъ Нила „египетскимъ старцамъ“, которые, какъ онъ надѣялся, могли сообщить имъ свѣдѣнія о епископахъ „древняго благочестія“; славскіе отцы совѣтовали имъ не оставлять также безъ вниманія и извѣстныя, обращающіяся между старообрядцами сказанія о томъ, гдѣ и какъ можно обрѣсти „древлеправославное епископство“. Павелъ смиренно внималъ этимъ старческимъ наставленіямъ и общался въ точности оныя исполнить, хотя уже въ то время не имѣлъ никакого довѣрія къ раскольническимъ сказаніямъ о „древлеправославномъ епископствѣ“, которымъ такъ простодушно вѣрили славскіе отцы.

Между тѣмъ о прибытіи въ Славскій монастырь такихъ знаменитыхъ гостей скоро провѣдали и въ некрасовскихъ селеніяхъ — Славѣ, Журиловѣ и Сарикѣвѣ. Сарыкѣйцы почему-то особенно желали узнать о намѣреніяхъ и надеждахъ инока Павла относительно пріобрѣтенія епископа и общимъ совѣтомъ снарядили къ нему посольство для приглашенія поѣхать смиренную ихъ весъ. Инокъ Павелъ съ своей стороны

хорошо понималъ, что для успѣшнаго окончанія предпріятія ему было весьма нелишнее заручиться расположеніемъ некрасовскихъ обществъ, и потому употребилъ все свое искусство, чтобы заслужить это расположеніе. Въ Сарыкѣй прожилъ онъ болѣе двухъ дней; видѣлся и бесѣдовалъ со всѣми почетнѣйшими лицами въ селеніи. Бесѣды, само собою разумѣется, вращались по преимуществу около главнаго предмета — какъ и гдѣ обрѣсти древлеправославнаго епископа. Когда, наконецъ, дорогіе гости собрались ѣхать далѣе, сарыкѣйцы не знали, чѣмъ выразить имъ свою признательность за посѣщеніе и какъ засвидѣтельствовать свое сочувствіе къ тому дѣлу, на которое шли они, презирая всѣ опасности и труды. Имъ приготовили подводу, нанесли разныхъ дорожныхъ запасовъ и выдали изъ церковныхъ денегъ 100 левовъ на расходы; наконецъ поручили одному бывалому человѣку хорошо знавшему дорогу въ Царьградъ, Осипу Семенову Гончарову, проводить гостей по крайней мѣрѣ до Тульчи и тамъ пристроить ихъ на покойную квартиру, пока найдутъ мѣсто на пароходѣ. Подали лошадей. Старики поклонились Павлу до земли и сказали; „даруй вамъ Господи получить вся благая“, — вообще проводили его съ великою честію.¹⁾

Въ Тульчѣ Осипъ Семеновъ помѣстилъ путешественниковъ у самаго зажиточнаго изъ мѣстныхъ старообрядцевъ, Саввы Ивановича Рукавишникова. Здѣсь инокъ Павелъ написалъ, и вручилъ Гончарову для доставленія по принадлежности, благодарственные письма сарыкѣйскому обществу и настоятелю Славскаго скита Макарію. Предъ отъѣздомъ изъ Тульчи, уже отправляясь на пароходъ, Павелъ и Алимпій встрѣтили лаврентьевскихъ старцевъ, Аркадія и Евфросина, которые только что прибыли въ Тульчу на пути изъ Мануиловскаго монастыря въ Славскій скитъ. Рукавишниковъ, вмѣстѣ съ Гончаровымъ провожавшій ихъ, очень обрадовался этой встрѣчѣ, и сталъ просить Павла возвратиться съ новыми гостями къ нему въ домъ, чтобы побесѣдовать

¹⁾ Гончарова: *Первое начатіе происшествія нашего духовнаго дѣла о епископѣ (рукопись).*

съ разумными старцами „объ общемъ дѣлѣ“, такъ какъ до отъѣзда парохода времени оставалось еще довольно. Павелъ согласился. Потомъ Рукавишниковъ со всѣми гостями проводилъ его до пароходной пристани.

Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ для Павла и Алимпія во время ихъ пребыванія въ некрасовскихъ селеніяхъ и въ Тульчѣ было знакомство съ Осипомъ Семеновичемъ Гончаровымъ и чрезъ него съ нѣкоторыми покровителями особаго рода. Гончаровъ, или Гончаръ, какъ обыкновенно зовутъ его некрасовцы, въ высшей степени замѣчательная личность среди добруджинскихъ раскольниковъ. Человѣкъ тонкій и умный, надѣленный рѣдкой памятью, неутомимо дѣятельный и предприимчивый, словомъ—совершеннѣйшій типъ русскаго казака — некрасовца, къ тому-же умѣющей говорить по-турецки, онъ имѣлъ тѣсныя связи съ польскою эмиграціей въ Константинополѣ и другихъ городахъ Турціи: самъ панъ Чайковскій (Садыкъ-паша) былъ въ числѣ ближайшихъ его друзей и благодѣтелей¹⁾. Принявъ во вниманіе,

1) Обь отношеніяхъ Гончарова къ польской эмиграціи въ Константинополѣ мы говорили подробно въ книгѣ: *Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій*. Весьма любопытныя свѣдѣнія объ нихъ сообщаются также въ статьѣ г. Кельсіева: *Польскіе агенты въ Царь-градѣ* (*Русск. Вѣст.* т. LXXXIV). Здѣсь читатели найдутъ и мастерски написанную характеристику Гончара. Но относительно того, что г. Кельсіевъ говоритъ объ участіи Гончарова и Чайковскаго въ дѣлѣ учрежденія бѣлокриницкой іерархіи, необходимымъ считаю замѣтить, что разказъ его никакъ не можетъ быть признанъ правильнымъ. Доложивъ читателямъ, что „ни г. Субботину, ни г. Мельникову неизвѣстны, повидимому (?), подробности о томъ, какъ митрополитъ Амвросій сдѣлался старообрядческимъ митрополитомъ“, г. Кельсіевъ самъ „рассказываетъ объ этомъ дѣлѣ (будто бы) со словъ Гончарова и Чайковскаго“ слѣдующее: „Инокъ Павелъ и Алимпій съѣздили въ Египетъ, бывали въ Сиріи, въ Палестинѣ, священства тамъ не нашли, и послѣ многихъ и долгихъ путешествій очутились въ Тульчѣ и поклонились Гончару... Гончаръ поѣхалъ въ Царьградъ и обратился къ Чайковскому.... Потоликовавъ съ Гончаромъ, Чайковскій списался съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, и тутъ началась исторія такого рода: Чарторыйскій переговорилъ объ этомъ предпріятіи съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Тотъ снесся съ Метернихомъ. Но разрѣшеніе на заведеніе Бѣлокриницкой митрополіи получило только послѣ большихъ усилій“, и т. д. Нужно ли говорить, что хронологія во всемъ этомъ разказѣ совершенно перепутана? По хронологіи г. Кельсіева, Павелъ сначала бывалъ въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ,

что Павелъ первый еще разъ ѣхалъ въ Константинополь и потомъ долженъ былъ отправиться въ далекія и опасныя странствія, не имѣя нигдѣ ни знакомыхъ, ни покровителей, Гончаровъ нашелъ не лишнимъ предложить ему покровительство своихъ ясновельможныхъ друзей, у которыхъ повсюду имѣлись сильныя связи; да и въ главномъ дѣлѣ, въ присканіи епископа, эти вельможные покровители, по соображеніямъ Гончарова, могли оказать Павлу съ Алимпіемъ весьма важныя услуги и въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ, особенно-же еслибы потребовалась защита отъ какихъ-нибудь нападеній со стороны русскаго правительства. Павелъ какъ нельзя лучше оцѣнилъ всю важность предложенныхъ Гончаровымъ услугъ и принялъ ихъ съ величайшею благодарностью: съ этого времени онъ звалъ Іосифа Семеновича не только своимъ искреннимъ благопріятелемъ, но и незабвеннымъ благодѣтелемъ. Сами сарыкѣйскіе некрасовцы, хотя и невыгодно смотрѣли на сношенія Гончарова съ польскими агентами, но именно какъ челоуѣку сильному между прочимъ этими связями и поручили ему проводить Павла съ Алимпіемъ до Тульчи. Здѣсь Осипъ Семеновъ дѣйствительно представилъ ихъ постоянно жившему въ Тульчѣ эmissару польской эмиграціи, Жуковскому ¹⁾. Объяснивъ сущность дѣла, ради котораго странствуютъ липованскіе

потомъ въ Тульчѣ обратился за помощью къ Гончару, и потомъ уже, по ходатайству Чайковскаго, чрезъ посредство Чарторыйскаго и французскаго министра, началось въ Вѣнѣ дѣло объ учрежденіи архіерейской каедры въ Бѣлой-Криницѣ!... Самое извѣстіе о томъ, будто это дѣло начато (хотя бы и въ свое время) при посредствѣ Чарторыйскаго и французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, никакими изъ извѣстныхъ намъ немалочисленныхъ документовъ не подтверждается и съ изложенною нами точною исторіей дѣла объ учрежденіи бѣлокриницкой архіерейской каедры примирено быть не можетъ; наконецъ и потому уже это извѣстіе представляется недостовернымъ, что до конца 1845 года никакихъ сношеній съ Гончаровымъ и Чайковскимъ по дѣлу о іерархіи и ни по какимъ вообще дѣламъ Павелъ не имѣлъ. Слѣдующій затѣмъ расказъ о веденіи бѣлокриницкаго дѣла въ Черновцахъ и Вѣнѣ также лишенъ всякой достовѣрности. Очевидно, или Гончаровъ съ Чайковскимъ ввели въ заблужденіе г. Кельсіева, или г. Кельсіевъ передаетъ не то, что слышалъ отъ Гончарова и Чайковскаго....

1) О Жуковскомъ см. въ кн. *Расколъ, какъ орудіе партій*, на стр. 11 и въ прим.

иноки, Гончаровъ просилъ Жуковскаго рекомендовать сихъ иноковъ и самое ихъ дѣло покровительству эмиграціи и въ Константинополѣ и въ иныхъ мѣстахъ, куда позоветъ ихъ надобность. Члены польской эмиграціи, работавшіе въ Турецкой имперіи, чрезвычайно дорожили тогда своими связями съ раскольническимъ населеніемъ Турціи; 1) притомъ-же въ самомъ предпріятіи основать раскольническую архіерейскую каеэдру Жуковскій съ перваго раза почувалъ недоброе для Россіи: понятно, что онъ принялъ Павла и Алимпія съ распростертыми объятіями, со всею готовностію предложилъ имъ мощное покровительство эмиграціи. И вотъ бѣлокрилицкіе искатели архіерейства отправились изъ Тульчи въ Константинополь, снабженные рекомендательными письмами къ пану Чайковскому и другимъ близкимъ ко двору султана лицамъ польскаго происхожденія.²⁾

Въ Константинополѣ Садыкъ-паша съ товарищи встрѣтилъ Павла и Алимпія такъ-же ласково и предупредительно, какъ и тульчинскій ихъ сотрудникъ, — „охапились аки друзья одноземельные, отъ одного врага гонимые,“ — по выраженію инока Онуфрія. За учрежденіе заграничной раскольнической іерархіи Чайковскій готовъ былъ взяться съ своимъ обычнымъ энтузіазмомъ, какъ за одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ закрѣпить свои связи съ заграничными, а чрезъ нихъ и съ російскими старообрядцами, и такимъ образомъ заручиться ихъ содѣйствіемъ въ пользу дорогаго ему польскаго дѣла: услуга, — рассчитывалъ онъ — которую мы окажемъ старообрядцамъ, помогши имъ учредить архіерейскую каеэдру, обяжетъ этихъ честныхъ и добродушныхъ людей неизмѣнной къ намъ благодарностію; самое-же учрежденіе архіерейства, которое дастъ старообрядцамъ одного духовнаго главу, тѣснѣе свяжетъ ихъ между собою, а съ тѣмъ вмѣстѣ и намъ откроетъ возможность дѣйствовать на

1) См. въ той же книгѣ и въ упомянутой статьѣ Кельсиева.

2) *Записки о. Онуфрія*. О томъ, что благодаря рекомендаціи Гончарова нашелъ въ Цареградѣ сильное покровительство среди властей польскаго происхожденія, и самъ Павелъ, чрезвычайно осторожный на этотъ счетъ, упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

нихъ чрезъ этого главу гораздо удобнѣе. И вотъ Садыкъ-паша принимаетъ Павла и Алимпія, рекомендованныхъ ему Жуковскимъ и Гончаровымъ, со всей предупредительностью, и съ полнѣйшею готовностью предлагаетъ имъ свое покровительство и услуги.

Для Павла и Алимпія помощь пана Чайковскаго имѣла чрезвычайную важность. Въ этомъ они убѣдились на первыхъ-же порахъ своего пребыванія въ Царь-градѣ. Распросивъ ихъ подробно о цѣли пріѣзда собственно въ Константинополь, Чайковскій, впервыхъ, объяснилъ имъ, что входитъ въ какія-либо сношенія съ патриархомъ по дѣлу объ учрежденіи старообрядческой іерархіи никакъ не слѣдуетъ: „ибо (писалъ въ послѣдствіи инокъ Павелъ со словъ Чайковскаго) каждое слово будетъ вѣдомо русскому консулу, у коего тамъ, въ патриархіи, всегда присутствуетъ логоеетъ: *a duzъ русскій всьмъ извьстенъ*“¹⁾ Затѣмъ онъ указалъ Павлу ближайшій способъ обрѣсти епископа,—именно совѣтовалъ обратиться къ живущимъ въ Константинополѣ безмѣстнымъ архіереямъ: ибо „тамъ, въ одной окружности города (какъ опять писалъ инокъ Павелъ со словъ Чайковскаго), находится шесть патриарховъ и болѣе двадцати архіереевъ, удаленныхъ отъ своихъ епархій по прихотямъ Порты, но изверженію, или запрещенію не подлежащихъ, — они всѣ свободны, когда только восхотятъ—и священнодѣйствуютъ надлежащимъ порядкомъ, по чину архіерейскому“.²⁾ О существованіи такихъ „безмѣстныхъ“ архіереевъ въ Царь-градѣ Павлу и прежде было извѣстно,—на нихъ именно онъ и рассчитывалъ больше всего, предпринимая сюда путешествіе; со стороны Чайковскаго важна была собственно та услуга, что онъ, чрезъ своихъ агентовъ, могъ собрать и сообщить Павлу точныя свѣдѣнія объ этихъ существующихъ въ Константинополѣ епископахъ; мало того, Чайковскій объяснилъ Павлу, что онъ долженъ возложить эту заботу именно на него—Садыкъ-пашу и его агентовъ, самъ же отнюдь не вмѣшиваться въ это дѣло, изъ опасенія того же „всѣмъ

1) Письмо Павла къ Геронтію изъ Дарданеллъ, изъ карантинна.

2) Тамъ же.

извѣстнаго русскаго духа⁴. Въ отклоненіе всякихъ подозрѣній со стороны греческихъ и русскихъ „шпіоновъ“, самымъ разумнымъ находилъ онъ, еслибы Павелъ и Алимпій на время и совсѣмъ уѣхали изъ Константинополя. Не могъ не видѣть инокъ Павелъ всей разумности этихъ совѣтовъ, равно какъ всей искренности, съ какой они давались, — и преисполнился глубочайшею благодарностью къ своему вельможному другу. А предложеніе уѣхать на время изъ Константинополя онъ могъ тѣмъ удобнѣе исполнить, что во всякомъ случаѣ ему необходимо было, ради успокоенія старообрядцевъ и для очищенія совѣсти, совершить путешествіе въ Сирію, Палестину и Египеть, — въ страны якобы обитаемыя „древнеправославными епископами,“ въ каковое путешествіе и могъ онъ немедленно отправиться, предоставивъ новымъ друзьямъ своимъ заботу о пріисканіи въ Царь-градъ „желаемаго предмета“. Чайковскій, съ своей стороны, вполне одобрилъ этотъ планъ, и, продолжая покровительство раскольническимъ депутатамъ, снабдилъ ихъ на прощаньи рекомендательными письмами къ членамъ польской эмиграціи въ Бейрутъ, Яфѣ, Каиръ и другихъ мѣстахъ, — новая услуга, которую очень дорого цѣнили инокъ Павелъ¹).

Итакъ бѣлокриницкіе странствователи отправились изъ Царяграда въ дальнѣйшій путь, здѣсь, въ Константинополь, оставивъ свое дѣло въ надежныхъ рукахъ пана Чайковскаго со товарищами. Теперь, когда инокъ Павелъ могъ питать уже несомнѣнную надежду на пріобрѣтеніе епископа изъ числа безмѣстныхъ, проживающихъ въ Константинополь, путешествіе въ Сирію и прочія страны онъ принималъ не столько для того, чтобы искать тамъ потребнаго для бѣлокриницкой каведры архипастыря (хотя, разумѣется,

¹) Объ этихъ рекомендаціяхъ инокъ Онуфрій пишетъ въ своихъ *запискахъ*: „Въ Царьградѣ они (Павелъ и Алимпій) были снабжены письмами къ другимъ агентамъ, подобнымъ царьградскимъ, и нашихъ пословъ передавали одинъ другому изъ Дамаска въ Іерусалимъ, изъ Іерусалима въ Каиръ, Александрію и обратно въ Царьградъ.“ О рекомендательныхъ письмахъ отъ царьградскихъ „благодѣтельныхъ пановъ“ упоминаетъ и самъ Павелъ въ посланіяхъ къ Геронтію.

не преминулъ бы воспользоваться представившимся къ тому случаемъ), сколько съ двумя слѣдующими цѣлями: 1) навести точныя справки о мнимыхъ „древлеправославныхъ“ епископахъ, якобы тамъ обитающихъ, чтобы можно было такимъ образомъ дать рѣшительный отвѣтъ тѣмъ старообрядцамъ, которые простодушно вѣрили въ существованіе такихъ епископовъ; 2) личнымъ наблюденіемъ дознать, какое крещеніе употребляютъ живущіе въ тѣхъ странахъ христіане,—трехпогружательное, или обливательное, такъ какъ именно вопросъ о крещеніи былъ единственнымъ, рѣшеніе котораго считалось необходимымъ „для безсумнительнаго пріятія приходящихъ отъ ереси священныхъ лицъ въ сущемъ ихъ санѣ“. Изъ своихъ странствій по Сиріи, Палестинѣ и Египту писалъ инокъ Павелъ пространныя, весьма примѣчательныя письма къ Геронтію, очевидно съ тою цѣлію, чтобы письма эти изъ Вѣлой-Криницы были сообщаемы во всѣ главныя старообрядческія общества: въ нихъ онъ излагалъ по преимуществу свои наблюденія именно по двумъ указаннымъ пунктамъ.¹⁾

1) Всѣхъ писемъ было три: одно изъ Бейрута, писанное на возвратномъ пути изъ Сиріи, другое изъ Іерусалима (отъ 3-го декабря 1845 года), третье изъ карантина въ Дарданеллахъ (отъ 12-го февраля 1846 г.). Переписка шла чрезъ посредство тѣхъ польскихъ агентовъ, подъ покровительствомъ которыхъ Павелъ и Алимпій путешествовали: въ письмѣ изъ Іерусалима Павелъ говоритъ, напримѣръ: „Письмо сіе, запечатавъ, посылаемъ съ надписью *благодѣтелю нашему въ Яффу*, и просимъ, когда будетъ случай, съ почтой, или оказіей (потому что почта здѣсь необстоятельная), отправить на *благодѣтелей нашихъ въ Константинополь*, а тыя, получа, безъ сумнѣнія не задержать и къ вамъ перешлютъ оттоль почтой.“ Еще: „Мы льстились надеждой воспользоваться какимъ-нибудь съ вашей стороны извѣстіемъ *чрезъ посредство цареврадскихъ нашихъ благодѣтелей*, коиимъ извѣстенъ ходъ къ намъ въ Іерусалимъ *чрезъ друзей насъ въ Байрутъ и Яффу*.“ А что письма дѣйствительно назывались для общаго чтенія старообрядцевъ и по многимъ мѣстамъ читались, это несомнѣнно. Такъ въ Сарыѣвъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1846 г., читали уже письмо Павла изъ Дарданеллъ, гдѣ говорилось „какъ они были въ Сиріи и во Аравіи, во Іерусалимѣ и во Египтѣ, во Александріи и даже во всей Палестинѣ... и всѣ удивлялись его мудрому описанію и путешествію ихъ“ (Гончар. *Первое начатіе происшествія нашего дня о епископѣ*). Въ 1847 году, пріѣзжавшій въ Вѣлую-Криницу за муромъ, В. В. Борисовъ взялъ подлинныя павловы письма въ Москву, чтобы

Любезно распрощавшись съ своими цареградскими благодѣтелями, провожавшими ихъ до пристани, Павелъ и Алимпій сѣли на пароходъ вмѣстѣ съ пассажирами, отправлявшимися въ Иерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. Между этими пассажирами были какіе-то, по выраженію Павла, „петербургскіе два монаха: попъ Іосифъ, съ золотымъ крестомъ, и іеродіаконъ Филадельфъ.“ Разумѣется, они обратили особенное вниманіе на старообрядческихъ иноковъ, странствовавшихъ, по обычаю, во всемъ своемъ иночествѣ, и вступили въ бесѣду съ ними о цѣли ихъ путешествія. Павелъ, вообще не очень довольный этою встрѣчей, старался напротивъ уклоняться отъ разговоровъ съ ними и на вопросы ихъ отвѣчалъ уклончиво. Вмѣстѣ они ѣхали однако-же недолго. Предположивъ начать свои странствія съ патріархіи антиохійской, Павелъ и Алимпій вышли на берегъ въ Бейрутъ, а прочіе поклонники поѣхали въ Яффу.

Совершивъ трудный переходъ черезъ Ливанскія горы, Павелъ и Алимпій направили путь прямо къ Дамаску, въ мѣстопробываніе антиохійскаго патріарха. Всѣ христіане, какихъ случалось имъ встрѣчать на этомъ пути, крестились троеперстно; о существованіи не только епископовъ глаго-

сообщить ихъ и московскимъ старообрядцамъ. Впослѣдствіи Павелъ поручалъ Геронтію, находившемуся въ Москвѣ, привезти съ собою эти подлинники: „когда будете возвращаться, тогда, если будетъ возможно, слѣдовало бы подлинныя взять отъ Василья Васильича моея руки письма, писанныя въ монастырь изъ *Иерусалима и Царырада*, съ прочими забранными Васильемъ Васильичемъ“ (пис. отъ 27-го мая 1847). Но Василій Васильичъ, по причинѣ наставшихъ для Геронтія и для него самого смутныхъ обстоятельствъ, не только не возвратилъ подлинниковъ въ Бѣлую-Криницу, но и совсѣмъ ихъ затерялъ. Въ Москвѣ ходили впрочемъ по рукамъ списки, сдѣланные съ этихъ знаменитыхъ писемъ, но очень рѣдкіе. Одинъ изъ таковыхъ, преемоднаго уставнаго письма, удалось намъ приобрѣсти; кромя того, отъ іеродіакона Ипполита мы получили какіи-то судьбами сохранившійся листокъ собственноручнаго павлова письма изъ Дарданеллъ: этими письмами Павла изъ Иерусалима и Дарданеллъ мы главнымъ образомъ и будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ разсказѣ. Что же касается письма изъ Бейрута, то его не имѣется, да едвали оно и дошло до Бѣлой-Криницы: по крайней мѣрѣ В. В. Борисовъ, какъ видно изъ приведенныхъ словъ Павла, могъ взять отсюда только два письма: изъ *Иерусалима и Царырада*.

лемыхъ „древлеправославныхъ“, но и вообще старообрядцевъ здѣсь, не было и слуху. На „бѣлоглавои Ливанѣ“ вниманіе Павла заняли больше всего „грозно-величественныя“ красоты природы и самый способъ переѣзда черезъ горы, „гдѣ въючные кони, необычно естеству ихъ, проходятъ по краямъ неизвѣстныхъ пропастей, какъ козы, несчастные же обремененные ослики, какъ мыши, пролѣзаютъ между ущеліями огромныхъ камней, слѣдокъ въ слѣдокъ по тѣсному утесу“¹⁾. Выходъ изъ этихъ горъ и утесовъ въ двѣтущую долину Дамаска былъ для путниковъ отраднѣйшимъ событіемъ, и дамасскую долину Павелъ описывалъ съ восторгомъ. Въ Сиріи онъ обратилъ особое вниманіе на существующихъ донынѣ послѣдователей древнихъ, современныхъ вселенскимъ соборамъ сектъ, и именно тѣхъ, которыя поименованы въ 95 правилѣ шестаго вселенскаго собора, какъ подлежащія пріятію третьимъ чиномъ, каковы: несторіане, еutihіане и северіане. Наблюденія надъ ними Павелъ производилъ съ тою цѣлію, чтобы рѣшить, нельзя ли будетъ въ случаѣ крайности заимствоваться отъ нихъ епископомъ, — и вотъ къ какимъ пришелъ заключеніямъ: „Еретиковъ этихъ — несторіановъ, еutihіановъ северіановъ и прочихъ, кои по 95 правилу шестаго вселенскаго собора могутъ приняты быть въ православіе третьимъ чиномъ, мы видѣли, церкви ихъ и богослуженіе смотрѣли; но теперь просить ихъ архипастырей въ нашу вѣру не разсудили, по причинамъ слѣдующимъ: а) самые главные догматы ихъ вѣры, за которые они соборами осуждены, столь богопротивны, что греки благочестіемъ догмата вѣры о самомъ Богѣ отстоятъ отъ нихъ столь высоко, какъ небо отъ земли; б) наружные церковные обряды ихъ, не говоря предъ нами, но и предъ греческими весьма отвратительны; в) каждая изъ нихъ ересь въ своихъ догматахъ и преданіяхъ столь укоренѣвши, что поколебать ихъ архипастырей весьма трудно.“ Трудность Павелъ находилъ именно въ этой ихъ приверженности къ своимъ лжеученіямъ и во враждѣ къ греческому православію. Въ примѣрѣ онъ приводилъ особенно

¹⁾ Письмо изъ Дарданеллъ.

послѣдователей евтихіевой ереси, которые вытѣснили даже греческаго патріарха изъ Антиохіи въ Дамаскъ и, по его наблюденію, скорѣе готовы принять латинскіе догматы, нежели соединиться съ греческою церковью. „Въ вышнее время (писалъ объ нихъ Павелъ) распространенная по Востоку рука европейцевъ, посредствомъ своихъ миссіонеровъ нѣсколько (евтихіанъ) изъ простаго народа обратила къ западной церкви, а наиболѣе въ униатство; но духовенство ихъ и кои ученые люди твердо укрѣпились въ своей вѣрѣ: по общему взгляду они лучше склоняются къ западнымъ догматамъ, нежели къ греческимъ, *а коими паче къ нашимъ, кажется, вовсе неприступны*“. Оставалось наконецъ навѣдаться у здѣшнихъ православныхъ грековъ, нельзя-ли отъ нихъ получить епископа. Павелъ нашелъ доступъ къ самому патріарху антиохійскому Макарію; но изъ личной бесѣды съ нимъ вынесъ убѣжденіе въ совершенной невозможности и отсюда заимствоваться епископствомъ, якобы потому, что антиохійская патріархія находится въ совершенномъ подчиненіи русскому вліянію: „Были мы въ Дамаскъ (писалъ Павелъ) и лично съ греческимъ антиохійскимъ патріархомъ говорили, который, по замѣчанію нашему, кажется, не можетъ даже и двинуться безъ вѣдома русскаго консула, подъ надзоромъ коего строится въ Дамаскъ при патріархіи огромная каменная церковь во имя Святителя Николы Чудотворца, отъ имени и иждивенія русскаго царя Николы: *то что тутъ можно сдѣлать?*“¹⁾. Притомъ-же въ патріаршествѣ антиохійскомъ совсѣмъ не было „безмѣстныхъ“ епископовъ, на которыхъ собственно и рассчитывали бѣлокриницкіе ловители архіереевъ. За всѣ эти, впрочемъ не особенно неприятныя, неудачи Павелъ достаточно вознагражденъ былъ тѣмъ, что повсюду здѣсь видѣлъ въ употребленіи трехпогрузательное крещеніе.

Изъ Дамаска Павелъ и Алимпій возвратились въ Бейрутъ, и, дождавшись новаго парохода, поплыли въ Яффу. „Прибывши мы въ Яффу (рассказываетъ Павелъ), тотчасъ, по письмамъ даннымъ изъ Царяграда посредствомъ рекомен-

1) Тамъ же.

даці Іосифа Семеновича, обрѣли еще и здѣсь одного *такою же благодѣтельнымъ пана*, которому всѣ здѣшнія обстоятельства потонку извѣстны, и мы въ своемъ предметѣ и о существѣ нашей религіи чистосердечно ему открылись.⁴⁾ Но потому самому, что панъ сей до тонкости зналъ между прочимъ и всѣ обстоятельства пребывающихъ въ Іерусалимѣ поклонниковъ, онъ поставленъ былъ въ затрудненіе, какъ устроить тамъ безопаснымъ и удобнымъ образомъ существованіе рекомендованныхъ ему раскольническихъ иноковъ, потому что въ Іерусалимѣ не имѣлось ни одного человѣка имъ „единовѣрнаго“, который могъ бы принять ихъ и успокоить, не было и австрійскаго консула, покровительству котораго онъ могъ бы поручить ихъ. Однакоже, по зрѣломъ размышленіи, „благодѣтельный тотъ господинъ въ Яфѣ (какъ выражается самъ Павелъ) обѣщаль сотворить имъ нѣкую отраду, и сотворилъ“: онъ придумалъ поручить липованскихъ странниковъ покровительству жившаго въ Яфѣ и состоявшаго съ нимъ въ дружбѣ русскаго консула, который въ это самое время находился въ Іерусалимѣ. Итакъ яфскій „благодѣтельный панъ“ снабдилъ Павла и Алимпія дружескимъ рекомендательнымъ письмомъ къ русскому консулу и съ первымъ караваномъ отправилъ ихъ въ Іерусалимъ. Но ѣдучи туда, они „встрѣтили консула со множествомъ провожатыхъ на дорогѣ, возвращающагося въ Яффу“. Потерявъ такимъ образомъ надежду на его покровительство въ Іерусалимѣ, они продолжали путь сильно озабоченные мыслію о предстоящихъ имъ затрудненіяхъ во святомъ-градѣ. Письмо благодѣтельнаго пана было однакоже для нихъ небезполезно.

„23-го ноября мы достигли святаго Сіона, отколь изыде законъ, то-есть пресловутаго во всѣхъ вѣкахъ града Іерусалима“: такъ начинается Павелъ въ письмѣ къ Геронтію свое повѣствованіе о странствіи по святымъ мѣстамъ. У городскихъ воротъ встрѣтили караванъ посланные изъ патріархіи: узнавъ по языку, что Павелъ и Алимпій русскіе люди, эти посланные привели ихъ прямо на патріаршіи

⁴⁾ Пис. изъ Іерусалима.

дворъ. Здѣсь однакоже липованскіе гости почли нужнымъ прежде всего объяснить — кто они такіе, чтобы впослѣдствіи не подвергнуться изгнанію. Объясненія эти привели грековъ въ нѣкоторое недоумѣніе: въ паспортахъ Павла и Алимпія значилось, что они австрійскіе подданные, по языку оказались русскими, а по вѣрѣ, или точнѣе по обрядамъ, какъ сами говорили, нѣсколько разнятся и отъ русскихъ и отъ грековъ. Но вотъ они показали данное имъ письмо къ русскому консулу: письмо это прочелъ тутъ же находившійся племянникъ консула, — и сомнѣнія на ихъ счетъ были оставлены. Тогда же безпрепятственно дали имъ помѣщеніе въ патріаршемъ домѣ: „тотчасъ приняты мы были не какъ странники, но какъ милые гости, въ особой и довольно чистой, убранной по азіатскому обычаю горницѣ, и что Богъ имъ послалъ угощены, и на двое сутки тамъ упокоены.“¹⁾

Здѣсь покойное пребываніе Павла и Алимпія было нарушено нѣсколько встрѣчей съ тѣми же двумя лицами изъ русскаго духовенства, которыя были ихъ спутниками до Бейрута, а „наипаче“ — съ аеонскимъ инокомъ Парееніемъ, бывшимъ въ старообрядчествѣ Паисіемъ, который, какъ мы говорили въ свое время, участвовалъ въ устроеніи Бѣлокриницкаго монастыря.²⁾ Всѣ трое, узнавши о пріѣздѣ липованскихъ иноковъ, пришли въ патріархію повидаться съ ними.³⁾ При этомъ первомъ свиданіи, „какъ бы со стороны доброжелательства“ (замѣчаетъ Павелъ), они старались познакомить липованскихъ странниковъ съ тѣми порядками, какіе соблюдаются въ Іерусалимѣ относительно поклонниковъ, — именно сообщили имъ, что есть обычай „жертвовать по состоянію каждаго на записку именъ для богомоленія на

1) Тамъ же.

2) „А наипаче случился быть одинъ изъ нашихъ мануиловскихъ отступниковъ, инокъ Паисій, нынѣ онъ Аеонской горы схимникъ Парееній“ (Тамъ же).

3) Игуменъ Парееній, какъ извѣстно, описалъ свои іерусалимскія свиданія и бесѣды съ Павломъ и Алимпіемъ въ своей *Книжѣ о промыслѣ*. Здѣсь онъ замѣчаетъ, что извѣстіе о пріѣздѣ раскольническихъ монаховъ въ Іерусалимъ получилъ отъ племянника русскаго консула (стр. 40).

литургіяхъ за здравіе и за упокой, и будутъ наутріе, какъ православнымъ поклонникамъ, умывать имъ ноги и дѣлать цѣлованіе“; совѣтовали также, „какъ бы съ дружеской стороны, перемѣнить камилавки и мантии, ибо они въ Іерусалимѣ страны и соблазнительны“. Относительно іерусалимскихъ обычаевъ Павелъ сдѣлалъ имъ уклончивый отвѣтъ, не желая вовсе поминовенія на православной литургіи, которое служило бы знакомъ единенія съ церковію: „когда старѣйшины потребуютъ отъ насъ пожертвованія (говорилъ онъ), то мы по силѣ нашей дадимъ; а не будутъ требовать, мы просить о томъ не желаемъ, ибо мы пришли не ноги умывать, ни цѣлованія принимать, а пришли единственно поклониться на мѣстѣ, идѣже стоятъ нозѣ Христовы.“ Перемѣнить же мантии и камилавки Павелъ и Алимпій рѣшительно отказались. „Послѣ сего (замѣчаетъ Павелъ) ноги намъ не умывали и о запискѣ именъ и пожертвованіи денегъ даже и не вспомянули, и мы остались въ покоѣ тѣломъ и совѣстію своею.“¹⁾

На третій день по пріѣздѣ въ Іерусалимъ, въ тѣхъ же отведенныхъ имъ патриаршихъ покояхъ, Павелъ и Алимпій имѣли съ инокомъ Парееніемъ торжественное, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, преніе о вѣрѣ, или лучше — о обрядахъ, употребляемыхъ православною церковію и у гла-

1) Пис. изъ Іерусалима. Всѣ изложенныя сейчасъ обстоятельства въ Книгѣ о промыслѣ передаются иначе. Здѣсь говорится, что будто бы умовенія ногъ Павелъ и Алимпій желали сами, за что „давали деньги“; но имъ отказали, и сказали: „хотя мы васъ и приняли, но все-таки сомнѣваемся въ васъ, чистые ли вы христіане, а потому и не можемъ вамъ умыть ноги“ (стр. 44). И о самомъ прибытіи ихъ въ Іерусалимъ говорится, будто въ патриархію принять ихъ никакъ не хотѣли, не смотря на всѣ ихъ просьбы, что у самого инока Пареенія они просили покровительства и заступленія предъ патриархомъ, что они подробно рассказали ему, Пареенію, о своихъ страствіяхъ и даже не скрыли того, что ищутъ повсюду епископа и путешествуютъ на московскія деньги, которыхъ „прислано имъ довольно количество“ (стр. 41—44). Сомнительно, чтобы осторожный инокъ Павелъ рѣшился разглазольствовать съ „отступникомъ“ (какъ называлъ онъ о. Пареенія) о своихъ планахъ касательно епископа и о московскихъ деньгахъ, — предметахъ крайне щекотливыхъ. Въ письмѣ изъ Іерусалима онъ прямо говоритъ: „о предметѣ нашемъ никому здѣсь не открыто.“

големыхъ старообрядцевъ. Сначала происходило горячее и длинное преніе, разумѣется, о перстосложеніи, потомъ о крестѣ двучастномъ и о имени *Иисусъ*. Павелъ рѣшительно и смѣло высказывалъ свои обычные доказательства въ защиту старообрядческихъ мнѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ;¹⁾ инокъ Пареевій, съ своей стороны, горячо, какъ и всегда, защищалъ православные обряды. Участіе въ преніяхъ, и больше съ примирительною цѣлю, принимали также нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, особенно петербургскій іеромонахъ Іосифъ и „скромный іеромонахъ Тихонъ, Аѳонской же горы, русскій уроженецъ“. Этотъ послѣдній, въ минуту самаго запальчиваго препирательства, „возставъ съ мѣста, началъ съ лаской убѣждать: молю васъ, оставьте вы всѣ эти безуспѣшные разговоры и споры, ибо это дѣло совсѣмъ не наше, но высшихъ архипастырей“; и, обратясь собственно къ Павлу съ Алимпіемъ, прибавилъ: „повѣрьте, други, всѣ наши архипастыри всегда молятся о всѣхъ заблудшихъ и желаютъ миру, но вы не смиряетесь.“²⁾ Описавъ эти споры съ противниками, — споры слишкомъ горячіе и, какъ бываетъ обыкновенно съ такими спорами, ни къ чему не приведшіе, Павелъ дѣлаетъ такое за-

1) Это „преніе съ противниками о религіи“ Павелъ изложилъ весьма подробно въ своемъ іерусалимскомъ письмѣ. Сообщать вполне его содержаніе здѣсь было бы не у мѣста; замѣтимъ только, что сдѣланное Павломъ изложеніе мало имѣетъ сходнаго съ изложеніемъ того же самаго пренія, сдѣланнымъ въ *Книжѣ о промыслѣ* (стр. 45 — 50), гдѣ Павелъ и Алимпій представлены людьми почти безответными и смиренно сознающимися въ своихъ заблужденіяхъ, что трудно согласить съ характеромъ того и другаго. Замѣтимъ еще, что и здѣсь, также какъ въ *уставѣ* и другихъ сочиненіяхъ, защищая дуперстіе, Павелъ приводилъ заимствованное изъ *Поморскихъ отъѣтовъ* любимое свое доказательство, будто бы въ трехъ перстахъ, изображающихъ таинство Святыя Троицы, „таинство воплощенія Бога-Слова выѣстить невозможно“.

2) Любопытенъ отвѣтъ Павла на эту примирительную рѣчь іеромонаха Тихона: „Если высшія власти повстинѣ хотятъ миру, то нужно имъ прежде разрушить поставленную въ 1667 году на новомосковскомъ соборѣ вѣдвенную стѣну, и не просто, но соборныя пусть сознаютъ, что она поставлена неправедно и безразсудно; притомъ признаютъ древнецерковныя преданія, которыя мы нынѣ содержимъ, что воистину они суть православны и безъ всякаго сумнѣнія душеспасительны.“

мѣчаніе: „Все сіе происшествіе слышно было, кажется, не только живущимъ въ патріархіи, но и самому патріарху Кириллу; ибо отведенная намъ келія была на самомъ добромъ мѣстѣ. А какъ никто изъ нихъ не разумѣють русскаго языка, кромѣ эконома іеромонаха Діонисія и старшій шаго изъ архіереевъ духовника, коего называютъ святымъ Петромъ,¹⁾ то никто изъ нихъ не входилъ къ намъ, давали всю волю состязаться безъ всякаго прерыва... И такъ окончилась бесѣда, или преніе наше, поелику уже время наступало разойтись всѣмъ увѣщателямъ нашимъ по своимъ мѣстамъ. Однако разошлись съ миромъ, и послѣ сего *сраженія* уже мы безпокоены болѣе не были.“

Оставленные такимъ образомъ въ покоѣ, Павелъ и Алимпій занялись осмотромъ Іерусалима съ его окрестностями. „Важный предметъ“, для котораго они путешествовали, больше всего имѣлся въ виду и при этихъ странствіяхъ по Іерусалиму и его окрестностямъ. Что здѣсь не возможно обрѣсти ни единаго именуемаго „древлеправославнаго“ епископа, это не подлежало сомнѣнію, ибо всѣ и повсюду крестились тремя персты и содержали прочіе обряды, согласно именуемымъ никоновскимъ „новопремѣненіямъ“. Павелъ весьма внимательно слѣдилъ за ходомъ церковныхъ службъ и въ патріаршей церкви, и въ храмъ Воскресенія, и въ другихъ. Онъ былъ настолько справедливъ, что о службѣ въ патріаршей церкви отозвался съ похвалой: „во время службы весьма было чинно, даже и поклоны полагали *всѣ вкупѣ*, согласно уставу“, — обстоятельство весьма важное въ глазахъ старообрядца.²⁾ Также и о воскресной службѣ, 25-го ноября, въ храмъ Воскресенія, которую отправлялъ самъ патріархъ „въ присутствіи пяти архіереевъ, и многихъ архимандритовъ и прочихъ лицъ“, замѣтилъ, что служеніе это было „удивленія достойно“. И все это благолѣпіе, вся чинность не имѣли однакоже въ его глазахъ никакого значенія, ибо онъ ви-

¹⁾ Митрополитъ Петры аравійской.

²⁾ Пис. изъ Іерус. О самой же церкви патріаршей Павелъ замѣтилъ, что „увраженіе въ ней чрезъ мѣру богатое, иконы весьма искуснаго писанія; полагагательно, все это есть благотвореніе Россіи“.

дѣлъ здѣсь и троеперстіе и прочія глаголемыя „новопремѣненія“. Не забылъ онъ упомянуть и того, что „греки и арабы ведутъ себя въ церкви безчинно, — сверхъ того, какъ въ Россіи; кланяются безъ толку, даже въ шапкахъ и чалмахъ стоятъ въ церкви и молятся Богу“. И такъ обрѣсти „древлеправославнаго“ епископа здѣсь, въ Іерусалимѣ, Павелъ не могъ имѣть и помысленія; не видѣлъ онъ возможности предложить бѣлокриницкую каеэдру и кому-нибудь изъ дѣйствительно — православныхъ епископовъ, тѣмъ больше, что и здѣсь, какъ въ Сиріи, безмѣстныхъ архіереевъ вовсе не было: посему-то Павелъ во все время своего пребыванія въ Палестинѣ хранилъ объ этомъ предметѣ глубокое молчаніе. За-то онъ весьма доволенъ былъ своими изысканіями объ употребляемомъ здѣсь способѣ крещенія. Изысканія же эти онъ производилъ съ величайшею внимательностью, и въ письмѣ своемъ къ Геронтію говоритъ о нихъ подробно. Здѣсь, во-первыхъ, помѣстилъ онъ цѣлую статью: „О крещеніи дѣтей арабскихъ въ Іерусалимѣ“; во-вторыхъ — бесѣду съ греками въ Архангельскомъ монастырѣ¹⁾ о совершаемомъ у нихъ крещеніи. Въ описаніи крещенія арабскихъ дѣтей онъ сдѣлалъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, такое общее заключеніе: „а крестятъ непремѣнно во всей даже окрестности іерусалимской совершенно тремя погруженіями, для того въ церквахъ имѣютъ по двѣ купели: одна обыкновенная—для новорожденныхъ, а другая, на случай, великая—для взрослыхъ“. Чтобъ это общее заключеніе подтвердить еще болѣе, для того и вступилъ онъ въ бесѣду со старцами Архангельскаго монастыря, начавъ бесѣду именно вопросомъ: „давно ли у нихъ, грековъ, стали крестить въ три погруженія?“ „На вопросъ сей (пишетъ Павелъ) они просмѣялись, почли это за глупый вопросъ. Неужели мы, тотчасъ возразили намъ, о принятіи сего божественнаго догмата не знаемъ, что греки приняли крестить погруженіемъ въ водѣ отъ самого Іисуса Христа, крестившагося во Іорданѣ, что самые уставы въ книгахъ греческихъ какъ въ

1) Въ этотъ монастырь Павелъ и Алимпій переведены на жительство съ патріаршаго двора, гдѣ прожили только двое сутокъ.

древнихъ, такъ точно и въ нынѣшнихъ, всякому умѣющему читать очевидно свидѣтельствуютъ, а обливаніе естъ римскаго папы преданіе, что въ грекахъ называется схизма⁴. Далѣ Павелъ пространно излагаетъ, что говорено было греками въ защиту постояннаго, неизмѣннаго употребленія у нихъ трехпогружательнаго крещенія противъ возраженій, которыя нарочно, искушая ихъ, предлагалъ имъ Павелъ; сообщаетъ также и съ своей стороны нѣкоторыя новыя соображенія и доказательства въ подтвержденіе сдѣланныхъ греками доказаній. Все это онъ писалъ, очевидно, съ цѣлю — убѣдить своихъ многочисленныхъ читателей, что старообрядцы несправедливо обвиняютъ грековъ въ обливаніи и что отъ грековъ, какъ отъ имѣющихъ трехпогружальное крещеніе, самое священство къ принятію несумнительно.

Собравши въ Іерусалимѣ нужныя свѣдѣнія о крещеніи въ грекахъ, Павелъ считалъ вполне достигнутою цѣль своего путешествія въ Палестину и не видѣлъ уже надобности долѣе жить въ Іерусалимѣ: „теперь мы уже ни въ какія, разглагольствія не простираемся, но отъ всѣхъ уклоняясь располагаемъ только свой планъ, и каждодневно приискиваемъ случая, какъ-бы скорѣе отправиться на подлежащее дѣло главной нашей препорученности⁴. Это значило, что Павелъ готовъ былъ ѣхать изъ Іерусалима прямо въ Константинополь, гдѣ производились уже Чайковскимъ и прочими его благопріятелями хлопоты „по дѣлу главной препорученности“, и путешествіе въ Египетъ даже не считалъ теперь особенно нужнымъ. Но отправиться въ Константинополь не было возможности за неимѣніемъ „благонадежной оказіи“, и по причинѣ неблагопріятнаго для морскихъ путешествій времени, тѣмъ болѣе, что тогда не существовало еще правильныхъ пароходныхъ рейсовъ изъ Бейрута и Яффы. Представился-же случай пробраться въ Константинополь другимъ путемъ, правда слишкомъ далекимъ и опаснымъ, на который однакоже Павелъ и Алимпій по разнымъ соображеніямъ безотлагательно рѣшились. „Открылся случай ѣхать другою страной, чрезъ Аравію въ Синай, и, полагаемъ, если Богъ благословитъ, нежели намъ на мѣстѣ сидѣть въ

въ ожиданіи случая, лучше между тѣмъ отправиться въ Синай; а тамъ переѣдемъ Чермное, то-есть Красное море, гдѣ переходилъ Моисей, и побываемъ въ Египтъ; потомъ чрезъ Александрію прямо въ Константинополь. И какъ говорятъ, что мы въ Александріи успѣемъ застать пароходъ, то этотъ путь нашъ продолжится немного дольше, чѣмъ чрезъ Байрутъ, куда случая намъ еще не предвидится. И такъ мы на это рѣшились. А наипаче сіе произволеніе наше состоитъ въ томъ, чтобы пройти тою страной *единственно для вѣрнаго свѣдѣнія и конечнаго успокоенія дальнихъ размышленій своихъ и прочихъ*¹⁾.)

Изъ Іерусалима Павелъ и Алимпій выѣхали 12-го декабря 1845 года, проживъ тамъ ровно двадцать дней. Отъ Газы до Суеса шли болѣе трехъ недѣль, испытавъ всѣ лишенія и трудности путешествія по песчаной Аравійской пустынѣ. Въ Суесъ пріѣхали 6-го января 1846. Здѣсь Павелъ и Алимпій отдѣлились отъ прежняго каравана: „въ Суеши открылся намъ другой путь и другіе надежные спутники — скорѣе отправиться на Египетъ, по плану обстоятельствъ нашего дѣла“. Отсюда до Каира они ѣхали, на верблюдахъ три дня, и „окружены были все еще тѣми же опасностями, ибо люди все тѣже арабы, и ночевать приходилось попрежнему среди пустыни, на голомъ песку“. Съ восторгомъ привѣтствовалъ Павелъ окончаніе этого труднаго пути, когда открылась давно ожидаемая нильская долина: „Послѣ нѣсколькихъ спусковъ и подъемовъ, наконецъ, за послѣднею горой, вдругъ открылся въ ногахъ предъ нами удивительный видъ, аки прекрасной розы, цвѣтущей подлѣ тернія: это уже Египетъ! Мы, столь обрадовавшись, говорили другъ другу: теперь мы, слава Богу, вышли изъ острога, или изъ заточенія въ царство Европы! Приостановившись же на той послѣдней горѣ, мы любовались какъ на удивительную картину: ровная и весьма обширная долина, по коей знаменитая рѣка Нилъ господственно разливаетъ свои щедроты, зеленѣла разными произрастеніями и древесами подобно едемскому саду! Хотя видѣли мы довольно прекрасную и плодovitую дамаскову

1) Пис. изъ Іерусалима.

долину, но сія весьма превосходитъ! Тамъ видны ограничивающія оную горы: а сія равнина, аки океанъ, необъятна глазами. Посреди же этой красы располагается славный городъ Каиръ, египетская столица, издали показывающаяся въ гордомъ видѣ огромныхъ зданій, безчисленныхъ мечетей и высокихъ минаретовъ⁴... 1)

Въ Каирѣ Павелъ и Алимпій позаботились прежде всего отыскать тѣхъ старообрядческихъ старцевъ, къ которымъ имѣли посланіе отъ славскихъ отцевъ. Ихъ было четверо; жили они на Булакѣ, близъ рѣки Нила, „питаюсь отъ трудовъ рукъ своихъ“. Настоятель этого маленькаго братства—инокъ Симеонъ жилъ тамъ уже около сорока лѣтъ. „Какую же они радостію были обрадованы (повѣствуетъ Павелъ), какъ увидѣли насъ паче всякаго чаянія!—и приняли въ свою келію съ распростертыми объятіями, какъ присныхъ братьевъ своихъ, и мы пробыли у нихъ дней шесть“. Подъ ихъ руководствомъ Павелъ и Алимпій осмотрѣли городъ, его окрестности и достопримѣчательности; наипаче же „разспрашивали у нихъ о тамошнихъ обстоятельствахъ и о разныхъ религіяхъ, такъ какъ имъ все обстоятельно тамъ извѣстно“. 2)

О церковныхъ обстоятельствахъ Павелъ и Алимпій узнали отъ нихъ, что тогда на александрійской кафедрѣ патріарха небыло; а съ епископами александрійской патріархіи говорить о переходѣ въ старообрядчество старцы совѣта не дали, да и безмѣстныхъ, которымъ можно было-бы сдѣлать предложеніе, точно также, какъ въ Сиріи и Палестинѣ, не имѣлось. О „древлеправославныхъ“ же епископахъ, акнбы крыющихся между прочимъ и въ Египтѣ, они отвѣчали рѣшительно, что здѣсь таковыхъ вовсе не существуетъ, и всѣ объ нихъ слухи — совершенный вымыселъ; 3) наконецъ

1) Пис. изъ карантина въ Дарданеллахъ.

2) Тамъ же. У этихъ, жившихъ въ Египтѣ старообрядцевъ, былъ во время своего странствія инокъ Ираклій. Онъ также говорилъ, что нашелъ четырехъ старцевъ и что отецъ Симеонъ былъ „очень престарѣлый“ (Чт. общ. ист. и др. 1871 г. IV, отд. V, стр. 183).

3) Тоже они говорили и Ираклію съ товарищами: „иноки эти увѣрили насъ (писалъ Ираклій въ своемъ показаніи), что они сами ѣздили и искали даже по всему Нилу до Еѳіопіи, но нигдѣ нашего согласія не встрѣчали“ (тамъ же).

„о тамошнихъ религіяхъ засвидѣтельствовали, что не только восточные тамъ крестятъ въ три погруженія всеобдержно, но даже и католической вѣры также погружаютъ, подражая восточнымъ обычаямъ“. Такъ написали они обо всемъ этомъ и славскимъ отцамъ, въ отвѣтъ на письмо ихъ.¹⁾ Свиданіе съ египетскими старцами имѣло такимъ образомъ великую важность для Павла: на ихъ свидѣтельство онъ могъ смѣло опереться въ томъ, что и самъ говорилъ о невозможности обрѣсти „древлеправославнаго“ епископа и о повсюдномъ существованіи у грековъ трехпогружательнаго крещенія. Египетскіе старцы оказали Павлу съ Алимпіемъ и ту еще важную услугу, что подъ ихъ покровительствомъ они очень удобно жили въ Каирѣ и безпрепятственно устроили свой отъѣздъ въ Константинополь. „Они (писалъ Павелъ о старцѣ Симеонѣ съ братіей) имѣють отъ тамошняго паши привилегію на свободное жительство въ какомъ только городѣ изволятъ, и на продажу рукодѣлія и на содержаніе своей религіи безъ всякаго препятствія. Даже когда отправляли насъ на судно, настоятель только

1) Два отвѣтныхъ письма инока Симеона въ Славскій скитъ были вручены Павлу незапечатанныя; поэтому онъ, въ посланіи къ Геронтію изъ дарданельскаго карантинна, не только изложилъ ихъ содержаніе, но даже снялъ съ нихъ копию. Копія одного письма сохранилась на томъ листѣ собственно-ручнаго павлова письма, о которомъ мы упоминали выше. Вотъ что именно писалъ Симеонъ въ предостереженіе старообрядцамъ, пускающимся странствовать для отысканія „древлеправославнаго“ священства, и о крещеніи у египетскихъ христіанъ: „Извѣствуемъ васъ, яко всѣ вожаки, иже хотять васъ вести *христіанъ искати* въ Тунусъ, и въ Траблусъ, и въ Фесь-Скелю, сирѣчь въ Фесь-Солтанъ, и на рѣку Миричь, то всѣ лжуть, не вѣрують имъ и не ходите съ ними, они хотять васъ обобрать и погубить. И еще: аще хочете священство пріять, то здѣ крещеніе въ три погруженія и вѣрують въ Святую Троицу—Отца, и Сына, и Святаго Духа“. Достойно замѣчанія также слѣдующее мѣсто павлова письма, относящееся къ той же перепискѣ славскихъ и египетскихъ отцовъ: „А какъ славскіе отцы писали къ нимъ (египетскимъ) въ письмѣ о Россіи безъ мѣры ужасное, такъ что они, хотя за Дунаемъ, но трепещуть гоненія, понеже *мѣстоположеніе задунайскихъ настоящая путь войскъ російскихъ*, если послѣдуетъ что не мирно. Сими египетскіе отцы обнадежились ожидать къ себѣ цѣлаго монастыря, или общества; но только весьма сожалѣють они, что теперь власть египетскаго паши ограничена цареградскимъ султаномъ“.

предъявилъ свою грамоту въ таможи, что мы есть ихъ братья, — и тотчасъ отпустили насъ, не заглянувъ ни на одну вещь, что мы при себѣ имѣемъ, тогда какъ никому безъ осмотра таможи не волько выступить изъ города къ отправкѣ по рѣкѣ Нилу въ Средиземное море. Итакъ, давъ другъ другу любовное о Христвѣ цѣлованіе, мы отправились по рѣкѣ Нилу въ Александрію.“

Въ Александріи Павелъ и Алимпій пробыли менѣе сутокъ: „ибо надобности въ ней уже не было“ послѣ того, какъ о всѣхъ „обстоятельствахъ“ они собрали точныя свѣдѣнія въ Каирѣ, главнымъ же образомъ потому, что представилась возможность немедленно отправиться въ Константинополь. Въ самый день пріѣзда въ Александрію, 21-го января, они взяли мѣсто на пароходѣ, который на слѣдующее утро долженъ былъ выйти въ море. Такому скорому отъѣзду они очень обрадовались: „вотъ счастье!—воскликаетъ Павелъ,— но недалеко предстояло и ужасное бѣдствие“. Въ Средиземномъ морѣ имъ пришлось выдержать страшную бурю въ теченіе шести дней. Въ Дарданельскомъ проливѣ пароходъ также болѣе сутокъ боролся съ вѣтрами, и только 30 го января удалось пассажирамъ высадиться въ карантинъ. Здѣсь, сидя въ карантинѣ, въ преддверіи Царяграда, Павелъ на свободѣ подводилъ итоги своихъ наблюденій во время трехмѣсячнаго странствованія по Сиріи, Палестинѣ и Египту. Свои заключенія, дальнѣйшіе планы и ожиданія онъ изложилъ въ странномъ письмѣ къ Геронтію, писанномъ отсюда-же, изъ дарданельскаго карантина. Сущность этихъ павловыхъ заключеній и ожиданій состояла въ слѣдующемъ: „Касательно настоящаго нашего дѣла о занятіи священствомъ отъ грековъ мы теперь *совѣстно совершенно спокойны*, потому что обтекли при помощи Божіей всѣ четыре греческія патріархіи и своими глазами ясно видѣли, что вездѣ у нихъ единообразно совершается крещеніе въ трипостасное Божіе имя тремя погруженіями... Во всѣхъ четырехъ греческихъ патріархіяхъ, кого ни спроси, всѣ духовные и мірскіе также свидѣтельствуютъ о томъ единогласно, даже и самыя уставы въ ихъ книгахъ древнихъ и нынѣшнихъ то-же самое показываютъ. Послѣ сего остается-ли чего требовать вър-

нѣе? А когда крещеніе отъ еретикъ пріято, то уже рукоположеніе *наипаче*... Отъ цареградской патриархіи, гдѣ дѣйствительно трехпогружательное крещеніе производится, мы уже не сомнѣвались заимствоваться архіереемъ; но однако отправились во вселенную, — желательно было осмотрѣть и прочія восточныя патриархіи за Средиземнымъ моремъ; да еще льстились мы и другою надеждою, — не благоволятъ-ли Богъ гдѣ обрѣсти точно намъ единовѣрнаго архіерея. Но теперь, сверхъ нашего краткаго по вселенной обтеченія и обозрѣнія, еще освѣдомились отъ отцевъ египетскихъ, что еслибъ угодно было Богу, то имъ, по столь долговременному въ тѣхъ странахъ обитанію и прилѣжному распытыванію, кажется всѣхъ лучше и удобнѣе узнать-бы можно, — однако они ничего о томъ не знаютъ. *Слѣдовательно, Богъ не благоволитъ намъ тѣхъ искать, если идѣ и есть покровены Божіею рукою отъ знанія міра*; а намъ есть довольно возможное предоставлено средство — искать сообразно правиламъ соборнымъ... Поэтому нужно намъ было осмотрѣть въ Сиріи, Палестинѣ, Аравіи и Египтѣ еще и прочія вѣры, которыя за ереси ихъ вселенскими соборами осуждены и проклятію преданы, но, по 95 правилу шестаго вселенскаго собора, достойны къ принятію въ православіе безъ покрещеванія.⁴ Еретиковъ этихъ — несторіанъ, еutihianъ, северіанъ и др., какъ было уже сказано, Павелъ нашелъ по религиозному состоянію несравненно хуже грековъ и совершенно ненадежными къ просвѣщенію свѣтомъ старообрядчества. На православныхъ епископовъ трехъ патриархій: антиохійской, іерусалимской и александрійской въ этомъ отношеніи также надежды не было. „Въ тамошнихъ мѣстахъ, — въ Сиріи, Палестинѣ, Аравіи и Египтѣ, свободныхъ епископовъ ни у грековъ, ни у прочихъ вовсе нѣтъ; тамъ единожды опредѣлится архіерей на епархію, и сидитъ, доколь не умретъ, или за какую законную вину совершенно изъ сана извержется и вовсе непотребенъ будетъ.“ Правда нужно было-бы попытаться „уцѣломудрить“ кого-нибудь изъ сихъ дѣйствительныхъ патриарховъ, или епископовъ, то-есть обратиться въ старообрядчество: но „это дѣло, — замѣчаетъ Павелъ, — есть претрудное и только одного Бога. Хотя Богъ все мо-

жетъ сдѣлать, какъ мы несумнѣнно вѣримъ; но Онъ же далъ челоуѣку чувство и разумъ, дабы не всегда челоуѣкъ хватался за откровенія Божіи выше обычайности, но первѣе соображался бы съ предоставленными ему мѣрами... А какъ мы *уже видѣли* въ Царьградѣ удобное средство, такъ что тамъ въ одной окружности города находится шесть патріарховъ и болѣе двадцати архіереевъ, удаленныхъ отъ своихъ епархій по прихотямъ Порты, но изверженію, или запрещенію не подлежащихъ: то мы оставили тѣ мѣста и пріѣхали на здѣшній берегъ, гдѣ начнемъ дѣло обыкновеннымъ порядкомъ. Когда изъ такового множества свободныхъ архіереевъ, *паче всякаго нашего чаянія*, не изыщется ни единъ желающій епископъ поступить въ нашу вѣру: тогда знаменіе намъ да будетъ, что Богъ изволяетъ обратиться въ языки, — опять на ту страну Средиземнаго моря, гдѣ начнемъ поступать прямымъ путемъ, проповѣдуя истинную вѣру, и будемъ ожидать содѣйствія Божія, что Онъ Самъ всемогущею божественною властію довершитъ наше дѣло, имиже Самъ знаетъ судьбами. А когда въ Царьградѣ желаемое получимъ, *какъ и не сумнѣваемся*, тогда воспоемъ ему благодарнымъ гласомъ: *Блаисловенъ Богъ нашъ, изволивый тако!*⁽¹⁾,

1) Письмо изъ Дарданеллъ.

VII.

Послѣ долгихъ и трудныхъ странствій по Сири, Палестинѣ и Египту, совершивъ бурное плаваніе по Средиземному морю и высидѣвъ опредѣленный срокъ въ дарданельскомъ карантинѣ, 15-го февраля 1846 года Павелъ и Алимпій возвратились въ Константинополь. Здѣсь, на пристани, ихъ ожидали уже цареградскіе друзья и благодѣтели, которымъ они изъ карантина успѣли послать вѣсточку о своемъ пріѣздѣ: встрѣча была самая радушная, особенно со стороны „благодѣлнѣйшихъ пановъ“, давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ возвращенія бѣлокриницкихъ посланниковъ, въ предпріятіи которыхъ они принимали такое живое участіе¹⁾. Для Павла эта радушная встрѣча отъ вельможныхъ покровителей была тѣмъ пріятнѣе, что теперь-то именно и предстояла надобность въ ихъ помощи и покровительствѣ. Надежда обрѣсти въ восточныхъ странахъ „древлеправославнаго“ епископа для бѣлокриницкой кафедры, какъ и ожидалъ онъ, оказалась тщетною; оставалось начать давно предложенныя и рѣшенныя хлопоты о прі-

1) Вотъ какъ описалъ эту встрѣчу Геронтій въ своемъ *Памятникѣ*: „На пристани, чрезъ чаянія, благодѣлнѣйшими ихъ друзьями были встрѣчены, иже нетерпѣливо ожидавшими ихъ; съ неизреченною радостію охапившися, другъ друга лобызаху и надолгѣ молчаху, не зная о чемъ единъ другаго вопрошати, понеже въ отчаянныхъ уже были, болѣе бо года (?) изъ опасныхъ мѣстъ извѣстіе о себѣ не давали. И тако спѣшно со станціи влекоми бяху.“

обръщеніи для сей цѣли какого-либо изъ проживающихъ въ Царѣ-градѣ безмѣстныхъ архіереевъ: въ этихъ-то не легкихъ поискахъ Павлу нужна была поддержка и помощь опытныхъ и вліятельныхъ цареградскихъ друзей, о чемъ и повелъ онъ откровенную, пріятельскую бесѣду съ ними, рассказавъ предварительно о своихъ безплодныхъ странствіяхъ по далекому Востоку ради изысканія „древлеправославныхъ“ архіереевъ. Благодѣтельные паны съ прежнимъ усердіемъ изъявили готовность всѣми способами помогать бѣлокриницкимъ посланникамъ въ предстоящихъ имъ трудахъ, и при этомъ сообщили имъ, что въ ихъ отсутствіе, согласно общанію, навели уже необходимыя справки — на кого изъ мѣстныхъ архіереевъ могутъ они рассчитывать, какъ на способнаго принять ихъ предложенія. Справки эти оказались впрочемъ не особенно утѣшительны для Павла и Алимпія: не взирая ни на какія нужды и лишения, никто почти изъ православныхъ епископовъ не согласился и помыслить объ измѣнѣ православію. „Изъ числа толикаго множества архіереевъ (писалъ впоследствии Павелъ) только два изъявили желаніе выслушать предложеніе (о бѣлокриницкой каеедрѣ), а то всѣ формально, съ перваго слова, какъ только услышатъ, что (нужно идти) въ чужую землю и другую религію, отряхивали руки, и просили отъйти скорѣе прочь, чтобы кто не услышалъ и не узналъ бы патріархъ.“¹⁾ Всю надежду пришлось возложить теперь на этихъ двухъ, оказавшихся менѣе неприступными. Чтобы войти съ ними въ переговоры, Павлу и Алимпію необходимъ былъ искусный, знающій языки посредникъ: благодѣтельные паны пріискали уже и вполнѣ способнаго къ этому дѣлу человека, которымъ и сами они пользовались до пріѣзда Павла и Алимпія, — это былъ нѣкто Кон-

1) *Письмо въ Торжокъ.* Письмо это писано отъ лица всего бѣлокриницкаго братства, незадолго предъ чинопріятіемъ Амвросія, къ торжковскимъ старообрядцамъ, каковымъ-то Кириллъ Павлычу, Григорію Филипычу и Федору Иванычу, „истиннымъ древлеправославнаго благочестія ревнителямъ и святоотеческихъ преданій всеопаснымъ блюстителямъ“. Что письмо павлова сочиненія—это не подлежитъ сомнѣнію.

стантинъ Огняновичъ, изъ православныхъ сербовъ, чело-
вѣкъ довольно образованный и свободно объяснявшійся на
нѣсколькихъ языкахъ, въ томъ числѣ погречески и порус-
ки, имѣвшій связи съ патриаршимъ домою и многимъ изъ
православныхъ епископовъ лично знакомый, къ тому же
еще и австрійскій подданный, такъ какъ родина его была
въ Банатѣ.¹⁾ Онъ принялъ съ готовностью предложеніе ца-
реградскихъ пановъ, а потомъ и самихъ Павла и Алимпія —
быть переводчикомъ и вообще ихъ посредникомъ въ пере-

1) Павелъ, въ письмѣ Геронтію изъ Браилова, отъ 8-го іюня 1846 года,
писалъ объ Огняновичѣ: „Господинъ переводчикъ искренній и велицеуважный
по нашему дѣлу другъ и нашъ землякъ, австрійскій подданный, но по ре-
лягнъ сербинъ, уроженецъ изъ Баната“. Что Павлу рекомендовали Огня-
новича константинопольскіе поляки, — это мы слышали отъ отца Онуфрія.
Впослѣдствіи старообрядцы, вообще избѣгавшіе упоминать объ участіи
поляковъ въ дѣлѣ объ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи, говорили, что
Огняновича рекомендовалъ Павлу собственно Гончаровъ. Вотъ чтò, напри-
мѣръ, читаемъ въ *Сказаніи о первомъ учрежденіи нынѣ существующей
іерархіи*: „Въ разговорахъ съ митрополитомъ Амвросіемъ инокамъ Алимпію
и Павлу содѣйствовалъ Константинъ Еенимовичъ Огняновичъ, родомъ сер-
бинъ, служившій при цареградской патриархіи, многоученый челоуѣкъ и
довольно знающій многіе языки, вступившій въ помощь страннымъ путе-
шественникамъ по прошенію Осипа Семеновича Гончарова, главнокоманду-
ющаго (?) заграничныхъ казаковъ-некрасовцевъ, едивовѣрнаго намъ хри-
стіанина“. Напечатанныя въ *Книжѣ о промыслѣ* и потомъ многими (въ
томъ числѣ авторомъ *Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ*: см. т. VIII,
стр. 479—480) повторенныя сказанія объ Огняновичѣ, будто онъ былъ „ро-
домъ и вѣрой жидовинъ, Костюшка, отпѣтый мошенникъ, ни съ однимъ, съ
кѣмъ имѣлъ дѣло, честно и безъ обмана не расходившійся“ (*Кн. о пром.*
стр. 50 — 51), опровергаются достовѣрными свидѣтельствами лицъ весьма
близко знавшихъ Огняновича, каковы о. Онуфрій, о. Филаретъ (см. его
Отвѣтъ на письмо старообрядца: Душен. Чт. 1855 года, кн. 12, стр. 192)
и другіе: они положительно говорятъ, что Огняновичъ былъ сербъ, право-
славнаго исповѣданія и челоуѣкъ не безчестный. По своему участію въ
бѣлокриницкихъ предпріятіяхъ онъ дѣйствительно стоить нисколько не
ниже гг. Атанасевича, Тарновецкаго, Дворачка и др., не говоря уже о панахъ
Чайковскомъ, Жуковскомъ и прочихъ. Находящіяся въ *Бѣлокрин. архивѣ*
подлинныя письма Огняновича, писанныя твердымъ, весьма красивымъ по-
черкомъ, отличаются такою правильностью рѣчи, какой невозможно ожи-
дать отъ цареградскаго жида, а немногія неупотребительныя въ рус-
скомъ языкѣ слова и формы выраженія указываютъ въ писавшемъ имен-
но серба.

говорахъ съ православными епископами о принятіи сими послѣдними архіерейства у старообрядцевъ, подробно ознакомился со всѣми обстоятельствами дѣла о бѣлокриницкой архіерейской каѳедрѣ, и сталъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ усердныхъ и полезныхъ для Павла помощниковъ. Взять на себя такую, во всякомъ случаѣ неблагоприятную обязанность, какъ быть посредникомъ въ совращеніи православныхъ архіереевъ изъ православія въ расколъ, Огняновичъ, не имѣвшій никакого состоянія, находившійся въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, прежде всего убѣжденъ былъ, конечно, весьма выгодными предложеніями бѣлокриницкихъ пословъ; но при этомъ нельзя не принять въ соображеніе, что едвали онъ и понималъ какъ слѣдуетъ истинное значеніе дѣла, въ которомъ рѣшился участвовать, не зная хорошо, какъ и всѣ вообще иностранцы, даже исповѣдующіе православную вѣру, чѣмъ въ сущности отличается русскій расколъ отъ православія. Полагая все различіе въ незначительныхъ внѣшнихъ обрядахъ, онъ едвали видѣлъ въ томъ особенную важность, если греческій епископъ сдѣлается епископомъ русскихъ старообрядцевъ; напротивъ, содѣйствовать тому, чтобы цѣлое единоплеменное съ нимъ общество, претерпѣвающее величайшую нужду въ священствѣ, получило правильно устроенную іерархію, могъ онъ считать даже хорошимъ дѣломъ, что именно и старался внушить ему, въ чемъ и утвердилъ его инокъ Павелъ.

Итакъ, Павелъ и Алимпій, подъ покровительствомъ Чайковскаго и при посредствѣ Огняновича, рѣшились вступить въ переговоры съ двумя изъ проживавшихъ въ Константинополѣ безмѣстныхъ архіереевъ, изъявившими нѣкоторую готовность выслушать предложенія о бѣлокриницкой каѳедрѣ. Первый, съ котораго начаты были переговоры и имя котораго въ точности намъ не извѣстно, по свидѣтельству Павла, „весьма занялся выслушаніемъ бѣлокриницкихъ посланниковъ и чрезъ многіе дни велъ съ ними бесѣду объ религіи.“¹⁾ У Павла, очевидно, составленъ былъ опредѣленный

¹⁾ Пис. въ Торжокъ. Въ письмѣ этомъ, изъ котораго собственно и узнаемъ, что были переговоры съ другимъ епископомъ, кромѣ Амвросія, Павелъ на-

планъ, какъ вести бесѣду съ греческими епископами въ видахъ удобнѣйшаго склоненія ихъ въ пользу старообрядчества. Какъ человекъ предусмотрительный, хорошо понимавшій характеръ лицъ, съ которыми велъ дѣло, и давно уже рѣшившій въ своей совѣсти, что ради доброй цѣли дозволительно всякое лукавство, умолчаніе и искаженіе истины, онъ положилъ за правило: въ бесѣдахъ о старообрядчествѣ съ грековосточными епископами никакъ не упоминать самаго главнаго, — что старообрядцы признаютъ греко-восточную церковь еретическою и что за это соборомъ греческихъ и россійскихъ іерарховъ въ 1667 году сами подвергнуты проклятію и отлученію отъ православной церкви. Онъ понималъ какъ нельзя лучше, что упомянуть объ этомъ греческому епископу, приглашать его къ переходу въ общество, православною церковію канонически отлученное и подвергнутое анаемѣ, значило бы съ перваго же раза положить конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ бесѣдамъ о старообрядчествѣ; умолчать же объ этомъ главнѣйшемъ пунктѣ онъ имѣлъ полную возможность, такъ какъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ раскола къ православію въ то время, точно такъ же какъ и нынѣ, не имѣли понятія даже и тѣ весьма немногіе изъ греческихъ пастырей, которые считали себя знакомыми съ исторіей церкви россійской. Минувъ такимъ образомъ самую суцность дѣла, Павелъ въ своихъ бесѣдахъ съ совращаемыми епископами намѣренъ былъ ограничиваться указаніемъ, что старообрядчество содержитъ обряды отличные отъ обрядовъ греко-россійской церкви и что въ этомъ отношеніи имѣетъ предъ сею послѣднею великое преимущество, такъ какъ будто бы въ своихъ обрядахъ осталось вполнѣ вѣрнымъ священно древности, греко-россійская же церковь, принявъ якобы новые обряды, чрезъ то самое отступила отъ святоотеческихъ преданій. Правда, онъ хорошо понималъ, что нельзя будетъ ограничиться

имѣренно не называлъ его имени: „не поясняемъ при семъ имя его“. По словамъ о. Онуерія, епископа этого звали Кирилломъ; но какую занималъ онъ катедру предъ тѣмъ, какъ отозванъ въ Константинополь, это о. Онуерію не извѣстно.

только этими уклончивыми объясненіями, что рано или поздно епископу, убѣжденному или убѣждаемому перейти въ старообрядчество, нужно будетъ сказать и о томъ, что, переходя въ старообрядчество, онъ обязанъ будетъ отречься отъ православной церкви, признать ее еретическою, и самъ яко еретикъ, подвергнуться извѣстному чинопріятію. Но когда и какъ приступить къ такимъ щекотливымъ объясненіямъ, на это Павелъ намѣренъ былъ ожидать указанія отъ будущихъ обстоятельствъ, полагаясь притомъ, какъ любилъ выражаться, на „судьбы Божіи“, которыя все устроить къ лучшему; теперь же считалъ необходимымъ въ бесѣдахъ съ инославными епископами соблюдать именно указанную выше „благоразумную“ осторожность и уклончивость; не входя въ объясненія о томъ, что имъ надлежало бы вѣдать прежде всего и что однако же до времени опасно было сообщать имъ.

Такъ и ведены были бесѣды съ первымъ изъ греческихъ епископовъ, изъявившихъ готовность выслушать бѣнокриницкія предложенія. Со стороны внѣшней законности дѣло о занятіи, съ разрѣшенія австрійскаго правительства, архіерейской кафедры въ Бѣлой-Криницѣ не представляло ничего сомнительнаго; вопросъ заключался собственно въ томъ, какія отношенія должна имѣть новая архіерейская кафедра къ православной іерархіи вообще, или — чѣмъ будетъ отличаться старообрядческій епископъ отъ православнаго. Бесѣда должна была такимъ образомъ сосредоточиться на различіи между старообрядчествомъ и православіемъ. Различіе Павелъ указалъ именно въ обрядахъ, — и, ставши на эту почву, гдѣ онъ чувствовалъ себя особенно сильнымъ, представилъ многочисленныя свидѣтельства въ подтвержденіе правильности и древности такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ. Свидѣтельства эти, истинное значеніе которыхъ могъ оцѣнить только человекъ хорошо изучившій старообрядческую литературу, произвели желаемое впечатлѣніе: собесѣдникъ Павла не нашелъ основанія отвергнуть древность и правильность защищаемыхъ имъ обрядовъ, тѣмъ больше, что въ ихъ объясненіи не слышалъ отъ Павла ничего противнаго православному ученію, и потому употребленіе такъ-

называемых старых обрядовъ не признавалъ противузаконнымъ; но съ этимъ вмѣстѣ и относительно правильности обрядовъ церкви греческой онъ не допускалъ никакого сомнѣнія, и всѣ предъявленные Павломъ возраженія противъ нихъ отвергалъ, какъ не имѣющія силы. Признавъ такимъ образомъ, что главное, чѣмъ отличается такъ-называемое старообрядчество отъ православія, ничего существенно-важнаго не представляетъ, онъ соглашался принять на себя званіе старообрядческаго епископа, но такъ, чтобы и онъ самъ и его паства находились въ полномъ общеніи съ православною церковію, къ каковому общенію никакого препятствія въ старообрядествѣ, по его мнѣнію, не обрѣталось. Выразивъ съ такою опредѣленностью свои понятія объ отношеніяхъ между старообрядчествомъ и православіемъ, основанныя на томъ, что самъ же Павелъ указалъ ему въ обрядахъ всю сущность различія между ними, этимъ самымъ онъ вызывалъ своихъ собесѣдниковъ къ болѣе откровенному указанію дѣйствительныхъ отношеній между старообрядчествомъ и православіемъ. Приходилось открыть ему хотя отчасти то, чего до времени не хотѣлось бы открывать, — и Павелъ со всею осторожностію доложилъ ему, что принявши такъ-называемые старые обряды нужно будетъ навсегда уже отказаться не только отъ новыхъ обрядовъ, но и отъ самой церкви, которая эти обряды содержитъ, и отреченіе отъ нихъ учинить законнымъ образомъ, по правиламъ. Одного указанія на все это было достаточно, чтобы православный епископъ, доселѣ такъ довѣрчиво слушавшій сладкоглаголивую бесѣду Павла о древности и правильности именуемыхъ старыхъ обрядовъ, теперь, понявши въ чемъ дѣло, съ негодованіемъ прекратилъ всякія сношенія съ бѣлокриницкими оболъстителями: „когда ему предложено было (повѣтствуетъ самъ Павелъ), что онъ долженъ будетъ приступить на староцерковныя преданія *законнымъ образомъ* и къ тому *не мѣшать сладкое съ горькимъ*, то въ тотъ же часъ и сей отряхнулъ руки, и рѣшительно отказалъ, и *горше всѣхъ содѣлался не приступекъ.*“¹⁾

¹⁾ Пис. въ Торжокъ.

Испытавъ неудачу въ сношеніяхъ съ первымъ изъ безмѣстныхъ греческихъ епископовъ, подававшихъ нѣкоторыя надежды на принятіе бѣлокриницкихъ предложеній, Павелъ и Алимпій обратились къ другому. Это былъ именно—лишенный кафедры, босно сараевскій митрополитъ Амвросій. Нужно познакомиться съ предшествовавшими обстоятельствами его жизни, чтобы правильно судить о его сношеніяхъ съ бѣлокриницкими послами и о томъ печальномъ исходѣ, какой имѣли эти сношенія.

Амвросій родился въ 1791 году и при крещеніи названъ былъ Амиреемъ.¹⁾ Отецъ его, Георгій, былъ священникомъ румелійскаго города Эноса и считалъ себя двадцать вторымъ священникомъ въ своемъ родѣ, поставляя себѣ это обстоятельство въ особенную честь. Сына онъ рѣшился воспитать, по примѣру предковъ, также для священническаго званія, и съ этою цѣлію отдалъ его въ духовное училище, гдѣ Амирей, получившій по отцѣ фамилію Паппа-Георгополи (Παππα-Γεωργουπολι), выслушалъ курсъ богословскихъ наукъ.²⁾ Въ 1811 году, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, онъ женился и тогда же эносскимъ митрополитомъ Матѳеемъ поставленъ во священника. Съ женою молодой священникъ жилъ очень недолго: въ 1814 году она скончалась, оставивъ ему сына Георгія. Овдовѣвши, онъ провелъ еще три года въ званіи приходскаго священника и потомъ рѣшился при-

1) Извѣстно, что у Грековъ есть обычай давать при крещеніи имена и не находящіяся въ святцахъ: въ силу этого обычая и Амвросій названъ былъ Амиреемъ (Ἀμιρείας). Извѣстіе объ этомъ сообщено сыномъ Амвросія Георгіемъ, который въ послѣдній пріездъ свой въ Москву, въ 1870 году, оставилъ даже, хранящуюся у насъ, собственноручную о томъ записку. Считаю, со старообрядческой точки зрѣнія, не малымъ соблазномъ, что при крещеніи Амвросію дано было имя не обрѣтающееся въ святцахъ, инокъ Павелъ постарался скрыть это обстоятельство отъ старообрядцевъ, — онъ говорилъ, что мирское имя Амвросія было не Амирей, а Андрей, и чтобы не выдать правды, уговорилъ амвросіева сына называться и писаться Андреевичемъ—Ἀνδρείδης, вмѣсто Ἀμιρείδης.

2) И эту фамилію Амвросія, означенную въ упомянутой запискѣ его сына, Павелъ передѣлалъ на другую: *Попповичъ*, и тѣмъ подалъ нѣкоторымъ поводъ въ самой фамиліи Амвросія находить доказательство его, будто бы, славянскаго происхожденія.

нять постриженіе въ иноки: въ иночествѣ получилъ имя Амвросія. Это было въ 1817 году; Амвросій имѣлъ тогда отъ роду 27 лѣтъ. Тотъ же эносскій митрополитъ Матеей принялъ новопостриженного инока къ себѣ въ архіерейскій домъ. Дальнѣйшая служба Амвросія шла вообще довольно успѣшно. Въ 1823 году онъ сдѣланъ, въ санѣ игумена, настоятелемъ Троицкаго монастыря, что на островѣ Халки; здѣсь успѣлъ обратить на себя вниманіе константинопольскаго патріарха Константія, и въ 1827 году, по желанію патріарха, переведенъ ближе къ столицѣ въ настоятели же мекаревмской церкви, что въ Босфорѣ, а потомъ патріархъ Константій взялъ его въ самую патріархію, на должность протосингелла великой церкви. Здѣсь Амвросій сталъ уже на прямую дорогу къ полученію архіерейскаго сана. Въ 1835 году умеръ босносараевскій митрополитъ Веніаминъ: Амвросій предложенъ былъ въ числѣ другихъ кандидатовъ на упразднившуюся каеэдру. Патріаршій синодъ, состоявшій изъ архіереевъ ефесскаго Хрисанеа, ираклійскаго Діонисія, который имѣлъ полномочіе и отъ Панарета никоидійскаго, анкирскаго Герасима и софійскаго Паисія, собравшись подъ предсѣдательствомъ патріарха Григорія въ патріаршей Георгіевской церкви, „избралъ и предпочелъ всѣмъ другимъ его, священно-словеснѣйшаго (πρωτοσολογίστατον), великаго протосингелла святыя Христова великія церкви, господина Амвросія, яко достойнаго воспріяти архіерейское предстоительство (προστασίαν) и пастырскій жезлъ святѣйшія митрополіи боснійскія.“¹⁾ Въ епископы Амвросія рукополагалъ тотъ же патріархъ Григорій, при соучастіи упомянутыхъ выше архіереевъ. Снабженный ставленною архіерейскою грамотой отъ 9 сентября 1835 года, Амвросій отправился въ свой епархіальный городъ Босно-Сараевъ.²⁾

Положеніе православнаго епископа въ Босніи, равно какъ и въ другихъ славянскихъ областяхъ Турціи, было очень затруднительно: ему приходилось стать или на сторону ту-

¹⁾ Ставлен. грам. Амвросія. (*Бълокр. архивъ*)

²⁾ Прошеніе Амвросія, поданное имп. Фердинанду въ іюль 1846, и ставлен. грам. (*Бълокр. Архивъ*).

редкихъ правителей, изнурившихъ народъ тяжкими поборами, всякаго рода притѣсненіями, и въ такомъ случаѣ сдѣлаться предметомъ, народной ненависти, или—на сторону угнетаемаго народа и чрезъ то возбудить противъ себя вражду турецкаго правительства. Присылаемые изъ Константинополя архіереи-фанариоты легко выходили изъ этого затрудненія. Не имѣя ничего общаго съ иноплеменнымъ народомъ, кромѣ религіи, которою впрочемъ не слишкомъ дорожили, всегда поставляя на первомъ планѣ свои денежные расчеты, они обыкновенно становились на сторонѣ сильнаго, вступали въ союзъ съ пашами, заодно съ ними и съ зажиточнымъ классомъ горожанъ дѣлались притѣснителями бѣднаго, измученнаго народа. Архіереи-фанариоты были поэтому ненавистны для народа неменѣе турецкихъ пашей. Но митрополитъ Амвросій явился исключеніемъ изъ боснійскихъ владыкъ-фанариотовъ. Человѣкъ отъ природы добрый, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на бѣдственное положеніе народа.—сталъ на его сторону и по возможности старался облегчать его нужды. Это было такимъ необыкновеннымъ явленіемъ, такъ противорѣчило издавна сложившемуся народному понятію о греческихъ архіереяхъ, что народъ даже не признавалъ Амвросія за грека: утвердился слухъ, что онъ природный славянинъ, и именно болгаринъ. Вотъ замѣчательныя слова объ Амвросіѣ, занесенныя въ одну боснійскую лѣтопись: „Этотъ владыка былъ святой человѣкъ, онъ много заботился о бѣдныхъ. Онъ былъ родомъ болгаринъ, вовсе не былъ сребролюбивъ и радѣлъ только о томъ, чтобы народу было покойно, чтобы народъ не терпѣлъ неправды“ ¹⁾. Были случаи, когда Амвросій дѣйствительно смѣло

¹⁾ Стаки Скендеровой *Лѣтопись Босніи (Зап. Имп. рус. географическаго общества, кн. XIII, стр. 587)*. Вотъ подлинныя слова лѣтописи:

Тай владыка света чоекъ біо,
Сиротиню много е угледа;
Тай е родомъ одъ Бугара біо
Сребра ніе нимало любіо,
Радъ бы біо да е народъ мираяъ
Да народу не има зулума.

заявлялъ себя человѣкомъ, готовымъ стоять за интересы народа, даже пренебрегая своею личною безопасностью. Такой случай былъ именно въ 1840 году, когда одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ сараевскихъ жителей, по имени Глоджо, выведенный изъ терпѣнія несправедливыми притязаніями Мустафа-паши, управлявшаго въ Сараевѣ отъ имени боснійскаго визиря Веджидъ-паши, рѣшился поднять народъ противъ правительства. Замысливъ это дѣло, Глоджо обратился къ Амвросію съ вопросомъ, на чью сторону намѣренъ онъ стать; Амвросій отвѣчалъ: „за кого народъ, за того и владыка“. Онъ дѣйствительно поддержалъ своимъ вліяніемъ народное движеніе. Предпріятіе Глоджи кончилось полною неудачей: главные зачинщики возстанія пострадали. Митрополитъ, и прежнимъ своимъ поведеніемъ уже вызвавшій неудовольствіе пашей, теперь сталъ для нихъ еще ненавистнѣе. Веджидъ-паша потребовалъ его къ отвѣту за участіе въ дѣлѣ Глоджи: Амвросій извинялъ себя тѣмъ, что „долженъ былъ пристать къ этому дѣлу поневолѣ“. Паша отпустилъ его; но, прибавляетъ лѣтопись, и за это дѣло „сохранилъ злобу противъ владыки“. Амвросій между тѣмъ и самъ не думалъ заискивать расположенія Веджидъ-паши, напротивъ вступилъ съ нимъ въ открытую борьбу, и опять главнымъ образомъ за народный интересъ: онъ послалъ въ Константинополь отъ своего имени и отъ имени народа жалобу на притѣсненія со стороны паши и на разныя его злоупотребленія. Жалоба принята въ уваженіе, и въ томъ-же

На основаніи этихъ словъ нѣкоторые утверждаютъ, будто Амвросій и дѣйствительно былъ родомъ болгаринъ. Несостоятельность такого мнѣнія мы уже имѣли случай показать: см. *Расколъ, какъ орудіе партій*, стр. 173, въ прим. А что слухи о болгарскомъ происхожденіи Амвросія были довольно распространены, это видно изъ одного письма извѣстнаго историка Зубрицкаго, сообщавшаго въ Россію извѣстія о новоучрежденной ѳлокриницкой митрополіи. Вотъ что именно писалъ онъ 1849 году къ М. П. Погодину: „Митрополитъ (Амвросій) — грекъ, *зотя меня утврили, что онъ болгаринъ*. Еслибы то былъ болгаринъ, то ненужный бы былъ переводчикъ, который стѣбитъ обществу нѣсколько червонцевъ ежемѣсячно, онъ бы зналъ церковно-славянскую печать и не литургисалъ бы на греческомъ языкѣ“ (Копія съ письма, сдѣланная рукой Т. Ѳ. Большакова).

1840 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Веджидъ-паша, совершенно неожиданно для него, отозванъ изъ Босніи: на его мѣсто присланъ новый визирь Хозревъ-паша. Но и Амвросій вскорѣ долженъ былъ тяжело поплатиться за противодѣйствіе жестокимъ и произвольнымъ распоряженіямъ пашей. Тотъ же Мустафа-паша, и новымъ визиремъ оставленный управлять въ Сараевѣ, уговорилъ богатыхъ сараевскихъ купцовъ, которые заодно съ пашами грабили народъ, написать константинопольскому патриарху доносъ на Амвросія, что онъ „вовсе не такой человекъ, какой имъ надобенъ, что онъ мѣшается не въ хорошія дѣла, состоялъ въ заговорѣ съ Глоджей и сочинилъ клевету на Веджидъ-пашу“. ¹⁾ Если-бы въ то время патриархомъ былъ Григорій, рукоположитель Амвросія, по всей вѣроятности, онъ не оставилъ-бы этого доноса безъ надлежащей повѣрки; но тогда уже на патриаршей кафедрѣ не было ни Григорія, ни его преемника Анеима никоидійскаго. Новый патриархъ, Анеимъ 2-й кизическій, помня участь предшественниковъ, такъ быстро смѣнявшихся, и стараясь по возможности упрочить свое положеніе, находилъ удобнѣйшимъ не противодействовать желаніямъ турецкихъ властителей, когда они, выражая недовольство тѣмъ или другимъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ патриаршей области, искали ихъ смѣщенія. По опредѣленію патриарха, отъ 12-го сентября 1840 года, митрополитъ Амвросій былъ отозванъ изъ Сараева въ Константинополь, и въ преемники ему на митрополию боснійскую назначенъ Игнатій, о которомъ именно ходатайствовалъ Хозревъ-паша и который оказался настоящимъ архіепископомъ-фанариотомъ, притѣснителемъ бѣднаго народа. ²⁾

1) Лѣт. Стаяи Скендеровой, стр. 593.

2) Прошеніе, поданное Амвросіемъ имп. Фердинанду; его же объясненіе на письмо патриарха константинопольскаго, данное 26-го января 1848 года (*Блюкр. архивъ*); Лѣт. Стаяи Скендеровой. На допросѣ у кievскаго генералъ-губернатора, 20-го декабря 1846 года, однимъ изъ лицъ соприкосновенныхъ къ дѣлу о Бѣлокриницкой митрополіи, прусскимъ подданнымъ Ивановымъ, было показано также, что „доставленный въ Бѣлую-Криницу митрополитъ Амвросій, находясь въ одной изъ греческихъ епархій въ Турціи, донесъ султану о какихъ-то безпорядкахъ мѣстнаго паши; султанъ

Положеніе Амвросія было въ то время самое бѣдственное. Не задолго до отозванія онъ женилъ своего единственнаго сына, Георгія, который находился при отцѣ, какъ видно, безъ всякой должности, выбравъ для него невѣсту изъ одного сербскаго семейства, проживавшаго въ Босніи. Нужно было отпраздновать свадьбу и устроить семейную жизнь молодыхъ, — купить для нихъ домъ, завести хозяйство. Такъ какъ въ теченіе пятилѣтняго управленія боснійскою епархіей Амвросій не успѣлъ нажить денегъ, которые нужно было бы для этого вымогать изъ народа, то на свадебные расходы онъ и принужденъ былъ сдѣлать заемъ у одного изъ сараевскихъ жидовъ, промышлявшихъ, какъ и вездѣ, доходнымъ ремесломъ ростовщиковъ. 1) Когда получено было отъ патріарха предписаніе Амвросію ѣхать въ Константинополь, неумолимый займодавецъ потребовалъ немедленной уплаты долга, и такъ какъ уплатить было нечѣмъ, то, по распоряженію турецкихъ властей, несчастный Амвросій, какъ несостоятельный должникъ, былъ посаженъ въ тюрьму,

смѣнилъ пашу: назначенный на его мѣсто донесъ на митрополита, и синодъ смѣстилъ его“ (*Сбор. Кельс.* 1, стр. 141). Сказка же о томъ, что будто бы Амвросій, управляя митрополіей боснійскою, „по ненасытной страсти къ сребролюбію всячески тѣнилъ и грабилъ свою паству“, а одного богатаго христіанина своими „притѣсненіями и тиранствомъ“ довелъ даже до того, что тотъ, отрекшись отъ Христа, принялъ магометанство, каковое событіе и послужило будто бы главнымъ поводомъ къ отозванію Амвросія изъ Босніи, соборному суду надъ нимъ и запрещенію священнодѣйствія, — эта сказка, сочиненная апокрифическимъ Платономъ Аванадравичемъ и пущенная въ ходъ, чрезъ обнародованіе въ печати, игуменомъ Пареміемъ (см. *Кн. о промыслѣ*, стр. 21), который приукрасилъ ее и собственными вымыслами (какъ наприм. онъ увѣряетъ, что патріархъ не только запретилъ Амвросію священнослуженіе, но и приказалъ святѣйшему синоду своему судить его по правиламъ святыхъ отецъ, *извернуть изъ сана и сослать на вѣчное заточеніе*: тамъ же стр. 59), а вслѣдъ за нимъ довѣрчиво повторенная и другими писателями, даже, къ удивленію, г. Варадиновымъ, имѣвшимъ подъ руками такое множество матеріаловъ подостовѣрнѣ *Книги о промыслѣ* (см. его *Исторію мин. внутр. дѣлъ*, т. VIII, стр. 480), очевидно, не заслуживаетъ никакого довѣрія.

1) По свидѣтельству Стаки Скендеровой, весьма обстоятельно передающей подробности этого дѣла, Амвросій именно „задолжалъ жиду Соломону Травники 28 мѣшковъ пшестровъ“ (стр. 594).

гдѣ и находился до тѣхъ поръ, пока не было продано, для уплаты долга, все его имущество, въ томъ числѣ и купленный для сына домъ. Наконецъ, 27го декабря 1841 года, Амвросій выѣхалъ изъ Сараева, горько жалуясь на неблагодарность народа, который допустилъ его до позора—сидѣть въ тюрьмѣ. Вотъ что говорится объ этомъ въ боснійской лѣтописи: „Выпроводили владыку изъ Сараева на Степановъ день, третій день Рождества. Владыка Амвросій отправился въ путь, проливая горючія слезы: онъ снималъ шапку и проклиналъ народъ. Ему было черезчуръ горько, что во всемъ народѣ не нашелся ни одинъ человѣкъ, который постарался бы спасти его отъ заключенія, поручившись за него на нѣсколько дней, пока не распродадутъ его имущества, но всѣ потерпѣли, чтобы на него пагъ приговоръ суда.“¹⁾

Не зная за собою вины, за которую дѣйствительно подлежалъ бы лишенію кафедры, Амвросій ѣхалъ въ Константинополь не безъ надежды, что его дѣло разъяснится и что вмѣсто босно-сараевской онъ получитъ по крайней мѣрѣ другую епархію. Съ дороги, изъ Браилова, онъ написалъ одному изъ константинопольскихъ друзей своихъ, чтобы тотъ навѣдался въ патріархіи, что послужило причиной его отозванія съ босно-сараевской кафедры и какія дальнѣйшія намѣренія на его счетъ имѣетъ вселенскій патріархъ. Посоветовавшись съ другими лицами, знавшими невинность Амвросія, этотъ другъ его нашелъ удобнѣйшимъ навести о немъ справку въ патріархіи чрезъ посредство русскаго посланника въ Константинополь, г. Титова, который, какъ представитель православнаго императора, считался защитникомъ и покровителемъ православнаго духовенства и народа отъ притѣсненій мусульманскаго правительства, и потому самому пользовался большимъ уваженіемъ въ патріархіи, имѣлъ вліяніе на производившіяся тамъ дѣла. Рус-

¹⁾ Лѣт. Ст. Скендеровой (стр. 594). Здѣсь же говорится, что „бѣдные люди, и турки и христіане“, собирались жаловаться на нашей Мустаѣу и Фазли за то, что по ихъ просякамъ митрополитъ Амвросій удаленъ изъ Босніи, но что тѣже наши успѣли отклонить эту жалобу.

скій посланникъ, по просьбѣ расположенныхъ къ Амвросію духовныхъ лицъ, дѣйствительно обращался къ патриарху Анеиму за объясненіями о причинахъ его смѣщенія съ босно-сараевской епархіи, — спрашивалъ не имѣется ли за Амвросіемъ какой-нибудь вины противъ вѣры православной, или противъ церкѣви, или наконецъ противъ самой власти патриаршей. Патриархъ отвѣтилъ, что ничего онъ не знаетъ за Амвросіемъ, а отозвалъ его съ босно-сараевской кафедръ, только уступая настоятельному желанію турецкихъ правителей Босніи, отъ которыхъ взведены на Амвросія многія клеветы.¹⁾ Получивъ такія извѣстія, Амвросій пріѣхалъ въ Константинополь съ твердою надеждою, что получитъ назначеніе на первую упразднившуюся архіерейскую кафедру. Но эта надежда оказалась напрасною. Вскорѣ (именно 12-го іюня 1842 года) патриархъ Анеимъ скончался, не оказавъ особенной заботливости о томъ, чтобы пристроить Амвросія. Преемники Анеима: Германъ, Мелетій и Анеимъ 3-й заботились о томъ еще меньше.

Такимъ образомъ митрополитъ Амвросій поступилъ въ число безмѣстныхъ архіереевъ, которыхъ было тогда въ Константинополь особенно много и которые владѣли вообще самую жалкую, тяжелую жизнь, среди униженій и лишеній всякаго рода.²⁾ Положеніе Амвросія, можно сказать, было еще бѣдственнѣе, чѣмъ положеніе его сотоварищей. При постоянной мысли объ оказанной ему несправедливости, при горькихъ разочарованіяхъ въ своей надеждѣ на полученіе кафедры, онъ долженъ былъ, какъ человекъ семейный, испытывать еще самыя тяжкія матеріальныя лишенія. Скудной

1) Объясненія Амвросія, данныя графу Инцаги 30 янв. 1848 г. (*Бълокр. архивъ.*)

2) Вотъ что, напримѣръ, говоритъ объ нихъ Надеждинъ: „Эти безмѣстные архіереи, во всѣхъ отношеніяхъ, суть крайній позоръ своего сана. Ихъ находится немало даже въ Молдавіи и Валахіи, и я видаль неоднократно собственными глазами какъ они — въ Яссахъ или Вукурештѣ — ввязъ подмышку узелъ съ своимъ архіерейскимъ облаченіемъ, бѣгутъ на похороны, или на другую какую-нибудь церковную церемонію, вовсе непрошеные, съ тѣмъ, чтобы получить за работу какую-нибудь полтину серебра, или много карбованецъ“ (*Сбор. Кельс.*, ч. 2, стр. 273).

пенсiи, которая выдавалась ему изъ патриархiи,¹⁾ и случайныхъ ничтожныхъ доходовъ, для полученiя которыхъ приходилось столько унижаться, едва доставало ему съ сыномъ на самыя необходимыя потребности; а невѣстку, молодую жену его сына, пришлось даже отправить на жительство къ ея роднымъ въ Боснiю. Въ такомъ положенiи провелъ Амвросiй около пяти лѣтъ, при патриархахъ Анеимѣ 2-мъ, Германѣ и Мелетiѣ. Въ теченiе этихъ пяти лѣтъ, подъ влiянiемъ огорченiй и нуждъ всякаго рода, воспиталась въ душѣ его глубокая вражда къ константинопольскому церковному правительству, и вообще послѣдовала печальная перемѣна въ его характерѣ, — теперь это былъ уже непрежнiй босносараевскiй Амвросiй, о которомъ говорится въ лѣтописи: *свети цокъ био, сребра нимало любю...* Еще болѣе почувствовалъ Амвросiй тяжесть своего безвыходнаго положенiя, когда на патриаршiй престолъ возведенъ былъ Анеимъ 3-й. Анеимъ находился прежде въ самыхъ близкихъ отношенiяхъ къ Амвросiю и даже, когда постигло Амвросiя несчастье, отнесся съ особеннымъ участiемъ къ его положенiю: понятно, что съ избранiемъ Анеима на патриаршество оживились и надежды Амвросiя на полученiе какой-нибудь каедры. Праздныя архiereйскiя каедры открывались; но патриархъ Анеимъ замѣщалъ ихъ молодыми людьми изъ своихъ приближенныхъ, объ Амвросiѣ же и подобныхъ ему безмѣстныхъ архiereяхъ оставилъ всякое попеченiе.²⁾ Это было самымъ чувствительнымъ ударомъ для Амвросiя: онъ понялъ, что теперь окончательно догнбла всякая надежда на облегченiе его участи въ Константинополѣ; а глубокая затаенная вражда, которую съ тѣхъ поръ сталъ онъ пи-

1) Что Амвросiй получалъ вспоможенiе изъ патриархiи, это подтверждаетъ собранными о немъ свѣдѣнiями нашего посольства въ Константинополѣ: г. Устиновъ, отъ 14-го (26-го) марта 1847, доносилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что „Амвросiй проживалъ въ Константинополѣ въ бѣдномъ положенiи, при оказываемыхъ ему впрочемъ ежемѣсячныхъ пособiяхъ изъ патриархiи“ (*Сбор. Кельс.* ч. 2, стр. 294). То же подтверждается и другими извѣстiями: Зубрицкiй, наприм., писалъ, что Амвросiй „получалъ *скудное* подаенiе казны“ (пис. къ М. П. Погодину).

2) Объясненiя Амвросiя графу Ишцаги (*Бѣл. арх.*).

татъ къ своему бывшему пріятелю — новому патріарху, дѣлала его цареградскую жизнь, подѣ надзоромъ и на нищенскомъ жалованьѣ у этого самаго патріарха, еще болѣе невыносимой....

Въ такомъ положеніи находился митрополитъ Амвросій, когда явились къ нему Павелъ и Алимпій съ предложеніемъ занять открываемую въ Бѣлой-Криницѣ съ разрѣшенія австрійскаго правительства архіерейскую кафедру у буковинскихъ старообрядцевъ.

Первоначально и Амвросій, подобно прочимъ епископамъ, отвѣчалъ на предложеніе бѣлокриницкихъ депутатовъ рѣшительнымъ отказомъ, видя въ немъ оскорбленіе и православной вѣры и своего епископскаго достоинства: „Казалось ему (рассказываетъ Павелъ), что если отступить отъ своей религіи, то какъ-бы отступить отъ самого Бога, ибо всѣ Греки вообще такъ говорятъ, что ихъ вѣра, вкупѣ съ великороссійскою, надъ всѣми въ цѣломъ свѣтѣ вѣрами, какъ солнце надъ землею, благочестіемъ сіяетъ. Итакъ митрополитъ сперва отказалъ, яко боится и помыслить, чтобы отступить отъ своего патріарха и отъ своей греческой церкви.“¹⁾ Отказу Амвросія Павелъ и Алимпій однако-же не придали такой важности, какъ подобнымъ отказамъ прочихъ православныхъ епископовъ. Они ясно видѣли, что Амвросій говорилъ только подѣ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, вызванныхъ предложеніемъ, о дѣйствительномъ значеніи котораго онъ не могъ еще имѣть надлежащаго понятія, и надѣялись мало-по-малу ослабить силу этихъ впечатлѣній, — дать иное направленіе его мыслямъ, воспользовавшись для этого именно крайне затруднительнымъ его положеніемъ, всѣми вообще печальными обстоятельствами его жизни, о которыхъ имѣли уже самыя точныя свѣдѣнія и которыми намѣрены были, съ своимъ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ искусствомъ, противопоставить спокойствіе и довольство вполне обезпеченной жизни, ожидающей его съ принятіемъ почетнаго званія „первосвятителя всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“. Здѣсь Павелъ и Алимпій

¹⁾ Пис. въ Торжокъ.

намѣрены были приложить въ дѣлу тотъ-же, хорошо знакомый имъ способъ совращенія въ расколъ посредствомъ общанія житейскихъ выгодъ, который съ такимъ успѣхомъ обыкновенно употреблялся у раскольниковъ для пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ изъ среды угнетеннаго нуждой православнаго духовенства.

Теперь однакоже приходилось повторить давно извѣстный опытъ въ размѣрахъ, тагъ-сказать, грандіозныхъ и съ лицомъ, по своему іерархическому положенію и по своимъ личнымъ качествамъ, стоящимъ несравненно выше того класса людей, откуда обыкновенно набирались у раскольниковъ бѣглые попы. Требовалось поэтому вести дѣло съ большою осмотрительностью и ловкостью. У Павла и его сотрудниковъ не было недостатка въ этихъ качествахъ, и дѣло повели они съ замѣчательнымъ искусствомъ. Амвросія они оставили до времени совершенно въ сторонѣ, а все вниманіе устремили на его сына — Георгія. Переговоры съ этимъ молодымъ еще человѣкомъ, по ихъ соображеніямъ, должны были весьма много облегчить имъ дѣло. Онъ не имѣлъ, подобно отцу, ближайшихъ побужденій дорожить вообще интересами православной іерархіи и гораздо болѣе нежели отецъ тяготился своимъ крайне бѣдственнымъ положеніемъ, вынудившимъ его даже растаться съ женой: по всему этому съ нимъ легко было начать бесѣду о представляющемся удобномъ случаѣ—измѣнить свою бѣдную жизнь, полную лишеній всякаго рода, на совершенно обезпеченную, во всякомъ изобиліи и довольствѣ, пожертвовавъ для этого весьма немногимъ—чтобъ отецъ его отрекся отъ подчиненія той высшей іерархической власти, которая собственно и виновата во всѣхъ его заключеніяхъ, вовсе не измѣняя притомъ ни древлеправославному ученію, ни древлеправославной церкви. А склонивши на свою сторону подобными аргументами амвросіева сына, единственнаго и любимаго, они пріобрѣли бы въ его лицѣ такого союзника, такого сильнаго ходатая предъ Амвросіемъ, что при его помощи уже было бы не трудно и съ симъ послѣднимъ возобновить прерванныя объясненія и мало-по-малу привести эти объясненія къ вождедѣнному концу.

Павелъ и Алимпій пригласили Георгія Амиридеса къ себѣ на квартиру и при посредствѣ Огняновича повели съ нимъ бесѣду по предположенному плану. Изложили сначала сущность своего дѣла, указавъ, разумѣется, на тѣ его стороны, съ которыхъ оно представляется въ наиболѣе благоприятномъ свѣтѣ, — говорили именно, что въ австрійскихъ владѣнiяхъ, въ Буковинѣ, имѣется большое общество людей русскаго племени, исповѣдующихъ древлеправославную вѣру, но, по судьбамъ Божиимъ, многи годы не имѣющихъ у себя полной и законно устроенной iерархiи; что общество это обратилось къ австрійскому императору за дозволенiемъ учредить у себя, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, архiерейскую кафедрѣ и всемилостивѣйшій императоръ далъ на то свое высочайшее дозволенiе (въ доказательство были представлены Георгію подлинныя находившіяся у Павла документы); что теперь они — Павелъ и Алимпій ищутъ именно епископа, который согласился бы занять въ Бѣлой-Криницѣ архiерейскую кафедрѣ, и между прочимъ обращались съ этимъ предложенiемъ къ его родителю, но сей послѣдній не благоволилъ надлежащимъ образомъ вникнуть въ ихъ дѣло и отвѣчалъ отказомъ на ихъ предложенiе; а между тѣмъ дѣло сіе, какъ видно изъ сказаннаго, дѣло вполне законное и для него, владыки - Амвросія, ни мало неунизительное, напротивъ еще доставить ему благословенiе многихъ христіанскихъ обществъ, столько времени страждущихъ лишенiемъ священства, и славу въ потомствѣ, какъ великому ихъ благодѣтелю, сверхъ же всего вышесказаннаго принесетъ еще и немалыя житейскія выгоды, ибо съ занятiемъ новоучреждаемой кафедрѣ, какъ они могутъ формальнымъ образомъ поручиться, ему доставлено будетъ со всѣмъ его семействомъ такое обезпеченiе, какое самъ онъ, по взаимному съ ними условію, признаетъ для себя достаточнымъ. Изложивъ все это, Павелъ просилъ Георгія безпристрастно и внимательно разсудить, осмотрительно ли поступилъ его родитель, отвергнувъ предложенiе, столь законное, почетное и въ его положенiи столь выгодное.

Несомнѣнную выгодность этого предложенiя никто, конечно, не могъ оцѣнить такъ хорошо, какъ злополучный

сынъ Амвросія; да и во всемъ дѣлѣ о Бѣлокриницкой кафедрѣ, какъ изложилъ его Павелъ, онъ не находилъ, дѣйствительно, ничего противозаконнаго или безчестнаго; онъ съ другой стороны, и тѣ причины, по которымъ его отецъ отвергнулъ предложеніе сдѣлаться старообрядческимъ епископомъ, считалъ онъ вполне уважительными, если только въ настоящемъ случаѣ онѣ имѣли мѣсто. На нихъ-то и указалъ онъ Павлу, желая получить отъ него объясненіе— дѣйствительно ли Амвросію ~~с~~долженъ будетъ, вступая на бѣлокриницкую кафедру, отречься отъ всякаго общенія съ патріархомъ, у котораго состоитъ въ законной зависимости, и даже отъ самой религіи православной. Павелъ не отрицалъ того, что Амвросій долженъ будетъ прервать всѣ сношенія съ патріархомъ и не испрашивать патріаршаго дозволенія на занятіе бѣлокриницкой кафедры: но (прибавилъ онъ), послѣ тѣхъ обидъ и несправедливостей, какія оказаны Амвросію прежними патріархами и особенно нынѣшнимъ, можно ли сколько-нибудь затрудняться этимъ обстоятельствомъ? напротивъ, несправедливыя, антиканоническія въ отношеніи къ Амвросію дѣйствія константинопольскихъ духовныхъ властей не должны ли служить для него законнымъ основаніемъ прекратить съ этими властями всякое общеніе? Что же касается православной религіи, то, по объясненію Павла, Амвросію не только не предстояло надобности измѣнять ей, напротивъ, именно потребуется, чтобъ онъ содержалъ истинную древлеправославную вѣру. Это служило прямымъ переходомъ къ тому, чтобы познакомить Георгія Амиридеса, сколько было нужно, съ глаголемымъ старообрядчествомъ. Сказавши, какъ вообще строго заботятся старообрядцы о соблюденіи правой вѣры во всей неизмѣнной чистотѣ ея, Павелъ указалъ и на то, что составляетъ якобы существенное различіе между глаголемымъ старообрядчествомъ и православною церковію, то-есть на именуемые старые обряды, представляющіе будто бы болѣе вѣрное соотвѣтствіе святоотческимъ преданіямъ, нежели обряды употребляемые церковію, и особенно распространенныя, по обычаю, о перстосложеніи для крестнаго знаменія; указалъ также на строгое возбраненіе у старообряд-

цевъ невозволительныхъ православному христіанину обычаевъ, наковы — брадобритіе, употребленіе табаку и другіе, относительно которыхъ церковныя власти попускаютъ недозволительное послабленіе¹⁾.

Само собою разумѣется, что сынъ Амвросія, вообще отличавшійся особенною проницательностью ума, притомъ же получившій весьма скудное образованіе, о русскомъ расколѣ не имѣлъ дотогѣ ни малѣйшаго понятія: все, что говорилъ ему Павелъ, онъ принималъ поэтому съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякихъ возраженій, тѣмъ болѣе, что внутренно былъ уже предрасположенъ вѣрить всему, что такъ или иначе способствовало осуществленію дѣла, обѣщавшаго столь неожиданную и счастливую перемену въ его безотрадной жизни. Этимъ конечно и объясняется, почему Георгій Амиридидъ весьма скоро сдался на предложенія Павла: послѣ первой же бесѣды Георгій далъ ему обѣщаніе — ходатайствовать предъ отцомъ, чтобы тотъ благосклонно выслушалъ бѣлокриницкихъ пословъ и безпристрастно разсмотрѣлъ ихъ предложенія, въ которыхъ якобы не находится ничего оскорбительнаго для православной вѣры и епископскаго достоинства. Но Павелъ, какъ будто въ насмѣшку, объяснялъ такой легкой и скорый успѣхъ своихъ объясненій съ амвросіевымъ сыномъ особенною будто бы „разумностью“ сего послѣдняго: „Онъ по одаренію природы отъ естественнаго разума всему весьма внялъ и почелъ за лучшее въ нашемъ содержаніи и началъ по малу предлагать своему отцу къ воспріятію древнихъ обрядовъ благоволенія“²⁾.

Для Амвросія наступила тяжелая пора внутренней борьбы между сознаніемъ лежащаго на немъ долга, желаніемъ соблюсти, не взирая на всѣ огорченія, на всѣ угнетавшія его нужды, непоколебимую вѣрность своимъ обязанностямъ

1) Пис. въ Торжокъ. Вотъ что именно говорится здѣсь о свиданіи и бесѣдѣ съ Георгіемъ: „послы призвали къ себѣ его (амвросіева) сына и подробно ему все рассказали о догматахъ нашея вѣры, и о крестномъ знаменіи, и о табакѣ ясно протолковали.“ Другія подробности этой бесѣды заимствованы изъ письма самого Георгія въ Московскій духовный совѣтъ, отъ 7-го декабря 1864 года, которое въ извлеченіи приведено будетъ ниже.

2) Пис. въ Торжокъ.

православнаго пастыря съ одной стороны, и искусительною возможностью посредствомъ искренняго или не искренняго, дѣйствительнаго или притворнаго нарушенія этихъ обязанностей устроить себѣ и своему семейству жизнь сповойную, вполне обеспеченную—съ другой. Многое влекло Амвросія на эту послѣднюю сторону,—и его личныя отношенія къ цареградскому духовному правительству, и воспоминаніе перенесенныхъ отъ этого правительства несправедливыхъ огорченій, и безотрадность настоящаго положенія въ зависимости отъ патріарха, и безнадежность будущаго при наступающей уже старости, и ко всему этому забота объ обеспеченіи сына, который именно обращался теперь къ его родительскому чувству съ неотступными просьбами принять предложеніе, обѣщающее такія несомнѣнныя выгоды. Требовалось не мало нравственной силы, чтобы выдти побѣдителемъ изъ этой борьбы, не поступиться своимъ долгомъ въ виду столькихъ искушеній. Прежде, когда Амвросій былъ дѣйствительнымъ босно-сараевскимъ митрополитомъ, онъ не имѣлъ недостатка въ нравственной силѣ; но теперь, какъ мы уже говорили, Амвросій былъ не тотъ, что прежде: подъ вліяніемъ разныхъ огорченій и нуждъ его характеръ значительно измѣнился, и устоять противъ столькихъ искушеній у него не стало уже силы, когда особенно на сторонѣ искусителей явился его собственный сынъ. Относительно выгоды бѣлокриницкихъ предложеній, онъ, разумѣется, не могъ сдѣлать сыну никакихъ возраженій; при своихъ личныхъ отношеніяхъ къ тогдашнему патріарху, безъ большаго труда сдѣлалъ онъ уступку и въ томъ, чтобы оставить Константинополь, не испрашивая патріаршаго разрѣшенія: павловы доказательства, что неправильныя, антиканоническія въ отношеніи къ нему дѣйствія цареградскихъ властей даютъ ему законное право прервать съ этими властями всякое общеніе, повидимому, имѣли на него немалое также вліяніе въ этомъ случаѣ¹⁾. Оставалось одно, и

1) Въ своемъ прошеніи австрійскому императору Амвросій именно указывалъ, какъ на причину своего удаленія отъ греческой церкви, на то, что незаконно смѣщенъ съ архіерейской кathedры, и вообще на допускаемыя въ

самое главное затрудненіе — не придется ли ради бѣлокриницкой каеэдры измѣнить православной церкви и православной вѣрѣ. Но сынъ доказывалъ ему, утверждаясь на словахъ Павла, что о такой измѣнѣ не можетъ быть и рѣчи, потому что старообрядцы такіе же православные христіане, какъ и греки, отличаются же отъ нихъ только обрядами, которые притомъ еще согласнѣе съ древностію, нежели обряды греческой церкви; а дабы во всемъ этомъ увѣриться точнѣе, онъ просилъ отца пригласить самихъ бѣлокриницкихъ посланниковъ, которые все объяснятъ ему въ подробности. Амвросій также мало имѣлъ понятія о русскомъ расколѣ, какъ и его сынъ; въ этой мысли, что такъ называемое старообрядчество будто бы ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ православія и переходъ въ старообрядческіе архіереи будто бы вовсе не потребуетъ отреченія отъ православной церкви, ему блеснула отрадная надежда легко устранить и послѣднее препятствіе къ принятію предложенія, столь выгоднаго и на сторону котораго онъ склонился уже такъ далеко. Амвросій объявилъ сыну, что готовъ выслушать бѣлокриницкихъ пословъ. Съ его стороны это былъ самый несчастный, роковой шагъ, который скоро привелъ его къ окончательному паденію; для Павла и Алимпія напротивъ это его согласіе возобновить переговоры съ ними было не малымъ торжествомъ: планъ ихъ удался исполнѣ; то, чего хотѣли достигнуть чрезъ посредство амвросіева сына, было достигнуто. И Павелъ даже не скрывалъ, что именно Георгію обязанъ былъ первою, и потому самую важную побѣдой надъ Амвросіемъ: „мало-по-малу предлагая своему отцу къ воспріятію древнихъ обрядовъ благоволенія, онъ такъ склонилъ его сердце, что митрополитъ присылаетъ уже и проситъ пословъ дабы пришли къ нему побесѣдовать“¹⁾.

греческой церкви „противозаконныя смѣщенія и новыя поставленія епископовъ, еще при жизни перваго, въ христіанскомъ законѣ жестоко запрещенныя, яко духовное прелюбодѣвіе“, каковыя „и другія премногіи порочныя дѣла греческой церкви онъ, Амвросій, съ жалостію и сердечною болѣзнію оплакивалъ“ (*Бѣлокр. архив.*).

¹⁾ Пис. въ Торжокъ. Самъ Георгій Амиридисъ также рѣшительно утверж-

И бесѣды начались. Павелъ говорилъ Амвросію, разумѣется, при посредствѣ Огняновича, о догматахъ вѣры, о церковныхъ тайнахъ, о неизмѣнно содержимыхъ старообрядцами древлеотеческихъ преданіяхъ и обрядахъ. Амвросій выслушалъ его со всѣмъ вниманіемъ и нашелъ, что ничего противнаго православію въ ученіи старообрядцевъ, какъ изложилъ его Павелъ, дѣйствительно не находится, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ. „Я вижу, — отвѣтилъ онъ, — что старо-вѣрческая церковь съ греческою во всемъ согласна, кромѣ только перстосложенія для крестнаго знаменія; а почитаніемъ осмиконечнаго креста старообрядцы не отличаются отъ грековъ, ибо и греки почитаютъ крестъ сей, какъ истинный крестъ Христовъ, таковымъ же признавая и крестъ четырехконечный; брадобріе же, табакъ и прочее не одобряетъ и греческая церковь, какъ что-либо законное, а только не со всею строгостію преслѣдуетъ ихъ употребленіе“.¹⁾ Отвѣтъ Амвросія показывалъ, что и онъ, подобно тому епископу, съ которымъ объясненія Павла кончились такъ неудачно, предполагалъ совершенное согласіе между

дѣтъ, что отецъ только уступая его настоятельнымъ просьбамъ согласился занять архіерейскую кафедру у раскольниковъ. Въ 1864 году онъ писалъ къ Антонію и московскому духовному совѣту: „Въ Константинополѣ покойный отецъ Павелъ и отецъ Алимпій Милорадовъ вопервыхъ со мною имѣли разговоръ и вообще меня свои благопріятныя желанія и намѣренія, за которыхъ они только далеко ходили и только деньги вонъ дали; при семъ показали мнѣ и высочайшею изволенію самого императора аустрійскаго. Вопервыхъ, мой покойный родитель не хотѣлъ ни слышать за этой дѣло, али я (еслибы не я) представлялъ ему нашей ползость душевно и тѣлесно и горячкою желаніе одному народу, который желаетъ послѣ только вѣка имѣть свои священства и Бога выснаго хвалить по своему обычаю, и даже я ему сазалъ, что ево имя безсмертный бы сдѣлался, исполняючи это божественно дѣло (это, очевидно, павловы мысли), и отъ другой стороны и я съ моимъ семействомъ счастливы бы были до конецъ нашего живота. Господинъ покойный мой славки родитель *послушалъ моиъ словати* и рѣшилъ я принять старовѣрскую религію“. Въ другомъ письмѣ, къ сыну бывшаго старообрядческаго епископа Сергія, Якову Семеновичу, отъ 29-го ноября 1864 года, Георгій Амиридовъ писалъ: „покойный родитель не хотѣлъ прінятти на липованску ерись, ежели (бы) я не былъ добрый за липована“ (находящееся у насъ подлинное письмо Георгія).

¹⁾ Пис. въ Торжокъ.

православіемъ и старообрядчествомъ, и потому не видѣлъ надобности измѣнять въ чемъ-либо православнымъ обычаямъ, чтобы сдѣлаться епископомъ у старообрядцевъ. Это было, по выраженію Павла, большимъ „легкомысліемъ“ со стороны Амвросія. Чтобы вразумить его, требовалось въ извѣстной степени раскрыть ему дѣйствительныя отношенія между глаголемымъ старообрядчествомъ и православною церковію. Однажды, какъ мы видѣли, потерпѣвъ уже неудачу на этомъ самомъ пунктѣ, инокъ Павелъ призналъ за лучшее, вмѣсто устной бесѣды, въ которой легко можетъ быть допущено рѣзкое, неосторожное слово, объяснить съ Амвросіемъ письменно, — „на бумагѣ представить ему возраженія противъ его легкомыслія“. Въ сочиненіи своемъ, нарочито написаномъ для Амвросія, Павелъ доказывалъ, что есть великое различіе между такъ-называемыми старыми и новыми обрядами, и что рѣшившись быть епископомъ у старообрядцевъ, Амвросій долженъ будетъ непременно оставить обряды церкви греческой, какъ „не согласующіе святоотеческимъ предаціямъ“, и во всемъ подчиниться существующимъ у старообрядцевъ древлецерковнымъ обычаямъ: „Написали ему и то, чтобъ онъ не смущенно, но правую совѣстію вступилъ въ нашу церковь, и во единъ духъ соединился съ нами совершенно по Божѣ. Такимъ образомъ необходимо онъ долженъ будетъ по прибытіи къ нашей церкви первѣе всего дѣйствія принять себѣ отца духовнаго *изъ нашихъ священниковъ*, по закону христіанскому, вручасъ ему во всемъ душевно, и что духовникъ предлагать будетъ *необходимое въ присоединеніи церковномъ*, согласно правиламъ святыхъ отецъ, то исполнить долженъ безъ всякаго прекословія“. ¹⁾ Огняновичъ перевелъ павлово сочиненіе на греческій языкъ и вручилъ Амвросію. Чтобы выразумѣть вполне сокровенный смыслъ этого хитросоставленнаго произведенія, необходимо было имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о русскомъ расколѣ и его отношеніяхъ къ церкви: тогда только могъ бы Амвросій понять, что значить это отреченіе отъ новыхъ якобы обрядовъ и это вступле-

1) Тамъ же.

ніе въ старообрядческую церковь, о какомъ духовникѣ изъ „нашихъ священниковъ“ идетъ здѣсь рѣчь, и что такое будетъ предлагать этотъ духовникъ, какъ *необходимое въ присоединеніи церковномъ*. Еслибы Амвросій дѣйствительно имѣлъ надлежащее понятіе о расколѣ, еслибы зналъ онъ, что вмѣстѣ съ содержимыми православною церковію обрядами долженъ будетъ отречься отъ самой церкви православной и вступить въ общество, осужденное соборами и состоящее подъ церковною анаемой, что отъ него требуютъ принять духовникомъ лице, по каноническимъ правиламъ подлежащее изверженію изъ сана, и что наконецъ этимъ духовникомъ онъ будетъ подвергнутъ извѣстному чинопріятію, какъ приходящій отъ ереси, — еслибы все это митрополитъ Амвросій могъ уразумѣть изъ павлова сочиненія, по всей вѣроятности, онъ еще остановился бы во-время; не допустилъ бы себя до преступленія—сдѣлаться раскольническимъ епископомъ. Но въ сочиненіи этомъ для незнакомаго съ расколомъ не содержалось ничего особенно страшнаго, не говорилось ни о какихъ церковныхъ проклятiяхъ, „наши“ священники даже не названы и „бѣгствующими“, ни о какихъ „чинопріятiяхъ отъ ереси приходящимъ“ не было и помину.... Рѣчь шла, повидимому, только о предпочтительности именуемыхъ старыхъ обрядовъ предъ новыми, и о томъ, что будущій епископъ старообрядцевъ долженъ исключительно держаться первыхъ,—вообще „правою совѣстію вступить въ старообрядческую церковь“ и въ свидѣтельство того „принять себѣ отца духовнаго“. Какъ истый почитатель чиновъ и обрядовъ греко-восточной церкви, въ которой родился и воспитанъ, митрополитъ Амвросій ни въ это время и никогда послѣ, несмотря на всѣ „доводы“ инока Павла, не допускалъ мысли, чтобъ эти чины и обряды были дѣйствительно неправильны, несовершенны, противны древле-церковнымъ преданіямъ; но, съ другой стороны, и въ обрядахъ, которые предлагалось ему принять, не находилъ онъ также ничего противнаго православною вѣрѣ, а исключительное къ нимъ уваженіе старообрядцевъ, доходящее до порицанія употребляемыхъ церковію обрядовъ, объяснялъ недостаткомъ просвѣщенія и ложно направлен-

ною религіозностію. И потому принятіе этихъ, не противныхъ православію, именуемыхъ старыхъ обрядовъ, ради снисхожденія къ немощи старообрядцевъ, при неизмѣнномъ съ своей стороны уваженіи къ обрядамъ церкви греко-восточной, тѣмъ паче безъ всякой измѣны православному ученію сей церкви, Амвросій не признавалъ какимъ-либо тяжкимъ грѣхомъ; а затѣмъ не находилъ уже противнымъ совѣсти и то, если вступая въ общество, которое въ сущности почиталъ православнымъ, несмотря на употребляемые въ немъ иные обряды и на существующее ради этихъ обрядовъ несогласіе съ греко-восточною церковію, приметъ себѣ и духовнаго отца изъ старообрядческихъ священниковъ. Къ такимъ соображеніямъ, какъ видно изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, привело Амвросія чтеніе павловой записки, — и, по возможности успокоивъ себя этими соображеніями, онъ рѣшился наконецъ объявить бѣлокрыницкимъ посланникамъ о своей готовности быть верховнымъ пастыремъ старообрядцевъ. „Изложеннымъ на бумагѣ возраженіямъ противъ его легкомысліи (повѣствуетъ Павелъ) митрополитъ очень внялъ и въ томъ успокоился и не замедлилъ изъявить свою готовность.“¹⁾ Въ качествѣ будущаго митрополита старообрядцевъ, Амвросій потребовалъ теперь отъ Павла и Алимпія подробныхъ объясненій относительно ожидающихъ его условій жизни въ Бѣлой-Криницѣ: ему даны были на этотъ счетъ самыя удовлетворительныя объясненія. „Спросилъ и то (продолжаетъ Павелъ) какимъ образомъ онъ можетъ утвердиться на всегдашнее у насъ пребываніе и жить небоязанно, и въ томъ послы увѣрили его и рассказали подробно планъ дѣла съ самой первой точки, то-есть какимъ образомъ онъ можетъ пріѣхать, и какъ объявиться правительству, и какъ навсегда безбоязанно въ мирѣ и тишинѣ у насъ жить, *что ему казалось весьма пріятно.*“²⁾

Всѣ указанныя соображенія, равно какъ всѣ расписанныя Павломъ пріятности мирной и тихой жизни въ Бѣло-

1) Тамъ же.

2) Тамъ же.

ермитажской митрополіи, не могли однакоже вполнѣ успокоить Амвросія: внутренній голосъ все-таки говорилъ ему, что дѣло, на которое онъ рѣшился, не совсѣмъ чисто и во всякомъ случаѣ представляетъ много сомнительнаго и темнаго. Особенно смущался онъ опасеніемъ, не составилъ ли, основываясь на однихъ только павловыхъ показаніяхъ, ошибочнаго понятія о старообрядчествѣ, не отличается ли оно отъ православія чѣмъ-нибудь болѣе важнымъ и существеннымъ, нежели одни только обряды, и принять старообрядчество не будетъ ли значить именно отречься отъ православія, о чемъ онъ боялся и помыслить. Все это могъ бы разъяснить ему только человѣкъ, вполнѣ знакомый съ расколомъ и не имѣющій, подобно Павлу, какихъ-либо побужденій изображать его въ невѣрномъ свѣтѣ. Амвросій очень желалъ бы посоветоваться именно съ такимъ человѣкомъ; но гдѣ найти его и какъ посоветоваться? Всего вѣрнѣе было бы, конечно, обратиться въ этомъ случаѣ къ кому-либо изъ русскихъ, проживавшихъ въ Константинополѣ, и брѣтомъ человѣку образованному, на слова котораго можно было бы положиться; но именно отъ русскихъ и необходимо было хранить дѣло въ величайшей тайнѣ; ему было извѣстно, что бѣдокрмицкіе посланники и цареградскіе ихъ покровители о томъ и заботились больше всего, чтобы какъ не возбудить своими затѣями подозрѣнія со стороны русскаго консульства, имѣвшаго притомъ, что было для Амвросія особенно важно, такія близкія связи съ патриархіей. Вообще, объясняться съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ относительно раскола было и трудно и крайне опасно. Обратиться къ какому-нибудь изъ своихъ собратій — грековъ было также небезопасно, а главное — совершенно бесполезно: всѣ они о русскомъ расколѣ знали, конечно, не больше Амвросія. Былъ однако между ними одинъ ученый мужъ, какой-то проповѣдникъ и дидакаль при патриаршей кафедрѣ, къ богословскимъ и церковно-историческимъ познаніямъ котораго Амвросій, какъ видно, питалъ большое уваженіе: его-то и рѣшился онъ какъ-нибудь искуснымъ образомъ вызвать на бесѣду о русскихъ раскольникахъ, въ надеждѣ получить отъ него точныя, вѣрныя свѣдѣнія по этому во-

просу. Случай объясниться съ этимъ ученымъ представился вскорѣ же послѣ того, какъ Амвросій, повидимому, совсѣмъ уже рѣшилъ дѣло съ бѣлокриницкими послами. Въ Страстную недѣлю и въ Пасху, въ то именцо время, когда шли переговоры съ Павломъ, — „во время сватовства“, какъ выражается этотъ послѣдній, — Амвросій нерѣдко ходилъ въ патриархію къ службамъ и участвовалъ вмѣстѣ съ другими архіереями въ торжественныхъ патриаршихъ служеніяхъ: здѣсь-то, встрѣчаясь съ ученымъ дидаскаломъ и заводя съ нимъ ученныя бесѣды, Амвросій „отдаленными разговорами о всѣхъ ересяхъ и разныхъ до вселеннѣй вѣрахъ, подобрался между прочимъ испытать того проповѣдника и мудраго учителя, вельми всѣми уважаемаго, и такимъ вопросомъ: что это за люди липоване, старовѣры и старообрядцы?“ Дидаскаль, по свидѣтельству Павла, отвѣчалъ: „это все одни люди, только по мѣстожительству ихъ разными наименованіями зовутся; но они не еретики, а только въ сложеніи перстъ во образованіи Святыя Троицы меншимъ перстомъ (мизинцемъ) уменьшаютъ равенство Святаго Духа, да еще не принимаютъ новописанныхъ иконъ, а только старыя содержать.“¹⁾ Если такъ именно отвѣчалъ многоученый дидаскаль, онъ, очевидно, не много больше другихъ грековъ имѣлъ понятія о русскомъ расколѣ.²⁾ Однако же отвѣтъ его, какъ ни былъ слабъ и ничтоженъ, смутилъ Амвросія. Правда, ученый мужъ утверждалъ рѣшительно, что липоване, старообрядцы и старовѣры — не еретики; но онъ же далѣе, вопреки этому увѣренію, говорилъ, что своимъ перстосложеніемъ старообрядцы выражаютъ мысль именно еретическую, „уменьшаютъ равенство Св. Духа“, — проповѣдуютъ неравенство лицъ во Святой Троицѣ. Это замѣчаніе о старообрядческомъ перстосложеніи, составлявшемъ и по мнѣнію Амвросія самое главное отличіе старообрядцевъ отъ греко-восточныхъ христіанъ, возбудило въ

1) Тамъ же.

2) Что Павелъ по крайней мѣрѣ не искажилъ отвѣтъ дидаскала, вскорѣ же переданный ему Амвросіемъ, это доказываетъ и вызванное симъ отвѣтомъ павлово сочиненіе, о которомъ будетъ рѣчь ниже, посвященное именно изслѣдованію о перстосложеніи.

немъ опять сильное сомнѣніе относительно старообрядчества, такъ что онъ готовъ былъ взять назадъ данное Павлу и Алимпію согласіе на ихъ предложеніе: „Основываясь на этихъ отъ учителя слышанныхъ пустыхъ словахъ (рассказывалъ Павелъ), митрополитъ паки остановился и весьма сдѣлался недовѣрчивъ на всѣ прежнія пословъ представленія и разныя доказательства, и сталъ неподвиженъ, единственно боясь, что не пристрастно ли прельщаютъ его въ неправую вѣру. И такъ остался не рѣшимымъ за одинъ только сей пунктъ крестнаго знаменія.“¹⁾

„Во врачеваніе сего недуга“ инокъ Павелъ употребилъ уже испытанное средство: составилъ и представилъ Амвросію новое сочиненіе, посвященное собственно разсмотрѣнію вопроса о перстосложеніи для крестнаго знаменія и святительскаго благословенія. Это былъ, какъ мы уже замѣчали, изъ всей области старообрядческаго вѣроученія вопросъ наиболѣе знакомый иноку Павлу, и въ сочиненіи своемъ онъ дѣйствительно явился предъ Амвросіемъ во всеоружіи раскольнической учености, указавъ всѣ наиболѣе важныя, и готовые и имъ самимъ придуманныя, свидѣльства и „доводы“ въ защиту двуперстія, съ одной стороны, и въ опроверженіе именовсловаго и триперстнаго сложенія — съ другой.²⁾ Достойно замѣчанія, что Павелъ, въ видѣ доказательства *ad hominem*, потщился представить Амвросію свидѣльства въ защиту двуперстія преимущественно изъ „источниковъ древлегреческой церкви, отъ писанія греческихъ святыхъ отецъ и отъ греческихъ иконъ.“ Изъ мнимо-отеческихъ свидѣтельствъ, онъ привелъ: а) извѣстное изреченіе Петра Дамаскина (котораго совершенно несправедливо называлъ „свя-

1) Пис. въ Торжокъ.

2) Сочиненіе это, озаглавленное: *Господину митрополиту Амвросію о перстосложеніи и о ирочемъ предложеніи*, распространено у старообрядцевъ во множествѣ списковъ (мы пользуемся спискомъ тщательнаго полууставнаго письма). Содержаніе его довольно точно обозначено въ письмѣ къ старообрядцамъ города Торжка: „Послы сочинили ему (Амвросію) о крестномъ знаменіи и благословеніи двуперстнаго сложенія, и ясно пояснили о нововыдуманномъ литеросложномъ благословеніи и о триперстномъ сложеніи, съ достовѣрнымъ обо всемъ засвидѣтельствованіемъ и яснымъ доказательствомъ.“

ценномученикомъ“), что „два перста и едина рука являютъ единого Христа во двою естеству и единомъ составѣ познаваема“;¹⁾ б) не менѣе извѣстное у старообрядцевъ Θεодоритово слово, приписавъ его рѣшительно „блаженному греческому учителю Θεодориту епископу Кирскому“;²⁾ в) свидѣтельство Максима Грена, и г) не относящееся къ дѣлу объясненіе Симеона Солунскаго, что означаетъ архіерейское осѣненіе дикиріемъ и трииріемъ. Привода древлегреческія свидѣтельства отъ святыхъ иконъ, Павелъ указывалъ между прочимъ на свои собственныя наблюденія: „Въ гре-

¹⁾ Не безъ намѣренія Павелъ направилъ это свидѣтельство собственно противъ *именованію*, или, какъ онъ обыкновенно называетъ его, *литеросложнаю* перстосложенія, а не противъ тросперстія: „Сіе доказательство (писалъ онъ) относится не къ литеросложному (изъ пяти перстовъ), но къ двуперстному сложенію, которое нынѣ содержатъ старообрядцы.“ Къ именованному сложенію свидѣтельство Петра Дамаскина, дѣйствительно, прилагать нельзя; но свидѣтельство это, во всякомъ случаѣ неопредѣленное, не называющее прямо какіе именно два перста единой руки здѣсь разумѣются, очевидно, можетъ имѣть приложеніе и къ православному перстосложенію для крестнаго знаменія, гдѣ также имѣютъ извѣстное значеніе два послѣдніе перста, пригнутые къ длани, и такимъ образомъ еще явственнѣе соединенные съ *единою* рукой.

²⁾ Въ доказательство подлинности этого слова Павелъ въ выносѣхъ подъ стрелкой сдѣлалъ для Амвросія слѣдующее примѣчаніе: „О таковомъ истинномъ (1) блаженнаго Θεодорита писаніи удостовѣряетъ древлероссійская церковь во Псалтырѣхъ со воспѣдованіемъ, печатанныхъ при прежнихъ благочестивыхъ патріархахъ, въ словѣ о крестномъ знаменіи, да и самый достопамятный источникъ (?), то-есть цѣлое слово блаженнаго Θεодорита, имѣется въ древнѣйшей книгѣ Никона Черныя горы, въ Словѣ 94, которая хранится въ Москвѣ, въ патріаршей ризницѣ, подъ № 503“ (въ другомъ спискѣ прибавлено: „или въ Чудовомъ монастырѣ“). Дѣлая съ такою рѣшительностью и опредѣленностью эту ссылку, Павелъ показывалъ только, что ни мало не затруднился говорить ложь: ни въ той, ни въ другой библиотекѣ подъ указаннымъ № книги Никона Черногорца не обрѣтается, а въ существующихъ и тамъ и здѣсь спискахъ книги, не только не содержится мнимаго Θεодоритова слова „како креститися и благословити“, но даже и главы 94-й не имѣется (см. *Описаніе сла. рукоп. синод. библ.* Пр. А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, II, 3, № 207 и слѣд.). Надобно впрочемъ замѣтить, что эту ложную ссылку на рукопись Никона Черныя горы Павелъ заимствовалъ изъ *Поморскихъ отацтовъ*, руководству которыхъ онъ вообще очень охотно вѣрялся, что никакъ не можетъ служить къ чести сего великаго учителя поповцевъ.

чешскихъ и нѣнѣ существующихъ церквахъ (писалъ онъ), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Сиріи, Палестинѣ, Аравіи и Египту, и наипаче въ самихъ патриархіяхъ — въ Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Египтѣ, мы сами очевидно видѣли, что на *многихъ* иконахъ, кои древлегреческаго писанія, у Христа Спасителя благословящая десница имѣетъ перстосложеніе двутайнственное, а не литеросложно. У насъ, въ Буковинѣ, существуютъ весьма съ давнихъ лѣтъ сооруженныя каменные церкви, одна въ городѣ Сочавѣ, гдѣ положены мощи святаго Великомученика Іоанна, и другая въ монастырѣ Сочавицкомъ, и третія въ монастырѣ Будинскомъ: въ этихъ церквахъ, не только внутри, но даже снаружи, удивленія достойно, по всѣмъ стѣнамъ, отъ самаго верхняго карнизу до карнизу нижняго, написано есть иконное изображеніе древняго греческаго искусства; *отличнѣйше же въ монастырѣ Сочавицкомъ* и доднесь стоитъ въ чудесной цѣлости и ясности. Въ томъ иконномъ изображеніи у Господа Савваева и у Христа Спасителя благословящія руки, а въ рядахъ въ безчисленномъ множествѣ у *всѣхъ* предстоящихъ святыхъ апостоловъ, мучениковъ, святителей и преподобныхъ молящія руки имѣютъ перстосложеніе одинаковымъ образомъ, двутайнственно⁴¹⁾. На основаніи всѣхъ этихъ

¹⁾ И здѣсь Павелъ приводитъ свидѣтельства, по обычаю, недобросовѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что на Востокѣ онъ видѣлъ много и такихъ иконъ древняго письма, на которыхъ изображены благословищія руки именованно, о чемъ надлежало бы упомянуть; равнымъ образомъ немало такихъ изображеній находится и въ церквахъ сочавской и сочевицкой. Московскаго единовѣрческаго монастыря настоятель, о. игуменъ Павелъ, внимательно обобрѣвавшій иконопись той и другой церкви въ 1871 году, нашелъ, что въ Сочавской церкви, оконченной постройкою въ 1522 году, всѣ почти благословищія руки изображены *именованно* и что есть такія изображенія и въ монастырѣ Сочевицкомъ. „Я удивлялся (замѣчаетъ онъ, изчисливъ эти изображенія), почему въ сучавской церкви, созданной *въ началѣ шестнадцатаго вѣка*, въ стѣнномъ писаніи нашлась одна только благословящая рука съ дуперстнымъ сложеніемъ, въ Сочевицахъ же, въ храмѣ *семнадцатаго вѣка*, много изображеній съ дуперстнымъ сложеніемъ благословящей руки. Я подумалъ, не по той ли это причинѣ, что въ Сочевицѣ стѣнная живопись, по характеру своему близко подходящая къ московской, писана можетъ-быть московскими мастерами. Эту догадку мою и подтвердилъ одинъ іеромонахъ, который

якобы несумнительно достовѣрныхъ свидѣтельствъ Павелъ рѣшительно утверждалъ, что „во святой древлевосточной церкви ни малѣйшаю даже слѣду не видно, чтобы было литеросложное, или триперстное сложеніе, но только *двуперстное*, которое и до днесь старовѣрческая церковь не упустительно содержитъ“. Доказывать за симъ неправильность литеросложнаго и триперстнаго сложенія Павелъ считалъ по настоящему даже излишнимъ; но, какъ бы только уступая желаніямъ Амвросія, сдѣлалъ и это. Оба перстосложенія, по его словамъ, суть нововводныя, что́ будто бы несомнѣнно явствуетъ изъ приведенныхъ уже имъ свидѣтельствъ объ исключительномъ употребленіи во святой древлевселенской церкви одного двуперстнаго сложенія; троеперстное же сложеніе сверхъ того будто бы представляетъ еще противности православнымъ догматамъ вѣры: здѣсь Павелъ повторяетъ приведенныя въ „Бѣлокриницкомъ уставѣ“, изъ *Поморскихъ отвѣтовъ* заимствованныя, нелѣпости о триперстномъ сложеніи, будто оно согласуетъ ереси евтихіевой, севировой и діоскоровой. Наконецъ, онъ подвергъ разбору представляемыя православными доказательства въ защиту троеперстія, между которыми будто бы нѣтъ ни одного „отъ святой древлевселенской церкви, отъ священныхъ писаній и отъ иконнаго изображенія“, а всѣ будто бы основаны на сочиненіяхъ новыхъ, на свидѣтельствахъ подложныхъ, и доводахъ съ дѣломъ несообразныхъ. Само собою разумѣется, что въ примѣръ подложныхъ свидѣтельствъ онъ указалъ съ торжествомъ на соборное дѣяніе противъ нѣкоего еретика Мартина, о которомъ дѣяніи „теперь сами великороссійскія ученые лица и воспоминать стыдятся“. Одного изъ сихъ великороссійскихъ ученыхъ лицъ Павелъ и называетъ: „въ бытность у насъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, 1845 года, изъ петербургскихъ академическихъ учителей (?) господинъ Николай Ивановичъ Надеждинъ истинно самъ соз-

сказалъ мнѣ, что церковь эта росписана дѣйствительно московскими мастерами“ (см. собраніе сочиненій иг. Павла, изд. 2-е, стр. 719 и 720, 731 и 732). Понятно теперь, почему инокъ Павелъ въ особенности указывалъ на иконопись въ монастырѣ Сочевидкомъ.

нался, при лицѣ настоятеля и братіи, что вышепомянутое соборное дѣяніе никогда не бывало.“ Здѣсь же Павелъ разсматрѣлъ известное сказаніе о Мелетіи, причемъ старался доказать, что напрасно въ новыхъ сочиненіяхъ свидѣтельство это толкуется въ пользу православнаго перстосложенія, и что напротивъ оно подтверждаетъ будто бы древлецерковный обычай двуперстнаго сложения¹⁾. Здѣсь же, наконецъ, подвергаетъ разбору и сдѣланный Амвросіемъ со словъ ученаго дидаскала „доводъ о перстосложеніи“, который собственно послужилъ поводомъ къ составленію сочиненія: „А какое оправданіе преданію триперстнаго сложения представляете вы, высокопресвященнѣйшій владыко, что тремя *равными* перстами православно образуете Пресвятой Троицы равенство, оно есть только голословное оправданіе ваше, и голословно же вы увѣряете, что тремя *неравными* перстами невозможно православно изображать въ Пресвятой Троицѣ *равенство*. Но мы увѣряемъ съ доказательствомъ отъ святыхъ писаній, что не только неравными перстами, но даже еслибы какой уродъ былъ, имѣя у себя и совершенно по всему три персты равны, то и такими бы перстами невозможно изображать равенство въ Пресвятѣй Троицѣ, поелику святая древлевселенская церковь богомудрствовала, по глаголамъ святыхъ отецъ Григорія Богослова и Максима Грека, что невозможно на земли во всей видимой и описуемой твари обрѣстися образу, коимъ бы равноподобное изображеніе Пресвятыя Троицы показывалось.... Посему, возможно ли брэнной руки перстами православно изобразить равенство Пресвятыя Троицы, какъ бы они равны ни были? Не есть ли это ослѣпленіе и даже помраченіе, во еже напротивъ мудрствовать не только частнымъ вышереченнымъ святымъ отцамъ, но и всей древлевселенской православной церкви, которая почитала образованіе Пресвятыя Троицы тремя святыми отроками, бывшими въ плѣнѣ вавилонскомъ (кои были сыны ехоніевы, имовѣрно большій, средній и меньшій), какъ и дондесъ

¹⁾ Доказательства приводятся тѣже самыя, что и въ „Вѣлокриницкомъ уставѣ“.

слышанъ есть церковный гласъ: *благословите дѣти, Троицы равночисленнии*. Сими краткими и внятными словами святая древлевселенская церковь прясно научаетъ, что тремя вещьми осазаемыми надлежитъ образовать только равночисленность ипостасей Пресвятыя Троицы, а не самую сущность равенства ея, которую мы исповѣдуемъ писаніемъ и устно¹⁾

Всѣ эти свидѣтельства и доказательства, которыми Павелъ въ изобиліи снабдилъ свое сочиненіе, были въ сущности весьма несильны и большею частію лживы; но въ своей совокупности они должны были произвести немалое впечатлѣніе на человѣка вовсе незнакомаго съ дѣломъ, неимѣвшимъ даже и понятія о раскольниковской и противураскольниковской литературѣ, каковъ былъ Амвросій. Для него было вопервыхъ ясно, что старообрядцы не безъ основаній держатся такъ крѣпко своего перстосложенія; затѣмъ, хотя не имѣлъ онъ возможности провѣрить и оцѣнить надлежащимъ образомъ истинное значеніе большей части этихъ основаній, однакоже могъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно имѣютъ силу. Павелъ съ обычною раскольниковскою смѣлостью указывая Амвросію именно свидѣтельства древлегреческой церкви, этимъ самымъ какъ бы вызывалъ его на повѣрку сихъ свидѣтельствъ. Повѣрить свидѣтельство Максима Грека Амвросій, разумѣется, не имѣлъ возможности, первый разъ, конечно, услышавъ даже о самомъ Максимѣ Грекѣ, и потому свидѣтельство его, такъ рѣшительно выставленное Павломъ, долженъ былъ принять на вѣру. Съ твореніями блаженнаго Θεодорита Амвросій, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе былъ знакомъ; но во всякомъ случаѣ не на столько, чтобъ отвергнуть подлинность приписаннаго ему слова о двуперстіи, особенно же когда Павелъ сдѣлалъ такія, по видимому, точныя указанія, гдѣ именно обрѣтается это слово. Что касается третьяго свидѣтеля, Петра Дамаскина, то, къ сожалѣнію, Амвросій имѣлъ возможность найти въ своихъ источникахъ подтвержденіе

¹⁾ И это доказательство также было приведено уже въ „Бѣлокриницкомъ уставѣ“.

того, что приведенное Павломъ изреченіе Петра Дамаскина несомнѣнно принадлежитъ этому писателю, и что даже его слѣдуетъ понимать въ томъ самомъ смыслѣ, какъ объяснилъ Павелъ. Чтобы сдѣлать такую справку Амвросію не было нужды даже обращаться къ подлиннымъ сочиненіямъ Петра Дамаскина, или *Добротолубію*, гдѣ приведены изъ нихъ извлеченія: въ этомъ случаѣ ему оказала нехорошую услугу книга весьма нужная и потому хорошо знакомая каждому греческому архіерею — изданная въ 1800 году Кормчая (*Πηδάλιον*), съ примѣчаніями іеромонаха Агапія и монаха Никодима. Сии-то комментаторы въ одномъ изъ своихъ примѣчаній пишутъ, что древніе христіане употребляли для крестнаго знаменія не то перстосложеніе, какое употребляютъ нынѣ, — слагали не три перста, а только два (средній и указательный), и въ подтвержденіе своихъ словъ приводятъ именно изреченіе Петра Дамаскина, на которомъ единственно и основались¹⁾. Въ лицѣ новыхъ толкователей греческой кормчей Павелъ приобрѣлъ такимъ образомъ неожиданныхъ и сильныхъ союзниковъ, которые, подтвердивъ приведенное имъ свидѣтельство Петра Дамаскина, тѣмъ самымъ должны были внушить Амвросію довѣріе и къ прочимъ его свидѣтельствамъ въ защиту двуперстія; во всякомъ случаѣ Амвросій могъ теперь вполне убѣдиться, что двуперстіе не содержитъ въ себѣ никакой еретической мысли и ничего вообще противнаго православію, если по свидѣтельству самихъ греческихъ уважаемыхъ писателей, находящемуся притомъ въ книгѣ имѣющей такое важное значеніе въ церковной практикѣ, перстосложеніе это было

1) Это, въ греческой книгѣ совершенно неожиданное, толкованіе словъ Петра Дамаскина, во всякомъ случаѣ, какъ мы говорили уже, неясныхъ, находится именно въ примѣчаніи на Посл. Василія Великаго къ Амфилохію *περί τοῦ Ἁγίου Πνεύματος*. Приводимъ его вполнѣ: *Τὸν τόπον τοῦ τιμίου σταυροῦ οἱ παλαιοὶ χριστιανοὶ κατ' ἄλλον σχηματισμὸν τῆς χειρὸς ἔκαμαν. Δηλ. μὲ μόνὰ τὰ δύο δάκτυλα τῆς χειρὸς, τὸν μέσον καὶ τὸν λιχανὸν, καθὼς λέγει ο ὁσῖος Πέτρος ο Δαμάσκηνος (σελ. 642 τῆς φιλοκαλ.), ὅπου λέγει, ὅτι ἡ μὲν χεὶρ ὅλη σημαίνει τὴν μίαν ὕποστασιν τοῦ Χριστοῦ, οἱ δὲ δύο δάκτυλοι τὰς δύο φύσεις αὐτοῦ. ἡ δὲ ἤδη ἐπικράτουσα συνήθεια τῶν Χριστιανῶν εἶναι, νασμίγουν τὰ δύο δάκτυλα τῆς χειρὸς, ὁμοῦ μὲ τὸν μεγάλον* (*Πηδάλιον*, изд. 1841, стр. 386).

употребляемо „древними христіанами“.¹⁾ Могъ оиъ также провѣрить отчасти справедливость и указанныхъ Павломъ свидѣтельствъ отъ греческихъ святыхъ иконъ, ибо и самъ могъ видѣть на нѣкоторыхъ иконахъ изображеніе двуперстно сложенной благословящей руки, что, опять служило доказательствомъ, что ничего противнаго православію въ семь перстосложеніи не содержится. Наконецъ Павелъ, понимавшій всю важность настоящихъ обстоятельствъ, позаботился и о томъ, чтобы представить Амвросію осязательное, очевидное доказательство несомнѣннаго употребленія двуперстія въ древле-россійской церкви: онъ нарочно обращался къ майносскимъ некрасовцамъ за Слѣдованною Псалтырью іосифовскаго изданія, и въ ней-то показалъ Амвросію по благословенію московскаго и всея Россіи патріарха данное *Слово о крестномъ знаменіи*, гдѣ приводилась и еоодоритово и иныя указанныя въ павловомъ сочиненіи свидѣтельства въ пользу двуперстія и гдѣ о двуперстномъ

1) Книгу Пидаліонъ Амвросій взялъ потомъ въ Бѣлую-Криницу, и найденное въ ней свидѣтельство въ пользу двуперстія съ того времени сдѣлалось достояніемъ старообрядческой литературы: старообрядцы стали имъ доказывать не только древность двуперстія и нововодность триперстія, но и то, что сами вышшіе греки признаютъ двуперстіе древнѣйшимъ обычаемъ, а троеперстіе нововоднымъ. Въ одномъ сочиненіи, написанномъ въ защиту бѣлокриницкаго священства, приведено это свидѣтельство греческой Коричей въ точномъ переводѣ, и именно въ доказательство послѣдней мысли: „О крестномъ знаменіи у Грековъ нынѣ не только прокліятіи не полагаютъ, или кановымъ неправильнымъ порицаніемъ порицаютъ, но даже древностію и истинностію похваляютъ двуперстное сложеніе, что свидѣляется въ главной закона ихъ книгъ Коричей, по-гречески именуемой Пидаліонъ, печатанной 1800 года, въ толкованіи 91 правила св. Василія Великаго, на листу 447, въ примѣчаніи второмъ, гласитъ сице: „знаменіе честнаго креста древніе христіане другимъ образомъ рукою изображали, то-есть самими двумя перстами руки указательнымъ и среднимъ, какъ глаголетъ преподобный Петръ Дамаскинъ въ книгъ именуемой Добротолюбіе, на листу 642, гдѣ пишетъ сице: одна рука значить одну ипостась Христову, а два перста показываютъ два естества Христова. Но теперь обычай сие вышшихъ христіанъ соединитъ два реченные перста руки выдѣтъ съ великимъ пальцемъ“. Любопытно, что втотъ самый переводъ мы нашли въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*, на особомъ лоскутѣ бумаги, писанный собственноручно вникомъ Павломъ, который, очевидно, весьма дорожилъ этимъ свидѣтельствомъ греческой Коричей.

сложеніи говорилось, какъ о находящемся и долженствующемъ быть у православныхъ христіанъ во всеобщемъ употребленіи.¹⁾ Амвросій не сомнѣвался въ православіи патриарховъ россійскихъ, какъ послѣ Никона, такъ и до Никона существовавшихъ, и потому свидѣтельство изданной по патриаршему благословенію книги могло служить для него убѣдительнымъ доказательствомъ, что старообрядцы, слѣдуя въ своемъ перстосложеніи примѣру и наставленію нѣкоторыхъ древле-россійскихъ патриарховъ, содержатъ обычай невротивный православію. Вообще, смутившее Амвросія замѣчаніе ученаго дидаскала, неосновательное и само по себѣ, не могло устоять противъ доводовъ павлова сочиненія, и если нельзя согласиться съ свидѣтельствомъ Павла, будто, разсмотрѣвши это его сочиненіе, Амвросій призналъ „греческое и великороссійское литеросложное благословеніе и триперстное сложеніе и прочее (?) за неправильное и по-

¹⁾ Пис. въ Торжокъ. „А сверхъ того въ удостовѣреніе представили ему (Амвросію) древлепечатную Псалтырь со вослѣдованіемъ, гдѣ есть достаточное свидѣтельство о крестномъ знаменіи и дуперстномъ сложеніи, за которою нарочито посылали въ Майнось къ некрасовцамъ, кои живутъ за Царьградомъ у Мраморнаго моря.“ Есть извѣстіе, что въ Майнось за книгой ѣздилъ самъ Павелъ. У Гончарова, въ его расказѣ о *первомъ началѣ нашего духовнаго дѣла объ устройствѣ епископа*, говорится между прочимъ: „Алиппій увѣдомилъ насъ письмомъ.... было прописано, какъ Павелъ къ кубанцамъ ѣздилъ, и какъ они ему книги дали и толмача послали съ нимъ, и какъ они митрополиту представили, и какъ митрополитъ принялъ и прочиталъ“. Объ этихъ обстоятельствахъ повѣствуетъ и Геронтій въ своемъ *Памятникѣ*; у него находимъ извѣстіе, что именно привезена была столь уважаемая старообрядцами Псалтырь, изданная въ восьмое лѣто іосеова патриаршества: „Митрополитъ не иначе рѣшилъ себе довѣрять словесаѣ нашихъ носель, аще, рече, не вижду самолично моими очами орегеналомъ первобытныхъ россійскихъ патриарховъ печатныхъ книгъ. На что наши послы и въ этомъ отношеніи не отказалися ему: они обратшася ко взмыканію сего предмета въ Майносы, въ прибрежіи средиземнаго моря живущимъ нашего единенія обществамъ, гдѣ досташа себѣ самонужиѣйшій предметъ, пятаго святѣйшаго Іосеова патриарха Псалтырь со вослѣдованіемъ церковной повседневной службы, съ приложеніемъ пространнаго толкованія о сложеніи перстовъ на благословеніе и крестное знаменіе: выходя ея въ лѣто 7157, совершена же бысть въ лѣто по седми тысящамъ 158, во осмое лѣто патриаршества куръ Іосеова московскаго и всея Россіи“ (Рук. писанная въ Шлиссельбургѣ).

грѣшительное дѣйствіе,⁴¹⁾ то по крайней мѣрѣ можно считать несомнѣннымъ, что съ этого времени онъ не опасался уже признать самое старообрядчество непричастнымъ никакой ереси, а принятіе такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ, при неизмѣнномъ уваженіи къ обрядамъ церкви греко-восточной, несоставляющимъ измѣны православію, такъ какъ дѣйствительныя отношенія старообрядчества къ православію попрежнему оставались для него неизвѣстными.²⁾

Успокоивая себя такими мыслями и уступая не прекращавшимся постояннымъ убѣжденіямъ и просьбамъ сына, Амвросій объявилъ наконецъ Павлу и Алимпію, что онъ окончательно рѣшился занять бѣлокриницкую кафедру и что готовъ объ этомъ дѣлѣ заключить съ ними формальный договоръ.

Формальный договоръ, съ точнымъ обозначеніемъ взаимныхъ условій, былъ равно желателенъ для обѣихъ сторонъ, видѣвшихъ нужду оградить по возможности именно тѣ свои

1) Пис. въ Торжокѣ. Увѣрить въ этомъ старообрядцевъ Павелъ имѣлъ необходимую надобность; но самъ онъ и другіе, ближайшимъ образомъ знавшіе Амвросія, ясно видѣли, что отъ церкви греческой, ея чиновъ и обрядовъ, Амвросій никогда не думалъ отказываться. Мы будемъ имѣть случай представить на то доказательства.

2) Забѣательно, что въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, написанномъ для Амвросія, какъ и въ первомъ, Павелъ не упомянулъ ни разу о соборѣ 1667 года, на которомъ греко-россійская церковь, въ лицѣ высшихъ представителей ея іерархій, осудила расколъ и подвергла раскольниковъ отлученію за противленіе церковной власти и за клеветы на церковь, между тѣмъ какъ на этотъ именно соборъ Павлу и слѣдовало прежде всего указать Амвросію, потому что его обыкновенно старообрядцы поставляютъ въ наибольшую вину церкви и въ оправданіе себя. Очевидно, Павелъ о томъ и прилагалъ особенную заботу, чтобы оставить Амвросія въ невѣдѣніи объ этомъ важнѣйшемъ событіи въ исторіи раскола, такъ какъ зналъ, что оно указало бы Амвросію истинныя отношенія между глаголемымъ старообрядчествомъ и православною церковію, а тогда, при всей затруднительности своего положенія въ Константинополѣ, Амвросій, надобно полагать, никакъ не согласился бы принять старообрядчество, то-есть вступить въ общество соборно сужденное и осужденное вселенскою церковію, — вмѣстѣ съ этимъ обществомъ стать подъ церковное отлученіе. Вотъ почему въ объясненіяхъ съ Амвросіемъ Павелъ и обходился молчаніемъ соборъ 1667 года, равно какъ все, что могло бы уяснить Амвросію истинныя отношенія церкви къ расколу.

интересы, которыми каждая особенно дорожила. Если Амвросій такъ долго колебался дать окончательное рѣшеніе о занятіи бѣнокриницкой катедры, это вовсе не значило, что бы въ своемъ рѣшеніи онъ руководствовался, или хотѣлъ руководствоваться убѣжденіемъ въ дѣйствительныхъ преимуществахъ старообрядчества предъ православіемъ; напротивъ, внѣшніе, житейскіе расчеты и выгоды служили главнымъ, единственнымъ мотивомъ принятаго имъ рѣшенія, а всѣ предшествовавшія ему колебанія были вызваны только заботами — какъ-нибудь успокоить совѣсть, принимая дѣло очевидно незаконное. Для Амвросія поэтому было всего важнѣе обезпечить посредствомъ письменнаго договора тѣ внѣшнія, матеріальныя выгоды, ради которыхъ сдѣлалъ онъ, съ насиліемъ совѣсти, довольно тяжкія, хотя не искреннія, уступки въ пользу старообрядчества. Для Павла напротивъ: всего важнѣе было посредствомъ такого договора обезпечить исполненіе именно этихъ, уже сдѣланныхъ Амвросіемъ уступокъ и сверхъ того многихъ другихъ, которыхъ онъ, Амвросій, тогда не могъ еще и предвидѣть, но отъ которыхъ въ послѣдствіи не могъ бы отказаться по силѣ самаго договора.

Противъ выраженнаго Амвросіемъ желанія, чтобы всѣ статьи условленнаго матеріальнаго обезпеченія и ему лично, и его сыну, были точно обозначены въ письменномъ договорѣ, инокъ Павелъ, съ своей стороны, не дѣлалъ никакихъ возраженій, лишь бы только этимъ договоромъ были обезпечены въ то же время со стороны Амвросія интересы старообрядчества; одно только находилъ онъ затрудненіе, — именно то, что въ формальномъ документѣ, который долженъ быть представленъ австрійскому правительству и потомъ храниться въ монастырскомъ архивѣ, будетъ очень соблазнительно для старообрядцевъ говорить подробно, какою цѣной приобрѣтено согласіе митрополита Амвросія сдѣлаться старообрядческимъ епископомъ. Въ устраненіе этого неудобства Павелъ придумалъ составить договоръ въ трехъ различныхъ экземплярахъ — одинъ отъ имени депутатовъ Бѣнокриницкаго монастыря, другой отъ имени Амвросія, такъ чтобы первый поступилъ во владѣніе Амвросія, въ

обезпеченіе его правъ , а второй остался у депутатовъ: въ этихъ то, такъ-сказать, секретныхъ договорахъ и предлагалъ Павелъ изложить со всею полнотою и точностью условія, на которыхъ Амвросій согласился занять бѣлокриницкую каяедру; а въ третьемъ, формальномъ договорѣ, который слѣдовало представить правительству и хранить потомъ въ монастырскомъ архивѣ, предполагалось обозначить эти условія уже только въ общихъ чертахъ.

Такъ и было поступлено. Два первые документа подписаны тою и другою стороною 1-го апрѣля 1846 года. Въ договорѣ, составленномъ отъ имени Павла и Аллимпія, сіи послѣдніе, въ качествѣ „уполномоченныхъ депутатовъ Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря“, дали такіа обязательства: 1) относительно самого Амвросія: „его высокопреосвященство будетъ жить въ Бѣлой-Криницѣ, въ нашемъ монастырѣ, на всемъ монастырскомъ содержаніи; сверхъ же того монастырь обязуется давать его высокопреосвященству жалованье въ каждый годъ 500 червонцевъ австрійскаго, золота, пока онъ живетъ, съ тѣмъ, чтобы исполнять ему все по правиламъ святыхъ отецъ, согласно монастырскаго устава, безъ нарушенія“; 2) относительно сына амвросіева: „обязуется монастырь дать его родному сыну Георгію Попповичу коштъ на дорогу до Босніи, и обратно, на привезеніе своей жены оттуда; еще купить ему въ Бѣлой-Криницѣ домъ, съ принадлежащимъ ему дворомъ и огородомъ, въ вѣчную его собственность; однакоже, если по краткомъ или долгомъ времени случится его высокопреосвященству, Божіимъ повелѣніемъ, по общему долгу человечества, смерть, наградить его господина Георгія за службу родителя отца его, удовольствовать его, судя по обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря“. Эти условія повторены и въ другомъ договорѣ, писанномъ отъ имени Амвросія. ¹⁾ Они показываютъ достаточно какъ

¹⁾ Достояно замѣчанія, что въ этомъ другомъ договорѣ, писанномъ отъ имени Амвросія, послѣднія статьи выговореннаго Георгію вознагражденія обозначены гораздо точнѣе: „Монастырь обязать перевести на свой счетъ изъ Босніи роднаго моего сына Георгія Попповича и его жену Анну Николаевну, и купить имъ въ Бѣлой-Криницѣ въ вѣчную собственность домъ съ дворомъ и огородомъ въ тысячу червонныхъ, а въ случаѣ смерти моей—

заботился Амвросій, чтобы вполне обезпечить съ матеріальной стороны не только свое собственное положеніе въ званіи старообрядческаго епископа, но и положеніе своего семейства, ради котораго собственно онъ всѣмъ и жертвовалъ. Успокоенный точнымъ обозначеніемъ въ двухъ секретныхъ договорахъ условленнаго ему съ семействомъ вознагражденія, Амвросій могъ уже безъ опасенія дозволить, чтобы въ формальномъ документѣ, который подписанъ на другой день, 16го апрѣля, было упомянуто объ этомъ вознагражденіи въ общихъ выраженіяхъ, именно — что монастырь обязуется „содержать его на всемъ монастырскомъ иждивеніи, во всякомъ спокойствіи и удовлетвореніи на всю его жизнь.“

Что же касается данныхъ самимъ Амвросіемъ обязательствъ относительно его будущей должности старообрядческаго архіерея, то онѣ почти одинаково изложены во всѣхъ трехъ документахъ. Изложеніе это не отличалось особенною полнотой и точностью въ опредѣленіи обязанностей

Амвросія, вознаградить ихъ отъ монастыря по усмотрѣнію, *но не менѣе тысячи червонныхъ*“. Можно догадываться, что Павелъ не безъ намѣренія выразился такъ опредѣленно о покупкѣ дома Георгію и особенно на счетъ его вознагражденія по смерти Амвросія, именно въ томъ документѣ, который долженъ былъ остаться у него самого, и напротивъ такъ неопредѣленно (*судя по обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря*) въ документѣ, который долженъ былъ поступить въ собственность Амвросія и на основаніи котораго Амвросій, или сынъ его могли требовать точнаго исполненія условій. Впослѣдствіи оказалось именно, что Павелъ поступилъ такимъ образомъ очень предусмотрительно, — сберегъ интересы монастыря: извѣстно, что Георгій по смерти Амвросія напрасно ищетъ съ Бѣлокриницкаго монастыря уплаты условленной и потому законно ему слѣдующей суммы за домъ и условленнаго, также законно слѣдующаго вознагражденія въ случаѣ смерти отца, такъ какъ въ находящемся у него документѣ та и другая сумма не означены, а все предоставлено „обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря“; подлинникъ же выданнаго Амвросіемъ договора, гдѣ объ суммѣ обозначены такъ точно, хранился въ монастырскомъ архивѣ и потомъ истребленъ инокомъ Онуфріемъ изъ опасенія, чтобы не попалъ въ руки старообрядцевъ и не соблазнилъ ихъ упоминаніемъ о 500 червонцахъ: въ 1858 году, на путѣ въ Россію, въ Формосѣ, у извѣстнаго по недавнимъ событіямъ Прокопа Лаврентьева въ домѣ, онъ разорвалъ этотъ документъ на мелкіе клочки. Вообще, достопочтеннѣйшій о. Онуфрій, въ сожалѣнію, не мало истребилъ подобнаго рода любопытныхъ и немаловажныхъ документовъ, оберегая достоинство нѣкогда любезнаго ему старообрядчества.

Амвросія; но будучи составлено въ выраженіяхъ общихъ и неопредѣленныхъ, этимъ самымъ оно и отдавало Амвросію, такъ-сказать, въ полное распоряженіе бѣлокриницкихъ старцевъ. Вотъ какъ именно изложены обязательства Амвросія въ формальномъ договорѣ, написанномъ отъ лица обѣихъ сторонъ: „Я, митрополитъ Амвросій, не желая долѣе проводить жизнь свою праздно, и ни по нуждѣ, ни по какой страсти, но по чистой своей совѣсти согласился съ депутатами Бѣлокриницкаго монастыря, согласно данному имъ всевысочайшему указу.... *поступить въ старовѣрческую религію*, въ сущемъ званіи митрополита, надъ всѣми духовными лицами и мірскими людьми, состоящими въ оной религіи, верховнымъ пастыремъ; и притомъ *обязуюсь*, по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь, *учинить церковное присоединеніе* согласно правиламъ святыхъ отецъ, и неотлагательно поставить тамъ въ намѣстника себѣ другаго архіерея, такъ какъ дозволено имъ всевысочайшимъ указомъ“¹⁾. Какъ важно было для учредителей бѣлокриницкой іерархіи внести въ формальный документъ, именно въ видахъ обезпеченія этой іерархіи на будущее время, обязательство Амвросія немедленно поставить себѣ намѣстника, это очевидно само собою. Не менѣе важно было и то, что въ договорѣ упоминалось обязательство Амвросія учинить церковное присоединеніе: здѣсь тѣмъ самымъ, что не было въ точности указано какого рода будетъ это присоединеніе, — по третьему, или второму чину, — Амвросій обязывался безпрекословно подчиниться бѣлокриницкимъ властямъ, какому чинопріятію они ни присудили бы его подвергнуть, хотя Амвросій, заключая и подписывая условіе, не допускалъ и мысли о чинопріятіи, особенно по второму чину, —

¹⁾ Въ двухъ другихъ договорахъ упомянуто еще о принятіи духовника. Наприм. въ договорѣ отъ имени депутатовъ говорится: „По прибытіи въ нашъ монастырь его высокопреосвященство первоначально имѣетъ по долгу христіанскому принять себѣ отца духовнаго изъ нашихъ священниковъ, и что духовникъ предлагать будетъ необходимое въ присоединеніи церковномъ, учинить по всему согласно соборнымъ правиламъ св. отецъ, потому неотлагательно поставить въ намѣстника себѣ другаго епископа изъ нашего духовенства, такъ какъ намъ дозволено всевысочайшимъ указомъ“.

подъ муропомазаніе. Еще одно весьма важное обязательство со стороны Амвросія помѣщено въ томъ мѣствѣ договора, гдѣ рѣчь идетъ собственно о обязательствахъ со стороны самихъ бѣлокриницкихъ депутатовъ относительно Амвросія. Вотъ какъ изложена эта часть договора: „Мы же, монастырскіе депутаты Милорадовъ и Васильевъ, обязуемся, по данному намъ отъ монастыря довѣрію, по прибытіи его высокопреосвященства господина митрополита Амвросія въ Бѣлокриницкій монастырь содержать его на всемъ монастырскомъ иждивеніи, во всякомъ спокойствіи и удовольствіи во всю его жизнь, *съ тѣмъ что его высокопреосвященство долженъ у насъ все законно исполнять по правиламъ святыхъ отецъ, согласно монастырскаго устава безъ нарушенія*“¹⁾. Подписывая это условіе, Амвросій, разумѣется, не имѣлъ и понятія объ уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря, о которомъ ему только сказано было, что онъ во всемъ согласенъ съ правилами св. отецъ; а между тѣмъ, обязавшись „безъ нарушенія исполнять монастырскій уставъ“, онъ очевидно обязался принять изложенное въ уставѣ старобрядческое ученіе во всѣхъ его пунктахъ, слѣдовать всѣмъ старообрядческимъ обычаямъ и обрядамъ, также во всей подробности описаннымъ въ уставѣ, и наконецъ подчиниться здѣсь же изложеннымъ строгимъ правиламъ относительно самого бѣлокриницкаго митрополита, по силѣ которыхъ митрополитъ не соблюдающій устава можетъ быть даже лишенъ каеэдры и „отъ всего завѣдыванія навсегда устраненъ“. Такую важность для Амвросія, вовсе имъ не подозрѣваемую, имѣло это, по видимому, незначительное обязательство—не нарушимо соблюдать монастырскій уставъ! И Павелъ, конечно, не безъ намѣренія поставилъ во всѣхъ трехъ договорахъ это именно обязательство со стороны Амвросія въ непосредственной связи съ обязательствомъ монастыря содержать его и платить ему жалованье, такъ что въ случаѣ несоблюденія съ его стороны обязательства во всемъ „безъ

¹⁾ Подлинный договоръ, собственноручно подписанный Амвросіемъ и монастырскими депутатами (*Бѣлокр. архивъ*). О соблюденіи Амвросіемъ монастырскаго устава безъ нарушенія сказано и въ двухъ другихъ договорахъ.

нарушенія исполнять монастырскій уставъ“, и монастырь приобрѣталъ себѣ право не исполнять обязательства относительно его содержанія и вознагражденія¹⁾. Такимъ образомъ Павелъ, оградивши письменными договорами права Амвросія, умѣлъ въ то же время еще лучше оградить этими договорами права своей Бѣлокриницкой обители относительно Амвросія.

Чтобы сообщить надлежащую силу своимъ письменнымъ условіямъ, не облеченнымъ, разумѣется, въ законную форму и не имѣвшимъ по этому никакого юридическаго значенія, обѣ стороны обязались хранить ихъ „свято и ненарушимо“, и обязательство свое утвердили не только собственноручными подписями, но и клятвами при свидѣтеляхъ.²⁾

Условія подписаны были, какъ сказано выше, 15 го и 16-го апрѣля 1846 года. Съ этого времени Павелъ, считая уже Амвросія какъ бы законнымъ своимъ архипастыремъ, сталъ оказывать ему всевозможные знаки почтенія и окру-

1) Въ „Уставѣ“ сказано только, что такой устраненный отъ завѣдыванія каедрой митрополитъ будетъ получать монастырское „прочитаніе“.

2) На условіи, составленномъ отъ имени Павла Алимпія, находятся слѣдующія подписи: „хранити сіе правило свято и ненарушимо, въ вѣрность чего при нижелюбившихся свидѣтеляхъ подпасаемя: Инокъ Алимпій Милорадовъ, инокъ Павелъ Васильевъ, Митрополитъ Амвросіосъ. При семъ условіи свидѣтелемъ былъ подданный австрійскій и подписуюсь Константинъ Огняновичъ“. Подписи другихъ свидѣтелей нѣтъ, хотя, какъ видно изъ употребленнаго выше выраженія, присутствовали при этомъ свидѣтели и кромѣ Огняновича. Вѣроятно паны почему-либо нашли неудобнымъ прикладывать руки, или не нашель этого удобнымъ Павелъ. А на условіи, составленномъ отъ имени Амвросія, приписано: „Уполномоченные отъ Бѣлокриницкаго монастыря депутаты, Алимпій и Павелъ, явились митрополиту въ вѣрности исполненія условія предъ св. Евангеліемъ и цѣловали оное“. Формальное же условіе, писанное отъ обѣихъ сторонъ, для пущей торжественности начиналось словами: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь*. Это формальное условіе написано было въ двухъ экземплярахъ, какъ сказано въ самомъ его текстѣ: „сіе условіе учинили въ двухъ экземплярахъ, дабы хранить содержаніе оного съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо“. Кроме того сдѣланъ былъ точный переводъ его на нѣмецкій языкъ, для представленія австрійскому императору: на подлинномъ экземплярѣ, находящемся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*, есть собственноручная Павлова помѣтка: „А нѣмецкой переводъ точной сего условія, для императора переведенной, на особомъ листу, оставленъ въ приказантѣ при дѣлѣ“.

жилъ его особу самую нѣжною попечительностью. Теперь всё его помышленія устремлены были на то, какъ обезопасить Амвросія отъ подозрѣній со стороны патріаршаго правительства и устроить секретный отъѣздъ его изъ Константинополя, а также и дальнѣйшее его путешествіе. Свѣтниками и помощниками Павлу въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Огняновича, были опять „благодѣтельные цареградскіе паны“, которые именно здѣсь могли оказать ему большую помощь; спутникъ же и главный сотрудникъ его — Алимпій немедленно по заключеніи условій съ Амвросіемъ уѣхалъ изъ Константинополя для сообщенія „своимъ христіанамъ“ радостныхъ извѣстій о приобрѣтеніи желаемаго епископа: онъ отправился для этого въ Бѣлую-Криницу, а потомъ и въ Россію.

На основаніи императорскаго декрета отъ 6-го (18го) сентября 1844 года, Амвросію надлежало ѣхать прямо въ свою новую митрополию и оттуда, немедленно по пріѣздѣ, не вступая еще въ должность, сообщить о себѣ необходимыя свѣдѣнія губернскому начальству, съ тѣмъ чтобы это послѣднее, въ свою очередь, препроводило оныя въ императорскую канцелярію для наведенія о немъ надлежащихъ справокъ дипломатическимъ путемъ. Но порядокъ этотъ, на общемъ совѣщаніи Павла и его друзей, найденъ былъ неудобнымъ для Амвросія: дѣйствовать чрезъ посредство губернскаго начальства, которое такъ враждебно отнеслось къ предпріятію бѣлокриницкихъ калугеровъ и такъ оскорблено было состоявшимся въ столицѣ рѣшеніемъ по ихъ дѣлу, нашли они опаснымъ, весьма основательно предполагая, что начальство это, чрезъ посредство галицкихъ православныхъ архіереевъ, — карловицкаго митрополита, или черновицкаго епископа, — можетъ войти въ переписку объ Амвросіи съ константинопольскимъ патріархомъ, объяснить ему истинную цѣль амвросіева пріѣзда въ Буковину и этимъ вызвать самого патріарха къ невыгоднымъ отзывамъ объ Амвросіи, что могло ему очень повредить въ глазахъ австрійскаго правительства и пожалуй испортить все, что теперь сдѣлано. Поэтому признали за лучшее, чтобы Амвросію изъ Константинополя ѣхать прямымъ путемъ, по Дунаю, въ

столичный городъ Вѣну, гдѣ, минуя неблагоклонное губернское начальство, могъ онъ самъ представиться столичнымъ властямъ, на благосклонность которыхъ по прежнимъ опытамъ смѣло разчитывали, а чрезъ нихъ и самому императору лично подать о себѣ записку и прочіе документы, со всеподданнѣйшей просьбой о дозволеніи вступить въ свою должность и о принятіи въ число австрійскихъ подданныхъ. Относительно же отъѣзда изъ Константинополя всѣ, и особенно самъ Амвросій, были того мнѣнія, что выѣхать онъ долженъ секретнымъ образомъ, соблюдая всевозможную осторожность, даже подъ чужимъ именемъ, то-есть съ фальшивымъ паспортомъ.хлопоты насчетъ паспорта и какъ устроить самый отъѣздъ Амвросія приняли на себя благодѣтели-паны. Сопутствовать Амвросію въ путешествіи до Вѣны, изъ опасенія также навлечь какое-либо подозрѣніе, должны были только Павелъ и Огняновичъ, который въ качествѣ переводчика сдѣлался необходимымъ человѣкомъ при особѣ Амвросія и за условленную плату принять Павломъ на службу въ этой должности; сына же амвросіева признали за лучшее предварительно отправить въ Боснію, гдѣ жила его супруга, чтобы оттуда вмѣстѣ съ нею онъ пріѣхалъ къ Амвросію уже въ Вѣну, на каковое путешествіе ему и была выдана Павломъ, согласно условію, потребная сумма денегъ.¹⁾

Прошелъ цѣлый мѣсяць въ разныхъ хлопотахъ и приготовленіяхъ къ отъѣзду. Въ концѣ мая было наконецъ все устроено: выправленъ паспортъ на имя майносскаго казака-некрасовца, взято мѣсто на пароходъ до Тульчи, гдѣ Амвросій и Павелъ предположили выйти на берегъ, чтобы отдохнуть немного у турецкихъ раскольниковъ и при ихъ посредствѣ выправить для Амвросія болѣе правильный пас-

1) Такъ какъ продолжительное путешествіе по восточнымъ странамъ истощило денежный запасъ, взятый Павломъ и Алимпіемъ изъ Вѣлой-Криницы, то на расходы въ Константинополѣ и на проѣздъ до Вѣны ввита была значительная сумма у константинопольскихъ друзей (въ числѣ этихъ друзей находился и французскій банкиръ Аліонъ), которая впоследствии возвращена съ благодарностію (см. *Расколъ, какъ орудіе партій*, стр. 11, прим. и 14).

портъ для проѣзда въ Вѣну. Въ назначенный для отъѣзда день Павелъ заранѣе со всѣмъ багажомъ отправился на пароходъ и ждалъ тамъ Амвросія, для котораго занято было мѣсто въ каютѣ втораго класса. Между тѣмъ Огняновичъ и павловы друзья изъ подѣскихъ пановъ хлопотали, какъ провести Амвросія секретнымъ образомъ на пароходъ. Дѣло это было нелегкое: Амвросій, согласно паспорту, долженъ былъ явиться въ каюту казакомъ-некрасовцемъ, то-есть переряженнымъ въ казацкое платье; а въ такой одеждѣ идти по городу было опасно, потому что могли встрѣтиться знакомые, которыхъ у Амвросія имѣлось довольно. Но опытные въ дѣлахъ подобнаго рода амвросіевы руководители знали, какъ выйти изъ этого затрудненія: переодѣванье они устроили въ одной гостинницѣ, стоявшей на самомъ берегу, близъ пароходной пристани; осторожно вывели оттуда переряженного Амвросія другимъ выходомъ, прямо на стоящую у берега лодку, и съ разными предосторожностями благополучно доставили на пароходъ, гдѣ въ большомъ безпокойствѣ ожидалъ ихъ Павелъ ¹⁾. Это, говоря по правдѣ, воровски устроенное бѣгство, во время котораго Амвросій, какъ и слѣдовало, находился въ ужасной тревогѣ, Павелъ въ послѣдствіи изобразилъ довольно обстоятельно въ одномъ изъ своихъ посланій къ Геронтію, приписавъ успѣхъ его, разумѣется, Божію покровительству. „*Богъ промыслилъ посредствомъ благодѣтелей нашихъ* (писалъ онъ)! Назначено было одно великое зданіе, заведеніе близъ пристани, чтобы въ однѣ ворота войти митрополитомъ, а въ другія выйти казакомъ, прямо на пароходъ: что и учинено было съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Переѣхавъ на пароходъ между безчисленнаго множества лодокъ и народовъ, въ странной одеждѣ, закрыть весь,—едва только видны одни глаза, и притомъ отъ сильнаго зноя подъ зонтикомъ провожавшихъ *пріятелей*.—а я былъ уже на пароходѣ и уготовилъ мѣсто, а онъ, аки плѣнный и трясущійся, введенъ былъ скоро въ

¹⁾ Надобно полагать, что въ этихъ проходахъ участвовалъ и Гончаровъ, такъ какъ изъ его расказа (въ *Первомъ началіи*) видно, что въ это самое время онъ находился въ Константинополѣ.

комару (камеру) втораго номера, и аки безчувственъ положенъ въ ложу за занавѣсочку мало отдохнуть и собраться съ духомъ¹⁾

Это былъ, по выраженію Павла, „первый подвигъ“ Амвросія, за которымъ слѣдовалъ цѣлый рядъ „скорбей и необыкновенныхъ искушеній“. Въ самомъ дѣлѣ, злая судьба какъ будто преслѣдовала Амвросія; разныя, крайне опасныя для него случайности какъ будто нарочно слѣдовали одна за другой, чтобы вразумить его, показать ему на первыхъ же порахъ, какія тревоги и огорченія ожидаютъ его неизбежно на той фальшивой, незаконной дорогѣ, на которую противъ совѣсти рѣшился онъ вступить. Едва успѣлъ Амвросій „собраться съ духомъ“, лежа за своею занавѣсочкой, какъ входитъ въ ту же самую каюту и прямо противъ него занимаетъ мѣсто одинъ близко знакомый ему купецъ, который могъ узнать его во всякомъ нарядѣ и по первому слову. Положеніе Амвросія было самое критическое. Оставалось одно средство избѣжать позорной и опасной встрѣчи: не взирая ни на что, оставаться безвыходно за своею занавѣсочкой! И онъ, дѣйствительно, какъ мертвый, почти безъ движенія пролежалъ въ койкѣ все время, пока его знакомецъ былъ на пароходѣ. Къ его счастью это продолжалось лишь немного болѣе сутокъ, потому что купецъ ѣхалъ только до Варны. Павелъ не менѣе Амвросія терзался, видя его безвыходное положеніе и не зная какъ помочь ему. „Неутишимъ, трясущимся его членамъ (рассказываетъ Павелъ) это придало еще жесточайшей сердечной тревоги, такъ что онъ не могъ подняться съ того самага ложа ни для пици и питія, ниже для нужды, цѣлый той день и всю ночь до половины другаго дня, доколь пощадилъ его Богъ, что купецъ

1) Письмо Павла къ Геронтію отъ 8-го іюня 1846 года съ браиловской пароходной пристани. Изъ этого Павлова письма, и другаго, писаннаго къ Геронтію же изъ Вѣны отъ 3-го іюля, мы будемъ главнымъ образомъ заимствовать и дальнѣйшія подробности о путешествіи Амвросія отъ Константинополя до Вѣны. Георгій Амиридисъ, въ письмѣ на имя московскаго духовнаго совѣта, также упоминаетъ, что отецъ его, выѣзжая изъ Царьграда, „перемѣнилъ одежду и какъ простой человекъ имѣлъ на головѣ одно колпакъ болгарски“.

той, приставши къ берегу Варны, выступилъ въ городъ. Я былъ сокрушенъ внутренне сугубою болѣзнію во все время того лежанія его безгласнаго, боясь, какъ бы кельнеръ не довелъ до свѣдѣнія капитана, что человекъ лежитъ толикое время недвижимъ и безгласенъ, въ сомнѣніи его не только болѣзни, но и самой жизни¹⁾. Послѣ этого несчастнаго случая не встрѣтилось никакой непріятности во все время переѣзда до Тульчи; но Амвросій, страшно перепуганный, не смѣлъ уже „никуда ни ходить, ни глядѣть, и ни пить, и ни ѣсть“. Павелъ съ Огняновичемъ едва могли убѣдить его выйти на палубу, чтобы подышать чистымъ воздухомъ: здѣсь, выбравши наиболѣе уединенное мѣсто, на самомъ носу парохода, онъ помѣстился, усадивъ около себя обоихъ спутниковъ, и развлекалъ себя только тѣмъ, что „въ малую подозрную трубку непрестанно смотрѣлъ на волны морскія и на идущіе корабли“...

Въ Сулинѣ взошелъ на пароходъ одинъ изъ значительнѣйшихъ тульчанскихъ старообрядцевъ, уже извѣстный намъ Савва Рукавишниковъ: инокъ Павелъ извѣстилъ его письмомъ изъ Константинополя о времени, когда будетъ проѣзжать съ Амвросіемъ, и Рукавишниковъ съ разными гостинцами явился именно привѣтствовать „богодарованнаго владыку“ и лично проводить его до Тульчи, гдѣ предложилъ ему помѣщеніе въ своемъ домѣ. Такая внимательность была, конечно, пріятна Амвросію, но не могла успокоить его послѣ испытанныхъ тревоженій. А между тѣмъ съ пріѣздомъ въ Тульчу его ожидала новая непріятность. Тамъ изъ павлова же письма къ Рукавишникову случайно узнали о предстоявшемъ пріѣздѣ Амвросія, — и тульчанскіе старообрядцы, вмѣстѣ съ жителями близъ лежащихъ некрасовскихъ селеній, задумали устроить ему торжественную встрѣчу, нимало не подозрѣвая, въ какомъ видѣ и съ какими предосторожностями совершалъ плаваніе ихъ „богодарованный архипастыръ“. Когда пароходъ подъѣзжалъ къ Тульчѣ, весь берегъ покрытъ былъ толпами старообрядцевъ обоихъ половъ и всякаго возраста, разодѣтыхъ въ праздничныя платья, а

1) Письмо къ Геронтію съ браиловской пристани.

впереди всѣхъ старики—общественные депутаты съ хлѣбомъ-солью, и депутація отъ иноковъ Славскаго монастыря, въ которой находился даже Аркадій лаврентьевскій, который этимъ самымъ какъ будто давалъ знать, что успѣхъ, увѣнчавшій предпріятіе инока Павла, поколебалъ нѣсколько его прежнее нерасположеніе къ учрежденію старообрядческой архіерейской кафедрѣ. Понятно, какъ нестати была эта почетная встрѣча, сколько непріятностей могла она причинить переряженному въ казацкій балахонъ митрополиту. На этотъ разъ только Павелъ своею находчивостью и отважностью спасъ Амвросія отъ бѣды: онъ успѣлъ прежде всѣхъ пассажировъ выдти на берегъ, увлечь за собою обратно въ городъ толпы некрасовцевъ и такимъ образомъ разстроилъ неумѣстную церемонію встрѣчи; Амвросій же, брошенный имъ на попеченіе Огняновича и Рукавишникава, „поблѣднѣлый и аки мертвый“ проведенъ былъ осторожно „задворками“ въ хату какого-то старообрядца, уединенно стоявшую гдѣ-то на краю города ¹⁾. Сюда потихоньку,

1) Вотъ о всемъ этомъ собственный разказъ инока Павла въ письмѣ его къ Гервояну: „Боже мой! Мы вдемъ отдохнуть въ Тульчѣ и, по необходимости, для перемѣны начпорта, въ Серякое, ничего того не зная, и даже не рѣшился митрополитъ изъ принесенныхъ Саввою Ивановичемъ гостинцевъ ничего вкусить, доколѣ не увидимъ въ его домѣ въ Тульчѣ: а въ Тульчѣ, еще наканунѣ нашего прибытія, отецъ Аркадій, по порученію настоятеля Славскаго монастыря отца Макарія, со многочисленною братією иноковъ, съ Сереккой (изъ Сарыкѣя) господинъ атаманъ съ общественными людьми и со всѣхъ слободъ старики съ хлѣбомъ и солью для встрѣчи митрополита, и множество по произволенію народа, убранные хорошо, яко на праздникъ, съ женами и дѣтьми, какъ говорится, старые и малые, прѣвдомъ своимъ покрыли Тульчу, и прогремѣло всюду, паче грома! Пароходъ прибѣжалъ къ берегу,—на полчаса не болѣе остановился для высадки, кого надлежало, и скоро всѣ вещи и насъ побуждаютъ перенести на берегъ. Я выскочилъ изъ комары (камеры) на палубу, — и какъ взглянулъ на берегъ, такъ отъ неизяснимаго ужаса омрачился и не зналъ чтѣ вообразить! Эта минута даже подобилась нѣчииъ Моисею при Черномъ морѣ (?): съ парохода капитанъ тотчасъ гонить, какъ Фаравонъ; а напротивъ, какъ синія пучины, волнуется полкъ безчисленнаго народа, одинъ другаго угнетая видѣть митрополита! Эта минута не представляла мнѣ сроку ни разсуждать чтѣ, ни вопить, ни молиться; едва только умомъ безгласно могъ вослигнуть (яко второй Моисей): О, всемогущій Боже! чтѣ сотворю? И вдругъ положилъ Господь на мысль: бросить все на пароходѣ, вещи и сущихъ со

одинъ за другимъ пришли къ нему Павелъ, старцы Славскаго скита и выборные некрасовскихъ обществъ съ хлѣбомъ-солью, утѣшали его и просили нимало не беспокоиться, увѣряя, что теперь подъ ихъ защитой онъ совершенно безопасенъ. Это нѣсколько ободрило Амвросія: „онъ мало оживился и обрадовался, чего уже и не надѣялся (рассказываетъ Павелъ); однако и тутъ отъ неизъяснимаго бывшаго возмущенія не могъ ничего ни ѣсть, ни пить, а просилъ мало покою отдохнуть“. Впрочемъ, въ виду распространившихся по городу толковъ о прїѣздѣ какого-то загадочнаго лица, которому старообрядцы готовили торжественную встрѣчу, и сами новые покровители и защитники Амвросія признали за лучшее въ тотъ же самый, столь тревожный для нихъ день увезти его изъ Тульчи въ некрасовское селеніе Сарыкѣй. Здѣсь, въ домѣ Гончарова, хотя самъ хозяинъ и находился въ отсутствіи ¹⁾, была приготовлена квартира Амвросію и здѣсь онъ первый разъ по выѣздѣ изъ Константинополя вздохнулъ свободно.

Въ Сарыкѣй Амвросій проживъ болѣе четырехъ сутокъ, частію для того, чтобы доставить утѣшеніе некрасовцамъ, такъ желавшимъ его видѣть, главнымъ же образомъ потому, что нужно было хлопотать о полученіи отъ турецкаго правительства другаго паспорта на проѣздъ въ Вѣну. Въ это время Амвросій часто видался съ почетными сарыкѣй-

мною, и скорѣе всѣхъ, не ожидая вапорнаго перевозу, закричалъ: подайте лодку! И вскорѣ перескочилъ одинъ ни съ чѣмъ на берегъ въ полкъ народа; поликовался съ отцемъ Арнадіемъ и съ прочими первѣйшими, а бѣе скорыми шагами пошелъ въ домъ Саввы Ивановича, возгласивъ всѣмъ: „Идите скоро со мною, имѣю вамъ нѣчто предложить весьма нужное; а на пароходѣ нѣтъ ничего моего и со мною нѣтъ никого“. Чудо было зрѣти! весь пароходъ удивился, чтѣ это былъ за человекъ такой, на коего они почти ни мало не внимали, а вдругъ дивную встрѣчу увидали! Итакъ весь народъ я увелъ за собою, такъ что не осталось никого принять митрополита. И онъ былъ столь пораженъ таковою нечаянностію, что стоялъ поблѣднѣлый, аки мертвый, какъ мнѣ сказывали тѣ, коихъ я послалъ на помощь Саввѣ Ивановичу забрать наши вещи ко мнѣ, а его съ переводчикомъ (Огняновичемъ) отвести задворками на самый край города, къ одному нашему христіанцу“ (Пис. изъ Браилова).

¹⁾ Онъ еще не возвратился тогда изъ Константинополя.

скими, также славскими и журиловскими жителями, и въ-
 которыхъ удостоилъ посвѣщеніемъ. 31-го числа сарыкѣйскіе
 старики пришли просить его, чтобы посвѣтилъ ихъ церковь.
 Амвросій надѣлъ иноческую одежду, которая заблаговремен-
 но была приготовлена для него еще въ Тульчѣ инокомъ
 Алимпіемъ, и отправился смотрѣть церковь. По улицамъ
 стояли большія толпы народа, которому хотѣлось посмот-
 рѣть на митрополита. Черезъ день послѣ этого, именно 2-го
 іюня, опять „собралися всѣ старики и старцы, и простаго
 народа много, и попросили господина митрополита пройтисѣ
 по селу. Онъ тотчасъ всталъ и пошелъ съ ними по селу,
 и вышли на степь, народу множество, — всѣ кланяются.“¹⁾

Между тѣмъ въ Бабадагъ успѣли выправить для Амвро-
 сія новый паспортъ. За отсутствіемъ Гончарова, великаго
 мастера этихъ дѣлъ, о выдачѣ паспорта хлопотали глав-
 нымъ образомъ сарыкѣйскій атаманъ и Аркадій лавренть-
 евскій. Имъ удалось выправить паспортъ на имя *башъ-па-
 наса*, что, по объясненію Павла, значить: „верховный надъ
 всѣми старовѣрскими попами святитель“; но все-таки въ
 паспортѣ допущена была ошибка, — неправильно написали
 собственное имя Амвросія, чего никакъ не случилось бы,
 еслибъ это дѣло велъ Гончаровъ, который въ своемъ сочи-
 неніи и выражается довольно презрительно о томъ, что не
 умѣли сдѣлать, какъ слѣдуетъ, такого простаго дѣла. Но
 Павелъ былъ доволенъ и тѣмъ паспортомъ, какой успѣли
 получить отъ турецкаго правительства: „спаси Христось
 господина атамана и всѣхъ стариковъ, а наипаче отца Ар-
 кадія и отца Евфросина за ихъ благое наставленіе и усерд-
 ное содѣйствіе.“²⁾

Теперь можно было отправляться дальше. Присудили не
 заѣзжать уже въ Тульчу, а проѣхать на лошадяхъ до Бра-
 илова и тамъ сѣсть на пароходъ. Послѣ тульчанской исто-
 ріи эту дорогу находили безопаснѣе; старики совѣтовали
 только поосторожнѣе ѣхать мимо Камня, такъ какъ жите-
 лей этого селенія считали враждебно расположенными къ при-

1) Гончаровъ: *Первое начатіе происшествія*.

2) Пис. съ браиловской пристани.

натию епископовъ. 3-го числа Амвросій съ Огняновичемъ и Павломъ выѣхалъ изъ Сарыкѣя, весьма довольный сдѣланнымъ здѣсь приѣмомъ. Проводы были торжественные: „Собрался весь міръ, — рассказываетъ Гончаровъ, отъ стараго и до малаго, и приказали звонить на выѣздъ ему. Когда сталъ митрополитъ на повозку садиться, *благословилъ всѣхъ, и всѣ ему поклонились до земли, и звонили много, дондеже изъ глазъ скрылися*“.

Мимо Камня проѣхали благополучно; но въ Браиловѣ Амвросій не избѣжалъ огорченій и тревогъ, которыми во все время путешествія преслѣдовала его судьба. Приѣхавъ на браиловскую пристань, во вторникъ, того же 3-го числа, Павелъ къ немалому огорченію своему узналъ, что цареградскій пароходъ ожидается сюда не раньше воскресенья: пришлось такимъ образомъ ожидать его цѣлые пять дней. Жить все это время въ городѣ, или въ карантинѣ, опять нашли неудобнымъ, изъ опасенія какой-нибудь непріятной встрѣчи; а рѣшили дожидаться парохода на противоположномъ отъ города берегу, гдѣ не было никакихъ почти жилыхъ строеній: отыскали какой-то полуразрушенный пустой овечій сарай, и въ немъ рѣшились пріютиться. Для Амвросія въ этомъ сараѣ очистили особое мѣсто и устлали коврами, такъ что онъ могъ расположиться довольно удобно, а главное, какъ полагали, совершенно безопасно. Между тѣмъ, къ общему удивленію, вскорѣ же начали являться сюда разные посѣтители. Сначала пришелъ какой-то греческій попъ и сталъ просить благословенія у Амвросія, назвавъ его владыкой: его успѣли выпроводить, увѣривъ что никакого владыки тутъ не было и нѣтъ. Потомъ явился какой-то аеонскій монахъ и также обратился къ Амвросію за благословеніемъ: монаха надѣлили деньгами и также успѣли выпроводить. Однакоже эти нечаянные посѣтители, по выраженію Павла, всѣхъ повергли въ „неизъяснимое недоумѣніе, — что тутъ хочетъ быти!“ Еще больше смутилъ Амвросія и всѣхъ его спутниковъ пріѣздъ одного мачинскаго грека, извѣстнаго Павлу и некрасовцамъ своею враждой къ старообрядцамъ, — онъ также расположился станомъ на правомъ берегу Дуная, неподалеку отъ того мѣста гдѣ

пріютились Амвросій съ своими провожатыми: Амвросія укрыли въ уголку, занавѣсивъ какимъ-то пологомъ, и съ трепетомъ ожидали непрошеннаго гостя, который, какъ всѣмъ казалось, за тѣмъ нарочно и пріѣхалъ, чтобы накрыть бѣзглаго митрополита, такъ какъ могъ узнать о путешествіи Амвросія въ Мачинѣ, гдѣ Амвросію и Павлу пришлось остановиться для прописанія паспортовъ. Страхи и опасенія были однакоже напрасны: грекъ уѣхалъ, не обративъ никакого вниманія на подозрительныхъ людей, укрывавшихся въ полурушенномъ сараѣ. Но едва только амвросіева компанія успѣла оправиться отъ причиненной имъ тревоги, какъ случилось обстоятельство, которое повергло Амвросія въ такой уже страхъ, что онъ буквально не зналъ куда дѣваться: тотъ же грекъ опять возвратился на прежнее мѣсто, и притомъ съ какимъ-то близко знакомымъ Амвросію греческимъ архіереемъ, имѣвшимъ при себѣ еще большую свиту! Вотъ что писалъ инокъ Павелъ и объ этомъ событіи и о страшномъ смятеніи Амвросія: „Въ пятницу наисильнѣйше обновленіе ранамъ сердечнымъ, такъ что митрополиту уже недоставало полога во укрытіе, но *вльзъ въ скотскія ясла и хотѣлъ закопаться въ навозъ и овчія объѣды*. Едва мужественными о Бозѣ уговорами убѣдили его предаться воли Божіей. А что имянно? Тотъ же бывший въ среду врагъ, паче всякаго нашего чаянія, явился къ намъ на берегъ опять, но уже не одинъ, а еще съ однимъ епископомъ и съ многими при немъ разными людьми; а этого епископа при недавнемъ времени на поставленіи присутствовалъ въ служеніи и теperешній нашъ митрополитъ и близкій ему знакомецъ. Мы болѣе испугались, какъ сказали намъ, что они прибыли со стороны отъ Тульчи и якобы знаютъ о нашемъ дѣлѣ. Они расположились всею свитой тутъ же на берегу, близъ насъ, въ одной корчмѣ, и поѣхали всѣ въ Браиловъ, и оттоль возвратились и пробыли даже до вечера; а мы ни ѣвши, ни пивши, въ неизъяснимой скорби не могли изъ сарая нигда выступить, полагали себя такими, *какъ спящая рыба во мрежи*.“¹⁾ Оказалось между тѣмъ, что греческій епископъ

¹⁾ Письмо съ браиловской пристани. Гончаровъ въ своемъ *Первомъ на-*

и его спутники прѣзжали въ Браиловъ „по своимъ дѣламъ“, объ Амвросіи же и бѣлокриницкихъ дѣлахъ были совсѣмъ „неизвѣстны“. Ночью они уѣхали обратно. Это было наканунѣ того дня, когда наконецъ долженъ былъ придти цареградскій пароходъ. Утромъ Амвросій со всѣми спутниками переѣхалъ на другую сторону Дуная, къ пристани, гдѣ въ ожиданіи парохода инокъ Павелъ, „по порученію смиреннаго митрополита Амвросія“, написалъ въ Бѣлую-Криницу къ Геронтію посланіе, въ которомъ изложилъ всѣ приключившіяся ему „скорби и искушенія“ на пути изъ Царяграда.

Но скорби и искушенія еще не кончились. На первой же отъ Браилова пароходной пристани, именно въ Силистріи, случилось новое непріятное для Амвросія обстоятельство, дѣйствительно примѣчательное: на пароходъ, въ ту самую камеру, гдѣ находился Амвросій, входитъ опять тотъ греческій купецъ, что такъ напугалъ его въ Константинополѣ, занявъ мѣсто въ одной съ нимъ каютѣ, и заставилъ тогда пролежать болѣе сутокъ *еле жива суща*. Понятно, что и теперь Амвросій пришелъ въ неменьшее смѣненіе. Павелъ не рассказываетъ въ подробности, какъ на этотъ разъ укрывался бѣглый митрополитъ стѣ взоровъ своего знакомца: онъ замѣчаетъ только, что все время ѣхали „какъ сжатые въ клещехъ“ и что „Богъ покрылъ ихъ, — *не позналъ осель господина своего!*“¹⁾ Вѣроятно Амвросію помогло укрыться то обстоятельство, что и теперь онъ ѣхалъ въ простомъ платьѣ, безъ клобука и рясы, да и плаваніе было довольно безпокойно, такъ что пассажирамъ было не до наблюденія за

частію нѣсколько иначе передаетъ эти обстоятельства со словъ старика Еремея Гапѣва, посланнаго сарыѣйскими некрасовцами проводить Амвросія въ Браиловъ: „Еремей съ Браилова прѣзжалъ и рассказывалъ, какой изъ случаевъ злощастный былъ, и какъ митрополитъ хоронился и говорилъ Еремею: я лягу, сказалъ, въ ясли, а ты, Еремей, возми объѣдми меня прикрой. А Еремей убоялся и сказалъ: я не могу этого сдѣлать, — какъ я могу такое лицо въ ясли положить и объѣдми закрыть! Но вмѣсто того взялъ митрополита и Павла и отвелъ въ камышъ.“ Павелъ, писавшій на другой день послѣ приключенія, надобно полагать, рассказалъ его вѣрнѣе.

¹⁾ Письмо Геронтію изъ Ваны, отъ 3-го іюля 1846 г.

спутниками: долго пришлось ъхать въ открытомъ суднѣ, подъ проливнымъ дождемъ, такъ что на австрійскую границу, въ нѣмецкій карантинъ, пріѣхали измоченные поздно ночью.

Австрійскій карантинъ былъ привѣтствованъ Павломъ, какъ надежное убѣжище отъ всѣхъ преслѣдовавшихъ Амвросія опасностей: здѣсь уже Павелъ находился какъ бы въ родной странѣ! Немедленно взялъ онъ особую комнату въ карантинѣ и, отдохнувши, составилъ слѣдующій планъ дальнѣйшаго плаванія по Дунаю, во избѣжаніе непріятной встрѣчи съ безотвязнымъ грекомъ: онъ придумалъ ѣхать съ Амвросіемъ и Огняновичемъ на недѣлю въ Мегадію, подъ предлогомъ пользованія тамошними водами, и для этого кстати выправить для Амвросія здѣсь, въ карантинѣ, нѣмецкій паспортъ, такъ какъ взятый въ Бабадагъ хотя и былъ написанъ на имя башъ-папаса, но по ошибкѣ въ немъ было поставлено, какъ мы говорили, вмѣсто собственнаго имени Амвросія какое-то другое. Утромъ всѣ одѣлись какъ слѣдуетъ, — Амвросій даже украсился панагіей, — и Павелъ приступилъ къ исполненію своего плана. „Когда на утро (рассказываетъ самъ онъ) вошелъ къ намъ переписчикъ и увидѣлъ старика въ архіерейской одеждѣ и на спросъ извѣстился, что это митрополитъ, вдругъ ужаснулся и самъ себя тихо сказалъ: *ахъ сакраменъ!* — и въ ту минуту убѣжалъ. Мы, избѣгая далѣе компаніи своихъ спутниковъ, объявили желаніе ѣхать на теплыя купели въ Мегадію и пробыть тамо недѣлю, до другаго будущаго парохода. И такъ съ того часа совершенно разрѣшились тѣхъ тягостныхъ клещей“.¹⁾ Къ пріѣзду новаго парохода Павелъ съ Амвросіемъ и Огняновичемъ дѣйствительно возвратились изъ Мегадіи на австрійскій погравичный карантинъ, и дальнѣйшее плаваніе совершили уже безъ всякихъ непріятныхъ приключеній. Въ Вѣну пріѣхали они 28-го іюня.

Въ Вѣнѣ Павелъ прежде всего поспѣшилъ повидаться съ своимъ старымъ благопріятелемъ и совѣтникомъ г. Дворачкомъ. По всей вѣроятности Дворачекъ и прежде

¹⁾ Тамъ же.

имѣлъ уже отъ Павла извѣстіе о приобрѣтеніи „желаемаго предмета“ и, конечно, не безъ его совѣта принято было рѣшеніе ѣхать изъ Царяграда прямо въ Вѣну, минуя Черновцы и Львовъ, чтобы дѣло о признаніи и утверженіи Амвросія въ санѣ липовановскаго верховнаго пастыря вести непосредственно въ столицѣ, у здѣшнихъ властей, не входя въ сношенія съ губернскимъ начальствомъ. Теперь Павлу нужна была помощь Дворачка именно въ томъ, чтобы успѣшнымъ образомъ повести это дѣло въ столицѣ. По силѣ императорскаго декрета, отъ 6-го (18-го) сентября 1844 года, требовалось, какъ выше сказано, чтобы правительству представлены были удовлетворительныя свѣдѣнія о личности Амвросія, затѣмъ свѣдѣнія эти имѣли быть провѣрены дипломатическимъ путемъ, и тогда уже, если не возбудится никакихъ сомнѣній насчетъ Амвросія, должно было послѣдовать со стороны правительства и признаніе его въ должности липованскаго епископа и принятіе въ австрійское подданство. Понятно, что эта процедура дипломатическихъ справокъ была не очень удобна для Амвросія при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ оставилъ онъ Константинополь. Поэтому и надлежало теперь позаботиться собственно о томъ, нельзя ли выхлопотать, чтобы правительство утвердило Амвросія въ званіи старообрядческаго епископа и признало австрійскимъ подданнымъ, не наводя справокъ о немъ въ Константинополь, а если ужъ безъ этого обойтись невозможно, то по крайней мѣрѣ не обращалось бы за ними непосредственно къ патріарху и во всякомъ случаѣ не придавало бы имъ большаго значенія, еслибъ онѣ оказались не вполне благопріятны для Амвросія. Въ этихъ видахъ Дворачекъ находилъ самымъ лучшимъ, если Амвросій теперь же лично представится императору и собственноручно подастъ его ведичеству прошеніе, со всѣми документами, нужными для удостовѣренія его личности: будучи принятъ торжественно и милостиво самимъ императоромъ, онъ этимъ самымъ много обезопасилъ бы себя даже на случай неблагопріятныхъ для него дипломатическихъ справокъ. А выхлопотать аудіенцію для Амвросія Дворачекъ смѣло надѣялся при посредствѣ тѣхъ высокихъ покровителей, которые

съ самаго же начала отнеслись такъ благосклонно къ предпріятію бѣлокриницкихъ калугеровъ и такъ много уже сдѣлали для нихъ.

Ко всѣмъ этимъ благодѣтелямъ Павелъ, въ сопровожденіи Дворачка, и теперь явился на поклонъ, — объяснилъ имъ настоящія обстоятельства своего дѣла, просилъ о продолженіи ихъ высокихъ милостей, о защитѣ Амвросія отъ преслѣдованій патріарха и о доставленіи ему возможности лично представиться всемилостивѣйшему императору. Высокіе покровители приняли его съ прежнею благосклонностію и обѣщали всякую помощь, — самымъ милостивымъ и внимательнымъ изъ нихъ явился и на этотъ разъ эрцгерцогъ Лудвигъ, на мощное покровительство котораго больше всего и возлагалась надежда.¹⁾ А что касается аудіенціи у императора, то она дѣйствительно обѣщана была безъ всякихъ затрудненій и скоро послѣдовало даже назначеніе времени, когда Амвросій долженъ явиться во дворецъ для представленія его величеству.

Между тѣмъ Дворачекъ, при содѣйствіи Павла и Огняновича, занялся составленіемъ прошенія, которое Амвросій долженъ былъ представить императору, и приведеніемъ въ порядокъ тѣхъ документовъ, которые нужно было приложить къ прошенію. Это были: а) подлинная архіерейская ставленная грамота Амвросія, которая должна была служить удостовѣреніемъ, что Амвросій есть законнопоставленный архіерей: грамота переведена съ греческаго языка на нѣмецкій состоявшимъ при императорской канцеляріи официальнымъ переводчикомъ, и переводъ этотъ, засвидѣтельствованный относительно его точности подписью переводчика, приложенъ къ подлиннику;²⁾ б) документъ, должен-

¹⁾ Это можно видѣть, между прочимъ, изъ письма Дворачка въ Бѣлую-Криницу, писаннаго въ началѣ 1847 года, гдѣ именно говорится о томъ, какъ эрцгерцогъ Лудвигъ интересовался окончаніемъ дѣла о бѣлокриницкой архіерейской кассѣдрѣ (письмо это будетъ приведено ниже).

²⁾ Въ *Бѣлокр. арх.* находится подлинникъ этого перевода, по окончаніи дѣла препровожденный въ монастырь изъ черновицкаго крайзамта. Переводъ весьма тщательно переписанъ самимъ переводчикомъ и скрѣпленъ слѣдующею подписью: *Vorliegende Uebersetzung, vom gefertigten Transla-*

ствовавший служить удостоверениемъ, что Амвросій и по удаленіи съ босносараевской кафедрѣ оставался архіеремъ и пользовался архіерейскими правами, то-есть не былъ лишенъ сана и не находился подъ запрещеніемъ: это была также подлинная, выданная Амвросію изъ патриаршей канцеляріи записка, съ дозволеніемъ отслужить литургію въ одной изъ константинопольскихъ церквей, — каковыя записки обыкновенно выдавались проживавшимъ въ Константинополѣ многочисленнымъ безмѣстнымъ епископамъ, если кто изъ нихъ желалъ, или приглашаемъ былъ гдѣ-нибудь служить литургію, такъ что ни одинъ изъ нихъ безъ такой дозволительной записки отправлять священнослуженіе въ области патриарха не имѣлъ права; документъ сей, весьма предусмотрительно сохраненный Павломъ, былъ также переведенъ на нѣмецкій языкъ официальнымъ переводчикомъ, и переводъ приложенъ къ подлиннику; ¹⁾ в) переведенный

tor selbst verfasst, ist dem griechischen patriarchalischen orig. Ernennungs-Decrete von Wort zu Wort gleichlautend. Urkund dessen meine Amtsfertigung. Wien am 18 Julius 1846 Georg Gilany k. k. Tolmatsch für die griech. Sprache. Въ архивѣ имѣются также списки греческаго текста грамоты и славянскаго перевода, сдѣланнаго Огняновичемъ. Послѣдній напечатанъ Павломъ въ его *Церковной исторіи* (стр. 182—188).

1) Въ *Бѣлокр. арх.* имѣется подлинникъ и этого перевода, на которомъ означено тоже 6-е (18-е) число іюля; есть такъ же списки греческаго текста и славянскаго перевода. Этотъ послѣдній переводъ, не совсѣмъ вразумительно сдѣланый Огняновичемъ, напечатанъ въ вавловой *Церковной исторіи* (стр. 188—189). Настоящій документъ имѣлъ вообщѣ большую важность для Павла, ибо могъ служить не для австрійскаго только правительства, но (что еще важнѣе) и для самихъ старообрядцевъ удостовѣреніемъ, что Амвросій не состоялъ подъ запрещеніемъ священнодѣйствія. И такъ какъ въ документѣ этомъ находилось выраженіе, которое могло подать инымъ поводъ къ недоумѣнію, — именно, что Амвросій долженъ былъ служить литургію „безъ сѣдѣнія священнаго сопрестола“ (*δίχα τῆς τοῦ κερῶ σου Ἐρῶου ἐκκατηδρίστου*), то Павелъ написалъ къ этому выраженію слѣдующее примѣчаніе: „Безъ сѣдѣнія священнаго сопрестола значитъ то, что въ Царьградѣ патриархъ въ каждой церкви, на случай его службы, имѣетъ свой престолъ на горнемъ мѣстѣ и въ церкви. А потому всѣ служащіе въ Царьградѣ архіереи не могутъ сидѣть на патриаршемъ престолѣ, но подлѣ оного, на маломъ, то-есть на креслахъ, и въ присутствіи патриарха и безъ присутствія.“ Для подтвержденія этого, совершенно правильнаго объясненія, Павелъ, какъ видно, воспользовался, въ другихъ случаяхъ столь ненавистнымъ

по-нѣмецки экземплярь *формальной условія*, заключеннаго Амвросіемъ съ депутатами Бѣлокриницкаго монастыря. Эти до-

для старообрядцевъ, дѣяніемъ Московскаго собора 1667 года: „сіе дѣлается, по силѣ *соборнаго правила*, якоже явствуетъ въ московскомъ соборномъ свиткѣ, учиненномъ греческими патріархи, сице: „еще слухъ намъ есть и „о семъ, яко здѣ въ Россіи, въ божественной литургіи, въ чтеніи апостола „всякій священникъ сѣдять на священнопрестолахъ, сирѣчь на горнемъ „мѣстѣ: и то прѣбеззаконно есть и въ прелюбодѣяніе выняется: зане то „архіерейское мѣсто и сѣдалище есть, и сущій престолъ, и невѣста его; и „не токмо священникомъ, или архимандритомъ (не) подобаетъ сѣдѣти на горнемъ „мѣстѣ, но ниже *архіереемъ въ чужихъ епарціяхъ, ни въ какой церкви съ- „дѣти на горнемъ мѣстѣ, ниже самому патріарху, аще прилучится ему „путешествовати во епархіи митрополита, или епископа своего, не можетъ „сѣдѣти на томъ мѣстѣ“* (собственноручное павлово прим. на славянскомъ переводѣ „дозволенія“, писанномъ рукой Огняновича, въ *Бѣлокр. арх.*; правило собора 1667 года см. въ *Дополн. къ акт. ист.* т. V, стр. 468). Въ нѣмецкомъ переводѣ, поданномъ императору Фердинанду, это примѣчаніе Павла не помѣщено; а въ его *Церковной исторіи* напечатано (стр. 189). Нѣкоторые писатели въ настоящемъ документѣ видятъ доказательство того, что Амвросій былъ запрещенъ отъ священнодѣйствія и получилъ отъ патріарха разрѣшеніе „только для отслуженія одной заукокойной литургіи, безъ всякой архіерейской власти (?) и притомъ безъ права входить на архіерейскую кафедру“; рассказываютъ даже, что будто бы дозволеніе это, по просьбѣ Павла, добыли „жидове“ („Костюшка съ своими жидами-факторами“) обманомъ, „досыпавши червонцы довольномъ количествомъ, составивши ложную духовную“ и пр. (см. *Кн. о промыслѣ* стр. 55—56; Варадинова *Ист. минист. внутр. дѣлъ*, т. VIII, стр. 480). Мы уже замѣтили, что видѣть въ документѣ, выданномъ Амвросію изъ патріаршей канцеляріи что-либо особенное нѣтъ никакого основанія, и что выраженіе *δῖχα τῆς τοῦ κερου σου Ἐρβίου εὐχατίστροσε*; правильно объяснено у Павла. А совершенный вымыселъ въ рассказѣ, какъ Павелъ будто бы чрезъ посредство Жидовъ успѣлъ добыть Амвросію этотъ документъ, очевиденъ изъ того уже, что дозволеніе выдано изъ патріаршей канцеляріи 8-го марта (въ печатной исторіи Павла ошибочно поставлено 5-го марта), то-есть болѣе чѣмъ за мѣсяць до того времени, какъ Павелъ кончилъ переговоры съ Амвросіемъ, когда переговоры эти еще не начинались даже, и слѣдственно Павлу съ „Костюшкой и его жидами“ не было никакой надобности хлопотать за Амвросія въ патріаршей канцеляріи и сыпать тамъ червонцами. При томъ же Амвросій, какъ было уже сказано, во время переговоровъ съ Павломъ, на страстной недѣлѣ и на Пасхѣ участвовалъ въ торжественныхъ патріаршихъ служеніяхъ, а незадолго до бѣгства изъ Константинополя участвовалъ въ рукоположеніи того епископа, который своимъ неожиданнымъ прѣзломъ такъ наугадъ его въ Браиловъ: ясно, что Амвросій не находился подъ запрещеніемъ священнослуженія и продѣлки „жидовъ-факторовъ“, чтобы получить ему право отслужить литургію, были совсѣмъ ненужны.

кументы Дворачекъ находилъ достаточными для устраненія всякихъ подозрѣній со стороны правительства насчетъ личности Амвросія, и въ прошеніи, которое Амвросій долженъ былъ подать императору, онъ находилъ нужнымъ между прочимъ раскрыть именно это значеніе документовъ, дѣлающихъ почти излишнимъ наведеніе справокъ дипломатическимъ путемъ, а вмѣстѣ указать и тѣ обстоятельства, по которымъ эти справки должны быть произведены и приняты съ осторожностію. Вотъ какого именно содержанія было это, общимъ совѣтомъ составленное прошеніе Амвросія:

„По высочайшемъ рѣшеніи отъ 18-го сентября 1844 года, ваше императорское величество всемилостивѣйше позволили старовѣрческому Бѣлокриницкому обществу, состоящему въ Буковинѣ, изыскать, гдѣ восхоцуть, за границей архіерея и имѣть у себя навсегда верховнымъ пастыремъ, никѣмъ отъ иныхъ религій независимаго.

„Вслѣдствіе таковой всевысочайшей милости отправились тотчасъ отъ Бѣлокриницкаго монастыря два посланника — иноки Алимпій Милорадовъ и Павелъ Васильевъ въ державу турецкую, посѣтивше не токмо Турцію европейскую, но и азіатскую, вмѣстѣ и святую землю Іерусалима, и далѣ Аравію и Египеть, потрудились объ таковомъ дѣлѣ единственно для изысканія таковаго архіерея, какой бы полезенъ былъ старовѣрскимъ обществамъ и *впренъ австрійскому юсударству*.

„При особенныхъ обстоятельствахъ сіи христіане отъ многихъ лѣтъ во угнетеніи отъ великороссійской церкви находились, и при крайней боязни, не избрать бы пастыря, который бы былъ желателемъ соединенія, проискиваемаго отъ русской церкви словами и угнетеніями (?); по желанію же ихъ угодно было милосердію Божию, да азъ, съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ нижеподписанный греческій митрополитъ, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ (?) и примѣрамъ святыхъ отецъ (?), къ вышереченному обществу старовѣрцевъ согласился бы быть верховнымъ ихъ пастыремъ на условіи, *ушпенномъ 16-ю апрѣля 1846 юда, иже своеручно мною подписанномъ*“.

Затѣмъ излагалась кратко біографія Амвросія, гдѣ особенное вниманіе обращено на поставленіе его въ митрополиты и на обстоятельства его удаленія съ епархіи. Объ этомъ послѣднемъ говорилось, какъ о дѣлѣ противозакон-

номъ, строго запрещенномъ церковными правилами, и оно-то, вмѣстѣ съ другими якобы „премногими“ пороками греческой церкви, выставлено главнымъ побужденіемъ для Амвросія оставить сію церковь и перейти къ старообрядцамъ, якобы строго соблюдающимъ всѣ церковные каноны:

„Наконецъ синодално избранъ я въ Царьградѣ и поставленъ въ митрополита босанскаго, утвержденъ же патриаршею грамотой отъ 9-го сентября 1835 года, *которую при семъ въ подлинникъ на благоусмотрѣніе вашему императорскому величеству представляю*. Но какъ въ то время въ патриархахъ разныя происходили перемѣны: перемѣненнымъ двумъ патриархамъ, Григорію и Анеиму никоидійскому, при Анфимѣ патриархѣ кизическомъ, вызванъ я былъ отъ моей митрополии въ Царьградъ 1841 года, на мѣсто же мое опредѣленъ по желанію и ходатайству визиря Хусревъ-паши босанскаго, другой митрополитъ Игнатій.

„Такія противозаконныя смѣненія и новыя поставленія епископовъ, еще при жизни перваго, въ христіанскомъ законѣ жестоко воспрещаются, яко духовное есть прелюбодѣяніе. Однако въ греческой церкви уже происходитъ сего премножество, такъ что теперь въ Царьградѣ находится вдовствующихъ шесть патриарховъ и болѣе двадцати митрополитовъ и епископовъ (въ числѣ которыхъ находился и азъ смиренный митрополитъ нижеподписанный). И всѣ таковыя іерархи отъ своихъ престоловъ удалены *безъ измѣны сана ихъ*¹⁾, а на мѣста ихъ другія лица поставлены.

„Я всѣ эти, даже и другія премногія (?) порочныя дѣла греческой церкви во все время моего удаленія отъ своей епархіи съ жалостію и сердечною болѣзнію оплакивалъ; а къ тому и совершенно увѣрился, что всѣ догматы и уставы греческой церкви только у реченныхъ старовѣрцевъ въ своей первой чистотѣ и точности содержатся... И свободенъ будучи, съ твердостію рѣшился принять избраніе реченнаго старовѣрческаго общества въ верховнаго пастыря, видя предъ собою самое явное Божественное Провидѣніе (?), которое меня предназначило, дабы лишенное до сихъ поръ священ-

1) Ниже Амвросій говоритъ объ этомъ еще опредѣленнѣе, относительно себя: „По воззваніи моемъ отъ своей митрополии, я имѣю также въ невѣрномъ содержаніи мое высокое священнослуженія достоинство, какъ явствуетъ отъ патриаршаго даннаго мнѣ написанія, 8 марта сего 1846 года, для богослуженія въ Царьградѣ, *которое также подлинникомъ при семъ вашему императорскому величеству представляю*.“

наго архипастыря оное общество (*числющееся кромѣ австрійскаго царства, въ сосѣдственныхъ державахъ до трехъ милліоновъ*) руководить къ вѣчному блаженства пути“.

Наконецъ Амвросій объясняетъ, почему рѣшился обратиться непосредственно къ императору съ своею просьбой объ утвержденіи его въ этомъ званіи „верховнаго пастыря старовѣрческихъ обществъ“:

„Я, покорнѣйше нижеподписанный, имѣя неограниченную надежду на всевысочайшую милость вашего императорскаго величества, дерзнулъ самъ лично сіе мое прошеніе на степень высочайшаго императорскаго престола принести, для чего и предпринялъ путешествіе прямо въ Австрію, *не ожидая должнаго о мнѣ и моей непорочности доложенія, дабы за долгимъ изъясненіемъ не могло случиться со стороны греческой церкви какиъ-либо препятствій*; а какъ совѣсть моя чиста и мое желаніе богобоязливо и смиренно, такъ и я (то я и) увѣренъ, что ваше императорское величество, *възъмше въ разсужденіе неотложныя церковныя нужды старовѣрскаго общества*, такое мое дерзновеніе и скорое пришествіе всемилостивѣйше оправдаетъ.

„Еще покорнѣйше прошу, дабы ваше императорское величество благоизволили мнѣ, нижеподписанному, позволить вступить въ кесаро-королевское австрійское подданство, по причинѣ принимаемой мною публичной должности“¹⁾.

Итакъ просьба Амвросія состояла въ томъ, чтобы всемилостивѣйшій императоръ, не требуя необходимыхъ дипломатическихъ справокъ о немъ, которыя по причинѣ ожидаемыхъ препятствій со стороны греческой церкви могли надолго замедлиться, между тѣмъ какъ старообрядцы имѣютъ крайнюю безотлагательную нужду въ духовномъ пастырѣ, и полагаясь на непосредственно представленныя его величеству объясненія и подлинныя документы, удостоверяющіе личность и епископское достоинство Амвросія, дозволилъ сему послѣднему вступить въ должность „верховнаго пастыря старовѣрческихъ обществъ“ и числиться австрійскимъ подданнымъ. Достоинно замѣчанія, что здѣсь, въ прошеніи Ам-

¹⁾ „Бопія съ переводу на русскій языкъ съ митрополитскаго прошенія“, собственноручно писанная Павломъ (*Бълокр. архиев.*). Этотъ самый переводъ напечатанъ и въ павловой *Церковной исторіи* (стр. 190—197).

вросія, говоря о „старовѣрческихъ обществахъ“, Павелъ и Дворачекъ называютъ не однихъ уже буковинскихъ раскольниковъ (какъ было въ *рекурсъ* и всѣхъ прежнихъ документахъ представленныхъ правительству), но и „старовѣрскія общества сосѣдственныхъ державъ“, причемъ живущіе въ этихъ державахъ старовѣры (то-есть собственно раскольники поповскаго согласія) показаны въ огромномъ количествѣ трехъ милліоновъ. Очевидно, изъ сосѣдственныхъ державъ здѣсь разумѣлась преимущественно Россія. Такимъ образомъ теперь найдено нужнымъ и, какъ видно, удобнымъ сдѣлать предъ правительствомъ, хотя и косвеннымъ образомъ, заявленіе, что Амвросій долженъ быть верховнымъ пастыремъ не австрійскихъ только, но и огромнаго количества живущихъ въ Россіи старообрядцевъ...¹⁾

Аудиенція у императора назначена была на 11-е іюля. Амвросій съ самаго пріѣзда въ Вѣну чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ, быть-можетъ вслѣдствіе разныхъ испытанныхъ имъ во время путешествія тревогъ; но торжественная церемонія представленія императору и оказанные ему знаки особеннаго высочайшаго вниманія произвели на него такое пріятное впечатлѣніе, что даже прошла и болѣзнь. „Когда пріѣхали во дворецъ (повѣтствуетъ Павелъ), то неизъяснимое великолѣпіе царскихъ чертоговъ и предстоящихъ отъ разныхъ полковъ генераловъ, рассыпало всю дряхлость господина митрополита“; а когда онъ возвратился изъ дворца, отличенный особеннымъ императорскимъ вниманіемъ въ присутствіи блестящаго генеральскаго собранія, то и „совершенно сталъ здоровъ“. Представленіе было дѣйствительно очень торжественное и вниманіе Амвросію было оказано большое. Когда предъ выходомъ императора выстроился въ пріемной залѣ „дѣлный полкъ разныхъ чиновъ“, то Амвросій съ сопровождавшими

1) Вслѣдствія русскимъ правительствомъ обращено было особенное вниманіе именно на это мѣстом Амвросіева прошенія, гдѣ идетъ рѣчь о трехъ милліонахъ старообрядцевъ „сосѣдственныхъ съ Австріей державъ“, и поставлено на видъ австрійскому правительству, что такое прошеніе, очевидно касавшееся росейскихъ подданныхъ, было имъ принято и уважено (см. *Сбор. Кельс. I, стр. 151*).

его Павломъ, Дворачкомъ и Огняновичемъ смиренно стали на послѣднихъ мѣстахъ; но явившійся изъ императорскихъ покоевъ распорядитель аудіенці „съ великимъ почтеніемъ“ взялъ ихъ и поставилъ „на самое первое мѣсто“, впереди всѣхъ предстоящихъ. Такимъ образомъ митрополитъ Амвросій былъ первымъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ на аудіенці высокихъ особъ, къ кому обратился императоръ Фердинандъ, какъ только вступилъ въ приемную залу. Амвросій въ краткихъ словахъ изложилъ сущность своей просьбы, которую тутъ же и вручилъ его величеству „со всѣми принадлежащими актами“: императоръ весьма благосклонно выслушалъ Амвросія, принялъ бумаги „и обнадежилъ, что *по справкѣ* всевозможное удовлетвореніе самого его и старовѣрцевъ учинено будетъ“ ¹⁾.

Понятно, что это милостивое вниманіе одного изъ могущественныхъ государей Европы и вся вообще обстановка аудіенці должны были сильно поднять духъ Амвросія, который еще такъ недавно, изъ опасенія быть узаннымъ, рядился въ казацкое платье и трепеталъ встрѣчи съ какимъ-нибудь греческимъ купцомъ, или монахомъ: теперь только, выходя изъ императорскихъ чертоговъ, могъ онъ увѣриться, что дѣло, въ которое увлекъ его Павелъ, не сонъ и не мечта.... Въ этомъ убѣждали его и другія обстоятельства. Послѣ аудіенці у императора Павелъ и Дворачекъ ѣздили съ нимъ къ одному изъ сановныхъ покровителей, помощь котораго была особенно нужна въ предстоящихъ „справкахъ“, — тайному совѣтнику Вайсу: „и тотъ съ *превеликимъ удовольствіемъ* всевозможное содѣйствіе обѣщаль“ ²⁾. Потомъ Амвросій представился и всѣмъ другимъ высокимъ покровителямъ бѣлокриницкаго братства, — всѣ также приняли его съ большимъ вниманіемъ и предупредительно обѣщали содѣйствовать скорѣйшему утвержденію его въ новомъ званіи липованскаго верховнаго святителя ³⁾. Дворачекъ, зна-

¹⁾ Письмо Павла къ Геронтію, изъ Вѣны, отъ 27-го іюля.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Геронтію въ *Памятникѣ*: „по приличію своего достоинства благодѣлѣнѣйшимъ лицамъ въ содѣйствіи нашему монастырю помощи далъ (Амвросій) благодарственнымъ визитъ“. Въ показаніяхъ Геронтія и другихъ, взя-

комый съ обычаями высокихъ особъ, объяснилъ Павлу, что всѣ тѣ сановники, которымъ представлялся Амвросій, непременно сдѣлають ему и съ своей стороны визитъ. Все это было, разумѣется, весьма лестно для Амвросія и Павла; но послѣдній нѣсколько смущался предстоящими визитами вельможъ, которые требовали и умѣнья принять и даже не малыхъ расходовъ. А между тѣмъ по прїѣздѣ въ Вѣну Павелъ уже началъ нуждаться въ деньгахъ. Правда, Геронтій успѣлъ ему выслать сюда банковый билетъ въ 400 р. сер.; но что значила эта ничтожная сумма при вѣнскихъ расходахъ! „Нашъ агентъ говоритъ (писалъ по сему случаю Павелъ къ Геронтію), что всѣ тѣ высокія лица взаимно будутъ къ новоприбывшему митрополиту на квартиру: вотъ для насъ другая, новая задача! Какая должна быть наша квартира и каковъ будетъ таковыхъ лицъ нашъ прїемъ! По таковымъ-то обстоятельствамъ сколько въ прожитіи времени и какія издержки потребууетъ отъ насъ Вѣна—не знаемъ. И присылки еще денегъ отъ васъ просить надо; а сколько просить не знаю: ибо такія необычныя дѣла въ цѣломъ моемъ вѣкѣ отнимають теперь всю мою на соображеніе возможность“¹⁾.

Итакъ первое время по прїѣздѣ въ Вѣну все шло удачно, и Амвросій хорошо себя чувствовалъ; но потомъ явились и кое-какія огорченія. Такъ вскорѣ же послѣ аудіенціи у императора Павелъ сильно занемогъ и болѣе двухъ недѣль пролежалъ въ постели. Эта Павлова болѣзнь весьма огорчила Амвросія, ибо онъ ясно видѣлъ что Павелъ есть душа всего дѣла, въ которомъ ему, Амвросію, пришлось принять такое близкое участіе, — что не будь Павла, все это дѣло можетъ легко разрушиться и тогда онъ, Амвросій, будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Без-

тыхъ съ нимъ лицъ, также говорится, что Амвросій въ Вѣнѣ „представлялся *главнымъ властямъ* и австрійскому императору“ (Сб.р. Кельс. ч. I, стр. 149).

1) Пис. изъ Вѣны отъ 3-го іюля. О полученіи денегъ говорится въ томъ же письмѣ: „на другой день (по прїѣздѣ въ Вѣну) получили любезное и пріятное ваше начертаніе, съ приложеніемъ векселя на 400 серебромъ, за что приносимъ вамъ чувствительную нашу благодарность“.

покило Амвросія и то еще, что съ тѣхъ поръ, какъ отпустилъ сына въ Боснію, не получалъ отъ него никакихъ извѣстій. „Однако (писалъ Павелъ) господинъ митрополитъ настолько сожалѣеть о сынѣ, какъ скорбитъ за мое нездоровье, все время не выходитъ вонъ изъ покоевъ, не хочетъ никуда ходить и ничего смотрѣть безъ меня; а о сынѣ хотя не слышитъ, но полагаетъ, что причинить ему какого-либо вреда не могутъ; ибо той человекъ посторонній, поѣхалъ гласно, по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ.“¹⁾ Но эти огорченія скоро прошли: Павелъ выздоровѣлъ; вскорѣ затѣмъ прилетѣлъ „изъ своего гнѣздышка“, изъ Бѣлой-Криницы, „ясный соколъ“ — отецъ Алимпій, не задолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ Россіи, съ деньгами и на помощь больному Павлу;²⁾ а вслѣдъ за нимъ благополучно пріѣхалъ и Георгій Амиридись съ женой.³⁾

Всего непріятнѣе было то обстоятельство, что дѣло о признаніи Амвросія въ должности липованскаго святителя и о принятіи его въ австрійское подданство шло не совсѣмъ такъ, какъ желалъ Павелъ, и значительно замедлилось. Императоръ Фердинандъ обѣщалъ Амвросію на аудіенціи удовлетворить его просьбу, но не иначе какъ „посправкѣ“. Избѣжать этой формальности, которая такъ ясно указана въ собственномъ императорскомъ декретѣ отъ 6 (18-го) сентября 1844 года, такимъ образомъ не представлялось никакой возможности. Нужно было позаботиться по крайней мѣрѣ

¹⁾ Письмо изъ Вѣны, отъ 27 іюля.

²⁾ О поѣздѣ его въ Россію и возвращеніи оттуда незадолго предъ симъ есть упоминаніе въ павловомъ письмѣ къ Геронтію отъ 27-го іюля, изъ Вѣны: „Я едва пустилъ письмо на почту, приносить разнощикъ вождедѣнное ваше письмо и распечатавъ наипаче обрадовался, увидя пріятное начертаніе возлюбленнаго моего спутника и сподвижника, яко уже прилетѣлъ мой ясный соколъ въ преблагословенное наше гнѣздышко“.

³⁾ Георгій Амиридись, рассказывая о дѣяніяхъ отца, говорить между прочимъ: „родитель мой вкупѣ съ покойнымъ Павелъ сѣдѣли въ пароходъ и пріесли прямо въ Вѣну; азъ же сухопутемъ отъ Константинополя поѣхалъ въ Босну, чтобъ отъ-тамъ взять мою супругу, и пріесли и мы въ Вѣну, гдѣ тамъ насли моего покойнаго родителя и покойнаго Павла и отца Алимпій, и въ Вѣну были три мѣсяца.“ (Пис. въ моск. дух. совѣтъ, 7-го декабря 1864 г.). Изъ этого указанія именно слѣдуетъ, что Георгій Амиридись пріѣхалъ въ первыхъ числахъ августа, а Алимпій нѣсколько раньше.

о томъ, чтобы при наведеніи справокъ были обойдены наиболѣе опасныя для Амвросія обстоятельства. Этому, при помощи Дворачка и благодаря покровительству высокихъ сановниковъ, Павелъ успѣлъ достигнуть: австрійскому консулу въ Константинополѣ предписано было навести въ патриаршей канцеляріи справки относительно правильности только тѣхъ свѣдѣній, какія сообщилъ о себѣ самъ Амвросій, то-есть дѣйствительно ли онъ поставленъ былъ въ митрополиты на босно-сараевскую кафедру и по удаленіи съ сей кафедры дѣйствительно ли оставленъ въ санъ митрополита безъ запрещенія священнодѣйствовать, также не состоитъ ли подъ судомъ за какія-либо преступленія; но консулу не поручалось спрашивать о томъ, съ разрѣшенія ли патриарха Амвросій уѣхалъ изъ Константинополя и не имѣется ли вообще, со стороны церковнаго правительства какихъ препятствій къ тому, чтобы Амвросій занялъ архіерейскую кафедру именно у буковинскихъ раскольниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ австрійскому консулу внушено было даже наблюсти осторожность, чтобы собираніемъ свѣдѣній объ Амвросіи не возбудитъ какого подозрѣнія со стороны русскаго консульства ¹⁾ По всему этому справки объ Амвросіи, которыя долженъ былъ собрать въ Константинополѣ австрійскій консулъ, были не особенно страшны для Павла; — притомъ же онъ не преминулъ, конечно, увѣдомить и цареградскихъ пріятелей, пана Чайковскаго съ товарищами, чтобы поруководствовали консула, какъ исполнить данное ему порученіе не во вредъ будущей блюкриницкой митрополіи. Но несрѣтна и тяжела была проволочка дѣла: проходили недѣли и мѣсяцы, а нетерпѣливо ожидаемыхъ изъ Царяграда бумагъ не присылалось!

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, какъ тянулось это дѣло, Павелъ не разъ являлся къ высокимъ покровителямъ съ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи дѣло ведено было вообще такъ и тускло, что наша миссія въ Константинополѣ стала наводить справки объ Амвросіи уже только въ 1847 году, вслѣдствіе предписаній изъ Петербурга, а до тѣхъ поръ, какъ видно, о бѣствѣ Амвросія къ буковинскимъ раскольникамъ ничего не знала.

слезными просьбами — войти въ бѣдственное положеніе липованскихъ обществъ, имѣющихъ такія „неотложныя духовныя нужды“, отпустить къ нимъ богодарованнаго ихъ епископа, и если до полученія необходимыхъ справокъ невозможно принять Амвросія въ австрійское подданство, то по крайней мѣрѣ дать ему законное дозволеніе отправиться въ Бѣлую-Криницу и вступить тамъ въ отправленіе своихъ пастырскихъ обязанностей. Этого онъ успѣлъ наконецъ достигнуть: въ императорско-королевской тайной придворной и правительственной канцеляріи (die k. k. geheime Hof- und Staatskanzley) состоялось относительно поданной Амвросіемъ просьбы постановленіе, что ему, Амвросію, „позволяется ожидать окончательнаго рѣшенія по своему дѣлу въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и тамъ (пока не получитъ настоящее утвержденіе) отправлять святительскія обязанности согласно высочайшему опредѣленію отъ 18го сентября. 1844 года.“¹⁾ Объ этомъ рѣшеніи соединенная императорско-королевская канцелярія (die vereinigte k. k. Hof-Kanzley) дала знать галицко-лодомірскому губернскому правленію декретомъ отъ 3го (15го) ноября 1846 года. Прежде нежели этотъ декретъ былъ изданъ и посланъ въ губернію, Амвросій, получивъ словесное дозволеніе, отправился на мѣсто своей новой службы. Въ первыхъ числахъ октября, сдѣлавъ прощальныя, „благодарственные“ визиты высокимъ особамъ, онъ выѣхалъ изъ Вѣны вмѣстѣ съ Павломъ, Огняновичемъ, сыномъ и невѣсткой (Алимпій уѣхалъ изъ Вѣны гораздо раньше). Останавливались на короткое время только во Львовѣ и Черновцахъ: отсюда, въ трехъ почтовыхъ экипажахъ, направили путь къ Бѣлой-Криницѣ, гдѣ уже приготовлена была Амвросію торжественная встрѣча.

¹⁾ Декретъ соединенной гофъ-канцеляріи галицкому губернскому правленію отъ 3-го (15-го) ноября 1846, № 34.987 (*Бѣлокр. архивъ*). Вотъ подлинный текстъ этого опредѣленія, противъ котораго впоследствии протестовало русское правительство (См. *Сборн. Кельс.* I, стр. 151): demselben (Ambrosius) die Bewilligung erteilt, die Entscheidung über sein Besuch im Kloster zu Bialokrinitza abzuwarten, und dort (ohne jedoch hiervon ein Recht für die Zukunft abzuleiten) die Functionen eines Weihbischofs, nach der h. v. Entschliessung vom 18 September 1844, auszuüben.

VIII.

Въ то время, когда инокъ Павелъ совершалъ свои подвиги ради возстановленія „древлеправославной“ іерархіи, странствуя по восточнымъ странамъ, проживая въ Константинополь и Вѣнѣ,—инокъ Геронтій съ своей стороны занимался приведеніемъ Бѣлокриницкаго монастыря въ приличное для будущей епископіи устройство. Съ особеннымъ прилежаніемъ занялся онъ этимъ дѣломъ, когда получилъ изъ Царяграда утѣшительное извѣстіе о заключеніи письменныхъ условій съ босносараевскимъ митрополитомъ Амвросіемъ. Такъ какъ возведеніе большаго рахмановскаго дворца, гдѣ предполагались покои для будущаго „владыки“, еще не было и начато, то Геронтій озаботился, во первыхъ, приличнымъ устройствомъ временнаго помѣщенія для митрополита Амвросія. Для сего предназначался незадолго передъ тѣмъ построенный небольшой деревянный домикъ о шести комнатахъ, о которомъ мы уже упоминали выше: въ немъ четыре комнаты отдѣлены были собственно для помѣщенія Амвросія, а двѣ остальные назначены, для переводчика и для инокъ Павла, постоянное присутствіе котораго при особѣ Амвросія, въ званіи его письмоводителя, а на самомъ дѣлѣ въ качествѣ управляющаго всѣми церковно-іерархическими дѣлами старообрядцевъ, считалось необходимымъ. Другою заботой Геронтія было приготовить помѣщеніе для амвросіева сына съ семействомъ. По заключеннымъ въ Константинополь условіямъ, монастырь обязанъ былъ купить для него домъ въ полную его собственность; но на первый разъ Геронтій нашелъ удобнѣйшимъ предоставить въ распоряженіе Георгія Амиридиса монастырскій

двухэтажный деревянный домъ, извѣстный подъ именемъ дунина. Домъ этотъ былъ уже довольно старъ; но Геронтій обновилъ его, вновь оштукатурилъ и выбѣлилъ; помещеніе въ немъ было просторное, — изъ семи комнатъ; а главное удобство состояло въ томъ, что онъ находился у самой монастырской ограды,¹⁾ такъ что Георгій могъ во всякое время бывать у отца. Тогда же Геронтій нашелъ нужнымъ съѣздить еще разъ въ Москву. Правда, въ Москву уже ѣздилъ не задолго предъ тѣмъ для сообщенія извѣстій о приобрѣтеніи епископа инокъ Алимпій, который даже привезъ оттуда устроенное, по усердію московскихъ раскольниковъ, полное архіерейское облаченіе для Амвросія и другія необходимыя при архіерейской службѣ принадлежности. Но и самъ Геронтій считалъ нелишнимъ повидаться съ московскими благотворителями для совѣщанія въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и для приобрѣтенія новыхъ пожертвованій на предстоящіе многочисленныя расходы. Имѣлъ Геронтій и еще одно важное побужденіе побывать тогда въ Москвѣ. Дѣло касалось именно священноиннока Іеронима, который долженъ былъ совершить пріятіе Амвросія отъ церкви въ расколъ. Мы говорили уже, что относительно самого Іеронима существовало сомнѣніе, дѣйствительно ли получилъ онъ исправу отъ мануиловскаго попа Алексѣя, такъ какъ этотъ послѣдній долгое время отвѣчалъ уклончиво на вопросы о чинопріятіи Іеронима, хотя и далъ наконецъ письменно утвердительный отвѣтъ. Толки поповоду этихъ уклончивыхъ отзывовъ попа Алексѣя, не вполнѣ утихшіе и въ бѣлокриницкомъ старообрядческомъ обществѣ, могли дойти до русскихъ старообрядцевъ и здѣсь еще скорѣе возбудить сомнѣнія насчетъ исправы Іеронима,

1) Вотъ что пишетъ о помещеніи Амвросія и его сына самъ Геронтій въ своемъ *Памятникѣ*: „Святитель въ монастырѣ занялъ деревянный подъ штукатурной домъ, кромѣ прихожихъ сѣнецъ при шести покоехъ, имѣя при себѣ постоянно четыре лица: переводчика и монастырскаго писмоводителя, иже и путешествію его высокопреосвященства виновенъ бѣ, и двѣ прислуги — повара и постельника. А сыну его съ семействомъ отъ монастырской ограды на сельской улицѣ отведенъ двухэтажный о седми покояхъ домикъ, такожде подъ штукатурной деревянный.“ (*Руск., писанная въ Шлезельбургѣ.*)

а затѣмъ и насчетъ исправы самаго Амвросія, что повлекло бы послѣдствія крайне непріятныя для учредителей Бѣлокриницкой іерархіи. И такія сомнѣнія, какъ видно, уже существовали у русскихъ старообрядцевъ, — по крайней мѣрѣ московскіе, при свиданіи съ Алимшіемъ, прямо сказали этому послѣднему, что хорошо бы онъ сдѣлалъ, если бы привезъ Іеронима въ Москву для окончательной исправы отъ котораго-нибудь изъ существовавшихъ на Рогожскомъ кладбищѣ бѣглыхъ поповъ и священноиноковъ. Отпустить въ Москву Іеронима, человѣка не отличавшагося трезвостью, съ такимъ провожатымъ, какъ инокъ Алимшій, самого Павла выводившій изъ терпѣнія своими поступками въ хмѣльномъ видѣ, Геронтій нашелъ небезопаснымъ, и поэтому-то главнымъ образомъ рѣшился, не смотря на всѣ недосуги, самъ отправиться съ Іеронимомъ въ Москву. Рахмановы и другіе московскіе радѣтели заграничной іерархіи приняли Геронтія, какъ и всегда, съ большимъ вниманіемъ, — удовлетворили всѣ его просьбы; что же касается Іеронима, то его принялъ къ себѣ на-духъ извѣстный всѣмъ московскимъ раскольникамъ того времени священноинокъ Іларій, и этого въ глазахъ старообрядцевъ было вполне достаточно, чтобы отселѣ считать Іеронима „безсумнительно“ принятымъ въ старообрядчество.¹⁾

Геронтій на этотъ разъ въ Москвѣ пробылъ недолго: онъ спѣшилъ въ Бѣлую-Креницу, гдѣ его присутствіе было

¹⁾ Объ исправѣ Іеронима священноинокомъ Іларіемъ говорится между прочимъ въ раскольническомъ *Краткомъ извѣстіи о буковинскихъ христіанцахъ* (рук. М. Д. А.). Не упоминая о чинопріятіи отъ попа Алексѣя, авторъ этого *извѣстія* обращаетъ особенное вниманіе именно на то, что Іеронимъ былъ принятъ Іларіемъ, и для сообщенія пущей важности этому обстоятельству прибавляетъ, что самъ Іларій принятъ былъ на Иргизѣ, въ монастырѣ, въ 1818 г., и когда въ 1848 г. умеръ (отъ холеры), то его тѣло черезъ три года найдено еще непредавшимся тлѣнію. А между тѣмъ объ этомъ раскольническомъ праведникѣ извѣстно, что онъ находился въ связи съ сестрою настоятельницы раскольнической Игнатьевой обители (въ Кошаровскомъ скиту, семеновскаго уѣзда нижегородской губерніи) — матерію Александры, инокиней Елизаветой, и имѣлъ отъ ней дочерей (о происхожденіяхъ Іларія см. у П. И. Мельникова въ *Очеркахъ поповщины: Русскій Вѣст.*, т. LXIII, стр. 58—61).

необходимо, тѣмъ болѣе что амвросіева прїѣзда тамъ ожидали въ непродолжительномъ времени.¹⁾ Прощаясь съ нимъ, Рахмановы выразили желаніе, что хорошо было бы кому-нибудь изъ московскаго старообрядческаго общества самолично присутствовать при торжественномъ прибытіи Амвросія въ Бѣлую-Креницу и при совершеніи надъ нимъ чиноврїятія. У нихъ имѣлся въ виду и способный на то человекъ — шуринъ Досушева, тогдашняго попечителя Рогожскаго кладбища, В. В. Борисовъ, который въ это время находился въ Чернобольскомъ монастырѣ на богомольѣ. Рахмановы поручили Геронтію захватить въ Черноболь, повидаться съ Борисовымъ, объявить ему о желаніи московскаго общества и пригласить его вмѣстѣ отправиться за границу. Все это Геронтій исполнилъ въ точности; онъ и съ своей стороны очень упрашивалъ Василія Васильевича съѣздить въ Бѣлую-Креницу; но этотъ послѣдній, несмотря на все желаніе быть свидѣтелемъ великаго, невиданнаго у старообрядцевъ торжества, захватить не рѣшился: его, привыкшаго къ покойной и привольной жизни, очень напугали рассказы Геронима о трудностяхъ и опасностяхъ секретной переправы черезъ границу.²⁾

12-го (24-го) октября 1848 года, Амвросій со всею свитой прїѣхалъ въ Черновцы. Павелъ немедленно извѣстилъ объ этомъ Геронтія, и тогда же Геронтій сдѣлалъ распоряженія относительно торжественной встрѣчи митрополиту, по заранѣе условленному плану. Впослѣдствіи, сидя въ Шлиссельбургской крѣпости, онъ съ восторгомъ воспоминалъ всѣ подробности этого достопамятнаго для старообрядцевъ событія и описалъ ихъ съ своимъ обычнымъ витійствомъ, изукрасивъ притомъ вымыслами собственной фантазіи, которые, быть-можетъ, и самъ уже принималъ

1) Это и самъ онъ показавъ на допросѣ 20-го іюня 1847 года: „въ 46 году, по возвращеніи нашихъ пословъ въ Вѣну съ обрѣтеннымъ желаемого нами святителя, я посѣщилъ въ Москву... и возвратился *вскорѣ* во свое мѣсто и ускорилъ встрѣтить митрополита“ (*Чт. Общ. ист. и древн.* 1871, кн. IV, отд. V, стр. 148).

2) См. *Рус. Вѣст.* т. L, стр. 46, примѣч.

тогда за действительность.¹⁾ Обстоятельства сдѣланной Амвросію встрѣчи въ Бѣлой-Криницѣ мы изложимъ сначала по геронтіеву разсказу.

До сорока человекъ бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ молодыхъ липованъ верхами, подъ предводительствомъ дворника, встрѣтили амвросіевъ поѣздъ за двѣ мили отъ Бѣлой-Криницы, на поворотѣ съ большой (царской) шоссейной дороги, и, окруживъ экипажъ Амвросія, провожали его до самаго селенія. Здѣсь, какъ только показался поѣздъ, на обѣихъ колокольняхъ, и сельской и монастырской, начался торжественный звонъ; все бѣлокриницкое и климоуцкое населеніе вышло смотрѣть на небывалое зрѣлище — пріѣздъ старообрядческаго архіерея: народъ двухъ ближайшихъ сель весь, яко вторымъ на землю Спасителя нашего Ісуса Христа приходомъ возбужденъ (!), отъ старца до ссушаго младенца, на рукахъ матернихъ несомъ, тревожно на встрѣчу преосвященнѣйшаго своего владыки (идише), спѣшно другъ друга предворяя“...²⁾ Поѣздъ направился первоначально къ приходской сельской церкви: здѣсь ожидали Амвросія священноинокъ Іеронимъ, „въ облаченіи, съ крестомъ, и весь освященный причетъ (?), со свѣщами и хоругвями“.³⁾ Какъ

1) Двадцатилѣтнее одиночное заключеніе действительно очень крѣдко отовывалось на Геронтіи, всегда имѣвшемъ склонность къ мистицизму: написанныя имъ въ Шлессбургской крѣпости сочиненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носятъ очевидные слѣды неполнѣ нормальнаго состоянія умственныхъ способностей.

2) *Памятникъ Геронтіи*. И здѣсь уже, въ описаніи торжественной встрѣчи Амвросія, Геронтіи, по забывчивости или можетъ-быть намѣренно, желая придать больше торжественности описуемому событію, налагаетъ его не совсемъ вѣрно. Такъ самый пріѣздъ Амвросія въ Бѣлую-Криницу онъ отнесъ не къ 12-му, а къ 4-му октября, ко дню „обрѣзанія честныхъ мощей Гурія и Варсоноія казанскихъ чудотворцевъ, наканунѣ же святыхъ тріехъ святителей Петра, Алексія и Іоны московскихъ митрополитовъ“, и указалъ въ этомъ обстоятельстве тотъ знаменательный смыслъ, что Амвросій есть „преимникъ сихъ первопрестольныхъ Россіи святителей“. Краткая, но вполне вѣрная запись о пріѣздѣ Амвросія въ Бѣлую-Криницу и объ устроенной ему встрѣчѣ сдѣлана Павломъ въ *Памятникъ происходящихъ дѣлъ Бѣлокриницкаго монастыря*, который этою записью и начинается.

3) Такъ сказано даже въ *Памятникъ происходящихъ дѣлъ*; но никакого особеннаго причта съ Іеронимомъ, разумѣется, не было.

только Амвросій вышелъ изъ экипажа, народъ, стоявшій около церкви, „по обычаю своего привѣта, весь ницъ на землю падъ, поклонися ему“. Амвросій вслѣдъ за Геронимомъ вошелъ въ церковь, приложился къ мѣстнымъ иконамъ и обратясь къ народу сказалъ: „миръ всему православію сему; народъ же взаимно благодарностію отвѣща: и духови твоему, преосвященнѣйшій владыко! таже, паки ницъ падше, поклонися“.¹⁾ Изъ приходской церкви Амвросій отправился къ монастырю пѣшкомъ. „По обою страну его (повѣствуетъ Геронтій) слѣдоваху наши послы (Павелъ и Алимій), создади же переводчикъ и ближайшее семейство его, посемъ весь всего села народъ; настоятель же монастыря при хоругвахъ, съ предходящими свѣщники, со всею своею братіей, во святыхъ вратахъ въ два ряда чинно поставленною,—настоятель и клиръ въ соборныхъ мантияхъ, прочіе же братія обычно въ келейныхъ, вси куколями покровени баху, дожидая прихода преосвященнѣйшаго своего владыки. И егда приблизися владыко ко святымъ вратамъ, предвратной иконѣ три поклона положивъ, настоятеля и всю братію поздравствова. Настоятель же и вся братія такожде ницъ вси падше до земли поклонишася ему, и, воставше, настоятель съ хлѣбомъ и солью привѣтствова святителя.“ На заключительныя слова Геронтія: „Благослови, владыко, входомъ твоимъ святое мѣсто сіе!“—Амвросій, „черезъ толка увѣдавъ сей благопріятнѣйшій къ нему привѣтъ, сотвори входа молитву, рекъ: *Благословенъ входъ святыхъ твоихъ, всегда, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣкомъ* (sic) и знаменова крестообразно святые врата, и ликъ отвѣща: аминь. Хоругви же съ предыдущими свѣщники двинулись въ ходъ, а клиръ отъ лица церкви умильный *Пѣсни-пѣсней* испусти гласъ: *На ложи моемъ въ нощи искалъ, ея же возлюби душа моя*“ и пр.²⁾

¹⁾ Далѣе Геронтій въ своемъ *Памятникѣ* передаетъ довольно длинную рѣчь Геронима Амвросію и Амвросія Герониму, также рѣчи, которыми будто бы обмѣнялись самъ Геронтій и Амвросій. Всѣ эти рѣчи составлены Геронтиемъ на досугѣ, въ Шлиссельбургской крѣпости, а въ дѣйствительности никакихъ рѣчей не было.

²⁾ Это есть также вымыселъ Геронтія: пѣли не стихи изъ *Пѣсни-пѣсней*, а просто догматы.

Шествіе направилось къ монастырской церкви: „церковь же вся освѣщена бѣ свѣтозарнымъ блескомъ, храмоваго праздника свѣтомъ, — мѣстныя большого калибра свѣщи, среди церкви висящее паникадило и вси приправленные иконамъ лампы возжены быша.“ Между тѣмъ священноинокъ Геронимъ, возвратившись въ монастырь, успѣлъ снова облечься въ ризы и съ крестомъ въ рукахъ встрѣтилъ Амвросія при входѣ въ монастырскую церковь: „стоя во дверѣхъ церкви и осѣнивъ путниковъ крестомъ, онъ воскликнулъ: *Благословенъ еси грядый!* и клиръ высоко возвелъ свой гласъ: *во имя Господне, осанна въ вышнихъ!* Егда же вступиша вси, елико ихъ церковь вмѣсти, положиша *обычный прихода седмитоклонный началъ*, таже начаса *молитва очищенія отъ скверны.*¹⁾ По молитвѣ же, преосвященнѣйшій владыко осѣнивъ себе крестомъ, и по лобзаніи отдалъ священноиноку, посемъ лобызалъ царскія двери и мѣстныя иконы, таже обратился къ настоятелю съ братіей и всему предстоящему міру миръ далъ“. Геронтій отвѣчалъ ему новымъ привѣтствіемъ и затѣмъ обратился къ народу съ поздравительною рѣчью, которую заключилъ слѣдующими словами: „идите кійждо съ миромъ въ дома своя, молитву творяще, ибо драгіе сіи наши гости не безъ утомленія суть и мы долженствуемъ опочитіе имъ дати“. Изъ церкви Амвросія такъ же торжественно, — со свѣщами и пѣніемъ, — проводили до самыхъ келій, гдѣ приготовлено было приличное торжество, „учрежденіе“.

Такъ происходила, по описанію Геронтія, торжественная встрѣча митрополита Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ, — все будто бы происходило чинно, благолѣпно, умирительно. Но въ дѣйствительности было нѣсколько иначе. Не говоря уже о томъ, что ни было ни привѣтственныхъ рѣчей, ни торжественнаго пѣнія избранныхъ изъ *Пѣсни-пѣсней* стиховъ, ни другихъ подобныхъ церемоній, должно замѣтить, что вообще порядка при встрѣчѣ Амвросія было очень мало и соблюсти его было очень трудно, особенно между толпами липованъ, которые руководились единственно любопытствомъ, — желаніемъ посмотреть — кого это привезли къ нимъ

†

1) „Начала“ не полагали и „молитву отъ осверненія“ не читали.

калугеры, а вовсе не тѣми чувствами благоговѣнія къ „богодарованному владыкѣ“, о которыхъ повѣтствуетъ Геронтій. И общее впечатлѣніе, какое вынесъ народъ изъ встрѣчи Амвросія, совсѣмъ не походило на чувства умиленія отъ всего здѣсь видѣннаго и слышаннаго; напротивъ, большинство народа соблазнилось тѣмъ, что пришлось увидѣть и услышать, и всѣ разошлись въ недоумѣнія. Этому способствовали особенно два обстоятельства. Въ сельской церкви, приложившись къ иконамъ, Амвросій обратился къ народу и сталъ благословлять, хотя двуперстно, но обѣими руками, чего раскольники до тѣхъ поръ не видывали и что еще въ первыя времена раскола оглашено было никоніанскимъ нововведеніемъ.¹⁾ Непосредственно за этимъ послѣдовало и другое обстоятельство, уже окончательно соблазвившее липованъ. Когда Амвросій благословлялъ народъ, Огняновичъ обратился къ пѣвцамъ и велѣлъ имъ пѣть, по православному обычаю, *ис-пола-эти-деспота*. И такъ какъ липованскіе пѣвцы не могли даже понять, чего отъ нихъ требуютъ, то Огняновичъ и сынъ Амвросія, Георгій, сами затыкнули и пропѣли это привѣтствіе своимъ гнусливымъ греческимъ напѣвомъ. Та же исторія повторилась и въ монастырской церкви. Это странное и непріятное, особенно для непривычнаго уха, пѣніе какихъ-то неслыханныхъ и совершенно непонятныхъ липованамъ словъ, которыя имъ пришлось услышать въ своихъ „древлеправославныхъ“ храмахъ, исполняемое какими-то невиданными людьми, очень похожими на турокъ, по крайней мѣрѣ съ турецкими фесами въ рукахъ, произвело на липованскій людъ весьма тяжелое впечатлѣніе. „Вотъ такъ благочестіе привезли намъ! да это

¹⁾ Лазарь въ своей челобитной писалъ: „Никонъ патріархъ и вси власти благословляють обѣма рукама, въ премѣненія, по чину жидовскому“ (*Жезль яра*. л. 86). Амвросій однакоже постоянно держался православнаго обычая благословлять обѣими руками; его примѣру слѣдовалъ сначала и Кириллъ, но въ послѣдствіи началъ благословлять одною рукой, какъ дѣлаютъ теперь и всѣ раскольническіе архіереи. Здѣсь же встаетъ замѣтить, что дозволивъ Амвросію прежде „пріятія отъ ереси“ благословлять народъ въ церкви и принимая отъ него благословленіе, бѣдокриниціи власти этимъ самымъ отступили уже отъ общепринятыхъ у раскольниковъ правилъ и обычаевъ.

чистые турки!“ — „Господи! ужь не послѣднее ли время пришло? въ церкви запѣли что-то, чего и понять не можно!“ — такія рѣчи вели между собою липоване, расходясь по домамъ, послѣ торжественной встрѣчи Амвросія.¹⁾ Правда, инокъ Павелъ, смотрѣвшій на все это съ великимъ прискорбіемъ, употребилъ всѣ мѣры, чтобы успокоить липованъ, и изгладить непріятное впечатлѣніе, какое произвели на нихъ Огняновичъ и Амиридись своимъ пѣніемъ: онъ успѣшилъ разъяснить имъ, что пропѣтое сими послѣдними греческое многолѣтіе есть необходимая принадлежность всякаго архіерейскаго служенія и издревле употреблялось въ русской церкви, въ доказательство чего представилъ старопечатный іосифовскій Потребникъ, гдѣ многолѣтіе это напечатано славянскими буквами безъ перевода;²⁾ а для того, чтобы не смущался липованскій слухъ греческимъ напѣвомъ, онъ немедленно переложилъ *ис-полла-эти-деспота* на напѣвъ старообрядческой.³⁾ Липоване успокоились; но тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что торжественная встрѣча Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ далеко не имѣла той чинности и умиленности, которыми такъ изобильно украсилъ ее инокъ Геронтій въ своемъ описаніи.

¹⁾ Записано со словъ о. Онуферія; то же подтверждаетъ о. іеромонахъ Филаретъ, сынъ климоуцкаго старообрядца, бывшаго впоследствии священникомъ въ Климоуцахъ. Вотъ подлинныя слова послѣдняго изъ его письма къ намъ: „Разговоры такіе и я помню, ибо они и въ Климоуцахъ происходили; даже родитель мой, ѣздившій посмотреть встрѣчу, съ недоумѣніемъ повторялъ потомъ, воротившись домой, гнусливымъ голосомъ, въ носъ, пѣніе Огняновича и Георгія, разумѣется безъ словъ, которыхъ не могъ повѣсть, и говорилъ: „Вотъ знаетъ что такое случилось! и на пользу ли будетъ, или на погубель!“

²⁾ См. *іосиф. Потр.* лѣта 7160 (1652), л. 763 об. Точно такъ же и въ Требникъ іосифовскомъ, лѣта 7147 (1639), л. 16 особаго счета.

³⁾ Такъ какъ въ іосифовскомъ Потребникѣ напечатано *исполайти деспота*, то эти самыя слова и положены на ноты: такъ пѣли потомъ въ Бѣлой-Криницѣ; такъ поется теперь и повсюду у раскольниковъ при архіерейскихъ службахъ. И здѣсь раскольники остались вѣрны себѣ: держатся буквально напечатаннаго въ старой, дониконовской книгѣ, хотя напечатанныя въ ней слова не имѣютъ никакого смысла. Павелъ, разумѣется, повнималъ ихъ неправильность; но по своимъ расчетамъ не находилъ удобнымъ отступать отъ текста старопечатной книги.

Спустя двѣ недѣли послѣ торжественной встрѣчи „богодарованнаго владыки“, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ происходило новое торжество — чинопріятіе Амвросія отъ православія въ старообрядчество и вмѣстѣ, такъ-сказать, утвержденіе его въ санѣ „бѣлокриницкаго и всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ митрополита“. Время между этими двумя торжествами было проведено не безъ дѣла. Амвросія старались приучить сколько-нибудь къ липованскимъ порядкамъ, особенно же произносить по-славянски всѣ тѣ молитвы и возгласы, которые во время литургіи архіерей долженъ провозглашать во всеуслышаніе народа. Такъ какъ Амвросій не умѣлъ ни читать, ни говорить по-славянски, то по необходимости пришлось предоставить ему читать всѣ молитвы и вообще отправлять службу по греческому служебнику, въ которомъ, разумѣется, вездѣ напечатано было Ἰησοῦς, аллилуія трижды, на проскомидіи повелѣвалось приносить пять просфоръ, пѣть на клиросѣ: *Господи спаси благочестивыя*, къ *Достойно и праведно* прибавлять: *поклоняются Отцу и Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущный и нераздельный*, — содержались вообще всѣ именуемыя у старообрядцевъ никоніанскія новопремѣненія въ чинѣ литургіи. Во избѣжаніе соблазна, Павелъ и Геронтій признали необходимымъ сохранять въ тайнѣ отъ липованъ, что Амвросій будетъ служить по греческому, то-есть, какъ они понимали, еретическому служебнику; а дабы не выдать секрета и избѣжать вѣщшаго соблазна, убѣдили Амвросія по крайней мѣрѣ возгласы выучиться произносить по-славянски. Назначенный для его употребленія архіерейскій служебникъ былъ нарочно переписанъ въ особую тетрадь такимъ образомъ, что всѣ возгласы и молитвы произносимыя архіереемъ вслухъ были выписаны изъ іосифовскаго служебника по-славянски, но греческими буквами.¹⁾ Приучивъ Амвросія

¹⁾ Геронтій въ своемъ *Памятникѣ* пишетъ: „По семъ занявшеся составомъ святительской службы російскаго въ греческомъ букварѣ деалекта, дабы святителю удобно было чести святительскія російскаго деалекта молитвы, а прихожаномъ разумно чтогома внимати“. Этой перепиской славянскихъ молитвъ греческими буквами занимался Огняновичъ, хорошій каллиграфъ. У насъ имѣется одинъ листочекъ его работы, именно слѣдующій

читать написанныя такимъ способомъ молитвы и возгласы, Павелъ и Геронтій надѣялись, что теперь онъ въ состояніи отправить службу, не причиняя большаго соблазна липованамъ. Другое, болѣе важное дѣло, которымъ занять былъ инокъ Павелъ въ эти двѣ недѣли по прїѣздѣ Амвросія въ Бѣлаю-Криницу, составляли приготовленія къ „дѣйствию чинопрїятія.“

Давно уже, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началъ питать сомнѣнія относительно раскольниковскихъ сказаній о „скровенныхъ древлеправославныхъ епископахъ“ и вмѣстѣ съ этимъ пришелъ къ убѣжденію, что потребный старообрядцамъ епископъ можетъ быть принятъ только изъ сущихъ въ ереси, инокъ Павелъ занять былъ вопросомъ о чинопрїятіи, какому необходимо будетъ подвергнуть этого перваго старообрядческаго епископа, имѣющаго начать собою цѣлый рядъ послѣдующихъ и положить такимъ образомъ начало новой, самостоятельной іерархіи у старообрядцевъ.

Отпустъ воскресной литургіи, написанный весьма четко и красиво съ иионарью: *Απόλυσις τῆς λητουργίας, τῆς Κυριακῆς. Воскресіи ἢς μερτβηχ Χριστὸς ἡσκηνητὴ Πέγ νὰς, μολήτβαμη πρετζησῆγια ιερω μάτρε, σβιατῆχ σλάββνηχ ἢ βσεχβάλνηχ ἀπόσωλ, ηζε βο σβιατῆχ οττζά νάσεγω ιωάννα, αρχιεπίσκοπα Κωνσταντίνια γράδα ζλατοούσαγως [εἰ δὲ ἐστὶ λητουργία τοῦ μεγάλου Βασιλεῦς, λέγε τὸ παρόν: ηζε βο σβιατῆχ οττζά νάσεγω Βασίλια, αρχιεπίσκοπα Κεσάρην Καππαδοκίησκηια βελήκαγω] ἢ βσίεχ σβιατῆχ, κονήλουετ η σπασίετ νὰς, ιάκω πλάγ η τζελοβιεκολιουπετζ.* Вообще, предоставивъ Амвросію свободу въ алтарѣ дѣйствовать во всемъ согласно греческому служебнику, Павелъ заботился только, чтобы онъ оставилъ неприкосновенными для всѣхъ видимыя и слышимыя старообрядческія отличія въ совершеніи литургіи; но и въ этомъ успѣлъ не вполне: такъ напримѣръ Амвросій никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы, согласно старообрядческому обычаю на клиросѣ не пѣли: *Господи спаси благочестивыя*. Такія и подобныя „новшества“ очень смущали старообрядцевъ. Такъ прїѣзжавшіе за муромъ московскіе посланники, услышавъ именно пѣніе стиха: *Господи спаси благочестивыя*, сильно упрекали Павла за такое греко-россійское нововведеніе, и Павелъ съ сокрушеніемъ признался имъ, что никакъ не могъ убѣдить Амвросія отложить пѣніе этого стиха: „Что, говорить, вы тутъ за ересь нашли—молятся Богу о спасеніи благочестивыхъ?“—такъ и отступились! (*Поездка за муромъ. Русск. Вѣст.* т. I, стр. 66 и 67). Не могъ также Павелъ убѣдить Амвросія, чтобы во время херувимской пѣсни, предъ перенесеніемъ даровъ, не вынималъ частицы за живыхъ и умершихъ по православному обычаю (у раскольниковъ такъ не дѣлается).

Правильному, съ раскольнической точки зрѣнія, рѣшенію этого вопроса онъ справедливо усвоилъ великую важность, имѣя въ виду, какіе споры и несогласія возникали между старообрядцами въ прежнее время по вопросу о чинопріятіи бѣглыхъ поповъ, и основательно предполагая, что еще больше-подобныхъ, весьма опасныхъ для будущности ново-учреждаемой іерархіи, распрей и споровъ можетъ возбудить вопросъ о чинопріятіи епископа, если не позаботиться устранить ихъ заблаговременно тщательнымъ обсужденіемъ и рѣшеніемъ сего вопроса. И, сколько могъ, Павелъ дѣйствительно позаботился объ этомъ. Для вразумленія и руководства старообрядцевъ, чтобы навсегда устранить всякія съ ихъ стороны недоумѣнія относительно учреждаемаго архіерейства, онъ составилъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ подвергнувъ тщательному разсмотрѣнію вопросъ какъ вообще—о пріятіи епископа отъ сущихъ въ ереси, такъ въ частности—о пріятіи епископа именно отъ греческой церкви.

Мы видѣли, что еще въ 1841 году, приготовляясь ѣхать въ Россію для ближайшихъ совѣщаній съ здѣшними старообрядческими обществами по дѣлу о бѣлокриницкой архіерейской каедрѣ, тогда только что начатому, иннокъ Павелъ написалъ отъ имени всего бѣлокриницкаго братства „послание“ къ московскимъ старообрядцамъ съ двумя прибавочными статьями. 1) Поставивъ вопросъ: возможно-ли въ томъ случаѣ, если предполагаемый „древлеправославный“ епископъ обрѣтенъ не будетъ, принять епископа отъ сущихъ въ ереси?—и рѣшая вопросъ этотъ положительно, иннокъ Павелъ изложилъ здѣсь, въ одной изъ добавочныхъ статей 2), такъ сказать, догматическія основанія, почему и сущій въ ереси епископъ можетъ быть принятъ старообрядцами безъ всякаго сомнѣнія.

Онъ выходилъ изъ того общепринятаго у раскольниковъ—поповцевъ положенія, что всѣ еретики, „кои имѣ-

1) См. выше стр. 281—282; тамъ приведены и полныя заглавія этихъ павловыхъ сочиненій.

2) Именно въ статьѣ: „Изъясненіе недоумѣній, чрезъ кого и когда на входящихъ отъ ересей хиротонисанныхъ лицъ приходитъ благодать Духа Святаго.“

ють трехпогружательное крещеніе, не требуютъ повторенія ни крещенію, ни хиротоніи, а точію непремѣнно требуютъ отъ православной церкви *въ самомъ присоединеніи Духа Св. сообщенія*;⁴ но такъ какъ этому положенію, которымъ признается за таинствами, совершаемыми у еретиковъ, до известной степени сила дѣйствительныхъ таинствъ, противорѣчло другое, всѣми вообще раскольниками принятое правило, что „въ еретическихъ сонмищахъ ни единыя-же тайны нѣсть,¹⁾ на каковое противорѣчіе нѣкоторые и указывали Павлу (а безпоповцы и постоянно указываютъ поповцамъ), то въ отстраненіе всякихъ „недоумѣній“ инокъ Павелъ и призналъ за нужное подвергнуть разъясненію это, будтобы только кажущееся, противорѣчіе. Если въ еретическихъ обществахъ „ни единыя тайны нѣсть,⁴ — если таинства, у нихъ совершаемыя, не суть дѣйствительныя таинства, то какимъ-же образомъ хиротонисанный въ ереси, т.-е. на самомъ дѣлѣ не имѣющій священства, по переходѣ въ старообрядчество, является, безъ новой хиротоніи, имѣющимъ священство?— вотъ какой вопросъ задавалъ себѣ Павелъ, и здѣсь-то, въ рѣшеніи этого вопроса, онъ изложилъ тѣ догматическія сужденія свои о таинствѣ священства вообще и еретической хиротоніи вчастности, посредствомъ которыхъ думалъ навсегда устранить всякія сомнѣнія старообрядцевъ о епископскомъ достоинствѣ ихъ будущаго архіерея, подлежащаго чинопріятію отъ ереси. Сужденія эти, какъ сейчасъ увидимъ, въ высшей степени странны, основаны на самыхъ не позволительныхъ софистическихъ уловкахъ, въ родѣ тѣхъ, къ какимъ въ свое время такъ часто прибѣгалъ любимый и уважаемый Павломъ авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ,⁴ и однако-же защитниками прежняго и нынѣшняго раскольническаго священства приняты (нужды ради), какъ единственное мнимо-богословское основаніе, на которое могутъ они опереться для защиты этого священства. Оба приведенныя выше общепринятія у старообрядцевъ положенія Павелъ признаетъ правильными; но ста-

1) Это любимое свое выраженіе раскольники заимствуютъ изъ *Толковаго Апостола*. (Толк. на 108 зач. посл. къ Кримо., л. 549).

рается доказать посредствомъ разныхъ словозвѣтій и уловокъ, что противорѣчія между ними нѣтъ: „воистину (писалъ онъ) у еретиковъ неединыя тайны нсть; не глаголемъ же дѣйствія у нихъ нсть.“ Это значить: благодатной силы, принадлежащей таинствамъ, таинства совершаемыя еретиками не имѣютъ; но внѣшнія, формальныя дѣйствія таинствъ у еретиковъ соблюдаются, напримѣръ въ крещеніи троекратное погруженіе въ воду, въ хиротоніи возложеніе рукъ и пр. Для каждаго знакомаго съ ученіемъ православной вѣры и для каждаго вообще здравомыслящаго человѣка вполне ясно, что сущность таинства заключается въ присущей ему силѣ благодати и что формальныя дѣйствія сами по себѣ, безъ сопровождающей ихъ благодатной силы, никакого значенія не имѣютъ, якоже и не суть. По мнѣнію-же Павла, въ этихъ формальныхъ дѣйствіяхъ, напримѣръ въ рукоположеніи, совершаемомъ и безъ преподанія благодати священства еретическимъ епископомъ, заключается такое важное значеніе, что дѣйствій этихъ у старообрядцевъ невластны совершить даже лица, якобы имѣющія власть преподавать самую благодать священства. Это онъ старается доказать примѣромъ, или, по его выраженію, „прикладомъ отъ бываемой вещи.“ „Скудельный сосудъ (разсуждалъ онъ) состоитъ изъ вещества, еже есть глина; видъ-же сосуда изъ глины по требующемуся образу содѣланъ; а совершенство сосуда огонь содѣловаетъ. И дондеже сей сосудъ изъ помянутаго вещества устроеннымъ видомъ пребываетъ, совершенно потребу исполнять не можетъ, сирѣчь варенія или налитія воды удобно содержать; а егда ожжется огнемъ, тогда совершенъ и благопотребенъ на всякое подобающее дѣло будетъ. Придемъ-же отсюда на хиротонію инославныхъ религій. Въ тѣхъ убо хиротонія два существа токмо имать: вещество и видъ,—вещество—опредѣляемый человѣкъ, видъ же его содѣловается отъ рукоположенія; а третей, совершительной силы, еже есть благодати Св. Духа, не имѣеть... Къ сему что остается таковому въ ереси хиротонисанному лицу, аще придетъ въ православіе, дополнить? Благоявлено есть, ничтоже ино, токмо на имѣющуюся съ нимъ хиротонію воспріяти совершительную силу Духа Святаго.“

Это разсужденіе, по своей очевидной странности, возбуждало многіе вопросы и недоумѣнія, какъ напримѣръ слѣдующіе, ближайшимъ образомъ изъ него вытекавшіе: если хиротонія еретическая не имѣетъ благодатной силы, то какое-же могутъ имѣть значеніе совершаемыя въ оной формальныя дѣйствія и какая въ нихъ надобность тому, кто самъ можетъ преподавать благодать хиротоніи? И гдѣ у старообрядцевъ это лицо, могущее преподавать благодать священства, или, какъ выражается Павелъ, совершительную благодать Св. Духа въ хиротоніи? — Совершеніе таинства хиротоніи, власть на преподаваніе въ ономъ благодати Св. Духа принадлежитъ единственно и исключительно епископскому сану; священники, совершающіе у старообрядцевъ чинопріятіе приходящихъ отъ ереси, еслибъ даже они были законные священники, не могутъ преподавать того, чего сами не имѣютъ. Особенно этотъ послѣдній вопросъ, всегда служившій со стороны православныхъ (также и безпоповцевъ) сильнѣйшимъ возраженіемъ противъ раскольниковскаго бѣгствующаго священства, пріобрѣталъ теперь значеніе въ виду того обстоятельства, что бѣглому раскольниковскому попу предстояло сообщить благодать хиротоніи даже епископу, хиротонисанному въ ереси, по мнѣнію старообрядцевъ, т. е. неимѣющему благодати архіерейства. И Павелъ, дѣйствительно, нашелъ нужнымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса, употребилъ всю силу своей діалектики, чтобы рѣшить его въ пользу раскольниковскаго священства. „*Мнози глаголютъ* (писалъ онъ): аще кто чего у себя не имѣетъ, того и другому подати не можетъ; священникъ на рукоположеніе должной власти у себя не имѣетъ: то како другому, требующему сего, подастъ? — аще и покусится даяти, окажется дѣло несвойственно.“ Выразивъ такъ опредѣленно сущность вопроса, что-же отвѣчалъ на него Павелъ? Первое положеніе, на которомъ основанъ вопросъ, онъ признаетъ правильнымъ: „воистину тако есть, — аще кто чего у себя не имѣетъ, того и другому подати не можетъ;“ не отрицаетъ и втораго положенія, что „священникъ не пріялъ на себя власти на *хиротонисаніе* и *хирото-*

писати не можетъ;¹⁾ но въ *хиротонисаніи* (продолжалъ Павелъ) здѣсь и надобности не имѣется, власть-же на преподаваніе благодати рукоположенія будто-бы и священникъ имѣеть наравнѣ съ епископомъ: „егда священникъ, по христову словеси, рекшему: *туне пріятсе, туне дадите*, и по разуму святой церкви, пріялъ благодать священнодѣйствія совершенно и равну, такову, якову-же пріяли епископы, митрополиты и самые патріархи, *то всяко можетъ*, по вышереченному глаголу христову, и самъ *туне подати* (сію благодать священнодѣйствія) волею приходящему отъ внѣшней религіи, трехпгужательно крещенному, какъ іерею, *равно такъ и архіерею*, безъ всякаго сумнѣнія.“ Таковѣ основная мысль, на которой тцится Павелъ построить свой отвѣтъ, и въ подтвержденіе этой лживой, самопроизвольной мысли онъ приводитъ, разумѣя и толкуя по своему, разныя правила и изреченія святыхъ отцевъ яко-бы о совершенномъ равенствѣ епископовъ и пресвитеровъ относительно преподаванія, во всѣхъ вообще таинствахъ, даровъ благодати. Такъ между прочимъ онъ заимствуетъ изъ Кормчей слѣдующее изреченіе: „токо бо яко не *поставляетъ* іерей отъ епископа разнствуетъ, *священство* же совершенно имать“ (Кормчая, на л. 283 на оборотъ, въ красныхъ строкахъ); изъ бесѣдъ св. Златоуста — слѣдующія слова: „яко между епископомъ и пресвитеромъ ни едино различіе бысть, понеже и пресвитеромъ церкви попеченіе вѣрренно бысть, и еже о епископѣхъ рече, пресвитеромъ достоинъ, токо бо единымъ устроеніемъ они высочайши суть.“¹⁾ Особенно-же вотъ како-

1) Не безъ намѣренія Павелъ избѣгаетъ здѣсь выраженія: „таинство хиротоніи,“ или „преподаваніе благодати въ таинствѣ хиротоніи“, а говоритъ именно о *хиротонисаніи*, очевидно разумѣя подъ онымъ внѣшнѣю, видотворныя дѣйствія таинства, на совершеніе которыхъ, по его мнѣнію, собственно и не имѣеть власти священникъ, тогда какъ будто бы на преподаваніе самой благодати таинства хиротоніи имѣеть равную съ епископомъ власть. Такимъ образомъ по догматикѣ Павла епископъ только тѣмъ преимуществуетъ предъ священникомъ, что имѣеть власть совершать видотворныя, внѣшнія, формальныя дѣйствія таинства хиротоніи!

1) Привода эти слова внѣ связи и превратно толкуя ихъ въ пользу своего мнѣнія, Павелъ намѣренно оставилъ безъ вниманія, конечно, хорошо извѣстныя ему многочисленныя и весьма ясныя изреченія отцевъ о различіи епи-

му доказательству Павелъ придавалъ большую важность. „Аще-бы (разсуждалъ онъ) святая церковь, идѣже несущу епископу, не уполномочивала іереевъ на принятіе священ- ныхъ лицъ, приходящихъ отъ еретикъ, равномоцнымъ ис- правленіемъ и *подаваніемъ благодати Св. Духа на священнодѣй- ствіе*: то всяко-бы въ соборныхъ правилахъ и въ номока- нонахъ непремѣнно ограничила раздѣленіемъ—дабы прини- мать приходящихъ отъ ереси простолюдиновъ іерею, а хи- ротонисанныхъ — архіерею. Но сего раздѣленія нигдѣ во святомъ писаніи не видится и даже не слышится, ¹⁾ кро- мѣ всеобдержнаго изреченія: „примати архіерею, или іерею“ (Потребникъ вел. въ чинѣ пріятія отъ ереси приходящихъ), и паки шестаго вселенскаго собора правило 78 сице глаго- летъ: „приходяй къ соборнѣй церкви вѣру являетъ предъ епископомъ, или предъ пресвитеромъ“ (Кормчая, гл. 17) ²⁾.

скопскаго и пресвитерскаго сана, и именно въ отношеніи къ священнодѣй- ствію хиротоніи. Особенно ясно выражается это различіе въ слѣдующихъ словахъ столь уважаемаго старообрядца Симеона Солуменскаго: „ниъ есть іерархъ, яво божественная и священная еси дѣйствовати могущъ и *према- дательнъ силъ сый...Іерее же тоя (преподавательныя) благодати не имуть*. Но токмо священнодѣйствовати могутъ и крещати. *И силъ же безъ архіе- рейскія не творять моцѣ*.“ (Отв. на 37 вопр.)

1) Опять иноку Павлу намѣренно не видится и не слышится ясно напе- чатанное и читаемое въ Коричей и Номоканонахъ. Наприм. въ толкованіи на 6 пр. карфагенскаго собора сказано: „совершенное прощеніе сущимъ въ покаяніи творити, якоже стояти имъ несумнѣнно съ вѣрными и божествен- ныхъ таинъ причаститися, *пресвитеру не оставляти тою творити, но отъ епископовъ подобаетъ таковымъ быти*.“ (Корм. л. 120 на об.). Въ пре- дисловіи въ Номоканону, изданному при патріархахъ Іоасафъ и Іосифъ, на- печатано: „іереевъ и протодіаконовъ грѣхи, яже изверженія томленія наво- дятъ, да не дерзаетъ духовникъ разрѣшати ихъ. *Якоже бо невозможно ему хиротонисати, сице ни испадшаго паки возвращати на степень священства*.“ Точно такъ же и въ древнѣйшемъ славянскомъ изданіи Номоканона (Кіев- ское 1624 г., второе по времени изъ извѣстныхъ доселѣ): „іереовъ и еро- діаконовъ грѣхи, яже изверженія томленіе наводятъ, епископомъ суду под- лежать: да не дерзаетъ духовникъ разрѣшати ихъ. Якоже бо не возможно ему хиротонисати, сице ниже на священства степень спадшаго паки воз- вращати“ (библ. А. И. Хлудова № 83; сл. Павлова *Номоканонъ*, 1872 г. стр. 223).

2) Вотъ что собственно гласитъ 78 пр. 6 вселенскаго собора: „подобаетъ приходящему къ божественному крещенію вѣрѣ учитися, сирѣчь навькнути: Вѣрую во единого Бога, и въ четвертокъ коеяждо недѣли предъ креще-

Затѣмъ, указавъ еще нѣкоторые „смотрительные случаи“, Павелъ излагаетъ слѣдующее, имъ самимъ измышленное, якобы на основаніи сихъ „смотрительныхъ случаевъ“, общее правило: „идѣже присутствуютъ главнѣйшіе члены, тамъ оставляется тѣмъ совершенства вещи показати, а идѣже сямъ несущимъ, тамо благодать Божія чрезъ посредство меншихъ совершенство творитъ.“

Такими-то доводами инокъ Павелъ старался доказать, что іерею, равно такъ и архіерею, имѣющему на себѣ видотворныя дѣйствія еретическаго рукоположенія, можетъ и священникъ благодать хиротоніи сообщить. Для всѣхъ мудрствующихъ „по разуму святой церкви“ сама собою очевидна совершенная лживость аргументаціи въ этихъ разсужденіяхъ Павла, гдѣ самымъ непростительнымъ образомъ искажены и перепутаны основныя догматическія понятія о различіи епископскаго и пресвитерскаго чина, равно какъ о различіи даровъ благодати въ различныхъ таинствахъ, по силѣ котораго напримѣръ таинство муропомазанія не можетъ сообщить даровъ, преподаваемыхъ въ таинствѣ хиротоніи,¹⁾ и гдѣ къ тому-же съ очевидной недобросовѣстностью искаженъ подлинный смыслъ церковныхъ правилъ и отеческихъ изреченій. Но Павелъ хорошо зналъ, для кого пишетъ свое сочиненіе: онъ справедливо рассчитывалъ, что для всѣхъ старообрядцевъ поповскаго согласія представленные имъ доводы будутъ имѣть полную силу убѣдительности уже потому только, что если-бы они признали ихъ несостоятельными, то принуждены были-бы признать несостоятельность и всего ученія о

ніемъ своимъ, *предъ епископомъ, или предъ пресвитеры исповѣдати таковое сложеніе вѣры.*“ Это правило о наученіи символу вѣры приходящихъ ко крещенію, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросу о чинопріятіи приходящихъ отъ ереси священныхъ лицъ.

1) Мы потому указали здѣсь на таинство муропомазанія, что по ученію Павла чрезъ это именно таинство, употребляемое въ пріятіи бгвствующихъ священниковъ по второму чину, преподается имъ совершительная благодать хиротоніи, хотя, разумѣется, это раскольническое назаніе, или перемазаніе еалшынымъ муромъ, не можетъ быть признано и таинствомъ.

бѣгствуящемъ священствѣ, отказаться не только отъ желаемого пріобрѣтенія епископа, но и отъ всѣхъ прежде бывшихъ и оставшихся іереевъ, іереями-же принятыхъ отъ ереси въ сущемъ ихъ санѣ.

Такимъ образомъ инокъ Павелъ былъ увѣренъ, что представилъ старообрядцамъ вполне достаточныя догматическія основанія, почему священныя лица, получившія еретическое поставленіе, но крещенныя трехпогружательно, — все равно, будетъ ли то пресвитеръ, или епископъ, — переходя въ тсарообрядчество, будтобы безъ всякаго сумнѣнія могутъ быть приняты старообрядческими іереями съ сохраненіемъ принадлежащихъ имъ сановъ. Какимъ же чиномъ сіи священныя лица могутъ быть принимаемы, и какимъ чиномъ надлежитъ принять именно желаемого старообрядцами епископа? Вопросъ этотъ Павелъ разсмотрѣлъ съ особенной обстоятельностью. Онъ сдѣлалъ въ „посланіи“ самый полный сводъ всѣхъ „соборныхъ правилъ“ и „святоотеческихъ подобій“, относящихся къ пріятію отъ ереси приходящихъ, съ толкованіями на сіи правила и подобія, историческими и иными примѣчаніями.

Прежде всего изложилъ онъ правила относительно еретиковъ, подлежащихъ пріятію третьимъ чиномъ, изъ которыхъ вывелъ заключеніе, что приходящія отъ сихъ еретиковъ священныя лица могутъ быть безъ всякаго сумнѣнія принимаемы у старообрядцевъ въ сущемъ ихъ санѣ также посредствомъ третьяго чина. Онъ привелъ именно: карагенскаго собора пр. 69 съ толкованіемъ, второ-перваго собора пр. 15, опять карагенскаго собора пр. 70, съ толкованіемъ же и „изъясненіемъ ереси донатіанъ“, шестаго вселенскаго собора пр. 95, въ толкованіи, съ изъясненіями несторіанской и евтихіанской ересей. Затѣмъ слѣдуютъ сюда же относящіяся святоподобія: мнимое пріятіе святымъ Максимомъ исповѣдникомъ Пирра патріарха и Θεодосіа епископа отъ ереси единовольниковъ, съ подробнымъ „изъясненіемъ“ сей ереси, еще святымъ Саввою Освященнымъ—Іоанна патріарха іерусалимскаго отъ ереси севириной, также съ подробнымъ „изъясненіемъ“ сей ереси, и наконецъ седьмымъ вселенскимъ соборомъ—епископовъ—иконоборцевъ, съ

пространными историческими сказаніями и замѣчаніями о иконоборной ереси. Много разъ и весьма обстоятельно было доказано не только православными, но и безпоповскими писателями, что всѣ эти правила и святоподобія не могутъ имѣть приложенія къ дѣйствіямъ старообрядцевъ, приѣмлющихъ бѣгствующее священство; но, разумѣется, Павелъ, какъ и всѣ поповцы, никакими доводами противниковъ не убѣждался и на основаніи указанныхъ правилъ и святоподобій рѣшительно утверждалъ, что если между существующими инославными религіями найдутся такія, которыя не превосходятъ міру лжеученій донатіанскихъ, Несторія, Евтихія, Севира и иконоборческихъ (а таковыхъ религій,—прибавлялъ Павелъ,—„достаточно можно обрѣсти въ иныхъ, кромѣ Россіи, державахъ“), то приходящій отъ оныхъ епископъ безъ всякаго будто бы сумнѣнія можетъ быть принятъ у старообрядцевъ третьимъ чиномъ.

„И егда бы (писалъ дальше Павелъ), *паче чаянія*, не обрѣталось и таковаго во инославныхъ духовенства, еже бы третьему чину подлежащихъ, то еще *можно безъ сумнѣнія* принимать священныхъ лицъ изъ числа инославныхъ, иже второму чину подлежащихъ, подъ муропомазаніе, подобныхъ коимъ въ самой очевидности нашей предостаточно имѣется. Очевидность, на которую указывалъ Павелъ, представляли, конечно, бѣгствующие отъ великороссійской церкви священники, всеобдержно принимавшіеся у старообрядцевъ—перемазанцевъ вторымъ чиномъ. Соглашаясь такимъ образомъ въ указанномъ только случаѣ, притомъ мало вѣроятномъ, т. е. еслибы сверхъчаянія не нашлось инославнаго духовенства подлежащаго третьему чину, послѣдовать въ пріятіи епископа общепринятому у старообрядцевъ обычаю пріятія приходящихъ къ нимъ священныхъ лицъ вторымъ чиномъ, подъ муропомазаніе, инокъ Павелъ нашелъ нужнымъ привести и то единственное свидѣтельство Кормчей, въ которомъ этотъ обычай имѣетъ будто бы твердое основаніе, — такъ названное у Павла „столповое правило святыхъ отецъ перваго вселенскаго собора“, то есть общеизвѣстное у старообрядцевъ *восьмое* правило помянутаго собора, или вѣрнѣе толкованіе этого правила, внесенное въ

старопечатную Кормчую.¹⁾ Правда, инокъ Павелъ еще привелъ шестаго вселенскаго собора правило 95; но здѣсь только исчисляются еретики втораго чина, о томъ же, что приходящія отъ сихъ еретиковъ священныя лица должны быть принимаемы въ своихъ санахъ, вовсе нѣтъ и рѣчи. И однакоже, инокъ Павелъ, не обращая на это нимальшаго вниманія и основываясь все-таки на своемъ „столповомъ правилѣ“, якобы повелѣвающимъ отъ всѣхъ еретиковъ втораго чина приходящія священныя лица принимать въ сущемъ ихъ санѣ, изложилъ довольно подробныя „изъясненія“ о всѣхъ еретикахъ, упомянутыхъ въ 95 правилѣ шестаго вселенскаго собора, какъ такихъ именно, отъ которыхъ приходящія къ церкви священныя лица якобы сохраняютъ полученную съ ереси хиротонію.

Свои выписки изъ правилъ, изложеніе святоподобій и заимствованныя изъ разныхъ книгъ „изъясненія“ ересей инокъ Павелъ заключилъ слѣдующимъ воззваніемъ къ старообрядцамъ: „Толигъ имамы облажащъ насъ облакъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ! И аще, сообразно онымъ, еще и прежде насъ благочестивые послѣдователи святоотеческихъ древнихъ преданій, отъ лѣтъ измѣненія церковныхъ книгъ патриархомъ

¹⁾ Вотъ что говорится въ правилѣ: „Еретицы, глаголеміи чистіи, приходяще къ соборной церкви, первое да исповѣдаютъ, яко повинуются церковнымъ законамъ, и приобщаются съ двоенцы, и простятъ согрѣшающихъ, и аще убо будетъ въ коемъ градѣ истинный епископъ града того, будетъ же и отъ сихъ, глаголемыхъ чистіи, другій епископъ поставленъ, или пресвитеръ, въ своемъ сану да пребываетъ“ Толкованіе же гласитъ: „таковѣи (частіи)... свою ересь проиленше и нынѣ вся, вѣрныи да будутъ и токмо святымъ мѣромъ помажутъ. Аще вѣрціи отъ нихъ суть и епископы, пакы въ своемъ чину да пребываютъ.“ (Корм. 1633 г. л. 35—36). Что поповцы неправильно разумѣютъ и незаконно примѣняютъ къ своимъ дѣйствіямъ это „столповое правило“, что вообще по мѣропоказанію необходимо повтореніе хиротоніи надъ приходящими отъ ереси священными лицами, на это обстоятельныя доказательства были представляемы и старообрядческими писателями не только безпоповскаго, но даже и поповскаго согласія. Такъ инокъ Никодимъ, еще будучи старообрядцемъ, побѣдоносно доказалъ это на перемазанскомъ соборѣ 1779 года (Андр. Іоан. *Ист. мзв. о раск.* ч. IV, стр. 44—45). Изъ безпоповскихъ же писателей весьма обстоятельно рассмотрѣлъ вопросъ о 8 правилѣ 1-го никейскаго собора Тимофей Андреевъ въ своей книгѣ *Щишь* (ч. 11, отв. 10).

Никономъ даже доселѣ, заимствовались необходимо нужнымъ христіанству священствомъ изъ Великой Россіи, отъ инославнаго духовенства, новинами въ религіи и спешреннаго (?): то кто изъ благоразумныхъ нынѣшнему нашему предпріятію воспрекословить,—не надѣмся, кромѣ развѣ закоснѣлыхъ въ самомнѣніи и о животворящихъ божественныхъ обѣтованіяхъ забывшихъ, или невѣрующихъ!“

Итакъ Павелъ, на основаніи якобы церковныхъ правилъ и святоподобій, потщился доказать, что будущій епископъ можетъ быть принятъ старообрядцами безъ всякаго сумнѣнія третьимъ чиномъ, а въ крайнемъ случаѣ, „егда бы, паче чаянія, подлежащаго третъему чину не оказалось“, можетъ быть принятъ и по второму, какъ пріемлются бѣгствующие отъ великороссійской церкви священники. Но по особеннымъ соображеніямъ, которыя мы указали въ своемъ мѣстѣ, Павлу очень хотѣлось, чтобы будущій епископъ былъ принятъ непременно третьимъ чиномъ, безъ мѣропомазанія, и потому онъ употребилъ всѣ усилія—убѣдить старообрядцевъ, что еслибы желаемый епископъ принадлежалъ и къ числу еретиковъ втораго чина, его все таки можно и должно принять не по второму, а по третъему чину, на основаніи такъ называемыхъ „смотрительныхъ правилъ“, или „случайныхъ обстоятельствъ“. Для этого онъ и сочинилъ вторую добавочную при *Посланіи* статью, подъ заглавіемъ: „Что есть всеобдержность, и что благословный случай“. „Всеобдержность (по его опредѣленію) слагается изъ соборныхъ и особъ святыхъ отецъ бывшихъ законоположительныхъ правилъ“; но въ подобіяхъ святоотеческихъ онъ нашелъ и указалъ нѣсколько примѣровъ, когда святые отцы дѣлали и отступленіе отъ точнаго смысла этихъ правилъ, ¹⁾ како-

1) Онъ указалъ именно слѣдующіе примѣры: „*Всеобдержность*: Правило 76 св. Апостолъ (въ толкованіи) не повелѣваетъ епископу хотящу скончаться, брата, или сына, или иного *средника* по любви въ епископскій санъ поставити (Корм. гл. 1, л. 21). *Случайность же*: Св. Стефанъ архіепископъ сурожскій, еще при животѣ ему сущу, въ наслѣдство своего престола единаго отъ клириковъ своихъ поставилъ архіепископомъ“ (Мнѣ. Чет. в Прол. деп. 15). *Всеобдержность*: „Святый соборъ, иже въ Кареагенѣ, правиломъ 49 законоположилъ не менѣе трехъ епископовъ въ поставленіе

вое отступленіе (если допускается „благодѣнаго ради случая, единовременно только и не на разореніе Христомъ преданнаго новоблагодатнаго закона и священнаго чина, но въ поддержаніе, или паче къ возстановленію онаю“) „не вмѣняется дѣйствующему въ погрѣшеніе, но безъ сумнѣнія достойно Божія мздовоздаянія“. Всѣми этими соображеніями и выраженіями инокъ Павелъ старался навести старообрядцевъ на мысль, что такого рода отступленія отъ положительныхъ правилъ можно безъ всякаго сумнѣнія допустить и въ отношеніи къ будущему ихъ епископу,—то есть хотябы принадлежалъ онъ и къ еретикамъ втораго чина, не подвергать его мѣропомазанію, какъ требуетъ всеобдерж-

епископа доваѣти, аще же мощно и всѣа области епископи должны суть снитися“ (Корм. гл. 15). *Случайность же:* „Святѣй священномученикъ Автономъ... въ Вионіи... будучи самъ единъ токмо епископъ, обаче постави и другаго епископа.“ (Старообрядцы впоследствии не рѣдко дѣйствовали на основаніи сей *случайности*). „Но и еще дивнѣйшее въ святѣй церкви бысть событіе (продолжаетъ Павелъ), яко спасительный промыслъ Божій случайныя наши нужды милостивно и чудесно совершаетъ... Блаженный Окедѣмъ епископъ сотвори вещь странну и необычну: небреже о семь, яко нѣсть прибылъ къ нему Григорій и яко разстояніе между има путнаго шествіа бѣ три дни, оевати и не пришедша Григоріа епископомъ въ неокесарійскую церковь... о чесомъ свидѣтельствуеъ св. Григорій Нисскій, пиша житіе сего святаго (Мин. чет. нояб. 17).“ На основаніи этой *случайности* у старообрядцевъ, какъ мы видѣли, было уже одно архіерейское поставленіе, о которомъ Павлу, изъ уваженія къ памяти и примѣру предковъ, неизлишне было бы здѣсь припоминать, чего однакоже онъ не нашелъ удобнымъ сдѣлать... Но въ статьѣ его особенное значеніе усвоилось, очевидно, слѣдующему примѣру, поставленному у него на первомъ мѣстѣ: „*Всеобдержность:* Правиломъ 19 перваго вселенскаго собора отъ ереси Павла Самосатскаго крещенныхъ покрещивати, такожде хиротонисанныхъ пакы хиротонисати непремѣнно святѣй соборъ повелѣваетъ“ (Кормч. гл. 5). *Случайность:* „Святѣйшій же Никифоръ патріархъ, въ правильной своей книгѣ, на вопросъ о томъ, кимъ осужденнымъ, отъ нихже хиротонисавшіеся ничимже вредяшася, сбывшіеся случай сказуетъ сице: „Павлу Самосатскому изгнану бывшу, а хиротонисавшіеся отъ него ни единъ изгнанъ, аще и содѣйствовашу ему оная, за же онъ изгнанъ бысть“, и прочая подобна сему явшасть.“ За свидѣтельствомъ объ этой *случайности*, къ которой всего больше подходило желаемое Павломъ извѣтіе будущаго епископа изъ общепринятаго у старообрядцевъ чинопріятія, онъ отсылаетъ читателей къ неизвѣстному „древлегреческому патріаршему потребнику, иже хранится въ Москвѣ, на печатномъ дворѣ(?)“.

ное, господствующее у старообрядцевъ правило, а принять третьимъ чиномъ, только чрезъ одно проклятіе ересей, ради „благословнаго случая,“—ради тѣхъ плачевныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находится старообрядчество, когда нужно не о томъ заботиться, „еже бы церкви и священству царствующее и господствующее мѣсто обрѣсти, но елико точію блаженный ея корень, расторганный дивимъ отъ пустыни вепремъ и разбросанный на всей Европѣ, паки, подъ промысломъ Божиимъ, аки во единой горсти укоренити и увялыя розги ея оживити“...

Россійскіе старообрядцы разныхъ обществъ, съ которыми Павелъ видѣлся и бесѣдовалъ на пути въ Москву, также московскіе и петербургскіе безпрекословно соглашались съ его мнѣніемъ, что епископа, за немнѣніемъ древлеправославныхъ, можно принять и отъ сущихъ въ ереси; признали также вполне убѣдительными его доказательства, что чинопріятіе епископа можетъ и священникъ совершить безъ всякаго сумнѣнія; но относительно разсужденій о самомъ способѣ пріятія будущаго епископа Павлу пришлось встрѣтить очень рѣшительныя возраженія отъ старообрядцевъ нѣкоторыхъ обществъ, притомъ возраженія совершенно различнаго характера.

Такъ орловскіе старообрядцы нашли невозможнымъ согласиться съ тѣмъ, чтобы епископа можно было принять по второму чину; они утверждали напротивъ, что епископъ долженъ быть принять непременно третьимъ чиномъ, и это не ради какого-либо смотрительнаго случая, какъ предлагалъ Павелъ своихъ сочиненіяхъ, а по силѣ всеобдержныхъ правилъ. Орловскіе старообрядцы принадлежали къ согласію дьяконовцевъ, представители которыхъ, въ 1779 году, на преніяхъ съ перемазанцами, такъ убѣдительно доказывали этимъ послѣднимъ неправильность обычая принимать бѣгствующихъ священниковъ вторымъ чиномъ, подъ муропомазаніе: строго слѣдуя ученію уважаемыхъ предковъ, они потому считали невозможнымъ допустить пріятіе епископа вторымъ чиномъ, что „дѣйствіемъ муропомазанія, равно какъ и крещеніемъ, уничтожается самая хиротонія, такъ что по муропомазаніи подобаетъ уже изнова хиротонисати;“ къ этому

они прибавляли еще, что и „священнику епископа муромъ помазывать есть дѣло ни съ чѣмъ не совмѣстное.“ Хотя инокъ Павелъ и самъ очень желалъ устроить принатіе епископа именно по третьему чину, но никакъ не могъ онъ согласиться съ разсужденіями орловскихъ дьяконовцевъ, которые утверждались совершенно на другихъ основаніяхъ, нежели представленныя имъ самимъ, и тѣмъ болѣе, что согласиться съ ними значило-бы признать незаконнымъ существовавшее доселѣ старообрядческое священство, принятое, согласно утвердившемуся у старообрядцевъ обычаю, вторымъ чиномъ, подъ муропомазаніе. И вотъ Павелъ, который никакъ не желалъ идти противъ этого, по его выраженію, „досточтимого“ обычая предковъ, напротивъ и его между прочимъ приводилъ въ основаніе своихъ разсужденій, напелся вынужденнымъ войти съ орловскими возражателями въ словопреніе, которымъ однакоже разубѣдить ихъ не успѣлъ. ¹⁾

Напротивъ московскіе старообрядцы, въ большинствѣ своемъ, какъ уже и было замѣчено выше, признали невозможнымъ согласиться съ тѣмъ павловымъ мнѣніемъ, что епископа можно принять по третьему чину: какъ достойные потомки перемазанцевъ, они утверждали, что епископъ можетъ быть принятъ не иначе, какъ только вторымъ чиномъ, подъ муропомазаніе, и что третьяго чина еретиковъ въ настоящее время даже вовсе не имѣется.

По вопросу очинопрятія епископа обнаружилось такимъ образомъ въ средѣ старообрядцевъ тоже разногласіе, какое существовало прежде относительно принатія бѣгствующихъ священниковъ и породило споры между дьяконовцами и перемазанцами; разногласіе это имѣло даже очевидную связь съ тѣми спорами дьяконцевъ и перемазанцевъ: потомки обоихъ и теперь защищали тѣже, что и прежде, совершенно различныя положе-

¹⁾ Объ этомъ разногласіи и преніи съ орловскими старообрядцами самъ Павелъ рассказываетъ въ своемъ „Предложеніи московскому старообрядческому обществу“ (*Сбор. п. Онуфрія*). Недовольствуясь устной бесѣдой, орловскіе старообрядцы обвѣщали Павлу въ доказательство своего мнѣнія прислать „отъ святыхъ писаній удостовѣреніе,“ что однакоже Павелъ съ своей стороны считалъ невѣроятнымъ.

нія,—одни доказывали, что епископа вторымъ чиномъ принимать невозможно, другіе утверждали напротивъ, и утверждали „голословно,“ что только вторымъ чиномъ и можно принять епископа. Если Павелъ имѣлъ причины не согласиться съ мнѣніемъ первыхъ, то неменѣе побужденій имѣлъ онъ возразить и противъ мнѣнія московскихъ старообрядцевъ,—защитниковъ перемазанства,—что дѣйствительно и сдѣлалъ. Возраженія его, написанныя въ формѣ вопросовъ, были очень сильны; но мнѣнія, принятаго „благочестивымъ московскимъ обществомъ“, все-таки не измѣнили и Павелъ долженъ былъ, какъ мы говорили уже, окончательное рѣшеніе вопроса о будущемъ чинопріятіи епископа отложить до того времени, когда отыскано будетъ самое лицо, подлежащее пріятію, чтобы тогда, соображаясь съ обстоятельствами, рѣшить вопросъ этотъ обще-соборнымъ разсужденіемъ.

Встрѣтивъ такимъ образомъ на первыхъ-же порахъ затрудненія къ рѣшенію вопроса о чинопріятіи епископа, и именно къ рѣшенію въ томъ смыслѣ, какъ ему желательно было по многимъ серьезнымъ соображеніямъ, иннокъ Павелъ съ этого времени еще больше озаботился мыслію—какъ поступить, чтобы не возникло разнорѣчій и сомнѣній въ старообрядческихъ обществахъ, когда потребуется уже неотлагательное, *самымъ дѣломъ*, рѣшеніе этаго вопроса, и постоянно имѣлъ въ виду присканіе всевозможныхъ средствъ и способовъ къ устраненію ожидаемыхъ при этомъ затрудненій. Такъ во время путешествія по восточнымъ странамъ, когда для него уже было очевидно, что за немнѣніемъ „древдеправославныхъ“, якобы сокровенно живущихъ епископовъ, придется заимствоваться архіерействомъ отъ грековъ, онъ постоянно дѣлалъ наблюденія относительно трехпогружательнаго у грековъ крещенія и наблюденія эти, какъ мы видѣли, съ особеннымъ тщаніемъ излагалъ въ своихъ посланіяхъ, которыя предполагалось распространять между старообрядцами. Распространеніе-же „достоверныхъ“ извѣстій о трехпогружательномъ въ грекахъ крещеніи нужно было именно въ видахъ пресѣченія всякихъ сомнѣній относительно возможности пріятія отъ грековъ священства: ибо основное, принятое у старообрядцевъ правило, которое

опять особенно старался утвердить и распространить инокъ Павелъ, гласило, что священство достойно къ пріятію отъ всѣхъ еретиковъ, кромѣ не имѣющихъ правильнаго крещенія и посему подлежащихъ первому чину, а относительно грековъ въ старообрядческихъ обществахъ, къ немалому, какъ оказалось теперь, прискорбію самихъ же старообрядцевъ, издавна утвердилось мнѣніе, основанное главнымъ образомъ на искаженномъ Проскинитаріѣ Суханова, что будто бы они—греки именно крещеніе содержатъ неправильное,—крестятъ чрезъ обливаніе. Такимъ образомъ инокъ Павелъ, отвергая это общепринятое у старообрядцевъ мнѣніе своими обстоятельными, на личныхъ наблюденіяхъ основанными извѣстіями о повсюду существующемъ у грековъ трехпогружательномъ крещеніи, имѣлъ въ виду именно устранить главное и единственное въ глазахъ старообрядцевъ препятствіе къ принятію священства отъ грековъ. Но оставалась еще другая забота—какъ расположить старообрядцевъ къ пріятію епископа - грека не вторымъ (чего требовала большая часть изъ нихъ), а третьимъ чиномъ, ибо не предвидѣлось возможности, чтобы кто-нибудь изъ епископовъ — грековъ согласился подчиниться пріятію подъ муропомазаніе. Это затрудненіе много облегчили для Павла такъ искусно веденные и такъ счастливо кончившіеся переговоры съ Амвросіемъ: во все время переговоровъ и при заключеніи письменныхъ условій, какъ мы видѣли, не было сказано ничего опредѣленнаго относительно чинопріятія, которому долженъ подлежать Амвросій, и слѣдственно этотъ послѣдній не могъ уже предъявлять съ своей стороны никакихъ на этотъ счетъ своихъ собственныхъ требованій, тогда какъ Павелъ напротивъ, въ случаѣ надобности, опираясь на нѣкоторыя включенныя въ условіе выраженія, могъ отъ Амвросія требовать, чтобы онъ подчинился пріятію даже вторымъ чиномъ, подъ муропомазаніе. Впрочемъ инокъ Павелъ и въ это время все еще желалъ и не терялъ надежды устроить пріятіе Амвросія только чрезъ проклятіе ересей, то-есть третьимъ чиномъ. Тогда именно, покончивъ дѣло съ Амвросіемъ и проживая еще въ Константинополѣ, написалъ онъ замѣчательное сочиненіе, которое намѣренъ

былъ предъявить старообрядцамъ, какъ руководство къ окончательному рѣшенію вопроса о чинопріятіи „богодарованнаго владыки.“ здѣсь Павелъ, представивъ доказательства, что Амвросій, какъ и всѣ греки, крещенный въ три погруженія, несомнительно можетъ быть принять старообрядцами въ сущемъ его санѣ, опять проводилъ, хотя не такъ уже рѣшительно, какъ прежде, все ту же мысль, что пріятіе епископа, и именно епископа изъ грековъ, можетъ быть исполнено по третьему чину.

Новое сочиненіе Павла называлось: *Краткое соображеніе, или сличеніе о разныхъ религіяхъ, то-есть въралъ, за ереси осужденныхъ, однако тѣхъ только, отъ которыхъ обѣйствуемая тайны, крещеніе и хиротонія, по правиламъ святыхъ соборовъ, въ православную церковь къ пріятію есть достойны.*¹⁾ Разсмотрѣнію подвергнуты слѣдующіе еретики: 1) новатіане, или чистые еретики, 2) аріане, 3) несторіане, 4) евтихіане, 5) единовольники, 6) иконоборцы, и потомъ (будто бы тоже „за ереси осужденные“) 7) никоніане и 8) нынѣшніе греки. А самое разсмотрѣніе сдѣлано по слѣдующимъ шести пунктамъ: „а) Когда (еретики подлежащіе разсмотрѣнію) за ереси ихъ осуждены и на случай обращенія ихъ въ православіе какимъ чиномъ принимать опредѣлены? б) погрѣшеніе въ догматахъ вѣры о самомъ божествѣ; в) погрѣшеніе въ догматахъ закона церковнаго (?), вселенскими соборами утвержденныхъ; г) погрѣшеніе въ обычаяхъ церковныхъ, въ богослуженіи и молитвословіи; д) обычай въ народѣ; е) образецъ къ пріятію священства отъ еретиковъ.“

Само собою разумѣется, что наибольшую важность имѣли здѣсь проведенныя по всѣмъ этимъ пунктамъ „соображенія“ о никоніанахъ и нынѣшнихъ грекахъ; но и разсмотрѣніе древнихъ еретиковъ сдѣлано было не безъ цѣли, которая выступаетъ особенно ясно въ статьяхъ о евтихіанахъ, единовольникахъ и инокоборцахъ. Здѣсь именно говорится, что всѣ они осуждены вселенскими соборами, всѣ погрѣшали относительно существенныхъ догматовъ христіанскаго

1) Мы пользуемся спискомъ этого сочиненія, находящимся въ *Сборникъ о. Онуфрія.*

вѣроученія, всѣ оказывали непокорство вселенской церкви, — и, не смотря на то, были принимаемы отъ ереси только *третьимъ чиномъ*, какъ явствуетъ изъ соборныхъ опредѣленій и бывшихъ „образцевъ“ чинопріятія, каковы суть: пріятіе патріарха Іоанна отъ ереси севириной, патріарха Пирра — отъ ереси единовольниковъ и множества епископовъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ — отъ ереси иконоборческой. Такіе образцы пріятія *третьимъ чиномъ* отъ ересей, столь важныхъ и столь рѣшительно осужденныхъ вселенскими соборами, должны были вести прямо къ заключенію, что тѣмъ паче позволительно допустить именно такого рода чинопріятіе относительно еретиковъ гораздо менѣе значительныхъ, каковы никоніане и нынѣшніе греки. Правда, заключеніи этого Павелъ не высказываетъ прямо; но къ нему должно было само собою вести, непосредственно за разсмотрѣніемъ еutihianъ, единовольниковъ и иконоборцевъ слѣдовавшее, сличеніе съ ними никоніанъ и нынѣшнихъ грековъ, — сличеніе, составленное съ особеннымъ тщаніемъ.

О тѣхъ и другихъ, о россіянахъ и грекахъ, сказано, что они „вселенскими соборами не суждены“, такъ что представляется совершенно непонятнымъ, за что же помѣстилъ ихъ Павелъ въ число „еретиковъ за ереси осужденныхъ“. О тѣхъ и другихъ сказано потомъ, что „никоніане во Святую Троицу и Христа Спасителя вѣруютъ православно“, а греки вообще „въ догматахъ вѣры о самомъ Божествѣ никакой погрѣшности не имѣютъ, *что есть главный пунктъ православія*“. И далѣе о тѣхъ и другихъ говорится также, что „всѣ семь вселенскіе и девять помѣстные православныя соборы они пріемлютъ“. Такимъ образомъ давалось вѣдать старообрядцамъ, что никоніане и греки имѣютъ великое превосходство предъ древними еретиками, не должны быть судимы такъ строго, какъ эти послѣдніе, и потому еще удобнѣе, чѣмъ они, могутъ-быть принимаемы отъ ереси *третьимъ чиномъ*. Правда, Павелъ исчисляетъ и разныя (мнимыя) отступленія россіянъ и грековъ отъ чистоты православія, — у первыхъ даже потщился найти якобы „погрѣшенія въ догматахъ вѣры о самомъ Божествѣ“, и именно указалъ (къ своему собственному

посрамленію) слѣдующія мнимыя погрѣшенія: „имя Ісусово, пишемое съ единою іотою, опорочили.... зловредно (?), ави бы оно не изображаетъ Спасителя, но инаго нѣкоего равноухаго Ісуса¹⁾); еще же Пресвятую Владычицу нашу Богородицу только отъ воплощенія Сына Божія исповѣдуютъ православно, а до зачатія Христова исповѣдуютъ быти ю просту дѣвицу и подобно прочимъ женамъ прародительную скверну въ себѣ имѣвшу, но якобы очищена она только архангеловымъ благовѣстіемъ: такъ у нихъ напечатано въ книгѣ *Скрижали*. Симъ отъемлютъ Богородицы честь и дѣлаютъ ю пороку причастну, да ави бы Богъ не въ силахъ былъ сотворить себѣ и на земли сіе одушевленное небо, отнюдь никакой скверны не причастно“.²⁾ Потомъ никоніанъ Павелъ обвинилъ еще въ томъ, что, принимая вселенскіе и помѣстные соборы, они отвергаютъ россійскій Стоглавыи соборъ и Филаретовскій, а грековъ — что приняли „ново-московскій неправославный соборъ“, то-есть соборъ 1667 года. И никоніанъ и грековъ онъ обвинилъ далѣе въ томъ, что употребляютъ якобы чуждое православной церкви

1) Здѣсь, очевидно, Павлу слѣдовало говорить не о томъ, что будго бы имя *Исусъ* похулено великороссійскою церковію, а о томъ, что принято ея „писать имя Спасителя съ приложеніемъ другой гласной литеры иже, тако: *Исусъ*, означающее явѣ инаго Ісуса, его же православная церковь прежде сего никогда не исповѣдала.“ Такъ именно и выражалъ Павелъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ (напримѣръ въ своей *Церковной исторіи*, на стр. 58, откуда мы и заимствовали приведенныя слова) эту якобы догматическую погрѣшность великороссійской церкви въ ученіи о имени Спасителя; но въ настоящемъ случаѣ онъ, по лукавству, уклонился отъ прямого выраженія своей мысли, такъ-какъ обвиняя великороссійскую церковь въ ереси за имя *Исусъ*, онъ долженъ былъ бы въ той же ереси обвинить и церковь греческую, чего, по разнымъ соображеніямъ, ему на сей разъ неудобно было сдѣлать; ему, напротивъ, нужно было сказать, что „въ догматахъ вѣры Греки вообще никакой погрѣшности не имѣютъ.“ Вотъ почему въ примѣръ мнимаго „погрѣшенія русскихъ въ догматахъ вѣры“ онъ и указываетъ здѣсь мнимую хулу ихъ на имя *Исусъ*.

2) Вооружаясь противъ этого православнаго ученія, Павелъ такимъ образомъ проповѣдуетъ и здѣсь, вполне совпадающее съ новымъ римско-католическимъ догматомъ, ученіе „о непорочномъ зачатіи“ Пресвятой Дѣвы, которое съ большимъ тщаніемъ развивалъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ (оно высказано, какъ мы говорили уже, и въ блжогригорицкомъ *Уставѣ* и съ особенною полнотою въ *Церковной исторіи*: см. стр. 40—42, 44—47).

троеперстное и именованное перстосложение, „въ богослуженіи и въ стихословіи, въ чинахъ и уставахъ церковныхъ многія учинили перемѣны (якобы) напротивъ древле-православной церкви“. Тѣхъ и другихъ обвинилъ наконецъ въ содержаніи неправославныхъ обычаевъ — брадобритія, сверхъ-естественнаго употребленія табаку, и др. Но всѣ эти мнимыя погрѣшности и отступленія отъ чистоты православія, содержимыя никоніанами и нынѣшними греками, старообрядцы, по самому строгому объ нихъ сужденію, должны были признать если не менѣе, то никакъ уже не болѣе важными, чѣмъ изложенныя передъ тѣмъ догматическія, церковныя и нынѣ тяжкія погрѣшенія еutihianъ, единовольниковъ и иконоборцевъ. Если же отъ сихъ послѣднихъ приходящія священныя лица были принимаемы церковію въ суцемъ ихъ санѣ *третьимъ чиномъ*, то отсюда и слѣдовало заключить, что тѣмъ же чиномъ безвозбранно могутъ быть принимаемы священныя лица приходящія отъ никоніанъ и грековъ. Этого заключенія опять-таки инокъ Павелъ, наученный опытомъ, прямо не высказалъ, хотя имѣлъ къ тому ближайшій поводъ, такъ-какъ въ послѣднихъ статьяхъ своего „соображенія“ о никоніанахъ и нынѣшнихъ грекахъ занимался именно рѣшеніемъ вопроса о принятіи отъ оныхъ священства, согласно существующимъ „образцамъ“.

Эти двѣ статьи „о образцахъ къ принятію священства отъ никоніанъ и нынѣшнихъ грековъ“, очевидно, составляли самую важную, суцественную часть въ сочиненіи Павла, и онъ употребилъ не мало старанія и не мало своего обычнаго лукавства, чтобы составить ихъ въ смыслѣ благопріятномъ такому именно рѣшенію вопроса о принятіи Амвросія, какое было ему желательно всего болѣе, — составить такъ, чтобы изъ нихъ само собою слѣдовало, что пріятіе должно быть учинено по третьему чину. Изысканія относительно „ніконіанскаго“ священства въ этомъ случаѣ, повидимому, служили ему не на пользу, такъ какъ „образецъ“, или общепринятый у старообрядцевъ обычай требовалъ пріятія бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви іереевъ вторымъ чиномъ — подъ мвропомазаніе; но Павелъ умѣлъ довольно ловко вывернуться изъ этого затрудненія

и даже обратить его въ свою пользу. По обычаю своему не очень заботясь о правдѣ и не обращая большаго вниманія на свидѣтельства исторіи, онъ рѣшительно утверждалъ, что такое правило установлено старообрядцами только будто бы со временъ Петра I-го, между тѣмъ какъ дотогѣ якобы общимъ обычаемъ у старообрядцевъ было принимать священниковъ третьимъ чиномъ, и что такая перемѣна относительно чинопріятія послѣдовала главнымъ образомъ вслѣдствіе будто бы принятаго при Петрѣ великороссійскою церковію римскаго ученія о поливательномъ крещеніи. „Отъ великороссійской церкви (писалъ онъ) принимали старообрядцы священниковъ и простыхъ людей до времени Петра I-го императора третьимъ чиномъ; а послѣ того и до-днесь принимаются приходящіе оттоль уже вторымъ чиномъ. Самая причина въ премѣненіи чина въ принятіи отъ великороссійской церкви священства съ третьяго чина на второй произошла отъ важнаго переворота въ самомъ сердцѣ великороссійской церкви со временъ Петра I-го императора, а именно: сверхъ смѣшенія съ обливанцами, малороссіанцами и украинцами, когда Петръ I-й, путешествуя по нѣмецкимъ землямъ, вздумалъ подобно тѣмъ преобразить и Россію, и при томъ, похитивъ власть духовную, учичтожилъ существованіе московскаго патріарха, пожелалъ быть главой народа и главой церкви, — церкви уже Никономъ съ праваго пути совращенной, — сей другій тиранъ, между новостями, чего отъ Никона введено не было, ввелъ незаконное брадобритіе и чрезъестественный грѣхъ открыто въ употребленіи табака, наипаче же еще и о самой первой и главной тайнѣ церковной святаго крещенія предалъ великороссійской церкви мудрствовать по всему согласно латинамъ, такъ что якобы не весьма нужно трехпогружательное крещеніе, а довольно обливанія какимъ-нибудь образомъ, что даже повелѣніемъ его отъ самаго правительствующаго духовнаго синода *до матомъ церкви постановлено (?)* и напечатано въ книгѣ именуемой: *Оправданіе о поливательномъ крещеніи....*¹⁾ И какъ обнародовалось въ великороссійской

¹⁾ Далѣ Павелъ приводитъ изъ этого сочиненія Феофана Прокоповича

церкви такое противозаконное догматствованіе, съ тѣхъ поръ воши общества заблагоразсудили въ принятіи священниковъ поступать тверже, то-есть вмѣсто третьяго чина принимать вторымъ, только бы самъ приходящій священникъ трехпогружательнаго крещенія былъ, согласно соборному повелѣнію святѣйшаго Филарета, въ великомъ потребникѣ напечатанному.... Послѣдовало также въ нашихъ христіанѣхъ во времена Петра I-го и раздѣленіе, по причинѣ той, что нѣкоторые не восхотѣли перемѣнить первый обычай въ принятіи священниковъ отъ третьяго чина на второй. И такъ составилаь отдѣльная отъ насъ секта подъ названіемъ діаконцевъ, ибо нѣкій діаконъ виновникъ былъ сего несогласія и раздора церковнаго¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что ре-

нѣсколько выраженій и объясняетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что будто бы „отвергастя. оними за ненужнос не только погруженіе, но даже и троекратное число (?), и тѣмъ совершенно попирается пятьдесятое правило св. Апостола, въ коемъ сказано: аще кто не крестить въ три погруженія, изъ сана да отвергнется“. Приведенныя Павломъ выраженія изъ ееофановой книжки, дѣйствительно, не совсемъ осторожны, если разсматривать ихъ въ связи (какъ именно и разсматриваетъ Павель), въ общемъ составѣ рѣчи совсемъ не имѣютъ того смысла, какой онъ постарался имъ усвоить: все содержаніе и цѣль книжки о „поливательномъ крещеніи“, какъ извѣстно, направлены были только къ тому, чтобы устранить крайнія раскольническія мнѣнія о крещеніи, но нуждѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по принятому обычаю, совершаемому чрезъ обливаніе, но вовсе не къ тому, чтобы крещенію сему отдать предпочтеніе предъ крещеніемъ трехпогружательнымъ, тѣмъ паче „отвергнуть“ это послѣднее. Весьма справедливы замѣчанія объ этомъ см. у отца игумена Павла (*Собр. сочиненій*, изд. 2, стр. 229—231).

¹⁾ Здѣсь явная несообразность. Начало особій дьяковской секты положено въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, и самъ дьяконъ Александръ казненъ въ 1820 году; а сочиненіе Теофана Прокоповича о поливательномъ крещеніи напечатано первый разъ въ 1724 году (см. Пекар. *Наука и литература при Петрѣ*, т. II, стр. 610 и слѣд.). Если допустить, какъ утверждаетъ Павель, что отдѣленіе дьяконовцевъ отъ прочихъ старообрядцевъ произошло „изъ за перемѣны перваго обычая въ принятіи священниковъ“, то перемѣна эта, очевидно, не могла находиться въ связи съ изданіемъ книжки о поливательномъ крещеніи, которая явилась на свѣтъ спустя довольно времени послѣ отдѣленія дьяконовцевъ отъ прочихъ раскольниковъ поповскаго согласія. На самомъ же дѣлѣ появленіе дьяковскаго толка не имѣло ничего общаго съ вопросомъ о чинопріятіи священниковъ, и мнѣніе дьяконовцевъ по этому вопросу сдѣлалась однимъ изъ

формы Петра I-го въ общественной и особенно религиозной жизни русскаго народа много содѣйствовали усилению раскола, укоренію враждебныхъ отношеній раскольниковъ къ гражданскому и церковному правительству: распоряженія, прямо направленные къ уничтоженію благоговѣнно чтимыхъ русскихъ обычаевъ, чрезъ введеніе обычаевъ иностранныхъ, каковы — употребленіе нѣмецкаго платья, бритье бородъ, куреніе табаку, особенно же измѣненіе издревле существовавшаго въ Россіи церковнаго устройства чрезъ отмѣну патріаршества, дали дѣйствительно раскольникамъ новый удобнѣйшій поводъ обвинять русскую церковь въ отступленіи отъ древлеотеческаго благочестія, проповѣдывать „настатіе“ времени антихристовыхъ и еще крѣпче замѣнуться въ своемъ собственномъ кругу. Несомнѣнно также, что не послѣднее мѣсто при этомъ заняла и книжка о поливательномъ крещеніи, съ самаго появленія своего крайне враждебно принятая раскольниками и перетолкованная въ смыслъ доказательства, что великороссійская церковь приняла поливательное крещеніе якобы во всеобдержный обычай. Но того значенія, какое усвоетъ ей Павелъ, она все-таки не имѣла, и та его мысль, что будто бы именно изданіе этой книжки побудило раскольниковъ принимать приходящихъ отъ великороссійской церкви священниковъ непременно вторымъ чиномъ, вмѣсто третьяго, какъ было дотогѣ, лишена историческаго основанія. Исторія раскола показываетъ напротивъ, что старообрядцы и прежде времени Петра, очень за долго до изданія книжки о поливательномъ крещеніи, принимали иногда священниковъ и вторымъ, и даже первымъ чиномъ (какъ принимали ирлянъ)¹, — что вообще опредѣленнаго правила на сей предметъ у нихъ

отличительныхъ пунктовъ ихъ ученія уже со времени извѣстныхъ споровъ ихъ съ перемазанцами, а дотогѣ они отличались отъ прочихъ старообрядцевъ, кромѣ извѣстныхъ частныхъ мнѣній, принятыхъ еще при Александрѣ, вообще менѣе евангелически, и чѣмъ у другихъ раскольниковъ, понятіями о православной церкви.

¹) Примеры этого указаны выше, въ 1-й главѣ; это засвидѣтельствовали и сами раскольники на перемазанскомъ соборѣ 1779 года. (См. *Ист. извест. о раск.* стр. 4, ч. 42).

не существовало до того самаго времени, пока не было сварено ими на Рогожскомъ кладбищѣ собственное муро, вслѣдствіе чего и возникли извѣстные споры перемазанцевъ съ дьяконовцами: тогда-то большинство постановило правиломъ перемазывать приходящихъ отъ церкви іереевъ, то-есть принимать ихъ вторымъ чиномъ, и правило это сдѣлалось общимъ у поповцевъ (за исключеніемъ дьяконовцевъ). Инокъ Павелъ и самъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ, какъ далеко въ словахъ своихъ о книжкѣ Прокоповича отступалъ отъ истины; но ему нужно было доказать, что со временъ Петра российская церковь признала обливательное крещеніе правильнымъ и законнымъ, даже предпочла его трехпогружательному, какъ будто бы несомнѣнно явствуетъ изъ упомянутой книжки, и что собственно съ этого времени, по изданіи этой злополучной книжки, начали старообрядцы принимать приходящихъ отъ великороссийской церкви священниковъ вторымъ чиномъ, вмѣсто третьяго, каковымъ принимали дотошъ, — и вотъ онъ потщился доказать это, нисколько не заботясь объ исторической правдѣ. А доказать это Павлу нужно было ради удобнѣйшаго рѣшенія, въ желаемомъ для него смыслѣ, чрезвычайно важнаго вопроса о чинопріятіи греческаго священства.

Какъ же именно рѣшалъ онъ этотъ вопросъ въ своемъ сочиненіи? „Отъ греческой церкви (писалъ онъ) послѣ нововведеній никоновыхъ въ принятіи священства *образца еще не было*, ибо ихъ попы не способны для русскаго народа ради языка, архіерея же принимать не осмѣливались; потому *донынь* и не имѣли надобности вникать о существѣ ихъ вѣры обстоятельно, и лучше къ русскимъ попамъ привыкли по словесности ихъ.“ *Нынѣ* такая надобность явилась. Какимъ же образцомъ слѣдуетъ руководиться въ принятіи священства отъ греческой церкви? Очевидно — образцомъ въ принятіи священства отъ церкви российской, съ которою греческая имѣетъ ближайшее сходство. Относительно российской церкви иннокъ Павелъ доказалъ уже, что пока небыло основанія обвинять ее въ усвоеніи обливательнаго крещенія, старообрядцы принимали отъ оной священниковъ третьимъ чиномъ: теперь, если будетъ доказано, что грече-

скую церковь невозможно заподозрить даже въ снисходительности къ употребленію поливательнаго крещенія, то само собою будетъ явствовать, что принятіе священства отъ грековъ можетъ-быть безъ всякаго сумнѣнія совершаемо по „прежнему“, допетровскому образцу въ принятіи священства отъ церкви великороссійской. И вогь, вмѣсто прямого отвѣта на вопросъ о чинопріятіи Амвросія и вообще приходящихъ отъ греческой церкви священныхъ лицъ, Павелъ предлагаетъ читателямъ статью: *О трехпогружательномъ въ грекахъ крещеніи*. Здѣсь онъ замѣчаетъ прежде всего, что „довольно уже извѣщалъ письменно“ старообрядцевъ, о повсемѣстномъ существованіи въ цареградской патриархіи, къ которой принадлежитъ Амвросій, трехпогружательнаго крещенія, и что теперь приведетъ немногія свидѣтельства. И вопервыхъ приводитъ свидѣтельство самого Амвросія, который „по долгу присяги, съ цѣлованіемъ святаго образа и своеручнымъ подписаніемъ, завѣрилъ ихъ — Павла и Алимпія, — что крещенъ въ три погруженія“: ибо отецъ его былъ „всеревностный священникъ и всеопасный хранитель предписаній церковныхъ“, а въ требникѣ греческомъ именно „напечатано крестить въ три погруженія, какъ и самое слово у нихъ показываетъ *ваптизма*“; да и самъ онъ „твердо помнить, что еще во время ученія его грамотъ, бывший въ то время въ Эносѣ архіерей хотящихъ происходить въ попы на экзаменацныи испытывалъ каждого, твердо ли знаетъ своей восточной греческой церкви законъ и поучалъ, дабы различить могъ отъ западнаго литинскаго, а особенно о крещеніи младенцевъ“; такъ поступали и прочіе эносскіе архіереи; такъ и самъ онъ — Амвросій „во все время своего священничества дѣйствовалъ и прочихъ тоже творящихъ повсюду видѣлъ“. Вовторыхъ, Павелъ ссылается опять на свои собственные наблюденія въ Царѣградѣ, въ Сиріи и въ Палестинѣ, гдѣ „самъ очевидно видѣлъ устройство крестильней и самое трехпогружательное дѣйствіе, и по многихъ распросахъ ни отъ одного человѣка не слышалъ, не только чтобы въ нынѣшнее время греки обливаніемъ крестили, но ниже помнить кто, чтобы когда у нихъ обливали.“ Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе въ этомъ отношеніи греческой

церкви съ русскою, въ которомъ и заключастся сущность дѣла. „Если взвѣсить греческія патріархіи съ російскими митрополіями (отколь мы принимали священниковъ), найдемъ, что греческая церковь въ главномъ догматѣ вѣры состоитъ весьма справедливѣ великороссійской. Потому что греческая церковь обливаніемъ дѣемое крещеніе латинскою схизмой порицаеть, и если обличень будетъ за обливаемое крещеніе греческій попъ въ верховной духовной ихъ власти, абіе за то отрѣшается отъ парохіи и отлучается отъ службы. А великороссійская церковь ругаетъ сумазбродами, аеистами, прямыми безбожниками, кто не приемиетъ обливательное крещеніе за православное, что явствуетъ въ книгѣ печатанной отъ правительствующаго синода 1724 года, подъ названіемъ: *Оправданіе о поливательномъ крещеніи*, и всему свѣту извѣстно, что цѣлыя епархіи имѣють въ Малороссіи и Украинѣ, гдѣ всеобдержно въ крещеніи обливають“.

„Итакъ, если мы принимали священниковъ отъ великороссійской церкви не сомнѣваясь, то кольми паче о принятіи нынѣ митрополита Амвросія за крещеніе никакого сомнѣнія быть не должно.“ Но какимъ же именно чиномъ надлежитъ принять Амвросія? Этого осторожный инокъ Павелъ не сказалъ и здѣсь, предоставивъ самимъ читателямъ сдѣлать заключеніе, ясно вытекающее изъ указанныхъ имъ выше образцовъ чинопріятія отъ еutihianъ, единовольниковъ, инокоборцевъ, а особенно отъ церкви великороссійской, отъ которой приходящіе священники, по его словамъ, были принимаемы третьимъ чиномъ до самыхъ лѣтъ Петра I-го и даже до изданія книжицы о поливательномъ крещеніи, то есть, по его объясненію, до тѣхъ поръ, пока великороссійская церковь не признала будто бы сіе крещеніе безусловно законнымъ и правильнымъ.

Таково было по содержанію и характеру написанное Павломъ *Соображеніе о въразѣ*. Сочиненіе это онъ намѣренъ былъ сообщить старообрядцамъ разныхъ обществъ, какъ руководство въ окончательному рѣшенію вопроса о чинопріятіи Амвросія. И вопервыхъ онъ передалъ экземпляръ *Соображенія о въразѣ* поселившемуся въ Славскомъ скиту иноку Аркадію, прежнему настоятелю Лаврентьева монастыря, когда вмѣстѣ съ Амвро-

сіемъ, на пути изъ Константинополя въ Вѣну, останавливался на нѣсколько дней въ некрасовскихъ селеніяхъ. При этомъ Павелъ прежде всего имѣлъ въ виду подѣйствовать на самого Аркадія, который, какъ не могъ онъ не замѣтить, все еще колебался разными сомнѣніями относительно учреждаемой іерархіи, а также былъ нечуждъ сомнѣнію относительно личности новопріобрѣтеннаго митрополита, хотя и обращался къ нему съ должнымъ почтеніемъ; затѣмъ Павелъ надѣялся, что Аркадій, какъ человекъ уважаемый старообрядцами за вѣдніе писанія и преданность „древнему благочестію,“ лучше всякаго можетъ разъяснить дѣйствительный смыслъ сочиненія и другимъ, вообще — приготовить добруджинскихъ старообрядцевъ къ желаемому рѣшенію вопроса о чинопріятіи Амвросія. Списки сочиненія, полные, или же только важнѣйшихъ статей его, были посланы и въ разныя російскія старообрядческія общества. ¹⁾

Вполнѣ достигнуть цѣли, для которой написано было *Соображеніе о вѣрѣ*, Павлу однако-же не удалось. И въ первыхъ, славскіе отцы, на соборномъ совѣщаніи съ выборными отъ некрасовскихъ селеній, происходившимъ 23-го іюня въ часовнѣ Славскаго скита, рѣшили вопросъ о чинопріятіи Амвросія несовсѣмъ такъ, какъ желательно было Павлу и какъ-бы слѣдовало по смыслу его сочиненія. На Аркадія, если вѣрить его собственному признанію, это павлово сочиненіе произвело рѣшительное вліяніе. „Не скры-

1) Такъ въ извѣстномъ письмѣ своемъ въ Торжокъ, гдѣ подробно изложена исторія приобрѣтенія Амвросія, Павелъ въ самомъ концѣ помѣстилъ свою статью „о трехпогружательномъ въ грехахъ крещеніи“, написавъ ее слово въ слово изъ *Соображенія о вѣрѣ* и прибавивъ только слѣдующее заключеніе: „*Вторительно уже васъ о семъ утруждаемъ и просимъ благо вашего о Христѣ совѣта. Безпристрастно все вышеписанное разсмотрите и, какъ передъ Богомъ, свое мнѣніе нелицемѣрно намъ отворите, какъ вамъ Богъ ярадумитъ, и поскорѣе уведомяте, доколь еще дѣло не кончено, дабы послѣ времени не дать мѣста между насъ поселиться враждѣ (чего Боже сохрани!) на радость діаволу; а если нынѣ умолчите и послѣ противное на развратъ возглаголете, въ томъ да судитъ васъ Богъ!*“ (*Пис. въ Торжокъ*, рук.) Въ Москву же списокъ павлова сочиненія, вѣроятно отвезенъ былъ Героятиемъ въ послѣднюю его поѣздку туда съ Іеронимомъ, или даже нѣсколько ранѣе — Алимпіемъ.

ваю, — писалъ онъ въ послѣдствіи, — а паче проповѣдую свое мнѣніе: видѣлъ митрополита, цѣловалъ его руку, но все еще не былъ расположенъ; былъ провожаемъ изъ Сарыкѣя отцемъ Павломъ, но только я молчалъ и не объявлялъ своего мнѣнія. Здѣсь получилъ отъ него *правила* и принялъ ихъ хладнокровно. По прибытіи-же въ свою келью началъ оныя читать, и по прочтеніи *въ одну минуту десяти-лѣтнее сомнѣніе меня оставило* и я сотворился отъ инаго инымъ¹⁾. Отъ чего-бы ни зависѣла эта перемѣна, такъ мгновенно совершившаяся, — убѣдился ли Аркадій доводами инока Павла въ законности и правильности новоучреждаемой іерархіи отъ амвросіева корене, или, — что гораздо вѣроятнѣе, — дѣйствовалъ подъ вліяніемъ ожидаемыхъ отъ этой іерархіи выгодъ для всего старообрядчества и для себя лично,²⁾ только съ этого времени онъ дѣйствительно становится жаркимъ поборникомъ бѣлокриницкаго священства и защитникомъ Амвросія. Съ *Соображеніемъ о вратахъ* онъ познакомилъ настоятеля Славскаго скита и нѣкоторыхъ, свѣдущихъ въ писаніи иноковъ, такъ что, когда на соборѣ надлежало при-

1) Письмо Аркадія въ Бѣлую-Криницу отъ 25 апрѣля 1847 г.

2) Что Аркадій никогда не покидалъ сомнѣній относительно Амвросія и начавшуюся отъ него іерархію никогда не признавалъ *воплоть* правильною и законною, это очевидно и изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ его писемъ. Такъ наприм. отъ 18 октября 1861 года онъ писалъ Кириллу: „Владыко святой! Если бы я на сей хартіи открылъ вамъ амвросіевы недостатки!.. Но открыть не на пользу, развѣ когда потребуется надобность. Амвросій принять *во великой нуждѣ*, а не по обдержнымъ правиламъ... Если по обдержнымъ правиламъ повѣрять всѣхъ (нашихъ) святителей достоинства, то *затворите церкви всѣ... Покойный Павелъ намъ на вопросъ объ Амвросіи не далъ отвѣта: и теперь лучше молчать*“ (Подлинное письмо въ Бѣлокр. арх.). Вотъ что писалъ еще Аркадій около того же времени въ камескомъ попу Василью: „Глаголеши: вратами подобаетъ внити. Отче, вратами входа нѣсть, повеже человекъи занемогаша. *Церковь наша вса на случайныхъ обстоительствехъ, и врата не имать*, т. е. обдержныя правила празднуютъ (остаются празды, безъ исполненія)... Разсмотримъ *самый корень* — Амвросія: *не вратами, но тѣсною, съ великою нуждою!* Я однажды отцу Павлу написалъ о Амвросіи пунктовъ до четырнадцати: онъ отвѣтъ далъ. Я пакъ возразилъ: не о томъ вопрошаю; но не погрѣшилъ ли о вѣрѣ Амвросіи (*а что? — не подобаетъ глаголати*)? *И такъ отецъ Павелъ не доказалъ* (Подлинное пис. въ Бѣлокр. арх.)

ступить къ разсужденіямъ о чинопріятіи Амвросія, они прежде всего предложили Аркадію прочесть, какъ руководство къ предстоящимъ разсужденіямъ, это павлово сочиненіе. Всѣ слушали его со вниманіемъ, и выслушавъ нѣкоторые сказали: „это очень хорошо, — дай Богъ привести дѣло въ совершеніе!“ Но тогда въ некрасовскихъ селеніяхъ образовалась уже значительная партія недовольныхъ пріобрѣтеніемъ архіерея — грека, громко проповѣдывавшихъ, что Амвросія, какъ обливанца, какими они считали всѣхъ грековъ согласно свидѣтельству мнимаго Суханова и прочихъ раскольническихъ авторитетовъ, никакъ не возможно принять въ сущемъ его санѣ. На славскомъ соборѣ находились нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ этой партіи, — инокъ Іовъ, Ілія Градищанскій (одинъ изъ сарыкѣйскихъ депутатовъ), Власій, Филаретъ и другіе: они и здѣсь объявили, вопреки всѣмъ доказательствамъ Павла, что отъ грековъ принимать священство не подобаетъ. Защищать противъ нихъ павлово сочиненіе, а вмѣстѣ и самое дѣло Амвросія, выступилъ бывшій лаврентьевскій инокъ Евфросинъ, извѣстный своею начитанностію. Съ этимъ великимъ „книжчѣмъ“ некрасовскимъ грамотѣямъ трудно было состязаться: онъ засыпалъ ихъ свидѣтельствами изъ разныхъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ, которыя приводилъ съ буквальной точностію. „Началъ Евфросинъ, — рассказываетъ одинъ изъ присутствовавшихъ на соборѣ, — приводитъ свидѣтельства, съ *Кириловой*, и изъ *Вѣры, и Кормчей*: и какъ онъ на какую книгу укажетъ, и мы посмотримъ, вѣрно-ли онъ говоритъ, — и такъ вѣрно, что даже ни въ одномъ словѣ ошибки не замѣтили“¹⁾ Упорства некрасовскихъ грамотѣевъ инокъ Евфросинъ не поколебалъ своими доказательствами; но, не зная что отвѣтить ему, они все-таки принуждены были замолкнуть. Послѣ этого вопросъ: *можно-ли* принять Амвросія? — считали рѣшеннымъ въ пользу принятія. Слѣдовало разсмотрѣть другой: *какимъ чиномъ* принять его? Согласно изложенному въ сочиненіи Павла ученію о грекахъ, на основаніи церковныхъ правилъ и святоподобій, Аркадій и

1) Гончаровъ въ *Первомъ началѣ происшествія...*

его единомышленники настаивали, что Амвросія надлежитъ принять третьимъ чиномъ. Нашлось немало такихъ, которые высказались въ пользу этого мнѣнія; противники-же Амвросія опять заявили, что отъ грековъ съ соблюденіемъ священства никого принять невозможно. Тогда настоятель инокъ Макарій, чтобы примирить ту и другую сторону, предложилъ свое посредствующее мнѣніе: „ради многихъ немощныхъ и писанія несвѣдущихъ, привыкшихъ къ священникамъ, которые всеобдержно принимаемы суть вторымъ чиномъ, такожде и нынѣ приступающаго греческаго митрополита Амвросія принять тѣмъ-же вторымъ чиномъ, если онъ не тяжко себѣ вмѣнить на сіе соизволить“. „Сумнящіеся“ и теперь остались при своемъ прежнемъ рѣшеніи; а большинство согласилось съ мнѣніемъ старца Макарія, и тутъ-же рѣшено было составить соборное опредѣленіе въ такомъ смыслѣ, что хотя на основаніи церковныхъ правилъ и святоотеческихъ примѣровъ (указанныхъ въ павловомъ *Соображеніи о вѣрахъ*) признано правильнымъ сдѣлать пріятіе Амвросія третьимъ чиномъ, „но, согласно предложенію настоятеля инокъ Макарія, ради указанныхъ имъ причинъ, положили принять митрополита вторымъ чиномъ.“ Это постановленіе, или „дѣяніе“ славскаго собора, по порученію предсѣдателя и присутствовавшихъ, было записано Аркадіемъ ¹⁾ и вручено для доставленія въ Бѣлокриницкій монастырь находившемуся тогда въ Славскомъ скиту и также присутствовавшему на соборѣ — иноку Онуфрію.

Понятно, что инокъ Павелъ не могъ быть доволенъ такимъ исходомъ соборныхъ совѣщаній въ Славскомъ скиту, доказавшихъ самымъ дѣломъ, что его пресловутое *Соображеніе о вѣрахъ* несильно поколебать утвердившееся въ старообрядческихъ обществахъ мнѣніе о грекахъ и укоренившійся обычай принятія приходящихъ отъ ереси священныхъ лицъ подъ мѣропомазаніе. Его увѣренность въ неотразимой силѣ приведенныхъ въ *Соображеніи* аргументовъ съ этого времени значительно ослабѣла и надежда устроить приня-

¹⁾ Текстъ его приводится въ „Соборномъ дѣяніи Бѣлокриницкаго монастыря“, о которомъ будетъ сказано ниже.

ті Амвросія третьимъ чиномъ поколебалась еще больше; но окончательно онъ все еще не терялъ этой надежды, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ опредѣленіи славскаго собора рѣшительно высказана мысль, что *по правиламъ следовало-бы* принять Амвросія именно третьимъ чиномъ, а рѣшеніе принять его вторымъ чиномъ ограничено условіемъ: *если самъ Амвросій не тяжко себя вмѣнитъ на сіе соизволить.*

Для окончательнаго рѣшенія вопроса теперь особенно важно было, какія мнѣнія и отзывы даны будутъ, по прочтеніи *Соображенія*, другими заграничными старообрядческими обществами особенно россійскими. Чтобы дождаться этихъ отзывовъ, и еще чтобы склонить и представителей липованскихъ обществъ въ пользу желаемаго Павломъ чинопріятія, — вотъ для чего потребовалось между прочимъ то время, которое прошло по пріѣздѣ Амвросія изъ Вѣны до торжественнаго объявленія его бѣлокриницкимъ владыкой. Съ бѣлокриницкими и иныхъ липованскихъ селеній стариками — дьякомъ Кипріаномъ Тимошеевымъ, Полякомъ Иваномъ Кирилловымъ, Иваномъ Тихоновымъ и другими, Павлу не трудно было управиться: тогда онъ уже пользовался безграничнымъ ихъ довѣріемъ, какъ человекъ, совершившій такія дѣла, о какихъ они и помыслить не смѣли. Отъ представителей липованскихъ обществъ Павелъ дѣйствительно заручился обѣщаніемъ, что они, согласно его желанію, будутъ требовать пріятія Амвросія третьимъ чиномъ. Но ожиданія Павла относительно полученія отзывовъ на его *Соображеніе* отъ разныхъ старообрядческихъ обществъ внѣ Буковины оказались напрасны: дни проходили за днями, а мнѣній по вопросу о чинопріятіи Амвросія ниоткуда не получалось. Прибыли только для личнаго присутствія на соборныхъ разсужденіяхъ по этому вопросу депутаты молдавскаго старообрядческаго общества: яскскій знаменитый уставщикъ Никифоръ Панкратьевъ и яскскіе-же купцы Лонгинъ Богомолвъ и Яковъ Желѣзниковъ. Павелъ былъ очень обрадованъ ихъ пріѣздомъ; но, побесѣдовавъ съ ними, онъ увидѣлъ однакоже, что по вопросу о чинопріятіи Амвросія молдавскіе депутаты намѣрены твердо отстаивать общепринятый у старообрядцевъ обычай. Съ этого времени

Павелъ совсѣмъ почти утратилъ надежду устроить принятіе Амвросія третьимъ чиномъ. Между тѣмъ откладывать еще далѣе рѣшеніе этого дѣла не представлялось уже настоятельной надобности, и въ воскресенье, 27-го октября, назначено было въ монастырской церкви общее торжественное собраніе для рѣшенія соборнымъ разсужденіемъ вопроса: какимъ чиномъ надлежитъ принять Амвросія въ старообрядчество?

Здѣсь однакоже встрѣтилось неожиданное, но очень важное затрудненіе. Принятіе Амвросія, третьимъ-ли чиномъ, или, какъ теперь слѣдовало ожидать, вторымъ, подѣ муромазаніе, долженъ былъ совершить единственный въ Бѣлой-Кривницѣ и во всей Буковинѣ черныи попъ Іеронимъ, котораго, какъ мы говорили, для этой собственно дѣли приобрѣли и держали въ своемъ монастырѣ Геронтій и Павелъ. Такихъ расчетовъ на его особу Іеронимъ въ простотѣ своей не подозрѣвалъ до тѣхъ самыхъ поръ, когда очевиднѣйшимъ образомъ обнаружилось, что отъ него потребуется услуга величайшей важности для всего старообрядческаго міра. Съ самаго поступленія въ этотъ темный міръ встрѣчая однѣ только невзгоды и оскорбленія, Іеронимъ впервые почувствовалъ теперь, что онъ сила, что отъ него зависитъ судьба дѣла, которымъ заинтересовано все старообрядчество,—и при всемъ своемъ простосердечіи рѣшился воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что не могъ не сообразить, какимъ значительнымъ ущербомъ угрожаетъ всему бѣгствующему іерейству, и ему въ частности, учрежденіе самостоятельной раскольнической іерархіи въ Бѣлой-Кривницѣ. И вотъ Іеронимъ объявляетъ Геронтію и Павлу, что принимать Амвросія отъ мнимой ереси, тѣмъ паче перемазывать какимъ-то фальшивымъ раскольническимъ муромъ онъ не станетъ. Дѣло могло бы принять очень серьезный оборотъ, еслибы Геронтій и Павелъ были менѣ хитры и лукавы, а Іеронимъ болѣе твердъ и проникателенъ. Зная вполне характеръ этого послѣдняго, Геронтій приступилъ къ нему съ самыми лестными обѣщаніями всевозможныхъ наградъ отъ признательнаго старообрядчества за участіе въ событіи такой важности, какъ

учрежденіе старообрядческой іерархіи: краснорѣчиво расписалъ ему разныя ожидающія его выгоды и между прочимъ рѣшительно обѣщаль, что онъ, священноинокъ Іеронимъ, произведенъ будетъ въ намѣстники Амвросія, то-есть въ епископы, а затѣмъ пожалуй и въ митрополиты... Простодушіе Іеронима, падшаго на всякія житейскія выгоды, уступило этимъ льстивымъ обѣщаніямъ, — онъ согласился наконецъ быть духовнымъ отцомъ Амвросія и воспріять его въ старообрядчество....¹⁾

Предстояло, правда, еще болѣе важное затрудненіе со стороны самого Амвросія, неслыхавшаго доселѣ ни о какихъ ожидающихъ его чинопріятіяхъ. Павелъ чувствовалъ дѣйствительно всю щекотливость неизбѣжныхъ на этотъ счетъ объясненій съ митрополитомъ, особенно-же въ томъ случаѣ, когда рѣшено будетъ принять его подъ муропомазаніе; ²⁾ но въ благопріятномъ исходѣ этихъ объясненій онъ ни мало не сомнѣвался, зная, что Амвросій, связанный условіями и поставленный въ безвыходное положеніе, находился совершенно въ его рукахъ и долженъ былъ на все согласиться.

Происходившія на бѣлокриницкомъ соборѣ разсужденія о чинопріятіи Амвросія иннокъ Павелъ изложилъ въ особомъ рочиненіи, подъ официальнымъ названіемъ *Соборнаго дѣянія* ³⁾. Павелъ написалъ его собственно для старообряд-

1) *Зап. о Онуфрія*. Здѣсь говорится между прочимъ: „Въ часъ пріятія Амвросія Іеронимъ восторжествовалъ было: наканунѣ, съ вечера, не хотѣлъ быть и на соборѣ и никакъ не мазать; настоятель едва-едва могъ уговорить его, приласкавши будущимъ намѣстничествомъ, и дарами и прочими мѣрами.“

2) Въ этомъ случаѣ Павелъ и друзья его особенно опасались со стороны Амвросія вопросовъ о мнимомъ раскольническомъ мурѣ: „боялись, пишетъ иннокъ Онуфрій, чтобы онъ не спросилъ насъ о нашемъ мурѣ, — какое оно, и гдѣ взяли его и отъ кого.“ На эти вопросы, дѣйствительно, и самъ Павелъ не нашелся бы дать мало-мальски удовлетворительный отвѣтъ. Поэтому между прочимъ, прибавляетъ о. Онуфрій, „мы все и настаивали, чтобы не мазать Амвросія ничѣмъ, признавали, что очень незаконно“.

(*Зап. о Онуфрія*).

3) Вотъ полное надписаніе этого павлова сочиненія: „Соборное дѣяніе Бѣлокриницкаго старообрядческаго монастыря, состоящаго въ Буковинѣ,

ческихъ обществъ, съ цѣлю — показать симъ послѣднимъ и всему вообще старообрядческому міру, какъ будто-бы благоговѣйно и мирно, къ какому осмотрительностью и съ какимъ попеченіемъ о соблюденіи церковныхъ правилъ учинено было принятіе перваго бѣлокриницкаго епископа, положившаго основаніе новой старообрядческой іерархіи. По этому павлову описанію соборныя разсужденія начались и происходили слѣдующимъ образомъ:

27-го октября, въ воскресенье, по окончаніи литургіи, сдѣланы въ монастырской церкви надлежащія приготовленія къ открытію собора: „на амвонѣ, на убранномъ наложѣ, положено св. Евангеліе съ предстоящею возженною свѣщей; по обѣимъ сторонамъ отъ амвона вдоль церкви, для засѣданія присутствующимъ, поставлены во многомъ числѣ стулья; а посрединѣ, на другомъ наложѣ, положена Кормчая книга, притомъ-же приготовлены и другія книги на случай справокъ въ божественномъ писаніи“.

Около вечеренъ три раза ударили въ колоколъ, и всѣ собравшіеся для присутствія на соборѣ, предводимые Іеронимомъ и Геронтіемъ, вошли въ церковь; положили „началь“ и заняли мѣста по достоинству и чину каждаго: „по одной странѣ въ началѣ сидѣлъ настоятель монастыря инокъ Геронтій со всѣми своими соборными старцами и прочими иноками; а по другой, также въ началѣ, сидѣлъ священноинокъ Іеронимъ, а за нимъ уставщикъ бѣлокриницкой церкви Кипріянь Тимоѣевъ, потомъ отъ Молдавіи депутаты, ясскіе купцы Никифоръ Панкратіевъ, Яковъ Ивановъ Желѣзниковъ и Лонгинъ Андреевъ Богомоловъ, а далѣе и прочіе депутаты отъ своихъ слободъ, какъ-то бѣлокриницкіе, соколинскіе и мехидрскіе; прочіе-же единовѣрные христіане, собравшіеся изъ окрестныхъ слободъ въ безчисленномъ (!) множествѣ, предстояху съ угнетеніемъ“.

австрійской державы, о чинопріятіи желающаго вступить въ нашу древле-греко-російскую православную церковь, греческаго господина митрополита Аявросія, 27-го октября 7354 (1846) года“. *Соборное дѣланіе* въ первый разъ напечатано было игуменомъ Паревніемъ въ *Книгѣ о промыслѣ* (стр. 61 — 75). Мы пользуемся болѣе исправнымъ спискомъ, находящимся въ *Сбор. о Онуфрія*.

Геронтіи открылъ соборныя разсужденія враткимъ обращеніемъ къ присутствовавшимъ, въ которомъ просилъ ихъ „разсуждать и строить подлежащее дѣло безъ всякаго лицемерія, сообразно святыхъ писаній“, и постановилъ самый вопросъ подлежащій обсужденію: „приступающаго нынѣ въ наше древлехристианское православіе отъ нынѣшней греческой религіи, господина высокопреосвященнѣйшаго митрополита Амвросія, какимъ чиномъ принять его долженствуетъ?“

„Откройте и предложите на среду, какія есть во святомъ писаніи по сему предмету правила святыхъ соборовъ и какіе примѣры отъ собывшихся въ древлеправославной церкви святоподобій“: такъ (будто-бы) „отвѣщаль соборъ“ на предложеніе Геронтія.

Приискивать правила и святоподобія не предстояло надобности: все это надлежащимъ образомъ было уже сдѣлано Павломъ въ его *Соображеніи о вѣрахъ*, и настоятель предложилъ теперь приступить именно, какъ было и на славскомъ соборѣ, къ чтенію этого павлова сочиненія. Читалъ, по приказанію Геронтія, самъ авторъ, съ приличными объясненіями, и въ потребныхъ мѣстахъ, для пущей убѣдительности, вычитывалъ правила непосредственно изъ Кормчей, — вообще „динокъ Павелъ (какъ самъ замѣчаетъ въ *Соборномъ дѣланіи*) настоятельское повелѣніе исполнилъ въ полной мѣрѣ, такъ что для всякаго со вниманіемъ слушающаго было ясно и внятно“. Такъ какъ на основаніи тѣхъ-же самыхъ, прочитанныхъ теперь, правилъ и святоподобій на одномъ соборѣ уже было сдѣлано постановленіе о чинопріятіи Амвросія, то прочитано было, вслѣдъ за *Соображеніемъ о вѣрахъ*, и это постановленіе славскаго собора.

Затѣмъ приступили къ совѣщаніямъ и разсужденіямъ. Первые подали голосъ молдавскіе депутаты. „Помолчавъ мало и посовѣтовавъ между собою, они возгласили ко всему собору: не лучше-ли (?) учинить такъ, какъ положилъ мнѣніе Славскаго скита настоятель, на чемъ положился и весь соборъ задунайскій, дабы ради многихъ немощныхъ и совершенно не свѣдущихъ писанія приступающаго нынѣ въ наше православіе греческаго, господина митрополита Амвросія принять вторымъ чиномъ?“

И такъ молдавскіе депутаты высказали мнѣніе, противное раскрытому въ въ павловомъ *Соображеніи о вѣрахъ*; но защитниками этого послѣдняго выступили настроенные Павломъ депутаты отъ буковинскихъ раскольниковскихъ селеній: „бѣлокриницкіе-же депутаты и весь народъ, слышавшіе соображеніе по прочтаннымъ правиламъ и яснымъ святоподобіямъ, самымъ дѣломъ въ древлеправославной церкви сбывшимся, желали конечно положиться, дабы принятіе господина митрополита учинено было третьимъ чиномъ.“

Тогда въ качествѣ посредника между тою и другою стороною явился одинъ изъ молдавскихъ депутатовъ, купецъ Лонгинъ Богомоловъ. „Приступивъ къ настоятелю, онъ предъ соборомъ *блаочинно* предложилъ свое мнѣніе, что принятіе г. митрополита третьимъ чиномъ, сообразно правиламъ св. отецъ и сбывшимся святоподобіямъ, *признаеть воистину правильнымъ*; но однако нѣтъ-ли какого средства, чтобъ учинить принятіе г. митрополита вторымъ чиномъ и на томъ-бы можно утверждаться святымъ писаніемъ безъ погрѣшительности? — Тогда-бы соборное наше дѣйствіе согласовало и съ прежнимъ всеобдержнымъ обычаемъ, какъ мы уже издавна принимаемъ священниковъ, и успокоило-бы совѣсть прочихъ многихъ единовѣрныхъ нашихъ христіанъ, *не могущихъ участвовать въ теперешнемъ нашемъ соборѣ и въ такомъ понятіи*, каковой ради вины и задунайскій соборъ рѣшился, чтобы согласить г. митрополита подъ второй чинъ, если будетъ возможно.“

Настоятель инокъ Геронтій на обращенный къ нему запросъ Богомолова отвѣчалъ, „съ подтвержденіемъ и прочихъ иноковъ“, цѣлою рѣчью, въ которой заявилъ рѣшительно, что „черезъ принятіе Амвросія вторымъ чиномъ обнаружится одна только неуважительная къ нему жестокость, на которую *не видится подобнаго образца въ цѣломъ христіанскомъ вѣкѣ*: понеже для всѣхъ, хотя-бы и простыхъ, приходящихъ отъ ереси въ православіе, столь важное въ древле-селенской церкви положено снисхожденіе, что даже и крещенію подлежащихъ, за единъ стыдъ, обнаженія ради, повелѣно принимать безъ покрещеванія (какъ гласить первое правило въ отвѣтахъ святѣйшаго Тимооея архіепископа александ-

дрійскаго); а колыми паче столь высокими лицамъ, приступающимъ въ истинное православіе, всегда оказываемо было снисхожденіе!⁴ Но высказавшись такъ рѣшительно противъ принятія Амвросія вторымъ чиномъ, Геронтій однакоже заключилъ свою рѣчь заявленіемъ, что и такое, вторымъ чиномъ, принятіе правилъ непротивно: „что касается до правилъ и безпогрѣшительной возможности, дабы возможно было г. митрополита, аще самъ соизволить, принять вторымъ чиномъ, и о томъ есть *безсумнительныя свидѣтельства*“⁴. Такія безсумнительныя свидѣтельства онъ заимствовалъ именно изъ толкованія на 8 правило перваго вселенскаго собора и еще въ „книгѣ Никифора патріарха отъ правилъ церковныхъ, въ патріаршемъ греческомъ требникѣ, иже хранится въ Москвѣ на Печатномъ дворѣ“¹⁾.

Затѣмъ повѣствуется въ *Дьяніи*, что „нѣщцы, аки забывшись, еще вопрошали: можетъ-ли священникъ принять епископа, когда по церковнымъ узаконеніямъ меншій отъ большаго благословляется?“ И въ разрѣшеніе этого вопроса предлагается наполненное софизмами пространное павлово разсужденіе о власти іереевъ вязать и разрѣшать (на исповѣди) даже святѣйшихъ патріарховъ, о равенствѣ пресвитерскаго и архіерейскаго чина относительно строенія тайнъ, и пр.²⁾.

Наконецъ для рѣшенія всѣхъ разногласій „отцы монастырскіе, вседушно пекущіеся, дабы при столь великомъ благодарованномъ священно-духовномъ источникѣ не отчуж-

1) Свидѣтельство это, по всей вѣроятности, придуманное самимъ Павломъ, было приведено имъ еще раньше, въ указанномъ выше „Посланіи къ Московскимъ старообрядцамъ о предложеніи найти архіерея“.

2) Это разсужденіе, помѣщенное въ *Дьяніи*, имѣетъ буквальное сходство съ сказаннымъ по этому же вопросу въ статьѣ: „Изыясненіе недоумѣній, чрезъ кого и когда на приходящихъ отъ ересей хиротонисанныхъ лицъ приходитъ благодать Духа Святаго“, представленной Павломъ московскому старообрядческому обществу въ 1842 году, содержаніе которой мы изложили выше. Въ *Соборное дьяніе* Павелъ, очевидно, внесъ это разсужденіе съ цѣлю—отстранить могущія встрѣтиться по указанному вопросу недоумѣнія въ тѣхъ старообрядческихъ обществахъ, для которыхъ *Дьяніе* назначалось и которымъ статья, писанная для московскихъ старообрядцевъ, могла быть неизвестна.

дить немощныхъ души отъ любви и единенія вѣры, предложили собору заключительное слово въ слѣдующемъ. Если угодно будетъ всему богодухновенному (!) собору, положимся на всемогущій и спасительный промыслъ Божій, да будетъ намъ въ знаменіе непререкаемое, — предложимъ наше требованіе самому богодарованному нашему господину митрополиту: если онъ на второй чинъ согласить свою совѣсть произволить, то такъ есть угодно и Божіей воли; а если отвергнетъ требованіе, яко ожесточенныхъ, тогда и мы отвергнемъ все малодушіе прочихъ и учинимъ пріятіе его третьимъ чиномъ.“

„На сіе *вси до единоаю*, бывшіе на соборѣ, *единогласно* возгласили: воистину тако сотворить надлежитъ, да и воля Божія открыта намъ будетъ!“

Къ объясненію съ Амвросіемъ положено было приступить въ слѣдующій день, утромъ, совершивши „всенощное бдѣніе святителю Чудотворцу — Николѣ“, — нарочитому яко-бы покровителю Павла и такъ какъ будтобы подъ его-же особеннымъ заступленіемъ совершилось все дѣло объ учрежденіи „древлеправославной іерархіи,“ теперь доведенное до послѣдняго заключительнаго акта. Наконецъ „вси единодушно предъ святымъ Евангеліемъ положили обычный началъ и съ миромъ разошлись“.

Такъ мирно и благочинно происходили на бѣлгородскомъ соборѣ совѣщанія о чинопріятіи Амвросія, по сказанію Павла въ *Соборномъ дѣяніи*; но въ дѣйствительности было несовсѣмъ такъ. Пока продолжалось чтеніе правилъ, то есть павлова *Соображенія о вѣрѣ* и акта дѣяній славскаго собора, еще соблюдался нѣкоторый порядокъ; но едва приступили къ „разсужденіямъ“, какъ начались обычные на раскольническихъ сборищахъ шумные и беспорядочные споры. Вотъ что пишетъ объ этомъ пресловутомъ соборѣ непосредственный участникъ его и безпристрастный свидѣтель: „Охъ, какое тѣсное было время! Съ вечера происходилъ соборъ шумною толпой, — кто кричитъ: надо мазать, какъ мазали бѣглыхъ поповъ! а больше кричали: не надо мазать! Даже Амвросій, сидя въ кельѣ, слышалъ эти крики и приходилъ въ крайнее смущеніе, не зная, за что такое

народное движеніе; но ему все передавали въ самомъ обратномъ и тихомъ видѣ. И хотя больше было такихъ которые кричали: не надо мазать! однако голосъ перемазанцевъ взялъ верхъ: рѣшили мазать.“¹⁾ И рѣшеніе это было окончательное, такъ что всѣми изъявленное затѣмъ согласіе предоставить дѣлу свободному произволенію митрополита Амвросія, о чемъ повѣствуется такъ чувствительно въ *Соборномъ дѣланіи*, было одною только формальностью, которая не могла уже ни въ какомъ случаѣ измѣнить состоявшееся рѣшеніе, и на которую согласились тѣмъ охотнѣе, что никто не допускалъ и мысли, чтобы Амвросій могъ воспротивиться общему соборному рѣшенію. А между тѣмъ формальность эта, въ глазахъ Павла и прочихъ главныхъ дѣятелей по учрежденію іерархій, имѣла весьма важное значеніе: она могла быть представлена, какъ свидѣтельство оказаннаго старообрядцами подобающаго митрополиту Амвросію уваженія, и вмѣстѣ могла служить доказательствомъ, что принятіе по второму чину состоялось вслѣдствіе свободнаго и непринужденнаго соизволенія со стороны самого митрополита, какъ требовали и славскіе отцы, — вообще открывала возможность придать всему дѣлу тотъ благовидный характеръ, въ какомъ изобразилъ его впоследствии на пользу и назиданіе старообрядцамъ дальновидный авторъ *Соборнаго дѣланія*.

И такъ пришло наконецъ время откровенно объясниться съ Амвросіемъ насчетъ предстоящаго ему „чинопріятія отъ ереси“. Формальное предложеніе этого дѣла на свободное яно-бы рѣшеніе самого Амвросія отложено было, какъ мы видѣли, до утра 28-го октября; но Павелъ приступилъ къ объясненію въ ту же ночь, какъ только были окончены соборныя разглагольствія и участники собора разошлись по кельямъ и домамъ: онъ понималъ необходимость теперь же, немедленно, рѣшить трудный вопросъ, чтобы утромъ, на формальное предложеніе, Амвросій могъ уже дать опредѣленный, готовый отвѣтъ. Какъ происходило это секретное объясненіе Павла съ Амвросіемъ, въ тишинѣ ночи, съ гла-

1) *Записки о. Онуфрія*.

зу на глазъ, безъ постороннихъ свидѣтелей, въ присутствіи одного только переводчика, жившаго вмѣстѣ съ ними, въ однѣхъ и тѣхъ-же кельяхъ, — объ этомъ инокъ Павелъ не любилъ говорить даже съ своими ближайшими друзьями. Представивъ состоявшееся рѣшеніе, какъ неизмѣнную волю народа, рассказавъ о своихъ долгихъ и напрасныхъ усиліяхъ отклонить это рѣшеніе, онъ, разумѣется, привелъ всѣ возможные аргументы, чтобы склонить Амвросія подчиниться народной волѣ: указалъ примѣры изъ Священнаго писанія, какъ даже великіе святые дозволяли себѣ ради спасенія ближнихъ отступленіе отъ правилъ, допускали дѣйствія неодобряемыя ихъ совѣстію, — „какъ блаженный Павелъ Апостоль, будучи зельный запретитель іудейскихъ обычаевъ, ради мира и союза церковнаго повелѣлъ ученику своему Тимооею обрѣзаться по іудейскому закону“ и т. п.; не скрылъ, вѣроятно, и того, что Амвросію не слѣдуетъ слишкомъ строго смотрѣть на предстоящее ему чинопріятіе посредствомъ муропомазанія, — что чинопріятіе это будетъ исполнено больше для формы, ради успокоенія народа, а въ сущности и значенія имѣть не будетъ, ибо и настоящаго мѹра въ Вѣлой-Криницѣ, да и вообще у старообрядцевъ, не имѣется. Но для Амвросія убѣдительнѣе всѣхъ павловыхъ аргументовъ была, конечно, совершенная безвыходность его положенія, — положенія „рыбы во мрежи съдящей“ и человѣка „сжатаго клещами“, какъ нѣкогда выразился о немъ самъ-же инокъ Павелъ. Продавшисъ липованамъ, разорвавъ окончательно всѣ связи съ обществомъ, къ которому принадлежалъ доселѣ, могъ-ли Амвросій противиться тому, что Павелъ называлъ народнымъ липованскимъ рѣшеніемъ? „И онъ, бѣдненькій (такъ повѣствуетъ непосредственный свидѣтель тогдашнихъ бѣлокриницкихъ событій), будучи завезенъ въ чужую землю и въ другіе языки, и не хотѣлъ, а долженъ былъ и поневолѣ рѣшился — исполнить желаніе народа“. ¹⁾ И такъ Амвросій, конечно, не безъ упрековъ Павлу, неупоминавшему прежде ни о какихъ чинопріятіяхъ, изъявилъ согласіе быть принятымъ

1) Тамъ же.

по образцу еретиковъ втораго чина. Это согласіе однакоже дорого стоило и Павлу и всему раскольниковскому обществу: можно рѣшительно сказать, что съ этой именно поры возникло и утвердилось въ Амвросіѣ то глубокое отвращеніе къ расколу и раскольникамъ, котораго даже предъ самими раскольниками не скрывалъ онъ впослѣдствіи при многихъ случаяхъ, и съ этого-же времени сталъ онъ смотрѣть на свои отношенія къ расколу исключительно съ денежной стороны, какъ на коммерческую сдѣлку, какъ на средство получать деньги съ раскольниковъ, что также съ крайнимъ прискорбіемъ скоро замѣчено было самими бѣлокриницкими властями.

Утромъ 28 го числа, послѣ всеобщаго бдѣнія святителю и Чудотворцу-Николѣ, согласно принятому наканунѣ рѣшенію, отправилась къ Амвросію депутація съ формальнымъ отъ собора предложеніемъ — соблаговолить на присоединеніе къ старообрядчеству посредствомъ втораго чина. Депутація состояла только изъ настоятеля инока Геронтія „съ нѣкоторыми отцами“; миряне-же, не исключая и почетныхъ яскихъ гостей, были устранены отъ участія въ оной, какъ надобно думать, изъ опасенія, какъ-бы Амвросіѣ даже и теперь не сказали чего-нибудь такого, чего постороннимъ свидѣтелямъ слышать не подобаетъ, и въ томъ соображеніи, что на постороннихъ вообще не можетъ произвести благопріятнаго впечатлѣнія объясненіе съ митрополитомъ посредствомъ толмача. Амвросіѣ встрѣтилъ депутацію уже съ готовымъ отвѣтомъ и конечно не вступалъ съ нею въ длинныя разглагольствія. Въ *Соборномъ дѣланіи* излагается однакоже „трогательная бесѣда“, которую будто бы имѣли съ нимъ явившіеся въ качествѣ депутатовъ отъ собора бѣлокриницкія ютцы. Теперь ли именно, или наканунѣ, въ объясненіяхъ съ однимъ только Павломъ, были сказаны тѣ слова, которыя отъ имени Амвросія приводятся въ *Дѣланіи*, во всякомъ случаѣ въ этихъ словахъ нельзя не обратить вниманія на два слѣдующія, очевидно, Амвросію принадлежащія изреченія. Выслушавъ предложеніе — присоединиться отъ мнимой ереси къ мнимо-древнему православію посредствомъ втораго чина, вѣроятно, изложенное отъ

имени собора инокомъ Павломъ, Амвросій „обратился къ нему *веселымъ лицомъ* и сказалъ: *видно и ты Павелъ глупый!*“ Вотъ и все, что, по откровенному, сверхъ ожиданія, разказу самого Павла въ *Соборномъ дѣланіи*, отвѣтилъ Амвросій; но въ этомъ краткомъ отвѣтѣ выразилось, можно сказать, все его презрѣніе къ расколу, такъ какъ смыслъ отвѣта очевидно тотъ, что всѣ раскольники, по мнѣнію Амвросія, совершенные невѣжды, и что былъ между ними одинъ только человекъ, котораго считалъ онъ и умнымъ и стоящимъ уваженія, но и тотъ оказался теперь недлучше другихъ, такимъ-же, какъ всѣ прочіе, „глупымъ“... И очень понятно, что обманутый, оскорбленный Амвросій, въ отвѣтъ на обидное и нелѣпое предложеніе о чинопріятіи отъ ереси, рѣшился сказать эту горькую правду прямо въ глаза иноку Павлу при цѣлой депутаціи изъ бѣлокриницкихъ отцовъ; одному трудно повѣрить, чтобы въ ту тяжелую для него пору и на предложеніе такого рода могъ онъ отвѣчать „веселымъ лицомъ“. Другое замѣчательное изреченіе Амвросія сказано имъ, по свидѣтельству *Соборнаго дѣланія*, въ отвѣтъ на „простертую къ нему трогательную“ рѣчь, въ которой убѣждали его къ согласію на соборное предложеніе и указаннымъ выше примѣромъ апостола Павла и совершенно неподходящими къ дѣлу примѣрами святаго Григорія Богослова, который „изволилъ оставить патріаршій престолъ, да не будетъ его ради церковная распра“, также святаго пророка Іоны, который, „за спасеніе только существъ въ кораблѣ повелѣлъ себя бросить въ море“. Убѣжденный будто-бы этою рѣчью, митрополитъ Амвросій, „обратясь къ настоятелю съ братіей“, сказалъ наконецъ: „изволяю на ваше предложеніе; *только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтель Богъ, если состоитъ въ этомъ какой грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ такового.*“ И такъ вотъ чѣмъ Амвросій хотѣлъ успокоить свою совѣсть, согласившись, хотя и по нуждѣ, но все-таки сознательно, на преступное дѣло: подражая извѣстному примѣру, и онъ умываетъ руки, клянется, что онъ чистъ отъ грѣха, и всю вину за грѣхъ слагаетъ на другихъ.... А эти другіе, опять какъ будто стараются именно подражать извѣстному же примѣру, охотно бе-

ругъ его грѣхъ на себя: „отцы съ радостію на то согласовали“, прибавляетъ *Соборное дѣланіе*....

О изволеніи Амвросія на пріятіе вторымъ чиномъ немедленно возвыщено было всему „благочестивому“ собранію, ожидавшему возвращенія депутаціи, и затѣмъ начался звонъ къ литургіи. По прочтеніи часовъ Амвросій вошелъ въ церковь, облаченный въ мантию и „въ достодожномъ сопровожденіи“; положилъ началъ и отдалъ поклоненіе народу (ибо, замѣчаетъ *Соборное дѣланіе*, пребывая въ монастырѣ съ 15-го по 27-е октября, и обычаю нѣсколько приспособился); прошелъ въ алтарь, и тамъ облачился въ полное архіерейское облаченіе московскаго художества. За симиъ началось дѣйствіе чинопріятія. Инокъ Павелъ въ *Соборномъ дѣланіи* описалъ его довольно кратко, съ замѣтною, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, осторожностью выражений. Приводимъ это описаніе. „Облачавшись во вся святительскія облаченія, вышелъ (митрополитъ) изъ алтаря и сталъ на амвоѣ, гдѣ приготовлены (были) два наложья рядомъ, — на первомъ для митрополита положенъ списанный чинъ проклятія ересей, съ переводомъ на греческія литеры, а выговоръ словъ по-русски, точно такъ, какъ напечатано въ нашемъ потребникѣ, на другомъ-же наложѣ положенъ для священника раскрытый номоканонъ. Митрополитъ, стоя предъ царскими дверьми, началъ *седелласно, русскимъ языкомъ*, проклинать всѣ ереси (поелику онъ имѣетъ способность (?) говорить по-славянски и кромѣ греческихъ литеръ; хотя босанское нарѣчіе есть самое сербское нарѣчіе, но почти во всѣхъ существенныхъ словахъ единогласуетъ съ рускими словами¹⁾). По прокля-

1) Вотъ единственное извѣстіе, что будтобы Амвросій „имѣлъ способность говорить по-славянски и кромѣ греческихъ литеръ“; но извѣстіе это, какъ и все примѣчаніе, Павелъ внесъ въ *Соборное дѣланіе* собтвенно для успокоенія старообрядцевъ, такъ какъ для нихъ совершенное незнакомство Амвросія съ славянскимъ языкомъ и славянскою грамотою могло служить немалымъ соблазномъ и поводомъ къ разнаго рода недоумѣніямъ. А что Амвросій на самомъ дѣлѣ не умѣлъ говорить по-славянски, на это самъ Павелъ здѣсь же представилъ доказательство, сказавши, что чинъ проклятія ересей былъ для Амвросія „переведенъ на греческія литеры“, чего, разумѣется, совсѣмъ бы не потребовалось, еслибы Амвросій дѣйствительно умѣлъ „говорить по-славянски и кромѣ греческихъ литеръ“.

тии ересей принялъ себѣ во отца духовнаго нашего священноинокъ Иеронима, *исповѣдавшись ему во святомъ алтарѣ, выполняя и прочее все, какъ есть законоположено во второмъ чинѣ*¹⁾). Омончивши-же *должнымъ порядкомъ* принятіе, священникъ отверзъ царскія двери, возгласилъ къ народу пристойное поздравленіе, объявляя достоинство митрополита.⁴

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ этомъ описаніи инокъ Павелъ, говоря о самомъ важномъ дѣйствіи совершеннаго надъ Амвросіемъ чинопріятія, употребилъ общее выраженіе: „выполняя и прочее все, какъ есть законоположено во второмъ чинѣ“, а не сказалъ прямо что Иеронимъ, исповѣдавъ Амвросія, помазалъ его, какъ есть законоположено во второмъ чинѣ, священнымъ муромъ. Павелъ, очевидно, съ намѣреніемъ избѣгалъ этого выраженія; онъ какъ будто совѣстился назвать освященнымъ муромъ то, что раскольники святотатственно выдавали за муро, и не имѣлъ духа упомянуть о помазаніи, которое совершилъ надъ Амвросіемъ Иеронимъ. Съ такою-же осторожностію и краткостію выразился Павелъ и объ исповѣди господина митрополита во святомъ алтарѣ. Правда, въ тотъ-же самый день инокъ Павелъ предложилъ Иерониму подписать заранѣе приготовленное *Свидѣтельство о достоинствахъ Амвросія*, гдѣ объ этой исповѣди говорится пространно: „къ торжественному принятію его высокопреосвященства опредѣленъ былъ особенно нареченный *сей день*, въ который собрались всѣ общества окружныхъ мѣстъ и даже изъ-за границы нарочно присланные три депутата.... въ святую Бѣлокриницкую обитель, въ храмъ Пресвятыя Владычицы нашея и Приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея окрова, гдѣ присту-

1) Въ напечатанномъ у игумена Пареевѣ *Соборномъ дьяніи* это мѣсто читается иначе, именно такъ: „по проклятіи ересей, *митрополитъ* принялъ себѣ во отца духовнаго священноинокъ Иеронима, *которому* исповѣдавшись въ алтарѣ, *былъ помазанъ отъ священника (?) святымъ муромъ* (Кн. о Пром., стр. 74). Но списокъ *Дьянія*, которымъ мы пользуемся, какъ писанный въ Бѣлой-Криницѣ и принадлежащій одному изъ лицъ присутствовавшихъ на соборѣ и принимавшихъ ближайшее участіе во всѣхъ бѣлокриницкихъ событіяхъ того времени, очевидно, слѣдуетъ предпочесть напечатанному въ *Книжѣ о промыслѣ*, который вообще большою исправностію не отличается.

пилъ я къ исповѣди его высокопреосвященства, по правиламъ святыхъ Апостолъ и богоносныхъ отецъ, представивъ ему съ великою важностію высокій его чинъ и о паствѣ неотложную его должность, даже и самую будущую смерть, судъ, муку грѣшныхъ и возданіе праведнымъ, и *испытавъ тщательно глубины сердца его, обрлъ его во всемъ по желанію нашему достойна*, и его высокопреосвященство съ сокрушеннымъ сердцемъ и въ страхъ Божіи истинно исповѣдалъ всю сущность православныя христіянскія вѣры“ и пр. ¹⁾ Такъ разглагольствовалъ Павелъ о исповѣди Амвросія, говоря отъ имени Іеронима; но въ *Соборномъ дѣланіи* онъ выразился объ ней, какъ мы видѣли, очень осторожно, — не упомянулъ „о тщательномъ испытаніи глубинъ амвросіева сердца“ и о прочемъ, понимая, конечно, какъ неудобно говорить объ этомъ, когда есть основаніе усомниться даже въ возможности самой исповѣди Амвросія предъ Іеронимомъ. Какъ могъ и въ самомъ дѣлѣ Амвросій, ни слова не знавшій по-русски, исповѣдываться у Іеронима, ни слова не знавшаго по-гречески? Какая могла быть исповѣдь между двумя лицами, непонимавшими другъ друга? На этотъ именно вопросъ: какъ Амвросій исповѣдывался Іерониму? одинъ изъ ближайшихъ участниковъ всего происходившаго тогда въ Вѣлой-Криницѣ далъ слѣдующій откровенный отвѣтъ: „затворились они оба въ алтарѣ на *нѣсколько минутъ*, уповательно — *посмотрѣли другъ на друга*, — тѣмъ и кончилась исповѣдь!“ ²⁾ Вообще, все это дѣйствіе амвросіева чинопріятія, которому старообрядцы усвояютъ величайшее значеніе, каковое и должно принадлежать ему

¹⁾ Подлинное, собственноручно писанное Павломъ и только подписанное Іеронимомъ свидѣтельство (*Бѣлокр. арх.*). Оно было написано и хранилось въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, какъ видно, съ тою главнымъ образомъ цѣлю, чтобы въ случаѣ надобности могло служить для всѣхъ „сумнящихся“ удостовѣреніемъ о истинномъ достоинствѣ Амвросія. На эту цѣль особенно ясно указываютъ слѣдующія слова: „его высокопреосвященство въ страхъ Божіи истинно исповѣдалъ ... и то, что онъ истинно въ три погруженія крещень (о которомъ и привеліе его изъ Царьграда монастырскіе отцы, испытавшіе дѣло въ странахъ тѣхъ потону, насъ довольно объ этомъ увѣрили).“

²⁾ Записки о. Онуфрія.

съ старообрядческой точки зрѣнія, походило скорѣе на нѣкое „комедійное дѣйство“, такъ что и самъ раскольниковый повѣствователь, вопреки своему обычаю и несоответственно важности дѣла, описалъ оное, какъ мы видѣли, въ краткихъ и общихъ выраженіяхъ, не входя въ подробности...

Но этотъ же самый повѣствователь дѣлается неистощимъ въ краснорѣчіи, когда вслѣдъ за симъ начинаетъ описывать, что происходило послѣ загадочнаго пребыванія Амвросія съ Иеронимомъ въ алтарѣ, — какъ митрополитъ „выступилъ оттуда чрезъ царскія двери во всемъ своемъ святительскомъ облаченіи“, какъ „пріемъ въ руки трикиріи и дикиріи, сталъ благословлять народъ прямо на церковь и по сторонамъ“, — и какія все это произвело впечатлѣнія: „вотъ зрѣлище трогательное и радость восхитительная всемогущимъ промысломъ Божиимъ устроися нынѣ! На что вси людие, всякаго возраста и сословія, со слезами взирали, и каждый ощущалъ въ душѣ своей истинное удовольствіе, и всякъ изъ глубины сердца своего приносилъ благодареніе Господу Богу, явившему людямъ своимъ новому Израилю милость свою попремногу. И подобно нѣчто евангельскому гласу мнози себѣ повторяли, яко воистину блажени очи наши, что мы нынѣ видимъ, яже отъ многихъ лѣтъ не видѣли отцы наши!“

Торжество чинопріятія было теперь кончено: бѣглый раскольниковый попъ призналъ и „объявилъ“ бѣлаго греческаго митрополита въ „достоинствахъ“, или, что тоже, въ санѣ раскольниковскаго архіерея, и сей послѣдній „выступилъ“ предъ народомъ, какъ признанный уже архипастырь раскольниковъ, обладающій всѣми принадлежащими ему правами, въ силу которыхъ и преподалъ своей новой паствѣ бдагословеніе—дикиріями и трикиріями, чрезъ каковое дѣйствіе, по свидѣтельству бѣлокриницкаго дѣписателя, въ неописанное умиленіе привелъ всѣ липованскія сердца.

Затѣмъ Иеронимъ отслужилъ обѣдню и по окончаніи обѣдни (повѣствуетъ тотъ же дѣписатель) „всеобщимъ соборомъ съ подобающею честію и пѣснопѣніемъ проводили митрополита до келіи его; святитель же, обращая предъ

двери вкода, благословилъ народъ и отпустилъ съ миромъ. Потомъ всѣ отцы и братія и многіе бывшіе гости приглашены были въ настоятельскія келіи на утѣшеніе и поздравленіе, по поздравленіи же въ трапезу на обѣдъ, и чѣмъ Богъ послалъ угощены, и весь день праздновали во славу Божию радостно“. ¹⁾

Въ этихъ липованскихъ празднествахъ и ликованіяхъ самъ виновникъ ихъ—митрополитъ Амвросій, какъ видно

²⁾ *Сборн. дьяніе*. Существуетъ еще одно пространное и весьма витіеватое сочиненіе, относящееся къ торжеству амвросіева чинопріятія, подъ такимъ названіемъ: „Слово, произнесенное митрополитскимъ духовникомъ, священнопопомъ Иеронимомъ, въ Бѣлкринидкомъ старобрядческомъ монастырѣ, состоящемъ въ Буковинѣ, австрійской державы, на пріяніе отъ грековъ въ нашу древлеправославную церковь его высокопреосвященства господина митрополита Амвросія, 28-го Октября 1846 года, въ понедѣльникъ“ (*Сборн. о Онуфрія*). Въ словѣ семъ, въпервыхъ, изображается высокимъ слогомъ величіе и важность совершившагося торжества для всѣхъ по всюду сущихъ старообрядцевъ, чрезъ сравненіе ихъ прежняго безъіерархическаго состоянія, бѣдственнаго и безславнаго, съ нынѣшнимъ, когда имѣютъ они своего собственнаго архипастыря („Се моя цѣль, для которой продолжалъ я слово, чтобы познать вамъ и почувствовать прежнее наше безславіе противъ величественной славы сего неоцѣннаго и святоторжественнѣйшаго дня, и соразвѣрить вамъ разнство прежняго несчастія противъ настоящаго нынѣ нечлвчнаго и рѣдкаго нашего блаженства“ и т. д.); потомъ приглашаются липоване воздать благодареніе виновникамъ настоящаго блаженства, австрійскому императору и самому Амвросію; въ заключеніе, къ этому послѣднему дѣлается слѣдующее обращеніе: „Ты же, высокопреосвященнѣйшій владыко, боговзбранный и превожделѣнный нашъ архипастырь, побѣтвйный въ дальнихъ предѣлахъ, по неостижимой судьбѣ Божіей, нищету нашу, возведи убо днесь окрестъ очи твои и видишь собранная чада твоа, съ любве полнымъ страхопочитаніемъ тебѣ окружающія, посмотри на веселіе наши взоры и на очи, точащія радостныя слезы,“ и т. д. Этого любовитнаго памятникъ старообрядческаго витійства назначался, вѣроятно, для раскольниковъ, не бывшихъ непосредственными свидѣтелями амвросіева чинопріятія, или еще вѣроятнѣе для „предбудущихъ“ старообрядческихъ родовъ, дабы пробудить и сохранить въ оныхъ вѣщнее благоговѣніе къ сему достопамятному событію; при самомъ же чинопріятіи Амвросія слова этого никто не слышалъ и тогда оно еще не было даже написано. Вотъ что сообщаетъ о немъ въ своихъ замѣткахъ внокъ Онуерій: „Сіе слово сочинилъ Огняновичъ, переводчикъ Амвросія, а отецъ Павелъ поправилъ на липованскій токъ, *спустя нѣсколько времени послѣ перемазанія*; а Иеронимъ никакого слова не говорилъ, да и не могъ говорить: онъ и печатное съ трудомъ читалъ,—былъ тупограмотенъ.“

изъ павлова расказа, не принималъ, однакоже, никакого участія; даже за торжественною монастырскою трапезой, вопреки принятому обычаю, не удостоились бѣлокриницкіе отцы и многочисленныя гости лицеарѣть и привѣтствовать поздравленіями новоявившагося владыку своего. Прямо изъ церкви Амвросій прошелъ въ свою келью, отстранивъ всякія поздравленія и всѣхъ поздравителей, и тамъ остался одинъ съ своими присными. Какія думы занимали его, какія чувства наполняли его душу во все время, пока липоване радостно праздновали его измѣну православію,—это осталось тайной его совѣсти; но мы не ошибемся, если скажемъ, что тогдашнія думы и чувства Амвросія были нерадостныя, и что къ этому, безъ сомнѣнія, времени имѣютъ ближайшее отношеніе слѣдующія примѣчательныя слова его сына: „много и много разъ мой покойный родитель бранилъ меня за это дѣло, то-есть за это липованское православіе, и сказалъ мнѣ покойникъ, что я буду наказанъ отъ Бога за это дѣло, потому что самъ онъ не хотѣлъ переходить въ липованскую ересь, еслибы я не порадовалъ липованамъ“....¹⁾ Хорошо понимая тогдашнее внутреннее состояніе Амвросія и щадя его, инокъ Павелъ съ своей стороны, конечно, и не настаивалъ на томъ, чтобы онъ участвовалъ въ липованскихъ празднествахъ; Павелъ имѣлъ и другое важное побужденіе не настаивать на этомъ: въ его расчетахъ было какъ можно меньше показывать Амвросія липованамъ, устранять его отъ всякихъ личныхъ съ ними сношеній, именно изъ опасенія соблазна, къ которому онъ такъ легко могъ подать имъ поводъ своимъ невѣдніемъ липованскихъ правилъ и обычаевъ и своимъ нескрываемымъ презрѣніемъ къ этимъ обычаямъ и правиламъ. Итакъ Амвросій своимъ присутствіемъ не украсилъ липованскаго празднества въ день его пріятія въ старо.

1) Собственноручное письмо Георгія Амиридиса отъ 29-го ноября 1864 года. Вотъ подлинныя слова его: „Много и много крата мои покойный родитель меня бранилъ за это дѣло, сиречь за это липованску православію, и сказалъ меня покойникъ, да я буду отъ Бога наказанъ за это дѣло: понеже онъ не хотѣлъ пріятить на липованску ерись, ежели я не былъ добрый за липована.“

обрядчество и торжественнаго вступленія на кафедру бѣлокриницкой митрополіи; но тѣмъ не менѣе липоване, по свидѣтельству Павла, „весь тотъ день праздновали свѣтло“. И какъ же имъ было не праздновать такой „благознаменитый“ для нихъ день, когда собственными очами они узрѣли то, чего „отъ лѣтъ многихъ не видѣли отцы и дѣды ихъ“, о чемъ и сами прежде никогда не помышляли, чего не надѣялись получить даже и въ послѣднее время, не взирая на всѣ хлопоты и подвиги бѣлокриницкихъ старцевъ, — узрѣли своего собственного, липованскаго епископа, который безпрепятственно будетъ поставлять имъ и священниковъ, и діаконовъ, — весь вообще церковной причетъ! Какой особенно былъ это праздникъ для главныхъ дѣятелей по учрежденію архіерейской кафедры въ Бѣлой-Криницѣ, — для Павла, Геронтія, Алимпія и прочей братіи! Теперь только могли они сказать, что шестилѣтніе неутомимые труды, такъ ловко и хитро веденные, не пропали даромъ, — что долгая, неустанная борьба съ разнаго рода опасностями и препятствіями увѣнчалась вождедѣльнымъ успѣхомъ, ближайшая цѣль, къ которой они стремились и достиженіе которой было особенно важно и трудно, наконецъ достигнута... Вообще, день этотъ, 28-е октября 1846 года, съ котораго ведетъ свое начало нынѣ существующая у старообрядцевъ іерархія, когда послѣдовало событіе составляющее эпоху въ исторіи раскола, долженъ быть отмѣченъ въ лѣтописяхъ старообрядчества, какъ одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ.

IX.

Первый бѣлокриницкій митрополитъ, возведенный въ это званіе посредствомъ чинопріятія отъ ереси, былъ нуженъ и дорогъ старообрядцамъ не столько самъ по себѣ, еще меньше по какимъ-либо своимъ собственнымъ личнымъ достоинствамъ, еслибы таковыя въ немъ обрѣтались, сколько по своему значенію для возстановленія у нихъ такъ называемого „древлеправославнаго священства,“ — былъ нуженъ и дорогъ, какъ первоначальникъ и насадитель раскольнической іерархіи, какъ лицо, по ихъ мнѣнію, имущее власть поставять другихъ во всѣ священныя степени и поставленіемъ новаго епископа могущее обезпечить у раскольниковъ дальнѣйшее существованіе священства въ полномъ, трехчинномъ его устройствѣ. Не въ томъ состояла послѣдняя, конечная цѣль учредителей іерархіи, чтобы найти и приобрести епископа, а въ томъ, чтобы при посредствѣ этого перваго епископа имѣть возможность получить другаго уже изъ „своихъ христіанъ,“ изъ настоящихъ старообрядцевъ, не подлежащаго чинопріятію, и такимъ образомъ существованіе іерархіи твердо упрочить на будущее время. Эту цѣль учредители іерархіи преслѣдовали постоянно и неуклонно. При самомъ началѣ дѣла объ архіерейской каеедрѣ у буковинскихъ липованъ, въ важнѣйшихъ относящихся къ этому дѣлу документахъ — въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря*, въ разныхъ прошеніяхъ и промеморіяхъ, поданныхъ австрійскому правительству, какъ мы видѣли, непремѣннымъ условіемъ учрежденія каеедры они поставляли то, чтобы дарованный липованамъ епископъ не-

медленно посвятилъ другого епископа въ званіи своего на-
мѣстника; при заключеніи формальныхъ условій съ Амвро-
сіемъ они также самымъ главнымъ съ его стороны обяза-
тельствомъ поставили, чтобы онъ „по прибытіи въ Бѣло-
криницкій монастырь, учиня церковное присоединеніе, не-
отлагательно поставилъ въ намѣстники себѣ другого архи-
ерея;“ испросивъ у правительства дозволеніе Амвросію от-
правиться изъ Вѣны въ Бѣлую-Креницу до полученія надле-
жащихъ о немъ справокъ дипломатическимъ путемъ и доутвер-
жденія его въ австрійскомъ подданствѣ, они опять-таки поза-
ботились, чтобы Амвросію при этомъ дано было право совер-
шать у липованъ всѣ архіерейскія дѣйствія и слѣдовательно
поставить епископа въ намѣстники себѣ. Понятно, что
теперь, по исполненіи „надлежащаго чинопріятія“ надъ
Амвросіемъ, первою и главною ихъ заботою было устроить
избраніе и поставленіе новаго липованскаго епископа и
вмѣстѣ намѣстника бѣлокриницкой митрополіи.

Прежде этого однакоже признано было необходимымъ учи-
нить посвященіе нѣкоторыхъ лицъ на нисшія священныя
степени — въ діаконы и священники, ибо тѣ и другіе были
необходимы для архіерейскаго служенія, особенно же для
столь торжественнаго, какъ предстоявшее рукоположеніе
новаго епископа.

На избраніе перваго ставленника, котораго долженъ былъ
посвятить Амвросій, въ Бѣлой-Креницѣ обратили особен-
ное вниманіе: Павлу и Геронтію желательно было, чтобы
эта честь досталась человѣку достойному. Конечно, всего
лучше и пріятнѣе было бы предоставить честь сію кому-
либо изъ самихъ бѣлокриницкихъ властей; но по нѣкото-
рымъ соображеніямъ найдено это неудобнымъ. А что ка-
сается Павла и Алимпія, которые ради понесенныхъ ими
трудовъ и подвиговъ имѣли наибольшее право на получе-
ніе всякихъ преимуществъ и почестей, то они еще пред-
варительно условились между собою не вступать ни на
какую священную степень, дабы не возбудить подозрѣнія,
что будтобы столько всякихъ стараній и хлопотъ объ
учрежденіи старообрядческой архіерейской каеэдры они
употребили по своимъ личнымъ расчетамъ, ради по-

лученія сановъ и съ ними соединенныхъ почестей и выгодъ. Приходилось такимъ образомъ выбирать ставленника изъ рядовой братіи, — и избраніе пало на инова Евфоросина.¹⁾ Поставленіе его въ діаконы назначено было произвести 30-го октября, черезъ день по совершеніи чинопріятія надъ Амвросіемъ. Наканунъ священноинокъ Іеронимъ исповѣдалъ Евфоросина и далъ письменное свидѣтельство, что по испытаніи глубинъ его сердца нашелъ его къ воспріятію сана достойнымъ.²⁾ Ради ефоросинова поставленія Амвросій служилъ свою первую литургію въ Бѣлой-Криницѣ, какъ раскольнической архіерей, — и, разумѣется, въ высшей степени странное зрѣлище представляла эта архіерейская служба безъ дьякона, съ однимъ только священникомъ, отправленная митрополитомъ — грекомъ при липованскомъ пѣніи и съ липованскими обрядами... Но развѣ только

1) Это былъ, разумѣется, русскій выходецъ, одинъ изъ инокъ Лаврентьева монастыря. Въ *Памятникъ промыс. дѣлъ*, подъ № 2, записано: „Сей инокъ Евросинъ есть первый самый поставленный во священнослужители, и изъ числа пяти персонъ избралъ его промыслъ Божій жребіемъ во діакона, въ церкви, на соборномъ богомоленіи“. Избраніе перваго липованскаго ставленника посредствомъ жребія инокъ Павелъ придумалъ здѣсь вѣроятно ради назиданія „предбудущихъ“ старообрядческихъ родовъ, во свидѣтельство имъ, что якобы всѣ важнѣйшія дѣйствія производились тогда въ Бѣлой-Криницѣ по указанію „Божія промысла“; на самомъ же дѣлѣ, какъ свидѣтельствуется инокъ Онуферій, избраніе Евфоросина происходило вовсе не по жребію.

2) Со времени поставленія Евфоросина въ Бѣлой-Криницѣ принята въ постоянное употребленіе, при поставленіи каждаго и на каждую священную степень, отъ діакона и до епископа, слѣдующая форма „свидѣтельства“, выдаваемого ставленнику духовникомъ: „Иже божественная добръ устроивше проповѣдницы Апостолы и словіе святыхъ отецъ, апостольскими и соборными канонами повелѣвають, чтобы всѣ, къ великому священства достоинству приступающіи, имѣли житіе непорочно и исповѣдались прежде духовному своему отцу и свидѣствовались отъ него. Тѣмъ же и приде по Духу Святому сынъ мой (имя рекъ), который предъизбранъ (во діакона . . во священника . . . во епископа . . .), его же и поставихъ предъ образомъ Господа нашего Ісуса Христа, напомнивъ судъ и муку, и испытавъ глубины сердца его не нашелъ ничего, отлучающаго его такового сана, о чемъ и свидѣтельствую его достойна по самому его исповѣданію“ (Такихъ свидѣтельствъ, выданныхъ разнымъ лицамъ, имѣется нѣсколько въ *Блаж. архивѣ*).

инокъ Павелъ съ Геронтіемъ, да еще немногіе, выдавшіе въ Россіи благолѣпіе православныхъ архіерейскихъ служеній, могли смутиться его странностію и недостатками; для большинства же присутствовавшихъ старообрядцевъ это первое служеніе ихъ собственнаго архіерея было зрѣлищемъ даже умилительнымъ, и только однимъ сильно смутились липованскія сердца, — именно тѣмъ, что Амвросій, поставляя Евфросина въ иподіаконы, прочелъ положенныя при этомъ молитвы погречески. Инокъ Павелъ немедленно принялъ мѣры къ устраненію на будущее время подобныхъ поводовъ къ соблазну липованъ, — упросилъ Амвросія вслухъ не читать погречески въ церкви ничего. Теперь, послѣ перваго ставленника, найдено было удобнымъ произвести въ первыя священныя степени и самого бѣлокриницкаго настоятеля инока Геронтія. Въ ближайшій воскресный день (3-го ноября), при второмъ, уже болѣе чинномъ и благолѣпномъ служеніи, Геронтій былъ поставленъ Амвросіемъ въ діаконы,¹⁾ а 8-го числа, въ праздникъ Архистратига Михаила, во священники.²⁾

Между тѣмъ шли совѣщанія о кандидатахъ въ званіе епископа — намѣстника митрополіи. За отказомъ Павла и Алимція проходить священныя степени, первымъ кандидатомъ безъ всякаго прекословія общесоборіѣ назначенъ былъ Геронтій, котораго инокъ Павелъ именно прочилъ въ намѣстники, съ надеждою скоро увидѣть его и дѣйствительнымъ митрополитомъ бѣлокриницкимъ, что было горячимъ

1) *Памятникъ происх. дѣль*, подъ № 3. И самъ Геронтій въ своемъ *Памятникѣ* пишетъ: „также по необходимой должности и по убѣжденію братской просьбы, ноября 3-го дня, настоятеля во единъ день на двѣ степени — на девятомъ часѣ иподіакона, а за литургіею іеродіакона, рукоположилъ“ (митрополитъ).

2) Это число показано самимъ Геронтіемъ при допросахъ въ Петербургѣ, въ Ш отдѣленіи собств. Е. И. В. канцеляріи (*Чт. общ. ист. и др.* 1871, кн. IV, отд. V, стр. 148); въ своемъ *Памятникѣ* онъ также пишетъ, что „въ священноиноческое пресвитерство“ хиротонисанъ 8 ноября „на праздникъ св. Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ собора“. Но у Павла, въ *Памятникѣ происход. дѣль*, подъ № 4, какъ видно по ошибкѣ, поставленіе Геронтія во священники отнесено не къ 8, а къ 13 числу ноября.

желаніемъ и самого Геронтія; другимъ достойнѣйшимъ въ это званіе лицомъ изъ монастырскаго братства признанъ казначей — инокъ Нифонтъ:¹⁾ при ихъ назначеніи, кромѣ нравственныхъ качествъ, было принято во вниманіе и то обстоятельство, что оба они офиціально числились природными липованами и слѣдовательно никакихъ затрудненій со стороны правительства къ признанію ихъ въ епископскомъ и намѣстническомъ званіи встрѣтиться не могло. О злосчастномъ Іеронимѣ, котораго недавно увѣрили такъ рѣшительно, что онъ будетъ намѣстникомъ Амвросія, разумѣется, не было и рѣчи при этомъ избраніи кандидатовъ на намѣстничество. Слѣдовало по общепринятому правилу (Кормч. гл. 42, л. 318) назначить еще третьяго кандидата, — и объ немъ-то главнымъ образомъ происходили разсужденія у бѣлокриницкихъ властей. Нашелся бы конечно и третій кандидатъ изъ монастырскаго братства; но Павелъ и Геронтій опасались, какъ бы назначеніемъ кандидатовъ на архіерейство только изъ своей монастырской братіи, притомъ же все изъ русскихъ выходцевъ, не возбудить неудовольствія въ липованскомъ обществѣ, не вызвать подозрѣнія, что будто и все дѣло объ учрежденіи архіерейской кафедры въ Бѣлой-Криницѣ они затѣяли въ своихъ личныхъ видахъ и интересахъ. Поэтому рѣшились, послѣ немалыхъ колебаній, допустить и липованъ къ участию въ выборѣ намѣстника, — именно предоставить имъ назначеніе третьяго кандидата изъ своей собственной среды. 10-го ноября, въ воскресенье, приглашены были въ монастырь почетнѣйшія лица изъ бѣлокриницкаго и климоуцкаго сельскихъ обществъ. Въ монастырской трапезѣ имъ предложено было угощеніе, по липованскому обычаю, и затѣмъ инокъ Павелъ объяснилъ имъ, что согласно извѣстнымъ пунктамъ

1) Онъ былъ русскій же выходецъ и собственное имя его было Дороей: такъ его и звали обыкновенно (*Пользка за мѣромъ, Русск. Вѣст.* т. I. стр. 68, прим.), такъ и самъ онъ подписывался въ неофиціальныхъ бумагахъ (какъ наприм. въ извѣстномъ письмѣ о поставленіи Кирилла); а подъ именемъ Нифонта онъ записанъ былъ въ конскрипціи, — это было липованское, или офиціальное его имя.

монастырскаго *Устава* и высочайшему императорскому указу отъ 6-го (18-го) сентября 1844 года, надлежитъ позаботиться о поставленіи намѣстника богодарованному митрополиту, избрать достойныхъ въ сіе званіе кандидатовъ; что изъ монастырскаго братіи по общесоборному избранію, предназначены для сего всечестные отцы — священноинокъ Геронтій, настоятель обители, и казначей — инокъ Нифонтъ; что требуется избрать еще одного кандидата, и монастырское братство пригласило ихъ, какъ представителей главныхъ старообрядческихъ обществъ въ Буковинѣ, чтобы предложить, не угодно-ли имъ будетъ избрать третьяго кандидата изъ своей собственной среды. Предположеніе это было, разумѣется, очень лестно для липованскихъ стариковъ; и, не раздумывая долго, они общимъ голосомъ рѣшили, что къ этому дѣлу всего пригоднѣе ихъ старый дьякъ, бывший столько лѣтъ настоятелемъ приходской бѣлокриницкой церкви, Киприанъ Тимоѣевъ, — ему же, говорили, какъ человѣку вдовому и иночество принять никакого не предстоитъ затрудненія. Для Киприана все это было неожиданностью: онъ смутился; началъ просить увольненія, — отговаривался и своимъ недостойнствомъ принять высокой епископскій санъ и еще больше тѣмъ, что обязанъ попеченіями и заботами о своемъ немаломъ семействѣ... Павелъ и Геронтій съ братіей не ожидали ничего хорошаго для будущности митрополии отъ такого кандидата на намѣстничество, каковъ былъ старый бѣлокриницкій дьякъ, выросшій и загрузѣвшій въ липованскомъ невѣжествѣ; но, будучи поставлены въ необходимость подчиниться какому бы то ни было избранію со стороны липованъ, къ тому же зная, что трудно отыскать между липованами и человѣка, которому можно было бы отдать рѣшительное предпочтеніе предъ Киприаномъ Тимоѣевымъ, а больше всего питаюсь надеждою, что окончательный выборъ падеть не на липованскаго кандидата, они почти нужнымъ предложить Киприану и съ своей стороны убѣжденія, чтобы не противился общественному избранію, говорили ему въ успокоеніе и то, чѣмъ утѣшали самихъ себя, то есть — что избраніе это еще не окончательное, что санъ и подвигъ епископства

быть может достанутся кому-либо из двух других предъизбранных кандидатов. Киприанъ согласился. ¹⁾

Окончательное избраніе перваго въ строгомъ смыслѣ раскольническаго епископа изъ числа предназначенныхъ трехъ кандидатовъ, какъ дѣло величайшей важности, бѣнокриницкія власти заблаговременно рѣшили произвести посредствомъ жребія, что значило, по мнѣнію Павла, предоставить дѣло сіе „указанію Божіа промысла“. Въ тотъ же день 30-го ноября, какъ только получено было отъ Кипріана Тимоеева согласіе — быть избираемымъ въ званіе намѣстника, Павелъ въ присутствіи всего собранія написалъ на трехъ равной величины билетахъ имена каждого изъ кандидатовъ въ отдѣльности и затѣмъ всѣ приглашены были въ церковь

1) Это общественное избраніе Кипріана Тимоеева въ кандидаты на епископство было впоследствии облечено въ форму законнаго письменнаго акта, который и помѣченъ тѣмъ самымъ числомъ, 10-го ноября, когда происходило избраніе. Въ актѣ этомъ, имѣющемъ значеніе собственно письменнаго свидѣтельства о достоинствѣ Кипріана на полученіе епископскаго званія, исчисляются разныя похвальные качества его и заслуги для старообрядчества. Такъ говорится, что онъ „отъ самыхъ младыхъ своихъ лѣтъ даже до настоящаго сего времени велъ себя всегда честно, мирно, добродѣтельно и трезвенно, обхождалъ свое домоводство прилжно и честно строилъ, христіански и благоправно жилъ, свои три сыны и три дочери въ христіанскомъ законѣ воспиталъ и ихъ къ честному житію наставлялъ“; дальше исчисляются его труды въ званіи церковнаго настоятеля, гдѣ между прочимъ сказано, что липованъ и дѣтей ихъ онъ училъ „страху Божію, честности, добродѣтели и повинновенію къ своему государю и царю“ (Это исчисленіе качествъ и подвиговъ Кипріана, съ нѣкоторыми сокращеніями, какъ увидимъ, внесено было въ проектъ ставленной грамоты Кирилла). Актъ сей, написанный въ два столбца на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, препровожденъ былъ для засвидѣтельствованія и утвержденія въ мѣстный мандаторіатъ: „мы сіе на истиннѣ основанное свидѣтельство собственноручными своими подписями подписавше, просимъ и славный камеральный мандаторіатъ, какъ-то нашъ доминиумъ, чтобъ таковое подтвердить благоизволилъ“. Въ *Бѣнокр. арх.* находится черновой списокъ этого документа, писанный Огняновичемъ, который, вѣроятно, и составлялъ и переводилъ его. Въ концѣ рукою Павла приписано: „На подлинномъ подписались: священноинокъ Геронимъ и многіе бѣнокриницкой громады старики и прочіе жители, а дворникъ Фодоръ Петровъ засвидѣтельствовалъ съ приложеніемъ казенной сельской печати. И мандаторъ г-нъ Лачинскій съ приложеніемъ думенальной печати все то удостоверилъ“.

на торжественное богомоленіе. Скоро явился туда и Амвросій, покорно подчинявшійся все это время распоряженіямъ Павла. Амвросій сталъ на архіерейское мѣсто, облекся въ мантию и омофоръ, принялъ отъ Павла жребіи съ именами предъизбранныхъ кандидатовъ, свернулъ ихъ всѣ одинаковымъ образомъ, положилъ на блюдо, перемѣшалъ, накрылъ пеленою и поставилъ блюдо въ алтарь на престолѣ. Іеронимъ съ іеродіакономъ Евфросиномъ, принявъ благословеніе у Амвросія, начали при отверстныхъ царскихъ дверяхъ молебствіе Покрову Пресвятыя Богородицы и, разумѣется, святителю Чудотворцу-Николѣ. По окончаніи молебствія Амвросій вошелъ царскими дверями въ алтарь къ престолу, вынулъ, не снимая пелены, одинъ изъ положенныхъ на блюдо жребіевъ и передалъ іеродіакону Евфросину — прочесть во всеуслышаніе начертанное на ономъ имя избранника. Евфросинъ громогласно провозгласилъ: „Божіею милостію избирается во епископы Кипріанъ Тимоѣевъ“. Послѣдовало общее смущеніе. Геронтій, не только желавшій, но почему-то и сильно рассчитывавшій сдѣлаться намѣстникомъ Амвросія, не могъ даже скрыть своего огорченія. Не меньше другихъ пораженъ былъ и самъ Кипріанъ Тимоѣевъ, никогда не помышлявшій дотолѣ о епископствѣ. Но „избранію Божіа промысла“ всѣ должны были безпрекословно покориться.¹⁾ Не знаемъ, какія „судь-

1) Въ *Памятникъ происх. дѣлъ* сказано, что Кипріанъ Тимоѣевъ „предварительно изволеніемъ г-на митрополита и прочимъ духовенствомъ на соборѣ принять въ выборъ епископа въ число трехъ персонъ — монастырскаго настоятеля Геронтія и казначея инока Дороея, яко тридцатилѣтній настоятель сельской церкви, воего *промыслъ Божій избралъ жребіемъ* во епископа“ (№ 11). Прочія изложенныя нами подробности о кипріановомъ избраніи въ намѣстники замѣтнованы изъ записокъ и разсказовъ отца Онуферія и отца Филарета. Иначе передается вся эта исторія въ нѣкоторыхъ печатныхъ разсказахъ. Такъ въ извѣстной „Повѣсти Платона Аванациевича“ повѣствуется, будто Кипріанъ Тимоѣевъ былъ злымъ противникомъ Амвросія и самъ будтобы Амвросій, желая расположить его въ свою пользу, настоялъ на томъ, чтобы его внесли въ число кандидатовъ на архіерейство, а потомъ „хитрою рукою“ взялъ именно кипріановъ жребій. Далѣе слѣдуетъ цѣлая неприличная сказка о томъ, какъ будтобы Кипріана силою повели въ монастырь и какъ онъ со всей своей семьей,

бы промысла Божія“ усматривалъ иннокъ Павелъ въ этомъ неожиданномъ избраніи амвросіева намѣстника; но если можно дѣйствительно находить здѣсь пути провидѣнія, такъ именно въ томъ, что вопреки желанію ревнителей незаконнаго дѣла жребій достался человѣку, наименѣе способному устроить и упрочить процвѣтаніе новой раскольнической іерархіи, имѣвшему напротивъ всѣ задатки, чтобы помочь ей обнаружить свою внутреннюю несостоятельность, возбудить тѣ нескончаемыя распри и раздоры, которыми она поядается нынѣ и изъ которыхъ напрасно ищетъ выхода.

вооруженной дреколіемъ, ухватами и помелами, отбивался отъ народа и даже въ церкви въ лицо ругалъ Амвросія, пока не узналъ о назначеніи своемъ въ епископы, послѣ чего „въ одно мгновеніе превратился въ агнца кроткаго“, и проч. (Сбор. Н. Попова, ч. 1, стр. 25—29). Со словъ этой странной „Повѣсти“, тоже самое передаетъ игумень Пареевій въ своей „Книгѣ о промыслѣ“, исключивъ только сказку о процессіи съ дреколіями, но прибавивъ съ своей стороны, что Амвросій будто бы всячески противился и долго не соглашался поставить кого бы то ни было въ епископы (стр. 120—121). Подобный же рассказъ находимъ въ составленной г. Липранди въ 1847 году оициальной „запискѣ къ всеподданнѣйшему докладу шеа жандармовъ“. Здѣсь говорится, что „Кипріанъ былъ предложенъ въ кандидаты *единственно по усиленному личному настоянію митрополита*, а какъ самъ же митрополитъ клалъ на престолъ и бралъ съ него жребій, то первенство, доставшееся Кипріану, *едва ли было дѣломъ одного случая*, ибо митрополиту во всѣхъ отношеніяхъ выгоды и безопасности имѣть себѣ помощника и объявленнаго преемника, въ простомъ мужикѣ, чѣмъ въ такомъ человѣкѣ, каковъ былъ Геронтій, или казначей—клевреть Геронтія“ (Чт. общ. ист. и др. 1871, кн. IV, отд. V, стр. 161). Въ рассказахъ Авандаковича и игумена Пареевія вымыселъ очевиденъ; но г. Липранди, надобно полагать, писалъ на основаніи какихъ-нибудь донесеній и имѣлъ секретнымъ способомъ добытыхъ свѣдѣній,—и тѣмъ не менѣе однакоже переданными имъ извѣстія, будто Кипріанъ выбранъ *единственно по настоянію Амвросія* и этотъ послѣдній не случайно, а съ намѣреніемъ, по своимъ личнымъ расчетамъ, взялъ именно кипріановъ жребій, не могутъ быть признаны достоверными, такъ какъ не подтверждаются свѣдѣтельствомъ людей, близко знающихъ весь ходъ дѣла о избраніи Кипріана, да и самому положенію Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ не соотвѣтствуютъ: Амвросій не имѣлъ ни цѣли, ни возможности агитировать въ пользу кого-либо изъ бѣлокриницкихъ липованъ и въ то время едва ли даже близко зналъ кого-нибудь изъ нихъ; при томъ же, не умѣя читать писаннаго порусски, какъ могъ бы онъ отличить жребій Кипріана отъ двухъ остальныхъ, если бы даже рассматривалъ ихъ передъ тѣмъ, какъ класть на престолъ?

Посвященіе „богослужащаго“ намістника пришлось по необходимости отложить на нѣкоторое время, такъ какъ нужно было предварительно постричь Кипріяна въ иноки и подвергнуть обязательному у старообрядцевъ для всякаго новопостриженнаго шестинедѣльному безвыходному пребыванію въ келии. Постриженіе Кипріяна Тимоеева въ иноки происходило 16 ноября: при этомъ получилъ онъ имя Кирилла.¹⁾ День постриженія, очевидно, былъ выбранъ такъ, чтобы срокъ безвыходнаго келейнаго пребыванія могъ кончиться для Кирилла къ празднику Рождества Христова, съ котораго предполагалось начать возведеніе его въ священныя степени. Когда Кирилла, привыкшаго къ жизни семейной, немедленно по постриженіи отвели въ келью, онъ едва въ силахъ былъ вынести это одиночное келейное заключеніе, длившееся цѣлыхъ шесть недѣль. Въ тоскѣ по дѣтяхъ, какъ самъ признавался впоследствии, ему даже приходило на мысль тайнымъ образомъ „утечь“ изъ монастыря, чтобы только повидаться съ домашними, и большаго труда ему стоило преодолѣть это искушеніе.²⁾

Между тѣмъ, пока новопостриженный инокъ Кириллъ находился въ затворѣ, Амвросій успѣлъ посвятить для Бѣлокриницкаго монастыря еще нѣсколько ставленниковъ. Это признано было нужнымъ для того особенно, чтобы ко времени кириллова рукоположенія въ епископы приготовить достаточное количество священныхъ лицъ, которые могли бы участвовать въ этомъ торжественномъ служеніи, а также

1) *Памят. происл. дѣль*, подъ № 9.

2) Такъ рассказывалъ самъ Кириллъ о Филарету, со словъ котораго мы и привели это извѣстіе, не представляющее никакихъ основаній сомнѣваться въ его достоверности. О томъ же обстоятельствѣ упоминаетъ г. Липранди въ своей запискѣ, но вотъ въ такомъ извращенномъ видѣ: „этотъ раскольническаго произведенія архіерей (Кириллъ), дотогѣ не только не участвовавшій въ замыслахъ и проискахъ раскольниковъ по предмету епископства, но и *востойно противившійся имъ и вовсе не признававшій найденнаго митрополита*, тутъ былъ до того пораженъ такимъ внезапнымъ, чудовищнымъ (?) возвышеніемъ изъ простыхъ мужиковъ, что *едва не ринулся въ умиль и передъ самымъ посвященіемъ въ архіерея чуть было ночью не убѣжалъ изъ монастыря, такъ что принуждены были окружить его обительною стражею.*“ (*Чт. общ. ист. и др.* 1871, IV, отд. V, стр. 161—162).

и Амвросій чтобы приучился къ тому времени посправнѣе служить съ тѣми особенностями, какихъ требовали отъ него въ Бѣлой-Криницѣ. 22-го ноября поставленъ въ диаконы инокъ Іоасафъ;¹⁾ 24-го іеродіаконъ Еввросинъ рукоположенъ во священники и въ тотъ же день инокъ Арсеній—въ диаконы;²⁾ а 6-го декабря, въ день нарочито празднуемый Павломъ, этотъ послѣдній имѣлъ утѣшеніе видѣть друга, сотрудника и евангельскаго отца своего священноинюка Геронтія произведеннымъ во архимандриты: это сдѣлано было якобы „по желанію всего монастырскаго обществства,³⁾ и главнымъ образомъ въ утѣшеніе Геронтію за понесенную имъ неудачу при избраніи на епископство. Такимъ образомъ, къ празднику Рождества Христова, когда предназначено было поставленіе Кирилла въ первую священную степень, Амвросій уже имѣлъ при себѣ немало-численный „освященный соборъ“: архимандрита, двухъ священноинюковъ и двухъ іеродіаконовъ.

Будущій намѣстникъ бѣлокриницкой митрополіи, вопреки соборнымъ правиламъ (сардик. соб. пр. 11, Кормч. л. 112; первовторого соб. пр. 17, Кормч. л. 221. об.), быстро проведенъ былъ по всѣмъ священнымъ степенямъ: 25-го декабря поставленъ въ иподіаконы и диаконы, 1-го января 1847 года — въ священники, а на 6-е число тогоже мѣсяца назначено было и поставленіе въ епископы, „на паству, идѣже господинъ митрополитъ опредѣлитъ изволитъ“. Приготовленія къ этому дню дѣлались большія — и по церковной части, и по внѣшней, мірской. Геронтій и Павелъ съ старшей

1) *Памят. происх. дѣль*, подъ № 5. Здѣсь между прочимъ замѣчено, что Іоасафъ „поступилъ (т. е. постриженъ) въ иноки Бѣлокриницкаго монастыря 30-го октября сего года.“ Значитъ шестинедѣльнаго пребыванія въ кеѣи послѣ постриженія онъ не выполнялъ и такимъ образомъ для него сдѣлано отступленіе отъ правила. Іоасафъ былъ, разумѣется, русскій выходецъ, — гуслякъ, изъ села Запоторья (*Русск. Вѣст.* т. L., стр. 63, прим.).

2) *Памят. происх. дѣль*, №№ 6 и 7. Для Арсенія также сдѣлано исключеніе: онъ постриженъ даже очень незадолго до посвященія, именно 15-го ноября. Арсеній былъ родомъ изъ Стародубья, изъ слободы Митковской.

3) Тамъ же, № 8.

братіей весьма озабочены были тѣмъ, чтобы невиданный и небывалый въ старообрядчествѣ, притомъ весьма сложный чинъ архіерейскаго поставленія былъ исполненъ безъ замѣшательствъ, безъ нарушеній порядка, подобающаго столь важному дѣйствию: нужно было поэтому, чтобы всѣ лица, долженствовавшія участвовать въ ономъ, изучили по возможности общій порядокъ службы и свои частныя въ ней обязанности. Кроме того, по случаю праздника Богоявленія Господня, предположено было въ назиданіе и утѣшеніе не только буковинскимъ, но и повсюду сущимъ старообрядцамъ, устроить по окончаніи литургіи торжественное шествіе на освященіе воды, положенное въ тотъ день по уставу: надлежало позаботиться объ устроеніи въ полномъ чинѣ и этого благолѣпнаго дѣйствія, — приготовить іорданъ, заранѣе распредѣлить порядокъ шествія и сдѣлать другія распоряженія. А такъ какъ ради столь великихъ торжествъ, невиданныхъ и неслыханныхъ между липованами, ожидалось большое отовсюду стеченіе народа, то предстояла забота и о надлежащемъ учрежденіи посѣтителей трапезою, тѣмъ болѣе, что приглашены были и ожидались посѣтители даже высокихъ чиновъ и не липованскаго закона. Незадолго передъ симъ въ буковинскомъ крайзамтѣ было получено изъ галицко-лодомирскаго правленія официальное извѣстіе объ Амвросіѣ, что, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія по его просьбѣ о принятіи въ австрійское подданство, ему высочайше дозволено жить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и вступить въ управленіе своей должности.¹⁾ Будучи немедленно извѣщенъ объ этомъ, Амвросій, разумѣется, по совѣту бѣлокриницкихъ думныхъ людей, обратился въ крайзамтъ съ прошеніемъ, чтобы о состоявшемся высочайшемъ опредѣленіи, для его успокоенія, сообщено было и ближайшему мѣстному начальству (думеніи): чрезъ недѣлю полученъ изъ крайзамта отвѣтъ,

¹⁾ Изъ гошъ-канцеляріи декретъ за № 34.987 посланъ въ губернію, во Львовъ, 15 (3) ноября 1846 г.; а изъ губерніи предписаніе черновицкому крайзамту, за № 69.955, помѣчено 11 декабря (Копія послѣдняя въ Бѣл. архивѣ).

что просьба эта будет исполнена.¹⁾ Таким образом Амвросій вошелъ въ официальные сношенія съ мѣстными властями, какъ признанное правительствомъ одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ въ Буковинѣ. Познакомившись въ Вѣнѣ съ правилами вѣжливости, соблюдаемой сановными лицами въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, инокъ Павелъ находилъ нужнымъ, чтобы Амвросій сдѣлалъ визиты къ болѣе значительнымъ изъ областныхъ чиновъ и пригласилъ ихъ для приличнаго угощенія къ себѣ въ митрополию. Съ старообрядческой, а тѣмъ паче съ липованской точки зрѣнія-это было, правда, дѣломъ непозволительнымъ, обязанностію крайне тяжелою; но бѣлокриницкія власти считали необходимымъ исполнить эту обязанность даже не по долгу одной вѣжливости, а и въ видахъ собственной пользы, въ огражденіе себя на будущее время отъ всякихъ могущихъ встрѣтиться неприяностей; при томъ же въ отношеніи къ черновицкимъ благодѣтелямъ, которые такъ усердно помогали благополучному окончанію дѣла объ іерархіи, этого требовало и чувство признательности. День 6-го января, когда имѣли происходить такія необыкновенныя торжества въ Бѣлой-Криницѣ, представлялся самымъ удобнымъ для приглашенія въ митрополию высокоблагородныхъ гостей, — и приглашеніе, послѣ надлежащихъ визитовъ, было сдѣлано. Впослѣдствіи вотъ что писалъ объ этомъ самъ Павелъ московскимъ благотворителямъ и друзьямъ: „Съ самаго прибытія къ намъ господина богодарованнаго митрополита Амвросія облежало на нашей вѣи тягчайшее бремя, или, такъ сказать, житейскій долгъ, коего необходимо требовалъ суетный міръ: ибо невозможно вновь прибывшему столь важному лицу на мѣсто всегдашняго жительства въ сію буковинскую область не дать чести свѣтскимъ начальникамъ, подъ покровительствомъ коихъ, на правахъ привилегированныхъ, господинъ

¹⁾ Bitte ich (писалъ Амвросій) ein löbliches k. k. Kreisamt von dieser allerhöchsten Entschliessung zu meiner Beruhigung auch das Hadikfalwer Kameral-Duementum in die Kenntniss setzen zu wollen. Подлинное прошеніе Амвросія въ *Бѣлокр. архиеп.* Оно возвращено изъ крайзонта съ надписью, помѣченною 28 числомъ декабря, что особое увѣдомленіе въ думенію Гадигъ-Фальва послано будетъ.

митрополитъ и мы сами всё находимся; а и по заповѣди апостольской обязаны, гласящей такъ: *убо всмъхъ должная, емуже урокъ, урокъ, емуже данъ, данъ, а емуже страхъ, страхъ, и емуже честь, честь.* И тако, со дня на день, даже до сего времени оставались мы аки нечувствительны. Но вотъ наступило время — знаменитое рукоположеніе новаго архіерея и іорданское водоосвященіе. Въ этотъ день рѣшились мы отдать единовременный сей долгъ высокочлавному начальникамъ буковинскимъ, коихъ пріѣхать къ намъ на праздникъ за время просили¹⁾ Приглашеніе было принято съ удовольствіемъ. Черновицкій областной начальникъ и другія чиновныя лица не только сами обѣщались пріѣхать цѣлыми семействами, но просили еще позволенія привезти своихъ пріятелей и знакомыхъ, такъ что, по словамъ Павла, „дѣло сіе (посвященіе липованскаго архіерея и крестный ходъ на водосвященіе) во всю буковинскую область разгласилось, ибо для каждаго любопытно было столь важное и рѣдкое происшествіе, паче всякаго ихъ чаянія, у презрѣнныхъ за религію липованскихъ старовѣрцевъ абіе на самомъ дѣлѣ видѣть“²⁾ Итакъ разныхъ „благородныхъ“ гостей ожидалось немалое количество. Нужно было позаботиться объ ихъ помѣщеніи и о приличномъ для нихъ пиршествѣ. Рѣшились очистить и приготовить для гостей домъ за монастырской оградой, и здѣсь же предложить

1) Пис. въ Москву, отъ 15 января 1847 г. (рукоп.). Письмо это, очевидно, назначавшееся для распространенія между старообрядцами, и довольно распространенное действительно, за отсутствіемъ Геронтія, тогда уже бывшаго на пути въ Москву, подписано казначеемъ никоимъ Доросеемъ съ братіей; но сочинилъ его, какъ можно замѣтить съ первыхъ же словъ, инокъ Павелъ. Къ письму было сдѣлано приложеніе, которое, надобно полагать, назначалось уже не для всеобщаго свѣдѣнія, ибо содержитъ изложеніе обстоятельствъ, о которыхъ въ письмѣ найдено неудобнымъ говорить: „о происшедшемъ на гостиномъ дворѣ торжествѣ не вѣстимо здѣсь описывать,“—сказано въ письмѣ; а въ приложеніи описывается именно торжественное пиршество на гостиномъ дворѣ. Приведенныя въ текстъ слова заимствованы изъ этого приложенія. Письмо напечатано въ *Чт. общ. ист.* и др. (1862 г. кн. 3), но безъ приложенія; мы пользуемся принадлежащимъ тамъ полнымъ спискомъ, полученнымъ отъ покойнаго В. А. Савѣлкина.

2) Тамъ же.

имъ угощеніе, такъ какъ присутствіе „разныхъ религіи гостей“ за трапезою, вмѣстѣ съ „древлеправославными христіянами“, признано было неудобнымъ, изъ опасенія — „дабы нѣкихъ ревнителѣй симъ не соблазнить“. Запасы для угощенія ожидаемыхъ гостей были приготовлены въ великомъ изобиліи; а всѣ хлопоты по устройенію пиршества Геронтій и Павелъ, какъ люди бывалые, предоставили нарочито приглашеннымъ изъ Черновцевъ „кондитерамъ“. Къ 6-му января гостей въ Бѣлую-Кривуцу съѣхалось дѣйствительно очень много: кромѣ разныхъ чиновныхъ лицъ, было „болѣе пятидесяти человекъ благородныхъ помѣщиковъ, съ супругами и взрослыми дѣтьми“. По распоряженію областного начальника, желавшаго оказать особенное вниманіе Амвросію, была приведена изъ думенія воинская команда, для наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ при церемоніяхъ, и привезено нѣсколько пушекъ малаго калибра, чтобы стрѣлять при поставленіи епископа и при освященіи воды. Но это послѣднее намѣреніе было уже такъ противно липованскимъ обычаямъ, что инокъ Павелъ обратился къ благодѣтельному начальству съ усерднѣйшею просьбою — не производить пушечной пальбы при священнодѣйствіяхъ: „ибо (говорилъ онъ) по нашему обряду неприлично и даже грѣшно въ столь важный часъ святаго дѣйствія волновать слухи благоговѣйныхъ христіянъ пустыми звуками“.¹⁾ Просьба его, разумѣется, была уважена и пушечные выстрѣлы : назначено производить за обѣдомъ, во время тостовъ.

По свидѣтельству очевидцевъ порядокъ при поставленіи перваго липованскаго епископа, тщательно изученный предъ этимъ всеми участвующими лицами, не былъ нарушенъ никакимъ особенно выдающимся неблагоприличіемъ, хотя самъ Кириллъ, такъ быстро превращенный изъ сельскаго дьяка въ епископы, не смотря на свои златотканныя архіерейскія одежды, многимъ даже изъ зрителей липованскаго закона казался слишкомъ мало похожимъ на епископа. Правда, было одно весьма важное обстоятельство, которое должно бы, повидимому, обратить на себя вниманіе каждаго, хотя не-

1) Тамъ же.

много знакомаго съ церковными правилами, какъ рѣшительное и явное отступленіе отъ сихъ послѣднихъ: поставленіе Кирилла въ епископы совершенно однимъ только епископомъ, тогда какъ первое апостольское, а всѣдъ за нимъ и соборныя правила (перваго всел. пр. 4, Кормч. л. 34. об. кареаген. 49, Кормч. л. 136.) требуютъ, чтобы по крайней мѣрѣ три, или два епископа поставляли епископа. Но это обстоятельство инокъ Павелъ предусмотрѣлъ заранее и принялъ надлежащія мѣры, чтобы ослабить его значеніе въ глазахъ старообрядцевъ. Еще въ *Уставѣ Бѣлокрилицкаго монастыря* внесъ онъ замѣчаніе, что „по древле во святыхъ отцахъ сбывшимся примѣрамъ, *нужнаго ради случая*, незаворно можетъ и одинъ епископъ поставить другаго“¹⁾. Въ статьѣ же: *Что есть всеобдержность и что блаословный случай?* — онъ указалъ потомъ и самыя эти „во святыхъ отцахъ сбывшіяся примѣры“, когда „нужнаго ради случая“ одинъ епископъ поставлялъ епископа, — именно примѣры священномученика Автонома и блаженнаго Федиима.²⁾ Этихъ указаній, по мнѣнію Павла, было вполне достаточно для устраненія всякихъ между старообрядцами

1) Въ статьѣ: *Предметъ о водвореніи епископа*. Достоинъ примѣчанія, что въ послѣдствіи инокъ Павелъ придалъ этой статьѣ *Устава* значеніе, равносильное значенію каноническихъ правилъ, наряду съ этими послѣдними сталъ приводить ее въ доказательство правильности архіерейскаго поставленія, совершаемаго однимъ епископомъ. Такъ наприм. говоря о поставленіи въ епископы инока Онурія однимъ Кирилломъ, онъ объясняетъ, что это учинено „на основаніи староцерковнаго чиноположенія 28 и 29 заповѣди, яже въ Коржчей, во гл. 42, на л. 302 и 318, и по силѣ правилъ монастырскаго устава о святителяхъ, и древлесбывшимся святоподобіямъ“ (*Памят. проих. дѣль*, № 32).

2) См. выше. Замѣтимъ кстаті, что въ послѣдствіи инокъ Павелъ для оправданія происходившихъ у раскольниковъ поставленій епископа однимъ епископомъ, кромѣ „древлесбывшихся святоподобій“, началъ ссылаться еще на „староцерковное законоположеніе 28 и 29 заповѣди, яже въ Коржчей, во главѣ 42“ (см. предыдущее прим.). Но здѣсь уже инокъ Павелъ или совсѣмъ не понялъ подлиннаго смысла указанныхъ правилъ императора Юстиніана (что однакоже трудно предположить), или (что гораздо вѣроятнѣе) сознательно извратилъ его въ благопріятную для раскольниковъ сторону: въ приведенныхъ имъ правилахъ рѣчь идетъ о томъ, какъ производить избраніе епископа, а вовсе не о *поставленіи*.

сомнѣній относительно законности архіерейскаго поставленія, совершаемаго нужды ради и однимъ епископомъ, тѣмъ болѣе, что старообрядцы и въ прежнее время не показывали въ отношеніи къ этому обстоятельству той крайней притязательности насчетъ соблюденія самомалтѣйшихъ, даже не каноническаго, достоинства, правилъ, какою вообще отличаются и любятъ хвалиться предъ православными. И дѣйствительно, старообрядцы, какъ заграничныя, такъ и русскіе, ни относительно поставленія Кирилла однимъ только Амвросіемъ, ни даже относительно многихъ подобныхъ же поставленій, происходившихъ впоследствии, когда у нихъ имѣлось уже поцѣскольку епископовъ, нисколько не смущались такимъ явнымъ отступленіемъ отъ основныхъ церковныхъ правилъ.

Достойны замѣчанія еще слѣдующія два обстоятельства, относящіяся къ поставленію Кирилла въ епископы:

1) Когда происходило избраніе намѣстника изъ трехъ предназначенныхъ кандидатовъ, тогда еще не было рѣшено, или по крайней мѣрѣ объявлено, на епископію какого града, на какую упразднившуюся, или вновь открываемую епископскую кафедру онъ избирается, а было сказано объ этомъ въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ: „избирается въ епископа, господину митрополиту Амвросію намѣстникомъ, на паству, идѣже г-нъ митрополитъ опредѣлитъ изволитъ.“¹⁾ Но при нареченіи и поставленіи Кирилла уже необходимо было объявить, на епископію какого именно града онъ нарекается и поставляется, и непременно града, при томъ не малолюдного и жители котораго принять его готовы, а не селенія, или какой-либо веси, такъ какъ правила воспрещаютъ поставлять епископовъ даже для городовъ малолюдныхъ (сардик. соб. пр. 7, Кормч. л. 110 об.), а будучи сельскимъ епископомъ, т. е. хореепископомъ, онъ не имѣлъ бы власти (по 13 пр. анкирскаго собора) поставить кого-либо, даже въ своей паствѣ, въ пресвитеры, или діаконы „безъ повелѣнія градскаго епи-

1) Такъ и въ свидѣтельствѣ духовника кириллова, отъ 1 января 1847 года (*Бллокр. арх.*).

скопа.⁴¹⁾ Выбрать же епархіальной городъ для Кирилла было не легко. Въ Буковинѣ не имѣлось ни одного города, заселеннаго старообрядцами, — Климоуцы, Мехидра, Лукавецъ, даже самые Соколинцы — все это были селенія, а не города; съ другой стороны назначить городъ, не населенный липованами, или и городъ старообрядческій, но не въ австрійскихъ владѣніяхъ, было бы противно изданному 6 (18) сентября 1844 года императорскому декрету о дозволеніи липованамъ имѣть въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ своего епископа, власть котораго здѣсь прямо ограничена предѣлами однихъ только липованскихъ селеній Буковины, такъ что поставлять кого-либо въ священныя степени для мѣстъ, не заселенныхъ липованами, или для старообрядцевъ, живущихъ внѣ австрійской имперіи, по смыслу этого декрета, онъ не имѣетъ права. Достанься жребій не Кириллу, а Геронтію, или Нифонту, бѣлокриницкіе распоряди-

4) Для Кирилла, и вообще для бѣлокриницкихъ митрополитовъ, сдѣлано исключеніе изъ этого правила, на томъ основаніи, что митрополитъ бѣлокриницкій хотя имѣетъ каведру въ селеніи, но власть его простирается и на многіе грады, не исключая даже столичныхъ, — на всѣ вообще мѣста, гдѣ только есть старообрядцы, принимающіе бѣлокриницкое священство, почему и называется онъ не только митрополитомъ бѣлокриницкимъ, но и „верховнымъ пастыремъ всѣхъ древнеправославныхъ христіанъ“. Неприятнѣе бѣлокриницкаго священства старообрядцы, въ числѣ другихъ возраженій противъ него, указывали и на это, что Амвросій, какъ не имѣющій града, сельскій епископъ, не можетъ поставять другихъ въ священныя степени. Лужковцы, наприм., писали въ своихъ вопросахъ „австрійской митрополіи главному наставнику“: „имѣй у васъ отъ еретиковъ принять по вашей сребролюбивой, якоже видимъ, страсти митрополитъ амвросій, не имѣющій града... Слышите, что гласитъ правило (Корм. гл. 7, пр. 14): сельскіи епископи... ни пресвитера ни діакона не поставляютъ“. На это возраженіе, тогдашній епископъ коломенскій Пафнуцій именно отвѣчалъ, что „бѣлокриницкій святитель есть не точію сельскій епископъ, или единаго коего града, но всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ митрополитъ“ (*Лужков. отв.* Вопр. и отв. 46. Принадлеж. намъ рукоп.) Такое же исключеніе сдѣлано потомъ для задунайскаго епископа, который названъ славскимъ, по имени извѣстнаго некрассовскаго селенія, но получалъ въ свое вѣдѣніе всѣхъ, живущихъ въ турецкой имперіи старообрядцевъ, почему и назывался епископомъ (а потомъ архіепископомъ) не только славскимъ, но и всѣхъ задунайскихъ старообрядческихъ обществъ (*Памят. происх. дѣль*, № 38).

тели не затруднились бы ни церковными правилами, ни тѣмъ паче императорскимъ декретомъ, — назвали бы намѣстника либо епископомъ какого-нибудь изъ липованскихъ селеній, съ правами градскаго епископа, либо епископомъ одного изъ ближайшихъ молдавскихъ городовъ, обитаемыхъ раскольниками, извѣстными притомъ своею расположенностію въ пользу новоучреждаемой іерархіи, наприм. боташанскимъ, фурмосскимъ, васлуйскимъ... И теперь, при выборѣ епархіи для Кирилла, они озабочены были не этими затрудненіями со стороны церковныхъ правилъ и императорскихъ указовъ, а соображеніями совершенно другаго свойства. Для Павла и Геронтія съ братіей, какъ мы говорили уже, избраніе Кирилла въ намѣстники по многимъ причинамъ было крайне непріятно, и не смотря на то, что избраніе сіе, какъ выражался Павелъ, устроилось Божиимъ промысломъ, они вскорѣ же рѣшили, что въ видахъ желаемаго процвѣтанія новоучреждаемой іерархіи, ради пользы церковной, необходимо будетъ этого „богоизбраннаго“ намѣстника, при первой возможности, подъ благовиднымъ предлогомъ, выпроводить изъ митрополии въ его собственную епархію, а для этого и епархіальный городъ выбрать ему подальше отъ Бѣлой-Крилицы. Посовѣтовавъ между собою наши, что можно назначить именно Майнось, — одно изъ самыхъ отдаленныхъ и заброшенныхъ некрасовскихъ селеній въ Турціи, собственно властію переименовавъ его изъ селенія въ городъ. И вотъ Амвросій дѣйствительно поставляетъ Кирилла „епископомъ богоспасаемаго града Майноса“, ¹⁾ жители котораго, надобно замѣтить еще, какъ въ то время не имѣли нисколько расположенія въ іерархіи отъ амвросіева кореня, такъ и до сихъ поръ не хотятъ принять ее. ²⁾ Такимъ образомъ и въ самомъ назначеніи

¹⁾ *Памят. промсл. дѣлъ*, № 11. Здѣсь говорится, что Амвросій будтобы учинилъ это „по своему благоусмотрѣнію“.

²⁾ Впоследствии, когда учреждена была задунайская архіерейская кафедра, Майнось, какъ и слѣдовало, отошелъ въ вѣдѣніе задунайскаго епископа; но майносьцы и этого епископа своимъ архіереемъ признавать не хотѣли и священства отъ него не берутъ. Въ 1853 году, Аркадій-эксархъ, проживая около Эноса съ своими „странствующими христіанами“, хотѣлъ

каедрѣ первому въ строгомъ смыслѣ раскольническому епископу, при поставленіи его въ этотъ санъ, допущено было, и притомъ съ хитрымъ намѣреніемъ, отступленіе отъ церковныхъ правилъ и нарушеніе императорскаго декрета. На это послѣднее обстоятельство должны были бы всего скорѣе обратить вниманіе находившіяся при поставленіи Кирилла черновицкія гражданскія власти, обязанныя наблюдать за исполненіемъ императорскихъ указовъ, еслибы, могли, или хотѣли обратить на это вниманіе. Вскорѣ же затѣмъ препровождено было въ крайзамтъ и официальное увѣдомленіе отъ Амвросія о поставленіи Кирилла въ епископы; но здѣсь, разумѣется, о Майносѣ упомянуто не было и вообще о епархіи кирилловой не говорилось ни слова, а сказано только, что новому епископу Амвросію назначилъ пребываніе въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ,¹⁾ — и крайзамтъ,

было сдѣлать первую попытку—убѣдить майносовцевъ къ принятію бѣлокриницкаго священства и собрался къ нимъ съѣздить вмѣстѣ съ Гончаровымъ, который однакоже, „заваша убійственный ихъ нравъ“, отговаривалъ ѣздить: попытка не удалась,—и въ 1836 году Аркадій писалъ въ Бѣлую-Криницу, что „жестокость“ майносовцевъ покорить вѣтъ никакой возможности, что у нихъ и теперь исправляетъ требы «харьковскій хохоль» (Подлин. пис. Арк. въ *Бѣлокр. арх.*). Весьма любопытные отзывы майносовцевъ о бѣлокриницкомъ священствѣ, или, по ихъ выраженію, о «гончаровой вѣрѣ», приводитъ Кельсиевъ изъ своихъ бесѣдъ съ ними въ 1863 году: „Гончаровъ отъ гречина вѣру взялъ,—говорилъ одинъ изъ майносовскихъ некрасовцевъ,—греческаго митрополита въ христіанство привелъ и новую вѣру завелъ. А мы его не держимъ, потому что намъ не показано отъ гречина вѣру брать.... Гончаровъ и къ намъ прибѣгалъ, и владыку своего привозилъ, и соборъ дѣлалъ мы, да не приходится, не выходитъ по писанію. Тамъ кругъ приговорилъ: кто въ гончарову вѣру пойдетъ, тому его плетей! А то бы вражій Гончаръ много казаковъ смутилъ“ (*Русск. Вѣст.* т. LXIII, стр. 434).

1) Донесеніе Амвросія послано было 8 (20) февраля 1847 года. Въ немъ сказано, что Амвросій при поставленіи Кирилла руководствовался даннымъ ему изъ придворной канцеляріи отъ 15 ноября 1846 года всемогуществѣйшимъ дозволеніемъ исполнять въ Бѣлой-Криницѣ все архіерейскія дѣйствія (die Ausübung der Functionen als Bischof in Fontina-alba allergnädigst bewilliget worden); о самомъ же поставленіи Кирилла, послѣ похвального отзыва о его качествахъ, сказано только: habe ich denselben, nachdem er in den Mönchsorden unter dem Namen Cirillus getreten ist, Stufenweise erstlich zum Diaconus, dann zum Priester und zuletzt am 6/18 Jan. 1847 zum Bischof ausgeweiht, und ihm den Aufenthalt im dasigen Kloster angewiesen (*Бѣлокр.*

не найдя съ своей стороны никакихъ препятствій признать Кирилла въ званіи намѣстника липованскаго святителя (Lipowaner Weibbischof), препроводилъ донесеніе Амвросія въ губернію, откуда не послѣдовало также никакихъ возраженій, о чемъ крайзамтъ въ свою очередь увѣдомилъ Амвросія.¹⁾

2) Согласно соборному правилу (кареаген. пр. 90, Кормч. л. 184) и древнему церковному обычаю, новопоставленному епископу Кириллу, немедленно по поставленіи, достовѣрнаго ради свидѣтельства о дѣйствительности его сана, или, по выраженію Павла, „во утверженіе его высокаго архіерейскаго достоинства и въ знаменіе духовнаго правленія“, ²⁾ надлежало вручить ставленную грамоту, „подписанную рукою поставльшаго и епископа“. Хорошо понимая значеніе этого акта и принявъ во вниманіе то обстоятельство, что ставленная грамота перваго липованскаго епископа должна будетъ служить на будущее время образцомъ, или постоянной формой для такихъ же грамотъ всѣмъ новымъ раскольническимъ епископамъ, инокъ Павелъ своевременно занялся ея составленіемъ и трудъ свой исполнилъ со всѣмъ тщаніемъ. Онъ очевидно руководствовался при этомъ ставленною грамотою самого Амвросія. Такъ начало кирилловой грамоты заимствовано изъ нея почти съ буквальной точностью: „Великоименная премудрость отча, непремѣнный образъ присносущія его“ и т. д. ³⁾. Слѣдующее за симъ отдѣленіе, какъ и въ грамотѣ Амвросія, посвящено изложенію частныхъ обстоятельствъ, относящихся собственно къ тому лицу, которому вручается грамота, т. е. изложенію обстоятельствъ кириллова избранія и поставленія. Это есть глав-

арх.). При донесеніи Амвросія препровождено было въ крайзамтъ и градское свидѣтельство о достоинствѣ Кириана Тимоеева: въ *Памятникъ промш. дѣль*, подъ № 13, записано: „донесеніе отъ г-на митрополита, въ приложеніемъ подлиннаго свидѣтельства о достоинствѣ епископа Кирилла, въ в. в. крайзамтъ отправлено съ нарочнымъ инокомъ Алипшіемъ“.

1) Извѣщеніе изъ крайзамта послѣдовало 4 авг. 1847 года (подлинное въ *Бл.окр. арх.*).

2) Черновой списокъ кирилловой ставленной грамоты (*Бл.окр. арх.*).

3) См. ставлен. грам. Амвросія въ павловой *Церков. исторіи*, стр. 182.

ная, существенная часть въ ставленной грамотѣ Кирилла, надъ сочиненіемъ которой Павелъ, очевидно, потрудился не мало. Мы приведемъ ее вполнѣ.

„Азь смиренный Амвросій митрополитъ, Божиимъ всепремудрымъ промышленіемъ удостоившійся одержевати новоучрежденный архіерейскій престолъ бѣлокриницкій, состоящій подъ покровительствомъ великаго скиптра высокоцарственной австрійской державы, и подчиненныя сему престолу, церкви недремлющима очима посѣщати и укрѣпляти; якоже подобаетъ, во спасеніе. Предусматривая же для сятаго престола сего вся *полезная и прочная къ неупустительному его существованію*, и со общаго согласія всего освященнаго собора заблагоразсудили мы, на основаніи уставоположенныхъ для сего престола правилъ и согласно дозволительнаго всевысочайшаго рѣшенія, послѣдовавшаго 18 сентября 1844 года, немедленно поставить бѣлокриницкому верховному святителю ¹⁾ намѣстника въ званіи епископа. Для того и повелѣно отъ насъ быть правильному избранію въ митрополиі нашей, внутри Бѣлокриницкой киновіи, въ церкви Пресвятыя Владычицы наша Богородицы честнаго и славнаго ея Покрова. При собраніи же многихъ достопочтенныхъ лицъ священническаго и иноческаго чина и окрестныхъ обществъ депутатовъ, въ присутствіи нашемъ, къ числу двухъ избранныхъ отъ отецъ, — монастыря сего господина настоятеля и казначея, — присовокупленъ и третій изъ числа достопочтенныхъ бѣлокриницкихъ жителей, Кипріанъ Тимоѣевъ, удостоенный къ высокому сему выбору отъ цѣлаго бѣлокриницкаго общества и даже монастырскаго общebraтства письменнымъ свидѣтельствомъ, и отъ отца духовнаго особымъ удостовѣреніемъ, что онъ есть самаго лучшаго нравственнаго поведенія и непорочнаго житія, богобоязненный, честный и добродѣтельный человекъ, по смерти законной жены своей свободъ сый отъ міра, достоинъ къ воспріятію архіерейскаго сана: понеже онъ отъ самыхъ младыхъ своихъ лѣтъ даже до настоящаго сего времени велъ себя всегда честно и трезвенно, устроялъ домо-

1) Сначала написано было: поставить *себя*.

водство свое прилѣжно и благоправно ¹⁾, при всемъ томъ болѣе тридцати лѣтъ при бѣлокриницкой сельской церкви церковнымъ настоятелемъ и уставщикомъ находился безпорочно, и даже самую настоящую церковь собственными своими трудами и ревностію воздвигнуть содѣйствовалъ и въ ней, за недостаткомъ священства, общечественныя богомоленія церковнаго послѣдованія, исключая литургіи, тщательно и благоговѣнно совершалъ, единовѣрныхъ своихъ христіанъ и дѣтей ихъ вмѣсто отца духовнаго страху Божию и церковнымъ заповѣдямъ училъ и наставлялъ. Къ совершенному же заключенію достоинства его на воспріятіе епископскаго сана и самый промыслъ Божій, во святой церкви, на соборномъ богомоленіи, посредствомъ жребія избралъ его предъ прочими самымъ первымъ. А потому, когда онъ предварительно поступилъ законнымъ постриженіемъ въ чинъ иночества подъ именемъ Кирилла, азъ смиренный митрополитъ Амвросій, хиротонисавъ его по степенямъ въ діакона, потомъ въ преевритера, и наконецъ произвелъ во епископа, *который до времени будетъ находиться въ сей митрополии на мѣстникомъ* ²⁾.

„А какъ единовѣрные намъ древле-истинной христіанской религіи христіанны и цѣлыя общества таковыхъ находятся въ разныхъ государствахъ, въ числѣ коихъ извѣстно свѣдали мы, что имѣется въ турецкой державѣ, въ Анатолиі, особаго жительство правъ, богоспасаемый градъ Майнось, не имѣя у себя законнаго своего пастыря: для чего, по благоусмотрѣнію нашему и всего освященнаго собора, и опредѣляется въ оный градъ на епископскій престолъ сей

1) Въ этомъ мѣстѣ, которое почти буквально заимствовано изъ „свидѣтельства о достоинствѣ Кирилла“, были вписаны изъ того же свидѣтельства слѣд. слова: „три сына и три дщери по христіанскому долгу воспиталъ и въ честному житію наставлялъ и опредѣлилъ“; но потомъ эти слова зачеркнуты. Вѣроятно Павелъ нашелъ болѣе удобнымъ умолчать о благовоспитанности кирилловыхъ дѣтей, изъ которыхъ наприм. Никита, вышшій бѣлокриницкій сельскій поць, даже самихъ липованъ приводитъ въ изумленіе своими безчинствами.

2) Такимъ образомъ Павелъ и въ ставленную грамоту Кирилла позаботился внести замѣчаніе, что этотъ послѣдній только *до времени* имѣть быть на мѣстникомъ и жить въ митрополиі.

возлюбленный по духу братъ нашъ и сослужитель преосвященный епископъ Кириллъ, яко достойнъ воспріяти архіерейское предстательство и пастырскій жезлъ новоопредѣленной епархіи Майноса и отнынѣ да именуется майносскій епископъ. Того ради и приглашается нынѣ новопоставленный епископъ на получение надлежащей ему сей грамоты къ престолу благодати, вкупѣ да восприметь и архипастырское нижеслѣдующее наставленіе отъ нашего смиренія“.

За симъ излагаются, въ формѣ рѣчи, обращенной къ Кириллу, обязанности епископа; а въ заключеніе говорится о правахъ и высокомъ достоинствѣ епископскаго сана. Въ этихъ двухъ послѣднихъ отдѣленіяхъ кирилловой ставленной грамоты видно также подражаніе грамотѣ Амвросія, только содержащееся въ этой послѣдней Павелъ изложилъ посвоему и мѣстами сократилъ, мѣстами дополнилъ любимыми у старообрядцевъ свидѣтельствами ¹⁾.

Въ такомъ видѣ была сочинена и изложена Павломъ ставленная грамота Кирилла, и въ этомъ самомъ видѣ она осталась образцомъ для всѣхъ ставленныхъ грамотъ, выдававшихся впослѣдствіи новымъ раскольническимъ архіереямъ. Но для самого Кирилла (что собственно и важно въ настоящемъ случаѣ) эта его ставленная грамота не имѣла и не имѣетъ никакого значенія. Дѣло въ томъ, что иннокъ Павелъ ограничился только составленіемъ грамоты; представить же ее своевременно Амвросію для подписанія и врученія Кириллу, какъ надобно полагать, опять-таки изъ нерасположенности къ этому послѣднему, онъ не разсудилъ, а призналъ за лучшее отложить подписаніе грамоты до будущаго времени; время же мало по малу продлилось до са-

¹⁾ Такъ онъ между прочимъ исключилъ тѣ мѣста амвросіевой грамоты, гдѣ говорится о вниманіи принадлежащихъ епископу доходовъ и воспрещается ихъ удержаніе; а внесъ между прочимъ весьма уважаемое старообрядцами поповскаго согласія свидѣтельство изъ притчи о мнасахъ: *кулю дѣйте дондеже прииду, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „и такъ да всемогущій Христосъ Богъ благоволитъ соблюдатися и хранитися (разумѣется, у старообрядцевъ, получившихъ теперь епископство) неложному его обѣтованію во истинномъ дѣйстви до втораго и страшнаго его прішествія“....*

мага удаленія Амвросія изъ Бѣлой-Криницы, когда въ свою очередь Амвросій не захотѣлъ уже ее подписывать ¹⁾. Такимъ образомъ Кириллъ навсегда остался безъ ставленной грамоты,—и это была новая неправильность, допущенная при произведеніи Кирилла въ епископы.

Указанныя отступленія отъ правилъ и императорскихъ декретовъ были вѣдомы только Павлу и Геронтію съ ихъ ближайшими сотоварищами; говорить же объ нихъ кому-либо изъ старообрядцевъ и вообще людей, не посвященныхъ въ бѣлокриницкіе секреты, Павелъ, какъ само собою понятно, остерегался,—онъ избѣгалъ даже всякихъ случаевъ, которые могли бы наводить на бесѣду о томъ, все ли въ порядкѣ, законно и по чину исполнено было при поставленіи перваго старообрядческаго епископа. Поэтому-то, конечно, и въ письмѣ къ московскимъ благопріятелиамъ, которое посвящено было именно сказанію о произведеніи Кирилла въ епископы, Павелъ нашелъ неудобнымъ входить въ подробное описаніе самаго чина поставленія: „о внутрь-церковномъ чиносовершеніи невмѣстимо здѣсь пояснять“,—писалъ онъ. За то со всѣми подробностями изложено было въ этомъ письмѣ все, „виѣ церкви происходившее“, т. е. церемонія богоявленскаго водосвященія и устроенное затѣмъ пиршество. Мы приведемъ вполнѣ это павлово сказаніе о торжествахъ, происходившихъ въ Бѣлой-Криницѣ 6 января 1847 года.

„По совершеніи архіерейскаго хиротонисанія и божественной литургіи, великолѣпно шли изъ церкви со всѣмъ освященнымъ соборомъ митрополитъ, новопоставленный архіерей и архимандритъ, и съ ними по чину и прочіе священнослужители,—всѣ въ блестящихъ златотканыхъ облаченіяхъ и множество въ полномъ чину инозовъ и православна-

1) Въ *Бѣлокр. архивѣ* сохранилась собственноручно писанная Павломъ, какъ надобно полагать, черновая, со многими поправками и поправками, ставленная грамота Кирилла, изъ которой мы и заимствовали приведенныя выше извлеченія. На ней Павломъ же сдѣлана подпись: „Дана сія грамота въ Бѣлокриницѣ, гевъ. въ 9/18 день 7335/1847 года“. Что грамота сія Амвросіемъ не подписана и Кирилломъ не получена, объ этомъ согласно свидѣтельствуя всѣ лица, близко знакомыя съ бѣлокриницкими дѣлами.

го народа. Весь же монастырь покрытъ былъ безчисленнымъ множествомъ народа разныхъ сословій и языковъ, по пронесшемуся напередъ слуху о произведеніи въ сей день новаго архіерея со всей буковинской области съѣхавшихся. А когда встрѣтились при выходѣ изъ вратъ монастыря съ ожидавшимъ уже на улицѣ другимъ ходомъ крестнымъ изъ слободской церкви: тогда вся улица какъ налита была разнаго сословія народомъ до крайняго утѣсненія, такъ что если бы начальникъ думени со статскою своею командою, въ подобіе жандармовъ, по распоряженію бывшаго здѣсь самого барона, здѣшняго областнаго начальника, не сдѣлали бы по всей улицѣ проходъ, то никакъ невозможно бы было всему священному собору со иконами и прочей святыней по улицѣ на устроенную іордань пройти. Достигши же пространной площади среди села, гдѣ уготовано мѣсто бысть водоосвященію, устроились съ иконами по надлежащему чину и совершилось водоосвященіе великолѣпно, и все происходило благочинно, тихо и стройно“... ¹⁾

Такъ какъ довольно продолжительныя молитвы при освященіи воды въ день Богоявленія, читаемая вслухъ, не были переложены на греческія буквы и во всякомъ случаѣ Амвросію прочесть ихъ послavianски было очень трудно, то обязанность эту возложили на новопоставленнаго намѣстника; самъ же Амвросій прочелъ только положенное Евангеліе, какъ извѣстно, очень краткое,—и прочелъ, разумѣется, послavianски. Утомленный длинною службою, а также по причинѣ довольно холодной погоды, Амвросій предоставилъ уже одному Кириллу сопровождать торжественное крестное шествіе обратно въ монастырь; самъ же возвратился домой въ нарочно приготовленныхъ для него саняхъ ²⁾.

¹⁾ Пис. изъ Бѣлой-Криницы въ Москву отъ 15 янв. 1847 г.

²⁾ Эти послѣднія подробности помѣщены не въ самомъ письмѣ, а въ томъ приложеніи къ нему, о которомъ упомянуто выше. Любопытно, что инокъ Павелъ и здѣсь не преминулъ обратить вниманіе своихъ московскихъ пріятелей на то, что Амвросій читалъ Евангеліе „настоящимъ славяноросійскимъ языкомъ“. Вотъ подлинныя слова его: „Въ священнодѣйствіи молитвы читалъ новопоставленный архіерей, а самъ митрополитъ читалъ Евангеліе

„По окончаніи всего происшествія новопоставленный архіерей провожаемъ былъ изъ церкви до его келіи великолѣпнымъ тѣмъ чиномъ, какъ и митрополитъ, поелику первый день былъ его поставленія ¹⁾. Архіерей въ келіи своей принялъ пѣвцовъ и братію приличнымъ и краткимъ, по нашему обычаю, угощеніемъ и они поздравляли его многолѣтнимъ привѣтствіемъ.

„Потомъ благочинно собрались на обѣдъ. Посадивши братію за общую братскую трапезу, сами всѣ трое—митрополитъ, новый архіерей и архимандритъ пошли на гостинный дворъ монастырскій, расположенный между ограды и сельской улицы, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ для всѣхъ приходящихъ разныхъ религій гостей. Весь монастырской бѣлой дворъ наполненъ былъ разнымъ простымъ народомъ; тамъ же и солдаты штатской команды заряжали пушки; а домъ до крайняго утѣсенія былъ наполненъ: верхніе три большіе покои благородными, низъ весь кондитерами и служителями и разными припасами и вещами. Какъ скоро святители съ архимандритомъ появились на гостинный дворъ, вдругъ сдѣлали выстрѣлъ изъ шести пушекъ. Святители вошли въ покои, сдѣлали къ собравшимся при столахъ гостямъ долженствующее привѣтствіе, а они имъ поздравленіе. Потомъ сѣли всѣ трое рядомъ на прилично убранныя мѣста: митрополитъ въ срединѣ, архіерей съ правой стороны, архимандритъ съ лѣвой. Также и всѣмъ прочимъ гостямъ повелѣлъ митрополитъ садиться по своимъ мѣстамъ, и во здравіе ясти и пити предлагаемая. Итакъ начался обѣдъ

настоящимъ славянороссійскимъ языкомъ. И по водоосвященіи студени ради митрополитъ не могъ возвратиться съ соборомъ: обходя другою дорогою и улицею, и сѣвши на приготовленные санки, прямо поѣхалъ въ монастырь“.

1) Это значило, что впоследствии воздавать подобныя почести Кириллу не предполагалось, — и дѣйствительно ни встрѣчь, ни провожаній, даже самыхъ обминовенныхъ, ему потомъ уже не дѣлали, частью находя это неприличнымъ въ присутствіи митрополита, а больше изъ пренебреженія къ Кириллу, чего этотъ послѣдній и самъ не могъ не замѣтить. Какъ-то разовъ рѣшился даже протестовать противъ такого неуваженія къ его епископскому достоинству; но Павелъ предложилъ ему отправиться въ свою собственную епархію, гдѣ можетъ требовать себя великихъ почестей, — и Кириллъ никакихъ уже неудовольствій послѣ этого предъявлять не рѣшался.

во всѣхъ покояхъ на всѣхъ столахъ. Гости пили вино и громогласно пѣли безчисленно: вивать! вивать! многая лѣта!—всѣмъ по имени и по чину ихъ обыкновенія; а на дворѣ, при всякомъ общегласномъ восклицаніи подавали сигналъ и палили изъ пушекъ. Этотъ обѣдъ продолжался отъ полудня до вечера и до огня. И наконецъ гости съ неизъяснимымъ удовольствіемъ и великою благодарностію отправились восвояси съ миромъ⁴. 1)

Письмо, излагавшее такъ подробно бѣлокриницкія торжества по случаю кириллова поставленія въ епископы, заключено было слѣдующими примѣчательными словами, въ которыхъ ясно обнаружилось, какъ смотрѣли на это событіе учредители бѣлокриницкой іерархіи и почему спѣшили они порадовать московскихъ друзей своихъ скорѣйшими объ немъ извѣстіями²): „Итакъ мы свое, изъ давнихъ лѣтъ сердечно желаемое благоустроеніе въ дѣло произвели, и теперь остается намъ, съ упованіемъ на всемогущій промыслъ Божій, въ смиреніи, мирѣ и любви о Христѣ жити, восхваленія и благодаренія за все, иже въ Троицѣ единому, Богу и всѣхъ Создателю непрестанно приносить и о самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ царѣ нашемъ Фердинандѣ и о всемъ мирѣ Бога молить во вся дни живота нашего, аминь!“

Учредители бѣлокриницкой іерархіи теперь дѣйствительно могли сказать уже съ пснной увѣренностію, что наконецъ изъ давнихъ лѣтъ ими сердечно желаемое дѣло приведено

1) Приведенныя здѣсь мѣста взяты изъ приложенія къ письму; и въ самомъ письмѣ впрочемъ есть упоминаніе, что „нѣкоторые изъ господъ, дальніе пріѣзжіе, съ женами и ихъ вырослыми дѣтьми заночевали въ гостинномъ монастырскомъ домѣ и на другой день уже съ неизъяснимымъ удовольствіемъ и великою благодарностію отправились восвояси“.

2) Какъ заботились они поскорѣе сообщить въ Москву извѣстіе о поставленіи перваго старообрядческаго епископа, видно изъ того уже, что письмо отправлено было вслѣдъ за Геронтіемъ, который, какъ въ самомъ же письмѣ говорится, „выѣхалъ 14-го числа (т. е. наканунѣ) въ российскіе предѣлы“, и именно для сообщенія извѣстій о великихъ бѣлокриницкихъ событіяхъ, но въ Москву могъ привезти эти извѣстія нескоро, ибо на пути ему предстояло посѣтить съ указанною цѣлію многія старообрядческія общества. И вотъ для скорѣйшаго сообщенія московскимъ благопріятелямъ свѣдѣній о бѣлокриницкихъ торжествахъ подробное ихъ описаніе посылается по почтѣ.

въ совершеніе, цѣль ихъ многолѣтнихъ неустанныхъ трудовъ вполне достигнута: съ поставленіемъ перваго, въ строгомъ смыслѣ раскольническаго епископа дальнѣйшее существованіе новоизобрѣтенной ими „древлеправославной“ іерархіи они могли считать обезпеченнымъ. И вотъ, какъ мы видимъ, она существуетъ даже до сего дне, достигнувъ если не процвѣтанія, то во всякомъ случаѣ успѣховъ весьма значительныхъ,—насчитывая вслѣдъ за Амвросіемъ и Кирилломъ длинный рядъ архіепископовъ и епископовъ ¹⁾, сотнями считая своихъ священниковъ ²⁾ и многими десятками

1) Въ прилож. къ III выпуску „Современныхъ движеній въ расколѣ“ былъ уже напечатанъ списокъ 24 раскольническихъ архіереевъ, существовавшихъ съ 1846 до 1865 года, съ указаніемъ, когда и гдѣмъ поставленъ каждый изъ нихъ (см. *Совр. движ. въ раск.* изд. 1866 г. стр. 86—88). Съ того времени у раскольниковъ явились еще слѣдующіе 8 архіереевъ: 1) *Антоній Формосскій*, третій намѣстникъ митрополіи; поставленъ Кирилломъ 8 сент. 1867 г.; ум. 23 авг. 1870 г. 2) *Тарасій уральскій* (противуокружнической партіи); поставленъ Софроніемъ въ 1868 г. 3) *Иринархъ славскій*; поставленъ Кирилломъ и Аркадіемъ васлуйскимъ въ Мануйловѣ 1869 г. 4) *Аванасій браиловскій*, четвертый намѣстникъ митрополіи, а по смерти Кирилла, послѣдовавшей 2 декабря 1873 года, третій *митрополитъ блжлокриницкій*; поставленъ Кирилломъ, Аркадіемъ васлуйскимъ и Иринархомъ славскимъ 3 іюня 1871 г. 5) *Анатолій балтскій*; поставленъ Антоніемъ въ Москвѣ, въ дек. 1871 г. 6) *Амеросій саратовскій*; поставленъ Пафнутіемъ казанскимъ въ Хвалынскѣ, въ дек. 1871 г. 7) *Серапіонъ владикавказскій*; поставленъ Пафнутіемъ же на Кавказѣ, въ январѣ 1872 г. 8) *Іеремія тульчанскій*; поставленъ Кирилломъ, на мѣсто Іустина, въ 1873 году. Такимъ образомъ число всѣхъ раскольническихъ архіереевъ, явившихся во времени учрежденія Блжлокриницкой іерархіи, простирается, со включеніемъ самого Амвросія, до тридцати двухъ.

2) Какъ велико общее число „священныхъ лицъ“, поставленныхъ раскольническими архіереями въ разные мѣста и общества, гдѣ только есть старообрядцы, принявшіе блжлокриницкое священство, можно судить потому, сколько поставилъ ихъ одинъ московскій архіепископъ Антоній (Шутовъ) съ 1853 по 1862 годъ. У насъ имѣется представленная Антоніемъ въ январѣ 1862 года, прибывшему изъ Блжлой-Криницы для суда надъ нимъ, тогдашнему намѣстнику митрополіи Онуфрію точная запись всѣхъ лицъ, посвященныхъ имъ со времени вступленія на московскую кафедру: изъ этого списка видно, что Антоній поставилъ для московской губерніи 3 священноинокъ, 21 священноіереевъ и 3 діаконовъ, для черниговской—1 свящ. ин. и 3 свящ. іер., для калужской—2 свящ. ин. и 13 свящ. іер., для смоленской—2 свящ. іер., для владимірской 6 свящ. іер., для нижегородской—8 свящ. ин. 3 свящ. іер. Пронх. Б. іер.

тысячъ приемиющихъ ее старообрядцевъ, но вмѣстѣ съ этимъ, въ краткій періодъ своего существованія, успѣвши достаточно обнаружить и свою внутреннюю несостоятельность скоро начавшимися въ ней беспорядками, смутами и раздорами, которые въ послѣднее дѣсятилѣтіе достигли крайнихъ предѣловъ и въ будущемъ угрожаютъ весьма печальными для нея послѣдствіями.

Изложеніе какъ успѣховъ, приобрѣтенныхъ Бѣлокриницкою іерархіею, такъ и потрясеній, испытанныхъ ею въ продолженіе 27 лѣтъ ея существованія, не входитъ въ планъ настоящаго изслѣдованія. ¹⁾ Согласно предположенной нами задачѣ мы показали, на основаніи несомнѣнныхъ истори-

и 1 іеродіак., для саратовской 1 свящ. ин. и 1 свящ. іер., для костромской 1 свящ. ин. и 1 свящ. іер., для пермской 4 свящ. ин. и 1 свящ. іер., для Красноярска 2 свящ. іер., для Кавказскаго края 2 свящ. іер., для тверской губ. 2 свящ. ин. и 3 свящ. іер., для Петербурга 1 свящ. іер., для воронежской губерніи — 1 свящ. іер., для певзенской — 1 свящ. ин. и 1 свящ. іер., для рязанской — 2 свящ. іер., для псковской — 1 свящ. іер., для ярославской 1 свящ. ин. и 1 свящ. іер. И такъ однимъ Антоніемъ въ теченіе десяти лѣтъ поставлены 24 священноинока, 65 священноіереевъ, 1 іеродіаконъ и 3 діакона, — всего *девяносто три* лица!

1) Нѣкоторыя свѣдѣнія о событіяхъ изъ исторіи Бѣлокриницкой іерархіи за первые годы ея существованія изложены въ прежде изданныхъ нами сочиненіяхъ, именно: 1) въ составленной по порученію блаженной памяти митрополита Филарета статья: „Присоединеніе къ православію раскольниковъ епископовъ и другихъ членовъ такъ называемой Бѣлокриницкой іерархіи“ (*Русск. Вѣст.* 1865 г. № 12, и отдѣльное изданіе); 2) въ книгѣ: „Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій“ (изд. 1867 г.); 3) въ статьѣ: „Учрежденіе архіерейской каѳедры у турецкихъ раскольниковъ“ (*Русск. Вѣст.* 1869 г. №№ 5 и 6). О событіяхъ же за послѣднее десятилѣтіе, т. е. начиная съ 1862 года, или со времени изданія извѣстнаго „Окружнаго посланія“, довольно подробныя свѣдѣнія сообщены: 1) въ десяти статьяхъ подъ заглавіемъ: „Современныя движенія въ расколѣ“, напечатанныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1863—1866 гг. (томъ XLIV, XLVI, XLIX, LV, LVI и LXI; статьи: первая, шестая и десятая были изданы и отдѣльными книжками); 2) въ „Современныхъ лѣтописяхъ раскола“ (вып. 1 и 2, изданныя въ 1869 г.); 3) въ статьяхъ, печатавшихся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1871 и 1872 г. (часть ихъ издана особой книжкой подъ названіемъ: „Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій за 1871 годъ“).

чѣскихъ данныхъ, въ возможной для насъ полнотѣ и съ соблюденіемъ полнаго безпристрастія, какъ произошла нынѣ существующая у старообрядцевъ своя собственная, самостоятельная іерархія, извѣстная подъ названіемъ Бѣлокриницкой, или Австрійской,—какъ возникла первоначальная мысль объ учрежденіи этой іерархіи, какъ мысль сія постепенно слагалась въ болѣе и болѣе опредѣленный замыселъ и какъ была наконецъ съ рѣдкой настойчивостію, не пренебрегавшей никакими средствами, приведена въ осуществленіе. При этомъ мы постоянно обращали вниманіе читателя на тѣ обстоятельство и на тѣ стороны событій, въ которыхъ наиболѣе ясно выступаетъ несоотвѣтствіе нынѣшней раскольнической іерархіи догматическимъ и каноническимъ понятіямъ о качествахъ и свойствахъ богоучрежденной іерархіи въ церкви Христовой, такъ что представленное нами историческое изложеніе всего хода событій, сопровождавшихъ учрежденіе нынѣ существующей у раскольниковъ іерархіи, уже само собою приводитъ къ заключенію о совершенной ея неправильности и незаконности. Здѣсь мы только перечислимъ и сведемъ воедино тѣ, добытыя историческимъ изысканіемъ положенія, изъ которыхъ, въ общей ихъ совокупности, именно явствуетъ полная несостоятельность бѣлокриницкаго священства по самому его происхожденію, въ самомъ, такъ сказать, первоисточникѣ,—и притомъ явствуетъ не съ православной только, но (что особенно важно въ полемикѣ съ расколомъ) и съ старообрядческой точки зрѣнія.

Вотъ эти положенія, обличающія неправильность и незаконность нынѣшней раскольнической іерархіи, къ какимъ привело насъ тщательное и безпристрастное историческое разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ ея происхожденія:

1) Мысль объ учрежденіи своей собственной іерархіи, съ епископомъ во главѣ, возникшая у старообрядцевъ поповскаго согласія во второй четверти настоящаго столѣтія и приведенная потомъ въ исполненіе, явилась вслѣдствіе неизбежно угрожавшаго имъ совершеннаго оскуднѣнія бѣгствующихъ іереевъ и тѣсно связанной съ нимъ настоятельной нужды обезпечить какимъ-либо способомъ дальнѣйшее

существованіе потребнаго имъ священства, — т. е. возбуждена была отвѣдъ и случайными обстоятельствами, которыя могли быть и не быть, которыхъ долгое время и не существовало дѣйствительно, почему не являлось у старообрядцевъ и самой мысли объ учрежденіи полной въ трехъ чинахъ іерархіи: по ученію же православной церкви, раскрытому въ священномъ и святоотеческомъ писаніяхъ и самими старообрядцами не отвергаемому, богоучрежденная іерархія, во всей полнотѣ ея чиновъ, составляетъ внутреннюю, существенную, постоянную, никакимъ случаямъ не подлежащую принадлежность вселенской Христовой церкви, такъ что безъ іерархіи и сама церковь сія существовать не можетъ. Защитники и сами учредители бѣлокриницкой іерархіи, желая объяснить ея происхожденіе изъ болѣе благовидныхъ внутреннихъ побужденій, утверждали и утверждаютъ, что къ учрежденію старообрядческаго архіерейства побудило ихъ постоянно присущее старообрядцамъ сознаніе именно этой существенной необходимости архіерейскаго чина въ церкви Христовой и проистекавшее отсюда всегдашнее ихъ желаніе—пріобрѣтеніемъ епископа восполнить недостаточность іерархическаго устройства своей именуемой „древлеправославной“ церкви. Объясненіе это, несостоятельное по самому существу своему, поставляющее старообрядцевъ въ противорѣчіе самимъ себѣ, и потому весьма справедливо обращенное не только православными, но и безпоповскими писателями въ доказательство незаконности ихъ именуемой „древлеправославной“ церкви, двѣсти лѣтъ неизмѣвшею необходимо нужнаго церкви епископа, теперь, кромѣ всего этого, оказывается еще невѣрнымъ исторически,—противорѣчитъ, какъ мы доказали, дѣйствительнымъ, вполне выясненнымъ исторіею обстоятельствамъ, которыми собственно старообрядцы были наведены на мысль объ учрежденіи своей нынѣшней іерархіи съ епископомъ во главѣ.

2) Дѣйствія главныхъ лицъ, принявшихъ на себя осуществленіе этой мысли о старообрядческомъ архіерействѣ, бывшихъ дѣйствительно истинными виновниками, такъ называемаго у старообрядцевъ, возстановленія „древлепра-

вославленной“ іерархіи, нынѣ якобы у нихъ существующей, — и именно тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ они совершили это, по ихъ мнѣнію, святое дѣло благоуукрашенія старообрядческой церкви всею полнотою іерархическаго устройства, — запечатлѣны характеромъ никогда нетерпимаго въ христіанинѣ религіознаго самообольщенія и сектаторской самоувѣренности съ одной стороны, съ другой — характеромъ непростительнаго даже въ дѣлахъ житейскихъ лукавства, безпрепятственно допускавшаго, какъ средство къ достиженію цѣли, всякаго рода ложь, обманъ и клевету, которыя однакоже кощунственно выдаваемы были (или же, въ религіозномъ ослѣпленіи, какое вообще такъ нерѣдко можно встрѣчать у раскольниковъ и стараго и новаго времени, были дѣйствительно принимаемы) за дѣйствіе Божія промысла и низпосылаемую свыше мудрость къ созиданію церкви Христовой. Длинный рядъ недозволительныхъ хитростей и обмановъ, сопровождавшій весь послѣдовательный ходъ дѣла объ учрежденіи нынѣшней раскольниковской іерархіи, даетъ полное право утверждать, что и пасомая этою іерархіею церковь, именно съ ея учрежденіемъ получившая свое полное (по внѣшности) устройство, основана не на истинѣ, а потому и церковь Христовую названа быть не можетъ, ибо Христова церковь есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. гл. 3 ст. 15), и, поелику сама ипостасная истина составляетъ краеугольный камень ея основанія (Ефес. 2 гл. 20 ст.; Иоан. 14 гл. 6 ст.), не можемъ имѣть ни единой *скверны или порока, или (даже) нѣчто отъ таковыхъ, но свята и непорочна* во всемъ (Ефес. 5 гл. 27 ст.).

3) Ложь и обманъ, никогда не терпимые въ дѣлахъ вѣры, но съ раскольниковской точки зрѣнія дозволительные къ употребленію въ сношеніяхъ съ „внѣшними“ именно по дѣламъ вѣры и церкви, были допущены учредителями Бѣлокриницкой іерархіи даже тамъ, гдѣ ихъ употребленіе и съ раскольниковской точки зрѣнія допущено быть не можетъ: мы разумѣемъ тѣ ихъ сношенія и объясненія съ Амвросіемъ, которыя послужили этому послѣднему основаніемъ для перехода изъ церкви въ расколъ съ званіемъ перваго епископа старообрядцевъ, насадителя ихъ нынѣшней іерархіи. Амвро-

сію, не имѣвшему никакихъ свѣдѣній о русскомъ расколѣ, не было сообщено до времени самаго чинопріятія надлежащихъ понятій ни о самомъ расколѣ, ни о взаимныхъ отношеніяхъ между расколомъ и церковію, — т. е. не было объявлено, какъ бы слѣдовало, что раскольники почитаютъ греко-восточную церковь еретическою и за то самую церковію, по соборному суду надъ ними, подвергнуты анаемѣ; напротивъ съ явнымъ намѣреніемъ Амвросій оставляемъ былъ въ невѣденіи о дѣйствительномъ значеніи раскола въ отношеніи къ церкви. Сдѣланное потомъ предложеніе подчиниться установленному чинопріятію отъ ереси, долженствовавшее въ извѣстной степени уяснить Амвросію эти отношенія между расколомъ, якобы составляющимъ истинную церковь, и церковію, якобы виновною предъ нимъ за поврежденіе ересями, имѣло характеръ дѣйствія принудительнаго, гдѣ не было уже мѣста ни для убѣжденія, ни для свободной воли Амвросія. Отсюда—

4) самъ первоначальникъ нынѣшней раскольнической іерархіи, бывшій (въ православіи) митрополитъ Амвросій, вступилъ въ званіе верховнаго пастыря старообрядцевъ, не имѣя надлежащаго понятія о старообрядствѣ, отнюдь не зная, что старообрядцы составляютъ общество отлученное отъ церкви въ силу соборнаго суда надъ ними, и объ измѣнѣ православной греко-восточной церкви, въ самомъ ея ученіи и даже обрядахъ, чрезъ принятіе глаголемаго старообрядчества, никогда не имѣя помысленія, а все, сознательно допущенное имъ, отдѣленіе отъ церкви ограничивая прекращеніемъ своей іерархической зависимости отъ константинопольской патриаршей кафедрѣ, допущеннымъ ради житейскихъ расчетовъ; даже подчинившись чинопріятію отъ ереси, которое въ отношеніи къ нему было дѣйствіемъ не только вынужденнымъ, но и совершенно внѣшнимъ, формальнымъ, лишеннымъ внутренняго значенія, Амвросій навсегда остался при своемъ убѣжденіи въ неповрежденномъ православіи церкви греко-восточной, напротивъ же, съ уясненіемъ своихъ понятій о старообрядствѣ, пришелъ къ убѣжденію, что оно само есть именно расколъ и чуждо православія. Понятно, какъ эти, вполне разъясненные

исторію, отношенія Амвросія къ старообрядчеству подрываютъ, съ старообрядческой точки зрѣнія, все значеніе самой іерархіи старообрядческой, Амвросіемъ насажденной, и какъ несправедливо, какъ напрасно защитники этой іерархіи думаютъ представить переходъ Амвросія изъ церкви въ расколъ дѣломъ убѣжденія съ его стороны, возникшаго якобы по дѣйствию высшаго озаренія, Божиимъ мановеніемъ⁴...¹⁾

б) Амвросій, по низведеніи съ босно-сараевской каведры до самаго уклоненія въ расколъ не только не былъ подвергнутъ изверженію изъ сана, но даже не состоялъ подъ запрещеніемъ: обстоятельство это, вполне дознанное безпристрастною исторію, нимало однакоже не благопріятствуетъ оправданію какъ самого Амвросія, по уклоненіи его въ расколъ,

1) Кромѣ приведенныхъ уже подобнаго рода отзывовъ о переходѣ Амвросія въ расколъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто изъ *пятого* павлова посланія къ безпоповцамъ: „Во обращеніи въ нашу вѣру столь знаменитаго лица—господина митрополита Амвросія есть дѣло, еже обращати сердца единому Божию мановенію! Внявъ бо гласу не яко просто человѣческому столь незнатныхъ, странныхъ и зѣло незнаемыхъ нашихъ пословъ, но яко званію вышняго провидѣнія, якоже самъ онъ австрійскому государю императору лично изглаголаъ (аки Павелъ къ царю Агриппѣ) и даже въ прошеніи къ нему написаъ сидевыми словесы: „видя предъ собою самое ясное Божественное провидѣніе, которое меня предназначило, дабы лишенное до сихъ поръ священнаго архипастыря оное (старовѣрческое) общество руководити къ вѣчному блаженства пути“. Итакъ онъ, *одушевленъ будучи невидимою силою Божественнаго Духа*, возмогъ оставить всю свою врожденную обычайность и всю свою естественную къ отечеству своему приверженность, *аки новый Азраамъ, послушавъ Божіа званія*, абіе вся оставивъ, поиде, не вѣдый, камо грядеть, и со тѣмами искушеній преиде отъ востока на западъ“. Приведенныя здѣсь слова изъ сочиненнаго Дворачкомъ и Павломъ амвросіева прошенія австрійскому императору, и сами по себѣ не представляющія особенно важнаго значенія, никакъ не могутъ быть приняты за выраженіе собственныхъ мыслей и убѣжденій Амвросія. Въ томъ же прошеніи есть мѣсто гораздо болѣе важное,—именно то, гдѣ прямо говорится о причинахъ, побудившихъ Амвросія оставить греческую церковь; но и здѣсь иногъ Павелъ не рѣшился указать отъ имени Амвросія, какъ на побужденіе къ тому, на признаваемое раскольниками поврежденіе православной вѣры и ученія въ церкви греческой, а указавъ только на „противузаконныя смѣшенія и новыя поставленія спаскоповъ при жизни перваго“, да еще на какія-то „другія премногія порочныя дѣла“.

такъ и преимственно идущей отъ него старообрядческой іерархіи. Для старообрядцевъ Амвросій, и законно обладавшій всѣми архіерейскими правами, пока находился въ православіи, точно такъ же чуждъ былъ *благодати* архіерейства, какъ еслибы состоялъ подъ запрещеніемъ, или подвергнутъ былъ изверженію; съ православной же точки зрѣнія Амвросій, бывши въ православіи законнымъ архіереемъ, потомъ самими уже дѣйствіями перехода въ расколъ и занятія раскольнической архіерейской кафедры обнажилъ себя благодати архіерейства и, какъ подпавшій изверженію изъ сана, не имѣлъ уже законной власти на совершеніе архіерейскихъ дѣйствій, которыя по сему и не могутъ быть признаны правильными, имѣющими какую-либо силу. Ибо 1) не видѣвъ своего патріарха открыто, всенародно проповѣдающимъ какое-либо еретическое ученіе и прежде соборнаго обличенія и осужденія его за какую-либо вину, Амвросій отказался отъ іерархическаго ему подчиненія, прекратилъ всякое съ нимъ общеніе, скрывшись тайно, подъ чужимъ именемъ, и въ иномъ предѣлѣ учредилъ свое отдѣльное церковное собраніе: а таковой по 31 апостольскому правилу, по 3 и 5 антиохійскаго собора, 13, 14 и 15 собора двукратнаго, подлежитъ изверженію изъ сана; 1) и потомъ еще 2) пре-

1) Мы не входили и не входимъ въ подробное разсмотрѣніе правилъ, по силѣ которыхъ архіерейскія дѣйствія Амвросія, уклонившагося въ расколъ, слѣдуетъ признавать противозаконными, равно какъ его самого подлежащимъ за оныя изверженію, потому что правила эти уже достаточно разъяснены, на сколько они касаются Амвросія, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ противъ раскола, какъ на примѣръ въ книгѣ игумена Пареевн (о промислѣ) и въ сочиненіи митрополита Григорія: „Истинно-древняя Христова церковь“; въ этомъ отношеніи особенно трудъ послѣдняго заслуживаетъ вниманія, ибо авторъ набѣждалъ допущеннаго игуменомъ Пареевн недостатка, — не ссылается на правила, относящіяся къ епископамъ, состоящимъ подъ запрещеніемъ и изверженнымъ изъ сана, которыя къ Амвросію приложенія имѣть не могутъ. Мы съ своей стороны ограничимся только указаніемъ наиболѣе важныхъ правилъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Амвросію и браткини объ нихъ замѣчаніями. Изъ указанныхъ сейчасъ правилъ 31 апостольское, 3 и 5 антиохійскаго собора и 13 двукратнаго говорятъ собственно о священникѣ, отдѣляющемся отъ своего епископа; но по смыслу этихъ правилъ можно распространять ихъ и на епископа, отдѣляющагося отъ своего митрополита, на митрополита отдѣляющагося отъ своего

кративъ общеніе съ своимъ патріархомъ, онъ присоединился къ обществу, соборомъ отлученному отъ церкви и окормляемому изверженными іереями: а таковой по 10 апостольскому правилу и по 2 антиохійскаго собора самъ подлежить отлученію ¹⁾, за сообщеніе же съ изверженными

патріарха, — вообще на всѣ лица священнаго сана, разрывающія іерархическую зависимость отъ высшихъ духовныхъ властей, въ подчиненіи которыхъ состояли. Такъ именно и разумѣлъ эти правила соборъ двукратный, который въ своихъ 14 и 15 правилахъ выразилъ такое пониманіе весьма ясно. Къ Амвросію ближайшее, приложение имѣютъ именно эти 14 и 15 правила двукратнаго собора. Вотъ подлинныя слова послѣдняго: „Что опредѣлено о пресвитерахъ и епископахъ и митрополитахъ, то самое, и навпаке, причлещуется патріархамъ. Посему, аще который пресвитеръ, или епископъ, или митрополитъ дерзнетъ отступить отъ общенія съ своимъ патріархомъ и не будетъ возносить имя его, по опредѣленному и установленному чину, въ Божественномъ тайнодѣйствіи, но, прежде соборнаго оглашенія и совершеннаго осужденія его, учинить расколъ: таковому соборъ опредѣлилъ быти совершенно чужду всякаго священства“. Изъ сего опредѣленія изъемаются только „отдѣляющіеся отъ общенія съ предстоятелемъ ради нѣкія ереси, осужденныя святыми соборами, или отцами, когда т. е. онъ проповѣдуетъ ересь всенародно и учитъ оной открыто въ церкви.“

1) На эти именно правила, указывалъ и Россійскій Святѣйшій Синодъ въ своемъ посланіи къ Анеиму, патріарху константинопольскому, по дѣлу Амвросія (Вотъ что между прочимъ гласитъ 2 правило антиохійскаго собора: „аще кто изъ епископовъ, или кто изъ клира, окажется сообщающимся съ отлученными, да будетъ и самъ внѣ общенія церковнаго, яко производящій замѣшательство въ чинѣ церковномъ“). Приведемъ здѣсь и подлинныя слова синодальнаго посланія къ патріарху Анеиму, гдѣ Св. Синодъ выражаетъ сущность учиненной Амвросіемъ вины, за которую признаетъ его подлежащимъ церковному суду: „Извѣстнымъ сдѣлалось намъ, что нѣкій епископъ Амвросій, удаленный отъ управленія боснійскою епархіею и пребывавшій въ Константинополѣ подъ кровомъ милосердія патріаршаго вселенскаго престола, внезапно сдѣлавшись и непокоренъ и неблагодаренъ, безъ благословенія вашего святѣйшества удалился въ Буковину и тамъ вошелъ въ общеніе съ людьми, подобно ему, непокорными, которые, упорно держась нѣкоторыхъ несогласныхъ съ церковію обрядовъ, отлучили себя отъ нея и хуленія на нее возносятъ, а потому и святою церковію отъ общенія отлучены и постановленіемъ московскаго собора, лѣта 1667-го, которое и восточными блаженнѣйшими патріархами Пансіемъ александрійскимъ и Макаріемъ антиохійскимъ и другими отъ священнаго чина восточной церкви утверждено, и неблагословенный оный у неблагословенныхъ священна дѣйствовать на-

іереями въ молитвѣ, по II апостольскому правилу, подлежить и изверженію изъ сана¹⁾.

6) Учредители и защитники бѣлокриницкой іерархіи, считали и считаютъ Амвросія неподлежащимъ силѣ вышеприведенныхъ правилъ на томъ основаніи, что онъ якобы отъ неправославной церкви перешелъ въ православную, отъ

чала. Мудрость ваша не требуетъ отъ насъ изъясненія, какой судъ на таковыхъ неправедныхъ, нарушающихъ миръ церковный, дѣлателей изрекаютъ священныя правила, и особенно десятое св. Апостолъ, второе антиохійскаго и тридцатое пятое лаодикійскаго соборовъ“. (Посл. Св. Снн. отъ 30 іюня 1847 года; см. Сбор. Кел. ч. II, стр. 287.) Здѣсь, въ указанія послѣдняго правила, издатель очевидно допустилъ ошибку, такъ какъ 35 пр. лаодикійскаго собора не имѣетъ отношенія къ Амвросію: вмѣсто 35 нужно, очевидно, читать 33 пр. которое гласитъ: „не подобаетъ молиться съ еретикомъ, или отщепенцемъ“, и съ правилами 10 ап. и 2 ант. соб. имѣетъ дѣйствительно одинъ смыслъ.

Кромѣ выше приведенныхъ прилагаютъ еще къ Амвросію 16 пр. антиохійскаго собора, по которому признаютъ его подлежащимъ изверженію изъ сана, какъ занявшаго самопроизвольно, безъ созволенія епископскаго собора, архіерейскую кathedру, хотя и праздную, также апостольское 30, седьмаго вселенскаго собора 3 и другія правила, по которымъ опять признаютъ его также повиннымъ изверженію изъ сана, какъ получившаго епископскую кathedру помощію мірскихъ властей. Но правила эти, говоря строго, имѣютъ отношеніе собственно къ епископу, самовольно, или помощію мірскихъ людей занявшему архіерейскую кathedру въ православномъ же обществѣ, не состоящемъ подъ церковнымъ отлученіемъ. По нашему мнѣнію, для показанія совершенной незаконности и недействительности амвросіева архіерействованія у раскольниковъ вполне достаточно выше приведенныхъ нами правилъ, по силѣ которыхъ Амвросій подлежалъ изверженію изъ сана, какъ безъ уважительной причины разорвавшій іерархическую зависимость отъ своего патріарха и вступившій въ единеніе съ обществомъ, отлученнымъ отъ церкви, и съ священствомъ изверженнымъ. Св. Синодъ, какъ мы видѣли, нашелъ достаточнымъ указать даже на одно послѣднее обстоятельство для произнесенія полнаго осужденія Амвросію.

1) Вотъ что говорится во II ап. правилѣ: „аще кто, принадлежа къ клиру, со изверженнымъ молиться будетъ, да будетъ изверженъ“. Въ толкованіи же сказано: „аще кто молится, рекше *аще служитъ пресвитеръ въ церкви съ пресвитеромъ, сгоже епископъ изверже изъ сана*, да изверженъ будетъ и самъ“ (Журн. л. 3). Іеронимъ, какъ и всѣ бѣглыя раскольническіе пресвитеры, по прав. 31 апост. 3 и 5 ант. соб. и 13 двукрат. былъ именно изверженный пресвитеръ: по сему, за служеніе съ нимъ, и Амвросій подлежалъ изверженію.

мнимой ереси къ мнимому православію, чему несомнѣннымъ свидѣтельствомъ служить якобы совершенное надъ нимъ чинопріятіе. Здѣсь было бы не у мѣста заниматься обличеніемъ лживости этого основанія, по которому вся церковь вселенская, вопреки обѣтованію Христа Спасителя о вѣчной ея неодолимости, признается падшею и только одно общество старообрядцевъ поповскаго согласія истинною Христовою церковію; не выходя изъ предѣловъ историческаго наблюденія, мы укажемъ только на то обстоятельство, что сами учредители бѣлокриницкой іерархіи невольно выражали сомнѣніе относительно правильности учиненнаго надъ Амвросіемъ чинопріятія. Инокъ Павелъ и его сотрудники по учрежденію іерархіи употребляли усиленные старанія, чтобы устроить пріятіе Амвросія по третьему чину, и этимъ самымъ засвидѣтельствовали, что впоследствии совершенное надъ нимъ пріятіе по второму чину было дѣйствіемъ неправильнымъ; сдѣланныя же затѣмъ попытки оправдать это незаконное дѣйствіе, допущенное по нуждѣ, или точнѣе въ угоду укоренившемуся среди поповцевъ обычаю перемазанства, лишены всякаго значенія и даже нѣкоторыми изъ самихъ старообрядцевъ пріемлющихъ священство, признаны неудовлетворительными; противъ возраженія сихъ послѣднихъ не сильно было защитить это чинопріятіе само „столповое“ 8 правило перваго вселенскаго собора, которому безъ всякаго успѣха иннокъ Павелъ привелъ еще на помощь не относящееся къ дѣлу 95 правило шестаго вселенскаго собора и никому неизвѣстное свидѣтельство патріарха Никифора. Мы прибавимъ еще, что 8 правило перваго вселенскаго собора и вообще къ старообрядческому чинопріятію священныхъ лицъ въ сущемъ ихъ санѣ (хотя бы оно совершаемо было и не по второму чину) приложенія не имѣетъ: ибо правило сіе, по самому даже толкованію его, столь любимому старообрядцами, подчиняетъ принимаемаго отъ ереси, въ сущемъ его санѣ, пресвитера или епископа мѣстному православно поставленному епископу, или, вообще, православному чиноначалію, такъ что не иначе можетъ онъ занять пресвитерскую, или епископскую должность, какъ по назначенію

и устроению православнаго епископства¹⁾. Гдѣ же у старообрядцевъ это епископство, которымъ утверждаемы были въ существѣ ихъ санѣ приходившіе къ нимъ іереи и утверждены въ епископскомъ санѣ принятый ими Авросій?

7) Придуманная Павломъ, на софизмахъ основанная, теорія преподанія совершительной благодати на священнодѣйствіе приходящимъ отъ ереси священнымъ лицамъ, даже архіерейскаго чина, чрезъ самое дѣйствіе чинопріятія, совершаемое надъ ними пріемлющимъ ихъ бѣгствующимъ іереемъ, представляетъ очевидное противорѣчіе основнымъ догматическимъ и каноническимъ понятіямъ о таинствахъ вообще, и таинствѣ хиротоніи в частности²⁾. Притомъ же эта теорія и самихъ старообрядцевъ, на ней утверждающихся, должна привести къ такимъ заключеніямъ о происхожденіи нынѣ существующей у нихъ іерархіи, какихъ они, безъ

1) Вотъ что между прочимъ говорится въ 8 правилѣ: „поставленный отъ чистыхъ епископъ, или яко пресвитеръ да имать честь, или, *аще хощеть града того епископъ*, да вдасть ему нѣгдѣ въ селѣ епископію“; и въ толкованіи: „*аще будетъ годъ града епископу, да повелитъ* (поставленному отъ чистыхъ) епископомъ нарицатися, епископскаго же дѣла никакоже прикасатися; аще ли же *хощеть*, да въ селѣ нѣгдѣ *устроитъ* его епископа.“ (Кормч. л. 53 и 36).

2) Приведенные Павломъ въ оправданіе его теоріи примѣры преподобныхъ Саввы и Θεодосія, якобы принявшихъ отъ ереси Севяровой Іоанна патріарха іерусалимскаго, и преподобнаго Максима Исповѣдника, якобы принявшаго отъ ереси Моноелитской цареградскаго патріарха Пирра, не могутъ имѣть никакого отношенія къ раскольническому чинопріятію, уже потому одному, что, какъ знаютъ и сами старообрядцы, надъ упомянутыми патріархами пріятія чрезъ муропомазаніе, каковымъ присоединенъ у нихъ Амвросій, употреблено вовсе не было. При томъ же, что касается п. Іоанна, то не доказано еще, чтобы онъ и рукоположеніе архіерейское прінялъ отъ еретиковъ, а то несомнѣнно, что Савва и Θεодосій никакого чинопріятія надъ ними не совершали; Пирръ же патріархъ пріятъ былъ отъ ереси епископами, а не Максимомъ, убѣжденіямъ котораго только обязанъ своимъ обращеніемъ отъ ереси. Въ болѣе подробное разсмотрѣніе сихъ двухъ примѣровъ мы считаемъ излишнимъ входить между прочимъ потому, что они, въ ихъ отношеніи къ раскольническому чинопріятію отъ церкви приходившихъ священныхъ лицъ, обстоятельно разсмотрѣны уже и православными (въ новыхъ съ особенною основательностію митр. Григоріемъ въ книгѣ: *Истинно древняя Христова церковь*, изд. 4, ч. 1, стр. 271—281) и безповескими (въ *Щитѣ* наприм.) писателями.

сомнѣнія, принять не согласятся. Если, по теоріи Павла, совершительную благодать архіерейства, т. е. самую благодатную силу и власть на преподаніе священства другимъ чрезъ рукоположеніе, или поставленіе на священныя степени, Амвросій получилъ отъ совершившаго надъ нимъ чинопріятіе священноинюка Иеронима, Иеронимъ же получилъ благодать священства отъ мануиловскаго священника Алексѣя, а этотъ послѣдній получилъ утвержденіе на священнодѣйствія въ лужковской сектѣ: то источникомъ, откуда беретъ свое начало ихъ нынѣшняя іерархія, старообрядцамъ слѣдуетъ признать ими самими отвергаемую и презираемую лужковскую секту, или лужковское священство, далѣе котораго нить преемственности въ ихъ іерархіи продолжаема быть не можетъ, такъ какъ священство это есть въ буквальномъ смыслѣ самостоятельное, или самочинное, ибо основаніе ему положено небывалымъ дотогѣ способомъ, — чрезъ совершенное мірскимъ лицомъ принятіе въ секту бѣгствующаго отъ старообрядцевъ іерея въ сущемъ его санѣ. Старанія учредителей и защитниковъ Бѣлокриницкой іерархії выставить Иеронима получившимъ чинопріятіе отъ московскаго священноинюка Иларія и этимъ отстранить, между прочимъ, подозрѣнія относительно соблазнительной связи ихъ нынѣшней іерархії съ священствомъ лужковскимъ, только подтверждаютъ справедливость такого подозрѣнія и потому уже не имѣютъ силы, что Иларій принялъ Иеронима только на исповѣдь, пріятіе же отъ ереси по второму чину совершилъ надъ нимъ (если только совершалъ дѣйствительно) попъ Алексѣй. Итакъ подчинившимся Бѣлокриницкой іерархії старообрядцамъ приходится дѣлать выборъ между двумя, одинаково не удобными для нихъ крайностями: или, по теоріи Павла, признать существующее у нихъ архіерейство ведущимъ свое источникъ начало изъ бѣгствующаго священства, и притомъ лужковскаго, — или, отвергнувъ эту теорію, признать его начало въ архіерействѣ церкви греко-восточной, которое однакоже они считаютъ еретическимъ и благодатной силы архіерейства не имущимъ.

8) Будучи не законно принять старообрядцами въ званіи верховнаго ихъ пастыря, и самъ Амвросій долженъ былъ

противозаконно поступить въ важнѣйшемъ изъ своихъ архіерейскихъ дѣйствій въ Бѣлой-Криницѣ: первый поставленный имъ старообрядческій епископъ, вопреки основному апостольскому правилу, многократно подтвержденному соборами, рукоположенъ имъ единолично. Такимъ образомъ два существеннѣйшіе акта, которыми положено начало и обезпечено продолженіе нынѣшней старообрядческой іерархіи—принятіе Амвросія и поставленіе Кирилла были совершены съ явнымъ нарушеніемъ церковныхъ канонѡвъ, соблюденія которыхъ, во всей ихъ буквальной точности, сами же старообрядцы требуютъ такъ громко, мнимое несоблюденіе ихъ въ церкви грекороссійской поставляя въ величайшую вину сей послѣдней. Инокъ Павелъ и другіе защитники Бѣлокриницкой іерархіи одноличное поставленіе Кирилла въ епископы думаютъ извинить „нужными обстоятельствами“ и оправдать „сбывшимися во святыхъ отцахъ“ примѣрами отступленія отъ всеобдержныхъ правилъ, — „благословными случаями“. Оправданіе такого рода еще можно было бы допустить, согласно имѣющимъ въ виду примѣрамъ, для кокой-либо частной церкви въ области церкви вселенской; старообрядцы же никакъ не должны допускать его относительно своей, глаголемой „древлеправославной“ церкви, по ихъ мнѣнію, единой истинной во всемъ христіанскомъ мірѣ (т. е. вселенской), ибо въ такой церкви допустить господство случайныхъ обстоятельствъ и невозможность употребленія въ полной ихъ силѣ правилъ всеобдержныхъ, значило бы признать, несомнѣстную съ понятіемъ о церкви вселенской, ея недостаточность, несовершенство, одолѣнность виѣшними обстоятельствами. Или церковь старообрядческая, такъ охотно прибѣгающая подъ защиту „благословныхъ случаевъ“, есть церковь частная?—Но гдѣ же тогда укажутъ старообрядцы вселенскую церковь, часть которой она составляетъ?

Вообще, въ своихъ планахъ относительно учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи перѣдко предлагая старообрядцамъ руководствоваться примѣрами случайныхъ обстоятельствъ и дѣйствительно ими руководствуясь, иннокъ Павелъ этимъ самымъ какъ бы невольнѡ выразилъ сознаніе въ недоста-

точности и неправильности учрежденной его трудами раскольнической іерархіи. Еще откровеннѣе въ этомъ отношеніи былъ другъ и наставникъ Павла, справедливо пользовавшійся большимъ уваженіемъ у старообрядцевъ за свой умъ и начитанность, Аркадій славскій. Мы уже приводили его отзывъ объ Амвросіѣ и о всей отъ Амвросія начавшейся іерархіи, — и здѣсь повторимъ его опять. „Церковь наша (писалъ онъ) *вся на случайныхъ обстоятельствахъ и вратахъ не имать*, т. е. обдержныя правила празднуютъ... Если по обдержнымъ правиламъ повѣрять всѣхъ (нашихъ) святителей достоинства, то затворите церкви всѣ... Разсмотримъ *самый корень*—Амвросія: *не вратами* (вошелъ онъ), но тѣсною и съ великою нуждою“. Если же по сознанію самихъ старообрядцевъ, и притомъ разсудительнѣйшихъ между ними, и Амвросій и вслѣдъ за нимъ всѣ ихъ архипастыри и пастыри, вошли въ званіе и во власть пастырства *не вратами*, не по правиламъ: то подлежатъ они и суду, произнесенному надъ такими пришельцами самимъ Основателемъ и Главою церкви: *не входй дверми* (вратами) *во дворъ овчій, но прелазя инудь, той тать есть и разбойникъ; а входй дверми* (вотъ кто) *пастыръ, есть овцамъ* (Іоан. гл. 10, стр. 2).

Вытекающее изъ вышеизложенныхъ положеній, вмѣстѣ взятыхъ, общее заключеніе о достоинствѣ нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи ясно само собою: возникшая вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ и при посредствѣ разнаго рода обмановъ и хитростей, получившая свое начало отъ епископа, самоотчуждившаго себя отъ подчиненія законной церковной власти, разорвавшего іерархическую связь съ православною вселенскою церковію, вступившаго въ общество канонически отлученное; и за то подлежаващаго изверженію изъ сава, по понятію же самихъ старообрядцевъ совершительную благодать хиротоніи архіерейской якобы пріившаго чрезъ ихъ „бѣгствующее“ священство, и, наконецъ, продолженная лицомъ получившимъ архіерейское поставленіе съ явнымъ нарушеніемъ церковныхъ каноновъ, — іерархія сія противорѣчитъ основнымъ понятіямъ объ истинной богоучрежденной іерархіи въ церкви Христовой, преемственно отъ Апостоловъ и самого Христа чрезъ непрерыв-

ный рядъ епископства ведущей свое начало, въ томъ же непрерывномъ преемствѣ епископства долженствующей имѣть „непрестающее“ существованіе, и въ своемъ существованіи неуклонно руководящейся отъ самого Христа, Его Апостоловъ и преемниковъ апостольскихъ преданными догматами и законоположеніями; а потому іерархія сія не есть іерархія истинная, законная, Христопреданная и Богоучрежденная, или Богомъ насажденная. Вѣрно же и всякаго пріятія достойно слово, изреченное Единороднымъ Сыномъ Божиимъ, отъ Отца низпосланнымъ на землю для основанія святой своей церкви: *всякъ садъ, еликоже не насади Отецъ мой небесный, изкоренится.* (Мат. гл. 15, стр. 13).

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Стран.	Стр.	
5	7	сн. сочинителя
6	18	св. себя
7	20	св. постоянная
14	3	сн. умѣли
17	24	св. соглашеніе,
18	14	— странствія.
24	14	— Анеимъ.
—	17	сн. высшій
26	5	— и
27	5	— Малдавіи
29	6	св. приключеній
30	19	— должествовало
31	16	сн. наконецъ
—	4	— Епифаній
—	3	— коломенскій
36	3	св. предпочтительно
41	3	— архіеревъ
—	5	— производившіеся
44	14	— церкви
45	1	сн. ятр.
56	19	— ой стыря
—	4	— при надлежавшихъ
57	8	— изложилъ
59	2	— Живноописаніи
60	3	сн. представлено
62	5	— сознаваемыхъ
63	9	— Среднепреображенскомъ
64	3	св. надобно
65	7	— ни когда

Должно быть:

сочинителемъ
себя
настоятельная
имѣли
соглашеніе
странствія?
Анеимъ.
высшей
и
Молдавіи
приключеній
долженствовало
наконецъ
Епифаній
коломенскій
предпочтительно
архіеревъ
производившіяся
церкви
стр.
монастыря
принадлежавшихъ
изложилъ
Живноописаніи
предоставлено
сознаваемомъ
Верхнепреображенскомъ
надобно
никогда

Напечатано:

Должно быть:

Стр. Стр.

66	15	сн.	каждой удобной и неудобной	каждый удобный и неудобный
69	18	св.	старообрядчества	старообрядчества
70	13	сн.	поповщины	поповщины
71	7	св.	всѣхъ	всѣхъ
—	1	сн.	помышлять	помышлять
78	11	—	долгъ	домъ
82	15	—	ко которыми	которыми
89	20	св.	внтіеваго	внтіеватаго
—	23	—	должо	должно
90	14	сн.	какимъ	какимъ
94	11	св.	отстоять	отстоять
104	13	—	новопостриженному,	новопостриженному.
116	20	—	ссмействамъ	семействамъ
121	4	сн.	октабра	октября
124	15	—	подданными	подданными
129	2	св.	раздѣленный	раздѣленный
132	13	—	Бѣлокриницкій	Бѣлокриницкій
135	16	—	липованы	липоване
136	6	—	глубой	глубокой
137	8	—	около	около
143	12	сн.	ни гдѣ	нигдѣ
146	12	—	липоване опять,	липоване, опять.
154	3	св.	мандаторъ	мандаторъ
162	5	сн.	Червонцы	Черновцы
167	7	—	самыхъ	самихъ
173	17	св.	панъ	панъ
—	20	—	121	* 131
175	5	—	яже	яже
178	9	—	нихъ	нихъ
183	3	—	дарованный	дарованный
184	8	—	господствовавшего	господствовавшего
—	16	—	служить	служить
—	13	сн.	тулоповъ	тулоповъ
198	7	св.	подчиниться	подчиниться
217	3	—	gesetzwidrig	gesetzwürdig
220	11	св.	Вопросъ кому	Вопросъ, кому
—	17	сн.	общественныхъ	общественныхъ
222	14	св.	никогда	никогда
224	10	—	не про	не

Напечатано:

Стран.	Стр.	
227	9 св.	богослуженіе значить;
235	11 —	ахирейства
240	8 св.	способо-
241	17 —	сущеттвованіе
243	13 св.	разслѣдовать
—	8 св.	казался
249	17 св.	избранника
252	17 —	прибо въръ
257	15 св.	наслѣдованіе
264	20 св.	депуттаты
278	10 —	начали
281	10 —	безпрекословно
293	16 св.	отрытаго
—	6 св.	радостію,
309	20 —	третьего
312	6 св.	Бахлуемъ
315	6 —	впрочемъ
—	5 св.	Сармійѣ
317	21 св.	нихъ
321	13 —	древнеправославными
—	14 св.	со
325	4 св.	выиѣшнее
—	19 —	Донаскѣ
329	4 св.	поставлена
336	4 св.	волью
—	9 св.	еовершенно
340	13 св.	мѣстимыхъ
357	20 —	дѣло
358	3 св.	онъ
—	14 —	патріархомъ
359	3 —	церковныя
366	19 —	притомъ
—	20 —	было
367	2 —	Амвросій
368	20 —	свидѣтельства
374	3 св.	ѵбо отаку
376	7 —	средиземнаго
384	19 св.	начальству
390	19 —	прожилъ
393	18 —	наисильнѣйше

Должно быть:

богослуженіе; значить
архіерейства
спо-
существованіе
разслѣдовать
казался
избранника
приборъ въ
наслѣдованіе
депуттаты
начали
безпрекословно.
отрытаго
радостію.
третьяго
Бахлуемъ
впрочемъ
Сармійѣ
нихъ
древлеправославными
съ
ныиѣшнее
Донаскѣ.
поставлена
волью
совершенно
безмѣстимыхъ
дѣло
но
патріархомъ
церковныя
притомъ
было
Амвросій
свидѣтельства
ѵбо отаку
Средиземнаго
начальству
прожилъ
наисильнѣйше

Напечатано:

Стран.	Стр.	
398	2	— архіеремъ
403	5	св. мѣстомъ Авросіева
411	1	св. самого
412	1	св. 1848
413	13	— народъ
—	18	— предворяя
414	8	св. искалъ
416	17	св. поля
419	21	— Іоанна
—	22	— ζηατεοορατωρ
424	10	св. хиротописаніи
477	10	св. старообрядчество
428	17	св. иѣвется.
432	13	— непременно
—	11	— своихъ
436	6	— особенно
440	16	— уничтожилъ
443	2	— старообрядцы
446	20	— происходившимъ
432	4	св. Амросія
463	10	св. окрова
481	16	св. встрѣтятся
486	17	— Кирилла

Должно быть:

архіереимъ
мѣсто Амвросіева
самого
1846
„народъ
предваряя
искалъ
поля
Іоанна
ζηατεοορατωρ
хиротописаніи
старообрядчество
иѣвется“.
непретанно
въ своихъ
особенно
уничтожилъ
старообрядцы
происходившемъ
Амвросія
Покрова
встрѣтятся.
Амвросія